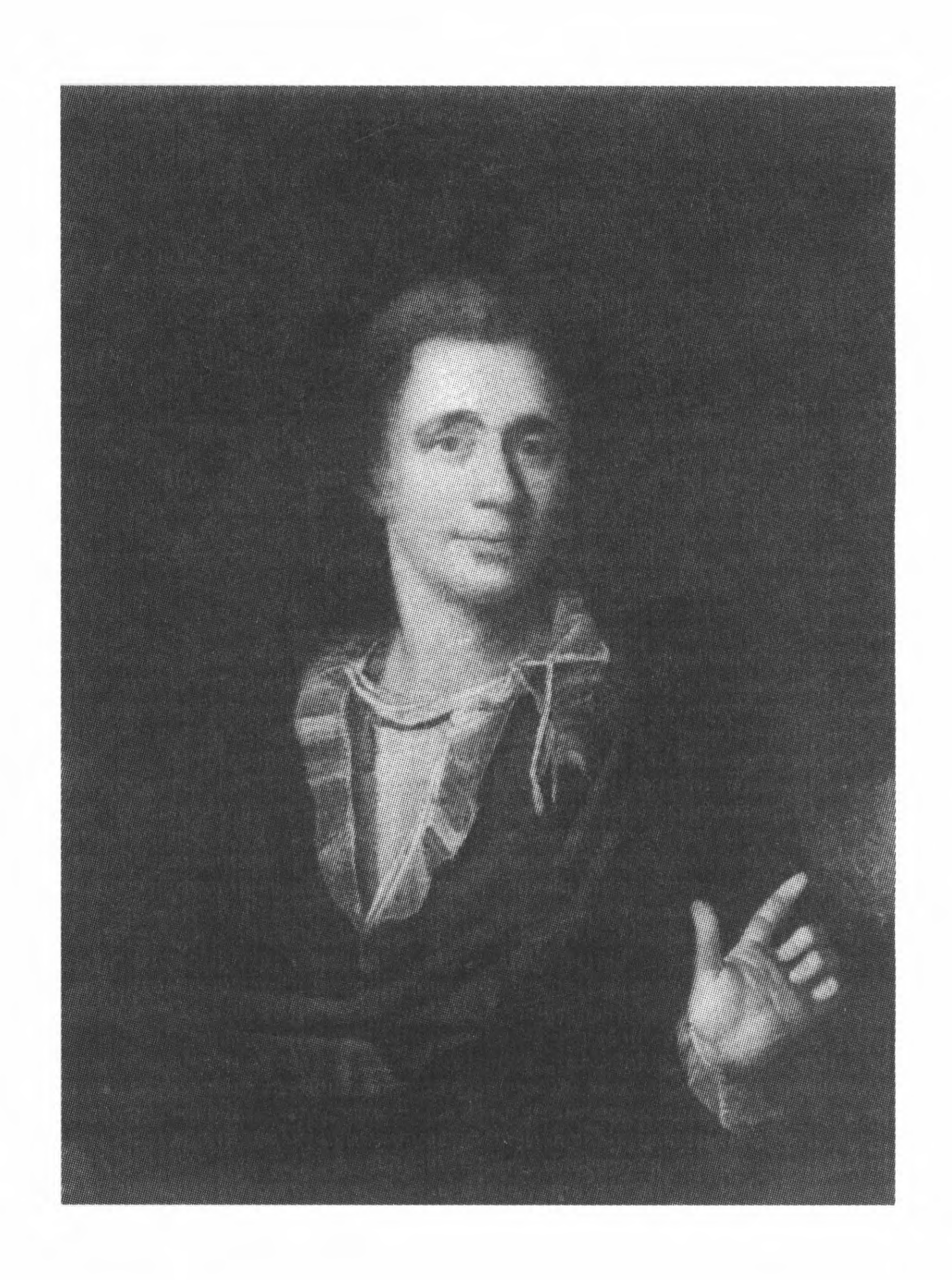
Мир художника

Письма
Пояснения к проектам
Свидетельства современников
Биографические документы

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БАЖЕНОВ

**ВАСИЛИЙ
ИВАНОВИЧ
БАЖЕНОВ**

Мир художника

Письма

Пояснения к проектам

Свидетельства современников

Биографические документы

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БАЖЕНОВ

Москва
Издательский дом
«Искусство»
2001

УДК 72
ББК 85.113(2)1
Б 16

Составление,
вступительная статья
и примечания

Ю.Я.ГЕРЧУКА

По программе
государственной поддержки
культуры и искусства
издание получило грант
Президента Российской Федерации

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 00-04-16054д

ISBN 5-85200-325-5

ВВЕДЕНИЕ

1.

Имя Василия Ивановича Баженова едва ли не самое популярное и громкое в истории русской архитектуры и в то же время одно из самых дискуссионных и загадочных. До сих пор чрезвычайно ограничен круг его достоверных произведений (в то время как приписываемых ему, большей частью без достаточных оснований, напротив, необычайно много). Споры об авторстве таких значительных памятников, как дом Пашкова или Михайловский замок, окончательно не разрешены и временами вспыхивают вновь. Неизвестно назначение ряда сохранившихся проектов; среди них один из крупнейших — так называемый «Смольный институт». Сбивчивы и противоречивы попытки стилистических определений его творчества. Еще меньше, чем творчество, известна нам личность Баженова. Титул «великого русского архитектора» сослужил в этом случае плохую службу. Вместо реального портрета авторы многочисленных биографий, большей частью значительно беллетризированных, конструировали обычно эффектный, но поверхностный образ не понятого своей эпохой «прогрессивного» деятеля, сознательно противостоящего официальной культуре и подвергающегося за это жестоким гонениям и нападкам. Мелодраматическая фигура «великого неудачника» заслонила реального Баженова — человека гораздо более сложного, далеко не однозначно соотнесенного с художественным и общественным сознанием своего времени.

Восстановить «мир художника» с максимально доступной сегодня полнотой и подлинностью — такова задача предлагаемого читателю сборника баженовских документов. Задача, думается, особенно актуальная по отношению именно к этому окруженному легендами и домыслами имени. А сам жанр строго документального издания создает для ее решения наиболее благоприятные условия.

Но достаточно ли для этого имеющихся в нашем распоряжении подлинных материалов?

Как уже видит читатель, взявший в руки этот том, их собрано немало. Но, к сожалению, обширный круг выявленных доныне бумаг в основном ограничен официальным бытием архитектора: его учебой и службой, долгами и судебными тяжбами. Его личный архив не найден и, видимо, не сохранился. И потому здесь почти нет ни дружеской и семейной переписки, ни дневников или каких-то иных записей Василия Ивановича. Не дошла до нас, за немногими случайными исключениями, и его переписка с частными заказчиками, которая могла бы существенно расширить круг достоверных работ архитектора. Наконец, нет и источников мемуарных — в том круге, к которому принадлежал Баженов, они еще были редкостью.

И все-таки восстановить живой образ Баженова и по этим исключительно деловым документам оказывается, в общем, возможно. Его яркая эмоциональность окрашивает и официальные бумаги, в которых личность пишущего бывает обыкновенно скрыта. Она прорывается сквозь чопорные формы письменного этикета эпохи. Тревоги и мечты архитектора, самооценки и творческие замыслы фиксируются порой даже в самых сухих по своему предмету текстах. Этот страстный темперамент плохо вписывался в рамки бюрократического делопроизводства, то и дело нарушая их, вызывая порой сдержанные отповеди блюстителей деловой субординации.

В служебных записках Баженова «деловое» трудно отделить от «личного». С другой стороны, написанное им самим не во всех случаях отличимо от текстов, составлявшихся его сотрудниками. Так, ряд важных бумаг, составленных от имени архитектора, а иногда им подписанных, в оригинале написаны почерком Ф.В.Каржавина — помощника и дру-

га Баженова. По всей видимости, им они и сочинены. Об этом говорит их характерный стиль, а также и сама роль этого человека в баженовском окружении. Баженова в этих случаях можно считать лишь соавтором. В иных же каржавинских рукописях на архитектурные темы предполагавшееся иногда авторство Баженова ничем не подтверждено. Не была единоличным сочинением архитектора и его знаменитая речь при закладке Кремлевского дворца, не случайно попавшая в Собрание сочинений А.П.Сумарокова. Писатель был, несомненно, автором ее политической и общеисторической части и, возможно, соавтором или редактором части собственно архитектурной.

При отсутствии мемуаров особую ценность представляют немногочисленные письма современников, не только документирующие отдельные работы Баженова, но порой очень живо передающие его поведение и речь. Таковы письма П.Демидова — заказчика, а потом злейшего врага архитектора. И буквально в мастерскую Баженова вводят нас замечательные письма М.Махаева, посредничавшего между ним и одним из его заказчиков — ярославским помещиком Тишининым.

И все-таки основной массив публикуемых материалов составляют деловые бумаги. Поэтому оказалось нецелесообразным формировать разделы книги по авторству и по типам документов. Они группируются здесь по основным этапам жизни и деятельности архитектора, в связи с историей отдельных его произведений. В особые группы выделены материалы имущественного и семейного характера; документы об учениках и сотрудниках Баженова и о его педагогических методах, наконец, о его отношении к строительным материалам и технике.

Ряд документов, включенных в книгу, уже публиковался прежде, полностью или в отрывках. Такие тексты, по возможности, уточнены и дополнены по подлинникам. Уточнены и старые переводы иноязычных текстов. Но многие материалы печатаются здесь впервые. Большинство из них исследователям прежде не были известны.

Стремясь к полноте и к цельности впечатления, составитель избегал купюр. В отрывках приводятся главным образом лишь те документы, где сведения о Баженове вкраплены в текст, не имеющий в целом отношения к нашей теме. Наконец, многочисленные побочные материалы (главным образом делопроизводство строительных, административных, судебных учреждений), не включенные в основной текст, широко использованы для составления комментариев, дат жизни Баженова, вступительной статьи. Таким образом, настоящее издание представляет собой наиболее полную сводку известных на сегодняшний день документальных материалов о Баженове.

2.

Как бы ни разрешились споры о месте рождения Баженова (в Москве или в Калужской губернии), мы знаем теперь, что он рос с самых ранних лет именно в Москве, в тесном и шумном окружении громадного и еще во многом средневекового по своему быту и облику города. Баженовы сперва жили подле Молчановки, а затем, видимо, на Романовом дворе, близ Никитской, населенном кремлевскими церковнослужителями, какими были и отец архитектора, псаломщик, и его дед по матери — священник. И можно думать, что уже самые ранние впечатления восприимчивого, художественно одаренного мальчика были связаны с Кремлем, с декоративным богатством дворцовой и церковной архитектуры прошлых веков, с ее изразцовым нарядом и тускнеющей позолотой, с пространственной сложностью дворцовых построек, столетиями громоздящихся то рядом, то друг на друге. В Воскресенском соборе, высоко вознесенном на Верхоспасской площадке, рядом с самым нарядным Теремным дворцом, служил его дед, Никита Афанасьевич, а под той же крышей, в соседней Иоанно-Предтеченской церкви — отец. И в Страстном монастыре, куда отдали подросшего мальчика, чтобы он «исправлял пение и чтение церковное», он был тесно окружен образами архитектуры и живописи XVII века. «Я всех святых из церкви переносил мыслями под переходы на стены и делал их своею композициею, за что меня заставали и секали часто», — вспоминал Баженов.

Он начинал свой путь типичным выходцем из московской бедноты, из среды низших церковников, состоянием и бытом связанных с городскими низами. Художественный мир этой среды, по-своему развитой и богатый, строился на бессознательных скрещениях древнерусской и фольклорной традиций с влияниями новейшей «регулярной»

культуры. Воплощался он преимущественно в городском ремесле, охотно усваивающем новшества, но переваривающем их, не без доли наивности, в своем народном котле. К этому миру принадлежал, без сомнения, и первый учитель Баженова, согласившийся взять его к себе «христа ради» (т.е. бесплатно), — безымянный для нас живописец, который «писывал вместо правой руки или ноги левую».

Теснейшее соприкосновение юноши Баженова с одним из самых впечатляющих произведений примитивного искусства того времени произошло несколько лет спустя, когда ему вместе с двумя товарищами поручили зарисовать Шумаевский крест — громадную многофигурную композицию Голгофы. Она была изготовлена под руководством и на средства старика литейщика Григория Шумаева. Крест этот «за куриозную (т.е. удивительную. — *Ю.Г.*) вещь в то время почитался», и о его сохранении, окончании отделки и установке заботилась московская контора Сената. Он, значит, производил тогда впечатление и на людей искушенных, во всяком случае — принадлежащих к «верхней», дворянской, культуре. Между тем, это был уникальный и удивительный сплав пластических традиций Древней Руси (особенно в фигуре распятого Христа) с барочной пластикой новейших иконостасов, а в мелких бесчисленных фигурках — с чисто народной традицией рыночной игрушки и бродячего кукольного театрика-вертепа.

Старомосковские корни Баженова определили его любовь к родному городу со всей его декоративной пестротой, планировочными и архитектурными «неправильностями», столь чуждыми, казалось бы, вкусу европейски образованного архитектора-классициста. Она воплотилась впоследствии в том удивительном синтезе средневековых и классических начал, живописности и порядка, какой он осуществил в Царицыне.

Тем не менее, выход его в «большое» искусство, подъем к профессиональным высотам неизбежно требовал в послепетровское время преодоления этой народной стихии, решительного с ней разрыва и приобщения к общеевропейской художественной культуре.

С профессиональным миром «высокого» дворцового искусства барокко Баженов соприкоснулся еще до встречи с Шумаевским крестом, когда осенью 1753 года для спешного восстановления сгоревшего царского деревянного дворца на Яузе были собраны все имевшиеся в Москве архитектурные и художественные силы. Руководили строительством Д. Ухтомский и А. Евлашев, консультировал В. Растрелли. Живописными работами распоряжался один из старейших художников, надзиратель Оружейной палаты И. Адольский (а Баженов тогда выступал еще в качестве живописца). Кроме того, росписями в дворцовой церкви и иконами для нее занимался И. Вишняков с учениками.

Разумеется, работы, которые выполнял на этой стройке молодой живописец второго (среднего по мастерству) класса Василий Иванов — так именовался Баженов в документах этого времени, — были чисто исполнительские: роспись обойного холста, разрисовка печей под мрамор. Однако на него уже обратили внимание ведущие московские художники. «Я стал учиться живописному у лутчих мастеров», — говорит он. И после окончания стройки его оставили «вольным», т.е. не зачисленным в штат, живописцем при команде Ухтомского.

Можно думать, что строительство Головинского дворца, открывшее Баженову путь к настоящему художественному образованию, повлияло и на выбор им профессии архитектора. Громадное нарядное здание, воздвигшееся на пожарище как в сказке — за месяц с небольшим, должно было произвести на него неизгладимое впечатление. К Ухтомскому он пришел живописцем, но очень скоро объявит о своем желании учиться архитектуре. И быть может не случайно, вопреки действительному положению дела, он значится в исповедной ведомости 1754 года «архитектурским учеником».

Окончив зарисовку креста — одно из поручений Ухтомского, — Баженов оказался вскоре учеником только что открытой гимназии при Московском университете. Обстоятельства и причины этой перемены в его судьбе не ясны. Вероятно, она с самого начала была связана с намерением И. Шувалова, куратора университета, учредить при нем также Академию художеств. Во всяком случае, не проучившись и года, Баженов был вызван вместе с несколькими молодыми людьми к Шувалову в Петербург, поселен в его доме и отдан в обучение в Академию наук к архитектору С.Чевакинскому. Одновременно он изучал французский язык в академической гимназии.

Два года в мастерской Чевакинского — начальный этап архитектурного образования Баженова. Он изучает арифметику, геометрию и тригонометрию, чертит ордера с гра-

вюр из немецкого издания Виньолы, переходит от них к планам и фасадам. А летом, в строительный сезон, изучает и «практику», то есть строительные работы, на лесах главного создания его учителя — Никольского Военно-Морского собора. Там летом 1756 года выкладывались трибуны глав, а в 1757-м строилась колокольня. Кроме Чевакинского наставником Баженова был здесь, вероятно, его главный помощник — заархитектор М. Башмаков, в молодости — петровский пенсионер, большой специалист по каменным работам.

«Потом Академия художеств мною первым началась», — не без гордости утверждал Баженов. Не ясно, почему он считал именно себя первым среди академистов. Достоверно лишь, что он был в числе сорока учеников, начавших заниматься в Академии, основанной сенатским указом в ноябре 1757 года, старшим по возрасту, а в мае 1758 года получил на экзамене первое место и по успехам.

Начало Академии было скромным. Не было еще специального помещения, педагогов, пособий. В феврале 1758 года Академия наук прислала, по требованию Шувалова, в дом его (где, видимо, и происходили занятия) скульпторов М. Павлова и П. Столетова — обучать рисунку «Московского университета учеников»*, т.е. академистов (во времена Шувалова основанная в Петербурге Академия художеств еще числилась состоящей при Московском университете). Источники называют и другое (возможно, уже второе по времени) помещение Академии — у церкви Вознесения, находившейся подле пересечения Вознесенского проспекта с Екатерининским каналом [проспекта Майорова и канала Грибоедова]. Лишь в начале 1759 года Академия поместилась в купленном для нее доме на набережной Невы, между 3-й и 4-й линиями Васильевского острова.

Академисты содержались на казенный счет и жили вместе, в доме Академии. Обучение их, по тогдашнему обыкновению, начиналось с копирования «оригиналов», т.е. гравюр и рисунков. Но эти начальные уроки двадцатилетний Баженов, видимо, уже перерос. Еще у Чевакинского он, по словам Каржавина, «сам учился и учил других рисовать», в том числе и своего младшего товарища И. Старова. Можно думать, что и в Академии художеств он стал в первое время, до начала систематического обучения архитектуре, не столько воспитанником, сколько помощником преподавателей. Вероятно, он получал за это и жалованье — по 100 рублей по третям года в 1758 году (впрочем, нет уверенности, что встречающаяся в расходных книгах Академии фамилия Баженов означает именно его)**.

Архитектурный класс в Академии получил начало осенью 1758 года с приходом А.Ф. Кокоринова. Годом позже приехал из Франции Ж.-Б.Валлен Деламот. О самом же характере обучения в эти ранние годы Академии ничего конкретного неизвестно. Можно лишь предполагать, что ученикам прививали здесь уже несколько иной, более строгий вкус, чем в мастерской Чевакинского. Кокоринов, по утверждению Я. Штелина, отличался счастливым использованием «новейших итальянских и французских архитектурных приемов высмотренных из гравюр»***. А Валлен Деламот, близкий родственник известной архитектурной семьи Блонделей, был и сам носителем этих новейших тенденций французского классицизма.

Один из сохранившихся проектов Баженова — «Триумфальные врата» — мне представляется возможным предположительно связать с периодом академического обучения. Переходный, полубарочный характер этой пышной трехъярусной композиции кажется очевидным. Контрасты вогнутой в первом, выпуклой во втором и прямолинейной в третьем ярусе формы отдаленно напоминают виртуозную пластическую игру форм в колокольне Никольского собора. Но сами архитектурные элементы прорисованы лаконично и жестковато, лишены барочной пластичности и «ползучего», пересекающего конструктивные линии орнамента. Проект робок и местами неуклюж в пропорциях и деталях. Хрупки колонны, сближенные по две, но не сомкнутые в компактные пары. Нарушают классичность композиции полувыдвинутые из-за колонн пилястры по сторонам цент-

---

*Русская академическая художественная школа в XVIII веке. «Известия ГАИМК». Вып.123, М.-Л., 1934, с.17.

**Сборник материалов для истории Императорской С.Петербургской академии художеств за сто лет ее существования. Ч.1., Спб., 1864, с.22, 24.

***История русского искусства. T.VI. М., 1961, с.51.

ральных проемов. Неопределенно решено перетекающее примыкание округлых крыльев к основному зданию. Наконец, суховата и робка графическая техника чертежа.

Уже в начале 1760 года Кокоринов просит произвести Баженова «в архитектурные втораго класса в кондукторы» и по представлению Шувалова Сенат делает его «архитектурии помощником в ранге прапорщика». Тем самым ученичество было закончено, и осенью того же года Академия направляет молодого архитектора, вместе с живописцем Антоном Лосенко, в пенсионерскую поездку за границу.

Ехали они, видимо, морем, так как сухой путь на Запад был тогда перекрыт Семилетней войной: в том же сентябре 1760 года русские войска взяли Берлин. В Париже Баженов занимается в мастерской сравнительно молодого архитектора Ш.Де Вайи, ровесника и, очевидно, однокашника Деламота. По-видимому, Баженов не случайно оказался у этого еще мало известного тогда мастера, который был учеником Ж.-Ф.Блонделя-младшего, родственника Деламота. Архитекторы одного поколения и круга, они могли передавать ученикам общие представления и принципы. В эту же мастерскую будет вскоре, вслед за Баженовым, направлен из Петербурга И.Е.Старов. Даты пребывания Баженова у Де Вайи называет Каржавин: с мая 1761 по 15 октября 1762 года. Это значит, что Баженов поступил к нему не сразу после приезда, но о том, чем он был занят в первые полгода в Париже, никаких сведений нет.

Де Вайи произвел на своего русского ученика огромное впечатление и дал ему, видимо, очень много. Баженов впоследствии ставил его весьма высоко: «Мой же учитель, — писал он в 1768 году, — столько был там велик, что я до него во многом не мог дойти и поныне, а после него, кто б там ни был, всякий мне не страшен». В Риме, где он был в 50-х годах пенсионером Парижской академии архитектуры, Де Вайи рисовал и обмерял античные руины, но также и величественные создания Бернини. Это был блестящий рисовальщик и декоратор, мастер интерьера и педагог, имевший много учеников. Баженова подкупал, видимо, артистизм учителя, богатство и живость архитектурной фантазии, свойственные и ему самому, склонность к свободной и сложной пространственной игре архитектурных форм.

В Париже Баженов выполнил большой проект Дома инвалидов, который принес ему одобрение Королевской академии архитектуры, а в Петербурге, куда были отосланы исчезнувшие впоследствии чертежи, — звание адъюнкта, т.е. помощника профессора. Лишь недавно было установлено, что эта работа не могла быть связана с попыткой Баженова участвовать в конкурсе на Римскую премию, как считалось прежде, на основании не совсем ясных свидетельств современников*. Тем не менее, Баженов явно выполнял какую-то итоговую учебную программу, возможно, заданную Де Вайи. Тема, очевидно, была подсказана величественным парижским ансамблем XVII века. Проект включал в себя отдельный объем церкви, а также триумфальные ворота и носил, несомненно, парадный характер, но ничего более конкретного о его составе, планировке и оформлении мы не знаем.

Существует лишь один чертеж, позволяющий, по-видимому, судить о характере баженовского творчества в эти годы, — разрез вестибюля с парадной лестницей неизвестного здания, хранящийся в Париже, в библиотеке Арсенала. Несколько архаичные формы с явными отголосками стиля барокко заставляют относить его к достаточно раннему, скорее всего — именно парижскому периоду. Во всяком случае этот лист (в отличие от трех других, находящихся в той же коллекции) нельзя отнести к проекту Кремлевского дворца. Его стилистика представляется существенно иной, а масштаб двухъярусного ордера заметно мельче кремлевского. От известных вариантов кремлевской парадной лестницы проект слишком далек. Более того, анализ пространственного построения чертежа заставляет предположить в нем скорее свободную фантазию, чем строгий проект. Едва ли возможно восстановить по этому листу убедительный план. Сложная расстановка колонн в группах не прочитывается однозначно, а несколько небрежно врисованное в разрез перспективное построение пространства еще более условно. Между тем, идея парадной лестницы, пропущенной сквозь ротонду из ионических колонн, предвосхищает известный мотив зрелых работ архитектора.

**Татаринова Н.М.* Новые материалы к творческим биографиям В.И.Баженова и И.Е.Старова. — Труды АХ СССР. Т.4. М., 1987.

Со слов Баженова известно, что его тогдашние композиции имели специфический успех у архитектурной молодежи: «Мои товарищи, французы молодые, у меня крадывали мои прожекты и жадностью их копировали». В словах этих обида характерным образом сплетена с похвальбой: крадут, значит, признают его превосходство. Впрочем, ничего злостного в этих «кражах», нужно думать, не было. Ведь само представление об авторстве как монопольном праве на творческую находку еще не очень было развито в эпоху классицизма, подчинявшего архитектуру единым и строгим правилам и общее ставившего выше индивидуального. Обостренное авторское самолюбие Баженова в этом смысле несколько опережало свою эпоху.

Осенью 1762 года начался второй этап его зарубежного пенсионерства — Академия перевела Баженова в Рим.

Наши сведения об итальянском периоде его жизни, о характере и направлении занятий, впечатлениях и связях в художественном мире Италии отрывочны и не складываются в достаточно цельную картину. По просьбе русского посла в Париже Д.А.Голицына директор королевских строений маркиз Мариньи рекомендовал Баженова директору Французской академии в Риме живописцу Ш.-Ж.Натуару. Можно думать, что Баженов, воспользовавшись этой очень авторитетной рекомендацией, остался и в Италии близким к кругу молодых французских мастеров — лауреатов Римской премии, изучавших здесь как древности, так и шедевры итальянских мастеров нового времени. Но одновременно он ищет связей и с местными архитекторами, с небогатой в тогдашней Италии строительной практикой: «В Риме единственно и во всей Италии был всегда на строениях». В его позднейших документах нередки ссылки на итальянский опыт в отношении строительных материалов и приемов. Мы не знаем, однако, ни имен итальянских мастеров, с которыми он был связан, ни построек, на которых бывал или работал.

Петербургское начальство рекомендовало своему пенсионеру «для лутчего вашего здесь ободрения стараться от знатнейших академий исходатайствовать на достоинства ваши дипломы». Исполняя это пожелание, Баженов вступил в Риме в члены Академии святого Луки — старинного общества художников — и получил от нее профессорский диплом.

Путешествуя по Италии, он становится также членом Академии рисунка во Флоренции и Клементинской академии в Болонье. Как и похвальные аттестаты парижских архитекторов, это свидетельствовало о признании его профессиональных возможностей и таланта. Но не следует, как это обычно делается, преувеличивать значение полученных им званий. Итальянские «академии» не были, подобно Петербургской или Парижской, высшими государственными учреждениями в области искусства, раздающими привилегии и звания только избранным и от имени верховной власти. Это слово сохраняло еще здесь свой первоначальный смысл: «общество людей, упражняющихся в распространении наук и художеств». Избирая в академики, итальянцы не причисляли молодого и еще ничего не построившего иностранца к кругу высших архитектурных авторитетов. Его лишь признавали равноправным профессионалом, что было не так уж мало. Впрочем, случай этот вовсе не был исключительным. В свое время то же звание получил в Риме учитель Баженова Валлен Деламот, позднее — еще некоторые пенсионеры Петербургской академии. Данное же Баженову профессорское звание означало всего лишь право преподавать архитектуру. Наконец, академия могла быть заинтересована и во вступительном взносе иностранца — Баженов внес «в церковь святого Луки при зделании профессором Римской академии... по обыкновению» 62 рубля, почти двухмесячное свое жалованье.

Проектировал ли он что-нибудь в Италии, неизвестно. Позднейшее сообщение П.Свиньина, что «доселе показывается в Риме как лучший проект, сделанный Баженовым для лестницы в Капитолий»*, остается сомнительным. Зато сохранилось несколько его итальянских рисунков. Два из них представляют собой фантазии на темы итальянской архитектуры — барочные дворцы с башнями и арками на фоне гористого пейзажа. Этот способ освоения архитектурного наследия, по-видимому, был для него характерен: не зарисовки (во всяком случае, ни одна из них до нас не дошла), а свободное фантазирование на основе своих архитектурных впечатлений. Баженова привлекает живопис-

---

**Свиньин П.П.* Картины России. Ч.1. СПб., 1839, с.83.

ность, пространственная сложность изображаемых им ансамблей. Он явно импровизирует, не заботясь о строгости перспективного построения, допуская ошибки: так, базы двух колонн на переднем плане одного из рисунков оказались в ином соотношении между собой, чем их капители.

Еще один лист, изображающий вакханалию, можно считать подобной же свободной фантазией на темы древнеримских горельефов. Наконец, две якобы античные композиции, приписываемые также Баженову, требуют, на мой взгляд, дополнительного изучения: их темы, датировка, да и сама принадлежность мастеру должны быть еще установлены. К «Вакханалии» примыкает по теме и единственный сохранившийся офорт Баженова «Пляшущая вакханка», также выполненный в 1764 году в Риме.

В Италии отношения пенсионера с его Академией осложнились. После парижских успехов он счел не соответствующим его достоинству данное ему звание адъюнкта, и Кокоринов уговаривал его в письме, что Академия «не ожидает адъюнктом, а надежна вас получить профессором в архитектуре». Более существенными были денежные дела. Пенсионерского жалованья, хотя и несколько повышенного, ему недоставало. К тому же оно запаздывало, и Баженов бедствовал, занимая деньги у случайных знакомых или прося письменно спешной помощи у русского посла в Париже. В это же время покровительствовавшего Баженову И.И.Шувалова сменил во главе Академии И.И.Бецкий, человек гораздо более отчужденно официальный и притом недоброжелательный к питомцам Шувалова и к академическим порядкам прошлого, елизаветинского, времени. И он устанавливал с пенсионером совсем иной тон отношений, чем принятый при отставленном Екатериной II Шувалове.

Весной 1764 года Баженову было предписано оставить Рим и употребить оставшиеся полгода на осмотр итальянских городов. К его жалованью добавили 200 рублей в год «на книги, эстампы и прочее», но особых денег на поездки не выделили. Чума и голод помешали ему поехать на юг, в Неаполь и увидеть раскопки Помпеи — главную археологическую сенсацию XVIII века. Он объехал Центральную и Северную Италию, подвергался нападению разбойников — вполне обыденное в тогдашней Италии происшествие. И из Венеции, вновь не получив там ожидаемых денег на дорогу домой, вернулся в Париж.

От этого времени и дошли до нас его первые письма, становится слышен живой голос архитектора, рассказывающего о своих итальянских злоключениях, жалующегося на то, что он брошен Академией без денег, один на чужбине. Он продает вещи, закладывает сундук с накопленными за границей книгами, который так и не сумел выкупить. Неопределенность в ожидании отъезда принуждает его тратить время зря, мешает занятиям. Впрочем, он позднее писал, что посещал «некоторые классы, нужные мне к архитектуре». И к этому же времени следует отнести два его датированные 1764 годом фантастических интерьера — в классическом и в готическом стиле, возможно, эскизы театральных декораций.

Особенно интересен готический интерьер. Конечно, это совсем не та «готика», которую Баженов десятилетием позже начнет строить в Царицыне. Фантазия навеяна скорее всего впечатлениями от больших французских соборов, где грандиозность сочетается с ажурной легкостью архитектурных форм. Мы видим обширное пространство, расчлененное по горизонтали и вертикали, но объединенное сквозными арками, лестницами, ажурными переплетами круглых окон. Это дух готики, каким он рисовался воображению классициста — упорядоченный, но по-театральному декоративный.

Лишь в конце марта 1765 года Академия художеств попросила посла, снабдив Баженова необходимым, отправить его в Петербург «на первых кораблях». Готовилось преобразование Академии и торжественное введение в силу ее нового устава. Баженов потребовался для участия в этой церемонии. Его спутником «в корабельном горохоядении» оказался учившийся до того в Париже Ф.В.Каржавин, ставший с этих пор ближайшим другом, некоторое время — сотрудником, а впоследствии — первым биографом архитектора.

20 июня 1765 года, вскоре после приезда в Петербург, Баженов получил от Академии художеств звание академика, одновременно с Г.Козловым, Ф.Рокотовым, К.Головачевским и И.Саблуковым. Но в отличие от них — лишь условно. Он должен был подтвердить это звание проектом, выполненным по заданной ему программе.

Требовалось спроектировать небольшой «увеселительный дом» с флигелями и службами, с английским садом и зверинцем, иначе говоря, загородный малый дворец, в петербургском пригороде Екатерингофе.

Программа, подписанная Кокориновым и Деламотом, осталась для нас первым теоретическим документом русского архитектурного классицизма, четко и ярко формулирующим его основные требования. Баженов должен был проявить «новой и еще не употребляемой вкус в величавой простоте, сохраняя красоту, спокойствие и выгодность (т.е. удобство и экономность. — *Ю.Г.*), наблюдая, дабы как в наружных, так и во внутренних уборах красота с пользою были нераздельны».

Можно думать, что архитектору оказалась весьма кстати эта возможность проявить себя в представительном, эффектном проекте, показать богатство своей архитектурной фантазии, владение и пластическими средствами и символическим языком нового стиля. Он свободно отнесся к детально разработанному заданию, предложив сложную композицию плана дворца в форме вписанного в круг «андреевского ордена» (т.е. косого креста). Основание здания он «вздумал... представить развалинами древнего Дианина храма», а вместо флигелей изобразил «амфитеатр, имеющий вид древности». Еще свежие впечатления античных руин, порой надстроенных позднейшими зданиями, воспроизводятся как бы документально. Единство новой и старой архитектуры демонстрируется не только наглядно, но и символически: современная опирается на древнюю, как на свое основание. Другой вариант, без руин, не менее символичен. Колонны амфитеатра несут статуи с гербами всех русских городов, царский дом выступает образом целой страны. Классицизм предстает сразу у Баженова как искусство программное, идейно насыщенное, способное непосредственно и конкретно воплощать актуальное содержание. Ансамбль насыщен скульптурой, разумеется программной, аллегорической, оживлен водой, не только текущей в каналах, но и пропущенной сквозь искусственную руину, «отломленные части архитектуры». (Примером подобного включения в архитектуру текущей воды может служить также баженовский проект фонтана, сохранившийся, по-видимому, в довольно неуклюжей копии. Не датированный, он, видимо, относится к тому же раннему периоду его творчества.) Игровой, едва ли не фантастический характер Екатерингофского ансамбля подчеркнут. Однако и эту вполне условную программу на академическое звание архитектор ощущает как реальное задание и доводит разработку проекта до технических подробностей осушения территории и разбивки сада.

Екатерингофские чертежи не сохранились, и все, что мы знаем о проекте, извлечено из пояснительной записки Баженова — первого из известных его профессиональных, архитектурных текстов. Но записка эта интересна не только своим архитектурным содержанием. В эмоциональном отношении она знаменует начало творческого и духовного подъема мастера. Уверенность в себе, чувство внутренней свободы, радость владения профессиональным мастерством проявились в объяснениях 27-летнего архитектора как нигде более. Даже кремлевская стройка с ее грандиозной программой и уже действующей мощной проектно-строительной организацией не породит баженовских документов, проникнутых такой ясностью духа, смелостью фантазии и верой в себя. Баженов не скрывает вольного обращения с программой: «предписанную мне сему дому четвероугольную фигуру переменил я на круглую». Он подчеркивает свою самостоятельность в выборе пропорций: «во многих же местах пропорции данные мною по моему усмотрению». Смело распоряжается архитектор обширными пространствами земли и воды, преобразует их, подчиняя стройному замыслу. В его пояснениях чувствуются энергия и воля.

По-видимому, Баженов, возвращаясь из-за рубежа, надеялся на академическую карьеру. Какое-то время его отношения с Академией художеств остаются довольно тесными. Он выполнил два листа, изображающие фасад Академии, декорированный к празднику инавгурации (не ясно, участвовал ли он сам в ее оформлении или лишь изобразил декорацию, сделанную кем-то другим). Листы эти не сохранились. В сентябре 1765 года в залах Академии демонстрировались привезенные им из-за границы работы. Одновременно с программой на звание академика вернувшемуся без денег архитектору была выдана ссуда в 200 рублей «на необходимые его нужды». Деньги эти вместе со стоимостью сшитого к инавгурации парадного мундира Академия взыскивала с него впоследствии. Баженов бесплодно протестовал, считая, что, напротив, Академия задолжала ему часть заграничного жалованья.

Звание академика само по себе не давало ни должности, ни денег. Обещанного же ему прежде звания профессора Баженов не получил. Приходилось искать службу и заработок в других местах. Каржавин впоследствии нарочито драматизировал ситуацию, утверждая, что «Баженов искал работы на воле по Петербургу, но целой год ее не находил». Ближе к истине современные событиям сообщения М.Махаева о том, что Баженов «особыми высочайшими повелениями был отягощен», что он «в знаемости у больших самых бояр, больше как у их сиятельств» и даже сам Григорий Орлов, фаворит императрицы, приезжал к нему торопить с какой-то работой. По Махаеву, Баженов был весной 1766 года на жалованьи у наследника престола — малолетнего тогда Павла, которому делает «большие чертежи» для Каменного острова, подаренного сыну императрицей, и служил на жалованьи же архитектором Кадетского корпуса, получая вместе более тысячи рублей в год.

Значительная часть этих сведений подтверждается другими источниками. Так, при Кадетском корпусе Баженов работал до осени того же года, когда ему было «по неимению при том дела отказано». В «команде» его состоял ученик И.Левенгаген (впоследствии ярославский губернский архитектор), которого Баженов рекомендовал произвести в помощники*. О работе для наследника сообщает дневник С.И.Порошина: 1 октября 1765 года Баженов обедает у Павла, и Н.И.Панин — гофмейстер при наследнике — посылает его вместе с князем П.В.Хованским, членом Конторы строений императорских дворцов и садов, на Каменный остров «осмотреть вместе, как бы там зачать строение»**. Из писем Махаева ясно, что проект Каменноостровского дворца был выполнен за зиму 1765—1766 годов. Однако строительство, по-видимому, начато не было, а чертежи, как принято считать, не сохранились.

Мне представляется, однако, возможным предположительно связать с этим замыслом так называемый «проект Смольного института», подлинное назначение и дата которого уже давно стали предметом дискуссии. Отсутствие генерального плана не позволяет судить о расположении здания на местности, и попытки привязать его к какому-либо конкретному заданию до сих пор не были убедительными. Во всяком случае, это не может быть проект Московского университета, выполненный в 1780 году, как предполагал Г.И.Гунькин***. На дворцовый характер здания убедительно указывал еще Г.Г.Гримм****. Но главное, стилистически этот проект явно предшествует кремлевскому (с которым его многое связывает), и он представляет собой более полное воплощение черт именно раннего, 60-х годов, классицизма французского типа. Государственное же назначение дворца подтверждается замеченным Г.И.Гунькиным изображением государственного герба над въездом.

Таким образом, против Каменного острова говорит лишь поистине царский размах громадного здания. Наследнику, будущему Павлу I, было в 1765 году одиннадцать лет. Однако Баженов мог думать о дворце не для ребенка, а для будущего государя громадной империи и с этим соразмерять его масштабы. И не потому ли чересчур грандиозный проект остался неосуществленным? Так или иначе, перед нами первый из сохранившихся больших проектов Баженова. Отсюда перейдут в Кремль, с необходимыми изменениями масштаба и ритма, широкий размах растянутых крыльев дворца, мощь его центрального ризалита и пологая вогнутость противоположного фасада, наконец, сильное членение здания по горизонтали, на две почти равные по высоте и пластической активности части — рустованный двухэтажный цоколь и ордерный двухсветный парадный этаж. Образный мир раннего классицизма получил в этом проекте одно из своих высших в русской архитектуре воплощений. Конструктивная четкость форм и линий, сдержанность декора артистически соединены с богатством сложного ритма и сильной пластикой фасада, играющего креповками карниза, выпуклостями и вогнутостями в углах центрального ризалита. Эта сложная креповка спаренных коринфских колонн делает ритмику здания гораздо более прихотливой, чем в строже решенных массивах колоссального кремлевского про-

---

*РГИА, ф.467, оп.2, д.112-б, л.365.

***Порошин С.А.* Семена Порошина записки... Спб., 1844, с.442.

****Гунькин Г.И.* Новые сведения о Баженове. — Сообщения института истории искусств, вып.4—5, М., 1954, с.97—106.

*****Гримм Г.Г.* Жизнь и творчество В.И.Баженова. — Архитектура Ленинграда, 1937, № 2, с.34.

екта. Вынесенные перед цоколем декоративные скульптуры на низких подиумах обогащают пластическую игру фасада, не нарушая строгости архитектурных форм.

Три арки открывают экипажам въезд в сквозные галереи, расширяющиеся у внутренних подъездов в восьмигранные колонные залы. В парадном этаже система круглых овальных и прямоугольных помещений связана в анфилады, главная из которых объединяет полтора десятка комнат — от окна до окна на торцевых фасадах здания. В нее включен и диагонально поставленный квадрат центрального зала и круглая парадная лестница. Благодаря сложному плану здания, эта анфилада освещена частью с левой, а частью — с правой стороны, так что ее бесконечная длина не должна была казаться монотонной.

Неизвестно, что делал Баженов для Г.Г.Орлова. Это мог быть какой-то первоначальный проект гатчинского дворца, строившегося, однако, по проекту Ринальди, или перестройка городского дома на Мойке (первоначально — дом Штегельмана), сохранившего раннеклассический фасад, однако без ясных признаков авторской руки. В конце 1766 года генерал-фельдцейхмейстер (т.е. командующий артиллерией и фортификацией) Г.Г.Орлов принимает Баженова на службу в свое ведомство с чином артиллерии капитана.

Из частных заказов, выполнявшихся Баженовым в это время, у нас есть конкретные сведения лишь об одной, сравнительно небольшой работе для усадьбы Тихвино-Никольское помещика Н.И.Тишинина. Усадьба находилась на Волге, ниже Рыбной Слободы (впоследствии город Рыбинск). Баженов там не бывал. Посредником и комиссионером заказчика выступал в Петербурге художник М.И.Махаев, привлекший архитектора к этой работе. Сохранившиеся письма Махаева к Тишинину, как источник наших сведений о Баженове в середине 60-х годов, особенно драгоценны. Он предстает в них вне обычных рамок служебного этикета, в общении с коллегой-художником и через него — с далеким заказчиком. В письмах отражены его разговоры, приводятся реплики, вырисовывается, наконец, и сам характер проекта.

Относился он не к главному усадебному дому (его иногда приписывают Баженову), а к некоему «намеренному в саду строению». В середине довольно большого здания (около 30 сажен) архитектор поместил грот с куполом на восьмигранном барабане и с «обмоклыми», т.е. офактуренными, покрытыми натеками колоннами. Стены же делались «все гладки, без пилястр, настоящий итальянский манер, только украса около окошек». Об этой «скромности вкуса итальянского», который «изволит жаловать наша всемилостивейшая государыня», Махаев твердит настойчиво, как об особом достоинстве проекта. Очевидно, строгие виллы Палладио (упомянутого с почтением в Екатерингофской записке) являются в эти годы для Баженова одним из важных стилевых ориентиров. Сейчас в Тихвине-Никольском нет отвечающей этому описанию постройки с куполом, «обмоклыми» колоннами и т.п. Но может быть, ее остатком следует считать существующий длинный флигель, соседствующий с усадебным домом. Сохранность его не такова, чтобы это можно было утверждать без специального исследования.

Еще одним сооружением усадьбы, к созданию которого имел отношение Баженов, были деревянные триумфальные ворота для встречи императрицы, собиравшейся путешествовать по Волге (она действительно посетила усадьбу летом следующего года). Об их облике говорит лишь крошечный набросок Махаева в одном из писем. К сочинению самих ворот и украшающих их аллегорий Махаев привлекал еще нескольких столичных специалистов.

В работах для Тишинина участвовал и помощник Баженова. Им был, как показывает сопоставление нескольких документов, Михаил Удесов — соученик архитектора по команде Чевакинского и Академии. Как и Левенгагена, Баженов рекомендовал Удесова, числившегося тогда учеником при Канцелярии от строений, к производству в архитекторские помощники. Но получив это повышение, ученик вскоре поссорился с архитектором и вернулся «в команду».

Неизвестно, какие обязанности были возложены на Баженова его службой в артиллерийском ведомстве. Во всяком случае, он здесь не мог успеть многого. Принятый в начале декабря, он через полтора месяца получил распоряжение сопровождать Орлова в Москву, куда на весь 1767 год переезжал двор, а вместе с ним — многие государственные учреждения.

Уже в Москве императрица подписала принесенный ей Орловым капитанский патент Баженову. По-видимому, тогда же архитектор был ей представлен и выполнял с тех

пор ее собственные поручения. В конце марта Екатерина распорядилась пропускать его в кремлевские погреба и нижние покои под дворцом. Обследование Кремля, которое Баженов продолжит и в следующем году, несомненно, было подготовкой к его реконструкции. Летом или осенью 1767 года архитектор беседовал с императрицей в Коломенском и получил от нее уже конкретные указания, в частности, о планировке предполагаемого здания Коллегий. А к концу года он уже представляет первые планы перестройки «в малом виде».

Запущенный, обветшалый Кремль действительно нуждался в обновлении. Царский дворец с его бесчисленными пристройками и надстройками был в таком состоянии, что в иные помещения нижних служебных этажей попросту нельзя было проникнуть: все там сгнило, обвалилось, заросло мусором. Однако причиной наконец-то предпринятой коренной реконструкции Кремля были, видимо, политические планы императрицы, в которых в тот момент важная роль отводилась древней столице. Сам приезд Екатерины в 1767 году в Москву был связан с предстоящим открытием здесь, в кремлевской Грановитой палате, заседаний Комиссии для составления нового уложения. Новым законам предстояло родиться на почве, освященной вековыми традициями государственной власти, выйти из-под тех же сводов, под которыми столетием раньше создавалось «Соборное уложение» царя Алексея Михайловича.

Между тем состояние и облик Кремля в целом совершенно не отвечали его возрождающемуся государственному значению. Его средневековая планировка, беспорядочная и «неправильная», на взгляд образованных людей второй половины XVIII века, тесная и асимметричная застройка, тоже лишенная видимого порядка, противоречили духу времени и достоинству просвещенной империи.

В соответствии с этим первоначальной задачей Баженова было не строительство дворца, а именно регулирование. Об этом говорит самый ранний из его дошедших до нас кремлевских планов. Этот не датированный набросок, хранящийся в Музее Академии художеств, можно, по всей видимости, датировать весной-летом 1767 года.

Идея этого плана — внесение в пространственную структуру Кремля «правильности» и симметрии, организация внутри него системы обширных четко геометрически очерченных пространств, связанных сетью симметрично расходящихся из нескольких точек коротких улиц, которые образуют между собой углы в 60°. От Боровицких ворот Баженов протягивает по бровке Кремлевского холма, параллельно реке, прямой проспект, отрезающий южный выступ старого дворца с Набережными садами и неровную цепочку примыкающих один к другому приказов XVII века. Весь южный склон к реке расчищается, а оставшаяся застроенной основная часть Кремля получает почти правильную форму равностороннего треугольника. Соборная площадь, прежде замкнутая, раскрывается к югу, к Замоскворечью, а на месте Ивановской, вместе со всем почти юго-восточным углом Кремля, архитектор намечает колоссальную круглую площадь. Через центр ее проходит улица к Троицким воротам, пополам делящая пространство нового Кремля, и другие, образующие между собой равные углы, осевые улицы. Симметрия всей планировки относительно Троицких ворот подчеркнута тем, что симметрично Арсеналу возводится вдоль стены между Троицкими и Боровицкими воротами трапециевидное здание, по-видимому, уже тогда предназначавшееся для Коллегий. От ромбической, остроугольной площади Троицких ворот, по линиям скошенных торцов Арсенала и новых Коллегий, две короткие улицы прорезают кварталы старинных зданий.

Построенный на треугольниках, на системе острых углов, этот план должен был придать пространству Кремля динамизм и напряженную выразительность. Его узловые точки позволяли охватить одним взглядом несколько уводящих вдаль направлений, и большинство этих видов эффектно замыкались в глубине шатрами кремлевских башен или главами древних церквей.

Между тем, математической строгости этой схемы и размаху проектируемых пространств пришлось бы пожертвовать не только Набережными садами и зданиями Приказов. «Зарезается» окружностью главной площади древний собор Чудова монастыря, а Иван Великий со звонницей нарушают чистоту ее пространства, оказываясь внутри круга, как и старинная церковь Николы Гостунского. Часть этих недостатков Баженов сумеет преодолеть при дальнейшей разработке плана.

Следующий этап проектирования представлен небольшим чертежом, озаглавлен-

ным «План Кремля по программу. Первая идея архитектора». Таким образом, между первым и вторым этапами Баженов получил от императрицы некую программу, которую он будет выполнять в дальнейшем. Суть ее, как видно из самого проекта, была в том, что задача регулирования совмещалась с сооружением в Кремле громадного нового дворца. Поскольку дворец упоминается впервые в документах начала 1768 года, этот чертеж можно отнести скорее всего к рубежу 1767—1768 годов.

Колоссальный дворец вытягивается во всю длину южного, речного, фасада Кремля. Он ставится на откосе холма и, конечно, вновь замыкает открывавшийся предыдущим проектом вид извне на Соборную площадь с Грановитой палатой и соборами. Этим решением, уничтожающим якобы исконно открытый облик древнего Кремля, Баженова не раз попрекали позднейшие авторы. Но такой упрек основан на недоразумении. Открытый к югу кремлевский ансамбль сложился лишь после сноса Баженовым сплошной цепи старых зданий, венчавших южный откос. А людям середины XVIII века было еще привычно воспринимать Кремль как зрительно замкнутую часть городского пространства.

Чтобы правильно оценить спустя два века с лишком грандиозный баженовский замысел, не следует предъявлять архитектору претензии, основанные на чуждых его эпохе представлениях о художественных ценностях прошлого и о характере преобразуемого им городского района. Нужно представить себе Кремль, каким он действительно был тогда — не целостным парадным ансамблем, но лишь одной из частей города, ветхой, беспорядочно и тесно застроенной разномасштабными зданиями. В западном его углу разрушающийся, давно уже не жилой царский дворец — не единое здание, а конгломерат разновременных построек. В центре — две площади с древними святынями, а вокруг них — монастыри с их хозяйственными дворами, подворья, шереметевская усадьба, наконец, целая жилая слободка кремлевских церковнослужителей. С юга же от реки Соборная и Ивановская площади были заслонены неровной стеной канцелярских зданий XVII века — «приказов». Их разномасштабную и асимметричную цепь Баженов заменил «регулярным» фасадом со смело выдвинутыми вперед, по откосу к реке, крыльями. Пологие скругления, связывающие крылья с центром, напоминают план так называемого «Смольного». Можно думать, что немало общего с ним было и в неизвестных нам фасадах этого варианта. Ведь многие черты сходства с тем ранним проектом сохраняют и последующие варианты кремлевского дворца, а сперва близость могла быть значительно большей.

Как говорят баженовские документы начала 1768 года, вероятно отвечающие по времени этому варианту, дворец проектировался четырехэтажным. Два нижние этажа, представляющие собой мощный цоколь, поднимались от уровня, совпадающего с верхом Кремлевской стены, до уровня внутренних площадей. Из-за крутизны холма этот цоколь с северной стороны должен был оказаться значительно более низким, чем на открытом заречным далям южном фасаде, а все здание изнутри Кремля соответствовать более камерным масштабам внутрикремлевских сооружений и пространств. Впрочем, Баженов, не имея еще промеров склона, не мог сказать, получат ли нижние этажи свет не только с юга, но и с севера. На плане же здание вплотную придвинуто к Архангельскому и Благовещенскому соборам, так что третий этаж, соответствовавший уровню площади, должен был и стоять прямо на ней.

Внутри Кремля Баженов уточнил и усложнил планировку предыдущего варианта. Огромная круглая площадь превратилась в овальную, обширную, но все же значительно меньших размеров, уже не захватывающую в себя ни столп Ивана Великого, ни собор Чудова монастыря. В западном углу Кремля намечена полукруглая замкнутая площадь, поглотившая внутренний двор старого дворца. В обстройке этих площадей крылья дворца продолжаются и дополняются какими-то еще новыми зданиями, формирующими регулярное городское пространство. Родившийся из идеи регулирования, баженовский дворец оказывается не изолированным строением, но частью слитной системы сооружений, в совокупности охватывающей весь Кремль и заключающей в себя его древние памятники. Старому и новому предстояло слиться в теснейшем, необычайном для классицизма взаимодействии. Версальский размах величественнейшей царской резиденции образует архитектурную раму для исторических, религиозных и художественных реликвий русского прошлого. Но эти святыни и древности, оставаясь сами по себе неприкосновенными, тоже подвергаются регулированию: у них нет больше своего, ими организуемого про-

странства. Они должны войти в новый тотальный порядок, получить в нем свое место: стать частью этого порядка, а не того «беспорядка», каким представлялся старый Кремль классицистическому сознанию.

Развивая первоначальный набросок регулирования территории Кремля, Баженов изменяет размеры и форму двух площадей, намеченных на оси Арсенала, уточняет направление улиц, связывающих новые площади между собой и с кремлевскими воротами. Все это, тем не менее, только «первая идея архитектора», которой предстоит пройти несколько стадий разработки до окончательного варианта проекта.

Осенью 1768 года началась деятельность основанной для сооружения дворца Экспедиции. Она поместилась в самом Кремле, в Потешном дворце. Здесь же поселился Баженов и расположилась его чертежная.

С началом делопроизводства в Экспедиции вся подготовка и начальные этапы самого строительства оказываются чрезвычайно подробно документированными, так что можно проследить жизнь стройки буквально день за днем. Среди прочего сохранилось и множество собственноручных или подписанных Баженовым документов: от принципиальных, устанавливающих задачи и методы всей работы, до частных или и вовсе незначительных, вроде требований на какие-либо материалы и инструменты. С 1773 года эти «представления» архитектора сменятся записанными в экспедиционные «журналы» его устными заявлениями. По просьбе Баженова он был включен тогда в состав Экспедиции специально для сокращения изматывавшей его канцелярской переписки. Разумеется, к таким записям тоже следует относиться как к баженовским подлинным документам. Обилие кремлевских материалов и их неравноценность заставляют публиковать их лишь выборочно. Иначе существо публикации утонуло бы в повседневных мелочах строительного быта.

Но как ни обильны документы кремлевской стройки, сам ход проектирования дворца оказывается документированным недостаточно. Это был внутренний, скрытый в недрах баженовской чертежной процесс, отражавшийся в бумагах лишь эпизодически, главным образом в момент, когда какие-то его результаты представлялись на утверждение царице. А сама проектная графика уцелела, по-видимому, далеко не полностью. Она к тому же разрознена, и ряд важных чертежей лишь недавно был выявлен и стал доступен исследователям — листы в собрании Государственных музеев Московского Кремля, а также показанные на выставке «Россия — Франция. Век Просвещения» чертежи из Библиотеки Арсенала в Париже.

Сопоставление всех ныне известных чертежей Кремлевского ансамбля показывает, что его проектирование было сложным и непрерывным многолетним процессом. Недаром Баженов так настойчиво добивался права вносить дальнейшие изменения в уже утвержденные варианты.

Подробный сравнительный анализ этих чертежей вместе с двумя вариантами модели дворца мог бы быть предметом специального исследования, глубоко проникающего в характер архитектурного мышления Баженова и раскрывающего свойственные ему методы проектирования. Но пока можно представить здесь только самую общую схему развития идеи дворца.

До нас не дошли чертежи, разрабатывавшиеся Баженовым на рубеже 1767—1768 годов «в малом виде», и мы о них ничего определенного не знаем. За ними последовал наиболее полно сохранившийся проект конца 1768 года, утвержденный императрицей в январе 1769 года. В нем и планировка Кремля и архитектура дворца предстают уже весьма подробно разработанными и в целом близкими к окончательным вариантам.

Дворец отодвинулся от соборов, обернувшись своей вогнутостью внутрь Кремля. К реке же выступает могучий центральный ризалит со скругленными углами. Широкими дугами скруглены и крылья самого дворца, обнимающие слева полукруглую, а справа — овальную площади. Центр южного фасада, спустившийся с откоса вниз к реке, переступает линию Кремлевской стены, которая с этой стороны тем самым обрекалась на снос (в «Первой идее» стена еще не была затронута).

На этом этапе проектирования мы впервые встречаемся не только с генеральным планом нового Кремля, но и с внешней архитектурой дворца (южный фасад и разрез по овальной площади), а также с его внутренней планировкой. Как уже сказано, архитектуру фасада многие черты сближают с проектом «Смольного института». Мощный цоколь,

высотой в два этажа, занимающий почти половину высоты здания, обработанный крупным горизонтальным рустом, несет на себе приставные колонны, объединяющие два верхних парадных этажа. На этот раз Баженов применил ионический, «нежный», по его определению, ордер, но общее впечатление от здания оказывается, тем не менее, более суровым и строгим, чем в «Смольном». Этому способствует колоссальный размах дворца, упругая пластика скруглений, простой ритм не сдвоенных, как там, колонн, и сама длина этой колоннады более чем из пятидесяти каннелированных колонн, обходящей скругленные углы центрального ризалита и тянущейся к крыльям здания. На крыльях же ее отголосками возникают несколько четырех- и восьмиколонных портиков.

Подобная колоннада, более чем из сотни колонн, обходит и овальную площадь. Поставленные на том же уровне, что и на южном фасаде, колонны здесь, тем не менее, оказываются гораздо ближе к земле, ввиду большой разности уровней площади и набережной. Два цокольных этажа скрадены этим перепадом, опора колоннады — лишь три уступа обегающих площадь своеобразных трибун, подсказанных архитектору, несомненно, виденными им античными амфитеатрами. Таким образом, площадь предназначалась для каких-то торжеств с многочисленными зрителями (но, конечно же, не для собраний «народных представителей», как предполагали порой чересчур увлекающиеся авторы. Скорее стоит вспомнить, что в Кремле совершались такие, например, церемонии, как коронация).

В этом проекте уже подробно разработана внутренняя планировка всех этажей и особенно парадного третьего. В выступе северного фасада, между соборами и овальной площадью, Баженов поместил главный парадный вестибюль овальной формы, с лестницей, проходящей сквозь овальную в плане колоннаду. В следующем варианте это помещение станет круглым. В центре здания находится громадный многоколонный зал, занимающий всю длину центрального ризалита. К нему примыкают две более узкие галереи. Пространство зала усложнено конхами в обоих его торцах, сгущениями колонн в углах.

В 1769 году начинается и сооружение огромной модели дворца. Для этого был выстроен в Кремле, подле Арсенала, деревянный «модельный дом» с обширным восьмигранным залом для сборки модели, мастерскими, где работали и русские столяры, и специально выписанные из Петербурга «немецкие гезели» (подмастерья) под руководством столярного мастера И.Миллера и «замастера» И.Витмана. Кроме них участвуют в работе токарный мастер И.Вальберх и скульптурный И.Юст. Здесь же, в модельном доме, устроил для себя кабинет и архитектор.

Модель делалась тщательно и не быстро, постепенно возводилась, как настоящее здание. В ежемесячных рапортах императрице отмечается, до какого уровня поднялись ее стены. И в процессе ее изготовления отрабатываются детали планировки, внешней архитектуры дворца и его парадных интерьеров.

В январе 1770 года Баженов закончил еще один комплект планов дворца. В них уточнялось главным образом архитектурное решение интерьеров, и именно они легли, видимо, в основу не сохранившихся рабочих чертежей модели. Но кроме датированных чертежей 1769 и 1770 годов до нас дошло еще несколько не имеющих даты листов, показывающих различные варианты проекта. Так, на схематическом чертеже южного фасада (Париж, Библиотека Арсенала) мы видим попытку ордерного решения цокольного яруса дворца. Не совмещается с известными планами карандашный разрез по главному залу и его галереям (там же), не вполне ясно, к какой части здания относится разрез, хранящийся в Музее Академии художеств (Санкт-Петербург).

Наиболее ясное представление о дворце и особенно о его интерьерах дает все-таки, несмотря на ее далеко не полную сохранность, модель. Баженовские интерьеры, не только кремлевские, известны нам в лучшем случае по сохранившимся планам. Исключением являются лишь два упомянутые разреза и главным образом модель, сохранившая в очень тщательном исполнении и довольно крупном масштабе раскрашенные под цветной мрамор интерьеры главной лестницы и — в двух вариантах — парадной средней части дворца.

Экспедиция кремлевского строения, очень щедро вначале финансируемая царицей (уже с 1769 года ассигнования были сокращены вдвое из-за начавшейся турецкой войны), развернула обширную и многостороннюю деятельность. Душой этой деятельности, инициатором почти всех практических начинаний был Баженов. По его предложениям

заводятся около Москвы кирпичные заводы, заключаются контракты на поставку строительного камня и извести, расчищаются в Кремле и вокруг него места для хранения огромного количества этих материалов, приводится в порядок и укрепляется берег Москвы-реки, начинается в 1770 году разборка старых зданий.

Но весной 1771 года в работах наступил вынужденный перерыв. Начавшаяся в действующей армии эпидемия чумы добралась до Москвы. Указом императрицы предписано было в это время «ни старого не ломать, ни нового не начинать, отнюдь в Кремле копанием ничего не работать, доколе беспокойство сего приключения вовсе минуется не только в самом городе но и в околичных местах»*. Кто мог — спешил выбраться из зараженного города в деревни. Но Баженов остается у себя в Потешном дворце. Он в это время уже человек семейный: 13 июня 1768 года женился на купеческой дочери Аграфене Лукиничне Долговой. И едва ли не в самый драматический чумной год рождается у него старший сын Константин. В модельном доме столяры продолжали трудиться над моделью, которую было даже позволено летом 1771 года показывать любопытствующим. А Баженов, освобожденный свертыванием работ от многих хлопот, возвращается к проекту. Используя позволение императрицы увеличить на одну-две сажени вынос центрального ризалита, он выполняет теперь новый вариант парадного зала и связанных с ним помещений.

Новый зал выглядит просторнее и строже, более регулярным стало размещение колонн. Очень важно, что Баженов заменил в нем коринфский ордер ионическим: совершенно одинаковые по форме и масштабу колонны стоят теперь на одном уровне вдоль внутренних и наружных стен зала. Создается необычное единство внутренней и внешней архитектуры. Зал становится подобием крытой площади, а правильные, обведенные колоннадами площади кажутся гигантскими открытыми залами. Богаче стало и пространственное решение примыкающих к залу парадных помещений, появилась изящная пространственная игра смежных, но по-разному ориентированных овальных комнат. Наконец, изменения коснулись и фасада дворца. Еще мощнее стал цоколь, обработанный в этом варианте массивными бриллиантовыми рустами.

Эпидемия к осени 1771 года усилилась. Бороться с чумой умели тогда еще плохо. Боязнь карантинов, тяжесть непонятных народу санитарных мер, недоверие к врачам — в то время в большинстве иностранцам, неуклюжие действия государственных и церковных властей вызвали стихийный бунт в городе. 15 сентября толпа разгромила в Кремле Чудов монастырь, резиденцию ненавистного горожанам сурового архиепископа Амвросия. Бежавший в Донской монастырь Амвросий был там найден и убит. Баженова документы называют свидетелем бунта. Он был в это время в модельном доме, у самых стен Чудова монастыря. Конечно, он боялся гибели почти законченной гигантской модели. Но оборонять модельный дом, к счастью, не пришлось, его не тронули.

Конечно, и чума, и бунт, подавленный в следующие два дня военной силой, должны были глубоко поразить впечатлительного Баженова. Но единственным для нас отголоском его переживаний осталась краткая запись сна, показавшегося ему вещим и вернувшего архитектора в мир отдаленнейших детских воспоминаний, к той самой церкви Николы на Курьей ножке, подле которой прошли его ранние годы.

В те же дни, в ноябре 1771 года, Баженов выполнил сохранившийся небольшой проект, известный под условным названием «Церковь-памятник». Его назначение и заказчик неизвестны, но сама дата заставляет предполагать связь явно мемориального по своему характеру здания с трагическими событиями этой осени в Москве. Здесь впервые мы встречаемся у Баженова с архитектурой, несущей тему возвышенной, торжественной скорби.

Небольшое квадратное в плане сооружение поднято на высокий стилобат, прорезанный с четырех сторон широкими лестницами. Глухие стены усилены горизонтальной рустовкой, четырехколонные тосканские портики утоплены в неглубокие лоджии. Мощный дорический карниз обходит здание, а над ним возвышается ступенчатое завершение, примыкающее к остроконечной пирамиде — распространенному в XVIII веке символу славы и памяти. Лаконизм геометрически четких форм, делающих столь монументальным небольшое, в сущности, сооружение, заставляет вспомнить некоторые образы крупнейшего французского мастера в поколении Баженова — К.-Н.Леду.

*РГАДА, ф.1234, оп.3, д.29035, л.1.

Несмотря на фигуру ангела с крестом, венчающую пирамиду, это здание никак нельзя признать церковью или хотя бы часовней. Его абсолютная симметрия, открытые с четырех сторон входы, не оставляющие места ни для алтаря, ни даже для ниши с иконой, исключают подобное использование. Это именно здание-памятник, возможно мавзолей.

С эпидемией чумы связана еще одна, не дошедшая до нас работа Баженова: он строил деревянные церкви на вынесенных за город новых кладбищах. Церкви были впоследствии заменены каменными, их проекты или изображения не сохранились.

Возобновленные весной 1772 года работы в Кремле вели уже к началу строительства. Оно было отмечено двумя пышными церемониями: торжеством выемки первой земли под фундамент 9 августа 1772 года и закладкой здания 1 июля 1773-го. Оба раза по проектам Баженова сооружались сложные аллегорические декорации, сохранившиеся в подробных описаниях и в рисунках М.Ф.Казакова. Советчиком архитектора и автором стихотворных надписей к закладке был А.П.Сумароков, и он же составил произнесенную Баженовым речь. Как и все празднование, она носила политический характер и прославляла императрицу, главным образом как победительницу в турецкой войне. Но заключительный раздел этой речи посвящен архитектуре вообще и архитектуре московской в частности. Вне всякого сомнения, здесь выражены мнения и взгляды самого Баженова и именно его нужно считать основным автором архитектурной части этой речи.

Торжество закладки оказалось, можно сказать, высшей точкой кремлевского строительства, после которой последнее стало, сперва еще незаметно, клониться к отмене. Тем самым закладка была и высшим взлетом официальной архитектурной карьеры Баженова, высшим его торжеством. Порожденный в свое время определенной политической конъюнктурой гигантский замысел обновления Кремля должен был оказаться неуместным при ее изменении. А она изменялась быстрее, чем разворачивалось строительство. Неудача деятельности законодательной комиссии и чумной бунт в Москве изменили отношение императрицы к древней столице, определили нежелание возвышать ее в ущерб Петербургу. Практически новый дворец для царских приездов в Москву оставался нужным, но его незачем было делать столь грандиозным и многозначительно торжественным.

Тем же летом 1773 года архитектор-дилетант князь П.Макулов заложил новый дворец на Яузе, там, где в чумной год в очередной раз выгорел деревянный дворец Елизаветы. Кремлевское строительство этим не отменялось еще, но, видимо, теряло срочность и грозило растянуться очень надолго. Ассигнования, урезанные в годы войны, не были восстановлены по ее окончании. Да и отпуск положенных денег все более запаздывал, оттягивался, переходя с года на год.

Между тем, потребность в них резко возросла с началом реального строительства. Не только земляные, а затем каменные работы требовали затрат. Огромный котлован, вырытый у берега реки, пришлось ограждать от воды несколькими рядами сплошь набитых свай. Круто срезанный откос холма, над которым возвышались древние соборы, необходимо было укрепить мощными контрофорсами. Вынутая земля, материалы, мастерские кремлевского строительства заполняли окрестности Кремля, перехлестнули на другой берег Москвы-реки, на так называемый Царицын луг, который нужно было связать с Кремлем специальным временным мостом. Для размещения земли и материалов регулировались и укреплялись берега Москвы-реки и Неглинки. На само строительство денег уже недоставало.

Разворачивая работы, Баженов не прекращает и разработку проекта. Он вносит новые изменения в архитектуру зала (какие именно — установить пока не удается). В его мастерской разрабатываются шаблоны архитектурных деталей, лепятся капители и барельефы, пишутся эскизы будущих плафонов, сооружается модель стропил для перекрытия зала. В конце 1773 года разобранная на части модель дворца была отвезена в Петербург, на показ царице. В начале 1774 года последовало ее утверждение (во втором варианте) с незначительными дополнениями и поправками.

Тем временем значительная часть «команды» Баженова, включая его главных помощников — «заархитекторов» М.Ф.Казакова и В.Яковлева, была осенью 1774 года отвлечена для спешного устройства временного Пречистенского дворца к приезду императрицы в Москву. А весной 1775 года получает спешное задание и сам архитектор: он должен проектировать увеселительные павильоны для предстоящего празднования по-

бедоносного мира с Турцией. Надзор за работами он передает одному из оставшихся в Кремле помощников, Г.Хорькову.

И этой же весной возникает на стройке критическая ситуация, давшая Екатерине необходимый повод для отмены строительства. Откос Кремлевского холма, круто срезанный к котловану, оттаивая, оказался ненадежным. Сполз вниз подрытый фундамент разобранной Черниговской церкви, основанные на непрочном грунте массивные контрфорсы начали оседать, разрушая связывающие их арки. Стоявший над откосом древний Архангельский собор оказался в опасности.

Только один из специалистов, привлекавшихся к разрешению этой проблемы, вызванный из Петербурга инженер Герард, нашел, что необходимо немедленно засыпать котлован и восстановить над ним пологий откос холма. Остальные, как и сам Баженов, считали возможным продолжать стройку, указывая, что возводимый фундамент дворца сам станет надежной опорой подрытому склону. Но императрица утвердила мнение Герарда. Строительство было прекращено. Возражения Баженова, решительно отказавшегося участвовать в разрушении результатов своего труда, больше не принимались.

Колоссальное строительство в Кремле должно было оставлять архитектору совсем мало сил и времени для каких-либо параллельных, побочных работ. Тем не менее такие работы были. Одна из них носила официальный характер и была связана косвенно с самим кремлевским проектом. В снесенной в Кремле церкви Черниговских чудотворцев хранились мощи князя Михаила Черниговского. Их было решено перенести в Архангельский собор. Баженову было поручено сделать проект серебряной раки для мощей, который сохранился (Музей Академии художеств). По его чертежам делались не сохранившаяся модель гробницы и утраченная впоследствии чеканная работа. Богатство и строгость перевитой гирляндами рамы для образа святого перекликается с отделкой интерьеров парадных помещений дворца.

Двумя годами позже, проектируя мраморные сени над гробницами первых московских митрополитов в Успенском соборе, Баженов уже ищет соответствия эпохе и интерьеру собора в своеобразных «готических» формах, насыщенных свободно переработанными мотивами древнерусской декоративной архитектуры, а отчасти и мотивами стиля барокко.

В апреле 1770 года в приписке к деловому письму Баженов напоминал Г.Н.Теплову «о программе вашего дома», по-видимому, в связи с заказом проекта. Но был ли такой проект выполнен и тем более осуществлен — не известно. Петербургский дом Теплова находился подле Аничкова моста. Но кроме него Теплов построил в 70-х годах загородный дом в Полюстрове, возле Охты, на земле, пожалованной ему Екатериной II. Законченный в 1777 году, дом этот был в «три этажа, с двумя круглыми башнями по сторонам и с двумя балконами в среднем этаже»*. Высказывалось довольно вероятное предположение, что автором этого проекта мог быть Баженов. Но дом был впоследствии перестроен Кваренги для нового владельца — А.А.Безбородко.

По-видимому, Баженов проектировал и для Г.А.Потемкина. А.Н.Петров, исследователь очень добросовестный, называет одной из этих работ проект Вознесенской церкви у Никитских ворот в Москве (1774). Он цитирует, впрочем без указания источника, выдвинутое заказчиком требование «преимущественного великолепия, как в строении, так и во украшении против протчих приходских церквей». В ансамбль входила также богадельня и корпус с лавками **. Не осуществленный этот проект не обнаружен, как, впрочем, и утаенные исследователем документы о нем.

В начале 1772 года Баженов выполнил проект иконостаса для Владимирской церкви на Никольской, у ворот Китай-города. Ни проект, ни сама церковь не сохранились.

И, наконец, к первой половине 1770-х годов относятся две не подтвержденные документами, но все же почти бесспорные постройки Баженова — дом его тестя Л.И.Долгова на 1-й Мещанской улице (1770) и аптека Вольфа (позднее дом князя Прозоровского) на Полянке (1773). Оба они включены в известный список баженовских зданий в

**Глезер Е.Н.* Дача Кушелева-Безбородко на Неве. — «Архитектурное наследство», вып.15. М., 1963, с. 145.

***Петров А.Н.* Из материалов о В.И.Баженове. — Ежегодник Института истории искусств'1957. М., 1958, с.71—72.

Москве, составленный И.М.Снегиревым (подробно о нем см.ниже). Сравнительно небольшие — в пять окон вдоль фасада — эти домики, почти кубической формы, оказались очень внушительными и пластичными. У них общая схема фасада: крайние окна обрамлены пилястрами. Схема эта имеет парижский прототип: маленький отель Шаванн, построенный архитектором Л.-П.Моро Деспру в конце 1750-х годов. В годы пенсионерства Баженова он считался в Париже образцом «греческого» вкуса. Но при общей схеме оба дома в деталях и пластике существенно отличаются от своего прототипа, да и друг от друга. Пластика долговского дома мощная, почти суровая, детали как бы несколько крупны и тяжелы для небольшого здания, широковатые тосканские пилястры опираются на массивные, простого рисунка консоли цокольного этажа. Аптека Вольфа легче и нарядиее. Ее ордер ионический, украшения разработаны тоньше и изящнее.

Как уже сказано, Екатерина еще весной 1775 года, до прекращения кремлевского строительства, поручила Баженову архитектурное оформление празднования мира с Турцией на Ходынском поле под Москвой. Ее требования, подробно изложенные в письме к Гримму, состояли в замене традиционных и стертых псевдоантичных аллегорий в стиле барокко («храм Януса, храм Бахуса...») более конкретной и наглядной символикой: выбранное для праздника поле станет завоеванным Причерноморьем, а павильоны — перешедшими под власть России турецкими крепостями и городами. Архитектор должен был разработать необычные архитектурные формы, способные воплотить такую идею.

Баженов строит стилизованные крепости — зубчатые скошенные стены с гранеными башнями, расписанные под камень. Малоизвестную тогда архитектуру восточных городов символизируют постройки в условно экзотическом стиле со стрельчатыми и фестончатыми арками, узорными «гребешками» поверх карнизов и бочкообразными крышами. Используется не подлинный Восток, а элементы западной готики вместе с деталями допетровской, старомосковской архитектуры. До нас облик ходынских павильонов донесли тщательные зарисовки М.Ф.Казакова и несколько примитивная, но весьма наглядная гравюра, изображающая общий вид праздника.

Принято считать, что успех этого экзотического и ярко декоративного архитектурного зрелища определил и замысел следующей большой работы Баженова — подмосковной царской усадьбы Царицыно.

Екатерина купила эту усадьбу, называвшуюся тогда Черная Грязь, у князя С.Д.Кантемира в мае того же, 1775 года. За месяц здесь были построены архитектором П.Я.Плюсковым временные деревянные домики, в которых императрица и двор жили уже летом этого года. Здесь же, в Царицыне, Баженов в августе представил Екатерине первый вариант проекта усадьбы. На следующий, 1776 год были отпущены деньги и началось строительство.

Как и кремлевское, оно подробно документировано перепиской Баженова. В отличие от Кремля — замысла государственного, Царицыно было заданием интимным, почти что частным, насколько это возможно для царской резиденции. Соответственно иной была не только архитектура, но и сама организация работ, не порученных какому-либо строительному учреждению, но целиком отданных в руки архитектора. Баженов оказался здесь, по его словам, «один при всем деле», лишь с несколькими учениками и сотрудниками. Он сам получал деньги на строительство и распределял их, договариваясь с подрядчиками, закупая материалы и нанимая рабочих. И сам же, минуя Кремлевскую экспедицию (из которой он по-прежнему получал свое жалованье), вел всю деловую переписку с императрицей и опекавшими стройку ее секретарями (в 1776 году это был П.В.Завадовский, в 1780—1785 годах — А.А.Безбородко).

Из переписки ясно, что осуществлявшийся проект не был первым. Но характер раннего варианта и его отличия от окончательного нам не известны. Самый ранний датированный чертеж — так называемая панорама Царицына (а по Баженову — «генеральный фасад» усадьбы) относится к концу 1776 года, когда уже велось строительство Фигурного моста и ближайших к нему небольших зданий. Другие листы более или менее соответствуют этому варианту или вносят в него некоторые дальнейшие изменения. Только три плана павильонов, из большой серии карандашных эскизов Баженова (Гос.Эрмитаж), не соответствуют каким-либо осуществленным или имеющимся на других чертежах Царицынским зданиям. Может быть, отдельные здания усадьбы проектировались порознь и лишь потом получали свои места на генеральном плане усадьбы. Три «лишние» павильона оказались при этом ненужными.

На черновом генеральном плане в РГВИА, вероятно, близком по времени к панораме, почти все планы павильонов вычерчены отдельно и, вырезанные по контуру, наклеены на общий лист. Можно предполагать, что архитектор передвигал сперва эти чертежики по листу, отыскивая наилучшие соотношения и определяя место каждому.

Сама планировка ансамбля делает такое предположение вероятным. Проектируя на этот раз в «готике», Баженов, в отличие от В.И.Неелова или М.Ф.Казакова, вносит условно средневековые черты в само расположение усадебных зданий на местности. Он отказывается от регулярности и симметрии, нарушает привычную субординацию главных и служебных построек. Оси отдельных зданий не совпадают и не всегда даже параллельны или перпендикулярны друг другу. Расстояния между ними также не выровнены. Небольшие домики разбросаны по краю откоса, одни ближе к берегу пруда, другие — подальше от него. Все пространство комплекса оказывается незамкнутым, не имеет четких границ и живописно слито с окружающей природой.

Объединяющим моментом, создающим цельность ансамбля, служила не симметрия и не иерархическое соподчинение вспомогательных зданий главным, а лишь единство декоративного принципа обработки фасадов, при богатейшем разнообразии деталей каждого здания. В построенном Царицыне этим общим принципом стало сочетание тонкой белокаменной резьбы с краснокирпичным, тоже узорчатым, фоном. С тех пор оно стало почти обязательной стилевой чертой русской псевдоготики. Тем интереснее, что Баженов, как выясняется, проектировал сперва иное цветовое и фактурное решение деталей. В документах 1776 года есть ряд сведений о предполагавшемся здесь использовании цветных изразцов. Эта идея была отвергнута императрицей летом 1776 года. Именно тогда Баженов ввел в качестве декоративного материала белый камень (или же существенно расширил его применение).

Нет сомнения, что с изразцами заметный в Царицыне старомосковский колорит баженовской «готики» выступал бы еще яснее. И, вероятно, применение в наружном декоре изразцов распространилось бы и на многие другие «готические» памятники, стилистически зависимые от Царицына.

Проблема обращения классициста-Баженова к готике и его отношения в связи с этим к древнерусской традиции была поставлена уже полтора века тому назад. Но ее обычное разрешение, противопоставляющее всеобщей, космополитической классике сознательные искания национального стиля, представляется мне упрощенным и для эпохи Баженова попросту анахроническим. Такую связь национальных начал с наследием отечественного средневековья провозгласят лишь романтики начала XIX в. А до конца XVIII столетия средневековая традиция объединяется нерусским словом «готика», применявшимся в весьма широком и не четко очерченном круге значений, включавшем европейские и русские памятники, а также и новейшее творчество с использованием средневековых или вообще не ордерных, «неправильных» в тогдашнем понимании мотивов. И потому в русской псевдоготике переработанные мотивы допетровской архитектуры свободно сочетаются со стрельчатыми проемами и фиалами.

Такая «готика» не была еще серьезной альтернативой классицизму, иной архитектурной эстетикой, не покушалась на его вытеснение и отмену. Скорее она воспринималась как некая вольность просвещенного вкуса, позволяющего себе иной раз отступать от не подлежащих, впрочем, сомнению «основательных правил». В самом замысле «готической» царской усадьбы ощутимо поэтому игровое начало. Это были декорации некоего условного мира, в котором царский двор мог на время погружаться в обстановку входящей в моду старины и патриархальной простоты.

Идея эта отразилась в проекте Царицына измельчением масштаба застройки, заменой единого дворца пестрой толпой сравнительно небольших домиков. Не только для наследника и для свиты строилось несколько зданий, но и сам дворец императрицы состоял из трех отдельных, по-разному оформленных корпусов. Из личных ее покоев в парадные нужно было проходить по дорожкам сада.

Камерность совмещалась в Царицыне с другой чертой павильонной игровой архитектуры — праздничной зрелищностью. О Ходынском празднике напоминает не только общая экзотичность «нежной готики», но и виртуозно переведенные Баженовым в камень мотивы фейерверков и иллюминаций. Таков вензель Екатерины в лучах сияния, венчающий Малый дворец, ажурные орлы на торцах второго дворца (так называемого «Оперного дома»).

Строительство Царицына растянулось на целое десятилетие. Нетерпеливый Баженов торопился, но его сдерживала отпускаемая на каждый год сумма денег, которую запрещалось превышать. Высочайшая заказчица в Москве (а значит, и в Царицыне) все эти годы не появлялась и стройки не видела. Она могла следить за ней лишь по отчетам Баженова, письменным и устным — он несколько раз приезжал в Петербург — и по присылаемым ей подробным чертежам каждого нового здания.

В процессе строительства проект уточнялся и дополнялся. Так, главный дворец императрицы получил отсутствующий на панораме высокий цокольный этаж, так как он должен был стоять на одном уровне с симметричным ему дворцом наследника, расположенным выше по склону. Самым важным дополнением был встроенный между этими двумя дворцами третий, предназначенный для малолетних детей Павла — Александра и Константина, еще не родившихся, когда делался первоначальный проект. Идея эта исходила от самого архитектора. Третий дворец, объединенный с соседними короткими галерейками, позволял образовать в центре усадьбы единый протяженный фасад. А в сторону кухонь протянулась от дворца Павла нарядная галерея-ограда с воротами. Таким образом, первоначальная, чисто павильонная планировка была изменена. Центральные и самые крупные здания усадьбы сомкнулись в непрерывную цепь.

В начале 1784 года, когда основные здания усадьбы были вчерне построены или заканчивались, Баженов получил распоряжение окончить все работы в один год. А сверх того императрица поручает ему проектирование и строительство деревянного дворца в соседнем Булатникове. От дворца этого, который был заложен, но не достроен, сохранился лишь обмер (план и разрез) каменного цокольного этажа с ломаным сложным контуром, снятый перед разборкой этих остатков в начале XIX века. Вслед за тем (вероятно, в начале 1785 года) делается еще один, не сохранившийся проект дворца в Конькове.

Намеченная поездка императрицы в Москву была отложена, но спешка не прекратилась. Баженов достраивает кухни, мост через овраг, начинает внутренние работы в давно построенных зданиях. Интерьеры, о желаемом характере которых он несколько раз запрашивал в письмах Безбородко и царицу, не сохранились ни в натуре, ни даже в чертежах. Известно, что делались керамические плиточные полы, изразцовые печи. Летом 1785 года остались не выстроенными лишь конюшни, намеченные в стороне, за оврагом, и высокая башня для часов, которую Баженов, после некоторых колебаний, отнес туда же.

Между тем императрица, наконец посетившая Царицыно, выразила недовольство дворцом. Причина этого остается не вполне ясной. Усадьба строилась по утвержденным ею, регулярно представляемым Баженовым чертежам, и ничего для себя неожиданного она, казалось бы, увидеть здесь не могла. Предположения исследователей о ее возмущении одинаковостью двух дворцов —для нее и для наследника или масонской символикой, якобы примененной Баженовым в декорации зданий, представляются поэтому лишенными оснований. К тому же Баженов стал масоном лишь за несколько месяцев до окончания стройки, когда все проекты были давно утверждены, а большинство зданий — построены. Единственное, что могло удивить ее, это миниатюрный масштаб строений, которые на чертежах, вероятно, казались непрофессиональному глазу более величественными и обширными. Дошедшие до нас замечания царицы и говорят, в самом деле, о тесноте помещений.

За десять лет архитектурные вкусы Екатерины существенно изменились. Ее любимым архитектором был теперь недавно приехавший в Россию строгий классик Кваренги. Первоначальная идея почти игрового, павильонного городка в Царицыне успела, по-видимому, забыться.

Так или иначе, императрица распорядилась перестроить усадьбу. Варианты ее исправления, до нас не дошедшие, представил к концу года Баженов, но также Казаков, которому в начале 1776 года и было передано строительство. Центральные здания усадьбы были снесены и заменены по казаковскому проекту новым дворцом. Прекратились и строительство в Булатникове, и подготовка к строительству в Конькове. Оба эти дворца через несколько лет проектирует заново также Казаков. Баженов же получил в конце января 1786 года годовой отпуск «для поправления его здоровья и исправления домашних дел»*.

*РГАДА, Госархив, разд.XIV, д.51, ч.VI, л.74.

И в том, и в другом он в самом деле очень нуждался. Он был в немалых долгах, а в последние годы — в безнадежных судебных тяжбах. К тому же часто болел, уже давно жаловался на «дряхлость» и на ослабление зрения. Его явно надломила десятилетняя царицынская стройка, где все заботы — организационные, финансовые и строительные — лежали на нем одном.

Почти трагическое напряжение, отягощенность духа воплощены и в единственном дошедшем до нас большом проекте Баженова 80-х годов, выполненном за год до его царицынской катастрофы, — проекте Павловской больницы. Он делался в мае 1784 года, в разгар самой большой строительной спешки, но тем не менее — невероятно быстро. Варианты проекта датированы 17, 25 и 30 мая (еще 2 варианта даты не имеют). Монументальное здание с куполом больничной церкви в центре решено в формах суровых и несколько утяжеленных. Архитектура на этот раз классическая, но кирпичные стены не оштукатурены, так же как в Царицыне, и на их фоне выделяются серовато-белые тосканские колонны, почти лишенные утонения и энтазиса. Баженов варьирует план. Проектируя то скругленные, то прямые, то П-образные крылья, меняет количество колонн, пропорции и форму купола. Но при всех изменениях сохраняется тяжелая пластика скруглений, массивность завершения (особенно в двух вариантах с высоким аттиком, прорезанным круглыми люкарнами). 14 небольших флигелей, окружающие два квадратные двора, показаны на генеральном плане. Их миниатюрный масштаб должен был, конечно, оттенять монументальность главного корпуса.

Этот проект каменного здания больницы был заказан наследником, чье имя она носила, взамен деревянного — обветшавшего и затем сгоревшего. Но Павел, утвердивший проект Баженова, не нашел необходимых на строительство средств, и чертежи остались не использованными. Позднее, уже в Петербурге, Баженов вновь применил сходные приемы и формы и создал то же ощущение драматической напряженности в не осуществленном проекте церкви Семеновского полка.

Период «отпуска» 1786—1792 годов — самый темный в биографии архитектора, почти не освещенный известными нам документами. До нас дошли лишь отрывочные сведения о его небольших и не сохранившихся работах за это время — проекте деревянного, видимо, усадебного дома в провинции для родственницы драматурга М.Веревкина (1787), иконостасе для церкви Ивана Воина в Москве (1790). По просьбам Баженова, возобновляемым в конце каждого года, его отпуск несколько раз продлевали с сохранением жалованья, но с 1790 года жалованье было отменено.

Баженов пытался поправить свои дела, подав просьбу о разрешении открыть художественную школу. Не выяснено, удалось ли ему получить такое разрешение, но само это предприятие, задуманное чересчур широко и громоздко, видимо, не состоялось. Он пользуется в эти годы денежной помощью Н.И.Новикова (с которым его сблизили масонские отношения) как для себя, так и для того, чтобы снабдить хлебом крестьян своей небольшой каширской деревни в голодное время.

С масонами свел Баженова управляющий Царицына В.Я.Карачинский, и осенью 1784 года архитектор, как уже было сказано, вступил в орден. Прошение об этом было принято у него Новиковым 26 сентября*. Та осень была временем невероятно тяжелым для Баженова. Кончился наиболее интенсивный за все царицынские годы строительный сезон, но архитектор все не мог допроситься ассигнованной на этот год суммы денег, чтобы расплатиться с подрядчиками и рабочими. Их неотступные просьбы приводили его в отчаяние. Он только что потерял младшего сына — пятилетнего Воина; другие дети болели.

Вероятно, масонство давало Баженову возможность психологического выхода из неразрешимых жизненных ситуаций, позволяло преодолеть тяжелый душевный кризис. В этом смысле оно пришлось как нельзя более кстати.

Масонство ввело Баженова в новый для него круг людей, объединенных духовными интересами, сосредоточенными главным образом на религиозно-моральных проблемах. Его друзьями и собеседниками оказываются теперь крупнейшие масонские деятели — Н.И.Новиков, Н.Н.Трубецкой, а его орденским руководителем и наставником — известный мистик С.И.Гамалея. По-видимому, у Баженова была склонность к таинствен-

---

*См.: *Пыпин А.Н.* Русское масонство. Пгр., 1916, с.352.

ному, вспомним сделанную им еще в год московской чумы запись «вещего» сна. Учение ордена увлекло архитектора, и он оставался ему верен до конца жизни. Об этом свидетельствует составленное за два года до смерти завещание, где он оставляет в назидание детям известные масонские книги, те самые, что он передавал по поручению ордена наследнику престола. Его давняя связь с Павлом, которого он, по сообщению А.Н.Оленина, учил архитектуре*, оказалась теперь полезной масонам, искавшим покровительства у наследника. Баженов, по показаниям Н.И.Новикова, сам напрашивался на такие небезопасные тогда поручения. В годы вынужденного бездействия эта масонская деятельность давала необходимый выход активности его натуры.

Не исключено, что именно роль Баженова в предпринятом масонами «уловлении в свою секту известной по их бумагам особы» (т.е. Павла), как оценило позднее эти действия следствие по делу Новикова, и была причиной прекращения платившегося архитектору жалованья. А через два года последовал арест Новикова и разгром московского масонского кружка. В то же время, прибегнув к покровительству Павла, Баженов перебирается в Петербург.

Решиться на этот шаг ему было, видимо, нелегко. Разорялось обжитое московское гнездо, пришлось продавать и дом, и любовно собранную обстановку, чтобы вновь начинать обзаводиться на новом месте. Наследник, еще в детстве получивший звание генерал-адмирала русского флота, являлся официальным главой военно-морского ведомства страны. Поэтому он мог предоставить Баженову должность архитектора при Адмиралтействе. Вакансия там открылась годом раньше, когда погиб занимавший эту должность М.Н.Ветошников. Баженову вслед за ним предстояло строить, главным образом в Кронштадте, матросские казармы, склады и различные технические сооружения, большей частью по ранее уже выполненным чужим «образцовым» проектам.

Среди них были лесной сарай по переработанному Баженовым проекту (1794—1795), проектированный им сухарный завод с печами собственной конструкции (1796—1798) и др. Все эти, по его же иронически-горькому определению, «почитаемые изящными зданиями сараи, казармы, кухни и нужники матрозские» требовали лишь крайней экономии средств, никакие художественные задачи Адмиралтейской коллегией в расчет не принимались. Положенное же Баженову 700-рублевое жалованье было более чем вдвое меньше того, какое он получал в Кремле и Царицыне. Так что новая должность была не слишком завидной. Баженов, видимо, решился принять ее, в частности и для того, чтобы оказаться в это опасное для него время в непосредственной близости к своему единственному покровителю.

Кроме кронштадтских построек Баженов проектирует на своей адмиралтейской службе жилой квартал при Новгородской парусной фабрике (1795) и Галерную гавань на Васильевском острове (1796). Оба эти проекта остались не осуществленными и не сохранились. Они известны нам по подробным запискам архитектора. Галерная гавань была последним, видимо, большим проектом Баженова, где он, вопреки узкопрактическому заданию, поставил себе обширную градостроительную и архитектурную задачу. Застройка гавани состояла из простых кирпичных сараев, но архитектор широко вводит в проект воду и зелень, соединяет и разделяет все постройки каналами. Он намечает и место «для пристойного сему важному строению Памятника». И, наконец, Баженов указывал на возможность дальнейшего развития ансамбля в сторону устья Невы, чтобы создать там величественный въезд в город на месте существующих кожевен и боен.

Поселившись в Петербурге, Баженов испросил себе в 1796 году у Адмиралтейской коллегии место для постройки дома. Оно находилось против Никольского военно-морского собора у пересечения Екатерингофской [Римского-Корсакова] улицы с Крюковым каналом. Сохранился и план этого дома с размеченным рукой архитектора назначением комнат первого и второго этажей, а на его обороте — наброски фасада и разреза.

Естественно искать в проекте собственного дома черты наиболее свободного и полного творческого самовыражения архитектора. В самом деле, компактный небольшой объем, ориентированный на угол участка, необычайно сложно организован внутри. Баженов проектирует восьмигранные и полукруглые, овальные и круглые комнаты, объединяя их в систему пересекающихся по диагонали анфилад. Наряду с большими, здесь

*См.: *Шуйский В.К.* Виченцо Бренна. Л., 1986, с.194.

множество проходных полутемных маленьких комнаток. Иные двери выводят в полукруглые ниши, создавая тонко рассчитанные повороты, которые открывают взгляду новые направления.

Подобное сквозное пространство не лучшим, конечно, образом приспособлено к повседневному быту. На самом деле Баженов реализует не все намеченные им пространственные связи. Иные проемы заполняются печами, в нишах, нанизанных на оси анфилад, кое-где намечены кровати; сквозные проходы и здесь, очевидно, не предполагаются. А все-таки ощущение необычной динамичности во внутренней структуре дома сохраняется, несмотря на эти поправки.

Наружный объем дома, при сдержанности архитектурных форм, вылеплен чрезвычайно пластично. Одинаковые фасады на улицу и на канал имеют глубокие лоджии в строгих тосканских портиках, скругленные углы обогащены колоннами малого ордера, обрамляющими стены второго этажа. Фасад дома дошел до нас лишь в довольно беглом карандашном наброске, где, видимо, не все еще было решено. В частности, округлые линии над кровлей показывают, что Баженов, видимо, хотел увенчать здание куполом или даже системой небольших куполов.

Судьба проекта в точности не известна. По-видимому, дом был заложен, но при жизни архитектора не достроен. Сейчас на его месте позднейшее большое здание, возможно, включившее в себя какие-то части первоначального.

5 ноября 1796 года умерла Екатерина II, покровитель Баженова Павел стал императором. И уже 8 ноября архитектор получил от него чин действительного статского советника (минуя статского) и годовое жалованье в 3300 рублей с прибавкой еще 750-ти на квартиру и дрова*. Месяцем позже император пожаловал ему «тысячу душ», назначенные в селе Кардовиль, в Арзамасской округе Нижегородской губернии «из дворцовых крестьян новокрещеныя мордвы»**. Благоволение нового царя восстанавливало прерванную карьеру Баженова и открывало перед ним, как будто, большие творческие возможности.

Однако его милости запоздали. Архитектор болел, плохо видел, и обширные труды были ему уже не по силам. В конце ноября император поручил ему на строительстве Михайловского замка «иметь наблюдение, чтоб строение производимо было в точности по данному плану»***. Но, по-видимому, этот указ в исполнение приведен не был: строил замок второй архитектор Павла Виченцо Бренна. Между тем, такое поручение породило устойчивую версию, что Баженов был автором проекта замка, вопреки известному документу, в котором Бренна доносил императору: «Вашим императорским величеством спроектированные планы и рисунки Михайловского дворца я привел в порядок, согласно правилам и законам искусства, и их начали уже осуществлять»****. Лишь недавно это ясное указание на авторство самого Павла получило дополнительные подтверждения в работе В.К.Шуйского*****.

Последней известной нам архитектурной работой Баженова была спешно проектировавшаяся им в том же ноябре 1796 года деревянная церковь при московском доме Безбородко, который переделывали к коронации Павла. Сохранившийся разрез показывает ее несложной и легкой, без излишних, замедляющих срочную работу деталей. Осуществляли проект помощник Баженова Л.Миллер и давний его же ученик архитектор Е.Назаров. Сам Баженов приезжал по этому поводу в последний раз в жизни в Москву в начале 1797 года, а весной отправился оттуда ненадолго в деревню (неизвестно — в свой новый Кардовиль, или скорее — старое Глазово, за Каширой). Вернувшись вскоре в Петербург, он продолжал обычный надзор за постройками в Кронштадте.

26 февраля 1799 года указом императора Баженов был сделан вице-президентом Академии художеств. Такой должности до того в Академии не было, ее ввели специально для Баженова. Очевидно, Павел знал о давней обиде архитектора на Академию и о его жела-

---

*РГИА, ф.468, оп.1, д.3912, л.24.

**РГИА, ф.1346, оп.47, д.103, л.2; ф.1286, оп.1, д.1808, л.34.

***РГИА, ф.468, оп.1, д.3912, л.84.

****Михаловская О.* Новое об Инженерном замке. — Сб.: Архитектура и строительство Ленинграда. Вып.1, 1950, с.31.

*****Шуйский В.К.* Виченцо Бренна. Л., 1986, с.121, 194.

нии вернуться в нее в достойном его опыта, трудов и таланта звании. Еще при переезде Баженова в Петербург он получил, видимо от наследника, обещание хлопотать для него о должности ректора. Однако в то время эти хлопоты шансов на успех не имели. Позднее, между 1794 и 1796 годом, Баженову была предложена в Академии должность адъюнкт-профессора. Она соответствовала его давнему званию адъюнкта и, сославшись на это, Баженов от нее отказался.

Теперь, несмотря на болезни, архитектор принялся за новую должность с крайним рвением. Уже в апреле он подал императору обширные свои «Примечания» с проектами различных организационных, педагогических и хозяйственных преобразований в Академии. Он резко критиковал ее педагогическую систему, разработанную еще в 60-х годах И.И.Бецким. Не называя имени покойного президента, Баженов утверждал, что «более тридцати лет уже приметно стало, что от Академии художеств желаемого успеха не видать». Одна из причин этого в том, что в воспитательное училище Академии принимаются дети в том возрасте, когда еще не выявлены их природные склонности.

Царь был доволен запиской, хотя и отклонил некоторые из предложений вице-президента, стремившегося как-нибудь наладить расшатанное хозяйство Академии. Она сыграла свою роль в дальнейших преобразованиях системы обучения искусствам.

19 марта 1799 года Академия художеств получила императорский указ о подготовке «под особенным смотрением вице-президента оной» издания «Российская архитектура», включающего чертежи крупнейших зданий Москвы и Петербурга, как казенных, так и частных, а также и важнейшие не осуществленные проекты. Очевидно, это также был прямой подарок царя Баженову, так как собирать для издания Академия начала в первую очередь именно его проекты. Из Москвы были затребованы чертежи Кремлевского дворца и Царицына. Но они прибыли уже после смерти вице-президента, остались в академических архивах и впоследствии пропали. Без Баженова трудоемкое и громоздкое издание оказалось никому не нужным, и к его осуществлению Академия так и не приступила.

29 июля того же, 1799 года Баженова разбил паралич. Четыре дня спустя, утром 2 августа, он умер. Тело его по завещанию, где он писал, что весьма желает «быть положенным в Глазове», перевезли по зимнему пути в эту каширскую деревню.

3.

Наряду с документами служебными, наиболее полно рисующими нам жизненный и творческий путь архитектора, есть еще целый круг источников, отразивших многолетние попытки Баженова обеспечить своей семье и себе независимость и прочный достаток. В них запечатлены драматические конфликты, поражения и горькие унижения. Далеко не всегда архитектору удавалось сохранять в этих денежных делах и безнадежных судебных тяжбах то высокое достоинство, какое было ему свойственно в мире творческом. Но и в этой «низменной» сфере мы встречаемся с уже знакомым характером, узнаем новые грани личности Баженова, знакомимся с его образом жизни, с представлениями о семье и семейном долге, наблюдаем трудную борьбу за достойное общественное положение. И, конечно же, роковые неудачи в этой области не могли не оказывать влияния на душевный строй, а значит, и на само творчество столь эмоционального художника, как Баженов. Угрюмый трагизм таких его поздних образов, как проекты Павловской больницы и церкви Семеновского полка, без сомнения, имеет одной из причин обстоятельства личной жизни архитектора.

Выходец из низов общества, Баженов начинал свою карьеру без денег, имущества и прочного общественного положения. Из-за границы он вернулся нищим. Но его дарования оказались тогда в России очень нужными. По словам самого архитектора, он зарабатывал в эти первые по возвращении годы от четырех до шести тысяч рублей в год. Такие цифры дают косвенное представление и о размахе оставшихся нам неизвестными неслужебных работ мастера, потому что его жалованье составляло в Кремле 2200 рублей (включая и сохранившийся за ним артиллерийский оклад).

Это были по тем временам немалые деньги, и притом кремлевское жалованье сохранялось за Баженовым до конца 1789 года, а артиллерийское — до его назначения вице-президентом Академии художеств. С воцарением же Павла он получил новый, более высокий оклад.

Но при всем том Баженов жил и умер в неоплатных долгах, многократно и безуспешно обращался за помощью к царице, вел и проигрывал бесконечные денежные тяжбы.

Причину этого приходится искать в самом строе жизни баженовского дома, который, видимо, не соответствовал его реальным доходам, а главное — в неудачных попытках архитектора обеспечить своей семье прочное и независимое благосостояние. Способ для этого был избран вполне в те времена обычный — покупка имения, дающего, как тогда считалось, надежный и постоянный доход. Однако деловитый, хозяйственный помещик из Баженова, по горло занятого грандиозными строительными трудами, не получался.

Село Покровское, Березовка тож, небольшое имение на реке Хопре в Пензенском уезде, было куплено на имя жены Баженова, вероятно, вскоре после его женитьбы. В нем было около двухсот крестьян. В 1772 году имение это было заложено, вероятно, ради покупки дома. Но сперва покупается двор с садом подле Новодевичьего монастыря, что-то вроде летней дачи (Баженов владел им вплоть до переезда в Петербург), а затем уже городской каменный дом на набережной против Кремля. В него архитектор с семьей переехал из Потешного дворца в конце сентября 1773 года.

Обживая этот двухэтажный дом с садом, оранжереей и тесно заполнившими двор деревянными хозяйственными постройками, Баженов, по всей видимости, сильно потратился. Он наполнил его картинами «редких мастеров», эстампами и архитектурными книгами. Вообще дом поставлен был на господскую и не бедную ногу, одной дворни в нем было около 30 человек, как показывают исповедные ведомости*. Между тем в 1774 году пензенская деревня была разорена пугачевцами, ждать от нее дохода не приходилось. Баженов в это время уже был в долгах, безуспешно хлопотал о ссуде в 15 тысяч рублей.

В 1776 году оказалось необходимым искать покупателей и на дом, и на деревню. Они вскоре и были проданы. Взамен покупается небольшая подмосковная Стояново (в 26 верстах от нынешнего Ногинска) и строится в 1778 году деревянный дом на участке, купленном в районе Воронцова поля.

Основным кредитором Баженова был П.А.Демидов — богатейший владелец уральских заводов, щедрый благотворитель и в то же время знаменитый московский самодур, любивший ставить в унизительное положение своих должников и обращавшийся с ними порой жестоко и коварно. Баженов оказался одной из его жертв.

Для учреждений, облагодетельствованных огромными пожертвованиями богача, архитектор, кроме различных мелочей, проектировал по его же заказам несколько громадных зданий — Воспитательный дом, Коммерческое училище (1772), Московский университет (1780). Демидов не платил за проекты, но давал деньги под векселя, не оговаривая сроков и процентов. Проекты же осуществлены по разным причинам не были и впоследствии пропали. Брюзгливый Демидов то и дело шпынял Баженова, но получал от самолюбивого архитектора резкий отпор. Летом 1780 года самодур решил обидеться на это всерьез и подал баженовские векселя ко взысканию. Ответного требования учесть при расчете многолетние работы архитектора он не принял. Все это было вполне в характере Демидова, который за несколько лет до того преследовал таким же образом А.П.Сумарокова и едва ли не довел его до смерти — драматург умер через два дня после продажи его дома за долг Демидову. Баженов тогда хлопотал за Сумарокова, добиваясь у Демидова отсрочки**.

Несчастная тяжба Баженова с Демидовым тянулась много лет. Архитектор жаловался императрице, неопределенно распорядившейся разрешить спор «способом на обе стороны выгодным», собирал и выплачивал деньги по частям, после чего кредитор выдвигал новые требования об уплате процентов, а также покупал баженовские векселя у других кредиторов. Подмосковную деревню и новый деревянный дом также пришлось вскоре продать, был куплен вновь и заложен каменный дом, неподалеку от первого, на берегу Москвы-реки против Кремля. Осталось за Баженовым его каширское имение Глазово (приобретенное до 1780 года). По-видимому, долги и тяжбы не повлияли существенно на

---

*ЦИАМ, ф.203, оп.747, д.456, л.19; д.473, л.59.

**Письмо А.П.Сумарокова Г.А.Потемкину. 11 ноября 1775. — Письма русских писателей XVIII века. — Л., 1980, с.177.

сложившийся образ жизни баженовской семьи. В новом доме по-прежнему было множество дворни, дорогие вещи (музыкальные инструменты, люстры).

Пытаясь выбраться из долгов, Баженов втянулся в новую, также длительную и безуспешную тяжбу. В 1783 году он оспорил завещание своего умершего тестя Л.И.Долгова, оставившего значительный капитал. Жене Баженова, как уже получившей приданое (сравнительно скромное, так как в ту пору Долгов еще не был столь богат), не досталось ничего. Архитектор счел это несправедливым и подозревал подлог со стороны третьей жены купца, мачехи его жены.

Разумеется, прекращение жалованья в 1790 году, вынужденный переезд в Петербург на скромный оклад должны были еще более отяготить положение семьи. Не поправили дело и щедрые пожалованья Павла. После смерти архитектора оставшиеся за ним долги превышали 40000 рублей.

При всем том Баженов был, видимо, заботливый семьянин, его всегдашним стремлением было обеспечить после себя достаток семье (он рано стал думать и писать о возможности своей близкой смерти), воспитать детей. Воспитание это было, как и избранный им образ жизни, характерно дворянским. Трое сыновей, записанные с детства в привилегированный Измайловский полк, сделали военную карьеру. Даже талантливый рисовальщик Владимир, помогавший отцу в его поздних чертежах, не пошел по его стопам. В завещании патриархально настроенный Баженов настойчиво просил их не дробить семью и имущество и не продавать оставляемые им имения. Воспитание трех дочерей было, видимо, соответственным. Не для него ли предназначались дорогие «фортепьяна с органами» в московском доме архитектора? Все дочери были выданы замуж за небогатых дворян-чиновников уже после смерти отца.

4.

Достоверные работы Баженова, осуществленные и не осуществленные, немногочисленны. Несколько значительных проектов известны нам лишь в описаниях, об иных сохранились упоминания. Нет сомнения, что мы знаем далеко не все, что он строил и лишь малую часть того, что проектировал. В первую очередь речь идет о частных заказах. О том, что их число было гораздо больше документально зафиксированного, говорят и названные выше цифры заработка архитектора. Широко известный по своим грандиозным работам для императрицы, проектировавший увлеченно и необычайно быстро (как показывает известная нам хронология вариантов Царицына, Павловской больницы, Галерной гавани), нуждавшийся в дополнительных заработках Баженов должен был оставить и множество частных построек.

Не удивительно, что в изучении творчества Баженова проблемы атрибуции стоят особенно остро. Прежде всего, за отсутствием достоверных документов, исследователям приходится прибегать к тщательной проверке сведений менее надежных, сообщаемых случайными источниками или зафиксированными спустя длительное время лишь по памяти. К последним относится и небольшой список московских построек Баженова, опубликованный без каких-либо обоснований и подтверждений И.М.Снегиревым*. Известно, что консультантом Снегирева, редактировавшего биографию Баженова в переизданном им словаре митрополита Евгения, был архитектор И.Т.Таманский, ученик М.Ф.Казакова, сотрудник Кремлевской экспедиции и воспитанник ее первого начальника М.М.Измайлова, т.е. человек из еще близких к Баженову архитектурных кругов. При этом список Снегирева не противоречит ни тому, что удалось за последующие полтора столетия узнать о биографии архитектора, ни современным представлениям о его творческом почерке. Традиционно высокий авторитет этого сообщения следует поэтому признать вполне обоснованным.

В этом списке «Юшкова дом против Почтамта», уже названные выше дома Долгова и Прозоровской (первоначально — Вольфа), «Пашкова дома» и колокольня Скорбященской церкви на Ордынке.

В доме Юшкова на Мясницкой отметим такие сближающие его с достоверными баженовскими зданиями черты, как сложная планировка с обилием полукруглых и оваль-

**Снегирев И.М.* Памятники московской древности. М., 1842—1845, с.CXI.

ных комнат. Характерно и несовпадение продольной оси овального двора с проходящей через угловую ротонду диагональной осью внешней композиции здания. Подобные изменения ориентации при переходе из одного пространства в другое Баженов охотно применял в интерьерах.

«Пашкова дома» — это, очевидно, старое здание Российской Государственной библиотеки и «Новый университет» на Моховой, перестроенный в XIX и начале XX в. (Моховая ул., д. 9). Первый из них — жемчужина русской архитектуры, издавна привлекающая внимание исследователей. Произведением Баженова он назван и в переписке Н.Б.Юсупова, начальника Кремлевской экспедиции, в 1827 году*.

Итак, в московских архитектурных кругах это была в первой половине прошлого века устойчивая версия.

Дом строил для себя богатый откупщик, отставной капитан-поручик П.Е.Пашков, в 1784—1787 годах. Купив старую усадьбу на Ваганьковском холме, против Кремля, он обещал построить здесь «каменное капитальное строение к украшению того места, которое теперь впусте лежит»**. На этом основании он почти даром приобрел у города соседний участок упраздненных Тургеневских богаделен и крутой склон холма к Моховой улице и реке Неглинке. Но обширный участок оставался неудобным из-за крутого рельефа и косым, потому что в него врезались с севера земли церквей Николы в Старом Ваганькове и Михаила Малеина.

Такое сложное для классически правильной симметричной планировки место было виртуозно использовано автором проекта. Парадный въезд он поместил на узком конце участка, вплотную к церковной земле. Расходящиеся от арки ворот воронкой каменные стенки открывают эффектный вид на стройный фасад главного здания. Заметим, что здесь можно предполагать использование французского опыта: подобные проезды от арки ворот к парадному двору, правда не расширяющиеся, нередки в парижских отелях XVIII века. Для Москвы же они не характерны.

Дом выдвинут на кромку холма и широко развернутым садовым фасадом обращен не только в сбегающий к Моховой улице сад, но и открыт к городу и Кремлю. Вопреки традиции именно этот фасад с оттеняющими центральный куб малыми портиками флигелей воспринимается как парадный и главный. Решение это есть смысл сопоставить с баженовским регулированием Кремля и постановкой в нем, над откосом к реке, парадного фасада дворца, подъезды к которому организованы с другой стороны.

В архитектуре Пашкова дома обращает на себя внимание активная роль цокольного этажа с его мощной рустовкой и высокими, частыми арками окон. Как в «Смольном» и в Кремле, применены в цокольной части картуши с гирляндами, а также маски на замковых камнях. Как нередко у Баженова, цоколь здесь не скромная опора для основных этажей, а особая архитектурная тема. И тема эта развивается, выступая за пределы главного корпуса, в галереях и флигелях, где на сильно рустованные стены не опирается тяжесть верхних этажей.

С Баженовым связывает Пашков дом и общая экспрессивность его архитектуры, подчеркнутый вертикализм форм, энергичное вырастание здания от арок цоколя через каннелированные колонны и пилястры к стройному бельведеру. Можно предположить, что в архитектуре этого здания, уже несколько запоздалой, архаичной для 80-х годов, архитектор реализовал, хоть в малом масштабе, триумфальную идею не построенного Кремлевского дворца.

Второй дом Пашковых (он принадлежал племяннику владельца первого) строился с 1793 года, т.е. начат был уже после отъезда Баженова из Москвы. Архитектурно он не выделяется столь отчетливо среди многочисленных памятников московского классицизма и указать в нем на типично баженовские черты едва ли удастся. То же можно сказать о колокольне и связанной с ней трапезной Скорбященской церкви на Ордынке (80-е годы).

Дополнить снегиревский список можно домом княгини Е.Р.Дашковой на Никитской на месте нынешнего здания Консерватории. Баженова называет автором дома брат Дашковой — С.Р.Воронцов. По его словам, своевольная княгиня навязывала архитекто-

---

**Крылова З.Б.* Новое подтверждение авторства В.И.Баженова в создании бывшего дома Пашкова. — «Архитектура СССР», 1955, №10, с.47—48.

**ЦИАМ, ф.32, оп.3, д.846, л.2.

ру свои идеи, не заботясь о том, соответствуют ли они его собственным*. Косвенно подтверждает связь Баженова с Дашковой его избрание в 1784 году членом Российской академии, президентом которой была княгиня. Академиками были здесь главным образом ученые-филологи, писатели (как Фонвизин), церковные деятели. Баженов оказался среди них единственным архитектором.

Облик дома известен по чертежам XIX века и отчасти по фотографиям. Его крылья охватывали полукругом парадный двор, а центр выступал вперед ионической полуротондой подъезда. Характерен аттик с круглыми люкарнами, напоминающий проекты Павловской больницы. Но едва ли принадлежит Баженову измельченная обработка всего фасада двухъярусными пилястриками. Впрочем, дом строился по меньшей мере в два приема — главный объем в 70-х, округлые крылья — уже в 80-х годах. Баженов мог быть здесь не единственным автором.

Что же касается бесчисленных попыток чисто стилистической атрибуции, то их приходится пока, при нынешнем уровне обоснования, признать совершенно недостоверными. Саму методику атрибуционного анализа памятников русского классицизма еще только предстоит разработать. Во всяком случае ее основой не может быть выдвигавшаяся И.Э.Грабарем теория «облюбованного завитка», «по которому безошибочно узнаешь его автора среди десятков других»**. Ведь архитектура классицизма оперировала весьма ограниченным запасом четко выработанных форм и мотивов, в том числе и декоративных. Все они были общим достоянием и больших и малых мастеров той эпохи. И едва ли не все их «облюбованные завитки» (да и основные композиционные схемы решения плана и фасада) легко найти в широко использовавшемся русскими архитекторами пособии — большом французском увраже Неформа (он был, в частности, по просьбе Баженова приобретен и для Кремлевской экспедиции). Но даже и созданные, без сомнения, самим Баженовым в Царицыне декоративные вариации на темы готики и древнерусской архитектуры входили в моду и свободно заимствовались многочисленными его учениками и подражателями. И они, значит, тоже не могут сами по себе служить доказательствами авторства.

Между тем, безымянные памятники псевдоготики особенно манят к себе искателей «неизвестного» Баженова, готовых без дальних разысканий отдать ему едва ли не все, что строилось тогда в этих формах. Так, следует отнять у Баженова подмосковные церкви в Старках (Черкизово) и Поджигородове, вошедших к тому же в литературу с чересчур ранними датами, что искажает и всю историю русской псевдоготики. В Старках готический декор намного моложе самой церкви, а в Поджигородове дата постройки сомнительна из-за противоречий в документах, да и по стилистическим соображениям. Не убедительна и атрибуция Баженову церкви в Быкове. В бумагах И.Е.Бондаренко сохранился документ об отсылке Раменским райисполкомом в 1939 году в отдел музеев Наркомпроса договора на постройку этой церкви. Договор этот был «написан подрядчиком-строителем Владимирским купцом 3-й гильдии Филатом Степановым Кирюхиным по архитектуре зотчего русской архитектуры М.Ф.Казакова»***. Сам договор пока не найден, но, видимо, хранится в фондах одного из учреждений, ведавших в те годы охраной памятников.

Разумеется, уже не раз делались попытки нащупать своеобразие образных решений Баженова, его индивидуальный почерк, проявляющийся не в украшениях только, во всей структуре произведения, начиная с композиции плана и соотношения объемов и лишь кончая характерной пластикой деталей. Выясняется, например, пристрастие архитектора к полукруглым, круглым и овальным помещениям, к выявлению и подчеркиванию диагональных направлений в планах, вообще — к напряженной сложности и контрастности в организации внутреннего пространства.

Такие наблюдения очень важны для понимания духа баженовской архитектуры, для выявления творческого метода мастера. Но они не сведены пока (да и, кажется, несводи-

---

*С.Р.Воронцов — М.С.Воронцову, 4(16) июня 1820. Оригинал по-французски. — «Архив князя Воронцова», т.17. — М., 1880, с.519.

***Грабарь И.Э.* В поисках неизвестных построек В.И.Баженова. — В кн.: Неизвестные и предполагаемые постройки В.И.Баженова. — М., 1951, с.84.

***РГАЛИ, ф. 964, оп. 3, д. 2, л. 4.

мы) в четкую систему и далеко не достаточны для обоснования его авторства. Баженов то и дело оказывается сложнее, не хочет укладываться даже в схемы, выведенные из наблюдений над его собственным творчеством.

В самом деле — что общего можно усмотреть между грандиозностью и торжественной пышностью баженовского проекта Кремля, изящной интимностью царицынских павильонов, строгой утилитарностью интендантских складов в Кронштадте?

Различные задачи рождали у него совершенно непохожие решения. Он вносил стройный симметричный порядок в средневековую тесноту Кремля, подчинял его пафосу классических форм, и он же искал непринужденной живописности в чуждом симметрии расположении разнообразных царицынских построек. Необычайно широк и эмоциональный диапазон этой архитектуры — интимность и триумфальный пафос, праздничность «Смольного» и суровость Павловской больницы.

Ощутить почерк Баженова, быть может, удастся лишь тогда, когда мы сумеем проникнуть в его творческий процесс, в формирование замысла, постепенно превращающегося из неясной идеи в детальный проект, в выстроенное здание. Прослеживая его основные произведения в развитии — Кремль от первых эскизов до второго варианта модели, Царицыно — от карандашных планов до построенных павильонов, — мы видим не «завитки», а костяк, пространственную структуру зданий и всего ансамбля.

Так, выявляется, что план у Баженова не складывается из отдельных замкнутых пространств, будь то площади, дворы или комнаты. В его основе движение по нескольким пересекающимся направлениям, открытым для взгляда. Проект и начинается с установления этих направлений, с системы осей, которые затем «одеваются» в стены и проемы.

Классицизм, канонизировавший архитектурные формы и правила их сочетания, основанный больше на грамотности, чем на свободной изобретательности, вообще говоря, неблагоприятен для выдающегося мастера, которого он едва ли не низводит до роли «первого ученика», умеющего с легкостью компоновать не им созданные мотивы. Этот стиль держит искусство в тисках холодной логичности и строгого вкуса. Баженов, кажется, владел редкой способностью — не жертвуя соблюдением предписанных, логически обоснованных правил преодолевать эту композиционную, пластическую и эмоциональную нивелированность стиля. Он подчинял логику темпераменту, вносил контрасты, напряжение, скрытое противоборство в идеально уравновешенную и, значит, в принципе, всегда статичную систему. Умел находить неожиданное в рамках предписанного и удивлял логически безупречным разрешением противоречивой задачи. Ему было свойственно чувство масштаба, пафос «огромности», способность к целостной организации больших и сложно развернутых в пространстве масс.

Сводимы ли эти наблюдения в целостную систему, достаточно строгую для обоснования в каждом случае авторства Баженова? Очевидно нет. И задача расширения списка достоверных работ мастера все еще остается неким вызовом нашей науке.

5.

Есть еще ряд проблем, связанных с Баженовым, которые нельзя назвать достаточно исследованными. Одна из них — проблема баженовской школы, как в общем смысле — влияние Баженова на развитие русской архитектуры, так и в более конкретном — его педагогический метод и многочисленные прямые ученики.

Баженов был педагогом по призванию. Он начал обучать младших товарищей еще в годы собственного ученичества. Затем, в годы самостоятельного творчества, ему, как и другим архитекторам того времени, понадобился целый штат учеников и помощников, особенно выросший в годы кремлевской стройки. Но кроме казенных, у него всегда были и частные ученики, о которых, по понятным причинам, известно гораздо меньше.

В Кремле Баженов организовал систематическое обучение молодежи, устроил рисовальный класс, для которого были привезены из Петербурга гипсовые слепки. Покупались и архитектурные книги (в частности, Неформ). Каржавин переводил трактаты Витрувия (первые две книги) и Шамбре — «Сравнение древней архитектуры с новой» и, очевидно, читал какой-то историко-теоретический архитектурный курс. Много позже, уже в XIX веке, команда Кремлевской экспедиции положила начало Московскому дворцовому архитектурному училищу. И для домашних своих учеников архитектор, по его

словам, «выписывал нужные книги, покупал эстампы, редкие картины, гипсы», что немало способствовало его разорению.

Баженов горячо хлопотал о повышении своим лучшим помощникам окладов, о переводе учеников в помощники, о производстве в чины. Впрочем, он же впоследствии ревниво жаловался на то, что собственные его ученики обгоняют учителя чинами и царскими милостями. Мы можем назвать теперь немало имен этих выходцев из баженовской школы, но большей частью не знаем их произведений и не представляем творческого лица.

С годами Баженов выработал и твердые педагогические принципы, известные нам по его проекту собственной художественной школы и по записке об Академии художеств. Они существенно отличались от тогдашних академических методов, основанных на воспитательных идеях И.Бецкого. Возможно, в этом была одна из причин его конфликта с Академией. Для Бецкого — разум ученика — чистый лист, на котором воспитатель может запечатлеть что угодно, если возьмется за дело достаточно рано. Баженов же исходил из определенных природных склонностей, выявляющихся лишь с возрастом, которые нужно распознать и учесть, чтобы развивать в свойственном им направлении. Большое значение придавал он примеру учителя, которому следует работать на глазах учеников, чтобы они перенимали приемы творчества.

Еще одна легенда о Баженове, которую начисто опровергают документы, рисовала его «бумажным» прожектером, далеким от строительной практики. Архитектор предстает перед нами энергичным и искусным строителем, входящим во все подробности осуществления проекта, неустанно заботящимся о прочности конструкций и о качестве материалов. Свойственное ему острое чувство материала с неожиданной стороны раскрывается в его «Мнении» о качестве кирпича на строительстве Екатерининского дворца. Баженов говорит, что кирпич этот «немощен и с известью недруг, по слабости своего сложения, против северных ветров трус и к понесению тяжести слаб». Материал у него «получает чахотку», он может быть «печален»... Кирпич выступает здесь едва ли не живым существом, и в этом можно видеть не просто наивность формулировок, но отголосок непосредственного чувства архитектора, ощущающего свой материал как живую плоть.

Вот так новые документы, вполне как будто бы практического характера, не только уточняют факты деятельности мастера, но и вводят нас в своеобразную атмосферу его творческой и душевной жизни.

Изучение наследия Баженова, очень интенсивное в 30—50-х годах, позднее сошло на нет, оттесненное иными именами и другими проблемами историко-архитектурной науки. Баженовские документы, впервые публикуемые в таком объеме, с одной стороны, заполнят отчасти те пробелы в наших о нем представлениях, которые стали заметнее с течением лет. С другой стороны, эта публикация может открыть новый этап документальных разысканий и аналитических исследований об одном из великих мастеров русской архитектуры. Его роль в нашей культуре, своеобразие личности, нерешенные вопросы творческого наследия должны быть вновь изучены на уровне проблем и возможностей современной науки.

Я благодарю за советы и помощь Г.Б.Ашкинадзе, М.И.Домшлак, С.К.Романюка, В.К.Шуйского. Они указали мне ряд ценных материалов, использованных в книге.

Ю.Герчук

I Ф.В.КАРЖАВИН. БИОГРАФИЯ В.И.БАЖЕНОВА

1 Ф.В.КАРЖАВИН[1]. БИОГРАФИЯ В.И.БАЖЕНОВА[2]

Василий Баженов родился в 1738-м году марта 1-го дня; вступил в Университет московской в 1755-м году для обучения своего какому либо языку; как он обучен уже был отцом своим рисовать и писать красками[3], а Иван Иванович Шувалов[4] потребовал чтоб к нему прислать способных мальчиков в СП.Бург для обучения художествам, то его первого тогда и взяли, и представили Елисавете Петровне; по вопросу же, чему он желает учиться пожелал Баженов учиться рисовать и Архитектуре; посему отдан Адмиралтейскому Архитектору Чевакинскому[5], где сам учился и учил других рисовать, был при строении церкви Николая Морского при куполах и при колокольне; тут с Архитектором и кавалером Старовым[6] побратавшись у Чевакинского учил его рисовать с глазок. Ив.Ив.Шувалов заводил тогда Академию, взял 40 человек; дом был нанят у Вознесения[7]; Баженов был их кондуктор, то есть Вожак. Профессор Жилет[8] выписан из Франции с другими. Взята морская аптека и еще при ней 2 дома[9], и в академии началось учение рисовальное с натуры; тут Баженов показал себя 1-м, также и в Архитектуре: за успех получил чин прапорщика в 1760-м году (15 марта). Послан <в> Париж, где от маия 1761-го года до 15 октября 1762-го года учился у архитектора Дювальи[10]; стал известен Академии Парижской[11] и получил похвалу, а на спор о получении медалей не допущен по тому что одни только католики допущены на оной были, а даны ему аттестаты г.Моро[12], г.Льруа[13], секретаря Академического Бребиона[14] по ордеру Академии, г.Суфлота[15], г.Габриеля[16] и от самого генерал-директора Маркиза де-Мариньи[17]. Петербургская Академия, узнав о его успехах[18] сделала его своим адъюнктом и приказала ехать в Рим. 30 октября 1762-го года получил на то паспорт от посла графа П.Григ. Чернишева[19] на 2 года с 1/2. Там 4 июня 1764-го года секретарь Академии римской г.Поцци[20] прислал ему вид, что он сделан Академиком по искусству, а 6-го июня получил он Баженов Диплом и Привилегию Академическую, чтоб ему быть мастером и Профессором Архитектуры как в Риме, так и везде. Также принят он в члены Академии рисовальной Флоренцкой, и потом в почетные члены Академии Климентинской Болонской; и велено ему возвратиться в Россию; паспорт от короля Лудовика 15 дан ему 8 майя 1765, а от

министра князя Голицына[21] в Париже 9 апреля 1765. — Приехал он в Россию к инавгурации Академии[22], был 3 месяца во Ексамене, успехи его похвалены и сделан из адъюнкта Академиком с обещанием быть Профессором (россианину пред иностранными преимущество не дано). Баженов искал работы на воле по П.Бургу, но целой год ее не находил, однако государыня Екатерина 2-ая, узнав об обиде ему сделанной, велела ему быть Архитектором Артилерии 1766 (2 декаб<ря>) с чином Капитана Артилерийского и взяла его в свое ведение; потом продолжал он свою службу нещастливо при новонамереваемом в Москве Кремлевском дворце и при селе Царицыном; потом был с полным своим жалованьем в отпуску несколько лет и наконец перестали давать е<му> жалованье без именного повеления; он писал жалобу свою, но видно что она до собственных рук ее величества не доходила, почему и приехал было сам в П.бург чтоб самолично принесть жалобу, но средств к тому не нашел; а между тем понадобился в Адмиралтейскую Коллегию Архитектором и вступил в оную службу на 700 ру<блей> жалованьи, продал свой дом в Москве, а в Петербурге, заводясь всем нужным снова, пришел до совершенного разорения, когда государь наследник[23], выпрося его из ведения императрицына, принял под свое покровительство и поправил состояние его, определив его к разным местам, а детей его в собственный свой штат в 179...м году (и проч.)[24].

Ив.Фед. род.1711. генв.27.
Родился Вас.Ив.Баженов
1738, 1 марта.

Начал учиться читать на 5-м году.
Записан в Университет 17-и лет (в 1755-м).
Взят в академию П.бургскую того же года (1758)[25].
Прапорщиком 1760. 15 марта
Поех<ал> за море id. 12 сент.
В Риме 1762
Поехал из Парижа в Россию в 1765-м годе со мною на одном корабле вместе.
В СПБ. 2 дек. 1766. Артил<лерии> капит<ан>.
16 генв. 1779 надворный советник } именным
13 марта 1784 кол<лежский> советник } указом
Кавалером Владимирским в... день 17 ...
Аннинским 2-я степ<ень> действительным Статским советником в...день... 1795-го года.

Вицепрезидентом Академии, в которой был первым воспитанником, в... день... 1799-го года. Умер от паралича во 2-й день августа 1799 года, поболев 5 дней, похоронен у Смоленской, потом в селе Глазове[26].

II РАННИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ. ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА. 1738—1760

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

2 ИСПОВЕДНАЯ ВЕДОМОСТЬ ЦЕРКВИ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА ЧТО НА КУРЬЕ НОШКЕ

1740[1]

	<возраст>
Собора Воскресенья Христова что вверху	
священник Никита Афанасьев	62
Жена ево Анастасия Иванова	63
Зять ево, того ж собора пономарь Иван Федоров	30
Жена ево Мария Никитина[2]	26
Дочь ево Елисавет	7
Сын Василий	2

3 ИСПОВЕДНАЯ ВЕДОМОСТЬ ЦЕРКВИ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА ЧТО НА НИКИЦКОЙ

1751[1]

	<возраст>
Церкви святого Иоанна Предтечи что вверху	
псаломщик Иван Федоров	42
Жена ево Марфа Никитина	36
дети:	
Феодор, тоя церкви псаломщик	24
Василей	17
Иоанн[2]	9
Мария	4

4 РЕПОРТ ЭКЗЕКУТОРА З.ЕВЛАШЕВА В МОСКОВСКУЮ КОНТОРУ СЕНАТА О ПЕРЕНОСКЕ КРЕСТА, СООРУЖЕННОГО Г.ШУМАЕВЫМ, В СРЕТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ[1]

10 апреля 1755

<...> А при работе и постановлении оного креста находились представленные из Московского магистрата столяры <...>, да для срисования и разбирки оного ж креста февраля с 25 сего ж апреля по 7-е число присланные от

архитектора князя Ухтомского[2] живописцы три человека, из коих двое Александр Полозов, Василий Иванов[3] вольные, а третей обретающийся у архитекторских дел копиист Григорей Полозов[4] и оные столяры и живописцы за их при том кресте работу требуют заработных денег <...>.

5 ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ НАУК

11 января 1756 г.

<...> И в силу оного представления в канцелярии Академии наук определено помянутым присланным ученикам[1] обучаться в нижеследующих департаментах, а именно Василию Баженову рисовать и архитектуре с принадлежащими к тому науками, яко то арифметики и геометрии у господина архитектора Чевакинского, а иностранным языкам в гимназии. <...> О чем к архитектору Чевакинскому послать указ <...> с таким подтверждением, чтоб оных учеников обучали с крайнею прилежностью, ничего не скрывая, но о всем основательно и порядочно изъяснять и добрым наставлением и толкованием их награждать и стараться как наивозможно в непродолжительном времени всему тому их обучить, чему кто обучается <...>

6 РЕПОРТ С.И.ЧЕВАКИНСКОГО В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

23 марта 1756 г.

По присланным из реченной канцелярии к нам указам велено присланного из Московского университета ученика Василья Баженова обучать рисовать и архитектуры с принадлежащими к тому науками, то есть арифметики и геометрии, а иностранных языков в гимназии, в которые же дни ему Баженову сколько часов быть в архитектурней науке и в науке иностранных языков, о том назначить время вообще с инспектором гимназии Модерахом[1] и сколько ему в которые дни часов при архитектурной науке и при обучении иностранных языков быть, о том подать нам обще ведомость, о успехе ж его и о состоянии репортовать ежемесячно.

И на оное сим репортуем: объявленной ученик имеет обучаться архитектурии и рисовать и протчих принадлежащих к тому наук, яко арифметики, геометрии и трегонометрии окроме шабашных дней каждой день по полудни по четыре часа, а иностранных языков до полудни по два часов. Для ж обучения архитектурии и протчих принадлежащих наук повелено б было отпустить архитектурную книгу Винийолу на немецком языке в переплете одну[2], бумаги александрийской две дести, бумаги пищей три дести, бумаги книжной три дести, карандашей три дюжины, досок рисовальных липовых в дубовой обвяске две, винкельгаков[3] буковых два, линеек две, перья гусиного один пучок, доску аспидную одну и два грифеля.

7 РЕПОРТ ИНСПЕКТОРА ГИМНАЗИИ К.Ф.МОДЕРАХА В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

30 марта 1756 г.

<...> Велено присланных из московского университета учеников Василья Баженова, Ивана Кузнецова, Александра Игнатьева и Ивана Семенова[1] обучать в академической гимназии иностранным языкам, положено было по два часа в день, а именно 9. и 10. по полуночи в классе учителя Лавия[2] и для того учения выданы им из книжной лавки следующие книги, а именно каждому

по азбуке французской, по грамматике и по ексемпляру «Школьных разговоров»[3], а по поданному мне от реченного учителя Лавия репорту явствует что оные ученики в класс не ходят Василей Баженов с 15 марта <...> А для чего они в классы ходить перестали, о том я неизвестен, кроме того, что Василей Баженов мне объявил словесно сего марта 26 числа, что он не ходит за болезнию <...>.

8 РЕПОРТ С.И.ЧЕВАКИНСКОГО В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

30 мая 1756 г.

Определенные ко мне Московского университета для обучения архитектурии два человека учеников Василей Баженов обучается порядочно, которой чертит ордены, арифметику обучил, а ныне обучает геометрию. Михайла Удисов[1] обучает арифметик и рисовать от руки <...>.

9 РЕПОРТ С.И.ЧЕВАКИНСКОГО В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

Конец ноября 1757 г.

Имеются у меня во обучении Московского университета ученики Василей Баженов, Михайла Удесов, из которых Баженов ордены прочертил, а ныне обучается делать планы и фасады и обучается прилежно. Удесов арифметику и геометрию обучил, а ныне обучается рисовать и ордеры чертит.

10 А.Ф.КОКОРИНОВ[1] — И.И.ШУВАЛОВУ

12 января 1760 г.

Санктпетербургской императорской академии художеств студент Василей Баженов по особливой своей склонности к архитектурной науке прилежным своим учением столько приобрел знания как в начальных препорциях, так и в рисунках архитектурных, чем впредь хорошую надежду в себе обещает: что осмеливаюсь вашему высокопревосходительству за его прилежность и особливой успех всепокорнейше представить к произвождению в архитектурные втораго класса в кондукторы[2] с жалованьем по сту по двадцати рублев в год.

Архитектор Александр Какоринов.

NB. По сему атестату доношение подано в Сенат о произвождении онаго Баженова в кондукторы 14 марта 1760 году.

11 УКАЗ СЕНАТА КУРАТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И.И.ШУВАЛОВУ

Апрель 1760 г.

<...> Правительствующий сенат по доношению вашему, коим вы представляли о награждении находящегося при новоучрежденной здесь Академии художеств студента Василья Баженова по архитекторной науке за прилежное обучение чином в архитекторные второго класса кондукторы, и потому б чину надлежащее ему жалованье определить, и по учиненной в сенате справке, приказали по оному вашему генерал-порутчика, действительного камер гера и кавалера представлению объявленному студенту Баженову за прилежное его обучение и знание архитекторной науки быть архитектурии помощником в ранге прапорщика, з жалованьем по сту по двадцати рублев в год и о том, объявя ему указ, привесть к присяге <...> а показанному Баженову указ сказан, к присяге приведен и в статс-контору указ послан майя 1 дня 1760 года.

III ЗА ГРАНИЦЕЙ. 1760—1765

ПЕРЕПИСКА В.И.БАЖЕНОВА С АКАДЕМИЕЙ ХУДОЖЕСТВ И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

12 И.Г.ЧЕРНЫШЕВ[1] – И.И.ШУВАЛОВУ

Из Вены, 6/17 марта 1762 г.

Я получил письмо от Баженова из Парижа, которое имею честь переслать к вам в подлиннике[2]. То хорошее, что мне говорят об этом человеке, превосходит воображение; думают даже, что в ближайшем собрании архитекторов он получит первую награду за сделанный им проект Дома инвалидов, который обладает всеми совершенствами. Говорят в то же время, что его поведение и образ жизни отвечают его искусству, но бедняга лишен самого необходимого. Если бы вы захотели прибавить к его жалованью по крайней мере сотню рублей, это позволило бы ему устроиться удобнее. Это бы сделало его более прилежным и это служило бы к чести нашей страны в том отношении, что здесь желают вознаграждать также и достоинства. Он много говорит о своем отце, я думаю, что вы хорошо сделаете, дорогой друг, если вы благоволите его ему послать. Это средство делать людей полезными стране и дать им возможность вечно вас почитать <...>.

13 ИЗ КАТАЛОГА СОБРАНИЯ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ, СОСТАВЛЕННОГО К.И.ГОЛОВАЧЕВСКИМ[1]

1773 г.

Прожекты архитектурные, присланные
от пенсионера господина Баженова в 1762 году[2].

г.Баженов	1. Генеральной план Инвалидного дому	I
	2. Фасад Инвалидного дому в раме за стек<лом>	I
	3. Фасад церкве к тому дому в раме за ст<еклом>	I
	4. Фасад в преспекте той же церкви в рамах за стеклом	I
	5. План оной церкви	I
	6. План с фасадом триумфальных ворот при Инвалидном доме	I
	7. Фасад триумфальных ворот в рам<е> за ст<еклом>	I
	8. Блафон рисованной тушью в раме за ст<еклом>	I

14 ИЗ ПРОТОКОЛА КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ

Париж, 12 июля 1762 г.

Господин Базиль Баженов представил в Академию различные работы своей композиции; Академия смотрела их с удовольствием и расценила как плоды прилежного труда и исследований, сопряженных с усердием и знаниями.

15 И.И.ШУВАЛОВ — В.И.БАЖЕНОВУ И А.П.ЛОСЕНКО[1]

27 августа 1762 г.

Господа Академии Адъюнкты[2].

Ее императорское величество[3], между протчими великими попечениями о пользе и добре своего государства, и художества своим покровительством удостоила; почему все вы наикрепчайше свои старания усугубить должны, дабы удостоиться монаршего благоволения. Мне не инако как весьма приятно слышать о ваших успехах и вашей прилежности, которыми вы делаете честь себе, а более нашей нации, о чем уверен, что вы всегда, получа о себе такую репутацию, более ее распространить не оставите; по последнему экзамену[4] вы произведены оба адъюнктами, с чем я вас честь имею поздравить.

Писал я графу Петру Григорьевичу[5], чтоб вас, естли обстоятельства требуют, отправить в Рим, о чем вы, доложась его сиятельство свои распоряжения к тому приготовьте, ко мне же как об оном, так и о протчем, что до вас принадлежит, чаще пишите, господина Лосенкова картину нетерпеливо ожидаю[6]. На место вас в Париж ученики посланы будут. <...>

16 И.И.ШУВАЛОВ — В.И.БАЖЕНОВУ И А.П.ЛОСЕНКО

10 сентября 1762 г.

Господа адъюнкты.

Что принадлежит для вашева жалованья, то оное переведено к вам щитая с 21 сентября 1762 году вперед на год[1] чрез купца Томсона[2], которое, я чаю, вы и получили; но как мое намерение чтоб Лосенкову быть в Москву, а Баженову на зиму в Рим, как о том и писал к графу Петру Григорьевичу, то в случае нужды, естли не достанет на ваше жалованье и к отъезду на принадлежащие исправности из тех прежде посланных чрез купца Томсона денег, еще послано верющее письмо чрез купца Мишеля на тысячу рублев[3], из которых денег, употребя на ваши нужды как в жалованье, так и пристойного числа на дорогу, и что из того останется, то можете употребить на покупку хороших эстампов, рисунков, книг и протчего пристойного или надобного для Академии художеств и искупя все оное отправить в Академию.

17 РЕПОРТ А.Ф.КОКОРИНОВА — И.И.БЕЦКОМУ[1]

5 мая 1763 г.

<...> По ордеру его высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова Академии художеств архитектурии адъюнкт Василей Баженов должен <был> отправиться из Парижа в Рим для продолжения его учения в исходе ноября месяца прошлого 1762 году. Осмеливаюсь вашему высокопревосходительству представить: какое время определить соизволите для пребывания его в Риме, почему бы можно было учредить при нынешнем способном случае перевод деньгам для его содержания, на что ожидаю вашего высокопревосходительства повеления. А от помянутова адъюнкта Баженова Академия никакова известия не имеет[2] <...>.

18 КОКОРИНОВ (?) — БАЖЕНОВУ

5 июля 1763 г.

Благородный господин адъюнкт.

Сею почтою отправлен от Академии вексель на тысячу рублев и письмо с рекомендациею к господину Беллонию[1], главному банкиру в Риме, от котора для содержания своего можете требовать считая по четыреста рублев на год, а что Академия никакова от вас поныне известия не имеет, того для вам подтверждается, чтоб изволили при оказиях о себе уведомлять, а особливо по прибытии в Санктпетербург вы непременно должны будете представить журнал всего вашего вояжу и что примечания достойного будете видеть и в каких местах. Вы можете остаться в Риме год или полтора, а после изволите объездить и осмотреть знатнейшие города и академии в Италии с тое ж суммою и об отъезде в Санктпетербург ожидать ордера. Наиболее всего рекомендую употребить время вашего вояжирования к славе своего отечества и к собственному вашему благополучию, что и не сумневаюсь.

Пребывая верным вам слугою.

19 ПРОМЕМОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

16 октября 1763 г.

<...> Пребывающей в Париже камер юнкер и полномочный Министр князь Голицын[1] от 28 августа сего 1763 года реляциею доносил, что живущей в Риме для обучения архитектуры Академии адъюнкт Баженов писал к нему, что не имея денег претерпевает тамо крайнюю нужду, почему оной князь Голицын переслал к нему через вексель пять сот ливров французских, о получении которых он уже и известие имеет <...>[2].

20 ЭКСТРАКТ ИЗ ПИСЬМА А.Ф.КОКОРИНОВА — В.И.БАЖЕНОВУ

от 28 ноября 1763 г.

В несовершенном платеже из банка г.Белло[1] я при сем к нему пишу что за рубль российской считается обыкновенно в Риме 94 и 95 баиоков, да и перевод наш состоял 47 штиверов, а обыкновенно всегда считается в галанском червонце 105 штиверов, в Риме ж такой червонец имеет 2 скуди[2], что учинит 200 баиоков, как и на первой почте от г.Беллония я получил извинения, что все то было зделано от комплементария[3] ошибкою, а считаю 90 баиоков в рубле, а токмо надлежит 94 по курсу, что ж принадлежит до курсу, то Академия без сумнения принимает на себя, а не на ваш счот, как точно и ордер дан платить вам по 400 р. ровно. Что ж изволите находить себя обиженным и печалитесь в разсуждении что вы Академиею произведены адъюнктом по вашим присланным успехам, извольте мне верить и продолжать вашу прилежность без огорчения, потому что вас Академия хотя считает как пансионера, однако ж она вас не ожидает адъюнктом, а надежна вас получить профессором в архитектуре, что и рекомендую вам для чести нации и собственной пользы стараться до того себя своего прилежностию довести, чтоб вы могли привесть с собою в Академию, как от Римской, так и от других знатнейших академий дипломы на профессорское ваше достоинство, которые без сомнения и в нашей Академии силу и действие свое в вашу честь иметь будут.

21 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ А.Ф.КОКОРИНОВА И.И.БЕЦКОМУ

Март 1764 г.

<...> Баженов обучался в Париже с начала 760 году по декабрь 762 году; в Риме находится тово же году с 21 декаб<ря>. Просят[1] <...> Господин Баженов, находя себя достаточным в обучении, о возврате в Россию, а при том представляя крайнее недостаточное свое содержание определенным четырем стам рублям жалованьем, на платеж сверх содержания учителям и другие необходимые для учения их расходы; не соизволите ли ваше высокопревосходительство для лучшего их ободрения и к чести Академии так как адъюнктам из особливой милости наградить прибавкою по прошениям их, на книги, эстампы и протчее к лутчей их пользе, каждому по двести рублев на год. И дозволить гдну Лосенкову пробыть в Париже ноября по 1-е число, а потом на два года ехать в Италию. Гд-ну Баженову в Риме по 1-е число июля; что учинится пребывания его в Риме полтора, в Париже два года. Остальную ж полгода предоставить в ево расположение при возврате ево в Россию, для осмотрения в Италии городов. На что ожидаю вашего высокопревосходительства милостивого повеления[2].

22 ЭКСТРАКТ ИЗ ПИСЬМА А.Ф.КОКОРИНОВА — БАЖЕНОВУ

3 апреля 1764 г.

Я весьма радуюсь, что вы, государь мой, при сем[1] получаете возвратное в Россию повеление и прибавкою к жалованью вашему награждения, в чем вас сердечно поздравляю; хотя время для пребывания вашего в Риме вам и предписано, но оное вы равно можете употребить как и для осмотрения при возврате вашем знатнейших городов и академий по разсмотрению вашему; для чего остальную сумму от г.Беллония, наперед сделав с ним исправной расчет, взять извольте, а в прибавок ко оной в Венеции от господ Кареджаний получить можете, о чем от меня к ним и писано; притом рекомендую вам для лутчего вашего здесь ободрения стараться от знатнейших академий исходатайствовать на достоинства ваши дипломы.

23 А.Ф.КОКОРИНОВ — БАЖЕНОВУ

6 апреля 1764 г.

Благородному господину адъюнкту Баженову.

Императорская академия художеств по известным вашим успехам, с воли его превосходительства генерал-порутчика, действительного камергера и кавалера, над строениями Ее императорского величества и Академии художеств главного директора, Императорского воспитательного дому главного попечителя Ивана Ивановича Бецкого, награждает вас к полученному ныне вами жалованью по двести рублев в год, которое и имеете получать с 1 апреля сего 1764 году, а притом при возвращении вашем к будущему генварю 1765 года в Россию дозволяет в Риме вам пробыть по 1 число июля сего 1764 году; а с того числа до 1 числа будущего генваря ту последнюю половину с проездом в Россию к назначенному числу года, при возврате вашем предоставляет в ваше расположение, или пробыть в учении у того же учителя, у которого вы ныне находитесь[1], и для осмотрения в Италии городов и достопамятных и для вашего сведения нужных вещей с примечанием в разных местах время проводить; при сем от Академии рекомендуется стараться вам для вашего ж удовольствия иметь для лутчего сведения в вашем искусстве от профессоров, у которых вы были и

ныне находитесь, атестаты; в чем и Академия не сумневается видеть во все время пребывания вашего не тщетно ожидаемые ею от вас успехи.

24 И.И.БЕЦКИЙ – БАЖЕНОВУ

Петербург, 25 апреля 1764 г.

Господин Баженов.

Письмо ваше от 29 февраля мною получено[1] и в силу той вашей прозьбы 6 апреля от Академии к вам писано было, что жалованья вам с 1 апреля нынешнего года прибавлено по 200 рублей, а притом время оставлено вам на возвращение в Россию до 1 генваря будущего года, которое время и предоставлено в ваше расположение, с тем чтоб пользуясь оным могли употребить на осмотрение в Италии городов с примечанием достопамятных и для вашего сведения нужных вещей, в чем я и не сумневаюсь, что время то не напрасно препроводите, но к пользе вашей и чести отечества нашего конечно покажете достойно ожидаемые Академиею успехи. Что ж принадлежит до исправности в переводе вашего жалованья, то мною приказано, что и зделано: и вы, не имея в том ни сумнения, ни печалей, должны с покоем остаться. А притом рекомендую вам знать, что как ваши письма Академиею получены, так и о платеже, производимом вам на жалованье, всегда Академия уведомлена бывает (как мне о том сказано) да и сколько для вас переведено также ей небезизвестно. Впротчем я радоваться буду когда по возвращении вашем в отечество представите себя полезным обществу столько, сколько в вас Академия ожидает <...>

25 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В.И.БАЖЕНОВА В АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

Париж, 31 октября (11 ноября) 1764 г.

Оная Императорская Академия из прежних представлений моих и писем к управляющим ее уже усмотреть соизволила, какую нужду и бедность сносить я должен был приехав в Рим, а особливо во время бывшей там дороговизны, и что сие единственно происходило от непорядочной пересылки ко мне всемилостивейшего определенного мне жалованья. И хотя потом и прислано было довольно для меня денег; но я не мог получать их инако от комприментария как помалу и делая ему при всякой выдаче чувствительные подарки. Сие все могло бы весьма вредствовать мне и в ученье, также и в объезде для осмотрения околичных тамо примечания достойных зданий, естли б я напоследок не нашол доверенности в тамошних жителях и не получал бы от них по нескольку в долг. Наконец присланным ко мне из оныя приказом велено было возвратиться в отечество к будущему генварю, и употребить остальное время на осмотр всех знатных мест в Италии, а при том дано было знать, что потребные мне на такой проезд деньги переведены будут ко мне в Венецию. Повинуя сему повелению я Рим оставил и объездил почти всю Италию исключая Неаполь, где не был я за бывшим там тогда голодом и мором. Приехав же между протчими в Венецию не нашол я тех обещанных мне денег; и так естли б я не сыскал с помощию господина Валериаииа[1], маиора войск наших, занять тамо пятьдесят червонных на данной мне в них на Императорскую академию вексель, то сей случай мог бы привесть меня в великую крайность; со всем тем сия сумма была не столь велика, чтоб можно долго ею довольствоваться; должно было ею жить и из оныя употребить на дорогу. Учиненное на меня вскоре по выезде оттоль хотя и неудачное нападение разбойниками, коих я познав заявил и кои потому гнались за мною чрез всю Венецкую области в намере-

нии убить, принудило меня иметь лишние издершки; ибо должен я был нанимать для безопасности провожатых солдат; по счастию сыскал я способ занять у одного моего римского приятеля еще несколько денег, однакож всех оных не было у меня столько чтоб ехать можно с ними прямо в Россию; а потому почел я за лутчее приехать сюда[2] надеясь сыскать помощь дачею мне взаймы нужных на дорогу денег в ком либо из находящихся в сем городе в таком множестве господ. Между тем же просил я Императорскую академию о переводе тех на проезд денег сюда, приметя при том, что и самое малое еще в том замедление может опять в крайность меня ввергнуть.

Надежда моя была совсем тщетна, я не имел ожидаемого вспоможения, не получил же равномерно и столь ожидаемых мною из Императорской академии денег; таким образом неминуемо принужден был продавать за безценок нужнейшие мне вещи и самые книги, чтоб тем сколько можно еще пробавляться и не умереть хотя уже с голоду; такое отчаянное состояние мое заставляет меня представить о том Императорской Академии и всенижайше просить оную о немедленной пересылке нужных мне денег. Мои обстоятельства уже теперь не таковы чтоб малым числом можно было исправиться; а посему и необходимо нужно мне все остальное за сей год жалованье и оного ж впредь на полгода, да потребные на проезд до Санктпетербурга, коих обыкновенно дается посылаемым отселе по 2500 ливров[3]. Я также прошу перевесть вместе с оными издержанные мною на щет Императорской академии, как то на поездки и прочее собственные мои и занятые деньги, коим при сем записку прилагаю[4]. Сии расходы должен был я зделать неминуемо, ибо определенное мне жалованье и без сих употреблений чуть доставало на одно мое содержание. Напоследок я надеюсь что все сие милостиво разсмотрено и я по справедливости и скоро удовольствован буду и избавлюсь тем от насильственной погибели.

О сем всепокорно просит Василей Баженов, адъюнкт той Императорской академии архитекторы и профессор Римской святого Луки и Флоренцской и член Булонской академей.

26 СЧЕТ РАСХОДАМ БАЖЕНОВА В ИТАЛИИ

[Октябрь-ноябрь 1764 г.].

Счот полученным мною в жалованье и на поездки деньгам и что мною употреблено, считая российский рубль точно скудиями римскими.

получено

Прислано из Парижа от полномочного министра в щет жалованья 500 ливров, кои по курсу зделали	87 руб.	
Из Императорской академии художеств	800	
В Венеции занял я по данному мною на оную векселю 50 червонных, кои зделают по курсу	129	
	1016	

издержано

Из сих денег имеет быть в жалование мне с 1 сентября 1763 года, по которое число выдано мне оное при отъезде из Парижа, по 1-е апреля сего 1764 года, итого на 7 месяцев из прежде бывшего мне окладу 400 рублев в год	233	33¹/₄
Да с апреля по минувшей сентябрь, на 5 месяцев по нынешнему 600-рублевому окладу	250	—
	483	33¹/₄

На поездку во Флоренцию с возвратом употреблено	150	—
В церковь святого Луки при зделании профессором Римской академии дано по обыкновению	62	
На поездки во все околичные места Рима как то в Тиволи[1], в Фрескати[2] и в протчие в разные времена тамо моей бытности издержано	165	
Остальные употреблены на объезд разных примечания достойных мест в Тоскане, Парме и других частей Италии по выезде из Рима и по приезде в Венецию	155	$66^{1}/_{2}$
	1016	$66^{1}/_{2}$

Да к тому еще в сию поездку прибавлено своих и занятых	164 руб.	33
На проезд же от Венеции до Парижа	350	—
обоего	514	33

NB.При отъезде из Парижа в Рим дорожных дано было на проезд 300 рублев.

27 М.И.ВОРОНЦОВ[1] – И.И.ШУВАЛОВУ

Берлин, 30 сентября (10 ноября) 1764 г.

<...> Прошу вашего превосходительства мне одолжение сделать и ссудить на проезд г-ну Баженову до здешнего места потребное число денег. Я думаю, что немного будет коштовать его поездка на ординарных почтовых дилижансах от одного города до другого; а я его отсюда с собою возьму, и мне он здесь надобен для снятия некоторых планов; я надеюсь что он затруднения не учинит сюда приехать и прошу о том с ним поговорить и меня уведомить <...>.

28 М.И.ВОРОНЦОВ – И.И.ШУВАЛОВУ

Берлин, 4 (15) декабря 1764 г.

<...> За обещанное отправление Баженова покорнейше вашему превосходительству благодарствую; я уповаю, что он меня здесь еще застанет ибо по нынешней непроездимой распутице я должен до надежной дороги здесь остаться и уповаю через 4 или 5 недель отсюда выехать[1]<...>.

29 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В.И.БАЖЕНОВА В АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

Париж, январь — 20 февраля 1765 г.

Я уповаю, что Императорская Академия получила уже ныне и последнее мое нижайшее представление и что усмотря мое состояние зделала какое-либо решительное по тому определение. Осталось мне только ожидать оного, но крайность моя не такова чтоб я мог ждать спокойно. Теперь уже близ года как обещано мне перевесть в Венецию нужные на дорогу деньги да уж и седьмой месяц минул как я здесь; со всем тем не имею я не токмо денег, но никакого о том решительного известия и препровождаю жизнь свою в крайной бедности и отчаянии. Я теряю также напрасно время мое здесь, кое мог бы я может быть употребить с пользою, ибо теряю я его здесь потому что ожидая с часу на час потребные мне деньги, а потому и время моего отъезду, не могу я ничего начать делать в такой будучи неподлинности. Отчаянность лишает меня совсем

охоты упражняться. Все сии бедственные для меня обстоятельства обязывают донесть еще о всем том Императорской академии и покорнейше просить оную о уведомлении меня по крайней мере какое она заблагорасудила здела<ть> о мне решение.

О сем всепокорно просит Василей Баженов а <дъ>юнкт той Императорской академии, архитектор и профессор Римской, Флорентинской и Булонской академий.

30 БАЖЕНОВ – И.И.БЕЦКОМУ

Париж, январь — 20 февраля 1765 г.

Милостивый государь Иван Иванович.

Я сожалею весьма, милостивый государь, что я столько обеспокоиваю ваше превосходительство, мое отчаянное состояние и бедность заставляет меня сие делать. Ваше превосходительство по представлениям моим, особливо по последнему и нынешнему, изволите знать, что я, дожидаясь столько обещанных мне денег живу здесь праздно, теряю напрасно время и сношу притом крайнюю бедность и нужду. Я не знаю, какое Императорская академия имеет в разсуждении меня намерение и не могу инако из того заключить, как только что я совсем оставлен. А прошу покорнейше ваше превосходительство приказать зделать со мною что либо решительное и меня о том уведомить.<...>

31 А.М.САЛТЫКОВ[1] – Д.А.ГОЛИЦЫНУ

Март 1765 г.

Сиятельнейший князь!

Императорской академии художеств совет, желая возвратить пребывающего ныне в Париже адъюнкта Баженова, просит ваше сиятельство взять на себя труд, исправя нужды его необходимые, отправить сюда на первых кораблях; дав ему на дорогу до Санктпетербурга сколько ваше сиятельство заблагорассудите, ему надобно. Императорская академия художеств не преминет заплатить тот вексель в свое время, которой изволите на имя оной выслать <...>.

32 СЧЕТ РАСХОДАМ БАЖЕНОВА ВО ФРАНЦИИ В 1764–1765 гг.

Вышеписанной щет[1] отправлен был из Парижа при вышеозначенном представлении[2], а потом в Париже, доколе деньги от оной Академии художеств ожидаемы были, принужден был заложить мой сундук с книгами, которой за просрочкою совсем пропал, в коем книг было по цене на	350	
Окладного в шести сотное число годового жалованья сентября с 1-го 764-го июля по 1-е число 765 году или по день наугурации[3], всего за 10 м<еся>цев не выдано	500	
Да от Парижа должно мне было ехать сухим путем, по самой крайности в деньгах принужден был отправиться морем; а путевых денег на проезд обер офицерских чинов посылаемым выдается по	500	
Итого	1864	30
А за выключением требуемых тою Академиею двухсот девяноста восьми рублев сорока семи копеек с половиною[4] должна мне она Академия художеств заплатить	1565	82

IV БАЖЕНОВ И АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ. 1765—1767

ПРОЕКТ ЕКАТЕРИНГОФСКОГО ДВОРЦА

33 ИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОВЕТА АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ 20 ИЮНЯ 1765 г. ПУНКТ 3.

Бывшие прежде Академиею произведенные адъюнктами господа Баженов, Козлов, Рокотов, Головачевский и Саблуков[1] удостоены ныне быть академиками, произведены ж в сие достоинство не тем образом как конфирмованный Ее императорским величеством регламент повелевает по той притчине, что они уже прежде были адъюнктами и хорошее поведение их и прилежность к трудам Академии известны; того для и определено приготовить ко дню инавгурации дипломы на достоинство академиков всем вышеупомянутым бывшим адъюнктам, также и признанным в достоинство академиков по той же притчине прежним академикам Роллану и Гроту[2], которые утвердя также печатьми представить в совет, а их всех позвав в совет объявить сие, возвратившемуся же из чужих краев бывшему адъюнкту Баженову хотя академическое достоинство дипломом и утверждается, но определено задать ему програм, по которому он должен доказать знание свое, в чем он в отсудствие из России упражнялся, которую заданную работу окончавши обязан он представить в академическое собрание для разсмотрения, которая и останется в Академии.

34 ДИПЛОМ НА ЗВАНИЕ АКАДЕМИКА

К пользе и славе
России
августейшею императрицею
ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ
установленная
и
покровительством ее сохраняемая
Санктпетербургская
ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ

властию ей от самодержицы данною
за оказанный опыт в архитектурном художестве
ГОСПОДИНА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА БАЖЕНОВА

Общим во избрании согласием признавает и приемлет АКАДЕМИКОМ своего Академического Собрания, дозволяя ему пользоваться тем правом, каково званию сему в установлении Академии МОНАРХИНЕЮ предписано. Дан в Санктпетербурге за подписанием Президента Академии с приложением ее печати в Лето от Рождества Христова 1765-е июния 28 дня.

На подлинном подписано тако:
Иван Бецкой
Конференц секретарь Александр Салтыков.

35 А.Ф.КОКОРИНОВ, Ж.-Б.М.ВАЛЛЕН ДЕЛАМОТ[1]. — ПРОГРАММА ПРОЕКТА ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ БАЖЕНОВЫМ ЗВАНИЯ АКАДЕМИКА

3 августа 1765 г.

ПРОГРАММ
Императорской академии художеств г<оспо>дину
академику Василью Ивановичу Баженову.

Сочинить проэкт увеселительному дому, величины посредственной, не более как 15 длины к 7 или 9-ти саженям широты, вышины по пропорции в два с половиною этажа[2], с отделенными двумя пропорциональными флигелями 7 или 9 длины 5-ть сажен широты, расположа во оных,

в главном корпусе

в нижнем этаже салы, *гостиную, столовую билияртную*. Бани: *теплую* и *прохладительную, с бассеинами и фонтанами*, каморы для отдохновения, *одевания и хранения уборов*, со всеми к ним принадлежностями, остальные же разделить на покои; в первом или лучшем этаже две *антикамеры*[3], *сал, кабинет парадной, библиотеку, кабинет для письма, спальню, уборную, будуар* с небольшими гардеробами и всеми выгодами нужными, а притом один или два небольшие *апартамента* с удобным расположением всего, что *спокойствие и нужда* требуют, изыскивая всевозможнейшие средства для *спокойного, здорового и приятного* пребывания, с потаенными ходами как между нижним и первым этажами, так и между небольшими апартаментами и антресолями.

Во втором апартаменте или медзенинах, *гардеробы* для платья с несколькими небольшими *апартаментами*.

В первом флигеле

Кухни со всеми принадлежащими к ним надобностями и *покоями* для чиновных служителей.

Во втором флигеле

Покои для кондиторской и протчих служителей.

Главный двор, в длине и ширине, расположить по препорции, пред оным другой двор или преддворие, который должен быть непременно третиею частию первого больше, с двумя побочными двориками, из которых чтоб один служил для погребов и магазейнов, для содержания всяких надобных провизий и протчего. Другой для конюшен, сараев, скотных покоев и для служителей, что все расположить по пропорции дому павилионами, соблюдая всю *надобность и выгоды* необходимо нужные, к удовольствию генерально для всех и каждого особенно, с удобными при всяких воротах для привратников покоями, в предвории же как для инфантерии, так и кавалерии двумя караульнами.

При сем доме должен быть сад, в ширине и длине по пропорции дому и положения места, с небольшими овощными огородами, ранжереями, тепли-

цами и протч. Одним словом, не упуская ничего, что *украшение и надобность* требуют, расположить оной в аглинском вкусе, с удобными прудами, каналами и пристаньми, для чего имеете получить план петергофскому при Марлеиском доме пруду с малыми позади оного прудиками[4], дабы по разсмотрению подобные оным в пристойных местах положить могли.

Вокруг всего зделать зверинец с павильонами и проспектами, для разных охот, величиною оной сколько место дозволит.

В сем проэкте генерально требуется новой и еще не употребляемой вкус в величавой простоте, сохраняя *красоту, спокойствие и выгодность*, наблюдая дабы как в наружных украшениях, так и во внутренних уборах, *красота с пользою* были нераздельны, причем и внутренним уборам должны присовокуплены быть разсмотрительные с изъяснениями рисунки;

Для сего проэкта взять всю окружность Екатерингофа[5], где выбрать *положением, видом и ситуациями* наиспособнейшее место и по сей программе представить:

1. Генеральной план в малом виде, сажень масштаба чтоб была в полдюйма.

2. Три со всеми разделениями всего дому с павилионами обстоятельные планы, сажень маштаба чтоб была в один дюйм.

3. Две фасады, одна со стороны двора, другая от саду.

4. Разрез по ширине главного строения с надворными фасадами.

Сажень маштаба фасад и разреза чтоб была в два дюйма аглинских.

Вышина как внутренняя покоев так и наружная оставляется на разсуждение.

Архитектура должна быть ордена ионического, пропорции какая за лучшую признана будет.

36 В.И.БАЖЕНОВ. ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ЕКАТЕРИНГОФСКОГО ДВОРЦА

[1765 г.]

Объяснение зделанного мною проекта увеселительному Императорскому на Екатерингофском месте дому.

Воображая по заданной мне *сему* программе и положению места, что сей дом должен быть увеселительной, ионического ордена, иметь зверинец и стоять в роще, вздумал я основание его представить развалинами древнего дианнина храма и для того поднять его гораздо выше фундаментом, как назначено на профиле. Предписанную мне сему дому четвероугольную фигуру переменил я на круглую, изображающую внутри андреевской орден[1], потому что оной имеет быть обиталищем ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, вместо ж флигелей, двор окружающих, я разсудил зделать Амфитеатр, имеющей вид древности, чтоб он тем более приличествовал к представленному в развалинах основанию.

Сей дом можно зделать и без Руин ежели то не покажется. Я расположил на плане надвое, и ежели же без Руин, то зделать Амфитеатр с обыкновенными колоннами; число ж их употребить такое, сколько у нас есть городов, почему и поставить на них статуи с гербами каждого города. Расположение покоев зделал я так как мне предписано было, с малыми только отменами, учиненными мною для большего спокойства и выгодности, как то в описании усмотрено будет.

Пропорции сему дому дал я палладиева вкуса[2], кой в строении увеселительных домов более других я почитаю; во многих же местах пропорции данные мною по моему усмотрению. Против четырех сего дома портиков поставил я летящие на крылатых конях славы и против них снаружи дома статуи,

изображающие четыре части света, чтоб представить тем гремящие всюду великие дела обитательницы сего места.

Большой двор назвал я Марсов потому что во оном расположил я покои для конной с одной стороны, а с другой для пехотных гвардии. Побочные дворики служить будут для житья придворным вышним и нижним служителям, и помещения потребного, как то в описании литерами означено, позади же оного большого двора места промежду каналов, где есть теперь лес, определил я для зверинцов породам зверей.

Сей дом обнес я каналами как для способности лучше подъезжать к нему водою так и чтоб дать ему течением воды живность и открытой вид италианских строений.

На одном из четырех круглых островках, на коем статуя Геркулеса, что назначить можно позади славы, во особливом расположении место для каруселя и манежа; на другом же подле славы и в другом же расположении статуя Дианны, и Амфитеатр древнего римского вкуса для травления диких зверей.

Нынешней в Екатерингофе сад стоит не у места и будучи в болоте не может ничего произрастить хорошего, и для того и большей пристойности к сему новому дому я назначил его инде.

По сему должно поднять землю везде где строение будет, а особливо главное фундаментом, и также все берега; к чему щебень, хрящ[3] и тому подобные вещи заглушат все оное сырое место. Каналами ж осушить его скорее можно и истребить столь вредную для житья гнилость. Впротчем я не мог найтить лучше и красивее выбранного мною положением места, кое почти тут же где есть теперь строение.

ОПИСАНИЕ

зделанному мною проекту увеселительного дома
на Екатерингофском месте.

Главной корпус строения
в нижнем жилье

а. Гостиная.
б. Столовая.
в. Билиардная.
г. Прихожая.
д. Лесница сверх задачи, кою я нашол нужною.
е. Комната или зал.
ж. Для отдыхновения.
з. Баня прохладительная.
и. Для одевания.
і. Покои.
к. Спальня для дам дежурных.
л. Закрытая лесница.
м. Басень средней; я назначил на профиле — ежели будут проводные трубы по красным линейкам, то я чаю будет в нем столь силы, чтоб чрез весь нижний этаж во второй пройтить мог.
м. баня теплая.
м. басень.
н. для разагревания воды.
о. для холодной воды.
п. Нужник.
р. для буфета.
с. для подъемнаго стула.

т. для поклажи уборов.
у. ванна и канапе.
ф. можно положить сию комнату для прибавки и убавки теплоты.
х. Кабинетец, а другие, кои подле столовой, для разогревания кушанья, для чего в большом плане назначены канфорки.

Снаружи дома

ц. площадка.
ч. крыльца.
ш. места для славы, кои назначены на фасаде в 4 части света летящие.
ъ. Главной приезд и двор.
ы. дамские комнаты против баней а по другую сторону комнаты для его высочества; под оными в Руинах службы. А остальные два павильона при главном приезде кухня и кондитерская, что по задачи ежели весь прожект покажется великим, то можно только строить главное строение с Амфитеатром.

{ оное не по задаче

Руины, как я их описал выше сего, что и весь оной двор по моему мнению, ежели опробовано будет, то в перспективой можно назначить чрез отломленные части архитектуры зделать текущую воду ис под Слав на вкус фонтана де Треф в Риме[4], как несколько и назначено в геометральном фасаде на вкус же и италианских речек.
ь. Главная пристань при полуциркульном канале.
ѣ. Через каналы мосты.
э. Каналы и пруды на вкус Марлинского, хотя я оного не видел, а только слышал о нем, ежели оной и не во оном вкусе, однако на сем месте можно расположить и после.
Нынешнему каналу почти порчи не будет, только ему ширины прибавить.
ю. Бесетки и для посажения разных сортов птиц.
я. Дороги для всякого прутка. Оное я зделал для разных сортов рыбы и чтоб ко всякому прутку была своя дорога.

Остальные же места можно положить на парки и партеры. А за каналами пред строением промежду Тентелевой речки и прорытой ей подобной вновь, как назначено на малиньком плане, во оных местах зделать сады, поднять токмо берега, чтоб было гораздо выше, чем бы не допустить наводнения; а хотя и садов не делать, то чтоб оное болотное место совсем заглушить, дабы гнилые соки не подходили в строение.

Марсов двор и побочные два.

A. Для придворных большого чина служителей.
B. Для офицеров.
C. Для камор-лакеев, лакеев и ундер офицеров.
D. Магазеин.
E. Кухня для всего оного дворика.
F. Погреба.
G. Казармы для солдат пехотных.
H. Для конных солдат.
J. При большем дворе конюшни для офицерских, солдатских и разъезжих лошадей, под тою же литерой на другом дворике конюшни для придворных лошадей.
K. Сараи для карет.
L. Скотские сараи.
M. Для приворотников покои.
N. Лесницы под стропилы.
O. Покои для конюхов.

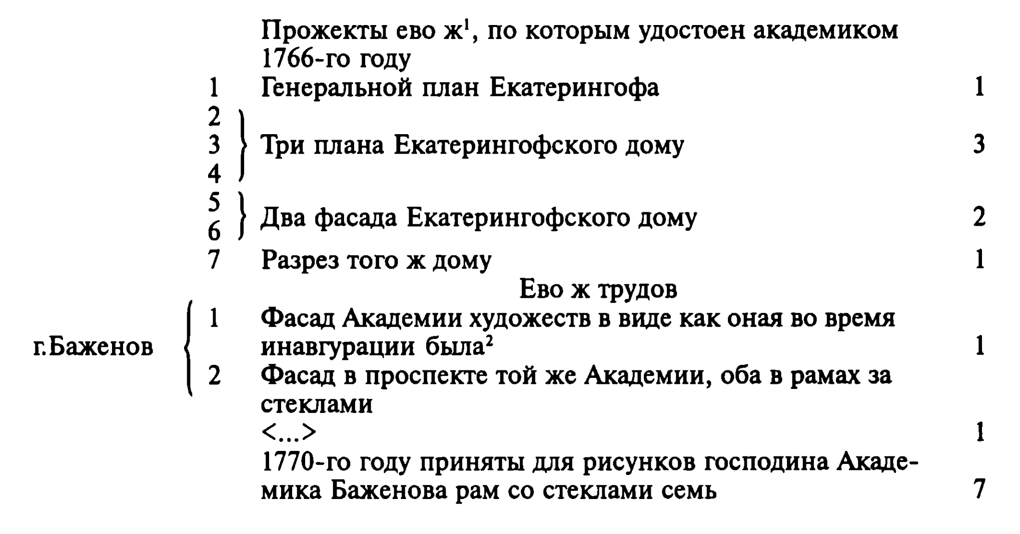
P. Для разных служителей.
Q. Фонтаны.
R. Проезд поперешной от Калинкина моста и что ныне вновь просечена проспектива.
S. Мосты в манеж, в карусель, в амфитеатр для травления диких зверей, где поставлены под литерой Т. статуи четырех частей света.
U. Зверинец.
Z. Марсов двор.

Главного строения расположение описаны имена покоев на плане. В третьем же полуэтаже по задаче задано для гардероб, но я еще расположил и альковы, что может служить для приезжих гостей.

На фасаде главного строения назначенным барелиевом можно изобразить гисторию Ее императорского величества.

На пиедесталах под четырмя славами можно зделать все баталии и что случилось важного.

37 ИЗ КАТАЛОГА СОБРАНИЯ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ. 1773

		Прожекты ево ж[1], по которым удостоен академиком 1766-го году	
	1	Генеральной план Екатерингофа	1
	2, 3, 4	Три плана Екатерингофского дому	3
	5, 6	Два фасада Екатерингофского дому	2
	7	Разрез того ж дому	1
		Ево ж трудов	
г.Баженов	1	Фасад Академии художеств в виде как оная во время инавгурации была[2]	1
	2	Фасад в проспекте той же Академии, оба в рамах за стеклами	
		<...>	1
		1770-го году приняты для рисунков господина Академика Баженова рам со стеклами семь	7

V УСАДЬБА ТИХВИНО-НИКОЛЬСКОЕ. 1766—1767

38 М.И.МАХАЕВ[1] — Н.И.ТИШИНИНУ[2]

[Петербург, март 1766 г.][3]

<...> Как скоро последнее из Москвы получил, видя ваше неотменное и твердое намерение, в тот же день хоть ростепель и мешала, <...> однако скоро бросился к знакомому, архитекторскую должность правящему, который недавно из Рима и Парижа, Баженов есть, показывая ваши письма; намерение, план разсмотревши сказал: есть ли ему воля пропорцию, места положение, широты камер, стен и прочего прибавить по его вкусу. Я уже в том не смел отказать, но охотно еще и просил; на 29 саженях, инде на 30 изволили положить долину. Я забыл, теперь нет при мне плана — у нево я ж его скоро отвез <...>. Да еще осталось о триумфальных воротах[4] доложить, сколь высоки, нада и расстояние от Волги (для счету фонарей) до триумфальных ворот <...>.

И в инвенции ворот ево ж просить, он правда теперь занят тож делами Его имп<ераторского> высоч<ества> состоит на жалованье[5] и в корпусе кадетском на жалованье ж[6], поболее 1000 р. получает да и работно, также в знаемости у больших самых бояр, больше как у их сиятельств <...>. А план и фасад просил черной зделать на большой александрийской бумаге и на аппробацию к вам отослать; однак еще не раскидали, видно чрез 3 дни не прислано, не делается ли почище для тово сево дня побываю по полудни <...>.

39 М.И.МАХАЕВ — Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург], 18 марта 1766 г.

<...> О чертеже для намереннова строения употребляю все нужные просьбы оному г.архитектору. Да увидел персонально что крайность: особыми высочайшими повелениями был отягощен, только что едва при свечках мысли свои располагал на чертеж несколько и будучи в растройке оставил до предбудущей недели и сказал, что я де полутче подумаю, а теперь вижу что не в порядке вымыслы. Затем что приводит большие чертежи также для наступающей весны в окончание его высочеству для Каменнова острова и для

его сиятельства графа Григория Григорьевича Орлова[1], которой сам был у нево третьева дня, торопит. А я меж тем, схватив у нево зачатой чертеж фасада и плана, не медлив с сею оказиею посылаю, притом прошу взять терпение; ведаю, что нужда, я и сам так заботюс чтоб в сей надобности услужить вам; и стены все гладки без пилястр, настоящий итальянской манер, только украса около окошек и на балюстраде да в середине пещерная регула и прочее, из рисунка изволите увидеть. Только на наступающей неделе всемерно приступлю к нему для лутчева плана и рисунка фасаднова, он требовал свободности в расположениях, в чем я ево благопристойности и отказать не смел. Уповаю, что и вы, государь, со мною согласитесь. А за труды не объявил, когда де дело будет нравно и выйдет к лутчему, тогда помощнику ево[2] что пожаловано от вас будет. А я ему меж тем до ответу вашева буду благодарить небольшим или лучше за один раз, как изволите приказать <...>.

40 М.И.МАХАЕВ — Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург], 3 апреля 1766 г.

<...> Я при сей окказии имею честь приложенные старания и труды выежжева г-на Архитектора послать до вас, то есть план и фасад намеренному в саду строению, которым немного выходили из вашева прожекта. А только то единственно, что совсем без многих украшениев на ныне походной италианской вкус, которой изволит жаловать наша всемилостивейшая государыня. Во оном сколько возможно разсуждая пропорцию правил Архитектуры так и изображали, впрочем что за лутчее примется вами прибавить или отнять остается на волю вашу господскую; в нем увидите крышку невысоку, но равную с глухою болюстрадою, называемою антоблеманом, а выше пожелаете, то также в волю предается, только де разнствовать будет помянутым регулам. А сток воды зделать окошечками продолговатыми чуть видными сверху гзымза. У грота столбы обмоклые прикажите сами какими желаете сосульками, то дело штукатурам остается ж. Ежели ж профиль надобен или разрез, извольте отписать не умешкав, зделают здесь и обратно не задержу к вам отослать; рисунков никоторова не извольте присылать потому что здесь оставлены всему копии. За труд помощнику Архитекторскому только теперь в задаток отнес 2 р., а как ответ получу, то еще ему нада додать по самой крайности до 8 р. и то зделает 10 р. Так велел по знаемости г<осподина> архитектора мне. Извести сколько и кирпичей скажут подрятчики число по рисунку или при профиле примерную выкладку зделает г.архитект. Об триумфальных воротах довольно совету было. Много обращающихся у таковых казенных и партикулярных дел г<оспо>д архитектор<ов> и рисовальных мастеров. Только жаль что грязи и река препятствует прислать вчерне их расположение, на которое дело время довольно еще остается чтоб в сем лете заготовить до зимы, однако наизусть теперь сколько помню без чертежа здесь прилагаю их мысли, а написать по выдумке архитектурной убор и картин прикажите здесь подрядить или есть на примете у вас кто б по чертежу зделать мог, о том прошу уведомить. Также и расстояние от Волги ре<ки> до ворот и в каком бы расстоянии осматривать в самой случае Милосердой Государыне. Они думают зделать такую линию по новому великолепию. А немного де кошту стоеть будет, на которой линии место особое для Высочайшей Ее величества особы, чтоб на предмет ворот и строениев и прочего не поворотно но прямо персону свою держа изволит осматривать. <...> Хоть и с нуждою по доскам чрез реку ходят еще, а на Петербургскую сторону и того хуже, где живет инвентор воротам. Я уповаю по прошествии на Неве льда получить рисунок и скопировав послать к вам с описанием <...>

А воротам по вашему ри<сунку> так[1].

А их мнение чтоб можно сквозь ворота проехать линиею, того ради не очень корпус возвышать. Верхней не надо де, гораздо высоки стелажи будут, их связи бревен[2].

Литера А вензель ее величества; В. ворота где нада насквозь проехать, литера С,С. картины пристойные ко встретению, лит<ера> Д,Д. Также пристойные эмблемы, лит<ера> Е. хор музыкантов и певчих над проездом в воротах. Архитектура де должна быть написанная на досках пильных краскою масляною или на воде и около ельником прибавя украшение. Картин один на полотне написать и на потребное время вставить, а внутри плошки, так де дешевле обойдется. Да и тут стелажи сажени в две, в 3, и в 4 и близ шести нада, а ежели ж де фронтон еще сверьх, подумайте, какая высота, связывать надо, да и от ветров сильных опасное дело <...>

41 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург], 20 апреля 1766 г.

<...> Нужной для начинания в строении рисунок 3 апреля от меня отправлен и запечатан. Другая нужда — ждал ворот триумфальных, но еще не приведены начисто в состояние <...>. А начатое дело рисовкою большою половиною зделано. Для ворот без конца нельзя оставить <...>. Рисунок строению делан так как есть скромность вкуса италианского, за которой я уже и деньги свои отдал и которой извольте поверить или апробовать. Ежели кто вам будет из архитект<оров> служить менее 50 р., а по крайней мере и не так бы хорошо так за 30 р. не уговорите, впрочем отдаю на ваше разсуждение, ежели будете в чем его порочить спорить будет некому, а я их слова пишу, что они якобы для меня сие. Г. арх<итектор> и заставил помощника в своем присудствии делать, теперь и ворота там же чертит тот же помощник при архитекторе и вам два рисунка оных ворот сообщатся <...>. Инвенции для картин еще господин статссоветник не потрудился[1] <...>.

42 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург, 24 апреля 1766 г.]

<...> Сего месяца в 21 по утру пошел к г.архитектору, который занят был новыми чертежами для его имп<ераторского> высочества к Каменному острову. Однако в прозбе не отказано; повелел помощнику предложение мое из вашего письма встав с места выслушать и против вашего плана по мыслям вашим расположить, причем еще спросил: кто ему это чертил, я ответствовал, что сам изволит по охоте своей располагать; — ого, так он еще меж боярами в сем и мастерица, чертить-то; прибавляя потом, что самая правда, заочно нам трудно попасть во мнение другого; однако сколько возможно велел постараться перечертить, да и профиль просил средине начертить же; а наружности фасада сумнения нет, потому что ничего де не мешает его плану; оной фасад так должен остаться; разве после чего не передумает ли и вы извольте с богом свое дело начинать, ежели оно вам и кроме присутствия милостивейшей государыни надобно будет <...>

Теперь ваши ворота несколько на покое, но прежде сии нужды просил отправить, а меж тем буду ждать от вас ответа надобны ли. Одни почти готовы и другие назначены. Так посмотрим еще обстоятельств или не мешает докончить; как прикажете. Помощник удовольствован за прежние труды, а г.Архит<ектор>

отзываясь ничего не требует, однако после можно честь ему зделать понаведавшись что нада <...>.

43 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург], 6 мая 1766 г.

<...> Тут же и планы в большой мере с чорного перерисовали по присланному от вас, государь, да и ваш тут же положен. А еще большой чорный оставлен для фасада с профилем, только несколько обождать, свалят некотор<ые> нужности Каменного острова для государя цесаревича: уповаю и они в сем месяце получите <...>

О твердости земли и на каком грунте бутить г.Архитект спрашивал. Я сказал что на высоком месте и твердом грунте. Почему помощник подписывал, что по углам и в зале по 3, а в прочих внешних кругом стенах по 3 же, $2^{1}/_{2}$ кирпича, внутри где 2, а инде $1^{1}/_{2}$ кирпича, да я теперь не имею записочного плана; сверх того подтвердили: когда де есть каменьщики добрые и много упражнялись в строении, то по высоте дома и среднего грота знают сколько толсто пущать. Излог горы получен в последнем письме и крутость, прошу запискою повернее <...>.

Приписка 8 мая:

<...> Я ведал вашу большую надобность в плане, его одного посылаю при письмеце <...>. А профиль обещали зачать скоро.

44 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург] 8 мая [1766 г.]

<...> Как скоро получу профиль с фасадом то утруждать буду об воротах, чтобы окончить <...>

45 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург] 4 июня [1]766 г.

<...> Последнее писание ваше получил от Прокофия в исходе мая месяца, в котором изволите писать о профиле. От тово времени все то не удавалось г<осподи>ну помощнику начертить ево за наступившим хорошим для строения временем, но и ныне не свободится и сево дни уехал в мызу в Графе, а только успел карандашом начертить, кое и посылаю сие для первова понятия; а по приезде хотел побольше разрисовать.

На куполе грота осмиугольник должен быть и на всякой стороне в фонаре по окошку, того ради и назначено спереди полное окошко, а в сторонах половина только видна, а им также целым должно быть. О перемене вашей высоты еще не говорил, да уповаю что нет ничего, как соизволите. О гзымзах[1] есть воля <...>

<...> И столб мокротою сосулечною назначенный приобщится <...>.

Дополнение — 11 июня

<...> Я всячески торопил г.помощника как нибудь назнаменовать стороны профилем строению; а особо грот, и только вчера с полудни мой ученик дождавшись от него принес. Я тот же момент велел скопировать вам нужное, а его оставить по приказанию его ж; он свой не велел посылать: ежели все делать что у нево назначено, то бы и к завтрею не поспел бы с оным орнаментом, а токо как и выше упоминал что нужное вам: стены, окошки и прочее срисовать; по-

слать имею честь. И с прежними чертежами так же обходились, что с них со всякого копии оставляли, а без того бы нечего здесь и делать. Внутренность же грота я принимаю намерение для вас чтоб срисовать в саду или у нас в Академии, которой вам по нраву <...>. Лишь только дописал письмецо сие то и скопированной профиль принесен, только без украшениев при сем же. Теперь только докончан и сей же момент посылаю <...>

46 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург], 18 июня 1766 г.

<...> Разрез новому строению послан на прошлой неделе. Со стороны и средина грота, и хотя желал чтоб при нынешней оказии послать чернилами обведя и оттушевавши дабы виднее было; но паки суеты нужнейшие не допустили, а уповаю с помощию Божею на настоящей неделе исправиться <...>

47 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург], 29 июня 1766 г.

<...> Требовать изволите профиля пещернова, давно послано. А о внутренности стараюсь собрать лутчие мысли и с натуры срисовав композировать, ведая что то еще не скоро надобно. Верх грота по фасаду[1] осмиугольник, а по прежним круглой; так какой за красивейшей изберете. Очень хотелось с господином архитектом видеться, затем и к нему вчерась ходил, да он в Петергофе[2] и с помощником. Только уповаю что осмиугольный и есть там <?>. Рисунками к воротам также не промедлю и с здешнею оценкою <...>

48 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург], 3 сентября 1766 г.

<...> Последнее вашего высокоблагородия получил вчерась от Аксионова, в котором описываете ваши сомнения в сводах пещерных и самой куполе, также о фонаре над куполою. Почему я тот же час с нетерпеливостью и послал ученика с профилем за реку[1] к помощнику или к самому г.Архитектору <...>. Но с досадою получил от помощника ответ неясной, либо ученик пропустил. Я при том же и письмо ваше послал, он читаючи письмо сказал не разберу. Ради того <утрач.> по утру рано, не упущая ходоков, до заутрени встав рассматривал <утрач.> в чем состоит; это правда что неясно описал ваш управитель вашу нужду, либо то в скорости было, однако сколько мог с самова сперва понять, с тем сам убираюсь туда ехать <...>

Я теперь будучи достовернее уведомился от самих господ, как архитектора, так и от помощника, чего ради для скорого отъезда здесь карандашом на профиле назначено, да и мужички идут сей час, и уповаю что лутче изволите из сего понять, а для яснейшего обстоятельства я вам вскорости отпишу на письме.

Куполу сводить круглую в полцыркуля, начав от карниза, и как назначено, только снизу толще. А самая оная купола в полтора кирпича, над куполою балки и стойки из брусьев вязать для лехкости крышки: купольной фонарь пригожее осмиугольной и зделать из дерева, а можно де и кирпича, в прочем как не видно в натуре, так оставляется на ваше разсуждение. Ниши, т.е. впадины или пещерные называете виды, особливыми крышками не должно выводить; но они придут своими сводами под назначенные карнизы. Так и на чертеже профиля карандашем начерчено для скорости из чего уже можно легко понять, да во оных же нишах или впадинах с одной стороны окошки придутся и в них

же можно печки поделать сколько потребуется, в стену впуская оные, закрышки или отдушины также де можно внутрь грота зделать. Около оного большого купола кругом ход и жолоб для стоку воды, а оные 4 пещерные невелики, все придут под прикрытие около под низ карнизного <утрач.> куполы и так особливых крышек им не надо. А притом велели вам доложить, не поволите ли оставить кирпичное строение до весны. Понеже де теперь уже не воль <утрач.> строению для сырости воздуха и дождей и пришлось сводить что ни самое нужное строение. Впрочем придается на вашу волю <...>.

49 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург, ноябрь 1766 г.][1]

<...> Мне зело стыдно и жаль, что я от ваших повелениев неуправен, а причиною тому хто не ведаю, один с другим на дыбки в противность пошол, добрым людям помеха. Г.помощник недоволен архитектором, отшел в команду[2], ни стропил, ни ворот триумфальных не дождаться; о картине на иллуминацию — на той неделе, завтрея, да так та и проходит время; видя что они так тяжелы я нарисовал манера с три с учетком; едва залучил помощника к себе об воротах триумфальных истребовать совета (понеже он ныне далече живет, так часто-то ходить ко мне или приехать не допущает); тут он рассматривая сказал, изрядно де, только в некоторых местах поправя и говорил что лутче де их написать на картинах на прозрачные, да так как картины пишутся водяными хорошо б, для дождя не прочны. Масляными ж хотя и подороже, да уже долговечны, и в меру оных столбов бревенчатых вкопав поглубже в землю приколотить картины на время с обоих сторон какими бы штуками ни похотя и пред оными зделав пирамиды, наставить плошек не по дольности от ворот, чтоб весь от плошек свет падал на триумфальн<ые> ворота, которые пробы я видел у новой Академии художеств и подлинно лутче нежели за картины плошки ставить. А пред пирамидами из досок статуи добродетели и прочее можно дешевле и лутче зделать и потом ельником проспективно уставить, что будет подиковиннее <...>

Как скоро готовы тому очерку, воротам с картинами должно зделав присылать или лутче здесь подрядить, а всего сходнее когда сами изволите быть. О профиле крышке расположил помощник, который вчерась носил с собою на Литейную к архитектору инженерному г.Шпеткелю[3] казал <...> После нада антаблеман, болюстрат, говорил что ежели не делали каменный, то лехче деревянный столярною работою наставить: а как крепить оной болюстрад на профиле боковом назначено в разрезе крышке железныя. Гротовых украшениев и писать не для чего <...>.

50 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург], 12 марта 1767 г.

<...> Удесов ездил, да и вчера послал Степку, посему сегодня сам пожаловал перед обедом и так два профиля сообща имею честь при сем послать: один прямой, другой боковой, а о шеблонах после нада, они де еще не скоро потребны к карнизам. Однако я буду докучать посылкою почаще т.е. оных лекал <...>.

51 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ (ЗАПИСКА ПРИ ПРЕДЫДУЩЕМ ПИСЬМЕ)

<...> Лекалы на карнизы Удесов господин хотел приготовить, время де есть, а господин Баженов в Москве хотел зделать и прислать к вам; то лутче, как его

изволите там приказать сыскать: в доме графини Анны Карловны Воронцовой[1] его знают где живет, может у ее сиятельства или лутче во дворце видеть в праздник. Профили Удесова и триумфальных ворот задач не посылаются же <...>

52 М.И.МАХАЕВ – Н.И.ТИШИНИНУ

[Петербург], 22 марта 1767 г.

<...> А о чертежах что у Василия Ивановича господина Баженова извольте послать сами и требовать[1] обратно. Я думаю, что нужды в них вам не будет, тем что на профилях посланных к вам изъяснено, только разве для карниза и крыши потребна ему дощечка <...>. Ежели господина Баженова не изволили видеть, то прошу послать на Воронцова двор, покойнова канцлера[2], когда ж и там нет, то они живут с братом с майором Алексеем Григорьевичем Хамаровым в Старой Басманной, а у кого не знаю, а ежели не так то в Новодевичьем монастыре точно можно ведать от монахини госпожи Митродорицы — мать его. А ближе в Московском магистрате у господина за секретаря Никифора Алексеевича[3] <...>.

Приписка: г.майор вместе с г.Баженовым.

VI БОЛЬШОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ. 1767—1775

53 А.Г.ОРЛОВ[1] — И.П.ЕЛАГИНУ[2]

Москва, 31 марта 1767 г.

Ее императорское величество высочайше указать соизволила инженерного корпуса архитектора Василья Баженова в кремлевском Ее величества дома в погреба и состоящие под оными нижние покои пропускать, чего ради извольте ваше превосходительство, приказать чтоб он Баженов впускаем был в те покои и погреба без удержания для осмотру фундамента, а в другие команды, у коих оной дворец в ведомстве об оном же от меня сообщено[3] <...>.

54 ЗАПИСКА БАЖЕНОВА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

[Петербург, после 16 января 1768 г.]

Перестройка Кремля требует и время и иждивения, а притом и способных людей. Время теперь означить нельзя; не мало оного конечно пройдет [в сочинении в подробности проекта] в разломке старого строения и в заготовлении потребного к новому; но чтоб сколько можно его сократить должно будет ломать и строить по частям; а потому располагать и заготовление припаса. Впротчем архитектор за долг себе ставить будет не тратить оное напрасно; но столько во сколько можно производить строение не спеша и следовательно впрок. Определяемых на сию перестройку денег (по десяти тысяч рублев на месяц) кажется достаточно; а особливо когда все то по частям делано, и также в приготовлении припасов и в найме людей нужная економия наблюдаема будет. Потребные к сему люди разделены быть могут надвое; на имеющих упражняться в строении, то есть архитектора с помощниками и учениками, также каменных мастеров, механиков, скульпторов, живописцов и других с их помощниками, и на тех кои стараться станут заготовлять и хранить припасы, сыскивать и нанимать людей, принимать деньги и раздавать их; и кои состоять будут в особливом судебном месте под именем конторы Кремлевского строения[1] и в нескольких еще офицерах и унтер офицерах, для надзирания над работными и припасами потребных. Число первых не может быть сначала велико. Довольно

теперь архитектору двух только учеников для копирования сочиняемых им к сему планов [и модели] и других исправлений. Контору могут составлять навсегда двое судей, из коих первой будет пещись о всем вообще, а другой во всем ему помогать и советовать, а сверх того хранить обще с росходчиком за своею печатью принимаемые на сие строение деньги и поверять расход. При них надобен один секретарь, два канцеляриста, из которых по годно один будет у исправления текущих дел, а другой росходчиком, и два ж или три копииста. Офицеров также на первой случай довольно двух, и при них четырех унтер офицеров. Сверх сего надобны будут солдаты для караулу в ко<н>торе и при припасах, и гораздо лутче естли оные будут армейские, или хотя и гарнизонные, но с сменою, при одном сержанте, которой о состоянии караула доносить и приказы принимать будет от главного судьи, также от архитектора по востребованию нужды. Весьма б полезно было чтоб архитектор мог и производить строение и присудствовать в помянутой конторе о заготовлении припасов пекущейся. Но на сие по великому в рассуждении обширности строения множеству рисунков и всегдашнего надсмотру над мастеровыми и над употребляемым материалом, ему конечно времени недостанет. Итак нужно по крайней мере предписать оной, чтоб она исполняла точно по его требованиям и никаких без его пробы и засвидетельствования приготовленей не делала; художники ж и мастеровые все должны быть в его ведомстве и приказаниях. Впротчем нужно еще чтоб какой либо кирпичной завод здесь по близости находящейся поручен был в полное его ведомство чтоб кирпичи хорошо и как надобно, а притом и по задаваемым от него образцам были деланы. Известь обыкновенно бывает вязче и лутче к строению, естли она по заморении долго лежала. И потому надобно заготовить ее ныне сколько можно более; и загодя беречь ее в ямах. Лутчею здесь почитается круховая, кою к сему и употребить должно, несмотря на то что она может быть дороже другой. Для лутчего всего сего произведения в действо нужно чтоб архитектор кроме Её императорского величества, а в ее отсутствие кроме главного здесь никому подчинен и ни к каким другим делам без точного Ее импе<-раторского> вели<чества> соизволения отлучаем не был. Впротчем нужно еще в рассуждении что по начатии строения оное от часу распространяться, а потому и лишние против нынешнего люди потребны будут, Сенату ныне ж повелеть, чтоб по представлениям архитекторским и канторы, оные к нему определяемы были. Теперь осталось только упомянуть о жалованье всем употребленным к сему строению людям, оное надобно определить им по штату и по примеру других мест, исключая тех кои особливо отличены в том имянными указами, и чтоб получали они из своей конторы и из отпускаемых на строение денег, из коей употребляемо будет также и на мелочные канцелярские расходы. Сие нужно для того более чтоб трудящиеся исправно жалованье и заработные получали; ибо замедление неминуемо они в ослабление и нерадивость приводятся; в сем уважении, а более еще чтоб не остановить начатого строения потребно чтобы отпуск определенных на все сие денег был порядочен и без всякого задержания.

55 «МНЕНИЕ АРХИТЕКТОРА БАЖЕНОВА О КРЕМЛЕ»

[Петербург, январь-февраль 1768 г.]

Мнение архитектора Баженова о Кремле; я ничем не могу теперь изъяснить ни рисунком ни словами, окроме мадели, прежде которой еще я должен делать частные планы в малом виде притом и в карандаше, на которых нет способу чтоб выразить все члены пропорции величавой. И для того показать планами большой меры, а особливо канцелярии, как я помню изъустное по-

веление, еще в *московском* в Коломенском дворце соизволила указывать, чтоб судьи видели своих секретарей, а секретари видели своих подъячих, я другова способа к тому лутчего не вижу, как например нижней этаж уже я полагаю для поклажи казны, *архив* и колодникам, а *другим* архивы же полагаю некоторым и в верхнем *жилье*, второй для подъячих, третей для судей и секретарей, но как же расположить, кажется мне что в одном жилье очень можно судьям секретарей видеть, а подъячих я думаю во втором этаже секретарям инако нельзя как чрез потолок их *смотреть* видеть, *чрез которой сверху чтоб было видно* зделать окошко с балюстретом чтоб всякой секретарь видеть мог свою экспедицию *знать* <нрзб.> *чрез колокольчик*. И что будет касаться до перемен делать фасады и профили всему строению, но к оному надобна мне чтоб иметь профили же кремлевской разные с самого того места окуратные снимки на коем сие строение строиться будет; и для оного чтоб я сам их в натуре всегда видел, дабы мне не зделать *иногда* ошибку непростительную, для всего сего чтоб было мне повелено делать все сии рисунки в Москве, к чему и людей надобно кем бы набело делать было можно, число их до двенатцати человек увеличивать надобно, и чтоб было бы повелено их определить з жалованьем, а иных и с чинами, ничем так не можно бедность окуражить и дать амбицию как чином и пропитанием, коих я действительно знаю, что с харошим дарованием без куражу зделались пьяницами. Хотя я имею приказание от директора Его превосходительства Михаила Михайловича[1], чтобы приискивать хороших людей себе в помощь; и приехав сюды *и что* уже приискивал но только всех содержать *сам* не могу *и так уже довольно уже теперь я пришел в крайность содержа у себя десять человек да в Москве толикое ж число, отчево в великой и бедности.* Что ж будет касаться до перемен, то оных я рисунков зделаю до шести или более и буду с ними приезжать в Санкт Петербург, для наставления, время от время при том и спрашиваться о сумнительном чем нибудь [в Санкт Петербурге] *здесь*, на коих можно всегда разсматривать и полагаться; оное к сему важному делу без настоящего положения и приступ зделать к практике не можно, великие же художники в свете были и есть теперь и те уже всю свою жизнь в то и полагали, да и тут зделав рисунок, которым бывали они уже довольны, но как несколько дней тому пройдет, то уже найдут в нем нечто ему не понравится и для весьма многих тому подобных причин архитектору надобно и быть и спокойным как есть вольное художество. Зделает же он [веры стоящей то есть чтоб он своею жизнию был доволен, а особливо при таком великом деле] *без помешательств нечто лутчее.* И ничто б ево не безпокоило, ни бедность, ни подобные тому случаи, почему и вольное художество называться *может дабы быть в вольных мыслях.* В величине все планы *как* и геометральной фасад *и профиль*, потом ему непременно сыскать надобно пункты видов проспектов своего строения, кое непременно всегда видеть ему на настоящих местах натуры. Проспективная архитектура учит всякого архитектора соглашать части, что в геометральном кажется приятностию, а пункт проспективой действительно докажет, что иное будет казаться и уродом. После всех таких примечаней надобна уже приступить и к мадели, кою хотя и за половину ее практики почитают, но мне кажется что я еще тем не буду доволен, думается мне что на мадели и показаны укрепления, то есть фундамент сплошной во дворцах, в училищах, [непременно] в церкви, в театре и тому подобных зданиев, всегда сплошной зделать *непременно кажется* надобно; а особливо [иных] *везде в таком строении* часто *бывают* перемены простенков, и ничем так ослабить не можно здания как перестройками пяты сводов и протчего. Однако на ней не может быть такой груз каков будет в самом строении, притом железа внутри стен ее назначить почти не можно; удалось мне видеть в чужих краях и быть

при практиках и при весьма хороших архитекторах слышать лекции, притом и древних видал там строеней довольно, совсем почти делают отменно. Я гораздо с прилежанием оное сматривал в чужих краях, архитектор делает *там* плас, на коем в большом виде дает и показывает шаблоны, где каменщики под смотрением мастера каменного тешут; при том еще делается щит в самой той величине как быть может здание. Естли только я [щастлив] буду при сем деле, то действительно изо всех сил подщусь тому следовать, много что у нас и не думают, притчины для чего того не знаю, права для климату нашева нечто не служит, как например площадки на колонах, антаблеманты на отставных и прочее подобное в параллели *к гаризонту* к нашему воздуху отмакивают, а протчее все можно делать также как и там. Планы теперь я полагаю на четыре этажа, и со обоих сторон даю им свет, однако не кладусь чтоб во всех местах было зделать то можно; вот главная причина быть на месте том где производить сие важное дело; например нижной и второй от Москвы реки фасад[2] начинаться будет с полом равен подошве городовой стены что мне без сумнения даст в два нижние этажа свет, а з другой стороны изнутри Кремля будет обеим нижним жильям высоты гора или площадь Ивановская мешать; и во многих местах будут подъезды и тесные места, к чему каналами в нужных местах дать можно свет, я должен вымышлять еще способы лутчие каким бы образом то зделать и то показать *кажется* можно в большем виде, что я в мыслях *своих* имею многому, а другому может быть и премена *будет*. А теперешные планы не кладу я за точные места, на них положиться никак не могу, а кроме того числа, что Ваше императорское величество уже назначить число собственных своих покоев соизволили, да и тут, всеподданнейше прошу мне повелеть естли я что за лутчую пропорцию найду дать красоты покоя и что должно сажень или аршин прибавить и убавить, тово б на мне не было взыскано.

Хотя я упоминал уже и о других великих архитекторах и о практике, что оную я у них примечал, однако не упомянул только тово, что некакие эхи о мне *здесь* распущены, что будто я никогда не бывал при практиках и не могу производить; только оная столько несправедлива, чего несправедливей быть не может. Я отважусь здесь упомянуть, что я родился уже художник. Отец мой бедной человек не имел понятия о сродности моей, а хотя и примечал во мне, только у него денег не было; отдать меня куды нибудь учиться, но я как уже стал приходить в смысел, тогда видел близ церкви где я с отцом моим жил делали подле оной надгробную позиту где отломки камня *оставшие* лежали ис коих по нескольку я перетаскав к себе сделав гвозди наподобие долот и ими вырезывал личинки. Рисовать я учивался на песке, на бумаге, на стенах и на всяком таком месте где я находил за способ, и так я продолжался лет до десяти; между протчим по зимам из снегу делывал палаты и статуи, что бы и теперь я желал то видеть, после сего я был отдан в монастырь Страшной[3], для бедности отца моего, чтоб я исправлял пение и чтение церковное, к чему ни малейшей охоты у меня не бывало, однако повиновался родителю *в его волю*. Я всех святых из церкви переносил мыслями под переходы на стены *и делал их* своею композициею, за что меня заставали и секали часто, уже будучи в пятнадцати летах я нашол живописца, которой Христа ради меня взял к себе и в ту пору еще я ево был уже лутче, он писывал вместо правой руки или ноги левую, коему я примечал часто; еще несколько спустя я своему отцу приносил малинькое пропитание *и подрядами крест, которой делался за Мещанской одним стариком*, переставлял я сам в Стретенской монастырь, которой за куриозную вещь в то время почитался, и оной я срисовавши благополучно поставил[4], за что получил хорошее награждение, потом по пожарному случаю дворец в Москве *в 754 или 755* <г.>[5] строился, я в ту пору уже в оном по печам умел

мрамор метать и давали мне 60 ко. на день, по которому случаю я стал учиться живописному у лутчих мастеров и был в команде архитектора Ухтонскова, потом взят в университет, а оттудава вскоре его превосходительство Иван Иванович Шувалов проведал про меня, взял в Санкт Петербург и отдал учиться к архитектору Чевакинскому, где при многих строениях я был, потом Академия художеств мною первым началась, откуда я был послан и в чужие краи во Франции учился в теории, за что похвалы имею от всей Академии парижской, примечал и практику[6], *где все архитекторы сматривали мои дела с большею охотою, а мои товарищи, французы молодые, у меня крадывали мои прожекты и жадностию их копировали, мой же учитель[7] столько был там велик, что я еще до нево во многом доитить не мог и поныне, а после ево кто б там ни был всякой мне не страшен, разве многие другим знанием одалеют, да и то Суфлот, Моро, le Roy, есть там 5 или шесть человек, кои мне и все знакомы.*

А в Риме единственно и во всей Италии был всегда на строениях, также есть свидетельствы из италианских *академей*, и старался весьма крепко учиться оной, а по возвращении из Рима я заехал в Париж в другой раз, ходил в некоторые класы мне нужные к архитектуре, естли и ныне нужда потребуется при строении дать могу и сам зделать понятную модель живописцу и скульптору, ибо я рисовать с натуры не покидал до самого в Росию возвращения, *что ж касается до* гридорованья и архитектуры и в оном имел же упражнение. Естли б только я установиться мог то б моя вся [радость] *веселость* была в том, как иметь у себя маленькую партикулярную академию, к чему уже и приготовляю в Москве мальчиков, с коими уже малинькое и начало имею, но только препятствиев к моему намерению весьма есть много[8].

Здесь я еще осмелюсь приметить, для той причины, что такое великое дело поручается мне, что уже должность моя заставляет писать или говорить резоны, такому малейшему человеку с монархом своим, на коего он глядеть без страха не может и ничего изъяснить словами не смеет единственно и для сего отваживается на сем представить свое мнение, а инако он в страхе забывает говорить ему нужное.

Еще ему кажется сумнительно о фасаде, что окошки второго плана кажутся малы в таком великом массе <?>. Ето правда но только мне кажется, как в первом рисунке назначено, то будет пропорция хороша, однако и еще то я стану сыскивать проспективою, а по теперешним рисунком я сам себе еще не верю, кажется мне — естли строение в три жилья то нижние окошки менее верхних, пропорция ево несколько не делают плоским, а <е>стли то в четырех жильях зделать то три верхние жилья нижной кажется раздавляет, что я действительно приметил в практиках великих архитекторов и читал критики разных авторов и слыхал в лекциях, как Михель Анжела, Палладия и протчих, а особливо сих двух великих мужей, коих я почти более всех авторов почитаю, никогда я не находил чтоб етаж другова задавливал, не давольно этажи, что и все члены архитектуры весьма согласны, чему и их видно учила проспектива и кою действительно они знали, да и все подражатели были Витрувию кои были и их после где-то, а Витрувий был еще при Июле Кесаре, которой действительно с греческой архитектурой был согласен, которая уже конечно со всеми регулами делывана з расмотрением при хорошем знании, что видел же.

Какая еще нужда упомянуть о материале, самая наинужнейшая извиоска кою непременно заготовлять теперь и чем она доле морится будет то тем она мяхче будет, коею проитить тонкостию своею может вязать в поры с собой камня и кирпича; не меньше же камень, которой я уже примечал в Мячкове[9], естли он из земли выротой, вскоре ево в строение употребить не можно, а хотя и чрез пять лет ево употреблить по выломке и естли он будет лежать в куче, то повержен

5—1991

воздуху нашему к расчепкам. Причина тому, что он в куче воздухом проницатца не может и чрез сие он не черствеет, а только делает на себе корку, коя у каменьщиков пойдет в опсечку, астанется только тот же камень с своей влажностию, как бы почти он вынут из земли.

О кирпиче также нужно попечение иметь; дабы наитить глину в каком либо месте, отнюдь не опробовавши глину и не узнатши ее свойства, естли в ней натуральной песок, примет ли еще она или нет, не делать; а особливо нет ли в ней таких камушков, кои по обжиге делаются извеской и что у нас называется апока[10], коя как в себя влажность принимает, тотчас распыщивается и делает распор, отчего кирпичу дает как огрузу и от распучки трещину.

Всех таких я примеча<ний> в таперешнее время писать еще не могу, а по временам, взошедши в даль и в тонкость дела, буду на всякую вещь делать описание, а теперь только еще мне дошло доказать, и естли все описать, на то надобно время, а при том бы и не утрудить таким почти здором величества.

56 «ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ МНЕНИИ АРХИТЕКТОРА БАЖЕНОВА О КРЕМЛЕВСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ»

[Петербург, конец января — середина февраля 1768 г.]

I

Архитектура главнейше имеет сии три предметы: красоту, спокойность и прочность здания. Для приведения оного в совершенство неминуемо надобно, чтоб сии столь нужные ее основания из виду упущены, но паче всегда нераздельно сохранены были. К достижению сего служат руководством знание пропорции, перспектива, механика или вообще физика; а всем сим общим вождем разсудок, который, смотря по положению места, климату и протчая, оными располагает и употребляет их в свою пользу.

На сих правилах основываясь, всякий архитектор делает планы и геометральные фасады единственно для того, чтобы иметь только идею предпринимаемого им строения; но чтоб узнать, столько ли оно будет красиво и порядочно в самом деле, надобно ему неминуемо представить его в проспекте; а чтоб еще более в том увериться, зделать оному модель, которая почитается уже половиною практики.

В сем разсуждении, архитектор Баженов осмеливается представить, что делаемые им Кремлевской перестройке планы, будучи в малом виде, не могут быть достаточны и представить все что нужно[1]; что сверх того не имеет он и исправного местоположения Кремлю; что надобно ему потому поверять имеющиеся у него, или для лутчей верности снимать самому; что также надобно иметь ему профили горы, коих он еще не имеет, и что по сему случаю многое в тех планах по зделании всему строению проспекта, особливо ж модели, неминуемо уменьшено, прибавлено, или и вовсе отменено быть должно, и по всему тому всеподданейше просит он чтоб оставлено ему было то в совершенное его расположение; и чтоб позволено ему было делать все рисунки геометральные и проспективные на месте строения, дабы он, соображаясь с высочайшим Вашего императорского величества в сем строении соизволением, мог сообразжаться также с местоположением и с правилами архитектуры. Зделанные же им с осмотрительностью и исправностью рисунки, число коих умножит он разными образами, дабы тем сколько можно уменьшить Вашего императорского величества труд поправлять их, может он привозить сюда сам от времени до времени, и получая высочайшие на то соизволения, возвращаться опять на место, для продолжения сего порученного ему дела.

В протчем сие художество, будучи по справедливости почтено между свободными, натурально требует, чтоб художники ее были вольны в своем упражнении, и не отягчены другими попечениями, а паче всего бедностью: сие все отнимает у них совершенно половину способности и прилежания.

Упомянув выше сего, что планы и геометральные фасады не могут решительно утвердить красоту и прочность строения, должен архитектор то же сказать и об окнах второго этажа, что пропорция оных решительно поставлена будет проспективою, кою он, следуя всем великим людям в архитектуре, из виду конечно не выпустит, и коя ему покажет настоящую меру и красоту всего здания, и место частей оного, а потому каждая и будет положена к стате и так, чтоб одна не давила и не закрывала другую.

II

Все намеряемое в Кремле строение будет в четыре жилья. Оное продолжаемо будет в одну линию с сим древним строеньем, где был сад[2], и следовательно подошва оного равна будет с верхом городовой стены где ход. Взводя его таким образом, два жилья зделаны будут ровны с поверхностью горы, или Ивановской площади; с тех же мест взводимы будут остальные и лутчие два жилья. Архитектор не имея теперь, как я выше сказал, верного местоположения, не может еще точно положить, сколько сия гора подойдет к строению, как ее зделать лутче будет, и где надобно зделать приезды, и где сход к покоям. Посему ж самому и нельзя еще точно определить, хотя он и дал свет всем четырем жильям с обеих сторон, где оной горою дозволен, где совсем закрыт будет. Верх горы огорожен будет перилами и каналом, в который все с площади стекая, может проходить из него до реки подземельными стоками. Чтоб сие строение с реки заслонено не было, надобно будет зубцы городовой стены сломать и обделать остальную часть горы до реки приступами: что не токмо откроет все сие здание, но и придаст ему большую величавость и красу.

Фундамент под все оное думает архитектор положить сплошной. Сие намерен он зделать, следуя великим древним архитекторам, коих большие публичные здания в Италии он видел, и коим в том следуют и ныне все тамошние и французские знатные ж архитекторы, при которых ему на практиках бывать и их уроки и наставления слышать случалось. Им же следуя намерен он зделать плас и изобразить на нем в большом виде шаблон, где каменщики под смотрением мастера их будут отесывать задаваемые им фигуры; также зделает он и профиль всему зданию в самой его величине. Одним словом будет он подражать им, как в сих начальных приготовлениях к строению, так и в продолжении и украшении оного, сколько место и климат наш дозволить то могут, и сколько то согласно будет с высочайшим намерением Вашего императорского величества.

III

Ваше императорское величество повелеть изволили ему в бытность еще в Коломенском дворце, чтоб разположить коллегии и канцелярии таким образом, чтоб судьи секретарей, а сии других из своих мест видеть могли. Место и обширность покоев не позволяют ему зделать сие в одном жилье. Он потому думает разположить их таким образом. Нижнее самое жилье может употреблено быть на архивы, на поклажу денег и вещей, и для колодников где они есть, другой для канцелярских нижних служителей; третей же для присудствующих и секретарей; и чтоб сии последние будучи видимы своими судьями, видели также и своих подчиненных, надобно будет зделать на сводах, или в потолках второго жилья во всяком покое окно, огороженное баллюстрадою, в кои сек-

ретари на их подчиненных смотреть, и через приведенный туда колокольчик их к себе звать будут.

IV

К деланию сему строению рисунков и для употребления на практике в продолжении строения, а особливо для заблаговременного к тому приучения, архитектор находит занужно иметь при себе теперь сверх определенных к нему трех помощников[3] еще десять учеников. Его превосходительство Михайло Михайлович[4], признав справедливость сего желания, и поручил уже ему приискать их здесь; что он исполнил, нашед многих из уволенных от Академии художеств художников, теперь осмеливается он всеподданейше представить, чтоб повелено было ему принять их с определением им всем смотря по достоинству их жалования, и чтоб некоторым для поощрения их даны были и чины, как он обозначил в приложенной при сем записке[5].

V

О благовременом заготовлении извести архитектор имел уже честь представить[6]. Со всем тем крайняя в том надобность обязывает его еще о том всеподданнейше теперь припомнить. Сие всем уже известно, что чем более лежит она по заморении, тем мягче и тончае бывает; следовательно ж и способнее проникает в камень и кирпич. Камень равным же образом надобно заготовить заранее, а особливо естли мячковский к сему строению употреблен будет. Он много влажности в себе имеет и необходимо надобно дать ему время довольное просохнуть и отверделъ. При том приметить нужно, чтоб лежал он не в куче, но клетками; инако он будет столько же сыр и подвержен щеплянию, как он тотчас из земли вынутой.

Теперь осталось упомянуть о кирпиче. Огромность предпринимаемого строения также требует, чтоб он с разборчивостью и из хорошей делан был глины: случаются в ней такие камешки, кои в то время когда обжигают кирпич, в известь обращаются, а потому портят связь оного и причиняют, что они от малой натуги пересыпаются и ломаются.

57 «ЗАПИСКА ПРИИСКАННЫМ АРХИТЕКТОРОМ БАЖЕНОВЫМ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ К КРЕМЛЕВСКОМУ СТРОЕНИЮ ХУДОЖНИКАМ»

[Петербург, конец января — середина февраля 1768 г.]

1. Архитектории прапорщик Петр Гарезин[1], находящийся в ведомстве герольдии	150
2. Живописец Иван Морщинов[2], знающий архитектуру и могущий всегда с пользою употреблен быть, помощником с под-порутчьим чином	150
3. Живописец, знающей архитектуру Иван Некрасов[3], помощником с чином прапорщика	130
учениками	
4. Елизвой Назаров[4]	72
5. Дмитрей Баженов[5]	48
6. Григорей Волков[6]	48
Да по контракту уволенные из Академии художеств художники	
7. Михайла Максимов	150
8. Федор Стоянов	150
9. Захар Урядов[7]	150
Сим же трем последним надобно будет дать квартиры, дрова и свечи.	
	1068 р.

58 БАЖЕНОВ – НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

Василей Александрович, галупчик мой, я сие к вам посылаю[1], поправь, галупчик, много найдете, что было надобно напереди, то оно назади, а надобность вся тут написана, только не по ортографи<и>. Боле всего выразите, чтоб ее[2] от трудов отвесть и чтоб было то мне отдано, не худо б было естл<и> можно в конце упомянуть, что я уже давно думаю и о прожекте, чтоб подать в Сенат о материале, каким образом содержать честь архитектором и соблюсти от разоренья общества, впротчем вы знаете больше, а я давеча докладывал что я пишу примечании на все строение и что повелит ли принесть, на что указала.

59 ЕКАТЕРИНА II – П.С.САЛТЫКОВУ[1]

[Царское село], 31 мая 1768 г.

Граф Петр Семенович. Позвольте открыть продушины, кои в Кремле заклადены: Баженову нужно ходить по погребам. А естьли продушины не откроют, то задохнуться опасно; а их заклал, сказывают, князь Ник.Ю.Трубецкой[2]. Баженов сам вам сказать может обстоятельнее о сем, сиречь где открыть нужно[3]. А естьли изволите знать кто Баженов, то имею честь объявить, что Баженов тот артиллерийской архитектор, которым я завладела для постройки Кремлевского дворца <...>.

60 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 23 марта 1769 г.

Сего марта 9-го числа 1769-го года отправлен я из Санктпетербурга по имянному Ее императорского величества указу в Москву со опробованными чертежами кремлевского нового дворца, причем повелено имянно делать мне мадель всему будущему зданию, также для модели должны быть светлицы и мастерские; и по насланному от Экспедиции указу же марта от 17-го дня велено подать об оном, где место способное я нахожу, что уже теперь и представить Экспедиции честь имею; кажется мне за лутшее на сем же Потешном дворце, на дворе против самой Экспедиции построить: план, фасад, профиль и смету к оным светлицам при сем сообщаю[1]; с конфирмованных же планов и фасадов копию зделать скоро не можно, а когда скопируются, тогда отданы будут для сохранения оригиналы. Ежели ко всему оному Экспедиция приступить изволит, то просит он и о столярном мастере, чтоб ему оного заблаговремянно сыскать соблаговолила.

61 ПРЕДСТАЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 1 апреля 1769 г.

Как уже оной Экспедиции известно, что чертежи зданию дворца конфирмованы и в Москву мною привезены, причем повелено делать мадель, то для оного Экспедиция, по присланному от главноприсудствующего генерал порутчика и ковалера Измайлова предложению, послала ко мне указ, чтоб избрав место для делания мастерских и залы, сочинить к оному прожект и смету. Напоследок же я, взойдя пространнее в постройку вышепомянутых мастерских и зала, кои будут деревянные и ко окончанию не придут может быть в три или больше месяцев; притом же во время делания во оных мадели как я, так и Эк-

спедиция всегда должны безпокоиться от пожарного случая; со всем тем еще не довольное удобство нахожу, ежели оное строение построится далеко от меня, то я должен всякой день безотлучно при оной быть, а по такой должности за другими положенными делами какого б упущения и остановки не последовало; и в том художнику все оное будет препятствовать, отчего мысли иногда вольные быть не могут, также и успех в делании мадели продлится; хотя ж оное построится и в ближнем растоянии, да деревянное, то для первого резона кажется мне удобнее производить мадель в каменных покоях, чем можно убежать опасности от огня; а потому я осмеливаюсь Экспедицию кремлевского строения трудить, не соблаговорит ли? оная куды надлежит представить и истребовать находящиеся все департаменты под Ревизион коллегиею и сенатскою архивою покои, чтоб отданы были в ведомство оной Экспедиции, кои я признаю за способные, для делания мадели по частям: хотя ж оные и не совсем спокойными быть могут, однако несравненно лутчее деревянного строения; сверх же того чертежная и другие мастерские в близости состоять будут; кое всему сходствовать будет способною сноровкою. И все ж оное представляю помянутой Экспедиции на разсмотрение.

62 ДОНОШЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 13 апреля 1769 г.

По присланному ко мне от Экспедиции оной указу сего апреля 6 дня по предложению от господина генерал-порутчика и ковалера Измайлова велено мне чтоб не выступать из именного Ее императорского величества указа, строить зал и избы мастерские на цейгауском пласе, а не на Потешном дворе, за тем имянным Ее императорского величества указом, строить оного не можно; и мне о том объявить; что ж касается и до прежних моих представлений, я отдавал на разсуждение Экспедиции, а только из усердия мне казалось, чтоб было успеху в делании более, то я имел честь и <о> других ревизионских департаментах представлять для лутчего безопасения от пожарного случая; о материале к деланию мадели мне об оном требования подавать без столярного мастера не можно, ибо я не знаю сколько какова ему лесу и каких мер будет надобно, также каких инструментов к оной принадлежит мне неизвестно.

Прошедшего марта 23 дни поданные мною чертежи и смета к Потешному двору для построения светлиц к модели к цейгаустенскому пласу по расположению другому месту уже оные не годны; а сочиня теперь другие со сметою сколько к оному материалу потребно Экспедиции честь имею представить[1]. Которое строение назначивается без всякого излишества и бес чего обоитится невозможно. Да и впредь оные мастерские покои могут служить во время настоящего строения для других художеств и мастеров, а не к одной модели.

63 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 17 августа 1769 г.

Сего августа 13 дня 1769-го года по полученному от Экспедиции указу велено мне назначить разбирать строения в Кремле как в плане означено, начиная разборку от старого Сената, где ныне Главной магистрат находится, до Набережного саду; а потом и Набережной сад, для чего, в силу указу ее, имею честь представить при сем план, на котором назначено точно, литерами и надписью где какие места присутственные имеются[1]; что ж касается по должнос-

ти моей, каким образом ту разборку по усмотрению моему за лутче производить, о том я здесь представить ничего еще не могу; ибо когда оное начнется с самого верху ломаться, то тогда и способы лутчие предусмотрятся, а только бы заблаговремянно был при мне механик, о чем я уже имел честь представить Экспедиции[2] которой должен делать к подкреплению каких либо машин, за лутчие признаются; разбираемому материалу на сорты, для поклажи оного я лутчих мест не избрал, как назначено при сем на плане, что ж принадлежит до разбираемого материала, о трате его, в том прошу Экспедицию? чтоб соблаговолила для оного приставить верных смотрителей; проезды и проходы где надлежит оставятся, не соблаговолит ли же Экспедиция в церковь Благовещенья Б<огороди>цы[3] заблаговременно вокруг ее обделать каменной контрафорс, естьли же не позволит осеннее время оного зделать, то хотя до время деревянным обрубом обделать, чтоб мусором оную не засыпать, от чего по тесному разстоянию от разборки Набережного сада в оном месте никак упастись не можно; также Экспедиция не соблаговолит ли приказать, как в стенах и за стенами казенные и партикулярные строении к Москве реке до начатия ломки очистить; ибо оные поселении места весьма много заняли, и без снятия оных, я думаю, что материалу класть всего будет негде[4].

64 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 6 октября 1769 г.

Как уже к деланию мадели, так и к зданию вновь кремлевского Ее императорского величества дворца самым делом приступаю, то за нужное нашел по прожекту на самой практике назначить надолбами главные линии (которые и назначены); оные потребны как для окуратного положения мест на мадели, так впредь и для самой практики; во время ж тех линей назначивания найдено мною многое старое строение против данного мне кремлевскому положению места от Ее императорского величества плана в практике не на тех местах; однако та неокуратность главному вновь строению против прожекта почти нигде мешать не будет, строе ж и определенное к сломке строение останется в своей силе; а в некоторых местах пришлось гораздо выгоднее для нового здания; что ж касается до берега Москвы реки против всего Кремля, то по моему примечанию онай или никогда не имел никакого укрепления или и был укреплен, да в давных летах, отчего всякою полою водою оной отрывает большими частями и засаривает реку, а терас час от часу убывает и уже теперь сделался диким, а не городским берегом; а как кремлевское здание, да и сам дворец Ее императорского величества будет строиться по берегу, то я за наинужнейшее нахожу показанной берег укрепить нынешнее время, до прибытия полой воды, деревянным обрубом в паралель кремлевского здания, чем можно получить много полезностей, как место хорошей величины для постановки материалов и к реке чистоту, да и выгоду интересов Ее императорского величества, потому что оной берег хотя и со времянем, но необходимо будет обделать камнем, а в кривизны ево, по моему примечанию, великое потребно множество земли или бут, а как уже и ломка старому строению начать повелена, то и оной негодной мусор и щебень можно употребить на оную присыпку берега, а не из других дальных мест возить землю, и что могут те ж делать работники, которые будут и ломать.

К деланию ж мадели мадельные светлицы совершены и несколько рускими столярами и настоящей к мадели приступ зделан, а именно зачат делать фундамент, но без немецких подмастерьев и хороших руских столяров обойтись никак не можно, то напомянов мое первое требование[1] теперь еще пред-

ставляю; чтоб Экспедиция кремлевского строения соблаговолила, не упуская времени, приискать вышеписанных людей и ко мне прислать; теперь же при оном модельном доме потребен караул при унтер офицере, к печам истопников, под стропила к трубам чаны с водой обшитые войлоками и ведры да четыре заливные рушные трубы.

65 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 13 октября 1769 г.

...Известно уже оной что модельной дом совсем окончан и дело модели настоящее наступило, для чего и мне во всегдашнее время при оном почти безвыходно быть надлежит; чего ради неминуемо должен я иметь теплой покой, притом чтоб и от стуку в удалении был, дабы не было помешательства мыслям, который покой выбран мною в оном же мадельном доме и оной прошу укрыть пол цыновками, а потом войлоком, также и стены, а печку во оном надлежит иметь подвижную.

66 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 23 ноября 1769 г.

Сего 1769-го года с апреля по ноябрь м<еся>ц окончан мною фасад будущим в Кремле коллегиям; в бытность мою в Санктпетербурге в нынешнем годе во прошедшем марте взято от меня его превосходительством главноприсудствующим в Экспедиции положение места на чем делать планы и отдано его сиятельству Захару Григорьевичу Чернышеву[1] для сочинения по своему вкусу; также и программы требовал я чтоб мне были отданы за подписанием, кому оное принадлежит; но видно, ни то ни другое еще в Экспедицию не прислано и так я за оными обстоятельствами планов сочинять и не зачинал[2]. Теперь же Экспедиции кремлевского строения известно, что модель совершенно полное в деле течение имеет, и так не соблаговорит ли истребовать за подписанием программы, где надлежит; а об сочиненном фасаде не созволит ли также какое либо взять разсуждение? Ибо мне в модели без апробации собственной Ее императорского величества делать не можно, а без сего фасада модель не будет столько величава. План же коллегиям можно и после приделать, когда програм пришлется, но фасом сохраниться имеет форма всему зданию.

67 ОТВЕТ БАЖЕНОВА НА ЗАПРОС ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 18 декабря 1769 г.

По запросу от Экспедиции кремлевского строения, с которого времени действительно началась мадель кремлевскому зданию, на что имею докладывать по оному запросу, что мадель зачета прямо мною рисунком и установлением оной на сталах, *кои зачеты с самого того времени, когда перьвые приняты столяры*[1]. Рисоваться же с опробованных планов в самой надобной величине (в увеличивании) в первых числах октября, а с оных с стольных планов столярной мастер с замастером[2] снимали лекалы, с самого моего приему вступили в фундамент мадели, когда по представлению моему 4-го октября по поданному и по приумножении руских столяров дествительно зачато и столярное,

теперь же по приезде немецких столярных подмастерьев[3] зделано от Москвы реки фундамент по цокуль настоящего здания, да еще и многие части подготавливаются; также и скульпторы зделали и арнаментов несколько, однако из <с>винца отлитых еще не имеется; также также несколько членов вытачил принадлежащих частей к мадели.

68 В.И.БАЖЕНОВ И Ф.В.КАРЖАВИН. «КРАТКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О КРЕМЛЕВСКОМ СТРОЕНИИ»

[начало 1770-х гг.]

Известно нам по гистории с коликими трудами и с каким иждивением воздвигнула древность те великолепные и исполинские здания, которыми она пышно славилась, называя их чудесами на свете.

Из казны царя Давыда, состоящей в его сокровищах и добыче неприятельской, употреблено на построение Иерусалимского храма сто тысячь талантов златых, и один милион серебреных талантов; что составляет по щету Виллалпандия[1] три тысячи два ста осмьдесят два миллиона римских экю; другие писатели оную сумму, издержанную царем Соломоном на созидание Иерусалимского же храма, простирают до тринатцати тысяч шести сот девяноста пяти милионов трехсот осмидесяти тысяч и пятидесяти золотых монет.

Главная египетская пирамида которая и по ныне весь свет удивляет, продолжалась, по мнению Плиния, дватцать лет в своем строении, к которому употреблено было работных людей числом до трех сот до шестидесятидесят тысячь ч<е>л<ове>к; Геродот, которой щитает их только сто тысячь человек, пишет что десять лет они только возили камни и другие материалы, а десять лет строили оную пирамиду.

К строению храма Дианина Ефескаго[2] вся Азия приложила свои силы чрез 220 лет, *может быть в то время был недостаток в мастеровых или в несобрании* денег, создавши его с умыслу на месте болотистом, для сохранения его от земных трясений. А такой медлительности в работе притчиною были может быть или недостаток в совершенных мастерах, или по непривычке к частым путешествиям, трудность доставить нужные материалы из дальных стран. Не упоминаю здесь о Александрийском маяке, которой стал египетскому царю Птоломею Братолюбову[3] в 800 талантов; то есть около двух миллионов и четырех сот тысяч францусских ливров.

Построенной Нероном в Риме дворец[4] назывался златым по притчине великолепия неоцененных его уборов и всего того, что Натура либо искуство могли произвесть богатейшего и удивительнейшего; не можно себе вообразить внутренную красоту сего блистательного дворца не имевши понятия справедливого о неищетных сокровищах, которые Рим себе получил в добычу от всех народов, принужденных покориться победоносному его оружию. К созданию и к украшению сего пространнейшего дворца жертвовали тщеславию Неронову не только тем что восток и запад могли произвести драгоценнейшего, жемчугом, редкими каменьями, златом, серебром, перломутром и слоновою костью, но еще и тем, что древность оставила-было любопытнейшего в Египте, с последними силами греческих и римских хитрецов в живописных и ваятельных произведениях.

Оставляю здесь подробное описание протчих древних зданий, как то стен вавилонских, садов висящих, колоссов Родоских и Олимпических, гробниц Мавзолеевых, водоводниц Карфагенских, теплиц Диоклетиановых, теятров Марцелловых, Колизеев[5] и других премногих не меньше славных и важных зданий, из которых явствуют Могущество и Слава многих древних Государей.

Возвратим свой взор на наши Европейские края и поищем в них таких зданий, которые, хотя и не могут огромностью и богатством сравняться с теми древними строениями, однако не уступали бы им величавостью Архитектуры и изрядством вкуса их сооружителей[6]. Во первых, видим мы в Риме Ватикан, также церковь и площадь святого Петра; в Флоренции зал и *церковь богородицы цветов*; в Венеции церковь и площадь святого Марка *и цейгаус; в Милане церковь белого мрамора*; в Мадрите дворец королевской; в Лондоне церковь святого Павла; в Берлине цегауст; в Париже дом и церковь Инвалидов; площадь Лудовика пятого надесять; площадь Вандомскую, хотя сия последняя не больше имеет длиннику как 86 сажень, а поперешнику только 78 сажень; видим еще дворец Тюлериской, которому первое основание положено по повелению королевы Катерины де Медисис в 1564-м годе; оное строение имеет поличнику 168 сажень; к оному присовокупим Старой Лувр с его перистилем; сему зданию еще Франциск первой основание положил, а сын его Генрих второй употребил славнейших Архитекторов тогдашнего времени к распоряжению и украшению сего здания, которое однако еще и по ныне к совершенному своему окончанию не дошло по притчине частых остановок в выдаче суммы, потребной к совершению сего здания... Имеется еще Пале Руаяль, построен в 1636 годе старанием кардинала д'Ришелийе; Люксамбур, построен по повелению Королевы Марии д'Медисис, супруги Генриха 4-го во время младолетия короля Людовика третьего на десять; Валь де Грас, великолепнейшее строение какое было построено во Франции в последнем веке королевою Анною Австрийскою; да ныне строющаясь церковь святыя Женьвиевы по прожектам и под смотрением Королевского Архитектора и Кавалера Суфлота; также великолепная церковь святого Роха, и церковь же святого Сулпиция ныне достроевающаясь по рисункам господина Сервандони. Найдутся и другие в великом множестве строения, но подробное описание оных могло бы здесь быть обременительным, довольно нам знать, что все таковые великолепности имели при сооружении своем всяческие одобрения от целых государств, и на щедром монархов награждении щастливо сооружены в таких местах, где свободные хитрости находились всегда и ныне находятся в почтении и получают славные тому свидетельства; где люди высочайшего степени благородства ставят себе в честь знание таких изрядных вещей; где свободными и всегда вольными хитрецами не повелевают чины ни военные, ни гражданские, и не гнушаются с ними говорить и в случае спрашивать у них нужного совета; где не называют просто художниками или ремесленниками тех людей, которые посвятили жизнь свою для пользы отечества хитростям, архитектурной, живописной и ваятельной; а дают им достоинства кавалерские, как Тициену и фальц-графские, как Павлу Жову[7], *Михель Анжелу давана кардинальская шляпа, как и ныне в Париже получают славные художники кавалерию святого Михаила, а не чины*; где наконец говорят об них с похвалою и ставят их в число славных и великих мужей, ибо знают, что слава есть первая мать хитростей, но к славе должны также присовокуплены быть одобрения от щедрости Монаршей.

Не можно спорить чтоб помянутые как древних так и новейших времен здания не заслуживали нашего почтения к их основателям, однако разные обстоятельства и разные притчины находятся в их созидании. Например пирамиды, сколь они ни пышны своею огромностью, украшают только пещаные египетские степи; знаем мы что сумма, издержанная на одну покупку чесноку и луку для работных людей, трудившихся около строения большой пирамиды, щитается до 4 миллионов и 500000 французских ливров; однако во дни еще Плиниевы[8] уже не помнили по чьему приказанию такое огромное здание было сооружено и которого государя столь тяжелая гробница скрывает. Гисторики

нам повествуют что был какой то Колосс Родоской; однако нынешние жители сего острова не могут приметить и места, на котором бы мог прежде сего стоять сей тяжелой исполин. Дивимся мы и по ныне великолепностям города Пальмира; дивимся мы стенам вавилонским, мосту, построенному на реке Евфрате, берегам каменным, проведенным по обе стороны сей реки и другим великолепнейшим безчисленным зданиям, которыми город Вавилон украшен был от Храброй супруги Нина Семирамиды Ассирийской; но естьли примем в безпристрастное разсуждение от все-августейшей нашей Монархини, между протчими отечеству полезными установлениями, учрежденное в 1768-м годе столь важное строение, каково кремлевское, то нимало в древности прославляемым зданиям удивляться не станем. Могущество, премудрость и высокой разум в предприятиях, щастливые дарования к совершению великих дел и ко всем подданным матерняя любовь и милосердие суть качества северной Семирамиды, августейшей нашей императрицы, которым Россия все свое обновление должна приписывать. Высочайшего оного Ее императорского величества учреждения, основанного на милостивейшем сея истинной отечества Матери о первопрестольном империи Российской граде Москве благоволении, предмет есть таков, чтобы обновить вид сего древностью обветшалого и нестройного града; жители оного имеют уже щастие видеть начало великолепных зданий, которых совершение восхитит красотою обширные Российской Империи пределы; исчезнет тогда Слава древних семи чудес; народы Европейские, узрев восставший из недр земных новой Кремль, объяты будут удивлением величавости и огромности оного и не увидят уже красы своих собственных великолепностей; а от того высочайшее и безсмертной славы по справедливости достойное имя Великой Екатерины второй будет вечно потомками прославляемо.

Приняв во уважение сие столь огромное и столь важное от Ее императорского величества всемилостивейше вверенное мне строение, каково Кремлевское; взирая при том с благо-говением на высоко-матерние ее величества к своим верно-подданным щедроты, которые яко щедролюбивая мать отечества все в пользу и во удовольствие своих подданных устрояет, принял я смелость, по высоко-монаршей мне важного сего дела доверенности, некоторые самонужнейшие о должности и о команде Архитекторской написать особливые пункты, заключающие в себе все то что может споспешествовать к совершению столь великого и созидаемого на славу империи Российской строения.

Пункт первой.
О должности Архитектора.

При всяком здании, каково бы оно ни было, великое-ли, малое-ли, Архитектор должен во первых, сообразясь с желанием господина того здания, зделать прожект, по которому и начертить планы, фасады и профили. Потом, как уже прожект будет апробован должно приступить к деланию мадели; а понеже оная есть почти половина практики, то в ней надобно Архитектору, положа все свои силы, смотреть наикрепчайше, прибавить ли что или убавить против прожекта в частях Архитектуры; дабы с настоящею практикою в крепости, красоте и покое все было сходно. Притчина сей перемены против прожекта на мадели есть такая, что на чертежах, а особливо великим зданиям, никак не можно войти во все подробности; и для того-то во время строения мадели, да и по окончании ее на самой практике, помянутая перемена Архитектору дозволяется в нескольких наружных частях и в самых малостях внутреннаго расположения; однако не выступая из воли до кого принадлежит строение. Когда же мадель окончится и апробуется г<оспо>д<и>ном здания, тогда время Архитектору приступать к совершенной практике; и для того он должен делать распланировку того места, которое назначено

для строения; а ежели здание будет великое, то не можно ему обойтись без помощников, которые будут в таком случае разпределены от него по дистанциям на самом деле. По окончании распланировки надлежит рыть для фундамента рвы *и тут делать машины машинисту для отводов вод, в жидкостях бить сваи, запускать щиты и прочее*; при чем должно неотменно быть Архитекторским помощникам с добрым наставлением от него о разных грунтах, находящихся в земле; а прежде нежели начать бутить, сам Архитектор имеет все рвы осмотреть и примечать больше всего вышереченные грунты и жидкие места; ибо от них зависит крепость всего здания; а помощники, принявшие наставление и приказ от Архитектора, должны исполнять оные с точностью.

Пункт второй.
О материалах и что к ним потребно.

После твердости грунта ничто больше не способствует к крепости здания, как совершенство материалов к строению оного употребляемых; и для того свидетельство оных материалов в доброте их никому постороннему и незнающему Архитектор поверить не должен, но имеет их осматривать сам или чрез помощников своих; а что принадлежит до щету и убережения оных и до сходности материалу каменного и кирпичного с показанными от Архитектора обрасцами, то уже ему Архитектору никаким образом усмотреть и соблюсти всего, ниже во всех подробностях освидетельствовать не можно, и надобно к тому быть особливым приставам[9].

О заводах кирпишных, каким образом делать и о камне. Инструкция как делать кирпич на Кремлевских заводах есть в Экспедиции и дана подрядчикам с поправлениями архитекторскими... Ее можно взять в Экспедиции когда понадобится.

В разсуждении сего при таких великих зданиях надлежит быть Директору с его помощниками, до которых принадлежать будет не только денежная сумма, потребная на строение, но и прием и отдача материалов; также наем работных людей, верная с ним расплата и отчеты во всех издержках.

А как Архитектор во всяком здании есть ключ строения, то оные Комиссионеры должны с ним соглашаться во всем, особливо же в заготовлении материалов и в числе работных людей; подобным образом, когда что будет для строения надобно, и потребуется, например, каких либо инструментов, или какого особливого материалу, которой надлежит заготавливать заблаговременно, то они должны по требованиям Архитекторским исполнять без упущения времени и без дальных письменных переписок; ибо они только причиняют остановку в работе и следовательно больше делают убытка, нежели пользы казне, определенной на Строение.

Пункт третий.
О вольности Архитектора.

Отец Архитекторов Витрувий пишет в своих сочинениях что «для лутчего успеха в строении всякой Архитектор должен принимать советы не только от последнего каменщика, но и от тех самих, которые около архитектурной работы по особливому своему званию не обращаются, ибо не Архитектор один, но все общество будет судить строемое тем Архитектором здание; однако де в их разсуждениях имеется такое различие, что человек, не обращающейся в Архитектуре, тогда только может правильно разсуждать о здании, когда оно приидет к концу; но Архитектор узнавает красоту здания, как скоро он его в мыслях своих только вообразил и не начинавши еще производить его в дело»[10]. Взявши в разсуждение сии последние витрувиевы слова, естьли кто, особливо

не художник, во время сочинения прожектов или при делании мадели, да и на самой практике, начнет, сам не зная положения воли и апробации господина того здания, давать Архитектору по большинству чина свои не основательные мысли или хуже того и заставлять его делать по своему, так из того выйти никогда не может ни воля, ни намерение Хозяйское; следовательно Архитектор не должен быть под командою ни у кого, кроме как у господина того здания, от которого единственно он должен зависить.

Что же принадлежит до художников и мастеровых людей, находящихся при том строении, то им всем неотменно следует быть в полной власти и в совершенном послушании у Архитектора; таким порядком все части строения потекут из одного источника и согласно с намерениями Хозяйскими. Своих же помощников архитектор определяет, по способности, к разным должностям, например, к задаче шаблонов, к теске камня, к деланию в подробности частных чертежей, к смотрению по дистанциям на стенах, дабы порядочно каменщиками и другими работными людьми производилась практика; а помощники желаниям Архитекторским должны единодушно соответствовать, исполняя точно все его приказания.

Пункт четвертый.
О не-зависимости от Экспедиции.

Упомянув в трех прежних пунктах об Архитекторе вообще, остается здесь определенному Ее императорским величеством к новому кремлевскому строению Архитектору Баженову предложить Ее императорскому величеству всеподданнейшую свою прозьбу в том чтоб с ним и с ево помощниками и со всею ево командою поступано было от Экспедиции Кремлевского Строения как с художниками, а не так как с приказными людьми; ибо он Баженов недавно узнал, что естьли вскорости не будет репортовано на полученной указ, то определено с не репортующего брать штраф; и для того, как он не имел случаев обращаться в письменных делах, а препровождал дни свои в художествах, то имеет он притчину опасаться, чтоб за безумышленное и совсем ему не обыкновенное дело не был штрафован.

А по привилегии Императорской Академии Художеств, как он Архитектор, Художник; художество же есть всегда вольное и никакою командою не связанное; то просит он всенижайше, чтоб не художники, хотя и более чинами, им Архитектором и привилегированным художником не командовали, но имели бы общие с ним голоса во всех касающихся до строения делах; почему надлежит назначить в неделе один день, в которой может он в присудствии обще советовать; протчие же дни оставить для ево должности; а что от него будет на словах будет Экспедиции в присудствии представлено, то все имеет быть, записано в книгу и им Архитектором подписано; таким порядком минуются все излишние и дальные переписки.

А как комиссии о строениях более касаются, да и зависят от Архитектора (ибо трудно обращающемуся при письме человеку управить, не разумея и не понимая, строением, так равно и архитектору не без труда, да и невозможно чтоб имея своего настоящего дела весьма довольно, вступать в письменные, а иногда и безполезные ответы).

Пункт пятой.
О команде Архитекторской.

Все протчие каманды, состоящие из художников, высокомонаршими Ее императорского величества пользуются щедротами; например Императорская академия художеств всемилостивейше пожалованною привилегиею; ибо там

профессоры, адъюнкт-профессоры, Академики и протчие Художники получают дипломы и равняются чинами против Классов о рангах по привилегии. Другие такие же каманды при Канцелярии Строений государственных домов и садов, при полициях, и при иных казенных строениях, состоящие из Архитекторов, заархитекторов, гезелей, помощников и учеников Архитектуры, производят в чины своих подчиненных. Что же надлежит до каманды Архитекторской, определенной к толь важному зданию, каково Кремлевское, то она не только должна равняться с другими камандами, но по важности дела и некоторое иметь преимущество; а как оная ни от какой другой каманды не зависит, но состоит единственно под собственным Ее величества ведением и Монаршим покровительством, так уже по справедливости несумненную имеет нужду воспользоваться так как и протчие каманды высокомонаршею милостию Ее имп<ераторского> вел<ичества>. Неоспоримая истинна, что художники, чинов не имеющие, здесь бывают весьма мало уважаемы; сие я осмеливаюсь подтвердить своим примером; ибо естьли бы я был *по примеру других мест* просто Архитектор и не имел бы на себе знаков наложенного на меня высокомонаршею милостию чина то бы и со мною без сомнения поступано было как с последним ремесленником или простейшим мастеровым.

К отвращению сего важность Кремлевского здания и благопоспешность убеждают меня предложить Ее император<скому> величеству, яко щедрой трудов Наградительнице, всеподданнейшую мою прозьбу о трудящихся в Кремлевском строении, дабы все действительно в службу определенные и впредь определяемые Художники и протчие пользовались против других каманд высочайшею *милостию*; то есть чтоб высочайше соблаговолено было указать их всех, выключая художников по контрактам служащих, производить в чины по уравнению с протчими в других камандах находящимися. Сие матернее Ее имп<ераторского> велич<ества> трудящимся одобрение не токмо служить будет к уважению толь огромного строения, каково Кремлевское, но ободряя всякого, возбудит в нем ревностнейшее к службе Ее имп<ераторского> велич<ества> усердие и чувствительность одолжений во всех наивеличайшую произведет.

В таком случае, для познания и отмены от протчих каманд, все находящиеся при Кремлевском строении в Архитекторской каманде господа Архитекторы, заархитекторы, помощники и протчие чины будут иметь по своему званию особливой и к делу их пристойной мундир из своего кошта, то есть из получаемого ими жалования[11].

Пункт шестой.

В разсуждении немалого числа художников и мастеровых людей иностранных, без которых за недостатком природных российских обойтися невозможно будет в Кремлевском строении по важности сего здания, необходимо нужно будет иметь переводчика, знающего иностранные языки; не токмо для изъяснения им контрактов, которые с ними заключаться будут, но и для толкования им приказов, которые им даваемы будут по их должности. При том же, ежели оной переводчик будет знать и ученые языки, тогда можно будет его употребить и к переводу книг и авторов Архитектурных и других, касающихся до художеств, которые полезны будут для учеников, обучающихся при Архитекторской каманде или нужными окажутся для самих художников, кои употреблены будут при кремлевском строении[12]. При том, как для таковых переводов и для других надобностей по кремлевскому строению случиться может нужда в книгах, для учинения в них какой либо справки, всеподданнейше прошу Ее имп<ераторское> величество да соблаговолит высочайше указать чтобы оные книги по требованию Архитекторской Кремлевской Каманды отпус-

каемы были под роспискою из тех казенных книгохранительниц, где таковые книги найдутся; а переводы, касающиеся до Художеств и зделанные при кремлевской Архитекторской каманде, дозволить издавать в печать.

Сверх того, как для выгридорования на медных досках Генерального плана всему новому Кремлевскому строению, дабы частым употреблением на практике не скоро мог он быть испорчен; так и для сочинения книги подробной о всем Кремлевском здании, сообража сочинение сего великого дела с системами разных авторов, которые переведены будут ученым переводчиком, кажется за нужное быть при Каманде Архитекторской и одному гридоровальщику *с двумя помощниками*. А в разсуждении многолюдства всяких работных и мастеровых людей, кои употреблены будут к новому строению, и взирая на множество разновидных болезненных припадков, которым человеческая слабость подвержена бывает, ежели по нещастию при таких строениях кто упадши руку или ногу себе переломит и протч., за надобное признается быть для Архитекторской каманды и зависящих от нее людей работных и мастеровых одному лекарю.

Впротчем, не дерзая больше Ее импер<аторское> велич<ество> такими подробностьми обременять, полагаюсь во всем единственно на высочайшее Ее благоразумие, по которому Ее величество несравненно больше моево изволит ведать, как и ослабевающих в трудах заохотить и предуспевающих в оных наградить.

69 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 22 января 1770 г.

По присланному от Экспедицы указа, в коем изображено высочайшее имянное Ее императорского величества повеление чтоб внутренние планы всего кремлевского дворца в скором времяни зделать для поднесения Ее императорскому величеству, что я при сем и имею честь представить Экспедиции кремлевского строения[1]; один скопировать успел с модели третей этаж, а прочие все зачеты и изготовляются скоро и представить не умедлю, которой по словесному от Экспедицы приказанию зделан в малом маштапе дабы было можно положить на столик для разсмотрения Ее императорскому величеству, что может быть нестолько и неокуратно против мадели, но весьма мало по малости вершков маштапа и то только конфирмованное назначил тушью, а протчие пунктом. И беру смелость сим напомнить Экспедиции кремлевского строения, не будет ли соблаговолено представить о разрезе и о фасаде, на что время весьма много надобно, и чтоб оное мне заблаговременно знать было дано. Архитектор Василей Баженов.

План в большем виде зала и двух галерей побошных непременно сообщить надлежит, ибо без окуратной части большаго будет непонятно.

70 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 5 февраля 1770 г.

Как уже господином скульптором Юстом[1] зачеты у него на дому делать к мадели кремлевского строения разные арнаменты и штатуи, а отливать оных и делать формы у него негде, то я за нужное нахожу Экспедиции кремлевского строения представить, чтоб соблаговолила приказать поставить на мадельном дворе во отдалении от мастерских, особую избу, длиною и шириною по девяти аршин, вышиною четыре аршина, мшеную с крышкой, а пол кирпичной и зделать во оной два окна стеклами и двор, чтоб можно было запирать. Да в ней же печь для обжигания алебастра и очаг для сушения форм[2]; також по прило-

женному к сему реестру[3] приказано б было искупить и прислать ко мне, ибо все оное весьма теперь нужно, чтобы заблаговременно свинцовые арнаменты и штатуи заготовить можно было, да еще за нужнейшее нахожу представить Экспедицы кремлевского строения чтоб соблаговолила иметь при мадельном доме пожарную аглицкую трубу, ибо весною и летом агонь внутри и на дворе неминуемо быть должен, итак для всякого случая оное будет небезполезно.

71 Г.Н.ТЕПЛОВ[1] — БАЖЕНОВУ

[Петербург], 15 февраля 1770 г.

Государь мой Василий Иванович.

Е<е> И<мператорское> в<еличеств>о разсматривая планы внутреннего расположения кремлевского дворца примечания зделать соизволила следующие. 1-е. Нигде во дворце нужных мест не зделано, без которых множественному числу как живущих, так и приезжающих пробыть никак не возможно, и ежели сие не предусмотрится, то всегда во дворце нечистота и гадость будет. 2-е. Нигде не видно как и откуда кареты будут приежжать к разным крыльцам с такою выгодою, чтоб далеко от оных <?> по стужам потом не ходить. Сего ради указать мне соизволила вам дать знать чтоб вы старалися помянутые нужные места в пристойных местах необходимо примыслить с такою осторожностью, дабы нигде во дворце вони от них не было. Что же касается до выгодных в холодное время приездов ко дворцу, то бы оные так вы распределили, чтобы по крайней мере был к каждому флигелю особливый приезд или на каждый дворик. Все сие придумать вам надлежит прежде нежели фундамент закладывать станете <...>

72 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 10 июня 1770 г.

Как уже дело в мадели доходит до живописи, то я имею честь Експедиции кремлевского строения заблаговремянно представить что неминуемо потребен к тому такой живописец, которой бы не только в том художестве сам был искусен, но мог бы по приличию комнат прожектировать, как то в парадных салах и важных галлереях Блафоны инвентировать[1] из истории российской, а в протчих комнатах из митологии задавать сюжеты. А как в ведомстве Експедиции таких живописцев не имеется, а хотя некоторые и находятся, кои только копировать в состоянии, а от себя прожектировать, где что прилично, не могут. А ныне уведомился я, что находящейся в Санктпетербурге при Императорской академии художеств в живописном художестве известной адъюнкт профессор Гаврила Игнатьев сын Козлов[2], которой исправлять ту должность с успехом может, обязуется контрактом на три года с таким договором, чтоб жалованье ему производимо было в год по тысяче рублей, сверх того была б казенная квартира, дрова и свечи. Того ради не соблаговолит ли Экспедиция кремлевского строения на таких кондициях к нему Козлову отписать или о том представить Ее императорскому величеству[3].

73 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 14 июня 1770 г.

Как уже в маделе дело день ото дня преуспевает, а публика из любопытства нетерпеливо смотреть желание имеет, особливо же многие знатные особы

и почтенные люди, от коих я, чтоб не допустить, и отговориться не в состоянии; от чего в разсуждении мадели какое нибудь публики разглашение может дойти и до высочайшего Ее императорского величества слуха; то я в таком случае много опасен, не будет ли то Ее величеству противно, что публика прежде времени что нибудь о модели заключать будет, от чего бы мне императорского не понести гнева. Того ради Экспедицию кремлевского строения покорнейше прошу чтоб соблаговолила исходатайствовать высочайшее от Ее императорского величества на то соизволение, повелено ль будет прежде времени публику допущать до смотрения мадели.

74 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 13 августа 1770 г.

В присланном минувшего июля 14 дня из оной Експедиции указе, в коем изображено именное Ее императорского величества повеление о задавании ескисов к плафонам разным живописцам, предписано мне, чтоб по должности моей представить Експедиции где и в каких имянно, как в зале, в галлереях и в протчих комнатах прилично быть плафонам с показанием каждому плафону в величине меры; вследствие чего я имею честь сим Експедиции представить, что как уже мадель приходит к окончанию, то разных живописцов плафоны поспеть к тому ни коим образом не могут; чего ради необходимо надобно одного какова нибудь искусного к сему принять живописца; ибо естьли воспоследует высочайшее повеление мадель перевесть в Петербург, то разве без плафонов оная отправлена быть имеет. Что ж до меня принадлежит, то я где и в каких имянно комнатах с экспликациею и с назначением каждому плафону величины, также с приобщением моего мнения, из каких историй где по приличию ескисы задавать, точные против мадели експедиции кремлевского строения при сем представляю образцы, с которых и для пересылки в Петербург точные ж с описанием камер сообщаю копии.

75 БАЖЕНОВ. ПРОГРАММА РОСПИСЕЙ ВО ДВОРЦЕ

[Москва], 13 августа 1770 г.

№		Описание камер	Мнение архитектора
1	А.	Парадная лесница.	Во оной плафон написан.
2 3 4 5 6 7	Б. В. Г. Д. Е. Ж.	Антикамеры начинаются от парадной лесницы, коих числом шесть, а именно от парадной лесницы внутри Кремля по линии прямой; и с последней антикамерой, коя под № 7, литера Ж зачинается от нее галлерея.	В сих антикамерах прилично быть кажется изобразить историю русскую, начав от Рурика, в плафонах и на стенах.
8	З.	Галерея внутри же Кремля.	В галереи изобразить дела и жизнь Петра великого и его преемников по благополучное ныне царствование государыни Екатерины второй.

9	И.	Большая комната пред аудиенс камера.	В сих трех изобразить историю ныне благополучно царствующей великой государыни императрицы Екатерины второй.
10	I.	Аудиенс камера.	
11	К.	За аудиенс комната, которой из парадной второй галлереи коммуникация, чрез ее в церковь и в старой дворец, внутрь же Кремля.	
12	Л.	1-я парадная Галлерея #	Под ремарками # изобразить все дела великой монархини ныне владеющей Екатерины второй аллегорическим образом.
13	М.	Кабинет подле залы —	
14	Н.	Большей зал #	
15	О.	Кабинет подле залы —	
16	П.	2-я парадная галлерея #	
17	Р.	Две комнаты между второю парадною	Оным комнатам имяна не назначены, однако по приличеству им кажется дать можно от фабульной истории[1]
18	С.	галлереею и билиарта от Москвы реки	
19	Т.	Билиартная	От фабульной же гистории
20	У.	Камора	
21	Ф.	Предспальня или парадной кабинет	Во всех протчих комнатах по приличию кажется из фабульной Гистории, а впротчем как за благо разсуждено будет.
22	Х.	Почивальня.	
23	Ѿ.	Большей кабинет.	
24	Ц, Ч и Ш.	Кабинеты для письма.	
25	Щ. Ъ. Ы.	Гардеробы.	
26	Ь. Ѣ. Ю.	Туалеты	
27	Ѫ.	Где мыть тарелки.	Во всех оных из фабульной Гистории
28	ѡ.	Бюфет.	
29	Я.	Столовая.	
30	Ȥ.	Комнаты, чрез кои коммуникация из соб-	
31		ственных покоев в старой дворец.	
32	Ѱ.	Малой вход четырех комнат, а две для кладовой платья и протчего под тою же литерой.	
33	IV.	Галлерея	
34	6.V.	Лесница и другие покои, как то передняя комната, кабинет, спальня и гардероб.	
	6.V.	И под сим значит то же.	
		Оные лекалы[2] срезаны и на них маштаб положен точно с мадели; что ж на них с краев очерчено линеями, оное значит кроме живописного плафона деланы будут другие орнаменты.	

76 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 24 августа 1770 г.

Не только за полезное, но и за необходимо нужное я нахожу Експедиции кремлевского строения сим заблаговременно представить, чтоб соблаговолено было по Неглинненскому каналу[1] от Воскресенского мосту[2] по самую Москву реку для буду-

щей уборки земли изо рвов и для постановления материалов, также и для регулярства оного поколотить по обе стороны сплошные сваи в один ряд с насадками, а в ширину оной канал пустить как за благо разсудится, а для насыпки земли срубить и режы; чрез что удобнее будет тот Неглинненской канал содержать в чистоте, не так как он ныне от нечистоты задохся. Також и берег Москвы реки от Круглой башни до Каменного мосту[3] взяв прямую линию обделать как и теперешной против Кремля. Чрез что можно будет избежать убытка в разсуждении дальной отвозки земли. При сем еще имею честь Експедиции кремлевского строения представить, не соблаговолит ли оная приступить и к сему, чтоб изпросить тот канал, которой за стеной Кремля между Никольскими и Спаскими воротами и далее вниз к Москве реке для обжигания и замаривания в нем извести[4], где можно будет заморить на все будущее в Кремле строение.

77 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва, около 27 августа 1770 г.]

<...> Необходимо нужно иметь при мадельном доме книги для идеи, как в разсуждении ево, так помощников и учеников, а особливо для скульпторов, а ныне найдены им у неринберца такие две книги, одна под титулом Денефорш[1], а другая Параллель архитектуры[2], и просил чтоб соблаговолено было оные книги по необходимости не упустя купить <...>.

78 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 19 ноября 1770 г.

Присланным из оной Експедиции сего ноября 18 дня указом велено мне оной Експедиции со мнением представить, что можно ли будет начать в предбудущем 771-м годе фундамент рыть, естьли высочайшее на то последует повеление. На что Експедиции кремлевского строения сим представляю. 1-е, рвы копать для фундамента в будущем годе можно; только с тем, чтоб соблаговолено было испросить прежде высочайшее дозволение о сломке городовой стены по берегу Москвы реки, начав от церкви Благовещения Богородицы[1] с Тайницкими воротами вплоть до церкви Петра митрополита[2], находящейся на той же городовой стене, ибо естьли ров начать рыть по положению подле самой той стены не разобрав оной прежде, то она сама собою от блиского рва должна будет повалиться, кроме средины самой, где ворота Тайницкие, где по прожекту и новой снимке плана зайдет за оные, то *сломать же*[3]. 2-е. Вынимаемую из рвов землю отвозить и помещать я за наиспособнее почитаю по берегам Неглинненского канала, о чем от меня Експедиции и представлено было еще минувшего августа 24 числа[4], а по берегам того канала сваи вбивать и обрубом обделывать я признаю гораздо способнее зимним временем, нежели летом. 3-е. Что ж надлежит до материалов старых и вновь заготовленных, то оных, кажется, что на первой случай довольно бы быть могло кроме извести, люберецкого, хорошевского и мячковского камня, ибо оные должны употребляться в сводах и проходах вод под погребами.

79 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 19 ноября 1770 г.

По поданному от меня во оную Експедицию минувшего октября 18 дня представлению о прибавке платежа рещикам, находящимся при разчищивании свин-

цовых орнаментов к мадели[1] Експедиция кремлевского строения удовольствия им зделать с того числа не соблаговолила: почему те мастеровые, будучи недовольны, совсем было от работы отказались, а как они теперь по недостатку мастеров чрезвычайно нужны, то я их всеми силами насилу уговорить мог с тем, что они непременно минувшего октября с 1-го числа оную прибавку получат, а что ж от меня о прибавке им представление хотя и не с начала того месяца подано, только я им обещал действительно с того времяни; то дабы соблаговолено было учинить им прибавку с вышеписанного числа. В противном же случае, естьли они по неудовольствию от работы откажутся, тогда как соизволит Експедиция. А мадель без орнаментов ничего не будет значить. При сем еще имею честь Експедиции кремлевского строения представить, что находящийся в команде моей определенной форматорщиком малороссианин Василий Побежанов по недостатку помощников и учеников ныне помогает в чертежах, посему и заслуживает он к получаемому им жалованью по 24 ру. в год прибавку толикого же числа; того ради чтоб соблаговолено было отселе производить ему Побежанову жалованья по 48 ру. на год.

80 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 23 ноября 1770 г.

Я имею честь Експедиции кремлевского строения представить, что в силу высочайшего Ее императорского величества повеления, а по публикованию от оной Експедиции, явились двое живописного искусства художников, один польской нации Иоган Делигоцкий[1], а другой италианец Федор Эльфердинх[2], которым не соблаговолит ли Експедиция кремлевского строения задать эскисы хотя некоторым важным комнатам, сделав с ними договор, а имянно одному из них в зале и галлериях, а другому в комнатах Его высочества или где заблагоразсудится, дабы хотя в сих комнатах эскисы с маделью поспеть могли, а задавать те эскисы уже не в той мере, как на мадели назначено, но увеличить оные аршин в шесть или и более.

81 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 17 декабря 1770 г.

<...> Все находящиеся при модельном доме немецкой нации мастеровые по своему искуству довольную получают плату, а из руских столяров находятся такие, кои по мастерству немцам ни в чем не уступают, а получают плату против них весьма малую, того ради чтоб и природные российские обижены не были <...>, дабы соблаговолено было из русских столяров некоторым, в мастерстве своем от протчих отличившимся, учинить прибавку, а именно Филипу Евсееву, Григорью Иванову, Герасиму Екимову, Сергею Петрову и Матвею Кузьмину к получаемому ими ныне платежу каждому по три рубли, а Петру Васильеву за отменное ево в мастерстве искусство по пяти рублей на месяц, ибо они тут прибавку по усмотрению ево заслужили <...>

82 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 7 января 1771 г.

Известно Експедиции кремлевского строения, что в скором времени надобно будет вести мадель в Санктпетербурх, а ни одному плафону и никому из

живописцов еще эскисов не задано; ныне же нашелся живописной мастер польской нации Иван Лигоцкий[1], которому от меня как мои мысли, так расположение и мера одному плафону для пробы даны; того ради дабы соблаговолено было оного мастера Лигоцкого призвать и с ним подрядиться, чтоб по крайней мере хотя три плафона к отъезду в Петербург изготовлены были.

83 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 17 февраля 1771 г.

Известно Экспедиции кремлевского строения, что в силу высочайшего именного Ее императорского величества повеления, чтоб мне быть в Санктпетербург, я ныне отправляюсь в путь и для того оставляю смотрение в доме помощнику Федору Каржавину, а в модельном доме препоручаю команду господину заархитектору Василью Яковлеву[1] и оставляю с ним двух помощников: Григорья Харькова[2] и Федора ж Каржавина для лутчего присмотру за мастеровыми и работными людьми по модельному делу. Что ж касается до збирания мадели и для показания ее любопытной публике, то им оставлен от меня приказ чтоб ради особливых мне известных причин оную модель ни для кого, под каким бы то ни было видом, не збирать и в показани<и> ее любопытной публике отказывать. Того ради прошу Експедицию кремлевского строения чтоб в случае такового отказа как господину заархитектору, так и моим помощникам, здесь оставленным от меня, оной поступок не был бы от публики причтен за грубость или по крайней мере за неучтивость, ибо они исполнять будут не свою волю, но единственно мой приказ.

84 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 20 апреля 1771 г.

Я имею честь оной Експедиции сим заблаговремянно представить, что когда дело дойдет до практики Кремлевского строения, то бумажные планы для распланировки и показания неспособны, потому что оные от всегдашнего употребления не токмо скоро станут пропадать и мараться, но и от частого на них накалывания циркулем могут быть не верны; почему в самой практике удобно можно будет ошибаться, чего ради потребны две медные доски, длиною в три аршина, шириною в аршин, а толщиною точно такие, какие обыкновенно гридировальщики употребляют на эстампы, Того ради дабы соблаговолено было показанные две доски купить и на них подрядить выгридировать вышеписанные кремлевского строения планы с маштапами[1].

85 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 19 мая 1771 г.

В именном Ее императорского величества указе, данном оной Экспедиции минувшего марта в 15 день сего 1771-го года в 6-м пункте изображено, фас дворца к Москве-реке, ежели разсудится архитектору, и особливо в средине, выдвинуть на сажень или на две позволяется; в силу высочайшего ее императорского величества дозволения я и распрожектировал вновь парадной зал, которой прожект, по моему разсуждению, гораздо важнее и огромнее быть ка-

жется; материалов же против прежнего без всякой прибавки; чего ради как вновь распрожектированному, так и зделанному уже в мадели залу планы Экспедиции кремлевского строения при сем представляю, дабы соблаговолено было те планы куда надлежит для опробации представить, а мне дозволение дать по тому новому прожекту в моделе работу производить.

86 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 1 июня 1771 г.

Я имею честь оной Експедиции сим представить, что по высочайшему дозволению любопытную публику допущать смотреть мадель нового Кремлевского дворца я назначиваю день по способности при окончании каждого месяца в последнюю субботу по полудни, как то на прошедшей неделе и было; чего ради дабы соблаговолено было от Експедиции кремлевского строения дать мне письменной вид.

87 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 7 июня 1771 г.

В бытность в Санктпетербурге Ее императорское величество, высочайше разсматривая чертежи Кремлевского нового строения, соизволила изустно указать при его превосходительстве оной Експедиции главноприсудствующем Михайле Михайловиче Измайлове, что декорации как на мадели, так и в самой практике отдаются на волю Архитектору; в силу высочайшего того указа благоволит Експедиция кремлевского строения прислать ко мне письменно.

88 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 13 июня 1771 г.

В присланном из оной Експедиции сего июня 10 дня указе изображено высочайшее Ее императорского величества имянное повеление, чтоб зделать мне рисунки камням, каковые при закладке Кремлевскому дворцу фундамента в землю положить должно, также и где медали класть; на что Експедиции кремлевского строения сим представляю, что хотя нынешним летом по некоторым обстоятельствам все кремлевские работы и остановлены, однако ж, без сумнения, на предбудущее лето закладка дворца последует. Чего ради не соблаговолит ли Експедиция кремлевского строения заблаговремянно куда надлежит представить о зделании для закладки дворца мраморного гнезда и шести мраморных же камней: 1. для Ее императорского величества, 2. для Его высочества, а протчие с общего Експедиции согласия кому по приличию надлежать будут; сверх сего обыкновенно делаются ящики для клажи в них при закладке медалей; вместо коих разсудилось мне зделать мой из свинцу бюст, а рисунки тому гнезду, камням и бюсту у меня готовы[1]. При сем имею честь Експедиции напомнить, что в бытность мою в Санктпетербурге соизволила Ее императорское величество при мне изустно указать его сиятельству графу Якову Александровичу Брюсу[2] чтоб обучить десять человек, которые бы с мрамором обходиться могли, кое высочайшее повеление уповаю и его превосходитель-

ству Михайле Михайловичу[3] последовало; а обучаются ли те люди или нет, о том неизвестно; естьли же не обучаются, то не благовлено ль будет представить куда надлежит о набрании людей к тому способных, хотя из олонцов. При сем же благоволит Експедиция кремлевского строения приказать привесть сюда выбрав самого твердого слоя два камня длиною и шириною в полтора аршина, а толщиною в три четверти, один из Люберец, а другой из Хорошева, кои и обделать здесь наемными людьми, для показания на первой случай Ее императорскому величеству.

89 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 1 июля 1771 г.

<...> Сама Экспедиция небезизвестна, сколько начинающееся здание важно будет, и ко оному потребны всех родов художества, между коими чрезвычайно потребен и гридировальщик такой, которой бы мог сочиненную книгу всему зданию, планы фасады и профили выгридировывать на досках медных, чему выдут эстампы; а между тем в помощь ему на делающихся досках медных плана для практики оной гридировальщик в штрифах[1] ему поможет; и такой нашелся ведомства Коллегии экономии Филип Тиханов прозвищем Лебедев, которой желает вышеписанное исправлять; им же архитектором ево искусство опробовано, и ево трудов Эстампы Экспедиции представил; жаловане же оной рещик весьма малое просит, а имянно на первой случай двести рублей <...>. Не соблаговолено ль будет оного принять по контракту, а всего бы лутче ежели бы возможно оного определить и в службу, чем бы ему придался лутчей кураж[2] <...>.

90 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 17 ноября 1771 г.

Как уже мадель совсем почти приведена ко окончанию и только важнова остается отделать один театр и сверх того соборы и другие строения, в Кремле остаться имущие, для коих хотя бы всем ныне находящимся при мадельном доме столярам и нечего было делать, следовательно бы можно из них половину и отпустить, но как небезизвестно что они выписаны из Петербурга, итак они по нынешним обстоятельствам[1], что выработали, то в проезде до Петербурга принуждены будут на карантинах прожить, чего ради, приняв в разсуждение нынешнее время и случай, дабы соблаговолено было оных столяров для отделывания вышеписанного всех оставить еще на три месяца с тем же их платежем, дабы они обижены не были[2], а между тем может быть и воспоследует какое высочайшее повеление.

91 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 3 января 1772 г.

Имянным Ее императорского величества указом, данным оной Експедиции минувшего года марта в 15 день, в 7-ми пунктах состоящим, высочайше повелено учинить следующее, а имянно: 1-е. Сломать городовую стену по Москве реке от церкви Благовещения до церкви Петра Митрополита. 2-е. Строе-

ние начать с средины дворца и для того вынимать землю перво под зал. 3-е. Неглинской канал делать от Троицких ворот до Москвы реки прежде деревом и прочая, но по причине оказавшейся в Москве заразительной болезни повелено полученным во-оной Експедиции того года апреля 7 числа указом остановить все кремлевские работы, какого б ни рода ни были, доколе в Москве зараза истребится; а как теперь по власти божеской оная истребляется и почти совсем утихает, то не соблаговолит ли Експедиция кремлевского строения к сему приступить и куда надлежит о том представить, ибо ныне заблаговремянно надлежащие к строению приготовления делать гораздо способнее, да и дешевле. Другие ж казенные работы производятся, как под моим смотрением бассейн роется[1], так же каморколлежской ров *и строются по кладбищам церкви*[2].

92 ИЗВЕСТИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 7 января 1772 г.

Насколько осталось доделки в модели Кремлевскому новому зданию, того время теперь точного знать не можно, а например сказать можно, что к апрелю кажется окончится; что ж принадлежит до имянных штук, того только осталось теятр, соборы и церкви в монастырях и все почти уже в деле. Протчее же все сделано и можно видя иметь понятие о всем здании, каково оное будет в самой практике.

93 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 26 января 1772 г.

В Серпуховском уезде, в дачах надворного советника Нащокина[1], оказывается мармор, куда я для настоящего опыту, как и он Нащокин допустить согласен, по дозволению Экспедиции посылаю заархитектора титулярного советника Матвея Казакова[2] и скульптурного мастера Юста; при сем представляю Экспедиции, дабы соблаговолено было дать им, Казакову и Юсту с будущими при них двумя солдатами, три, да под принадлежащие к пробе оного железные и протчие инструменты две, а всего пять почтовых лошадей и на них подорожную; также выдать им как на прогоны туда и обратно, так и на наем там на месте работных людей и на все принадлежащие при сей пробе потребности денег сто рублей; на такой случай, что не обыщется ль и в других того Серпуховского уезду местах мармор, где б тоже пробы учинить, а как при пробе там поступать от меня показанному Казакову наставление дано.

94 БАЖЕНОВ – Г.Н.ТЕПЛОВУ

Москва, 27 февраля 1772 г.

<...> Объявлено мне высочайшие Ее императорского величества повеления его превосходительством Михайлом Михайловичем[1] чтоб изъяснить точнее вашему превосходительству откудова взят пункт, как я на рисунке медальном[2] назвал от Новоспасского монастыря, то же будет от Крутиц, да и от Коломенского дворца; да и теперь оное же повторяю, ибо от той стороны как бутто бы я с горы смотрел в угол новостроющегося дворца и показало мне каменной берег и мост вновь посредине построен же с Москвою рекою, частию противного берега, тож встретился с живова моста, где

назначена для медали с краю и круглая башня, кое называется проспектива и вашему превосходительству регулы оной не безизвестны; а ежели б я в параллель ему стоял и смотрел, то б было по моему вкусу на медали неприятная фигура, фас же всего дворца, хотя и збоку изображен, но со всеми своими выступы не отменяя ничего против апробованного прожекта и модели, кроме числа окошек, колоннад и нежных членов, чего по мелкости изобразить было не можно; сверх строения означены соборы, колокольня Ивана Великого по вкусу; при сем же прилагаю примерной меры план для лутчего объяснения как происходили от пункта моего глаза на новостроющееся здание[3] <...>. Из благополучного дома[4].

95 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 5 марта 1772 г.

<...> За самонужнейшее он находит зделать столярному мастеру, и при нем немецкими гезелями, вместо малеванного щита, коему быть должно на самых наружных стенах профилем, дабы видно было лутче работникам высоты сводов, окошек, налишников и протчих членов, но оные делают в Париже и в Италии, а здешние мастеровые еще не только понятны, чтоб без переломки что умели зделать, хотя бы были при том каменные мастера, италианцы, но вместо них он положится еще лутче на некоторых своих приготовленных им помощников, однако разсуждает он, делать щит в точной мере и высоте столярами, дабы в случае его было можно разбирать поштушно и показать сим работным, лутчей способ для всех тесок натуральные лекалы, ибо оным показано будет все как точно из камня сострoено уже, и оных надобно не один, а два щита, протчие ж можно иметь малеванные, бес чего столь великое здание и начинать опасно, да и не можно, и хотя оное поубыточнее сначала, но не будет столько переломки и переделки как с <з>дешними работниками часто то случается и не в таком важном строении; напоследок же и убыток возвратится сторицею, притом же сей полезной способ будет служить для многих способов же точно зеркалом, как всех мастерств людям, так и тем, кто не знав вообразить, каково будет зделание величаво и высоко[1] <...>.

96 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 24 марта 1772 г.

Как я в прошедшем генваре месяце объявлял словесно, что уведомился я от господина надворного советника Петра Федоровича Нащокина, в деревне ево в Серпуховском уезде возле реки Нары находятся великие горы каменные, из которых взятые по поверхности камни при пробе мною надежду подали, что должно во оных быть мрамору, а потом и письменно я представил в Экспедицию о посылке туда для лутшего освидетельствования оных гор и камня, по которому представлению хотя и посланы были туда заархитектор господин Казаков и скульпторной мастер Юст с таким приказанием, чтоб они как означенные горы, так и поблизости в других местах по оной реке осмотрели, и где за лутчее найдут, там, разрыв гору сколько можно глубже и вынув камней привезли на пробу; почему они возвратясь представляли, что будучи там хотя сколько можно и старались зделать опыт, но по зимнему времени мерзлая земля и глубокие снеги тому воспрепятствовали. Что ж касается до каменных гор, то

не только в дачах ево Нащокина оные найдены, но и в других поблизости местах по примечаниям их оказались; однакож из гор показанного Нащокина, так как им способнее было, взяли некоторое число камня, сколько по поверхности достать могли, и привезли в Москву, которые для надлежащей пробы мне и отданы, а по апробации моей чрез полировку оказался совершенной мрамор, из которого выполированные шесть кусков, назнача на них нумеры, при сем представляю с тем, что внутри гор надеюсь найти лутше нежели те взятые на поверхности камни, в каковом случае за нужное почитаю по вскрытии весны зделать и настоящую пробу, чтоб узнать как количество оного, так и какой величины куски и каких сортов мрамор окажется. При которой пробе непременно надобно и самому мне там быть; и для того, ежели в начатии нынешней весной работ кремлевскому строению выниманием земли под фундамент всевысочайшего Ее императорского величества повеления не воспоследует, то не соблаговолит ли Экспедиция кремлевского строения меня и со мною скульпторного мастера Юста или других из архитекторской команды, кого я назначу, в те места отправить и к учинению настоящего опыту, как на наем там работных людей к разрыванию гор в разных местах и вынимания мрамора, так на покупку принадлежащих к тому инструментов, которые особливые быть должны, и на протчие при сей пробе надобности, коих теперь предусмотреть еще не можно, выдать по разсмотрению сумму денег.

97 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 30 апреля 1772 г.

В полученном мною из оной Експедиции сего апреля 25 дня Ее императорского величества указе между протчим написано, что отправленные обрасцы найденных под Москвою мраморов Ее величеству представлены были и по повелению Ее величества тамошними кориерщиками осматриваны, а по осмотре ими объявлено, что все те обрасцы не что иное как плита; но какая же плита, о том не изъяснено; а как от меня оной Экспедиции представлено, что то только одна поверхность, а корьером не названо, потому больше, что настоящего осмотра и пробы еще не учинено; а что оные подлинной, но еще и редкой мрамор не только я, сколько мне в чужих краях разных мраморов видеть случилось, доказать могу, но и находящейся при кремлевском строении скульптор господин Юст то же утверждает, которой уже много в том обращался. Там же написано что из них и в строение годным ими признаетца один второй нумер, а о протчих умолчено; но в их знании нахожу я недостаток, потому что они не узнали 1-го со 2-м нумером, а оные зделаны из одного камня, да сравнивают ево с гатчинским камнем; но гатчинской, сколько я ево разсматривал, имеет сходство с употребляемым в строение в Италии камнем, называемым Травертином; а сей там из числа мраморов не исключается, хотя и нижней степени. Представленные же от меня обрасцы гораздо плотнее, да и не травертин, а настоящей мрамор, хотя взят и с поверхности, ибо по зимнему времени, о чем сама Экспедиция известна, заархитектору господину Казакову и скуль<п>тору Юсту подлинного осмотру учинить было не можно, теперь же для настоящего освидетельствования время есть весьма способное и я сию комиссию толь важного для кремлевского строения камня беру на себя, чтоб такое поблизости Москвы натуры дарование втуне не осталось; чего ради благоволит Экспедиция кремлевского строения меня в те места отправить, выдав мне потребное число денег, как на работных людей и на самонужнейшие инструменты, так и на прогоны[1].

98 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва, 30 апреля 1772 г.]

<...> Как уже к настоящему приступу Кремлевского строения всевысочайшее имянное Ее величества последовало повеление, в силу коего присланным из оной Экспедиции апреля 25 дня к нему указом требовано мнения, что нужно приготовить и исправить как для вынятия под фундамент земли, так и для самой закладки фундамента, то он за необходимо нужное Экспедиции кремлевского строения находит представить следующее, а имянно

1-е

Надлежит неминуемо сломать начатую Черниговских чудотворцев церковь и близ ее за воротами караульню и всю линию старых коллегиев. Также Крутицкое и Кириловское подворье, дом Черкаского, словом весь тут угол очистить, а притом, и угол Чудова монастыря, где была сгоревшая Консистория[1], без чего генеральной планировки делать не можно, разве по самой необходимости, чтоб не упустить время. Под самую средину для закладки саженях на сарака или меньше вынуть землю по самой материк, с лишним при том обрезом, без оного начать опасно за неломкою старых строениев и без генеральной планировки, ибо должно сперва поставить все генеральные центры, а потом начинать рыть землю для фундамента. Также надлежит сломать до подошвы как зачатую старую губерскую, так и остаток Набережного саду[2]. Лежащую же там известь употребить в заморение, а внизу к скорейшей разборке Тайницких ворот подрятчика понудить и под средину место очистить от лежащего на нем материала как можно наискорее.

2-е

Лежащей за Архангельским собором на самом краю, а не весь камень перенесть на другое место как для планировки, так и для зделания контрафорсов против Благовещенского и Архангельского соборов[3], к чему потребно принять хороших каменщиков на первой случай пятьдесят человек.

3-е

Зделать непременно на главных линиях, в плане назначенных каменные столбы или по крайней мере дубовые, о которых давно уже от него было представлено.

4-е

Зделать четыре акуратные железные сажени и одну железную цепь десятисаженную, при том же и железные наугольники, о которых также от него представлено, а сверх того заготовить причалки, вехи и колья.

5-е

Колокола, кои подле Ивановской колокольни, что в яме и Успенской на столбах[4], перенесть на другое место куда заблагоразсудится и жаровню там сломать, на первом по крайней мере шатер снять и покрыть ево по горизонт земли, что планировке и не помешает, однако заблаговремянно о нем представить, хотя еще и не скоро, однако самая ево яма попрепятствует много впредь.

6-е

Надлежит заранья приговорить хороших каменнотесцев пятьдесят человек, чтоб заблаговремянно зачинать тесать белой камень, как здесь в

Кремле, так в Люберицах, в Хорошове и в Мячкове, то же разумеется и о землероях и их инструментах, как то телешках, ломах, лапатках и разных родов кирках, для чего необходимо нужно иметь казенную кузницу и кузнеца с работниками, кои б могли по задаваемым лекалам как новые сделать, так и испорченные во время работы поправлять, притом же весьма нужно иметь и слесаря с помощниками.

7-е

Надлежит построить заблаговремянно ж для работных людей сарай и хаты с печьми, а место он находит за способное у Москворецких ворот по городовой стене Китая.

8-е

Должно иметь несколько плотников для приуготовления брусьев и протчих укрепленей к пласу, где будет закладка; не менее ж нужно зделать лекала всему овальному пласу из досок, толщиной в полтора вершка, а место для того дела может быть и на Царицыном лугу[5], чего ради должно стараться как можно заранее взять там места в ведомство Экспедиции, как для делания показанного лекала и других поделок, так и для поклажи времянных, да не худо бы было, естли б и обруб зделать по стоку Царицына луга[6], где б можно прежде валить землю из Кремля, а потом удобно б было для поклажи и на большее время материалов; также надлежит иметь лутших плотников несколько человек для делания машин по показанию механика Рихнера, для выливания воды из под фундамента и других механических надобностей; притом должно заготовить на первой случай для битья свай, может быть и шпунтовых, до шести копров с принадлежностями и лесу как для свай, так и для смоляных ящиков досок.

9-е

Необходимо нужно иметь при самой практике покои для чертежной и при них плас для задачи лекал.

10-е

О медных досках для выгридования на них планов давно уже от него представлено было, но оные и поныне еще не зделаны, а теперь в них крайняя обстоит надобность.

11-е

На последней плотине Неглинной к Москве реке непременно должно делать Рихнеру пильню естьли срок состоящей там мельнице вышел[7].

12-е

Для разных случающихся повозак надлежит иметь несколько своих лошадей и фуры и казенных работных людей.

13-е

Естли сыщется место близ Кремля, то не худо бы было нового с заводов несколько тысячь кирпича заготовить заранье, может быть что оной занадобится при самом начале.

14-е

Нужно будет также зделать коммуникацию чрез Москву реку временным на козлах небольшим мостом или по канату ходячей плот, ибо много тамошнее место для работы может способствовать, также на первой случай две лотки.

15-е

Как скоро работа начнется и работных людей набрано и умножено будет, то в осторожность для освидетельствования и пользования случающихся между ими разных припадков и болезней необходимо должен быть казенной лекарь, которой бы был безотлучно при команде архитекторской.

16-е

Лежащие подле церкви Николы Гостунского[8] солдатские дрова убрать как можно наискорее, ибо оные лежат на самом центре, а иначе могут зделать препятствие планировке.

17-е

От быка что у Взводной башни до Каменного мосту по берегу Москвы реки непременно должно зделать обруб такой же, какой ниже того быка и засыпать землею и мусором, что весьма много послужит для поклажи разных материалов.

18-е

Отнять землю насыпную по показанию его против Архангельского и Благовещенского соборов и свесть к Неглинной реке; хотя в указе и предписано, что земляную работу зачинать июня с 1-го, но оное разумеется о фундаменте, а не о поверхней тягости; итак оную работу можно начать прежде показанного времени.

19-е

За немалой долг он почитает напомнить и о гнезде, в которое первые класть медали, чему от него и рисунок Экспедиции представлен, также первой камень на самую ль землю будет положен или на приготовленное место, а притом весьма нужно знать и о сем, кто будет главнейшим в церемонии при самой закладке, почему б он мог взять надлежащие меры к приготовлению церемониального пласа. Естли сия церемония высокомонаршего удостоена будет присудствия, то несравненно с большим должно делать великолепием, буде же оная того лишится счастия, то гораздо с меньшим и умереннейшим иждивением.

20-е

Как сочиненные чертежи всему кремлевскому строению Ее императорским величеством апробованы, по которым уже мадель зделана, хотя не во всех подробностях, кроме дворца, но и по позволению ж Ее величества данному ему в декарациях на волю, притом и о выступке ближе к Москве реке на две сажени ис чего вышло совсем другое расположение средины, чему зделаны чертежи и мадель[9], но как Ее величество ни того ни другова расположения мадели видеть не соизволила, то ему без высочайшей апробации одного из оных к самой практике приступить сумнительно, и для того по важности сего пункта благоволит Экспедиция кремлевского строения о сем, яко главнейшем и первейшем деле, взнесть особливой доклад Ее императорскому величеству.

99 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 18 июня 1772 г.

Я имею честь оной Экспедиции представить, как уже известно, что нынешним летом нового дворца быть закладке[1], чего ради и время наступает для оной делать плас, место же для того дела за способное я нахожу близь Архан-

гельского собора; а как уже на то лесу заготовлено довольно и плотники наняты, то и благоволит Экспедиция кремлевского строения на означенное место к Архангельскому собору подрядить возить лес, а сколько и какого именно лесу, тому от меня давно уже подана смета, дабы не упуская более времени, и чтоб плотники праздны не были, начать рубить оной плас[2].

100 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 17 июля 1772 г.

Многократно уже оной Експедиции от меня представлено было в нынешних случаях о умножении работных людей, а особливо, чтоб зделать кузницы и иметь своих казенных кузнецов; но со всем тем по моим представлениям никакова не вижу успеха, а токмо при самом еще работ начале во всем остановка; теперь же оной Експедиции сим представляю, что за соборами уже являются трещины, а мне без железа подкрепить нечем[1], и естли какое последует повреждение, то как соблаговолит сама Експедиция, чтоб мне в том не ответствовать.

101 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 23 июля 1772 г.

Его превосходительство главноприсудствующий в оной Экспедиции мне словесно объявил, что высочайшее он имеет повеление по очищении места под средину дворца, снесясь с здешними архиереями и учиня надлежащую церемонию, начать вынимать под фундамент землю, к чему уже плас и лесница делается. Итак когда под настоящей фундамент нового здания вынимание земли начнется и вырыто будет до материка, то я за лучшее и весьма полезнейшее нахожу тогда итти каналами и гребнем к стене за соборами для надежнейшего подкрепления оной стены к лучшей безопасности контрафорсами, нежели, как я прежде представлял, подводить оные ныне; ибо теперь только означился конец старого фундамента, да и то по насыпи, по снятии земли, что прежде и приметить было неможно; к чему благоволит Экспедиция кремлевского строения не упуская времени приступить, дабы нынешним последним временем подвесть подпоры. При сем уведомился я, что, по поданному давно уже от меня представлению, о взнесении в доклад Ее величеству, по прежнему ли конфирмованному плану или по новому расположению под зал вынимать землю, от оной Експедиции не представлено; почему я теперь нахожусь в сумнении; того ради дабы соблаговолено было как можно заблаговременно о сем куда надлежит представить.

102 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 14 августа 1772 г.

Хотя от меня и было представлено чтоб нынешнее лето зделать за соборами под оставшей от старых разобранных строеней фундамент каменные контрфорсы, к чему начаты рыть и каналы, но как при том усмотрено, что тот старой фундамент основан был на насыпной земле, для чего взял я предосторожность укрепить ныне оной фундамент временными деревянными контрфорсами, а ежели время дозволит ныне вынять и отвесть на нижнем горизон-

те, то не пропущу стараться подводить и каменные контрфорсы, о чем Експедиция благоволит быть известна.

103 «В МОСКВЕ АВГУСТЕ 16 ДНЯ 1772 ГОДА»

Вознамеренное великолепное кремлевское здание в 9 день сего месяца столько начато, что земля освящена и рвы на основание копать стали.

Величество сего здания делает и малое начало примечания достойным, почему и следует здесь описание оного.

I-е. Во первых из намереваемого по берегу Москвы реки длиной более 300 сажен здания очищено было посредине и против собора Архангельского место на зал, пространством на 50 саженях, из коих 40 взято в длину по реке и 35 поперек к собору Архангельскому со вмещением в сих и задней галлереи при зале. По углам коими граничило занятое место на зал поставлены были на время четыре столбы ордена дорического, каковые в древности употребляемы были в честь Геркулесу, изображающие геройскую и здания намереваемого крепость с его пределами. Сии столбы переплетены зеленью, на верхах своих имели изображения Европы, Азии, Африки и Америки в знаменование аллегорическое четырех частей света, свидетельствующих могущество Россов и величество здания.

II. На средине означенного на зал места сделано было небольшое четвероугольное возвышенное место для освящении воды на окропление начинающегося основания кремлевского. Из средины сего места по углам, соответственно к четырем большим, представляющим четыре части света столбам, поставлены были другие четыре столбы, высотой только до третьей доли возвышенны от базов для показания еще токмо начинающегося строения. Верхи сих последних столбов украшены были обелисками, на которых во внутреннем виде медаллионами изображены были четыре древние царства — Московское, Казанское, Астраханское и Сибирское, в соответствование аллегорическое к четырем частям света и в знаменование подобящихся силами свету четырех царств российских, на которых могуществе ни единого народа, но целого почти рода человеческого достойное зиждется в Москве здание. Из внешнего виду на обелисках изображены были медалионами ж разные губернии империи Российския. В верьху обелисков, утвержденных на всех четырех столбах был украшением одинакий герб, императорский орел, и наконец как столб, так и обелиски с гербами перевиты были различными цветами с зеленью наподобие фестонов и каждой из сих столбов имел особливую между цветами перевитую надпись, а именно:

На первом столбе надпись была следующего содержания:
Могущество держав представив свету ныне
На славу зиждет дом Москва Екатерине.

На втором столбе:
Что в древность Греция и что мог Рим родить,
То хощет Кремль в своем величестве вместить.

На третьем столбе:
Дианин красотой превзойдет храм Ефесский[1]
Примером в зданиях пребудет двор Кремлевский.

На четвертом столбе:
Приятней невских струй московски потекут,
Минервы росския жилище будет тут.

Таким образом приуготовлено было место и дорога со всходами, где освящение земли торжественно происходило[2], усыпаны были зеленью и цветами

накануне 9-го августа, пред которым главноприсудствующей Экспедиции строения кремлевского дворца генерал-порутчик Измайлов общим советом с первоначальными в Москве преосвященными Крутицким и Суздальским положили быть следующей церемонии.

III. По сему положению предписанного 9-го августа, по окончании в Успенском соборе литургии преосвященный Самуил епископ Крутицкий и Можайский, Геннадий епископ Суздальский и Юрьевский, Николай и Афанасий Митрополиты и Иоанн архиепископ грузинские с протчими духовенства чинами следовали к приуготовленному на освящение месту со крестами, где освятя воду окропление оною делал во первых Самуил епископ Крутицкий, начиная из средины места ко столбу Европы, стоящему на восток и продолжая оное до столба Азии; второй по нем Геннадий епископ Суздальский окроплял место из средины ж ко столбу Азии и оттуда по порядку далее. Подобным образом окропление зделали к другим столбам и сторонам Николай Митрополит и Иоанн архиепископ грузинские.

IV. По окончании освящения места и по прочтении Ее величеству, обновительнице Кремля многолетствия, главный начинающегося кремлевского нового дворца Архитектор и артиллерии капитан Баженов, испросив у первоначальствующего архиерея благословения, окропив святой водою заступ и получив дозволение от генерал-порутчика Измайлова, пошел из средины места ко столбу Европы, где призвав создателя вселенныя на помощь первый по своему званию учинил торжественное начало рву, что самое в то ж время и определенные по всем прочим углам и сторонам его помощники и приготовленные к тому каменщики зделали с троекратным восклицанием Ура!

V. При сем случае были все здесь находящиеся знатнейшие особы и великое множество народа, и у всякого на лице написана была радость соединенная с желанием щастливого зданию окончания. Единое почти начертание места и одним токмо показанным на земле своим пространством приводило всякого зрителя в несказанное удивление. Объяты восхищением к величеству здания и преисполнены усердия к делам Екатерины все зрители желали вдруг зделать собственными руками наиторжественнейшее начало зиждущемуся строению, чему и подавали вожделеннейший для всех пример знатнейшие особы выниманием земли под фундамент.

VI. К приятнейшему препровождению всего положенного на освящение обновляющемуся Кремлю дня, генерал порутчик Измайлов угощал у себя знатнейших из духовных и светских особ обеденным кушаньем, при котором во первых все пили за здравие Ее императорского величества, потом за здравие Его императорского высочества[3], желая при том благополучно начатому императорскому дворцу щастливого совершения.

104 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 10 сентября 1772 г.

В присланном из оной Экспедиции сего сентября 7-го дня ко мне указе предписано чтоб в силу имянного Ее императорского величества указа, данного оной Экспедиции прошлого 769 года февраля 19 числа, когда мадель зделана будет, тогда положить примерную смету в материалах всему кремлевскому строению по конфирмованному плану; и как уже мадель работою кончена, то б зделав ныне повеленную смету представить Экспедиции; на что сим представляю, что когда работа уменьшится и мне свободнее будет, а особливо в зимнее время, то оную смету всему Кремлевскому строению делать буду и по зде-

лании представить не премину, о чем благоволит Экспедиция кремлевского строения быть извесна[1].

105 БАЖЕНОВ — ЕКАТЕРИНЕ II

[Петербург], январь 1773 г.

Всемилостивейшая государыня!

Вверенное мне Вашим императорским величеством производство столь огромного в Москве здания долженствовало по званию моему упражнять все мои мысли и тщание. Я обязан однакож, по нещастию употребить вместо того, большую по моей непривычки часть времяни на чтение указов и писание моих представлений. Едва строение началось, а уже у меня стопы дел накопилось. Такое начало заставляет меня опасаться чтоб сия переписка не зделалась со временем единственною моею заботою и чтоб я, отстав потому совсем от своей должности, не был причиною какого мне нещастливого приключения. Сие опасение побудило меня прибегнуть к монаршему Вашего императорского величества престолу всеподданнейше испрашивать, для освобождения меня от всяких переписок, высочайшего вашего соизволения, чтоб все от Экспедиции поручаемо мне было впредь на словах и словесные ж мог я чинить ей требования и представления, присудствуя для того в оной по-однажды или столько раз в неделю, сколько непременно надобно быть может, и подписывая в удостоверение моего согласия обще с членами журнальную того дня записку. Я не ищу сим, всемилостивейшая Государыня, тщеславия ни чести, но по безпредельной моей ревности к службе Вашего императорского величества желаю только быть более исправным в своем звании и удостоиться тем высочайшего вашего благоволения[1].

106 БАЖЕНОВ — Г.Н.ТЕПЛОВУ

Москва, 31 января 1773 г.

<...>Имея долг принесть вашему высокопревосходительству усерднейшие уверения чувствительнейшей моей благодарности за вашу оказанную ко мне милость[1], покорно вас милостивейшего государя прошу о приказании, дабы высочайший Ее императорского величества обо мне указ был прислан в Экспедицию сколько можно без упущения времяни; для того что по получении его я могу основательнее приняться за продолжение успешное начатого дела по кремлевскому строению, а то я не успел еще по приезде моем показаться в Экспедицию, как атаковали меня новыми указами, которые тем только и важны, что они высочайшим Ее величества титлом изукрашены, а впротчем столько же разумны, как тридцати саженные бревны[2]. И так я не знаю, за работою ли мне смотреть или устремлять свои мысли к приготовлению новых на оные мне насланные указы представлений; а оное безконечное письменное упражнение уносит время, которое годилось бы к строевой работе. Извольте, ваше высокопревосходительство, разсудить о успехе нашей работы; подрядчик обязался в Экспедиции чтоб ему под закладку вынуть известное число земли к месяцу марту сего года, а вынул только 9-ую часть; станешь принуждать подрядчика, и за неисправность его посадят под караул; судья пришлет, просит о выпуске подрядчика; посмотришь, где арестант или колодник, он де пошел к такому-та экспедиционному офицеру в гости, и протч........[3] Прошу ваше высокопревосходительство меня извинить в том, что никакого изъяснения я не успел еще зделать, чего не пропущу исполнить на будущих почтах. Однако как и сие кратчайшее, так и впредь будущие к вашему высокопревосходитель-

ству изъяснения не с тем я посылаю, чтобы они дошли до Ее величества, а только, поскольку я приметил вашу, милостивейший государь, искренность и ваше чистосердечие, то и я тем же ответствую. В медлительности работы тем Экспедиция извиняется, что денег остается только 20000 р., которые следуют к расплате с подрятчиками, почему будет совершенная в работе остановка ежели ваше высокопревосходительство не подадите руку помощи нашему главноприсудствующему; на вас, милостивейший государь, больше в том мы все уповаем и надежду полагаем, нежели на него, которой, застенчивости ради своей, может быть, доложить Государыне и не посмеет <...>.

107 БАЖЕНОВ — Г.Н.ТЕПЛОВУ

[Москва], 4 февраля 1773 г.

<...> Сего дня получен и объявлен мне в Экспедиции высочайший Ее величества указ[1]; имею честь вам, милостивейшему государю моему, принесть искреннейшее мое за оной благодарение, яко защитителю и предстателю моему, я уже опасался было чтоб в присылке оного не зделалось какого замедления, ибо без него не можно было мне порядочно приняться за работу; а теперь я получил случай еще больше прежнего оказать мою ревность к службе Ее величества; а за получение сего случая я признаю себя одолженым старанию и усердию вашего высокопревосходительства, милостивца моего.

Теперь имею честь вам, милостивейшему государю, донесть о прежнем письме моем, что хотя в нем есть нечто горячо, но оно при том справедливо, да и впредь я обещаюсь вашему высокопревосходительству писать все по чистой справедливости, к чему я привык; еще доношу о каменщиках, теперь время способное к найму таких людей, к весне, после может быть и сыщутся, но хуже и дороже; а о нанятии оных повеления у нас еще нет; что оставляю на благорасмотрение вашего высокопревосходительства <...>.

108 БАЖЕНОВ — Г.Н.ТЕПЛОВУ

Москва, 4 марта 1773 г.

<...> Имею честь донести вашему высокопревосходительству, что денежной казны имеется ныне в Экспедиции налицо до 16000 руб., из которых на сей неделе за поставку разных материялов, то есть камня, извести, кирпича, бревен и протч..... и за работу мастеровым, столярам, кузнецам, плотникам и протчим выдачи следует до 12 000 руб. а сверх того ежедневно в покупке мелочные платежи производятся; мы же должны за весь прошлой год 1772й да за часть предпрошедшего 1770-го года получить из Комисариата до 85 000 р., и хотя частые туда посыланы были из Экспедиции промемории, но и поныне деньгам отпуска нет. Из того следует в скором времяни совершенная остановка во всякой работе; а мастеровых всех должно будет распустить, как уже за неимением довольной суммы половина оных роспущена, хотя в случае надобности взять их будет уже негде. Притом за остановкою в работе вода преодолеет в назначенной для закладки дворца и выкопанной яме и подмоет упоры, которые теперь под Архангельский собор зделаны по нужде из дерева, на место каменных быков, о которых мною представлено в Экспедицию еще третьего года; упомянул я *по нужде*, ибо и тут сообразовался я малости остающейся суммы, почему и принужден был требовать одно бревно, где бы настоящих надлежало их требовать десять; а место выкопано уже глубоко, так что и упорам теперешним держаться будет не обо что. Того ради прошу ваше высокопревосходительство доложить о том Ее величеству, дабы в разсуждении совер-

шенной в работе остановки и грозящей от того опасности и для прежних недоделанных работ соблаговолено было приказать Комисарияту нас снабдить суммою, которую мы уже другой год не получаем <...>.

109 Г.Н.ТЕПЛОВ — БАЖЕНОВУ

[Петербург, март] 1773 г.

Государь мой Василий Иванович

Все ваши письма я получаю исправно, но не ответствовал на них затем, что дела мои, должностию на меня возложенные, повсечасно меня занимая, не подают мне удобного случая сие исполнить; последнее однакож ваше письмо от 4 числа сего текущего месяца есть такого содержания, что мне вскорости должно к вам отозваться. Вы, упоминая о малом остатке при Экспедиции денежной сумме, требуете от меня изходатайствования у Ее импе<раторско>го в<еличества> понуждение в Комисариат об отпуске подлежащих Экспедиции еще с 1770 года по нынешней 89000 рублей. Но как долг мой докладывать Ее и<мператорскому> в<еличеству> по тем только делам, которые ко мне Экспедиция строения кремлевского дворца с общего согласия всех в ней присудствующих членов присылаемы, то не могши я исполнить прозьбы одного вас, за нужное почел уведомить о том его п<ревосходительств>о Михаила Михайловича Измайлова, как директора строения, который и должен принять надлежащие к тому меры. Впрочем верьте мне, что я все то исполнить обязан, что только прямо до меня касаться будет по строению вашему, в делах же подлежащих всей вообще Экспедиции вашей адресоваться надлежит вам к директору сего строения в случае его бытности здесь в Петербурге, а когда он в Москве, тогда вся Экспедиция вообще путь имеет испрашиванию у Ее и<мператорско>го в<еличеств>а чрез посредство мое высочайшей ее резолюции <...>.

110 ЗАПИСЬ В ЖУРНАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

15 апреля 1773 г.

В собрание сего присудствия и господина архитектора Баженова, разсуждая, что к закладке кремлевского дворца и к церемонии по общему положению по приличности для сего случая делается небольшим коштом перамида, в коей быть имеет водоосвящение и три щита, на коих изобразятся фигуры альлегорические, также и портал по описанию его, господина Баженова. К чему и ныне должно приискать и нанять живописцов и рещиков потребное число и закупить к тому надлежащие материалы.

111 ЗАПИСЬ В ЖУРНАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

26 апреля 1773 г.

<...> Примечено им <Баженовым> что против Архангельского и Благовещенского соборов на доставшемся фундаменте старого разобранного строения весьма осадки землею прибавилась, для чего делаются укреплении и все предосторожности, и хотя тем соборам вскорости вреда и не предвидится, однако естли замедлится снятие на том фундаменте излишнего груза, также и делание каменных контрофорсов, то неминуемо воспоследует тем соборам, а особливо Архангельскому, великая опасность и надлежит с самой скорости весь груз снять и разобрать старой фундамент по ево показанию, которой после подделать[1] камнем <...>.

112 «ИЗЪЯСНЕНИЕ КАРТИН» [ОПИСАНИЕ ДЕКОРАЦИИ, СООРУЖЕННОЙ ДЛЯ ЗАКЛАДКИ ДВОРЦА]

[Июнь 1773 г.]

На самой середине всего дворца и залы и по вынятии до крепчайшего материка приготовлен был возвышенной до четырех аршин на стойках квадратной, по дватцети сажен каждой бок, плас, на котором построен великолепной тампль[1], означающей славу великой нашей государыни, коронован российским гербом, с четырех сторон окружен дорическими колонами, знаменующими крепость Геркулеса и начатого строения, со украшением приличным; оные колоны обвиты лавровыми листами в знак победы[2], во фризе между триглифов и в впадинах между колонов и по протчим местам в разсуждении военного времяни украшено военными трофеями и арматурою. Четыре портала значели четыре части света, над коими на восток, на полдень, на запад и на полночь поставлены четыре Славы на крылатых конях, имея в руках по трубе в знак славных и гремящих Российской империи дел в нынешнее царствование великия Екатерины, в четыре части света; под коими были следующие надписи:

На восток[3]
Взлетая на восток орел российский блещет
Колеблется Стамбул и Азия трепещет.

На полдень
Флот росский с именем Монархини несется
И Карфагены брег и Африка трясется.

На запад
Сели мои брега, Америка вещает,
Богиня, коя всю Россию освещает.

На полночь
Гласит Европа так, ужасно Россов войско,
Премудра матерь их и сердце в ней геройско.

По сторонам порталов, над шестнадцатью колоннами, кои означают главные Российской империи губернии, было восемь надписей, поддерживаемых со сторон гениями и содержащие краткую гисторию Ее императорского величества.

1.

России мать
Взошла на трон
Спасти людей.
Тогда взыграли невски волны,
Валы балтийски ликовали,
Петрополь восклицал до неба
Россия вся,
Москва и Кремль
Гласили тож.

2.

Царицы сын
Российских стран
Уже возрос
Премудрой матерью рожденный,
Он ею возращен премудро,
России сладку дав надежду.

Зря матерь он
В ней зрит пример
Держати скиптр.

3.

Разбит визирь
И прочь бежит
Подъемля пыль.
В пыли знамена их валятся,
Пред ними мгла и смерть за ними,
Под ними пропасти разверсты.
В пути падут
Копье и меч,
Седок и конь.

4.

Исторгнул рок
Из лютых сил
Претвердый град;
Горят, ево пылают стены,
Срацински силы ослабели,
Меча их остры притупились;
Ликует росс,
Страшится Днестр
И стонет турк.

5.

Трепещет понт,
В водах огонь,
И флот горит.
Победоносны флаги веют,
Тритоны трубят велегласно,
И славят северну Фетиду.
Вещает Петр
Зри русский флот,
Се труд петров.

6.

Как твердый столп
Так правый суд
Увидит Росс.
Златые дни возобновятся,
Астрея[4] с неба возвратится,
Мегера[5] свержется в геенну,
Вдовица слез
Не будет лить
Ни сир стонать[6].

7.

Птенцы ростут,
Изъяты вон
Из их гробов,
Они ко щастью возрастают,
И славят дни Екатерины
Их лютую отвергшу участь.
Гласят они
О боже, дай
Ей долгий век[7].

8.

На месте сем
Царица дом
Стремится здать.
Москва главу еще возвысит
И брег явится в новой славе
Ко славе своея царицы.
О ты гора,
Пребуди в век
Гора Сион[8].

Внутри оного храма, круглую фигуру имеющего, зделаны четыре ниша, в коих на третях з базами и с цоколями колонн поставлены бюсты, означающие четыре стихии. Над ними надписи.

Воздух
Се чудо новое: и россы то творящи.
Зрит воздух на себе морски суда горящи.

Огонь
Се чудо новое: иль Понт пришел к кончине.
Огнем росс действует в валах и во пучине.

Земля
Се чудо новое: под неприступным градом
Наполнилась земля разверстым ныне адом.

Вода
Се чудо новое: весь мир на то взирает.
Российский Сципион вал южный попирает.

Выше оных нишей и надписей в поддугах украшено четырьмя российскими орденами святого Андрея, святыя Екатерины, святого Александра, святого Георгия со всеми их знаками, а в середине плафона Провидение Божие.

В самом центре храма в полу приготовлено место здания и столпа, средина всего строения и залы главной, подбучено для постановления мраморного гнезда место, где вложен ваз с медалями золотою, серебряною и деньгами, также и первых камней; к западной стороне приготовлен для водоосвящения стол, покрыт бархатом малиновым с золотым газом, на котором поставлены большая серебреная чаша, по сторонам ее три о трех свечах серебреные подсвешники.

Вне оного храма, у самой арки на полуденной стороне в отделенном перепетами месте поставлены три стола под чехлами бархатными с газом для поставления на блюдах камней, извести и протчего. По краям на трех сторонах оного пласа на семи саженях высотою и шести шириною щитах изображена аллегория живописью. На первом, кой на запад, в виде Минервы Ее императорское величество, окруженная добродетелями, яко то любовию к отечеству, любовию к своим подданным, неусыпность, крепость, щедрота и правосудие, при них слава великих государей, надежда, при ногах коей на ступенях площади человеколюбие, держащее на руках младенца, кормит своим млеком, около которой также несколько младенцов, воздевающих руки свои к своей избавительнице; один из них хватается за якорь, которого поддерживает Надежда, означает тем свое избавление от неминуемой смерти и представляет воспитательной дом. Подале на тех же ступенях три мальчика, первой пишет картину, второй режет из камня бюст, третей держит чертеж, цыркуль и меру, а вообще означает Академию художеств. Подле оных, близ протекающих вод, означено Время, пред коим стоит пирамида, на чем пишет год 1767, время зачатия Уложения. Несколько повыше сего напротив Минервы на ступенях и площади Россия, преклонив

одно колено, подносит Минерве из сокрытых до сего в недрах ее мраморной камень для начала сего здания; при колене ее положены щиты з гербами четырех царств: Московского, Сибирского, Казанского и Астраханского; позади ее при самой пирамиде и пред Времям стоят как бутто удивленные Марс и Геркулес, означающие, что в военное время полагается первой камень оного здания. Повыше оных Москва могуществом своим здвигает гору от Кремля в разсуждении вынутой ямы, коя уже близ 12 сажен в глубину от гаризонта Ивановской площади; и открывая твердость земли с веселым видом дает место для положения камня, при ней гений со щитом, на коем означен герб Московского царства. В воздухе же три летящие гении и держащие над главою Минервы в большом сиянии имя великия Екатерины вторыя, выше оных во облаках трубящая Слава; сии и протчие дела Российской Минервы и непобедимой героини с надписью:

Да процветет Москва подобьем райска крина,
Возобновляет Кремль и град Екатерина,
Народы радостно на небо вопиют,
Младенцы из гробов то зрети восстают.

На щите, которой на полдень.

Из открытого моря к превеликой горе означена гавань при Чесме, в коей изображены сосженные российским флотом оттоманские корабли, из коих многие брошены горящие на воздух; подле самой горы в великолепной колеснице запряженной морскими конями показывается богиня Фетида, имея на грудях имя российской императрицы, в правой руке держит императорской штандарт, а левою управляет своих возников, при ней Нептун с его острогою, стремящейся жесточие поразить по повелению богини вероломного неприятеля, и как Фетида, так и Нептун окружены нереидами и тритонами, трубящими в свои раковины победу богини; Над ними в горе изображены Плутон и Вулкан, первой приуготовляет бездну непроницаемого своего жилища для поглощения неправильно востающего неприятеля; второй, трудящийся около своего горна, приготовляет громовые стрелы, означает же, что ни отдаленность места, ни житкая стихия не воспрепятствуют России принадлежащие на неприятеля доставить и приготовить орудии и снаряды; повыше сих в воздухе несколько воздушных нимф, означающих христианские державы, кои смотрят и дивятся победам богини; выше их в облаках Юпитер разгневанны<й> мечет для созжения флота громовые стрелы и Минерва спомоществует для конечного истребления оттоманского флота, тем означается, что и божеское соизволение на то следует, с надписью:

Стамбул не ожидал сего ужасна вида,
В котором росская явилася Фетида.
Покрыла пламенем весь бездны горизонт:
Пучина рыжет огнь и стонет Гелеспонт.

На щите, которой на восток.

Дерзостные гиганты, неся на своих плечах камни и накладывая один на другого, хотели взойти на Олимп и зделать войну с богами, означает дерзостного неприятеля, кои седящею выше оной горы Минервою и повелевающею грому поразить сих невежествующих воинов, также Марсу и Геркулесу, от коих падают они уже к низу и разбиваются об острые сей горы каменья, в отверстиях и при подошве которой виден при текущей реке Днестре пожираемой огнем и землею город Бендер, с надписью:

Герои росские! Вы то изобразили,
Как боги дерзостных гигантов поразили;
Визирь от имени Минервина бежит,
Под Бендером земля пылает и дрожит.

Между оными тремя щитами на полуденной стороне поставлены зделанные под натуру пальмовые деревья, составляя собой совершенный амфитеатр, деревья же изображали пространство великия империи, оной плодородие и победы.

От самого пласа на восток и потом поворотилась на север и возвысилась до Ивановского горизонта о ста шестидесяти пяти ступенях немалой широты лестница, по сторонам с перапетами, на верхней же площадке поставлены на цоколях четыре с капителями и базами дорические столпы, обвитые зеленью, наверху коих поставлены статуи, изображающие Весну, Лето, Осень и Зиму и под каждой надписи.

Весна

Цветут играющи в мои дни тако крины
Как росские страны во дни Екатерины.

Лето

Како в мои дни жар в полудни обитает
К своей так матери в жару Россия тает.

Осень

Снабжает как я всю подсолнечну плодами,
Своими россов так монархиня трудами.

Зима

Во дни мои в полях колико снеги белы,
Во дни монархини в полях так россы смелы.

Изо всех же четырех столбов составляло портал и означало безконечное течение времяни настоящего российского благополучия[8].

Композиция картин, храма Славы и протчего украшения Архитектора Баженова, творение стихов и надписей Александра Петровича Сумарокова[9].

113 НАДПИСЬ НА МЕДНОЙ ДОСКЕ, НА КАМНЕ, ПОКРЫВАВШЕМ МЕСТО ЗАКЛАДКИ

Сему зданию прожект сделал и практику начал Российский Архитект, *Москвитянин*, Василий Иванович Баженов, Болонской и Флорентинской Академий художеств Академик, главной артиллерии Архитект и Капитан, сего здания начальной Архитект, в Экспедиции оного строения Член, от роду ему 35 лет. — По сочинении прожекта за Архитекта был титулярный Советник *Матвей Козаков*. — В экспедиции сего строения были членами: Дворянин, Статский советник *Федор Никифорович Борисов*. Дворянин, конной гвардии ротмистр *Иван Григорьевич Вахрамеев*, Дворянин, Премьер-Маиор *Михайло Андреевич Суровцов*[1]; коллежский, при Экспедиции, секретарь *Константин Яковлевич Титов*. Закладка была 1-го Июня 1773 года при императрице Екатерине Алексеевне Второй и при наследнике, Сыне Ея, Павле Петровиче.

114 А.П.СУМАРОКОВ И В.И.БАЖЕНОВ

«Слово, говоренное пред народом архитектором Василием Баженовым июня 1-го дня 1773 года на день заложения императорского кремлевского дворца»

Празднует восточная церковь обновление Царя града, ибо благочестивый Константин перенес трон от брегов Тибра во Византию и украсил оную великолепием и богодухновенно освятил то место. В сей день обновляется Моск-

ва. Ты, великая Екатерина посреди кровавой брани[1], посреди множества порученных тебе от бога дел и об украшении перво престольного града забыти не восхотела! Кажется что судьбина ради того много тебе разных препядствий во исполнении твоих желаний предуставила, дабы более превознести имя твое. Зияющая на нас Отоманская порта трепещет; Гелеспонт попирается флотом твоим; войски отоманские разсееваются; Бендер горит: пучина корабли турецкие на воздух мещет. Тамо Голицын побивает и многочисленное срацинское побеждает войско; Хотин опустошается и Молдавия покаряется российскому скипетру. Тамо Румянцов гонит и возметает неприятелей, яко прах, его же возметает ветр от лица земли. Тамо Панин разстворяет адские пропасти и попаляет неприступный Бендер. Тамо Орлов раздирает валы морские и турецкие корабли из пучины на воздух бросает; суда неприятельские не бурными на водах волнами, но бурным на воздухе пламенем окруженны. Тамо Крым, устрашенный именем великия Екатерины, едва воспротивяся Долгорукому, полагает оружие; и в прежние веки приводящий разсеянную державу во ужас, сам стократно более ужасается грома и молнии северного Зевса, создавшего Петрополь и оружия российския Минервы, возобновляющия Кремль и Москву. Здесь Волконской показав искусство свое и в военных и в министерских делах, прехвально наместницы божией наместничество исправляет. Еропкин[2] усмиряет Мегеру и утверждает безопасности верных ее величества подданных и сынов отечества. Во дни брани правосудию твердые столпы сооружаются, сирые воспитываются, и невинно помирающие младенцы не только к жизни, но еще и ко щастливой жизни готовятся; пустыни населяются; училищи умножаются; худовидные грады облачаются в велелепие; дерзостные междусобия прекращаются; смерть изгоняется[3]. А ты, о благословенная Река, орошающая Кремлевы стены, воздыми главу свою, возведи очи твои и виждь! Се ко твоему Сиону[4] збегаются жители многонародного обиталища видети о нем попечение премудрыя Екатерины! Да украсятся твои брега, яко брега протока, претворенного из блата в чистейшие невские струи и носящего в Петрополе имя великия государыни![5] Ликуйствуй Кремль! В сей день полагается первый камень нового Ефесского храма[6], посвящаемого божией в России наместнице, толико же и добродетелями, колико своим саном сияющей. А я, будучи удостоен исполнять монаршие повеления в сооружении огромного дома и всего великолепного в Кремле здания, готовяся зачати оное, почитаю должностию нечто молвить о строениях Московских; ибо то к сему дню и к делу сему пристойно; и нечто выговорить и о своей профессии, ибо здание здесь начинается[7]. Иоанн Данилович, сын Даниила Александровича и внук Александра Невского, воспитанный в Москве при отце своем, сделался наследником российского великокняжеского престола, возрастя на прекрасных местоположениях Москвы, по благословению Петра Митрополита пренес российский трон из Владимира; а с ним и митрополит переселился в Москву. Остаток бора, лежащего на горе кремлеской, окружащего Спаской монастырь, вырублен, а бывшая тамо монашеская обитель перенесена за Яузу и названа Ново спаским монастырем; осталася только посреди дворца одна церковь, называемая и поныне Спас на Бору. От сего бора назван и Боровицкой мост. Замоскворечье составляло слободы переведенцов, как были переведенские улицы и в Петербурге. Где ныне ряды и гостиной двор, тут было поле; а потом поставлены деревянные лавки ради торгу; при сих рядах поставлена потом ради торгующих церковь великомученицы Варвары; от чего улица Варварка и имя получила. Жилище великих князей был Кремль, на коем месте и наша Монархиня ныне дому Императоров Российских основание полагает, Китай стал потом жилищем мещан торгующих. Тверская, Никитинская, Воздвиженка, Дмитревка,

Петровка первые населены были; и лутчие князи, господичи и дворяня на них обитали, а особливо по концам, ко Кремлю и Китаю касающимся, по близости дворца и рядов. Тверская, лежащая по хребту вышшей горы, знатнейшею почиталася улицею, нося потом имя улицы Царевой, как Никитская имя улицы Царицыной. Пречистенка была улица Конюшенная, касаяся почти самому Боровицкому мосту, и следовательно конюшенному и колымажному дворам. На Девичьем поле косили сено на государские конюшни; а на Остоженке ставилися стоги. Где ныне Земляной город, тут жили мелкие обыватели, а потом стрельцы и всякие ремесленники. По временам Иоанна Даниловича Москва, яко центр российских земель, стала год от года размножаться. Во время великого князя Иоанна Василиевича она возсияла; ибо он увеличил Кремль и обвел ево новыми стенами, гордыми украсив их башнями. Во время сына ево и внука красоту свою и велелепие умножала; а внук ево царь Иоанн Васильевичь воздвиг стены и башни Китая. Царь Борис Федоровичь Годунов, а по нем царь Михаил Федоровичь, царь Алексей Михайлович, царь Федор Алексеевич еще Москву и распростирали и украшали. А потом и время и радение обитателей привели ее в то состояние, в коем мы ее видим. Но упадающие царские чертоги не могли более стояти без страха и были готовы ко всеконечному разрушению. Сие главная причина благоволения Ее императорского величества, воставити обиталище предков ее и наших государей. Превзошла она победами славного российского монарха Иоанна, деда царя того же имени; а ныне и украшением Москвы ево превзойти устремляется. О дабы труды мои соответствовали моему усердию! Щедрая матерь отечества нашего! Я все мои силы и все мое знание употреблю и принесу на жертву твоему повелению[8]. Желаю чтобы сие почтенное художество на сем месте во всей своей славе возсияло и было бы сие жилище достойным обитания великия Екатерины; и сколько Рим и Италия принесли мне ободрения, толико бы принеслося мне похвалы за сие, начинаемое мною созидание; и столько милосердого снисхождения от моей государыни. Египтеня первые привели архитектуру во преизрядный порядок; но не довольствуяся хорошим только вкусом и пристойным благолепием первоначальным, едину огромность почитать начали, отчего и пирамиды их, возносяся к небу, землю отягощают, гордяся многолетными и многонародными трудами и многочисленною казною. Греки хотя и все от египтян и финикиян ко просвещению своему получили, но став лутчего и почтеннейшего на свете охотниками, и введя сию охоту во весь народ, архитектуру в самое привели изящное состояние. Родилися от египетской несовершенной архитектуры три во Греции ордена: дорической, ионической и коринфской; важной, нежной и цветной; разные в них размеры и расположения, но все приведены в совершенные правила, и все огромностям посвящены быть могут. Некоторые думают то, что и архитектура как одежда входит и выходит из моды; но как логика, физика и математика не подвержены моде, так и архитектура, ибо она подвержена основательным правилам, а не моде. Когда готы овладели Италиею, они, привыкнув ко великолепию зданий Римских и не проникнув того, в чем точно красота здания состоит, ударились только в сияющие архитектуры виды, и безо всякого правила и вкуса умножая украшения, ввели новой род созидания, который по времяни получил от искусных, хотя и не следующих правилам, огромность и приятство[9]. Такова рода наша Спасская башня; но колико она ни прекрасна, однако не прельстит толико зрения, как башня Гавриила архангела. Грановитая полата хороша, но с Арсеналом сравняться не может, колокольня Ивановская достойна зрения, но колокольня Девичья Монастыря более обольстит очи человека, вкус имущего. Церковь Климента покрыта златом, но церковь Успения на Покровке больше обольстит имущего вкус: одна смесь пря-

мой архитектуры с готическою, а другая созиждена по единому благоволению строителя. Видим мы в Москве некоторые хорошие здания и кроме тех, кои мною наименованы. Все кремлевы башни хороши. Церковь, называемая Николы Большова Креста; церковь Иоанна Войственника: и может ли ей уподобиться стоящая близ оной у некоторой церкви и подобные ей тягостные колокольни, вшедшие в моду подобием обезображающих домы подъездов. Хорошо состроен Архангельской собор, хотя и обрушились его гальлереи в прежние годы. Царские теремы во Кремле свое достоинство имеют и велелепна церковь на рву у Спасских ворот, хотя приделами после и попорчена. Хороши готические здания Сухаревой башни и универзитетского у Куретных ворот дома. Прекрасен берег Аннинского дворца и мосты. Прекрасны еще в Москве домы: Главная аптека, и был бы дом сей еще прекрасняе, когда бы не было при нем нужной аптеке лесницы. Казенной дом на Стретенке, бывший князя Голицына; на Знаменке графа Воронцова. А всех домов прекрасняе дом князя Гагарина на Тверской. Имеет великолепие и Воздвиженской монастырь, и приятство церкви Варсонофьевская и в Кадашах и с ее легкою колокольнею. Великая государыня! Тебе вручен от Бога России скипетр; тебе повинуется победа, следуя войску твоему; ты печешься о сирых, убогих и обидимых, тебе поручено исправление нравов, законов, просвещение разумов; ко твоей славе и архитектура устремляет усердие, почитая тебя российскою Палладой; а Москва благодарит тебя, что ты, Государыня! помнишь о ней, и в такое время, в которое венценосная твоя глава множеством неусыпных отягощенна мыслей. О, собранные зрители заложения дома великия Екатерины! Я желаю и устремляюся колико могу исполнить повеление самодержицы. Ум мой, сердце мое и мое знание не пощадят ни моево покоя, ни моево здравия. Архистратиг обладателя вселенныя, пред твоими очами, пред самыми твоими очами[10], сей первый камень во основании полагается; не сам ли ты назнаменовал сие место срединою начинаемого здания? Буди хранитель сего дома, сего замка[11] и сего града! Буди хранитель и всей России! И повергай врагов нашего отечества силою нашего оружия, как ты поверг надменные гордостию духи! Видя храм твой, кажется мне, что я тебя пред собою вижу, воздевающа руки ко престолу обладателя подсолнечныя: слышится мне что ты уже возносишь общенародный глас Севера, сей глас: всемогущий Боже, благослови место сие и дай Екатерине толь великий век, коль велика слава ее! О, вы, первосвященники и вы, все сыны отечества, возведите со архангелом на небо очи свои, и да будет сей торжественный день и днем молитвы о здравии и многолетии нашей Государыни и Ее наследника!

115 ЗАПИСЬ В ЖУРНАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

5 июня 1773 г.

<...> Господин архитектор и артилерии капитан Баженов объявил, что по всевысочайшему Ее императорского величества именному повелению залу план с переменою[1] изготовил, которой, также и план сплошного фундамента с его басейнами, каналами и воздушными трубами должно представить на всевысочайшую Ее императорского величества конфирмацию, но как по оному многие, а не меньше и по другим для строения Кремлевского дворца и по должности его делам, обстоятельства требуют объяснить Ее величеству, а описать всего того ни под каким видом не можно, и потому непременно нужно ему персонально Ее императорскому величеству изъяснитца, а потому, почитая толь необходимую надобность, требует как об отправлении ево для упомянутых объяснений, так и с ним помощника Констентина Поливанова[2], ученика Михайлу Комарова[3] а для примечания марморов сибирских и олонецких[4] скульпторно-

го мастера Юста, при всем том неминуемо надобно ему взять с собою для изъяснений некоторых частей архитектурии и чертежи конфирмованные Ее императорским величеством; хотя же де по закладке кремлевского дворца, учиненной по императорскому повелению, как каменные, так и другие работы продолжаться быть должны (но остановка в небытность ево быть не может), кои, также и команду свою препоручает он старшему по себе заархитектору титулярному советнику Казакову, которой о том произведени<и> работ довольным о том наставлением от него снабден будет, в каковой же силе оное ему дастся предложил Экспедиции копию, а скульпторная работа после скульптора исполняема будет помощниками его, которым как он, Баженов, так и показанной Юст довольное о том наставление дали <...>.

116 НАСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА М.Ф.КАЗАКОВУ

Начало июня 1773 г. [Москва]

В какой силе от архитектора заархитектору Казакову дано наставление.
А имянно

1. По отъезде моем в Санктпетербург имеете вы так как старшей по мне вступить в порученные мне по кремлевскому строению дела и команду в свое смотрение.

2. Всево нужнея, как вам не безызвестно, прилагать крайнее старание о подводящихся против Архангельского собора каменных контрофорсов и на перемычки оставить гнезда по <р>ассмотрению вашему, причем и вольных каменщиков имеется 200 человек.

3-е. Нанятыми плотниками 300 человек имеете исправить, а имянно по опасности и по необходимости при делании каменных контрофорсов для распору деревом земли и для подкрепления старых деревянных контрофорсов же определить безотлучно 50 человек, к деланию чрез Москву реку моста 100 человек, к деланию по обеим сторонам залы к Москве реке щитов 50 человек, к разобранию лесницы и пласа 50 человек.

4-е. Когда разбираться будет плас, то имеете оной для задачи лекал собрать, где он был прежде, против алтарей Архангельского собора, но прежде измерить не врежется ли парадная лесница в оном месте[1];

5. Когда до приезду моево плас будет собран, а пирамиду до моего приезду оставить, разве по самой нужде до нее касаться будет помешание кладке фундамента столбу, то каменщиков допустить бутить, не останавливая делания контрофорсов, кои весьма нужны, а не худо б, естли розсудит Экспедиция кремлевского строения, чтоб имеющихся каменщиков 200 человек оставить всех при контрофорсах, а для фундамента подрятчику Блинову приказать поставить других, о чем, когда будет место очищено, имеете представить письменно Экспедиции кремлевского дворца, но только с тем, чтобы самые были лутчие, как и в нынешней артели нижегороды же.

6. Зачетую перенашивать мадель приказать собирать, ко входам же приделать железные двери и вместо деревянного ветхого крыльца зделать каменное и площадки каменные ж поправить[2].

7. Из немецких столярных гезелей оставить 7 человек с Витманом, да русских с Левашевым 4 и прибавку ему зделать по записанию моему в журнал.

8. О немецких двух скульпторах[3] представить чтоб неминуемо их определить для лекал консолей и протчих для начатия в Экатеринбурге по имянному Ее императорского величества или в Сибири работы[4].

9. Ученикам всем о прибавке жалованья по рассмотрению вашему представить.

10. Машинами непременно действовать[5].

11. Сплошные дубовые сваи бить, как я и словесно вам то изъяснил.

12. Землю Спесивцеву[6] по его договору, кроме что по линии по забору снимать непременно принуждать, а естли останется до хорошего грунта к Москве реке, то лутче вынуть землю вновь порядить, как справиться вам о записке в журнал в Экспедиции в моей тетрате[7] и представить.

13. Механика Шуля уволить.

14. Механика Рихнера непременно принять по прежнему контракту.

<15>. Унтер-афицера, капрала и 12 человек иметь в вашем ведомстве, из коих должны вы употреблять по вашему благоразсмотрению к казенным должностям самонужнейшим и при моей фатере 4 человека для остерегания моей фамилии[8].

<16>. Дмитрию Сущову[9] жалованье прибавить, всех чтоб было сто рублев в год, за ево прилежность и доброе поведение.

<17>. *Колокол Успенской которой нами привязан, подделан, укреплен с его языком отдать х Экономии в целости, дабы нам за него не ответствовать; без смотрения может кто подрежет или железо вынет, также справиться у того купца, которой ряжи и железо подделовал, взять щет во сколько оное стало за 50.*

Щиты отдать делать подрядом представить Экспедиции кремлевского строения.

117 М.М.ИЗМАЙЛОВ — Г.Н.ТЕПЛОВУ

[июнь 1773 г. Москва]

Письмо, милостивый государь мой, к вам послал с Баженовым, в котором изволите усмотреть, я рекомендую вам моих товарищей[1] по неотступной их прозьбе. Я взял смелость вас оным утруждать, также и о команде архитекторской приложен реестр, об которых Баженов требовал, чтоп я послал доклад Ее величеству о награждении чинами офицерскими, чего никак зделать не осмелился потому более, <что> многие из них никаких чинов не имеют, а некоторые есть из людей барских и в Экспедицию определены впредь до докладу Ее величества, что от меня и принял он за неудовольствие[2]. То и опасался, по ево худому характеру не нашел бы какого случею ввесть меня во гнев Ее величеству, как уже вашему превосходительству я надеюсь известно, что я и так несу гнев Всемилостивейшей государыни по несчастию моему. Покорнейше прошу вашего превосходительства ежели где дойдет случай защитить меня не оставить.

118 БАЖЕНОВ — Г.Н.ТЕПЛОВУ (?)

Москва 7 августа 1773 г.[1]

<...> Небезизвестно вашему Превосходительству, что в бытность мою в Сарском селе я был при смерти болен и хворой в Москву отпросясь у Ее величества поехал; затем не имев щастия персонально вас, милостивого моего государя, видеть и изъяснить всего того, что всемилостивейшая государыня повелеть соизволила, а именно чтоб зимою привесть модель, давно уже зделанную и еще вновь зделать по новопрожектированной зале с галлереями и с украшением, из чего один план фундамента сплошного в бытность мою в Сарском селе подписан собственной Ее величества рукой тако: быть по сему до указа, что я по приезде моем в Москву предложил Експедиции кремлевского строения, но она без имянного повеления к деланию вновь зала с галлериями и к приготовлению отвоза модели приступить не смеет[2]; а время остается несколь-

ко, в котором бы успеть все изготовить к отвозу; за долг же имею донести вашему превосходительству, что московская публика нетерпеливо видеть желает церемониал кремлевской закладки в печать[3] <...>

119 ЗАПИСЬ В ЖУРНАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

8 августа 1773 г.

Господин архитектор <...> Баженов в полном присудствия собрании объявил, что план Замоскворечью от Царицына луга по живой мост, всю набережную по проток болота нужно снять для надобных линей и перпендикуляров к строению кремлевского дворца для привязывания к генеральному плану кремлевскому <...>

120 ЗАПИСЬ В ЖУРНАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

27 сентября 1773 г.

Господин архитектор <...> Баженов в полном присудствия собрании объявил, что под средину залы столб на восемь аршин фундамента выведен кверху от материка, на чем заложен оной с пилястрами в три ряда, а в диаметре пять сажен; но по нынешнему осеннему времени работу остановить, ибо известь с хорошевским камнем связи настоящей не имеет <...>.

121 «МНЕНИЕ АРХИТЕКТОРА <...> БАЖЕНОВА»

18 октября 1773 г. [Москва]

По предложению господина генерал порутчика, сенатора, оной Експедиции главноприсутствующего и кавалера Измайлова, где объявил именной Ее императорского величества указ чтоб сделать рисунки и образцы для отсылки в Екатеринбург разных мраморов ко дворцу кремлевскому. Я почел за лутчее зделать лекалы: а в рисунках столько там понятия не возьмут, кои при сем предлагаю в малом виде с маштапом и число оных, что потребно на первый случай, хотя по 1000, а колоннов по 100, естьли в шесть кусков, естьли в три то по 80, естли в один то по 50.

№ 1. В антаблемент на симаз[1] с короной два куска, лог и точок, что на всех подписано.

№ 2. Между модалионов и дантикюлей два куска, лог и точок, третей кусок для самых модалионов, которой здесь распиливаться будет под номбером осмым.

№ 3. На овы и талон[2] над фриз два куска на лог и точок.

№ 4. Для фриза под номером вторым надесять, цветом таковым, каковы колонны.

№ 5. Архитрав под фриз сверху к колону первой части два куска, лог и точок.

№ 6. Нижняя часть архитрава, два куска, лог и точок.

№ 7. Одинакой кусок мрамора естьли имеется белой и что называемой компакт[3] на капитель.

Три части одного колонна. Делать без упущения по лекалу, в точной пропорции, увеличить без полировки, что должно зделаться с школлюнорой[4] вместе. Колонов хотя бы до 50 сыскалось целых, в величине настоящей меры, то б было славно, а особливо и одинакого сорта. Но естьли таковых не отыщется в карьерах или невозможно таковых обработать, то разделя на три части, как

показано лекалами. Естьли ж и оное будет не подручно в работе, то и на шесть штук разделить, как на лекалах назначены рубчики. Но смотреть чтоб было то чрез цвет одинакие мраморы, например, снизу серой, то б по присланному числу у всех низы были серой, второй ряд, примером, красноватой и так далее.

№ 8. Одинакой кусок из белаго мрамора на базу, естьли же нет крепкаго, то хотя другова цвета, только был бы крепчайшей и одинакой.

№ 9. Модальйоны, одинакой кусок.

Примечание.

Симас с короной естьли есть цвет ветчинной мрамора, а естьли онаго нет, то и другой употребить, самокрепчайшей отискав и только бы был одного колера.

Между модальйонов хотя и серой быть может, модальйоны же всего бы лутче белые; а естьли нет, то светлого колера. На овы и талон — какой обищется, только бы колером не грубой. Весь сей карниз не должен быть более четырех цветов, как пред сим примечено порознь.

Архитрав должен быть одинакаго цвета, какой объищется в карьерах, но крепчайшей в оба ряда.

Базы с капителями, как выше примечено, белые или другого колера, только бы не грубова; но самокрепчайшей.

А маштап оным лекалам при сем прилагается в три сажени.

122 НАСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА М.Ф.КАЗАКОВУ

[Москва], ноябрь 1773 г.

Вам известно, что я еду в Санктпетербург по повелению Ее величества с моделью, следовательно вам здесь оставаться надлежит при происходящих и вновь подрядех, какие по строению от меня Експедиции кремлевского строения предложено, и особливо земленую работу на вырытой дистанции зала з галлереями еще углублять от столба закладки к Москве реке аршина на три, а естьли позволит вода, то итьтить до совершенного материка. 2-е. Неминуемо еще рыть надлежит и на горизонте Ивановском для фундамента парадной лесницы, как предложено от меня Експедиции, дабы рыть в квадрате двадцать четыре сажени, а в глубину на девять аршин, но естьли узнаете довольно денег в казне, то представить вам Експедиции дабы и под подъезд вынуть, что связано с сенми и с лесницей и пустить на обрез фундамента по крайней мере на три сажени, а естьли позволит место, то пустить пять сажен, однако наикрепчайше примечать, чтоб оным рытьем не тронуть колокольню Ивановскую, а особливо собора Архангельского и для того не худо будет, естьли только до моево приезда рыть на дватцать на четыре сажени, сыскав центр лесницы, от коего взять по двенадцати сажен во все стороны. 3-е. Землю с верха горы возить в Троицкие вороты, что вы усмотрите из моего мнения в Експедиции[1], а из под средины дворца возить за Москву реку и по неимению довольного на Царицыне луге места, то класть на монастырь к церкве[2] и за церковь Софии по переулку что к Болоту, о том у меня с попом и с приходскими людьми согласно, да и по берегу замоскворецкому подымать на аршин выше, а где класть подрежено и хорошевской нетесь камень, тут хотя на две четверти аршина положить по всему берегу от моста живого к Каменному мусер, отступая от балюстрада один аршин, а на два ширины усыпав класть камень. 4-е. Естьли вы будете известны что за всеми расчетами остается сумма довольная, то напоминать о Набережном саде, о земле чорной против Сената и к Царю Констентину[3] как от меня и предложено Експедиции кремлевского строения. 5-е. Хотя одну машину[4] разобрав, опустить ниже. 6-е. Непременно под щиты бить дубовые сваи, а потом

делать их к весне высотою по зубцы городовой стены. 7-е. Всякую неделю примечать между контрофорсов и против собора Архангельского, не будет ли отсатки, а для того брать предосторожность упорами. 8-е. Чертежную наблюдать в том же порядке, как оная установлена нами. 9-е. Напоминать в Экспедиции чтоб хотя ряда в четыре сваи сплошные дубовых и сасновых бить против вынутой земли в средине дворца к реке за деревянным обрубом и где придется и в воду сколько можно параллельно делать дворцовой наружной стены. 10-е. Когда земля буграми съимется ис под новых контрофорсов по прежние нижние деревянные упоры, то по подряде вынимать вглубь и не иначе вынимать ее до крепчайшего материка, против одинакого горизонта з закладочным средним столбом, каналами против будущих арок и то чрез один или два контрофорсов и взять самокрепчайшую запускать ближе к откосу и между контрофорсов обрубы как колотцами и делать самокрепчайшие распоры, а где занадобится бить хотя рушные сваи, о том писать со обстоятельным изъяснением ко мне в Санкт Петербург, откуду я ответствовать не премину, забор же до моего возврата не вынимать. 11-е. Зачатая модель по новому расположению зале с ачагом повидимому отправиться с большою маделью не может, для того рекомендую вам по отъезде моем старатца преводить к скорейшему окончанию и как будет despite кончана, то не крася уложить в ящики, представить в Экспедицию об отвозе в Санктпетербург и о даче при ней пристойной команды. 12-е. По отправлении модели имеющихся руских столяров, оставя пристойное число, прочих отпустить и с оставшими немецкими гезелями продолжать зачатые в большом виде, каковым быть в практике, лекалы.

13-е. Также как кончит механик Рихнер, а не худо б естьли и вместе с маделью прислать ко мне в малом виде зачатые им на зал стропила, кои также уложа в ящик и укрепя хорошенько чтоб в дороге не повредилось.

14-е. Зачатые барельевы Юста и других скульпторов как окончат, прислать с новозделающеюся залою.

15-е. Все записываемые мною в журналы, тетрать пересмотреть и что не исполнено, о том напоминать Экспедиции или подавать письменно.

123 МНЕНИЕ БАЖЕНОВА

[Петербург], февраль 1774 г.

Данные мне обрасцы мраморов главноприсудствующим господином генерал-порутчиком, сенатором и кавалером Михаилом Михайловичем Измайловым, чтоб их назначить в члены архитектуры будущему зданию кремлевского дворца[1], почему я и нахожу по их цвету и свойству определить во внутренние украшении что сим и изъясняю. № 1-го о пяти штуках горношитцком, 1 — темно серый, 2 — посветлея; в пьедесталы и под базы колон. Из сего второго серосветлого могут быть и колонны, но вид будет иметь невеселой. 3 — по белой земле темно серые жилки; делать залутчее фриз, плинты, налишники, камины, не худы будут и колоны, вазы и протчее. 4 — светло дымчатой в карнизы, архитравы. 5 — тому подобная штука, по беложелтоватой земле с серыми жилами; в полы, в ступени и протчее употреблять. № 2 — кособроцкой; в портики и малые колоны употребить можно. № 3 — пенковской, карьером сходен с № 1-м своею желтизною, то также употреблять на ступени и протчее тому подобное. № 4 — колюткинский белой, в капители, базы, в триглифы, модалионы, в барельевы, болюстрады; что ж касается до базов и капителей, то в большие колоны как в парадной лестнице, зале и галлереях лутче бы зделать для прочности бронзовые. № 5 — нижнотагильской, за лутчей пред протчими употребить в пилястры и колоны, как в зал, галлереи и в порадную лестницу; а впротчем как

за лутчее будет признано. Все присланные образцы, кажется мне, не довольное число для столь огромного здания, каково кремлевское, и не признано ль будет за лутчее представить гда надлежит, чтоб в те места, где оные карьеры, мне самому съездить в начале будущей весны, на казенном содержании, дабы взять понятие о точном количестве и сообразить все предприятии с начинающимся строением, и оставить там лутчего моего помощника, которой бы знал мои намерении, притом одинакие имел бы со мной лекалы, чертежи, и что еще принадлежать будет, и при нем бы быть ему в помощь скульптор и столяр, один для обделывания вчерне нижных частей архитектуры, а другой для делания лекал и других необходимостей.

124 ЗАПИСЬ В ЖУРНАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

17 июня 1774 г.

Господин архитектор <...> Баженов в присудствии объявил. Не соблаговолит ли Экспедиция приказать, чтоб для последнего контрофорса что к бывшим Тайницким воротам[1] против угла алтаря Архангельского собора вынуть старого строения фундамент и землю до крепчайшего материка и зделать контрофорс против протчих с надлежащей аркою и перапетом, чем кончится сумнение в слабости собора, а в тот контрофорс камень можно употреблять и коробочной, мешая с кирпичом. По зделании которого и без всякого помешательства земляная работа в зимнее время производиться может <...>.

125 ЗАПИСЬ В ЖУРНАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

25 июля 1774 г.

Господин архитектор <...> Баженов в присудствии объявил, не соблаговолено ль будет чтоб редить сначала вынимать старой фундамент и рыть землю для фундамента ж под порадную лесницу на Ивановской площади, как на опробованной моделе значит, в глубину на первой случай на одну сажень, а шириною и длиною в квадрате на дватцать на четыре сажени, кроме отлогости, землю же отвозить можно: первое — за Константиновскую называемую башню, второе, частию в лощину, где был верхней пруд Неглиненской между Троицкими и Боровицкими воротами; а чтоб приезд к соборам, в Сенат свободной был, то можно землю возить по берегу, лежащему при Архангельском и Благовещенском соборах где зделаны новые каменные контрофорсы и Набережными оставшими от разборки садами; зделав при угле Благовещенского собора для того подмостки небольшие; а потом, поворотя у церкви святого Уара мученика продолжать под переходы мимо Потешного дворца в Троицкие вороты и сыпать с моста, сняв несколько зубцов, кои по окончании работы опять закласть; причем зделав отсыпь продолжать по всему рву к городовой стене, средину же оставлять для будущего канала; и третье, сыпать в пустоты у зделанных новых контрофорсов, начато же на том месте вынимание фундамента из земли прежде по той притчине нужно, что ежели внизу земля выимется наперед, то от вышеупомянутой выемки з горы насорится и землею опять наполнится непременно может, следовательно останется вновь ряду делать, отвозить оную; а когда выимется верхняя, тогда уже бугры, кои между городовой стены и фундамента бывших кольлегиев можно снимать и иттить вглубь гаризонтально з другими земляными работами, с сею ж выемкою под парадную лесницу по самой необходимости нужно вынимать же и продолжать отвоску земле той, которая между контрофорсами под арками; также и вглубь под срединою зала з гальлереями к шпунтовым сваям <...>.

126 ИЗ ЖУРНАЛА ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ. ЗАЯВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА

17 сентября 1774 г.

Не благоволено ль будет отдать художникам, по контракту имеющимся в ведомстве Экспедиции кремлевского строения оставшие покойцы, кои были в прошлом годе хатами у каменщиков, а которые они имели квартиры, из них велено им выбратца, да и чертежную неминуемо перевесть ис Потешного дворца от верхнего жилья в те же светлицы, где будут и художники, а в нынешней чертежной печи, всход для ношения дров — одно худо, а другое не способно, да и ему по близости ево жилища[1] и работы удобнее наблюдать смотрением.

127 ИЗ ЖУРНАЛА ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ. ЗАЯВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА

22 января 1775 г.

Место где быть парадной леснице, на коем имеется фундамент Черниговских ворот[1], которой снизу от Москвы реки обрыт до самой его подошвы, и как наступит теплое время, то оной разрушиться может и повредить выротую дистанцию и материалы, внизу имеющиеся, засыпит, а чего боже храни, чтоб работных людей не задавило, и для того не благоволено ль будет подрядить охочих людей дабы разобрать стену с фундаментом и отвесть на Царицын луг, также и землю с мусером и щебнем в сажени, а камень посотенно; оное будет к очищении места под парадную лесницу, избежится от опасности отпадения.

128 «НАСТАВЛЕНИЕ ОТ АРХИТЕКТА ВАСИЛЬЯ БАЖЕНОВА ПОМОЩНИКУ ХАРКОВУ»

[Москва], 20 марта 1775 г.[1]

1. Быть безотлучно при Кремлевском строении, когда будет производиться под средину залы и галлерей каменная работа из хорошевского камня, то вам наблюдать, чтоб против чертежа моего было точно, с которого вы должны взять копию, оной арегинал за подписанием собственноручным Ее величества, должны вы принять его с роспискою от Экспедиции, а скопировав в целости возвратить и взять свою росписку.

2. Будут производится басейн с каналами, в 1-м и 2-м с лица употреблять коробочной камень, связывая с нетесью и во всякой коробочной камень должны запускать по две и по три скобы железные, чтоб один от другой не далее бы был двух четвертей, разве где случится какое либо препятствие, то две четверти, связь же класть одна от другой на всяком ряде, что вам мною на строении покажется, в наружи каналов басейна швы заливать сементом, которому дается вам особо наставление, скобы же заливать свинцом.

3. И как вода сойдет с места, то вам сказывать мне, а лутче всего весть записку всякаго дня, что происходить будет успехов к выяму земли, коя от средины столба между двух машин, тотчас приступить к торгу и чаще Экспедиции и мне о том доносить.

4. Свидетельствовать материал, годен ли будет в дело, а особливо в вымешивании извести, и оную употреблять не подмоклую, а круховую, и размешивать ее равно с песком и доводить ее цветом изсера.

5. Естли ж порежено будет прорывать в гору от средины столба к соборам каналами, то брать в том наставлении от меня.

6. В помощь вам помощник Баранов[2], которому смотреть модель, а ключ и печать иметь вам попеременно. Ему ж смотреть сталеров, чтоб починку модели и делание стропил к модели механиком Рихнером и распорежать плотников в разные работы по Кремлю, а особливо делать обрубы, кои будут опускатся, как роются колотцы для забучивания между арок, и примечать, не будут ли асаживатся зделанные контрофорсы более нынязшнего; то сказывать мне, записав в журнал.

7. Учеников вам по одному определится, при том рещик Сущов, которой неусыпной надзиратель, и оного генерально над всем посылать для наблюдения за работниками и чтоб вам он был послушен и о всем вам ему сказывать, а вам мне.

129 «ПРИМЕЧАНИЕ» АРХИТЕКТОРОВ К.БЛАНКА, И.ЯКОВЛЕВА, Г.БАРТЕНЕВА[1]

[Москва], 31 марта 1775 г.

Объявлено нам во оной Экспедиции Ее императорского величества высочайшее повеление чтоб осмотреть, где упала стена на месте бывшего Черниговского собора, также и все контрофорсы и другие места горы, нет ли остающимся строениям от того какой опасности, да и впредь могут ли остаться надежно в твердости своей помянутые контрофорсы, и подать писменно; что нами осматривано, а по осмотру находим, что старая стена в ломку назначена и подрыта с тем, чтоб упала, дабы тем способнее к разбирке рабочим людям приступить было возможно (как то ныне уже и разбирают), а та упадшая стена никаковому в близости строению вреда не учинила; что же принадлежит до вновь зделанных контрофорсов, которые единственно зделаны в подкрепление горы, дабы земля от горы осыпаться не могла, и тою осыпью не учинила б повреждения находящимся на горе строениям, но те контрофорсы не есть капитального здания фундамент и крепость, а собственно по себе своей тяжестью зделали осадку; в разсуждении не одновремянного оных производства строением, которым в подкрепление побиты ныне сваи, и хотя оные и впредь осаживатца имеют, но тем опасности в главном строении никаковой не причинят, а своей тяжестью поддерживают осыпь земли от горы, чего ради к зделанным во оных бревенчатых заборов подлежит в половину землей засыпать, а оставшее к старым каменным фундаментам разбутить, и как земля уже частью под главное здание для строения фундамента вынута, а тем самим вынятием земли обрылись и вновь зделанные контрофорсы, и старой у Благовещенского собору, то непременно в начатой части тот фундамент нынешнего лета строением производить надлежит, связывая притом и строение каменного берега обще с фундаментом главного строения, дабы одно другому в подкрепление служило, и постройкою зделав нынешнего лета фундамент в начатой части, уже и зделанные контрофорсы не уваживаютца.

130 «ИЗЪЯСНЕНИЕ АРХИТЕКТОРА ВАСИЛЬЯ БАЖЕНОВА»

[Москва], 1 апреля 1775 г.

На предложение его высокопревосходительства Главноприсудствующего Экспедиции оной Михаила Михайловича Измайлова, в коем изображено всевысочайшее Ее императорского величества имянное повеление, чтоб осмотреть бывшего Черниговского собора и часть Военной конторы фундамент упадшей, также и вновь зделанные контрофорсы по косогору кремлевскому и другие места, нет ли остающимся строениям от того какой либо опасности,

да и впредь могут ли остатся надежно в твердости своей и о всем оном подать писменно.

На что имею объяснить:

1. Старой фундамент сполз несколько с старого своего места от того, что под ним подкрыта была земля для забутки настоящего здания парадной лесницы, да притом снята нарочно наискось, дабы оной сам съехал вниз без вреда людей и без удара, чтоб содрогости не зделал оставшим строениям притом и рабочим людям дал бы способ лутчей к разбирке да и дешевле бы за оное взяли, для чего мною было записано в журнал в присудствии, чтоб ево редить и разбирать, что и учинено.

2. Новозделанныя быки или контръфорсы не иное что как только поддерживание горы Ивановской, дабы из ее 12-ти саженной высоты истекающими источниками вод не вытинуло сыпучего песка и насыпи и не зделало бы гротов, чем бы не свերзились оставшие древности, а что зделалось за ними трещина, то натурально должно ей быть по причине той, когда строение новое связывается и старым, то одно давно осело, а другое должно искать своего места по своему грузу, а на оном почти неприступном месте да еще со оставшими забутками и насыпью никакой сумнительной причины нет, как только почесть осадкою, хотя бы то было освидетелствовано парижскою Художеств Академиею, в чем бы я совершенно не усумнился, да и здешние архитекты подтвердили самые же некоторые мои мысли, кои еще при самом приступе мною многажды были представлены Экспедиции, да и всегда взносимы в журналы в присудствии, но обстоятельствы не позволяли иметь пропорциональную сумму на столь великое здание, а когда положутся деньги и люди, то поправится порядок, будет успех в течении строения, да и трещины загладятся по причине той, что одна часть другую будет снабдевать нужным, ибо оное здание просит одно у другого помощи: то есть новое строй, а старое подкрепляй.

131 ИЗ ЖУРНАЛА ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ, ЗАЯВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА

6 апреля 1775 г.

Не благоволено ль будет сваи у пят контрофорсов бойку остановить до усмотрения, а примечено им что от бойки оных свай излишно контрофорсы осаживаются, ибо от ударов вся насыпь по теперешнему оттепелю содрогивается[1].

132 «ПРИМЕЧАНИЕ» К.БЛАНКА И БАЖЕНОВА

[Москва], 8 апреля 1775 г.

Осматривая ныне осадку контрфорсов, которые сели на семь аршин[1], как о том и в поданном общем примечании объяснено, что осаживатца имеют, осадкою ж горе вреда причинять не может. А ныне оказалось оные контрфорсы садятся повидимому на грунт камня натурального, на чем свое основание имеет капитальное здание, и тою осадкою зделало рвотины в некоторых перемычках, которые перебрать и зделать попрежнему для присыпки к горе земли, но тою осадкою своей горе и стоящему на оной горе строению (которое нами осматривано) вреда ныне не причинило, ниже каких либо рвотин, как в строении, так и в осыпи земли, которое все подлежит подкреплять строением, как в прежде поданном примечании, главного здания фундаментом, а в разсуждении постройки показанного фундамента означенные контрфорсы никакой уже осатки иметь не могут, а как строения фундамента производить, связывая берег и подкрепляя гору, об оном имеет подано быть от нас объяснение с профилями и планом.

133 «ЗАПИСКА» БАЖЕНОВА

[Москва, середина апреля 1775 г.][1]

Что по мнению архитекта Баженова при строении Кремлевского дворца полагает работы производить.

1-е. Землю вынимать в разных местах, как то под парадную лесницу на горизонте Ивановском, гору с Набережным садом и с его низом в дистанции от нынешной выемки к церкви Царя Константина и оставшую на средине от прежней выемки: и, словом, всю земляную работу производить и все косогоры снимать и отрезывать гору по конфирмованному Ее императорским величеством плану вместе должно ватерпасно по всей дистанции.

2-е. Добравшись до настоящего материка, фундамент вести не частьми, а сплошь, по всей же дистанции будущего здания, спирая убегом к горе, хотя по одному или по два ряда, чрез что во многих местах обойтиться можно без деревянных упор и лишнего убытка; ибо тот же фундамент поддерживать может ту гору и служило б двум надобностям, и новому и старому.

3-е. Когда фундамент равно поведется, то и осадка окуратняе и плотняе будет, в чем самонужнейшая осторожность наблюдена быть должна не только в таком великом здании, но и в партикулярных строениях крепость фундамента, пят и замков в сводах, что важнее почитает величавости и красоты лутчего вкуса Архитектуры. А естьли будет фундамент класться, например, в одно лето с канальною стеною, на другое — с другою стеною, на третие басейн, на четвертое перемычки и своды, то от неровной осадки никогда прочно строение назваться не может и неминуемо по взведении стен в непродолжительном времяни окажутся трещены.

4-е. Во время произведения работ самою практикою довольно доказало, что из горы многие ручьи, подобные речкам, от ключей протекают; то как для оной, так и для самой выемки земли требуется весьма множество и других работ, как то умножать машины, делать распоры, взъезды, мосты, битье свай, копры оковывая железом, приуготовление тритцати и дватцатичетырехаршинного и другого леса большого числа, кузнечное укрепление, плотничная работа, чего об том и рядить не можно, железо, всякой инструмент и множество других подобных сему вещей, приготовление мест для отвозимой земли, коих весьма недостаточно, а лутче сказать, что оных и совсем почти нет.

5-е. Всего бы лутче, естьли б дозволила сумма продолжать обрубы деревянные по берегам Москвы реки и Неглинного пруда, то б казна не претерпела убытка; потому чтоб земля отвозима и сыпана была поблизости ее выемки; а потом, заведя магазейны, всякой материал на сих местах положен был бы ближе к произведению практики, следовательно за то каменщики и другие мастеровые люди цену взять могли дешевле.

6-е. Как все вышепомянутые работы связаны вместе и одну без другой производить не можно, то и требуют немалого числа денег.

7-е. По ныне же определенной денежной суммы с нынешнего 775 года можно углубить под средину закладки зала с галлериями землю, также еще ийти каналами в арки, где забучаться должен фундамент дворца чтоб миновать последней опасности соборам Архангельскому и Благовещенскому, бить в необходимых местах сваи и протчее, без чего обойтиться нельзя. А сверх того, ежели деньги дозволят, то по рассмотрению и другие земляные работы производить.

8-е. На последней плотине Неглинной к Москве реке непременно должно делать Рихнеру пильню, естьли срок состоящей там мельнице вышел[2].

134 ИЗ ЖУРНАЛА ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ М.М.ИЗМАЙЛОВА

26 мая 1775 г.

<...> 1. С приложением 1-е, имянного Ее императорского величества за собственноручным подписанием указа, писанной на имя ево, господина Измайлова, которым повелено по Герардову плану[1] яму скорея засыпать и контрофорсы сломать, а откосы зделать землею и выложить дерном, по которому Экспедиция имеет немедленно приступя к делу исполнять[2]. 2-е, поданные от архитекторов планы и чертежи при их мнениях, принадлежащие до кремлевского строения Ее императорское величество рассматривать и повелеть соизволила хранить в Экспедиции впредь до именного повеления, которые также при том приложил, а сколько числом и от кого именно, под какими литерами в приложенном регистре значит[3].

2. Что Ее императорское величество всемилостивейшая государыня словесно повелеть соизволила, как засыпать станут яму, то положить фундамент точно по той линии, где прежде была городовая стена, также и башни[4].

3-м, чтоб при засыпке ямы столб кремлевской закладки как он ныне есть, так и оставить на месте невредимо.

135 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 26 мая 1775 г.

По объявленному в той Экспедиции сего маиа 25 дня его высокопревосходительством главноприсудствующим тайным советником, сенатором и ковалером Михайлою Михайловичем Измайловым высочайшему Ее императорского величества имянному указу, которым повелено зделанные в Кремле контрфорсы разобрать и насыпав землю ипотенузою, заслать дерном и потом засыпать разрытое место, где была закладка, требовано было от меня мнения, каким образом приступить к исполнению того. И посему я имею честь представить мои мысли, основанные на восьмилетней моей у сего места практике. 1-е. Гору не укрепя оставить не можно без подвержения падения собора: ибо изтекающие из оной источники, вымывая подобные савойским гроты, обрушат насыпь и размоют материк; что и само, когда я врезывался в старой фундамент, непрестанно сыпалось и валилось. 2-е. Засыпка ямы не уменьшит сей опасности. По мере насыпки земли ключи будут подыматься, как они и опускались по мере ее вынимания. 3-е. Новая насыпь с старою связана никогда быть не может; равным образом как и старое строение с новым. 4-е. Сия засыпка, устилка дерном и зделание фундамента сломанной и башни и стены будет столько ж стоить, во что б обошлось представленное мною подкрепление горы. Более сего не могу я представить никакого мнения[1].

136 БАЖЕНОВ. «ЗАПИСКА В ЖУРНАЛ»

[Москва, начало июня 1775 г.]

В Экспедиции кремлевского строения благоволят приступать к засыпке разрытого места под фундамент, где была и закладка дворцу, подбучивать разломанную башню и городовую стену, разломать контрофорсы с возведением откоса с дерном в текущее лето, и велит мне зачинать показание вышеписанного рабочим людям, на что я еще имею честь подтверждать то же мое мнение, поданное прошедшего маия 26 дня в Экспедицию, а и ныне оставляю тому, кто за благо избран будет.

VII ПРОЕКТ СЕРЕБРЯНОЙ РАКИ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО. 1769—1774

137 Г.Н.ТЕПЛОВ — М.М.ИЗМАЙЛОВУ

[Петербург], 22 октября 1769 г.

<...> Не изволите ли приказать <...> у себя архитекту зделать проект, какую построить сень деревянную, украшенную резьбою и позолотою. 2-е. Зделать проект гробнице или раке серебряной с умеренною чеканною работою, дабы поспешнее можно было оную работу <нрзб.> в Санктпетербурге[1] <...>.

138 Г.Н.ТЕПЛОВ — М.М.ИЗМАЙЛОВУ

[Петербург], 1 марта 1770 г.

... Ее императорское величество соизволила зделать модель гробнице благоверного князя Михаила Черниговского, которая бы в самом малом маштабе была, а архитекту г.Баженову прошу от меня повторить (о чем я ему и сам словесно объявлял)[1] чтоб он ту модель под своими глазами делать приказал и притом бы наблюдал, чтоб как можно серебра меньше на то издержано было <...> При модели же прошу не позабыть место для надписи <...>.

139 БАЖЕНОВ — Г.Н.ТЕПЛОВУ

Кремль, 16 апреля 1770 г.

Модель гробницы окончена еще на Страстной недели, которую за путем неспособным да и за разлитием вод послать не отважились; а ныне к вам, милостивейший государь, с сим вручителем отправлена[1]; которая по апробованному рисунку зделана, но с некоторою отменою, как значит в экспликации, приложенной к мадели, но с тем ежели то за благо принято будет. Сколько же серебра и что за раку суммы, то из писем его превосходительства Михайлы Михайловича видеть соизволите. Но время подрядившиеся несколько увеличили; на то как вы, милостивейший государь, соблаговолите. Естьли же апробуется модель, то всенижайше прошу ваше превосходительство приказать помощника моего обратно не замешкав отправить, дабы я мог для украшений зделать скульптору рисунки в настоящих видах, также и столярам, и может быть чрез оное скоряе кончится[2].

Я осмеливаюсь напомнить вам, милостивейший государь, о програме ва-

шего дома, которой в бытность мою в С.п.бурге ваше превосходительство прислать обещались[3] <...>.

140 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА М.М.ИЗМАЙЛОВУ

[Москва], 4 ноября 1770 г.

В силу полученного мною от вашего превосходительства повеления[1] имею честь донесть, что касается до мастеров серебреного чеканного дела, то и здесь в Москве таких довольно сыскаться может, которые в состоянии не токмо крупную чеканную, какова будет на раке блаженного князя Михаила Черниговского задавана от меня, но и мелкую работу весьма не худо под моим и скульпторного мастера Юста присмотром выработать могут и в работе остановки никакой не учинят, из которых уже несколько и приискано и их работы мною и скульпторным мастером осмотрены; а рисунок чеканке с назначиванием барельевов при сем представляю.

141 ЭКСПЛИКАЦИЯ К ЧЕРТЕЖУ ГРОБНИЦЫ. МОДЕЛЬНЫЙ ДОМ

4 ноября 1770 г.

Экспликация с гистории святого, а барельев в точной мере по гробнице.

А. Благоверный князь Михаил веден погаными батыевы вои чрез огни, дабы поклонитися идолам.

В. За ним следовал болярин его Феодор, которые от поклонения идольского отвращаются.

С. Отступник христианства, которой благоверному князю голову отсек.

Д. Тела святых, брошенные на съедение псом, над коими столп огненной явился до небес.

Протчие фигуры значат поганых воинов; весь оный барелиев зделан скорыми мыслями, ибо время к тому недоставало, а из серебра чистою работою будет в совершенной выделке, да и оной шкиц с рисунком гробницы всенижайше прошу возвратить, понеже у меня копиев не осталось[1].

142 Г.Н.ТЕПЛОВ – БАЖЕНОВУ

[Петербург], 18 ноября 1770 г.

Государь мой Василей Иванович.

Ее И-е В-о повелеть мне соизволила объявить и вам, чтоб на раке серебряной блаженного князя Михаила никаких чеканных образов не было, а зделать оные гридированною черневою работою гладкою, сколько возможно в наилучшем совершенстве[1].

143 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 22 декабря 1770 г.

<...> Нашелся золотарной мастер, родом венгерец, Иван Осипов сын Пран, которой делает композиции из всякого металла, а имянно из золота, серебра и прочего, золотит и серебрит всякие фигуры по меди и железу под бронзу, а как таковой мастер к деланию упоминаемой раки весьма нужен то его Прана для договора с ним в цене при том и представил[1].

VIII ПРАЗДНИЧНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА ХОДЫНСКОМ ПОЛЕ. 1775

144 ИЗ ЖУРНАЛА ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

12 марта 1775 г.

<...> Хотя при Экспедиции архитектор Баженов и находится, но оной по всевысочайшему Ее императорского величества повелению за многими разными прожектами и приготовлениями к будущему строению для торжествования с Оттоманскою Портою мира[1] занет и затем ево отлучить ни на какое время неможно.

145 ЕКАТЕРИНА II — Ф.М.ГРИММУ[1]

Москва, 7 апреля 1775 г.

Так как вы говорите мне о праздниках по случаю мира, послушайте, что я вам расскажу и не верьте ни в одном слове газетам, которые пишут вздор. Сочинили было проект подобный всем праздникам: храм Януса, храм Бахуса, храм дьявола и его бабушки, и аллегории невыносимые и дурацкие, потому что они были гигантскими — усилие духа уйти от здравого смысла. Сильно рассерженная этими великими и прекрасными проектами, которые я отвергла[2], я в одно прекрасное утро позвала господина Баженова, моего архитектора, и сказала ему: «Друг мой, в трех верстах от города есть луг; вообразите, что луг этот — Черное море, что из города туда попадают по двум дорогам; так вот, одна из них будет Танаис, а другая — Борисфен[3]; при устье первого вы построите банкетный зал, который назовете Азовом; при устье второго — театр, который назовете Кинбурном. Вы очертите песком Крымский полуостров, поместите там Керчь и Еникале — бальные залы; левее Танаиса вы поместите буфеты с вином и мясом для народа; против Крыма вы устроите иллюминацию, которая представит радость обеих империй[4] о заключении мира; за Дунаем вы поместите фейерверк, а на земле, изображающей Черное море вы разбросаете освещенные лодки и корабли; вы украсите берега рек, в которые обращены дороги, пейзажами, мельницами, деревьями, освещенными домами и у вас получится праздник без фантазий, но может быть получше других и намного более естественный». Этот человек, восхищенный моей идеей, тотчас ухватился за нее и вот праздник готовится. Я забыла сказать вам, что справа от Танаиса

будет ярмарка, названная Таганрогом. Посмотрите-ка, профессиональный критик, плохо ли это. Верно, что море на твердой земле тоже бессмыслица, но простите нам этот изъян и все остальное будет очень сносно, а пространство и ночь, я надеюсь, представят это приятным по крайней мере настолько же, как все эти дрянные храмы богов, которые мне надоели и опротивели[5] <...>.

146 ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДАЖЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО ВИДА СТРОЕНИЙ

31 июля 1775 г.

В лавке, состоящей против старого Панского ряду на Новгородском подворье у норенбергца Иозефа Дигтеля продаются чертежи, сделанные в проспекте увеселительным строениям на Ходынке, где в высочайшем присутствии при стечении всего народа торжествовано было достопамятнейшее заключение вечного мира России с Портою Оттоманскою каждой по 1 рублю[1].

IX УСАДЬБЫ ЦАРИЦЫНО, 1775—1785 И БУЛАТНИКОВО, 1784—1785

147 УКАЗ ЕКАТЕРИНЫ II

Москва, 20 ноября 1775 г.

Указ нашему кабинету.

На будущий 1776-й год генваря с 1-го числа повелеваем отпустить триттцать тысяч рублей по требованию нашего камер-юнкера князя Тюфякина[1] на строения, которые мы производить указали в селе Царицыне по планам и под смотрением архитектора Баженова[2].

148 ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА БАЖЕНОВА К ДОКЛАДУ ЕКАТЕРИНЫ II С ЕЕ РЕЗОЛЮЦИЯМИ

[Москва, до 3 декабря 1775 г.]

Памятная записка, что доложить Ее императорского величества по селу Царицыну.

Решении, писанные собственною Ее императорского величества рукою.	
Подрядом	1. Камень хорошевской и люберицкой на цокули употреблять должно в строении села Царицына; то каким образом ево иметь, наймом ли, или откупя землю выламывать казенными крестьяны с уплатою, или ж подрядом, какие потребны будут?
Тоже	2. Так же мячковской, звенигородской и из прочих мест по близости Москвы белой на карнизы и на члены строения.
Подрядить на казенных и партикулярных заводах.	3. Кирпичь и черепицу делать на своих ли заводах, кои можно завесть ниже прудов Цареборисовских[1], где блиска и Москва река, чрез которую весною дрова пригонять способно? или где и в другом месте обыщется глина по близости? или же покупкою, но та-

	кой здесь хорош никогда не бывал, старой кремлевской кирпичь отдается на рассмотрение Измайлова: не соблаговолено ли брать на малые корпусы, так же бут и щебель.
По сем условиться с Измайловым.	4. Известь, кою замаривал в Кремле архитектор Баженов, не соблаговолено ль будет ее брать и употреблять в стены, а особливо к Готике нежному строению непременно нужно.
Выше решено.	5. Дрова на обжиг кирпича, черепицы и извести, наймом или покупкою рощей доставать? есть ли наймом, то должно во время посылать офицера вверх по Москве реке сыскивать охочих людей к доставлению, поредя по полой воде и пригонять к месту.
Покупать, где удобнее.	6. Железо связное и полосное в казенном месте покупать или партикулярно?
Деньги велено отпустить князю Тюфякину, и от него требовать оных.	7. Откуда деньги получать на строение села Царицына, чтоб работникам не замедливать уплату одного дня по окончании их дел; также выдавать за треть или за половину работы, а особливо тот час платить по окончании дня без всякого притеснения поденьщикам.
Само собою разумеется.	8. Подрядчиков знающих свое дело, усердных и не жадных к большему интересу, беречь таких и отдавать им в будущей год с малою и передачею, а не знающим и не своего дела и в торги не допускать; ибо такие только бывают при переторжке для магорычей, а есть ли за ним установится цена, то такой совсем и дело остановит.
Дело строителей.	9. Не повелено ль будет каменщиков обзадачивать нижегородов и посылать туды в генваре месяце нарочнаго доброго человека; дабы они не расходились лутчие по другим городам.
Со сводами.	10. Все ли строение нижних этажей быть имеет со сводами.
Выше решено.	11. Нынешнею осенью заводы кирпичные еще не заведены, и глины вымороженой нет, то не соблаговолено ли будет взять заимообразно, или в зачет с заводов Кремлевской экспедиции, которой делан под смотрением архитектора Баженова, хотя один милион.
Нет в оном нужды.	12. О моделе было разсуждаемо, чтоб делать по первому прожекту села Царицына, но по последнему неизвестно[2].
Условиться с Измайловым.	13. Доски и прочей лес от старого Коломенского дворца в перепилке лежит на Царицыном лугу, и со временем пропасть может, то не соблаговолено ль будет, чтоб его употребить в столярную работу в селе Царицыном, из Експедиции Кремлевского строения выключить.

Подписано собственною
Ее императорского величества рукою тако: Екатерина.
В Москве декабря 3 дня 1775 года.

149 БАЖЕНОВ — П.В.ЗАВАДОВСКОМУ[1]

Москва, 18 января 1776 г.

Милостивый государь мой Петр Васильевич!

Ее императорское величество всевысочайше благоволить соизволила строить по планам и под смотрением моим село Царицыно в будущее лето, также и денег 30000 р. отпускать на оное из Кабинета по требованиям его сиятельства князя Тюфякина на нынешней 1776 год. А в поднесенной потом от меня записке Ее императорскому величеству чрез его превосходительство Сергея Матвеевича Козмина[2], каким образом мне достать к произведению зданиев материалы; на что имею и конфирмацию данную мне за собственноручным Ее императорского величества подписанием[3], а между прочим и о деньгах в 7 пункте конфирмовано ж Ее величеством тако «деньги требовать по надобности у князя Тюфякина»; почему я разумел, что возлагается на меня делать и подряды; условясь с его сиятельством сделал я уже ныне с охочими людьми и обязательствы к поставке потребного числа разных материалов, по нынешнему зимнему пути не допуская лета, чтоб тем соблюсти всевысочайший ее императорского величества интерес наймом и провозом, и удалось мне порядить слава богу против других мест дешевле, в доказательство чего при сем прилагаю подробный реэстр и мое расположение, сколько каковых материалов и на сколько денег; так же по самой необходимости на наемных к должностям людей: ибо оных по прозьбе моей мне не дано кроме моих 3-х учеников[4] и салдат села Царицына к сбережению материалов. Того ради прошу покорно ваше высокоблагородие доложа поднесть Ее императорскому величеству при сем приложенное расположение[5], нет ли в оном какой либо ненадобности, по неупотреблению моему в таких случаях, против воли Ее императорского величества, и испросить мне на то всемилостивейшего подтверждения. Но как Ее императорское величество определить соизволила вышеупомянутые 30000 рублев на строение в год, то я и разумел, распорядив сумму, на половину ее завесть магазеин материалов, как в приложенном при сем реэстре значит, а другую половину на работников, на прочие надобности и на непредвидимое. И естли всевысочайше оное опробуется, то не соизволит ли повелеть Всемилостивейшая государыня построить в будущее лето и еще в прибавок мосту и перьвому домику и другие, а естли станет материала, то некоторым вывесть и фундаменты; также повелеть, где старое строение мешать будет, то сломать; как например домик вновь для камер юнфар, оной поставлен быть имеет где старые кухни, а где полуцыркульной домик строиться будет, тут ныне беседка, в коей был военный совет[6]. Всеподданнейше же прошу Ее императорское величество, как по расположению начало строения возымело вид на неприказном порядке; то и на оное прошу объяснения, дабы наконец по каким либо мне незнакомостям не был я притеснен приказными хлопотами; а для моей очистки и чести весть я буду журнал, притом собирая обязательствы и договоры; а в отчете денег из получаемых на надобности в силу всевысочайшей конфирмации на именной данной мне записке, чтоб требовать от его сиятельства князя Тюфякина, почему я у его сиятельства и беру под мои росписки, и уже на первой случай от него и получено на раздачу за завозной материал в село Царицыно, коего уже несколько и завезено, 5000 р.; буду же я иметь у себя для прихода и расходов шнурованную книгу за моею печатью и подпискою, в которой выдача денег за материал и за работы распишутся продавцы и работники. Все вышеизъясненное мною повторяю и мою покорнейшую прозьбу о неоставлении ответом, дабы я мог взять лутчей распорядок; при том извините меня милостивый государь что я имею честь адресоваться к вам не имея на то никако-

ва повеления, куды мне и впредь доносить о успехах в производстве строения, а надеясь только на означенные вами в бытность здесь благосклонности, осмелился трудить вас для того уповаю, что и оную мне нужнейшую надобность исходатайствуете от Всемилостивейшей государыни. *В протчем поручаю себя в милость вашего высокоблагородия и имею честь быть с совершенным моим почтением вашего высокоблагородия, милостивого государя моего покорнейший слуга Василий Баженов.*

150 БАЖЕНОВ — П.В.ЗАВАДОВСКОМУ

18 января 1776 г.

<...> Я дерзаю трудить ваше высокоблагородие и о нижеследующем, дабы впред частыми письмами вам моему государю не наскучить. При сей же оказии испросить у Ее императорского величества повеления что могу ли я жить в домике, в котором пребывали Их императорские высочества в селе Царицыне, а мне непременно всегда быть должно при работе и как по бедности моей я не могу содержаться с моей фамилией на две части, при том же я принужден лишаться в Москве дома и всего, что иметь должно художнику, продажею для уплаты моих долгов, кои на оные же надобности и нажито. В другом же месте мне в селе Царицыне поместиться негде, имея жену, трех сынов и дочь малолетных, и естли мое всеподданнейшее прошение апробуется[1] то по получении с протчим может быть и оное удостоено, то б я в будущем марте совсем туды переехал <...>.

151 П.В.ЗАВАДОВСКИЙ — БАЖЕНОВУ

Петербург, 13 февраля 1776 г.

Государь мой Василей Иванович!

Я имел честь подносить Ее императорскому величеству письмо ваше писанное ко мне от 18 генваря, и по высочайшей воли я сообщаю вам в ответ на оное: запас материалов и все приуготовления, которые вы распорядили для порученного вам Царицынского строения Ее императорское величество за благо приемлет, а только примечается для переду, чтобы все тут нужные расходы определенною однакож суммою ограничивались и оной никак не превосходили. Не меньше предоставляет вашему же лучшему разсмотрению, как созыдание на будущое лето новых строений, так и сломать в свое время старые, которые новому плану мешают. Производство и употребление денежных сумм, в котором не почитаете вы делом удобным соблюсти весь приказный порядок, также власно охранено будет, что лежит до верности отчета, ежели вы весть будете обстоятельно должную записку всем приходам и расходам, ибо тот хлопотной способ, который вы называете приказным обрядом, не имеет другой цели, как доказывать верность и истину. По вашему желанию жить вам в Царицыне Ее императорское величество высочайше позволяет, о чем я особливым здесь вложенным даю знать господину Карачинскому[1], и пребываю с моим почтением.

152 БАЖЕНОВ — П.В.ЗАВАДОВСКОМУ

Царицыно, 11 июля 1776 г.

<...> Извините милостивой государь, что я к вашему высокородию всегда докучать отваживаюсь, по причине той, что я не знаю, к кому более мне прибегать? дабы Всемилостивейшая государыня знать соизволила о успехах свое-

го села Царицына, что в нем производится в строении? Ваше высокородие не безъизвестны уже по преждепосланным моим письмам[1], в котором числе прошедшего маия было зачато строение, то есть Мост и три Домика от него к церкве, которая уже прежде сего тут была. Теперь всепокорнейше прошу вас милостивого государя донесть Ее императорскому величеству, что уже четырнатцатиаршинная длины арка в Мосте по преспекту березок на въезд горы, снаружи дикого камня в высоту семь аршин, а в широте Мост восемь аршин из белого мячковского к замку совершается; из которого камня для того произвожу, что из партикулярного нехорошего кирпича столь важную Арку делать я не отважился; и по углам четыре башни вместе строятся; также и другие три дома вышли цокулем из белого камня высотою от прудов на два аршина и больше, а изнутри, где аршин, а инде и меньше, с напрудною же стороною горизонтально, а в косогоре не выше аршина; что ж касается до перьвого домика от Моста, то оной чистою кирпишною работою дошел уже по свет окошек: и естли прекратятся дозжи, то уповаю на всевышнего окончить все к октябрю месяцу, в котором намеряюсь сам ехать для объяснения с чертежами в Сантпетербург. А между тем не соблаговолите ли исходатайствовать от всемилостивейшей государыни мне повеление о приглашении к будущему году каменьщиков (кои теперь здесь с отменным усердием работают), чтоб быть им в будущей год к апрелю месецу? Ибо у нас изстари заведено им в Москву приходить к работам в половине маия, которых давно уже должно бы приучить производить каменные работы гораздо лутче в марте не пропуская хорошего время, а особливо в апреле, нежели у нас работают в сентябре и октябре: ибо весною в апреле лучи солнца действие сильнее имеют к известному раствору, нежели в осенних месяцах, только бы были к началу, зданиев рвы готовы; а не доконченное и без всякого помешательства возвышаться может с лутчим успехом. И для того не повелит ли всемилостивейшая государыня изготовить до отъезда моего вновь еще некоторым домикам рвы по апробованному плану, чтоб пришед каменьщики (кои уже к тому и соглашены мною были в работе настоящей) будущею весною ранее могли работать безостановочно? И что зачинать, дворцы ли или другое? о намерении Ее императорского величества прошу исходатайствовать всевысочайшее соизволение; также не будет ли противно, что я вскоре начну бутить из оставшего бута Малинькой полуцыркульной дворец, где ныне стоит зеленая беседка на горе? А естли останется еще время сухое к строению способное то не повелено ль будет взять белой камень в селе Коломенском, которого лежит там несколько тысячь без употребления? О всем оном прошу ваше высокородие доложить всемилостивейшей Государыне, дабы я мог остаться свободным в моих мыслях; и потому бы мог расположение взять лутчее <...>

153 П.В.ЗАВАДОВСКИЙ — БАЖЕНОВУ

[Июль 1776 г.]

Государь мой Василей Иванович!

На письмо ваше от 11-го сего месяца имею честь сообщить вам высочайшее Ее им.в-а повеление, что всеми вашими распоряжениями и хорошим успехом в производстве строений Ее в-о изволит быть довольна, и потому согласна на ваше мнение, чтобы вы пригласили каменщиков теперь работающих и к будущему году, и заготовить вновь еще рвы некоторым домикам ежели станет определенной на то суммы; также Ее в-о соизволяет чтобы зачинали преже те строения, которые об одном етаже, бутить из оставшего бута маленкой полуциркулной дворец, и взять в селе Коломенском белой камень, только не

для употребления онаго на бут, а на строении. По желанию вашему вы можете приехать в Петербург[1].

<...>

154 ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА БАЖЕНОВА

[Петербург, июль 1776 г.]

Записка о чем изъяснить нужно Ее императорскому величеству в разсуждении села Царицына

Отъезд архитектора в Санктпетербург, на две недели, не зделает в строительстве села Царицына остановки, для чего поручено наставление надежному ученику, а важное иное уже при себе зделано, а другое приказано что встретится сумнительное оставить до возврата, к чему и поспешить надежно.

Привезенные сюда гончарные штуки одни употребляются теперь в строении другие будут устанавливаться на месте вместо перапета, то как соблаговолит всемилостивейшая государыня, красить ли с олифой так как одна штука пирамида привезенная или оставить без краски, но таковая подвержена превращаться в щебень от мокрых ветров, да и з глазурою в обжиге разноцветною употребить не должно ибо и таковая исчезает по климату русскому, а только держится твердо, ни морозов ни сырости не боится цвет желтой и зеленой, как значит сюды привезенная одна черепица.

По расположению Архитекта было ехать в С.П.бург в октябре будущем по окончании каменных работ но нечаянная отлучка оному помешало, для сего не повелит ли всемилостивейшая Государыня, по окончании работ дабы прислать те чертежи, что построено будет нынешнее лето в большом виде, с изображением арнаментов, с их цветами и весь генеральной рисунок селу Царицыну, кои уже готовятся[1], а Архитектора избавить от вторичной езды и несносных убытков.

В нынешном моем приезде не соизволено ль будет дать повеление что строить в будущее лето дабы можно было приговорить артель отборных каменьщиков тех же кои ныне с усердием отменно строют прочно.

А естли б осигнована была и сумма ранее генваря, на будущей год то б можно все те рвы изготовить осенью, кои в будущее лето строиться станут в апреле месяце, о чем и недавно имел честь донесть письмом его превосходительству Петру Васильевичу, которое уже и донесено Ее императорскому величеству, также нужны деньги для будущего года ранее потому что и нынешней год имеючи их во время приучено столько продавцов что всякой почти день везут охотники камень и бут на место строения. Зимою обходилось сотня камня 10 р. 50 к., которой в Москве 15 р. и 16 р., а ныне с радостию привозют возами и отдают таковой по 7 р. и 6 р., а меньше мерою 5 р. сотня, оное произошло от того что деньги плотются тот же час без задершки так же и бут с другими материалы, не половиною, а третьею долею действително дешевле против всех мест, кроме кирпича, которой возят с партикулярного завода, пришол на место 7 р. 30 к. да он же и не хорош, и для того не отваживаюсь делать из него и мост, а принудило его производить из камня дикого и мячковского, который теперь уже как свинцовый, а кирпич заводцкой употребляется внутри других строениев, снаружи же употребляется тот, которой куплен з заводов тех, на коих сам Архитектор смотрел для Кремля.

Для будущих же строениев весьма бы нужно хотя маленькой тут свой заводец уставить чтоб делать до милиона кирпича, а особливо такие арнаменты, какия сюды для показания привезены, да и других штук задаваться должно множество по разным лекалом, в оных же штуках находится глины две доли тутошной, из выкопанных рвов под нынешним строением, а третья доля гли-

ны брана с заводов гончарных в Москве. Что же касается до кирпичей тутошной глины то лутче сыскать нигде не можно, да и обойдется в половину цены покупного, строение же выйдет еще крепче и притом работа производится под одним присмотром, где никто не мешает и некому уже взять из под строения земли и песку на другие надобности. От чего выйдет желаемой во всем успех и доброта, следовательно оное не упадет и не сядет, разве паче чаяния будет производиться прорванная плотина строением, будет же другое и смотрение, чего я трепещу от страха и всечастно воображается что и тут занадобится отвозка песку и земли в засыпку плотины как в Пречистенском дворце[2].

155 БАЖЕНОВ — П.В.ЗАВАДОВСКОМУ

Царицыно, 8 августа 1776.

По отправлении меня из Санкт Петербурга я в Москву приехал настоящего месяца 1 числа благополучно; и по приезде моем в село Царицыно нашол все по данному от меня наставлению исполненным; почему в работе никакой остановки не было. Что ж касается до важного строения, то есть перемычек, сводов и Арки в Мосте; то оная при мне 5 числа сего ж августа окончена; а теперь сверьх оной делаются известные четыре башни; прочие ж три дома в половине уже взведены, которые неотменно в нынешнее летнее время, совсем к концу приведены будут естли не захватит ненасье. Гончарное украшение по соизволению Ее императорского величества отменено, а наместо того из белого камня все зделано будет![1] На посланное от меня, прежде моего приезда в Санктпетербург, к вашему превосходительству письмо[2] по исходатайствованной вами всевысочайшей конфирмации, как я сам слышал от Ее императорского величества и от вашего превосходительства, между прочим о коломенском камне, хотя ваше превосходительство и изволили проговаривать, что де тамошней управитель[3] о повелении Ее императорского величества брать оной для строения села Царицына может поверить моему словесному объявлению, как я по приезде моем чрез письмо реченному коломенскому управителю оное всевысочайшее повеление и объявил, по которому на перьвой случай уже мною пять сот камней и получено; однако всего того камня без указа упомянутый господин Норман отпустить не смеет. Того ради всепокорнейшее прошу ваше превосходительство по обещанию вашему не замедля наслать письменное повеление; как по вышеупомянутой на прежде посланное от меня письмо исходатайствованной вами всевысочайшей конфирмации, так и по оставленной мною вашему превосходительству записке[4]; а особливо о щастливо изъясненном вашему превосходительству моем бедствии (какового случая я долгое время избирал). Прошу вас, милостивого государя, так как сущего Патриота и Защитителя моего не запомнить исходатайствовать всевысочайшей конфирмации, чего с нетерпеливостью моею ожидаю[5]. А как ваше превосходительство в бытность мою в Петербурге милостиво меня изволили принять и выслушать; то и несумненно надеюсь чрез ваше покровительство и предстательство оное получить: ибо при потерянии мною всего, хотя б уж домишко остался убежищем всей бедственной моей семье! <...>

156 БАЖЕНОВ — П.В.ЗАВАДОВСКОМУ

26 августа 1776 г.

Перед приездом моим в Санктпетербург, и по посланному писму моему пред моим приездом ваше превосходительство доносить соизволили Ее императорскому величеству в разсуждении села ее Царицына, по надобностям в построй-

ке. В бытность же мою в Раненбове[1] и изустно я слышать удостоился от Ее величества по моему требованию, а по предстательству вашему исходатайствовано и конфирмовано; а притом когда я имел щастие изъясниться несколько о моих крайностях пред вами милостивой государь, тогда между протчим докладывал вашему превосходительству и о камне, которой без употребления лежит в селе Коломенском, что вы милостивой государь приказывать соизволили дабы брать его в строение уже реченное по повелению всемилостивейшей Государыни, на что я и испрашивал от вашего превосходительства писменного вида, которой вы соизволили обещать прислать мне вскоре, и конечно бы его без оного иметь не можно естьли б управитель Коломенского села господин Норман не знав меня коротко, а притом по возвращении моем из Санктпетербурга в село Царицыно к практике, я объявя ему писменно соизволение всемилостивейшей Государыни, почему он поверя дал мне до пяти тысячь камней без сумнения; а более сумневаться уже начал, а у меня по строению вместо отмены Ее величеством гончарных штук без употребления белого камня совершенная бы была и остановка, да и за умедлением мне писменного повеления неуверяться начал господин Норман, для чего я принужден сим вторично утруждать ваше превосходительство о присылке мне самонужнейшего писменного доказательства, как о камне, так и о всем оставленном <без> разрешения по селу Царицыну, а особливо что мне начинать в будущей год и о деньгах дабы я мог ко оному расположиться порядочней, с норманового же письма копию в доказательство вашему превосходительству при сем сообщить для уверения честь имею[2], о успехах же строения села Царицына обстоятельней в сентябре месяце вам милостивому государю не премину донесть, естьли столь сырая погода не попрепятствует помешательством, какова ныне есть, дабы изъяснить всемилостивейшей государыне, что в нынешнее лето возросло строения <...>.

157 БАЖЕНОВ — ЗАВАДОВСКОМУ

Москва, 12 октября 1776 г.

<...> Многократно ваше превосходительство утруждая моими докуками да и сие еще осмеливаюсь вам милостивой государь доносить, первое, что я несведущь к кому прибегнуть, второе, уже ваше превосходительство подали мне повод вашего благосклонностию и великодушием: в надежде оной осмеливаюсь еще всепокорнейше просить вашего превосходительства дабы донесть и исходатайствовать нижеписанное и приложенное при сем Ее императорскому величеству; о постройке протекшего лета в селе Царицыном, вашему превосходительству не безизвестно из прежде писанных моих к вам писем, что лето было мочливое, которое делало немало остановки в работе, со всем тем окончан двенатцети саженной приятного вида мост с четырьмя по углам башнями и перапетами кроме малых на оном украшений, кои будущею весною не замедлятся в поставке на свои места.

Другой крестообразной домик на осми саженях первой от моста с сводами весь кончен, стенами наружными по карниз выведен, внутренними сровнен, куронеман[1] вверху или бель ведер восьми угольной в половине оставлен не окончавши за неварением изъвестью с кирпичем по осеннему уже воздуху.

Второй домик к церкве[2] на девяти саженях в половину възведен, а выше не подымал я его для сводов, кои бы должны рость к верху вместе с стенами, а окончать бы ево можно как только к ноябрю месяцу, которое бы не назвалось впредь строение прочным, оной же и начат после всех.

Третей дом на четырнадцати саженях с половиной, а последней к церкви[3] кончан со сводами весь, наружные стены възведены по карниз, внутренние

простенки сравнены с ними же, карниз с перапетом и одною башнею на нем остался неокончан за выше изъясненною осеннею погодою. Также и крыть черепицею на извести с сементом я не отважился до будущей весны, к чему есть остаток материалов довольной, все же оное времянною крышкою лубеною на зиму защищается.

Четвертой домик или малой Дворец на девяти с половиной саженях на полуцыркольной горе[4] где была зеленая беседка в коей производился военной совет[5]; выбучен три доли оставшим бутом и щебнем от ныне построющихся четырех строений.

Пятой дом или Дворец против боку садового где малая калитка в проспективую алею на новой мост и к луговине горе, а близ полуцыркульной же горы и дворца[6] приготовлены уже к будущему году рвы, галлерея с побочными двумя комнатами на дватцети саженях, дворец при ней на двенатцети саженях и дву аршинах, оные два заготовления зделаны мною в надежде той, как я имел щастие писать к вашему превосходительству, как об оном так и о протчем пред моим бытием в прошлом июле месяце в Санкт Петер Бурге, по приезде ж моем я слышать удостоился изъустно от Ея императорского величества, что мне все, по письму моему тогдашнему зделано; также и от вас милостивого государя уведомлен в подтверждение, но еще конфирмации писменной не имею, о чем многажды и трудил ваше превосходительство, о присылке ко мне онаго самого нужнейшего вида, без чего Дворцовая контора запретила управителю отпускать камень из села Коломенского[7], а более еще того мне нужно, чтоб в будущей год тех же обзадачить каменщиков, кои работою нынешнего года привычку зделали к необыкновенному еще здесь им майстерству, принужден только расплатясь за нынешнее дело отпустить их в свои домы, а обзадачить не смел за неполучением повеления, а ими будут пользоваться впредь другие работы, так, как и моими может быть учениками, а особливо начинать строение в апреле месяца, а не в половине маиа, я лишаюсь сего лутчего солнечного вытяжения сырости из стен и сводов, а притом производить здание в октябре месяце весьма выходит неудобно.

При всем вышеописанном имею доложиться вашего превосходительства, не соблаговолите ли изъпросить милостивой государь о повелении ехать ли мне по первому зимнему пути в Санкт Питер Бург с чертежами для точнейшего объяснения о всем генерально, или только прислать чертежи окуратные, в большом виде по чему б видно было яснее, при ком ни на есть, или еще как за благо разъсуждено будет, а между тем имею честь приложить при сем реестр[8] что я суммы издержал <...>.

158 ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА БАЖЕНОВА К ДОКЛАДУ ЕКАТЕРИНЕ II. МОСКВА, 12 ОКТЯБРЯ И 14 ДЕКАБРЯ 1776 г. С РЕЗОЛЮЦИЯМИ ЕКАТЕРИНЫ 23 ДЕКАБРЯ 1776 г.

Доложить Ее императорскому величеству в разсуждении села Царицына.

Будет ли что строиться на 1777 год: те ли дворцы, из коих один почти весь выбучен, а другой рвами изготовлен, или что другое в прибавок? о чем и прежде мною прошено письмом: и на что было словесное повеление в бытность мою в Санкт Петербурге, что все зделано, а прямого доказательства еще мною не получено.	На оное резолюция. В будущем году стараться предпринятые строения продолжать с успехом, приводить к окончанию.

Такая ли же сумма определена будет на строение, или с прибавкой? Дабы строителю знать, что еще вновь ли распоряжать какую либо прибавку строения, или в прежнем остаться? А естли сумма ранее осигнуется; то заблаговремянно так же и дешево купить можно все потребное, как было в прошлой зиме: сто камней обходилось десять рублей пятьдесят копеек, а в Москве таковой по шеснадцати рублей. Летом же привозили охотники и по 8 таковой же; а другой меры гораздо дешевле; так же разумеется и о прочем материале, потому что деньги платились без остановки.

Для оных строений и в будущем году назначевается такая же сумма, то есть тридцать тысяч рублев, кои и велено отпустить из Кабинета к Камер юнкеру князю Тюфякину, от которого <нрзб.> заготовлять и другие расходы имеет архитектор требовать на том же основании, как и в нынешней год происходило.

Откуда получать деньги, и на том ли основании, как нынешний 1776 год производилось или как лутче заблагоразсудится.

Кирпичной завод кажется будет лутче, естли только на своем заводе до миллиона по лекалам будет делаться: ибо торговым многие штуки зделать по готический не можно, за невыделкою глины и не совсем дозженой: а для прочей работы, как то простенков и разбутки внутри стен, однакож не сводов, покупать, или как повелено быть имеет.

Лучшее и полезное в том распоряжение слагается на его архитектора.

О камне, которой имеется в селе Коломенском, благоволите прислать письменной вид: а семь тысячь камней до запрещения дворцовою канторою, мною взято по приказу Вашего превосходительства, и по всевысочайшему слову Ее императорского величества, что к строению села Царицына все зделано (так сказано в бытность мою в Санктпетербурге) почему уже много употреблено ево и в дело; то что повелено будет? А управитель не дает мне покою о письменном виде, о чем мною требовано пред сим.

Об отпуске камня из села Коломенского по требованиям архитектора дан указ Главной дворцовой канцелярии.

В новопостроенных домах где должны быть перегородки, они делаются. А будущим летом обделывать стены внутри штукатуром или чем другим; а по штукатуре расписывать ли афреском, или будут обои? Однако клопы в таковом водятся: а понели столярные еще не удобнее.

Со внутренним устройством удержаться до повеления, дав им довольное время высохнуть от всей сырости; а панелей да и никакой столярной работы в том числе и коробок не делать.

Полы в них делать из кирпичной глины плитками или сементом по венецианский?

Или по руский деревянные?

Полы делать из кирпичной глины плитками.

Печи в них изращатые или другие какие?

Печам быть изразчатым.

В окошки делают переплет столярной работы готической, как на чертежах назначено; какие ж в них стеклы употребить руские или иностранные? Таковое послано 12 октября 1776 году к его превосходительству Петру Васильевичу Завадовскому при письме № 5-го[1].

О переплете апробуется, о коробках сказано выше; а стекла хотя и русские, только бы были чистые и хорошие.

А ныне к оному вновь только имею щастие приписать, как его высокографское сиятельство Алексей Григорьевич Орлов Чесменской[2] спрашивать соизволил у меня о прорванной плотине в селе Царицыне, делал ли ее; то я и раз судил зачать ныне прожект каменной и деревянной и естли то или другое повелено мне будет производить в практику; то я их изготовлю в скорости; а прежде я о том не смел и думать[3].

О плотине сей дано уже особое повеление Михайле Михайловичу Измайлову.

Конфирмовано 23-го декабря 1776 года.

159 ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА БАЖЕНОВА К ДОКЛАДУ ЕКАТЕРИНЕ II С ЕЕ РЕЗОЛЮЦИЯМИ

[Петербург], 17 октября 1777 г.

Решение на представление архитектора Баженова по строению села Царицына.

Для кирпичного завода ежели находится удобное место в дачах села Коломенского, то как оное, конечно, принадлежит кому нибудь из крестьян тамошних, в земле довольную надобность имеющих, можно взять в наем, но не инако как по добровольному с хозяином или хозяевами того места договору и с ведома Дворцовой канцелярии или ее канторы, не чиня ни малейшего принуждения или тягости; естли же на делание потребного кирпича по лекалам можно заключить сходственный договор с ротмистром Полуехтовым, то сие еще выгоднее почесться должно.

Кирпичной завод повелено здесь делать; но место где рыть, село Царицыно не позволяет; а в силу всевысочайшего имянного указа на первой случай заготовляется из рвов что под фундамент хорошая глина; кою переморозя на будущей год весною начнется делать; черепица и в полы плитка.

А для делания кирпича не повелено ль будет взять место в наем Коломенского села в даче, близ Цареборисовского пруда, от села Царицына ехав по пруду ж в левую сторону, откуда блиска и Москва река; чрез кою б в свое время свободнее получить можно дрова на обжиг, а всего лутчее и без хлопот естли угодно будет, я уже уговаривался с господином виц ротмистром Полуехтовым, которой в соседстве восемь верст от села Царицына, он обещается ставить до милиона по уговору и по лекалам делаться может кирпичь в лутчей доброте за умеренную цену и гораздо дешевле придет на место как сам, так и провоз его, против ж подмосковских, калуских, андреевских и даниловских заводов; на оное как повелено быть имеет!

Все те строения, которые в прошедшем и настоящем году начаты, старатца продолжать и приводить к окончанию, и между тем новые начинать удержаться. Да и таковые начатые оканчивая, отделывать их только наружными украшениями, а до внутренных не касаться, ибо довольно еще останется на то времени.

На горе полуциркульной дворец начат рвами и в половине выбучен в прошлом годе, а нынешнее лето кончен со всеми его украшениями, кроме кровли, коя до будущего года покрыта лубьями и соломою; полы, печи, штукатура, живопись с окончицами и с прибором, то есть задвижек, замков к дверям и протчего оставляется до будущих годов и до повеления; против циркуля оного дворца должно зделать крыльцы, а на опробованных планах не назначены, то не повелено ль будет тут приделать, как <на> при сем приложенных планах назначено под литерою А из дикого, а из мячковского лопается!

Что до крылец, то ежели дикой камень удобно достать, зделать их из оного лучше, нежели из мячковского.

Второй дворец, что на луговине в боку сада, по горе же в роще, отделан вчерне, первым жильем со сводами, второе жилье по пяты сводов, гальлерея десятисаженная и с большими своими боковыми двумя каморами — в один этаж по своей пропорции, а своды в ней в половине ж взведены, карниз и перапет оставлены за ненасьем, а ис под кирпича выплывает известь, а более, что оного и достать нигде было не можно; притом пять месяцев без прогула каменщики, довольно наработавшись, не могли продолжать труды свои; то разсуждено покрыть ныне временною крышкою и окончить в будущую весну, естли на сис воспоследует соизволение! А между тем из стен и сводов вытянется сырость в морозы и облехчит осадку к достройке.

Камер-юнгфарский корпус, оставшим бутом и сломкою старого каменного зеленого дома[1] выведен весь цокуль по окошки белым камнем, высотою от земли в аршин и более в нижнем месте; не повелено ль ево будет в будущий год производить до окончания.

Вороты при конце сада и березовой проспективой по одной горе в рощу фундамент с цокулем и до половины башен своих из белого камня зделано; повелено ль будет оканчивать в будущем лете?

Кавалерский корпус распланирован и по отъезде моем сюды в Санкт Петербург велел ево помощнику и ученику моему Комарову[2], наняв людей, вырывать канавы под фундамент; в разсуждении что глина его переморозится, как выше изъяснено в первом пункте, в плиты, в пол и черепицу на кровли, а более для таковою же успеха, как были заготовлены рвы в прошлом годе, отчего уже прошедшее лето в лутчее время с 1 апреля работали каменщики на извести и не употреблялись в рытье земли; не повелено ль будет его бутить в будущую весну, или что другое начинать, как то большие дворцы или кухни.

Мост, которой еще весь в прошлом году кончан, на приезде с плотины, а с прешпективой в перпендикуляр, с горы на гору, из которых одна, что от березок, выше, а к церкве ниже; тот возведен мост полом нижней горы выше; чему я посылал и чертежи чрез его сиятельство графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, дабы повелено мне было что при нем зделать лутчее; крыльцо ль или земляную отсыпь? Но второе закроет вид близ построенному крестообразному корпусу, но повеления не получено.

Крестообразной дом, что близ моста, в прошлом лете был зделан по карнис с сводами, а ныне

со всеми украшениями кончен. И с покрышкою желтой черепицы; и вставлены уже оконницы, но полы, печи, штукатура с живописью или с одною подмаскою? оставлен до повеления.

Кровлю делать черепичную, стараяся чтобы черепица выделываема была со всевозможною прочностию, каковой опыты видим мы на разных старинных и в самой Москве зданиях.

Второй от сего корпуса дом к церкве по горе ж, что был в прошлом годе в половине взведен, ныне ж со сводами и со всеми украшениями окончан; а покрышка времянная, до будущего лета, ибо без изъяснения другие покрывать черепицею не отваживался, по причине ее неудобства, так и за поздним временем, намокнувши оная осень, а зимою в мороз глазура ее открашивается и вид делает столь приятному строению, каково становится село Царицыно в натуре, как будто деревом крыто, а более всего время наступило уже сырое, а впредь как соблаговолено будет?

Третей дом, а последней против церкви и на месте том, откуда сматриван был фейерверк в присудствие, в прошлом годе был по карниз со сводами сделан, а ныне весь со всеми украшениями кончен; и оконницы вставлены, а как повелено будет его внутри обмазывать ли с живописью или просто штукатурой?

Итак в два лета построено: в селе Царицыном пять совсем корпусов, кроме в них некоторых мелкостей. Шестое, немалой уже дворец без малого его окончания, как выше объявлено.

Седьмое камер юнгфарский возведен по пол.

Восьмые ворота в половине.

Для такова продолжения и окончания начатых строений назначивается и на будущий год тритцать тысяч рублев, которых отпуску по надобности и имеет архитектор требовать от камер юнкера князя Тюфякина.

Девятое рвы под Кавалерской корпус готовятся, то из всего оного узнато: а имянно естли в предбудущие годы положение суммы тритцать тысяч рублей будет, а начнутся уже довольно большие здания, а сверх того прежние оканчивать или что б повелено ни было производить, кавалерской ли начатой ныне рвами, два ли главные дворца или же кухни; то на оные деньги расположить покупку материалов и за работы не достаточно, а особливо естли встретится таковое же лето, а притом и всякой корпус из больших выходить токмо станет с началом, но без окончания к будущим летам; ныне ж довольно доказано способное лето к каменной работе; два месяца было лишку, а притом и без прогулов; чем только самонужнейшее зделано, отчего однакож учинилась издершка положенным деньгам больше, а в прошлом годе был по мочливому лету и остаток; и для того не повелено ль будет, естли прибавка денег не определится, то начинать работать токмо недокончанной дворец с прочими начатыми корпусы; или второй мост вновь, к поповскому жилью, к будущим конюшням, с горы в гору ж; или ж кои домы вновь же положены за церковь к кухням и за нею.

Старое прежних помещиков строение, равно как и поставленное на случай моего присудствия, дабы оное не мешало новым снять позволяю, а на какое употребление обратить оное предоставляется на изобретение тамошнего управителя, с которым о том согласившися донести ко мне для решения, камень же и бут из них в новые строения употребить архитектору по своему разсмотрению.

Ежели же довольная сумма денег положется и угодно зачать будущее лето два главных дворца, а Кавалерской оставить впред до указа, то старое деревянное строение, что из него вытить может годного, не повелено ль будет со временем построить что либо полезное, как то трактир или казармы солдатам к деревне Хохловке или к большой дороге Каширке, близ деревни Черной Грязи[3], дабы в первом приезжие разного звания люди в присудствие всемилостивейшей государыни из Москвы могли находить потребное к пище; а второе, команды умещоться могли б свободнее; да хотя б дворцов на оных местах еще и не строить в будущем 778 м годе, то оные два главные дома деревянные старых хозяев снять надлежит, ибо оне мешают брать линии по опробованному плану, а камень и бут ис под них в подспорье новым материалам употребится; также и деревянный дворец и кавалерские вновь построены в присудствие всемилостивейшей государыни[4]: куда заблагоразсудится снять и употребить?

Ни до строения заборов, ни отделания берегов, ниже до обрезывания березок отнюдь не касаться, а оставить все так как есть.

Заборы кругом сада весьма уже ветхи, то не соблаговолено ль будет зделать им прожект, со времянем согласной вкуса с производившимся строением каменной по примеру чюжих государств?

Ветхие и ползлые берега на въезд по горе под новый зделанной мост кажится видом нехорошим; не повелено ль будет обделать их со времянем же в виде rocher[5], чтоб казалось въезжая на оную, как обросшая сверху дерном и натуральной каменной профиль; а по пристойным местам всадить кустики и деревцы, как мною уже посажены на построенном мосте по приличности на башенках и парапете на вкус агличан.

Берески молодые, кои по полуциркульной обрезной горе и дороге были подстрижены, а ныне без оного побеги в три лета дали близ оглобли толстотою, а высотою до осми аршин многие, чем строении красоту свою с противного берега много теряют, то не повелено ль будет? их хотя и не стричь, но мелкие в них отроски вырезывать, дабы дать им способ ростить хотя в дикости, но порядочней, а редкость скрось их пестротою кирпича с белым камнем меж зеленью в глазах играли б приятностью больше.

Мастеровых и работников приискивать и договаривать есть дело попечения архитекторского; но обзадачевание большею частию не надежно; и только влечет за собою

Каменщиков лутчих не соблаговолено ль будет повелеть обзадачивать по окончании работы, в осень, к будущему году, как на оное, так и на материалы, не соблаговолено ль же будет определять заранее деньги дабы я мог также иметь свободу заблаговременную обзадачивать и заготовить материалы, как и протчие места, что уже ныне то и дела-

ют, для чего и я осмелился ныне с некоторыми охочими людьми договоры зделать, дабы не опустить материалы получить в свое время за умеренную цену и дешевле протчих; ибо естли б я сего не учиня отъехал в Санкт Петербург, то б цены увеличились по множеству ныне в Москве к будущему году подрядов разных мест казенных и партикулярных строеней; но за неимением денег обзадачить не мог, а впредь естли учинится по строению недостаток, то не повелено ль будет взять откуда заблагоразсудится хотя заимообразно до пяти или более тысяч рублев! в зачет будущих годов.

хлопоты в случае невыполнения обязательств мастерами или иного уходу и неявки работников.

Также не повелено ль будет отдать мне здесь издержанной нынешнего года лишек денег, что в приложенном при сем счете показано[6], которой я отважился занять и не отпустить лутчее время к строению, каково было лето, как я о нем выше изъяснялся; ибо положение мое было только три месяца на извести работать, а сухость лета позволило с мартом шесть[7] месяцов, в коем однакож только происходило заготовление каменной обделки, а излишек издершки учинил в уповании, что естьли такая же сумма или другая положится к будущему году, то хотя уменьшить строение по будущей сумме, а может статься и лето выдет не таковое способное как протекшее.

Употребленные в настоящем году сверх ассигнованной суммы четыре тысячи пятьсот шесть рублев семьдесят три копейки с половиною возвратить из назначиваемой на будущей год, которой конечно довольно будет на окончание начатых строений.

В будущей год, естли довольные определятся деньги, начинать ли внутри штукатурить прежнего года домы? ибо они уже довольно и сухи, или как за благо разсуждено имеет!

Не соблаговолит ли всемилостивейшая государыня повелеть московскому начальнику или коменданту дабы были отпускаемы при унтер афицере потребное число солдат для караула в село Царицыно в присмотре материалов, приеме оных, а особливо в новопостроенных домах под кровлями болтов и других укреплений, для посылок по строению, как на заводы, сыскивать подрятчиков и протчие исправлять надобности, а имеющимися солдатами, дватцатью пятью человеками, едва достает содержать все посты в управительской должности.

Ни малейшей не усматривается надобности в наряде солдат к строению.

Подлинное за подписанием Александра Андреевича[8] октября 17-го 1777 года.

160 БАЖЕНОВ — ЕКАТЕРИНЕ II

Москва, 30 ноября 1777 г.

Всемилостивейшая государыня.

Я никак бы не осмелился дерзнуть прямо в освященнейшие Вашего императорского величества руки донесть что либо о себе; но по строению в селе Царицыном, в разсуждении том, что в прошлом годе мои и рисунки оного не удостоены были, к поднесению их видеть Вашему императорскому величеству что в нем построено было. По возвращении моем из Санктпетербурга в Моск-

ву 28 прошлого октября я вскоре в село Царицыно ездил, осмотрел все там строение, покрышки и временные; и места назначил для поклажи материалов; а потом по всевысочайшему Вашего императорского величества повелению получил от князя Ивана Петровича Тюфякина на будущей 778 год десять тысяч рублев, из коих долг заплатил за прошлое лето, что излишнее в селе Царицыном было взято материалов и за работы, за покрышки в мою небытность и за мелкие поделки; а остальными обзадачиваю необходимое, как то за кирпич, камень мячковской и известь с протчим; что уже потому и по теперишному зимнему путю на свое место к работе ставят немалое уже и количество; а особливо кирпича до трех сот тысяч и протчие приуготовлении не замедляются. Для чего я совсем из Москвы туды до окончания работ на сих днях и переезду; а для отъезда князя Тюфякина ныне в Санктпетербург я потребовал и еще от него пять тысяч рублев, для всякого случая, ибо он может скоро не возвратиться. А у меня в будущем генваре, кроме всего кирпича, другое будет на своем месте, где должно тот час и расплатиться, дабы оное выдачею как было в прежних годех без задершки, да и впредь бы охотнее привозили потребное к строению, подробное ж расположение мое денежной суммы тридцати тысячам, с несколько еще и примерным, и на что имянно употребиться должно, всеподданнейше при сем прилагаю ведомость[1].

Всеподданнейший раб Василий Баженов.

161 БАЖЕНОВ – В ЯМСКУЮ КОНТОРУ

Царицыно, 24 февраля 1778 г.

<...> Для объяснения производившихся в вышеписанном селе Царицыне строениев, к его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину[1], с чертежами в Санктпетербург отправляется от меня ныне команды моей помощник Михаила Комаров и при нем салдат, того ради оная Ямская контора да благоволит для вышеписанного оному помощнику Комарову дать как от Москвы до Санктпетербурга, так и обратно до Москвы з будущим при нем салдатом подорожную, и как под него, так и для поклажи помянутых чертежей две почтовые подводы за указные прогоны.

162 БАЖЕНОВ И В.Я.КАРАЧИНСКИЙ – ЕКАТЕРИНЕ II

Царицыно, 27 февраля 1778 г.

<...> К строению села Царицына на будущее лето все нужные материалы на место выставлены и несколько еще доставаются к маию, а особливо черепица на покрышки, коя от гончара не вышла, однако без всякой остановки придет в свое время на место. Каменьщиков лутчих сто человек уже нанято; а в силу высочайшего Вашего императорского величества повеления разобрать старое строение, а именно зеленый большой корпус деревянный[1], разсудили мы с господином управителем Карачинским употребить из него годное в оранжерею в прибавок к тутошной, пока будет построена каменная вновь, но не на том только месте, где стоит старая, а где были в присудствие Вашего императорского величества конюшни; то не трогав их до повеления, а подле на самом сухом тут мысе поставить ибо размножаются деревья, а ставить их некуды, а на оном месте не закроет вида ни откуда природного, но и сухость того места просит само чтоб на нем что либо зделать. Кавалерские покои разсудили ж дать причету церковному, а у них хижины ветхие и безобразные, а остатки в прибавок солдацким казармам. Что ж касается до дворца в коем пребывать соизволили Ваше императорское величество, то оное мы перенесем к

деревне Хохловке или Черной грязи, впредь для каковой либо надобности, естли то будет угодно. Что ж выдет каменного материала и железа из зеленого дома то употребится в новое строение. Все вышеизъясненное наше всеподданническое мнение состоит от повеления Вашего императорского величества <...>

163 БАЖЕНОВ – ЕКАТЕРИНЕ II

Царицыно, 31 мая 1778 г.

<...> В селе Царицыне сего маия с 6 числа каменная работа на извести продолжается и уже втораго жилья во дворце, что на луговине подле сада[1] все своды оканчиваются и корнис на нем скоро начнется. Камер юнгфарской корпус[2] в пол своды сделаны же, на протчих же отделанных домах начинаются покрышки под черепицу; большей старой деревянной зеленой дом сломан; материал годной из него употребляется в подспорье новому; и еще из него строится на противоположной стороне за плотиной не малая в Готике оранжерея[3] <...>.

164 БАЖЕНОВ – ЕКАТЕРИНЕ II

Царицыно, 12 июля 1778 г.

<...> Имею всеподданейше поздравить Ваше императорское величество; о окончании настоящего месяца другой дворец в черной работе, что подле сада; хотя еще и не из больших, однако и не из малых[1]; а осталось только теперь к осени зделать на нем кровлю; а перапет я оставляю до будущего года; ибо кровля когда начнется, то перапет тасканием наверх материалами обломают нежность фигур; а работные наши люди не весьма осторожны. Камор юнгфарский корпус и вороты, что в рощу на углу сада, в конце березовой проспективой, маовательно кончются оба к будущему месяцу; мост через ров близ поповых жилищев за церковь к будущим конюшням[2]: рвы ныне готовятся, чаятельно забутя възведу сколько бог поможет; по способному времю к каменной работе; также стараюсь и покрыть все остальное и построенные ныне вновь корпусы желтой черепицей к глубокой осени и исправюсь положенными на нынешней год деньгами, и что касаться будет до строениев какие взяты расположении, и что начинать мне прежде в будущей год, дворцы ль большие, или что другое, на то всеподданнейше донесу по окончании всего, или повелено будет приехать мне самому в Санкт Петербург для лутчего объяснения[3] <...>

165 БАЖЕНОВ – ЕКАТЕРИНЕ II

Москва, 8 октября 1778 г.

<...> Сего года протекшего лета я имел щастие Вашему императорскому величеству доносить в июле месяце, что два дворца в селе Царицыне были каменною отстройкою совершенно готовы; но как один из них еще не был покрыт черепицею и не зделан на нем перапет, как и об оном я изъяснял же Вашему величеству, а ныне оной не только что и крышкою покрыт желточерепишною, но время допустило поднять и перапет на оном с лишком в четыре аршина с его украшением, и крыльцы сделаны кроме ступенек.

Камер юнгфарской вновь от цокуля корпус также с крышкою и всеми его фигурами зделан.

Другой дворец, где беседка была деревянная[1], покрыт же и совсем кончан: притом нынешним же летом на нем зделан вновь франтон к саду с особливым украшением, а крыльцы не успел к нему подделать. У моста, которой

сделан был еще в третьем годе, но съезд его не был совершен: ибо я уповал зделать крыльцо, но по повелению Вашего императорского величества в бытность мою в Санкт Петербурге в прошлом годе изустно слышать удостоился от Вашего императорского величества, чтоб зделать проезд по нем по горе к церкви с березовой проспективы, которого я ныне на десять сажен ипотенузу протянул ис камня и кирпича согласной фигуры готик с шестью малыми по сторонам башенками к церкве, а к березовой проспективе двумя башенками его кончил и постараюсь зимою зделав рисунки как оному, и что в нынешнее лето вновь възведено прислать Вашему императорскому величеству или сам привезу, естьли то угодно будет.

У конца угла сада, что по той же березовой проспективе в рощу, вороты[2] прекрасной фигуры по моему мнению и прямо нежной готической архитектуры совсем же отделаны и еще вновь взведена и кончана башня на доме, что последний к церкви[3], на месте откуда сматриван фейрверк; ибо я годил два лета надстраивать против чертежа опробованного, дабы под ней столбы с сводами остоялись, протчее же строение все покрыто черепицею окроме одного, по причине недостатка оной, так же время и денег: однако и то обрешечено и готово и покрыто лубьями; а как асигнуются деньги в будущей год, то и зимою окончить можно, ибо кроется не на извести, а на гвоздях железных.

Что ж касается до второго моста вновь, о котором я доносил в июле же месяце Вашему императорскому величеству, что за церковь через ров[4] близ поповых двориков и к будущим конюшням, дабы его в нынешнее лето, что Бог поможет възвесть, у которого как прежде я рыл пробу, то ключей воды не встречалось, а как я повеление получил через Александр Андреича Безбородко[5], то и начал рыть ров сыром на четырнадцать сажен длиною и шесть поперег меж обеих гор, то и открылось множество ключей, которые принудили меня вынув землю, сколько было сил работных людей, а потом бить сваи, коих уже и набито более двух тысячь: и так я принужденным остался успеть только одни набить сваи, а бутить не зачал, а вместо того вышеобъявленной перапет на дворце и крыльцы произведены в дело, а более уже октябрь месяц не позволяет изъвиоске съхватываться ни с камнем, ни с кирпичом; и потому я всю работу теперь и каменщиков отставил. А только несколько мастеровых держу, дабы по причине снегов и всякой мокроты строения сохранить от сырости и для прочих поделок, и сам переехал в Москву; что же принадлежит до издершки денег, и что в будущем году начинать нужно вновь, то все оное, как повелено мне прислать к Вашему императорскому величеству, при сем же всеподданнейше и прилагаю[6] <...>.

166 «ДЛЯ ПАМЯТИ ЗАПИСКА» БАЖЕНОВА – Я.А.БРЮСУ[1]

27 февраля 1779 г.

В бытность архитектора Баженова у Ее императорского величества в прошлом декабре 1778 года имел щастие слышать изустное повеление Ее императорского величества что делать прожект пласа пред дворцом[2] и обещано взять програм или меру места от архитектора Фелтина[3], но оного Баженовым не получено, а ныне видит в прибавлениях газет[4], что на оное задача требует чтоб московские архитекты требовали планов от господина камер юнкера князя Тюфякина, у коего и Баженов просил, но князь Тюфякин никакова сведения о том не имеет.

Ее императорское величество повелеть соизволила чтоб для строения села Царицына взять на промен у крестьян коломенских[5] землю у оврага, а им по прозьбе их дать луга, как архитектору Баженову и сказано господином брега-

диром Безбородкою, но никакова указа не получено и время к привозу леса для делания сараев упускается, также и денег не назначено откуда получать их.

Архитектор и надворной советник[6]

Василий Баженов.

167 ЭКСПЛИКАЦИЯ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПЛАНУ ЦАРИЦЫНА[1]

[начало 1779 г.].

<table>
<tr><td>A</td><td colspan="2">— Мост на Поповскую гору, где набиты сваи в прошлом 778-м годе, но еще до половины, а нынешнего года продолжать его положенная сумма денег не позволит.</td></tr>
<tr><td>B</td><td colspan="2">— Дом на месте откуда сматриван фейерверк кроме покрышки черепицею готов и естли будет остаток денег, то к осени покроется.</td></tr>
<tr><td>C</td><td colspan="2">— Дом с покрышкою желтой черепицы совсем отделанной кроме нутреннего, то есть подмаски печей и полов.</td></tr>
<tr><td>D</td><td colspan="2">— Дом же конченной.</td></tr>
<tr><td>E</td><td colspan="2">— Мост с Березовой проспективой и под ним въезд на гору с плотины совсем готов, кроме что ипотенуза[2] еще не убита и не насыпана.</td></tr>
<tr><td>F</td><td>— Дом Камер юнфарской отделан и покрыт.</td><td rowspan="4">Как и протчия вчерне</td></tr>
<tr><td>G</td><td>— Малой дворец отделан и покрыт.</td></tr>
<tr><td>H</td><td>— Средней дворец отделан же и покрыт.</td></tr>
<tr><td>I</td><td>— Вороты отделаны же.</td></tr>
<tr><td>K</td><td colspan="2">— Корпус для пребывания Ее императорского величества начнется весною будущею, для коего уже все и материалы готовы, но как местоположением ниже равномерного корпуса, что для их императорских высочеств[3] то успеха по высоте против другаго более не предвидится, как вывесть цокуль и на нем положить до милиона кирпича, врят удастся ль[4].</td></tr>
<tr><td>L</td><td>— Корпус для пребывания их императорских высочеств.</td><td rowspan="8">Что под черною тушью конфирмовано строить но не начето до повеления.</td></tr>
<tr><td>M</td><td>— Оранжерея[5].</td></tr>
<tr><td>N</td><td>— Кавалерской корпус[6].</td></tr>
<tr><td>O</td><td>— Для официантов[7].</td></tr>
<tr><td>P</td><td>— Управителю[8].</td></tr>
<tr><td><Q></td><td>— Кухни[9].</td></tr>
<tr><td>R</td><td>— Вороты[10].</td></tr>
<tr><td>S</td><td>— Дом неизвестной[11].</td></tr>
</table>

168 БАЖЕНОВ — ЕКАТЕРИНЕ II

Москва, 27 января 1780 г.

<...> В селе Царицыном по всевысочайшей воли Вашего императорского величества в прошлом лете имел счастие всеподданнейше строить Вашего императорского величества главной дворец, которой близ половины на цокуль дикого камня взведен белым камнем и кирьпичем чем<у> при сем чрез Александра Андреевича[1] Вашему императорскому величеству чертежи поднесутся, из чего усмотреть соизволите оного в точном его положении, как и на практике, токмо с кратким объяснением и не столь взрачно, при оном же назначено сколько выбучено и другого корпуса для Их императорских высочеств, подробная же записка всех моих мыслей на всевысочайшую резолюцию при сих же чертежах прилагаются, также и щет издержанной прошлогодней суммы [2] <...>.

169 «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРХИТЕКТОРА ВАСИЛЬЯ БАЖЕНОВА»

Москва, 27 января 1780 г.

В селе Царицыне полагает архитектор достроить в нынешнем 1780 году начатой в прошлом лете Ее императорского величества главной и третей дворец, которой близь половины уже и взведен что назначено на посланных при сем чертежах.

А второй дворец для Их императорских высочеств, которой немного не совсем выбучен и несколько не сровнен с землею поднять хотя один цокул, а естьли останется материалу и дозволит сумма денег то не худо бы взвесть и кирпичем несколько. Для перьвого и второго милион пятьсот тысячь подряжено и начали уже возить.

Между оными двумя корпусами назначено по аппробованному плану быть малой оранжереи и остаются еще и промежутки как при сем же на приложенном генеральном чертеже означено под литерою С. А как было прожектировано прежде богом дарованных двух Их императорских высочеств великих князей[1], то не соблаговолено ль будет на место оранжереи каковой либо корпус впредь построить как на чертеже пунктом назначено для прибавления императорской фамилии, а оранжерею можно поместить тут же внизу или вверху галлереею или коридором дабы чрез оное комуникация была в два главные дворца[2].

Мост, которой за церковь к поповским жильям и будущим конюшням в два прошлые годы сваями сплошь набит. А начинать бутом и камнем в будущее лето его производить и думать нельзя по положению денег.

А особливо многие оконченные корпусы вчерне с крышками столь сухи, в коих бы жить уже возможно без малейшего вреда здоровью, должны бы также оканчиваться внутреннею отстройкою как печами, полами, дверьми, окошками, штукатурой ли, живописью ли арабеск а фреско, или чем другим, как о оном уже докладывано в третьем годе, но тогда повелено до время ожидать. А ныне как соблаговолено будет.

Многие уже корпусы покрыты желтою черепицею, но осмеливается строитель по должности своей и еще об оной всеподданнейше донесть, дабы впредь ему за кровли не пострадать. Как бы черепица ни была хорошо выделана, коя однакож без особливого прилежного присмотра не бывает крепка как должно, особливо на таковых отлогих кровлях каковы в селе Царицыне никогда прочною быть не может, а можно таковою крыть одни только шпицы как на старинных строениях, понеже на таковых никакая слякоть не держится а на наших покрышках должно счисчать снег в оттепель, а после как приходит мороз то в швах леденеет; люди же кои счисчают не осторожны ступая по черепице, которую необходимо отрывают хотя б оная была и на сементе, а на извести и на гвоздях еще негоднее, почему раскалывают, бьют скрепком или лопатой отчего делаются скважины в кои льют дожжи, мочут стены, а более вредят своды, что мною примечается не перьвой уже год, а вънутри от сырости и жить будет нездорово. Хотя на построенных уже двух дворцах на некоторых сводах в предосторожность архитектор намазал лехкой семент весьма толсто и как одел шубой, но со временем худая кровля и оное одолеет; итак впредь будет ли повелено крыть черепицею или железом и по нем раскрасить под черепицу, а можно прибавить блестящими дресвяными[3] камешками с стеклом мелким вмешать в краску, то как мозаик будет, и блистать как брилиант при солнце, а на самую верхушку, когда необходимо уже так надобно, положить уже глазурованную черепицу, сколько кровли видно будет, дабы показывало издалека при солнце как позолоту.

Впротчем лучшей бы в строении села Царицына успех был естьли заблаговремянно материалы заготовляться будут, а особливо естьли свой кирпич выдет да сумма прибавится <...>.

170 СООБЩЕНИЕ БАЖЕНОВА В ГАЗЕТУ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

[Царицыно], 10 июня 1780 г.[1]

Осьмого числа его сиятельство[2] с его светлостью князь Григорьем Александровичем Потемкиным и его высокопревосходительством Иваном Ивановичем Шуваловым благоволили смотреть строение села Царицына, коего готическая архитектура весьма для его сиятельства нравилась. При чем заслужили похвалу предложенные на разсмотрение чертежи оного строения, также и вновь зделанной намереваемому университетскому строению проект[3]. В 6 часов по полудни приходил во внутренности строения по размосткам с великою отважностью, особливо с моста, которой с подъездом, где сошел по стремянке весьма крутой и беспокойной, по которой с безопасностию ходить привычку имеют одни только каменщики и строитель. После сего прогуливался в саду и был в оранжереях, где подчиван был его сиятельство снятыми персиками.

171 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Царицыно, 6 августа 1780 г.

<...> Покорнейше прошу вас, милостивый государь, при удобном случае доложить всемилостивейшей государыне о строении села Царицына, что в нем сего лета успело, а именно: главной корпус дворца зачат в маие месяце с 10 числа с половины первого жилья, а в бытность здесь графа Фалькенстейна 8 июня перемкнуты были первого жилья окошки; теперь же все второе жилье подошло под карниз, которой и накладываться будет; оной корпус почесться может трех жилой ибо в нем третьи своды производятся; первые погребные, вторые первого жилья, третьи верхнева жилья. Внизу же быть могут покои для нижних служителей, кои вышли весьма сухие по местоположению хотя и ниже горизонтом, как быть дворцу их императорским высочествам, которой на возвышенном месте уже выбучен в прошлом годе и в коем погребов не выйдет за возвышением своего местоположения, чему же в лутчее доказательство по окончании работы привезу сам чертежи в Санкт Петербург, как зделанному дворцу так и корпус вновь повеленной зделать для фамилии императорской на месте не выступая уничтожить аранжерею конфирмованную, коя конечно тут же уместится. А более мне кажется неминуемо должно самому ехать для лучшего изъяснения о всем и что впредь строить, как мне об оном и предписано самими вами апреля от 11 дня, между прочим писать изволите, чтоб при наступлении зимы несколько получить денег на потребные заготовлении материалов. Со всем тем милостивый государь прошу доложить, будет ли угодно, чтоб я сам приехал или не повелено ль будет одни только чертежи прислать, я полагаюсь во всем в волю вашу <...>.

172 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 1 октября 1780 г.

<...> В селе Царицыном текущего года третей дворец достроен с его карнизом и по углам башенки кончены, токмо остался недоделан перапет и несколько третьих сводов также и крыльцы. Каменная работа продолжалась до

половины сентября, и еще к тому ж времяню окончали четвертого дворца весь фундамент, что для их императорских высочеств будет дворец, а естьли б в июле не напала лихорадка на большую половину каменщиков, кои разъехались по своим домам, а притом и сумма денег и время более зделать не позволила, я же сам страдаю в сей жестокой трехдневной болезни уже восьмая неделя, для которой принужден переехать в Москву с 17 августа для излечения в намерении чтоб в свой день ездить в село Царицыно; но токмо смог быть там два раза. Теперь новопостроенной дворец временною крышкою уже покрыт, а болезнь моя отходить начинает. Что ж касается зделать прожект для фамилии императорской между двух дворцов где назначена на апробованном плане аранжерея, то как скоро совсем освобожусь от болезни зачну его работать, не потеряв аранжереи назначенной, как мне повеление чрез вас прислано от апреля 11 числа сего года. Также что построено зделаю чертежи, и что на будущий год строить зделаю распоряжение. Но как в последнем же повелении вами милостивый государь предписано, что на будущей год будет сумма прибавлена может быть до ста тысячь и чтоб с первого зимнего пути зачать делать заготовлении на что на первой случай выдастся несколько и суммы, то об оном покорнейше прошу доложить Всемилостивейшей государыне, дабы не опустить путь, которой уже начинается и каким образом делать те заготовления дать мне повеление, или не соблаговолено ль будет мне со всеми изъяснениями самому приехать в Санкт-Петербург или по приготовлении всего вышеписанного, также и расход положенных денег на нынешней 780 год тритцати тысяч рублев прислать или привесть в Санктпетербург <...>

P.S. Пакет в собственные руки Ее императорскому величеству токмо писано, что протекшего лета построено, а более ничего не имеется[1], а что к вам милостивый государь писано, о том вторично прошу незамедля исходатайствовать разрешение дабы я мог заблаговремянно изготовиться приступить смелее к договорам о материалах и с работными, кои всего трудняя доставать поздно, а и найдутся но негодные.

173 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 25 января 1781 г.

<...> В селе Царицыне по строению на нынешней 1781 год все материалы по назначенной сумме пятьдесят тысячь рублей мною потребное число подряжено по контрактам, коих уже всех довольное число на место и поставлено, а особливо кирпича около полутора милиона, а как выставится вскоре два милиона по восьми рублей тысяча с поставкою то учинит токмо заплатить за кирпич шестнадцать тысячь рублей, следовательно я располагался по положенной сумме, как предписано всевысочайшим указом в Кабинет, чтоб принять в конце 780 года дватцать тысячь рублей, а тритцать тысячь рублей принять в будущем марте или апреле месяцах. Но я на сих днях уведомился что в Соляной конторе ассигновано выдать токмо дватцать тысячь за прошлой год, а о тритцати тысячах еще не прислано повеления. Но вместо дватцати тысячь рублей ныне принято десять тысячь и употреблены на уплату привозимых материалов, а другие десять тысячь кантора не дает и по сю пору, отчего по прозьбам за привоз материалов подрядчикам платить нечем и дабы чрез оное не вышло какового либо неустройства, а особливо по вывозу всех потребных материалов по последнему путю и не зделать остановки в строении и порядка, а особливо убытков чрез потерю кредита у работных людей, того ради прошу вашего превосходительства исходатайствовать мне полную резолюцию и прислать ко мне дабы я мог без сумнения и безпокойства от прозьбы подрятчиков остать-

ся несколько спокойней и приготовиться к маию начать строить повеленное. При сем же прилагаю расположение о всем, что подряжено и что должно употребиться в текущем годе[1] <...>.

174 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 15 февраля 1781 г.

<...> Время не терпит чтоб не утруждать вас милостивой государь по строению села Царицына, к чему мною зделаны подряды и контракты для будущего лета и выставлено материалов по сей отпуск письма моего; при чем прилагаю и реестр[1] по примеру сколько требует надобность, и сколько уже выставлено, из чего ясно разсмотреть изволите что за двадцать тысячь рублей полученных уже перешло пятьсот тритцать рублей, а по крайней мере материалов надобно иметь с лишком на тритцать тысяч рублев. Путь становится последней, а по всевысочайшему имянному Ее императорского величества указу данному в Кабинет, чтоб взять денег дватцать тысячь рублев к началу нынешнего года, кои взяты и все расплочены, по присланной ассигнации в Соляную кантору на реченную сумму, а что предписано в высочайшем указе, дабы выдать тритцать тысячь рублей в марте и апреле месяцах, таковой ассигнации от Кабинета не прислано в Соляную кантору чего ради я имею чрезвычайную опасность, естьли материалу завезется еще на десять тысячь тогда где я деньги возьму для расплаты, да и работные своими приступами замучут. Того ради прошу вашего превосходительства исходатайствовать мне присылку ассигнации в Соляную кантору о выдаче в марте и апреле, дабы я не зделал поневоле каковой либо остановки в работе и подвозе материалов, а притом прислать мне поданную мною записку в мою бытность у вас милостивой государь, что делать и что не делать, кою вы и обещать изволили прислать за мною вскоре[2]; коя также мне разверзать может мое смущение <...>.

175 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 4 марта 1781 г.

<...> Я уже доносил вам милостивой государь! по строению села Царицына что материалы все почти на место туда перевезены и что быть непременно должны заплочены деньгами подрядчикам за все вывезенное, которой суммы потребно более тритцати тысячь рублев, а только получено дватцать тысячь в конце генваря, коих недостает на уплату слишком десять тысяч рублев; а по всевысочайшему Ее императорского величества именному повелению по дватцатитысячной суммы тритцать тысяч рублев в марте или апреле получить, почему мною так поряжено и расположено, чтоб в марте со всеми расплатиться; но март уже начался, а ассигнации в Соляную кантору еще по сию пору не прислано; — того ради покорнейше прошу вас милостивого государя моего прислать не помешкав ассигнацию в реченную кантору чем избавите меня от лишнего безпокойства и приступов от подрядчиков.

176 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 29 марта 1781 г.

<...> По строению в селе Царицыне на нынешней 781 год вашему превосходительству три раза доносить честь имел, что всех материалов зимним путем по отпуск сего моего четвертого письма выставлено с лишком на тридцать

тысяч рублей, а по всевысочайшему Ее императорского величества указу данному в Кабинет прошлого 780 года ноября 9 дня велено на производство в селе Царицыне строений отпустить к новому и текущему году дватцать тысяч, а тридцать тысяч рублей принять в марте или апреле сего года, почему я при заключении с подрядчиками контрактов и договоров располагался так чтоб материалы вывезены были на место в начале сего месяца; а по вывозе оных за выставленное с подрядчиками и расплотиться. Следовательно теперь недостает на уплату подрядчикам около пятнадцати тысячь рублей, кои своими приступами мне нимало не дают покою; и я за неполучением на уплату денег у всех работных людей теряю кредит; а ассигнации об отпуске тридцати тысяч рублей как я справлялся еще и по сю пору никуды не прислано; каменщиков же двести человек уже нанел кроме чернорработцев кои вступают и в работу тески камня после пасхи вскоре, кои как начнут, то тоже денги иметь должно, того ради всепокорнейше прошу вас милостивого государя исходатайствовать от Кабинета повеление и куда надлежит о выдаче в марте и апреле тридцати тысяч рублей чем избавите меня от беспокойства и приступов всегдашних от работных людей <...>

177 БАЖЕНОВ – А.А.БЕЗБОРОДКО

Царицыно, 24 мая 1781 г.

<...> Строение в селе Царицыне производится с первых чисел настоящего маия; дворец Ее императорского величества, что построен в прошлом лете теперь производится на нем только перапет и несколько сводов оканчиваются. Дворец Их императорских высочеств на зделанном фундаменте в прошлом годе ныне возводится цокуль и зделано уже кругом и с простенками его аршин от горизонта земленого ис белого камня, дворец для великих князей, Александра Павловича и Константина Павловича, ныне рвами начатой, и заложен мною первым камнем в самое тезоименитство Константина и уповаю вскоре сровнять его и весь горизонтально со вторым строением. О чем всем прошу ваше превосходительство доложить Ее императорскому величеству или вручить мое всеподданническое донесение о сведении села ее, в коем точное изображение как и оном к вам писанном[1] <...>.

178 БАЖЕНОВ – ЕКАТЕРИНЕ II

Царицыно, 16 августа 1781 г.[1]

<...> В селе Царицыном сего лета по отправлении сего всеподданнейшего моего донесения построено,

1. Дворец Вашего императорского величества уже третей корпус, на коем в прошлом годе несколько его сводов и перапета не было, окончан ныне еще в начале июня и совершен и весьма выветрел и сух, окроме кровли и только малой части перапета от садовой стороны еще не зделано а оставлено дабы удобнее было втаскивать наверх материалы для настоящей впредь кровли, а теперь временною покрывается, и крыльцы приделываются.

2. Дворец Их императорским высочествам, что в прошлом годе выведен был фундамент, теперь взведен по свет второго жилья.

3. Дворец в средине между вышеписанных двух для императорской фамилии, который начат с подошвы земли фундаментом в мае нынешнего года, теперь и оной возведен равно со вторым. Все оные три корпуса по фасаду своему к московской стороне пространились на пятидесяти девяти саженях и на один аршин; высота первому строению с перапетом и с куронеманом двенат-

цать сажень и два аршина. Сии последние оба дворцы нынешнего годауповательно еще возведутся до пятого надесять сентября в половину, а может быть и по перемычку вторых окошек вокруг всего, а на будущей год должен сравняться с первыми же <...>

179 ЗАПИСКА БАЖЕНОВА К ДОКЛАДУ ЕКАТЕРИНЕ II

Царицыно, 16 августа 1781 г.

На полы плитки кирпичные, а на кровли черепицы с обливкою желтою, по первым моим запискам должно было на своем заводе делать и чтоб завесть его близь села Коломенского, но повеления не воспоследовало, а черепица на заводах партикулярных около Москвы не делается таковая, какую употреблять должно на строение села Царицына; и хотя и делана в начальных годах, но двадцать рублей тысяча, что весьма дорого, а гжельская хотя и дешевле двумя рублями, но не годна.

Окошки, двери, альковы, лестницы в построенных дворцах во вторые жильи повелено ль будет делать каменные, а другие и деревянные, в будущем годе.

О печах хотя и есть повеление чтоб быть изращатым, но предписано оставить до повеления; а теперь кажется время и оное делать; ибо что построено в первых годех и в прошлом, то все строение весьма уже сухо.

Не время ли штукатурить внутри и в будущем годе, и по штукатурке изъсера не повелено ль будет расписывать во вкусе арабеск или убирать в древнем Египетском, Греческом, Геркуланском вкусе.

В будущем годе не повелено ль будет начинать строить последние два большие корпусы, кавалерской, а особливо кухни с погребами на апробованных местах, а недоконченное нынешнего года достроить. Но о крышках и черепице пуще всего требуется повеления. И не покрыть ли те кровли железом, кои за перапетом ни откуда не видны быть имеют.

Каменщиков приговорить с начала зимы и обзадачить с верными поручителями заранее на их домах, как уже заведено изстари, и на роздачу промышленникам за выставляемые ими по первому зимнему пути на строение материалы, не повелено ль будет отпустить заранее несколько тысяч рублей из предпологаемой суммы.

Снаружи стены, коим уже пять лет минуло, не повелено ль будет вымазать горячим воском с скипидаром. От чего кирпичь не теряет своего цвета, а только беловатой сравнивается с другими и суровости воздуха все сносит крепко[1].

Повелит ли всемилостивейшая государыня! его высокопревосходительству Михаилу Михайловичу Измайлову отдать мне в помощь из моих многих учеников хотя одного, а именно Матвеева[2], которой у архитектора Бланка, и у которого оных весьма довольно; а которые уже архитекторами сами и у тех также моих довольно. Я бы не осмелился испрашивать помощников и учеников, есть ли б не дряхлость моя в болезнях разных, продолжавшихся с прошлого года десять месяцов, почему никак мелкого черчения не могу делать, окроме крупного и производить в практику.

Быть ли архитектору по первому путю для лучшего объяснения по строению или прислать чертежи с записками <...>.

180 БАЖЕНОВ — ЕКАТЕРИНЕ II

30 сентября 1781 г.

<...> Текущего года в селе Царицыном работа строению дворцов продолжалась сентября по пятое надесять число. Зделано на дворце Вашего импера-

торского величества все своды и перапет окончен кроме кровли, как я имел щастие всеподданнейше доносить минувшаго августа месяца от шестогонадесять дня и о прочем, а ныне сверх того на двух дворцах Их императорских высочеств и императорской фамилии, в нижних жильях почти все своды сведены, второго жилья окошки под перекрышку построены и простенки сровнены, и уже времянно покрыты; крыльцы каменные почти все зделаны. Планы и фасад всем трем корпусам теперь заготавливаю; но как повелите Всемилостивейшая государыня! Самому ль мне привесть чертежи, очистку расходов и объяснения для будущего года или прислать?[1] <...>.

181 БАЖЕНОВ – А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 8 ноября 1781 г.

<...> По строению села Царицына нынешнего года книгу приходную и расходную в Кабинет Ее императорского величества на сей почте отправил; чем и окончена сумма положенная, и есть ли за благо разсудится прислать другую при повелении заранее наступающего года, тем бы успели по самому первому пути привесть на место все материалы к будущей весне; а естьли б теперь были деньги, то б по глухому временю купить было можно дешевле третью. При сем посылаю план и фасад одного конченного дворца Ее императорскому величеству, а два к нему присовокуплены Их императорским высочествам с императорскою фамилиею и сколько двух последних взведено означено на фасаде краснобледною тушью; кои чертежи всепокорнейше прошу вас милостивого государя, поднесть Ее императорскому величеству и какая выйдет конфирмация, достраивать ли два корпуса и с покрышкою черепицы неоконченные будущее лето, и что вновь, кухни ль с погребами, или кавалерской дом против средины посланного рисунка начинать, или остальные еще малые три домика с мостом? Также не угодно ли будет внутри построенных подштукатуривать, делать печи, полы, двери и окошки; а многие давно построены и весьма уже сухи <...>.

P.S. О кирпичном заводе напомнить. На полы плитки, и на кровлю черепицу лутчую делать инде негде.

182 БАЖЕНОВ – А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 15 декабря 1781 г.

Путь лучшей здесь установился и время заготовлять материалы теперь самое выгодное; но я отчет в Кабинет, а чертежи по селу Царицыну все послал к вам милостивый государь чрез господина коллежского советника Василья Александровича Шарапова, но уже более месяца никакова ответу не имею и не знаю, получены ль оные или нет: однако я, боясь замедления и чтобы исправиться до марта месяца будущего года, осмелился взять кирпичю два миллиона с договором, есть ли отменится строение, то взять кирпичь обратно хозяевам без всякой платы за привоз, которой теперь на место уже и возют; и всепокорнейше прошу ваше превосходительство зделать мне милость приказать меня уведомить заготовлять ли и прочие материалы также и о повелении что в будущей год достраивать ли дворцы или что вновь и в какую сумму денег зачинать. Ибо торопость моя происходит единственно от усердия. А при том слаб здоровьем и один при всем деле, а исподволь не надорвавшись можно мне лучше изготовиться к настоящему времени, нежели как в скорости <...>.

183 ЗАПИСКА БАЖЕНОВА

15 декабря 1781 — 3 января 1782 г.

Записка, посланная двора Ее императорского величества с господином камер-юнкером князем Иваном Петровичем Тюфякиным 15 декабря 1781 года.

Ее императорское величество будучи в селе Царицыне в 1775 годе благоволила повелеть делать прожект по своеручным задачам[1] Архитектору Баженову. По зделании оного и по конфирмации на вопрос Ее величеством у Архитектора, во сколько по оному станет строение? На что был и ответ: естьли своим заводом кирпича строиться будет, то станет вчерне в триста тысяч рублей; но своих кирпишных заводов делать повеления не воспоследовало; а кирпич бы свой стоил в половину и с заведением всего завода по четыре рубли тысяча на место; а в шесть лет на место ставилось с партикулярных заводов восемь рублей; чем бы можно кухни и кавалерский корпус отстроить; а теперь кухни кавалерской с тремя домиками, башнею для часов и мостом с конюшней вряд можно ль построить еще двумя стами тысячами рублями, кроме отделки, о коей еще неизвестно чем внутри отделывать, а естьли повелено будет верную всему смету зделать, по своему ль заводу или по партикулярному как о черном, так и о внутреннем украшении и о всей отделке к 1783 году, то оное по ответе на сию записку зделано вскорости будет. И естьли хотя выдет повеление отпускать также по пятидесят тысяч рублей в год как и сей 1781: то село Царицыно не ближе придет в отделку совсем, как в пять лет.

3 дома построено считая от церковного рва ко взъезду.
1 над чем арка и мост по березовой дороге.
2 дворца, один на терасе, а другой к роще против боковой стороны сада.
7 ворота против угла сада.
8. дворец Ее величества.
9. императорской фамилии } Не достроены
10. Их высочествам } сего 1781 года
11. Камер-юнгфарской корпус

---

1. Не построены кухни на 25 саженях в квадрате.
1. Кавалерской корпус.
3 домика по церковному рву за оную к третьему саду.
1 башня для часов с курантами.
1 мост на Попову гору, у коего под фундамент сваи уже набиты.
1 конюшенный двор за рвом церкви <...>

184 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

[Москва], 3 января 1782 г.

<...> Всевысочайшее Ее императорского величества повеление об отпуске из Кабинета пятидесять тысяч рублев на строение села Царицына в 1782 году, в письме вашего превосходительства изображенное от 12 декабря, мною оного ж 19 числа получено; на которое вам милостивой государь имею честь чрез сие донести: планы кухням, кавалерской и при генеральном расположении всего села Царицына ситуация к вашему превосходительству для разсмотрения Ее императорскому величеству при сем посылаю и для конфирмации, которое мне прежде зачинать летом будущим, реченные ль кухни или корпус кавалерской? Но я осмелюсь по моей должности донесть вашему превосходительству и мое мнение, что кухни на будущее лето кажется непременно по крайней мере их

погреба вывесть должно естьли сумма положенная позволит. Ибо на неоконченные два дворца еще потребно много материалов, окроме камня и железа одного только кирпича выдет до полутора миллиона, следовательно на все материалы более тритцати тысяч рублей по крайней мере истратиться должно, а особливо естли и кровли настоящие черепицею поливною крыть повелено будет. Кухни же корпус дватцать пять сажен в квадрате что кругом учинится сто сажен в два жила на погребах, такового более корпуса во всем строении царицынском нет кроме только дворцов, оному же строению мешкотней и работа последует, ибо погреба некоторые для льду производиться станут из хорошевского камня, которой не боится сырости всегдашней; впрочем воля всемилостивейшей государыни что повелит то или другое, но кавалерской корпус можно легче по нашему положению денег зачать однако же по окончании двух прошлолетних строений.

Что же касается до бронзовых штук к украшению внутренних покоев, рисунки должны быть в большем виде[1], на что и время требует продолжительней, а как готовы будут; то оные вскоре и пришлю к вам милостивой государь, дабы по них и по конфирмации были деланы на бронзовых заводах под дирекциею его превосходительства Петра Васильевича Завадовского.

При сем прилагаю примерное расположение назначенным пятидесяти тысячам рублям на 1782 год, и что потому будет возможно строить, ваше превосходительство усмотреть соизволите. Материал, а особливо кирпич два миллиона уже в село Царицыно возют; также и другой скоро ставить будут. Но прошу чтоб не замедлить присылкою указа о деньгах; ибо скоро потребуют поставщики у меня за свои материалы <...>.

185 БАЖЕНОВ — И.П.ТЮФЯКИНУ

Москва, 31 января 1782 г.

<...> По отъезде вашем из Москвы получил я всемилостивейшее повеление, чрез его превосходительство Александр Андреевича[1], о положении пятидесят тысячь рублей на сей 1782 год для строения села Царицына — по чему расположа оную сумму как на материалы, так и на все принадлежащее к лету. Материалов же изготовлено уже множество, а особливо кирпича завезено на место весьма довольное число, но ассигнации в казначейство о деньгах по сю пору не прислано, также от кабинета нету и книги расходной, для того всепокорнейше прошу вас, милостивого государя моего, естьли вы там не получили как ассигнации, так и книги, исходатайствовать оное и разрешить мое безпокойство присылкою ассигнации дабы я не терпел от просящих у меня денег за свои материалы, труды и за перевоз оных. Также и каменщики ко уговору уже приходили, но я без денег не мог и уговориться с ними, принуждены они возвратиться в домы свои. Вашему сиятельству небезизвестно, что адна только артель у меня приучена к моей необыкновенной работе, и боюсь естли я ее утрачу; ибо могут ее обзадачить и к другим работам, а мне замучиться можно с другими. Я знаю что вашему сиятельству не без хлопот тамо, и писать я чаю некогда, то прошу покорнейше приказать, что вы отобрать изволите, отписать ко мне архитекторскому помощнику господину Казакову[2] <...>.

186 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 21 февраля 1782 г.

<...> По получении через вас всевысочайшего Ее императорского величества повеления об отпуске из Кабинета пятидесят тысячь рублей на строе-

ние в 1782 году села Царицына, в письме вашего превосходительства от 12 декабря прошлого 781 года изображенного, я заключил с подрядчиками контракты к поставке в оное село Царицыно разных материалов, почему в надежде что ассигнация об отпуске денег присылкою в здешнее казначейство не замедлится, приказал подрядчикам по зимнему пути возить материалы, из коих многие уже и выставлены на место, а особливо кирпич, коего по отпуске сего моего письма вывезено около двух милионов. Но как ассигнации о приеме означенных пятидесяти тысяч рублей в казначейство, так и книг приходной и расходной из Кабинета и по сю пору еще не прислано, а поставщики уже неотступно требуют у меня за свои выставленные материалы денег; почему я теперь от их приступов претерпеваю немалое безпокойство. А притом время уже давно наступило рядить каменщиков и вступать в работу иски камня. Ибо ежели еще несколько времени пропустится то уже с ними договариваться будет с передачею цены против раннего договора, а притом лучших каменщиков упустим, потому что они все разойдутся на другие казенные и партикулярные работы. А я неизвестен будучи как скоро отпустются деньги, с ними никакого обязательства теперь делать не смею; а особливо опасаюсь чтоб строению не зделалось какой нибудь отмены. Того ради всепокорнейше прошу вас милостивого государя исходатайствовать от Кабинета повеление в здешнее Казначейство об отпуске на сей 1782 год пятидесят тысячь рублей и прислать с его сиятельством князь Иваном Петровичем Тюфякиным. Чем избавите меня от безпокойства и всегдашних от подрядчиков и работных людей приступов <...>.

187 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Царицыно, 23 мая 1782 г.

<...> Строение села Царицына начато производиться текущего мая 10 числа и уповательно окончится в июле нынешнего лета те последние два дворца прошлогодние что для императорской фамилии естли только не попрепятствует каковая либо ненастная погода. По окончании же оных строений осмелюсь я начать по опробованному плану и корпус кавалерской, которой будет с отступом против средины главных трех дворцов. И где в присудствие Ее императорского величества было строение каменное старое, и в коем жил господин гоф маршал.

Или не соблаговолит ли всемилостивейшая государыня начать прежде кухни, но естли оные начинать прежде кавалерских, то не заготовлено у меня крепких камней для погребов под оными; по причине позного отпуска денег и последнего зимнего пути. А протчего материала завезено на место с лишком на 30 тысяч. Но и по сию пору о другой половине 25 тысячах рублей ис положенных 50 не прислано асигнации, чрез что за оставшие материалы и за недоплату за них денег промышленники терпют с прискорбием, также каменьщики с другими мастеровыми, о чем уже писал и его сиятельство князь Иван Петрович Тюфякин куда надлежит.

При удобном же случае всепокорнейше прошу вас, милостивого государя доложить Ее императорскому величеству об начатии строения и об успехе его, и не будет ли противно что начну кавалерской корпус строить, я же как о кухнях, так и о намереваемом строении писал, но приказания не имею. Что же касается до повеленных рисунках украшению внутреннему бронзою, паникадил, бра и таганов, я в достальное время от строения наготовил уже несколько, но оных надобно весьма много, а как успею зделать все то и пришлю к вашему превосходительству <...>.

188 БАЖЕНОВ – А.А.БЕЗБОРОДКО

Царицыно, 11 июля 1782 г.

<...> Всепокорнейше прошу вас милостивой государь при удобном случае доложить всемилостивейшей государыне о строении села Царицына нынешнего лета что успело, а имянно: Последние два дворца Их императорских высочеств с их фамилиею, вторые жилья со всеми сводами, карнизами окончаны и уже большая половина перапету взведено в настоящей готике; и уповательно что в конце сего июля месяца совсем вчерне совершится, а в августе покрою времянною крышкою, а между реченной работы начато мною в начале прошедшего июня по апробованному ж плану против середины трех главных упомянутых дворцов корпус кавалерской на двадцати одной сажени, которой вырыт рвами, набучен и взведен цоколь белым камнем в нижней ипотенузе на три аршина высотою, на чем уже возвышается корпус из кирпича, а украшении из камня. При том же начал и домик управительской на назначенном месте близ второго сада на восми саженях в квадрате. В разсуждении что на будущее лето конечно повелено будет строить и конфирмованные кухни на месте где ныне деревянное управительское строение, следовательно управителю до сломки кажется неминуемо надо, чтоб домик был уже готов, а притом из оставшего бута заготовить уповаю к будущему лету тут же вороты и ограду между кухни и крайнего дворца великого князя, и что между двух садов лежит дорога проспективная к третьему саду и далее, которая в рощах задних. Итак теперь с последними начатыми строениями выйдет вся фасада к церкве; а останутся только по церковному берегу, что у оврага башня для часов, три домика и мост к поповским жильям и к намереваемым конюшням, которому уже три лета под фундамент сваи набиты. А от пруда все фасады уже давно окончаны и весьма в строении сухо. Как для окончания всего последнего строения так о кровлях черепишных и о печах, о внутренней отделке и о всех подробностях, также между нужных наблюдений моих над строением наделаны мною и рисунки для бронзовых штук, кажется мне неминуемо для лучшего объяснения ехать к вам милостивой государь по окончании работы, а особливо изъясниться персонально нужно о временах посылки денег и естьли оное последнее мое донесение благоугодно будет всемилостивейшей государыне то прошу вашего превосходительства приказать меня уведомить дабы я мог заблаговремянно к тому отъезду по окончании работной поры изготовиться <...>.

189 БАЖЕНОВ – А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 22 сентября 1782 г.

<...> В селе Царицыне протекшего уже лета окончаны работы в строении сего сентября 18 дня. В течение оного лета окончаны совсем два дворца императорской фамилии со сводами и их перапетами и покрыты времянною крышкою. А кавалерской корпус на дватцати одной сажени по апробованному плану взведен с его подошвы под перемычку окошек снаружи; и внутри перемкнуты двери и несколько сведено сводов в первом жилье: совсем же окончан и дом Управительской на восьми саженях и покрыт времянно ж. А сверх оного еще из оставшего бута и другова материала выбучены вороты с оградою, кои конфирмованы быть от трех дворцов и между угла кухней против взъезда на гору с плотины, что в самой угол третьего сада к оврагу, которой идет и за церковью. Теперь осталось только достроить по апробованному плану нужное и важное Кавалерской корпус и кухни с погребами; а прочее весьма уже малое остается. Всему ж нынешнему строению готовлю фасад в проспекте для поднесения Ее

императорскому величеству[1] и как окончю его в уповании для лучшего объяснения как о кровлях, так и о всем что необходимо потребно по строению, ехать к вам милостивой государь; но как пред сим имел щастие писать, ехать ли мне самому или нет, не имею на оное разрешения. И для того еще сумневаюсь не буду ль за излишной. Как о вышеписанном так и о езде моей всепокорнейше прошу ваше превосходительство при удобном случае доложить всемилостивейшей Государыне и приказать меня уведомить естьли то благоугодно будет <...>.

190 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Царицыно, 10 сентября 1783 г.

<...> Всепокорнейше прошу вас милостивого государя при удобном случае доложить всемилостивейшей Государыне о строении села Царицына, что от первых чисел маия по 10 число сентября протекшаго лета произведено в оном текущего еще года. А имянно Кавалерской корпус, и дамам тут же, в длину оной 21 сажень 1 аршин, а в ширину 18 сажень 1 аршин с 1/2 в цокуле, которой прошлого года начат, а ныне уже и с вторым жильем възведен с карнизами и со обоими его сводами, а только отъставлен над средней залой свод и перапет в диаметре слишком 6 сажень в кои сверху свет быть должен, до будущего года, потому что оные вещи весьма нежны, а время осеннее не позволяет извести с кирпичем съкипаться как в вешнее время. А притом материал и деньги почти все истощились, теперь каменьщики только доделывают некоторые крыльцы и над домом управителя оканчивают перапет и куронеман его; после ж 15 дня сего ж сентября уповательно что и мастеровые люди уже пойдут по домам своим. Кровлю же времянную над новопостроенном корпусе начали уже делать, а как о настоящих черепичных крышках на трех дворцах и на нынешнем четвертом корпусе стоить будет весьма знатной суммы; а имянно около 20 тысяч рублев, то по наступлении мне свободного времени зделаю смету настоящую, но не знаю повелено ль мне будет прислать записку, как о оном, что в предбудущей год начинать, так и о всех подробностях по строению. Или ж по первому зимнему путю приехать мне самому для лутчего изъяснения. А особливо как теперь большой корпус кухней со всеми принадлежностями остается к постройке, которой я нахожу за нужнейшей начинать на будущее лето, а понеже только останутся же два малых домика, мост и вороты с забором от кухни к дворцам. Да естли повелятся каменные конюшни, но на сие конфирмации настоящей не воспоследовало по плану. И о сем вышеписанном всепокорнейше прошу вашего превосходительства доложить Ее императорскому величеству, а потом приказать отписать ко мне дабы я мог к тому ли, другому ли заблаговремянно расположиться <...>.

191 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 1 января 1784 г.

<...> Имел я честь доносить вашему превосходительству по окончании строительства прошлого лета; а притом просил доложить всемилостивейшей Государыне о оном успехе и что мне в предбудущее лето вновь начинать, но и теперь осмеливаюсь еще донесть, что все дворцы, кавалерской корпус и протчих домиков настроено в селе Царицыне по апробованному плану весьма уже довольно; кои весьма и сухи, но остаются вновь кухни, которые имеют в квадрате 25 сажен, в два жилья и внизу третьи ледники и погреба; то и оное здание я почитаю большим и нужнейшим но его кажется должно начать прежде нежели те кои еще остаются два домика и мост к конюшням, а кухням прежде надо

время высушиться, а притом в одно лето и полагаемая 30 тысяч рублей оного окончить никак не можно, и в них же положено жить и служителям, но более еще кухней заботит меня крышки, что непременно нужно, а особливо над дворцами; хотя оные и не страдают от сырости по подъкрытыми времянно лубьями, однако ж то не прочно, а как повелено черепицею крыть, то строить протчее в будущее лето почти нечем, ибо станет оная около 17 или 18 тысяч рублев. Впротчем из сих двух надобностей что повелено будет зачать кухни ли, крышки ли или последние два домика и мостик с конюшнями, но время в средине зимы и чтоб не опустить оного пути к доставлению материалов. И для того всепокорнейше прошу ваше превосходительство доложить Ее величеству и приказать меня уведомить, дабы я не остался несчастнейшим, избавить меня резолюциею. Естли примете милостивой государь оной труд дабы доложить всемилостивейшей государыне и естли воспоследует ее повеление начинать кухни, то имею смелость донесть и еще следующее: когда были приготовляемы материалы к намереваемому Кремлевскому дворцу, в то еще время, положен жерновой камень крепкой на месте Царицына луга против Кремля; которой и теперь тут вростает в грясь и без всякого употребления, а состоит в ведомстве Экспедиции кремлевского строения. Не повелит ли всемилостивейшая государыня оной Экспедиции оной камень весь отдать мне и перевесть его в село Царицыно; которой бы употребить в ледники и погреба, а оной камень лутчей всех здешних, пехорского и мячковского и особливо в терпении мороза и сырости, а притом весьма б знатно подспорило положенную сумму. Я сам бы охотно поехал к вашему превосходительству еще для лутчего изъяснения о всех подробностях по строению села Царицына, но во первых, что не имею повеления на пред писанное мною, а более что я будучи в жестокой горячке уже два месяца за слабостию из дома не выезжаю и не выхожу еще на воздух и для сего замедлил писать к вам милостивому государю, также не мог отделать и чертежи к расмотрению. Однакож уповаю засим вскоре окончать оные и пришлю как возможно скорея, также приходную и расходную книгу в Кабинет[1] <...>.

192 БАЖЕНОВ – А.А.БЕЗБОРОДКО

Царицыно, 27 мая 1784 г.

<...> По строению сел Царицына и Булатникова[1] имею честь донесть следующее: по получении чрез вас, милостивого государя первого всевысочайшего повеления, чтоб кончить в текущем годе все строение в селе Царицыне на случай присудствия Ее императорского величества, на что было и положено сто тысячь рублей, но я ответствовал, что теми деньгами кончить не можно; и чем мне внутри убирать неизвестно; и для того не повелит ли всемилостивейшая Государыня быть мне самому для лутчаго изъяснения; а между тем окантрактую материалы, что исполня вскоре, и потому получил я второе повеление, чтоб ехать мне к Ее императорскому величеству, по чему и имел я щастие изъясниться; и притом повелеть мне соизволила всемилостивейшая Государыня, чтоб зделать проект дворцу в селе Булатникове, которой мною зделан и опробован; и к тому еще повелено отпустить на нынешней год сто же тысяч рублей; в сей надежде я поредил по расчислению двух сот тысяч рублей и столько материалов; и по тому же числу в оба места и людей набрал, обработать повеленное; но теперь с тысячю человек каменщиков и штукатуров с принадлежащими еще работными начали в Булатникове дворец 10-го мая рыть рвы на тритцати двух саженях фас, а кругом сто сорок четыре сажени. И теперь бутят фундамент под первое каменное жилье. В селе ж Царицыне начаты кухни со всеми потребностями и службами в квадрате двадцать пять сажен следовательно кругом сто са-

жен; еще мост близ церкви, которой также бутится, а погреба и ледники делаются ис хорошевского камня; но как куплено мною четыре миллиона пятьсот тысяч кирпича по осми рублей тысяча с поставкою, которой и весь перевезен на место; итак один оной кирпич стоит сорок четыре тысячи рублей, но к тому камень, бут, известь, железо, леса, столярная работа, штукатурная; и все теперь по строению мастерствы производются с успехом на один только кредит. Но в деньгах от задержки все поставщики и работные люди весьма терпют убыток и ропщут. По прозьбам же их я не нахожу от докук себе места и трепещу, чтоб не остановилась совсем и работа. А прежде полученные мною пять тысяч[2] рублей все еще до праздника пасхи расплочены по нескольку, как я имел честь вашему превосходительству доносить о сем[3]. И для того всепокорнейше прошу вас милостивого государя понудить в Кабинете, чтоб не замедлили теперь же присылкою непременно вскоре еще сто тысяч рублев; а в сентябре пусть и последние пять тысяч пришлют, чтоб были не задержаны к тому времю, на последние все расплаты. Об начале же и успехах по строению сел Царицына и Булатникова выше изъясненное при удобном случае прошу покорнейше доложить Ее императорскому величеству <...>.

193 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Царицыно, 11 июня 1784 г.

<...> Об успехах по строению сел Царицына и Булатникова имею честь донести вам, милостивой государь, что произошло от маия первых чисел, во первых в селе Царицыне в квадрате на двадцати пять саженях кухни с погребами, ледниками и другими всеми принадлежностями; из земли уже вышли и начали всему оному зданию в округе стосаженному по выбучении накладывают на нем цокуль. Близ же тут старой церкви каменной мост новой более сорока сажен длиною выбучен, на прежних тут сваях, мною набитых, и выведен ныне на нем цокуль из хорошевского крепкого камня, также и погреба и ледники в вышереченных кухнях близ пят сводов подняты из такового ж камня горизонта от своего и уже в высоту более пяти аршин. На Кавалерском корпусе, что неоконченной был в прошлом годе куполом и перапетом, ныне к концу приходит. Главной корпус дворца Ее императорского величества и все<й> императорской фамилии штуком верхнее жилье почти совсем отделано; да и нижние жилья немного менее трети подштукатурен же, также дворец Ее императорского величества что близ сада и угла рощи более половины выштукатурен и несколько при том домиков обштукатурено ж; и во всех давно построенных зданиях делаются печи, переплеты окон, двери и в дворцах главных под плиту полы изготовлены более половины; и все нужнейшее течет порядочно и успешно. Так же второе в селе Булатникове дворец начат с царицынским строением ныне в одно время рытьем рвов под фундамент; а теперь возводится весь уже цокулем из пахорского камня и еще бы было успешнее и мне бы покойнее естли б не задершка денег. Ибо материалов у меня более ста тысяч рублей уже на местах поставлено и денег только получено и уплачено по приезде моем из Санкт Петербурга сюды пятьдесят тысяч рублей; кои скоро по нескольку поставщикам тогда же и розданы, да ныне получено еще к тому же только осмнадцать тысячь рублей; кои также за нужнейшие поставки уплачены почти все, следовательно места оба[1] еще в долгу, но надеясь только что по прежде писанному моему донесению не оставите милостивой государь понудить к присылке скорой в Кабинете и еще к князь Ивану Петровичу Тюфякину денег, положенных на сей текущей год. Здесь же осмелюсь и о агличанине садовнике[2] донесть, которой вами отдан мне на попечение мое: а особливо Ее императорское величе-

ство повелеть соизволила мне, при отпуске моем сюды, чтоб взять его с собою, зделать план всему селу Царицыну, привесть или прислать к Ее величеству, но в то время я ево не сыскал в Санкт Петербурге и ждать мне последней зимней путь и расплата с заготовлением потребного не дозволяло мешкать: и для того единственно оставил помощника своего, дабы сыскать и привесть его ко мне; но и тот более недели жил и не сыскал его, а наконец видя я его здесь в селе Царицыне и что сначала объявил при первому свидании повеление Ее императорского величества и ваше приказание; а при том представлял ему свои услуги; и чтоб обще дело угодное Ее величеству советовать и делать со мною; но он не токмо чтоб со мною изъяснился по сему делу во все мое тут пребывание когда либо, но всегда со мною старался не встречаться, ныне же я уведомился что господин агличанин зделал прожект рубить сады и деревья некоторые и естли паче чаяния оное опробуется; то к сожалению моему выдет село Царицыно испорченным; ибо оное в девятилетнее время столь оделося приятными рощами и видами разных картин, что едва ли и в самой Англии таковое место найдется. А просит только оное место несколько помощи в поправлении некоторых мест по положению самой природы. Со всем тем думаю я что он не те взял пункты и виды, кои благоугодны Ее императорскому величеству, естли так он сделал, как я слышел, то оное я дерзаю писать для того, естли не будет благоугодно Ее императорскому величеству прожект оной; то моих мыслей ниже о черте того прожекта нету; и моя неизвестность, и ниже он о чем либо со мной советовал, как я выше имел честь доносить; почему всепокорно прошу вашего превосходительства дабы при удобном случае доложить Ее императорскому величеству о успехах строениев; так и об агличанине; дабы я не понес гнева безвинного, чего боже сохрани <...>[3].

194 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Царицыно, 4 июля 1784 г.

<...> О успехах по строению села Царицына и Булатникова имею честь вам милостивой государь донесть что произошло от июня первых чисел, во первых в селе Царицыне на сте саженях кухни со всеми службами вокруг цокулем, да и погреба с ледниками выведены со сводами; гальлерея и вороты от кухни к дворцам цокулем възведено, также блис церкви каменной мост через ров, цокулем из хорошевского камня выведен; и окончиваются кирпичем и белым камнем теперь арки; на Кавалерском корпусе купол с перапетом ныне совсем окончан; и делаются над всем крышка и нижнее жилье подштукатуривается, в главном корпусе дворца Ее императорского величества и всей императорской фамилии штуком верхнее и нижнее жилье окончано и еще два дворца что к роще подштукатурены и печи зделаны и несколько при том домиков почти совсем оштукатурены ж, да и печи во всех местах ко окончанию приходят; и делаются ко всем зданиям переплеты к окнам и двери; во дворцах главных полы плиткою устилаются и внизу под плитку полы ж изготовляются; кровли и на главных корпусах кроются под черепицу; в Булатникове дворец весь уже цокулем кругом на сте сорока четырех саженях из белого камня зделан; так же окны, и своды нижнего жилья все выводят: и все оные работы текут порядочно и успешно; естли б только не задержка денег, о чем я вам милостивой государь и прежде доносил, что работные люди и поставщики материалов терпют от неполучения въсех за все выставленное денег; также и работники неотступно просют; и я не знаю что мне делать: тово и смотрю, что все работы остановются неоконченными; да и кредит на будущей год не таков уж будет, а разве потому только построится ныне и может не остановиться, чтоб выручить всякому свои

деньги; еще остальные два дома я и не зачинаю ибо потребно нанять еще людей, но нечем. Я и так четыре тысячи рублей на себя занял и все на самонужнейшие мелочи по строению роздал, а более мне взять уже негде. Естли б не задержка денег, то б осталась нынешним летом одна только башня для часов, но и об оной прошу при удобном случае доложить Ее императорскому величеству, не повелит ли всемилостивейшая Государыня оную башню построить на Поповой горе, что через ров за церковь, и против новостроющегося моста. Чем бы по моему мнению украсилось бы село Царицыно еще больше сим фаросом[1] и прибыло бы величавости всему фасу от прудов и от въезда от Москвы. А на опробованном месте будет строениями другими стеснена и закрыта, а более всего занужно я нахожу, чтоб совсем убраться с горы, где все бы строении окончать нынешним летом, дабы на будущей год расчиститься могли все площадки между строениев, и запустить зеленью; а остались бы только конюшни с каретными сараи, да в Булатникове кончить дворец на ныне строющемся каменном жилье деревянное, но и то: первое на другой уже стороне за рвом, избивать бы траву уже некому бы было, а второе Булатниково, кое совсем удалится поставками материалов от здешнего места <...>.

195 БАЖЕНОВ – А.А.БЕЗБОРОДКО

Царицыно, 21 июля 1784 г.

<...> Я сумневаюсь, что доходят ли мои письма до вас милостивого государя, ибо что ни пишу об успехах сел Царицына и Булатникова, а особливо стращусь что Ее императороское величество обо всем оном может быть и неизвестна. Теперь же уповаю при верной оказии послать сие донесение с господином управителем Карачинским; может буду иметь щастие слышать каковой либо изустной ответ от вашего превосходительства чрез него; ибо оной свидетель всего моего попечения и <об> успехах по строениям вам рассказать может. Я же имею щастие при сем изъяснить только следующее: все дворцы, корпусы, домики, что построено в прежних годах, ныне штукатуркой все кончаны, кроме самых малостей и к концу все оные приходют, печи во всех почти отделаны, полы плитками устилаются, двери и переплет окошкам готовятся, которой кончить еще скоро не мошно; однакоже многое на места встанавливается. Ковалерской корпус, что ныне перапетом и куполом каменным кончан и покрыт под черепицу, штукатура в нем кроме купола почти вся отделана, полы, двери и окны заготовляются. Кухни кругом на сте саженях на погребах и ледниках ис хорошевского камня уже до половины и перваго жилья взведен и гальлерея от него с воротами к дворцам более половины поднеты; мост на Попову гору за церковь через ров по корниз блис сорока сажен в длину построен и последние два дома, что один против Кавалерского корпуса[1], а другой блис кухонь к самому тут находящемуся рву, первой выбучается, а второй уже под окны выведен и остается только на будущее лето в селе Царицыне строить конюшни к Каширской дороге, что близ деревни Черной Грязи, и башню для чесов[2]. Но как я пред сим имел щастие доносить об оной, не повелит ли всемилостивейшая Государыня ее построить на Поповой горе, чем бы весьма уважило величавость села Царицына, впротчем да будет воля повелительницы; но нижайше прошу вас милостивый государь мне исходатайствовать повеление дабы я мог расположиться и из оставшего бы материала изготовить ей к будущему году фундамент на Поповой ли горе или как на апробованном плане назначено между кухни. Но тут будет ей тесно ибо между и домика быть башне кажется неприлично, также за нужное нахожу я доложиться об приезжающих зрителях в село Царицыно всякого звания людей, кои любопытствуют смотреть внутри

дворцов и во всех других зданиях, но я без позволения не смею казать иным, а более что и не без помешательства и работным бывает.

В селе Булатникове дворец до половины каменное жилье възведено, теперь становются под своды кружалы и подготовляется палуба. Каменщиков же я принужден снять к строению села Царицына на последние выше изъясненные два дома, а между тем исправлюсь подвозами туды материалов, а особливо деньгами; и как то и другое будет готово, то уповаю на создателя моего, что в селе Царицыне будут и последние два дома, кухни, мост и вороты с галереею кроме внутреннего убора готовы к будущему году, да и в селе Булатникове окроме деревянного изготовится же; а в предбудущее лето без сумнения все в обоих местах быть может, а особливо естли деньги во время получатся <...>.

196 БАЖЕНОВ – А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 12 сентября 1784 г.

<...> Я уже имел щастие вашему превосходительству доносить, что по всевысочайшим Ее императорского величества указам я с помощию Божиею в селе Царицыне и Булатникове весьма много успел протекшее уже лето по строениям. А именно в селе Царицыне докончан весь корпус Кавалерской, внутри выштукатурен, печи все отделаны окроме полов, окошек и дверей: но и последнее оное делается; также во всех дворцах, пяти корпусах, окроме нескольких полов, окошек и дверей все зделано. Да с фундамента взведены все придворные службы, как то погреба, ледники, три кухни, кандитерские; словом все надобности, в квадрате 25 саженях сделано вчерне: следовательно кругом 100 сажен и в середине двор; да и второе бы жилье окончено было, естли б были деньги; также построены мост слишком на 50 саженях и высотою до 6-ти сажень, на Попову гору, близ церкви, через ров и осталось только на нем кончить на будущее лето перапет с башеньками, да и последние два дома уже вчерне окончаны, кроме перапетов и остается для будущего лета только башня для часов, конюшни да вышеизъясненное докончить, а над кухнями жилье верхнее. На всех же дворцах и на прежде построенных домах под черепицу кровли все окончаны и черепицы навожено довольно; но крыть за деньгами остановилось. В селе Булатникове дворец кругом на 140 саженях каменное нижнее жилье к концу приходит; также приходит и мне конец; извините милостивой государь, что я не умею писать красноречиво, а что чувствую, то и доношу. Я по получении всевысочайшего повеления в прошлом феврале: где повелено, чтоб в случае присудствия Ее императорскому величеству было все готово строение в селе Царицыне; притом сто тысяч денег на окончание. Но я изъяснялся на оное, что стами тысячами кончить не можно, а притом не знаю, чем убирать внутри: и для того не повелено ль будет мне самому быть для лутчего объяснения. А между тем чтоб не упустить зимнего пути, заготовить мне материалы, что в то же самое время исполнил, нашел здесь на всех заводах кирпича только пять миллионов с половиною. В разсуждении естли быть Ее величеству чтоб все в одно лето окончить было безостановочно, заняв пять тысячь денег на себя обзадачил, и вывезено все в марте месяце. Также известь, камень, бут, а между тем на штафете чрез три недели прислано было повеление, чтоб быть мне самому в Питер; где мне поручено вновь еще строить дворец в селе Булатникове, на что еще прибавлено сто тысячь; но я со всеми моими собранными силами и ревностию чтоб угодить монархине нашей рвался, мучился и построил весьма много в обоих порученных мне местах. Но что же теперь со мною делается, получено только денег сначала в марте пятьдесят тысяч, коими кой как удовольствованы были поставщики и подрятчики. Ест-

ли б было прислано и сто тысяч, то б только было в ту пору еще расплатиться. А потом семь тысячь, и потом семнадцать тысячь с рублями. Взойдите милостивой государь; возможно ль столь огромное здание строить столь малыми деньгами, по щастию моему было то что мне верили: работали и с слезами по окончании штукатуры с триста человек отошли; они ряжены по контракту за восемь тысяч четыреста пятьдесят рублей всю работу. А выдано им только две тысячи четыреста пятьдесят рублей, но когда они получат шесть тысячь рублей еще неизвестно: сим бедным надо итти по домам своим: что они принесут! женам и детям. Но я за что бедной впред кредит потеряю; теперь каменщикам, блис шести сот человек, нанеты до октября по контракту. И работали более нежели лошади: ту же участь может быть получат, получили они только семь тысяч триста рублей; а получить по расчету может придет еще дватцать тысячь рублей и с лишком. Бедные плотники, кузнецы, пешники, столеры и всякие другие мастеровые все терпют. Но и я принужден занять на себя еще пять тысячь рублей и те все истратил на крайние надобности по строению. Со всем тем еще приступают, просют и мучить будут поставщики. Да и все не отступают и не дают нигде мне прохода: и до тех пор станут мучить, пока ваше сердце не тронется о человечестве; простите мне милостивой государь, что я истинну пишу, моего терпения более нету: я принужден буду бежать из Москвы к вам; оставлю жену, детей в болезни, из коих сына одного уже и похоронил на сих днях[1]. Да и сам может не доеду до вас, или пришлите для самого создателя мира мзду наемничю. Да и меня оставьте жива, чтоб не быть и в тюрьме; хотя господин Карачинской по приезде своем всех и успокоил, что присланы будут скоро будут деньги; однако две недели прошло. Об присылке не слышно. Итак опять ко мне приступают с прозьбами; а тем более, что во все строении присланы деньги, а ко мне ни полушки <...>[2].

197 Я.А.БРЮС — ЕКАТЕРИНЕ II

Москва, 11 ноября 1784 г.

<...> Равно был я в Царицыне, где строение образом наилутчим отделано; а что имянно начато и не окончано Ваше императорское величество, уповаю, что изволите иметь планы от тех, кому сия часть поручена. Покои же внутри, как со сводами, и штуком обмазаны в недавнем еще времяни, то имеют большую еще сырость, причем дерзаю мое примечание донесть, что кажется, что корпус, назначенной для кавалеров, много теснит строение и в некоторых покоях отнимает частию свет <...>. Также заметил я, всемилостивейшая Государыня, что употребляемой здесь во все строения мячковской белой камень, не имея время на воздухе под сараями окрепать, употребляется в строение сырой и как от сырости, так и от морозов трескается и лупится, что больше и усмотрел в поручнях зделанного акедюка[1], который имеет вид огромной и великолепной, так что достоин памяти потомству царствования Вашего величества и напоминает век древнего Рима. Вид же Царицына при въезде есть так хорош и приятен и великолепен, а паче в своем особом роде, как истинно ничего для глаз так прелестного я не видал <...>.

198 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

Москва, 14 ноября 1784 г.

<...> После отправления моего покорнейшего донесения к вашему сиятельству от 12-го минувшего сентября сего года по успехам строениев в селах Царицыне и Булатникове, я чаю, довольно усмотреть соизволили. И вскоре после

сего получил я от его сиятельства князя Ивана Петровича Тюфякина восьмедесят тысяч рублей; которые в то ж самое время все и розданы каменщикам, штукатурам, плотникам, печникам, столярам и протчим мастеровым; однако многим еще поставщикам материалов в уплату не достало, кои и по сию пору терпят великую нужду. Причина сему та, что и назначенная двухсоттысячная сумма не вся еще от Кабинета отпущена; а притом чрез задержку оных денег как в протекшее лето, так как и теперь невозможно было расположиться и угадать точно в двести тысячь рублей; ибо в полученном мною от 22 генваря 1784 года вашем письме предписано было, чтоб на случай присудствия Ее императорского величества строение в селе Царицыне все окончить, определив на то сто тысячь рублей. Но как я предвидел, что оным числом денег все окончать будет невозможно, то и принужден был об оном донесть. А между тем заготовлял материалы к тому строению принадлежащие и до получения еще денег порядил одного только кирпича пять милионов пять сот тысячь и обзадачил заняв на себя пять тысяч рублей, в разсуждении будучи том, что естли оного не учинить, а Ее императорское величество быть сюда соизволит, то спустя время и с деньгами оного кирпича не найдется; что действительно и оказалось; ибо и тогда на всех заводах около города кирпича не более только реченного числа нашлось; и хотя зимней тогда путь и приближался уж к концу, однако как тот кирпичь, так и прочее все нужное заготовлено. После сего потребован я был к Ее императорскому величеству, где и уведомился, что отсудствие Ее величества отложено до другова года и сверх помянутого царицынского строения аппробовано еще строить мне дворец в селе Булатникове и прибавлено еще суммы сто тысяч рублей. С сим повелением я и возвратился, будучи в надежде, что помянутая сумма вся вскорости прислана будет. Но по приезде моем в Москву увидел, что прислано только сорок девять тысяч девятьсот девяносто девять рублей шестьдесят пять копеек, коих на уплату и за прежде приговоренной и почти весь вывезенной на место к одному строению села Царицына материал, окроме лесов заготовляемых на кровли и прочее, весьма недостаточно стало. Однако все подрядчики с размерностью их материалов поставки, хотя не полным числом денег удовольствованы, к строению ж дворца в селе Булатникове без денег не знал я как и приступить; но питаяся тою же надеждою, что по требованиям и донесениям моим вскорости присланы будут деньги, принужден был в село Булатниково отделять из постановленных в село Царицыно материалов и отправлять оные туда с передачею цен, а более брать принадлежащих к тому строению материалов на кредит же. Но что в чаяние мое воспоследовало? По прошествии немалого времени прислано в два раза, в первой осмнадцать тысячь, а в другой только семь тысячь семьсот двадцать четыре рубля восемьдесят копеек с четвертью. Разсудите милостивой государь! столь малыми деньгами в такой огромной строения машине, что должен был я делать? Чистосердечно вашему сиятельству смею признаться, что по причине таких малых денег и раздробления всяких по разным местам материалов дошел я до такова замешательства, что истинно много раз покушался я остановить в обеих местах строении; но с одной стороны трепетал гнева Ее величества, а с другой и зделать оного было почти невозможно ибо одни только каменщики заработали гораздо более, нежели как на десять тысяч рублей; кроме других множества рабочих людей, которые все прежде должны быть удовольствованы деньгами, потом спущены; в противном же случае, остановив работы, должно платить прогульные деньги; а за неимением их как того, так и другого зделать было нечим. И сия-та нерешимость удерживала меня кой как с ними обходиться и уплачиваться то сими малыми деньгами, то займом, то привоскою всего им нужного на кредит же, то по них поручительством. И в сем беспрерывном колебании пробыл я целое лето. Но

благодарю бога! что перенеся все оное с помощию ево кончил: в селе Булатникове весь каменной этаж на великом цокуле, кроме нескольких сводов, и покрыл временною кровлею. В селе Царицыне все пред сим писанное кончил же, кроме что над кухнями осталось верхнее жилье и как в них так и в последних домиках, которые вчерне уже кончаны, остается зделать печи, полы, выштукатурить; и на последнем мосте, что на Попову гору, перапет только не готов. Во всех же прежних корпусах остались только не кончаны некоторые полы и некоторые кровли не успели; ибо не на что было купить черепицы, однакож укрыты. Штукатурою во всех прежде зделанных корпусах кончано и печи во оных все отделаны. Двери, лесницы и окны во многих зделаны и делаются. Из выше писанных моих всех обстоятельств сами ваше сиятельство усмотреть, думаю, соизволите, что по обманчивой моей надежде и по непорядочной присылке денег никак нельзя было, чтоб не превзойтить немалым лишком положенную двух сот тысячную сумму. Сколько ж оного лишку быть может, то как скоро последние деньги сорок четыре тысячи двести семьдесят пять рублей пятьдесят четыре копейки и три четверти получены будут, и оными со всеми оставшими подрятчиками расплачусь и сочтусь, об оном излишестве донести вашему сиятельству не премину. Однако и за всем тем, как по причине сей, что летом столяров очень мало бывает, которых тогда и с великими деньгами сыскать и успеть вскорости неможно; то чтоб не зделать в том остановки и тем бы не подвергнуть себя гневу Ее величества, в случае скорого ее сюда прибытия, так не менее и потому что и за их работу нечим удовольствовать, и поныне столярная работа продолжается на кредит же. Вот все обстоятельствы, которые насильно възвели меня превзойтить и превосходить положенную сумму! О всем вышеписанном вашему сиятельству донеся, осмеливаюся теперь с покорнейшею моею прозьбою прибегнуть к вашему сиятельству о снабдении меня, по донесении Ее императорскому величеству, повелением. Естли угодно будет на будущей год достроивать как в селе Царицыне над кухнями последней этаж и протчие доделки, так и в Булатникове деревянные полтора этажа на выстроенном уже каменном дворце, а особливо к тому и другому потребно множество столярной работы, чтоб заблаговремянно оное изготовить, также последние оставшиеся только конюшни и башню для часов, естли надобно будет выстроить; то благоволите ваше сиятельство на всю ту доделку и выстройку исходатайствовать деньги и оных присылкою б к его сиятельству князю Ивану Петровичу Тюфякину так как и прошедшим летом не замедлить; ибо в противном случае поставщики, возчувствовавши уже и нынешним годом немалую в неполучении денег тягость и претерпевши довольно великие в них нужды, в предбудущий год на кредит мне истинно никто не поверит и я чрез то все достроить конечно не успею, а особливо по приезде сюда господина Карачинского уведомился я что в селе Царицыне потребно построить еще птичной двор, чему я и прожект делаю. Также Ее императорское величество некогда мне повелеть соизволила зделать зал и две галлереи с ретирадами, чтоб построить на противной стороне за прудами в перелесачке на луговине, где в присудствие Ее величество на лавочке тут сиживала, оному также прожект я делаю[1]; и на Коньково готовлю[2] <...>.

199 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

[Москва], 23 декабря 1784 г.

<...> Из отправленного мною пред сим донесения к вашему сиятельству, сего года ноября 14-го дня по строению сел Царицына и Булатникова я уповаю что довольно усмотреть изволили подробность и успех прошлого лета. Так-

же и мое было прошение о исходатайствовании повеления от Ее императорского величества что мне начинать на будущей год, как теперь наступило лутчее время для заготовления материалов. Я и еще должен осмелиться здесь напамятовать, а особливо о столярной работе, коя и по сию пору работается без всякого наставления, кою я бы покинул, но нада расплатиться и поневоле продолжаю оную, а особливо еще и с многими поставщиками еще не расплатился за прошлое лето; хотя и прислано из Кабинета десять тысяч рублей уже тому блис месяца, чтоб принять их в Дворцовой канторе, но к нещастию в оной как сказано, что денег нет, а как вашему сиятельству небезизвестно, что работной народ к праздникам отменно жадничает получить деньги; и неотступно просют об оном хотя бы уже по нескольку. Но я не сумневаюсь что ваше сиятельство вскоре прислать изволите и все положенные за прошлый год деньги; и дайте мне или повеление или наставление, что мне в оных хлопотах будет делать и милостиво рассмотрите пред сим донесенное мною[1] <...>.

200 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

[Москва], 16 января 1785 г.

Вашему сиятельству небезизвестно, что я об успехах по строениям сел Царицына и Булатникова, по окончании уже работ, два раза в ноябре и декабре месяцах вашему сиятельству доносил и с покорностию моею просил, как и о присылке последних на расплату за поставленные материалы денег, так и о исходатайствовании от Ее императорского величества и на нынешней год на докончание всех работ суммы; но на то и поныне никаким вашего сиятельства повелением не удостоен. И хотя на показанные строении в минувшем декабре месяце ассигнация на десять тысяч рублей от Кабинета и воспоследовала, по которой надлежало бы тогда ж получить из Дворцовой канторы; но за не имением во оной, как господа присудствующие объявляют, денег и поныне мною не получены, да и когда оное кабинетское повеление исполнением от помянутой канторы совершится неизвестно. Мне не столько беспокойно сие, что я удобное к заготовлению материалов теперь теряю время, как то, что еженно поставщики материалов приступают и огорчают меня безпрестанным требованием за свои материалы денег; ибо оное, я совершенно знаю, не от меня зависит, а в этом, что поставщики по обнадеживанию моему терпят так великую в деньгах нужду, ставлю себя причиною; и потому нет для меня теперь большего беспокойствия, как только то, что я пред ними остаюсь безмолвным. Да и поистине сказать, что они по изъяснениям своим очень жалки кажутся; ибо иные из них, истоща все свои, сколько имели, на поставленные материалы деньги, в чаянии получить оные в свое время, чтоб тем самым в теперешнюю удобность заготовить и еще по своему промыслу материалов в другие места и зделать капиталу своему оборот и невинное чрез то за труды свои приращение, не только лишаются теперь всего оного, но можно сказать как я чувствую, и разоряются. Признаюсь чистосердечно вашему сиятельству, что тягость сия весьма мне несносна и не знаю как оной и пособить; однако наконец в таком нерешимости случае принужденным себя нашел и еще единою вашему сиятельству принесть мое чувствование, которое ежечасно угнетается сердечным соболезнованием, и всепокорнейше просить как о скорейшей присылке достальных прошлогодней суммы денег, так о исходатайствовании от Ее императорского величества и на нынешней год на докончание начатых и вновь каких назначущихся строений суммы, естли угодно покуда еще остается сколько нибудь удобного на заготовление материалов времяни; о чем и снабдить меня вашего сиятельства повелением, которого единственно и ожидаю[1] <...>.

201 ЕКАТЕРИНА II — Ф.М.ГРИММУ

Москва, 4 июня 1785 г.

<...> После полудня императрица[1] не чувствуя себя здесь[2] в безопасности, удалилась в Царицыно, положив между собой и преследователями[3] местность, удобную для защиты и трудную для атаки. Но происшествие никогда не приходит одно. Утверждают, что новости из Петербурга, полученные Ее величеством при въезде в Царицыно, очень ее раздосадовали. Она не сочла нужным сообщать о них тем немногим лицам, которые за ней еще следовали. Она очень ловко выдумала осудить постройку дворца. Своды ей показались слишком тяжелыми, комнаты слишком низкими, будуары слишком тесными, залы темными, лестницы слишком узкими, и так как деньги редки, а хлеб дорог, она пожалела о сумме, затраченной на постройку <...>.

202 ЕКАТЕРИНА II — ВЕЛИКИМ КНЯЗЬЯМ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ И МАРИИ ФЕДОРОВНЕ[1]

Тверь, 8 июня 1785 г.

<...> Новые дворцы Московский[2] и Царицынский не окончены. Последний внутри должен быть изменен, ибо так в нем было бы невозможно жить[3] <...>.

203 РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА — СЕНАТОРА И.И.КОЗЛОВА[1]

Екатерина в продолжении достославного своего царствования много занималась строением: но не обладая знанием и вкусом, поправками много портила. — Славный Баженов приводил к окончанию отличный готический дворец в селе «Царицыне»; когда императрица в 1785 г. внезапно посетила древнюю столицу. Назначен день для обозрения здания и с отличным благоволением приказано Баженову представить там жену и детей. Дворец не понравился; государыня, в гневе возвращаясь к экипажам, приказывает начальнику Кремлевской экспедиции, Михаилу Михайловичу Измайлову, сломать оный до основания. Баженов останавливает ее: «Государыня! Я достоин вашего гнева, не имел счастия угодить вам, но жена моя ничего не строила». Императрица, оборотясь, допустила все семейство к руке и не сказав ни слова уехала. В своем роде редкое здание вскоре сломано[2].

204 М.М.ИЗМАЙЛОВ — ЕКАТЕРИНЕ II

[Москва], 21 декабря 1785 г.

<...> По высочайшему Вашего императорского величества имянному указу касательно переправки строения в селе Царицыне производимого, приказано от меня архитекторам Баженову и Казакову зделать порознь планы, коим образом можно поправить там зделанное? Вследствие чего архитектором Баженовым те планы в разных видах и зделаны, которые на высочайшее Вашего императорского величества рассмотрение при сем всеподданнейше и представляю[1]. А для лучшего по оным объяснения по прозьбе архитектора Баженова и ево отправил; относительно же планов по сему строению архитектора Козакова, то и им вскорости оные изготовлены будут, и я на сих же днях к Вашему императорскому величеству ево отправлю <...>.

X ПРОЕКТ ПАВЛОВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ. 1784

205 ЦЕСАРЕВИЧ ПАВЕЛ – И.О.БРЫЛКИНУ[1]

[Петербург], 11 апреля 1784 г.

<...> Вопрос мой об остающейся за расходами суммы[2] был единственно для того, чтоб узнавши о том удобнее приступить к первоначальному разположению строения вновь больницы, которую я желаю иметь каменную и уже приказал на оную зделать план, которой получа вам сообщу <...>.

206 ЦЕСАРЕВИЧ ПАВЕЛ – И.О.БРЫЛКИНУ

Петербург, 22 апреля 1784 г.

<...> Я получил письмо ваше и сожалею о случившейся с больницею приключении[1] также и о собственном вашем о том беспокойствии <...> Надобно теперь будет вам изготовиться к приступлению к новому строению. Я, как бутто предвидя, поручил уже несколько тому время назад архитектору Баженову зделать план больнице, которого вы понудите к скорейшему сочинению оного; что касается до денег, нужных для строения сего, которых теперь я у себя не имею, то прошу вас постараться занять по благоразсмотрению вашему на то сумму <...>.

207 ЦЕСАРЕВИЧ ПАВЕЛ – И.О.БРЫЛКИНУ

Царское Село, 21 мая 1784 г.

Я получил, Иван Онуфриевич, письмо ваше, в котором вы говорите о зделании и от вас планов для каменного строения больницы, но не лутче ли будет, чтоб план оной делался в одном месте, а чтоб для удобнейшего разположения больничных надобностей вы снеслись о том с архитектором Баженовым; что касается до построения на время деревянного корпуса с церковью, аптекою и лабораториею, то на сие я согласен, равно как и на то, чтоб для оного заняли вы до генваря месяца вычисленные вами прибавочные к наличной сумме 5000 рублев, наблюдая чтоб временное сие строение не мешало ни в чем

производству каменного <...> прошу вас не покидать стараться сыскивать по благоусмотрению вашему нужное число денег для каменного строения, хотя бы в разных местах занять вам случилось <...>.

208 ЦЕСАРЕВИЧ ПАВЕЛ – И.О.БРЫЛКИНУ

Царское Село, 15 июня 1784 г.

Иван Ануфриевич, я получил письмо ваше, препровождающее ко мне планы, зделанные Баженовым, из коих как план, так и фасад под № 3-м я апробую, ссылаясь притом на примечания, зделанные мною на первоприсланный ко мне Баженовым план больнице[1]; я также приметить и спросить у вас должен, где будут строиться службы и покой для принадлежащих к больнице чинов; касательно до присланной ко мне сметы я нахожу оную очень дорогою и прошу вас воитить самим в разсмотрение изчисления и постараться сколь возможно зделать оное умереннее, а сыскавши нужное число денег приступить к началу строения <...>.

XI ПОСТРОЙКИ И ПРОЕКТЫ АДМИРАЛТЕЙСКОГО ВЕДОМСТВА. 1793—1799

А. ЛЕСНОЙ САРАЙ В КРОНШТАДТЕ

209 ПРЕДЛОЖЕНИЕ П.И.ПУЩИНА[1] КОМИССИИ АДМИРАЛТЕЙСКОГО В КРОНШТАДТЕ СТРОЕНИЯ

5 ноября 1793 г.

<...> Между построенными магазейнами на оставленном по плану месте для построения лесного каменного сарая длиною на 54, шириною на 13, высотою от поверхности берега 4 сажени 1 аршин архитектор Баженов по повелению моему сочинив план и частной фасад и профиль, а к тому експликацию, смету и примерной договор подал ко мне при репорте[2] <...>.

210 РАПОРТ БАЖЕНОВА П.И.ПУЩИНУ

[Петербург], 29 сентября 1796 г.

Имею честь донести что сего 1796 года сентября в 27-й день был я в Кронштате на строении сухарного завода для осмотра оканчивающихся там каменных работ при наступлении зимней погоды и для осмотра также других строений мне порученных; между протчим приметил я непорядок, на которой не может никакой сын отечества смотреть без жалости, именно: построен по моему прожекту сарай для поклажи леса и отдан на руки людям, не знающим цены оному, ибо не только чтобы сохранить его, яко образец для будущих впредь других ему подобных сараев, в которых имеют храниться коренные строевые леса; но разоряют вконец сие заведенное для обрасца здание. А сие происходит единственно от недостаточного просвещения людей, которым поручается работа в таковых местах; теряется чрез то интерес государственной и истребляется намерение строителя. Ибо как сей сарай отдан на руки людей, ничего в нем не видящих кроме сарая, то не обрыв вокруг ево каналов и не сделав стоков от цокуля в те каналы, заделали продушины самонужнейшие и преполезнейшие, которые мною зделаны были и служили бы для прохождения воздуха под весь корабельной лес и всю бы сырость снизу оного вытягивали наружу как в летние жары, так и в сухие морозы; а особливо засаривают в главной канал ту воду, коя сячется и накоплется между арков по грунту стоками, тут нарочно к исте-

чению приготовленным<и>. Арки же и решотки первые зделаны на фундаменте из кирпича, а вторые клетки лежат на оных сосновые, без пола, дабы воздух проницал внизу и ветер мог бы иметь везде свое свободное круговращение; но сие ныне намерение истреблено совсем заделкою вышесказанных продушин. Притом кладут на оные арки или дуги и клетки дубовые брусья без размера, несмотря на их тяжесть и не помышляя, что на столбах кирпичных около третьей их доли подкладка плитная означает вышину, в которую должно класть оный лес, дабы дуги и клетки под ними не раздавались; а ныне накладено брусьев дубовых более нежели в двойную пропорцию тоя вышины, означенной на столбах плитником. От сего и столбы, которые внутри кровлю поддерживают, вредятся; и наружным стенам делается распор, насильствие и жестокое потрясение от переворачивания толь тяжелых брусьев.

Третие и самое жалостное злоупотребление, усмотренное мною и всякому видимое, состоит в том, что на стропилах, поддерживающих тринадцатисаженную в ширине ее кровлю, во многих местах смычную, привязывают блоки с канатами и крючьями для поднимания и укладывания помянутых дубовых брусьев на неумеренную вышину; от сего многие балки погнулись, подпоры и стойки стропильные вышли с шипами своими из гнезд своих, отчего кровля в тех местах неминуемо должна в скором времени ссесть, упасть, а по нещастливому случаю и передавить или изувечить может множество работающих без смысла и без осторожности людей.

Четвертое злоупотребление то, что в наружных стенах сделаны из кирпича, наподобие жалузи, как бы в окнах отверстия косые кверху; выдумка полезная и небывалая, для сушки леса весьма способная; но тут протягивают снаружи канаты и чрез то все сие толико тщательно сделанное строение должно вскоре раззориться, естли не примутся меры для исполнения должности по силе присяги[1].

211 РАПОРТ БАЖЕНОВА П.И.ПУЩИНУ

[Петербург], 4 ноября 1796 г.

В 27 день сентября, будучи в Кронштате для осмотра разных строений, приметил я непорядок в выстроенном под смотрением моим для поклажи леса сарае и не приминул письменно рапортовать об оном вашему высокопревосходительству по должности моей, дабы приказано было принять меры для пресечения того непорядка, от которого здание сарая лесного могло б повредиться и намерение, для которого строение сие зделано могло бы в скором времяни уничтожиться чрез самую ту работу, которая в этом сарае производится без осторожности, как я оное мог приметить. Вследствие моего рапорта, в котором я повиновался единственно гласу усердия моего к пользе отечества и не именовал никого, особливо ж я и не знаю, кому поручено смотрение над оным сараем, ваше высокопревосходительство предписали 30-го числа того же сентября г-ну кронштатскому капитану над портом, чтобы весь оной непорядок исправить во всей точности по моему представлению; но вместо выполнения сего предписания вы получили 9-го дня октября рапорт, с которого выше высокопревосходительство изволили при своем ордере прислать мне копию для сведения моего.

Оная присланная мне бумага подписана незнакомыми мне людьми, с которыми я никогда и не думал иметь какое-либо письменное дело; а более того быть принужденну оправдать себя против охуления и напрасной критики, какие во оной бумаге, под имянем рапорта, находятся против меня на целых двух листах. Подписана она так, что где обыкновенно подписывается главнопри-

судствующий, писал тут: архитектуры гезель Петр фон Штенпель[1], потом корабельной мастер Иван Кутыгин; да Петр Слизов; да секретарь Федор Филипов и канцелярист Иван Херов.

В числе сих подписавшихся особ ежели в 3-м месте поставленное просто имя Петра Слизова значит кронштатского над портом капитана генерал-маиора и кавалера Петра Борисовича Слизова, то я прошу его превосходительство быть уверену, что я в рапорте моем объявлял по должности о непорядках работы, производимой в лесном сарае толпою непросвещенных матросов, не думал никак коснуться до его знания и умения; ниже чтоб рапорт мой пошел в руки такого человека, с которым я никакой связи не имею; менее всего я думал, чтобы Превосходительная особа подписать могла наряду с критиками, которые, повидимому, судят о моих делах, как слепые судят о цветах.

Как бы оно ни было, господа, почтившие меня своею критикою, за общим подписанием доносят между прочим: что не только я напрасно называю лесной сарай обрасцовым, но что и впредь он, по упованию их, не может быть обрасцом, для того что в нем есть неудобства, недостатки и употребление излишнего Ее императорского величества интереса. На сие отвечаю, что самой Комиссии строений в Кронштате известно, что я делал сей прожект по данным мне от вашего высокопревосходительства чертежам, в которых я нечто осмелился переменить к лутчему удобству, а имянно: вместо простенков я сделал колоны, потому что от них более света и воздушного обращения; в простенках же бывают углы, которых легко можно отшибать при перетаске брусьев дубовых, в каких имеется несколько сот пудов тяжести и следовательно ударительной силы; и оное неудобство отвращено мною деланием круглых столбов; а сила ударения всегда бывает по препорции плотности или собственной тяжести ударяющего тела; подобно как, по физическому доказательству, в кулачном бое размашистой удар крепкого кулака сильного бойца есть увесистее и потому смертоноснее для ударенного человека, нежели кулак слабосильный, хотя с таким же размахом. Еще я прибавил число дверей по бокам для всяческой удобности, а особливо для скорейшего поворота людей в случае непредвидимого нещастия; известно также вашему высокопревосходительству, что сей первой сарай, по обрасцу которого должны быть многие другие ему подобные, делал я по планам, конфирмованным высочайшею особою, следовательно не по моей, а по ее вышшей воле; во всяком же обрасцовом строении неудобствы могут поправлены быть и недостатки дополнены в будущих потому обрасцу строениях; а сараев лесных положено не мною, а высочайшею властью быть в большом количестве; интерес же государственной тут употреблен по воле тоя же верьховной власти и по цене торговой, а не по воле архитектора; следовательно несправедливая и охулительная критика превосходительного господина капитана над портом с товарищи, с гезелем и корабельным мастером, падает не на меня, а на высочайшую особу; я же здесь защищаю единственно имя мое, которое критикующие стараются марать напрасно, потому что они не знают той главной пружины, которая действует в строениях казенных; а критики нигде никого не видят кроме архитектора, алчущие всегда охулят то дело, которого они не производили сами.

Далее господа подписавшиеся критикуют высоту сарая в разсуждении кладки леса, что мало его войдет и заключают что излишней материал истреблен мною напрасно и протчее... Отвечаю, что всякому в чужом деле судить и рядить легко; но я сказал выше что многие по воле монаршей будут со временем выстроены сараи в Кронштате для поклажи строевого леса и следовательно нельзя и не согласно с разумом и с самою политикою чтобы весь лес для строения одной эскадры или еще целого флота помещен быть мог в одном са-

рае; а высота оным сараям, четыре сажени с одним аршином, определена, указана и конфирмована высочайшею волею согласно с правилами архитектуры, которая велит в зданиях публичных наблюдать сообразность наружного их вида с другими того места строениями; но и тут сия высота втуне не пропадает, ибо для лутчего в том уверения прошу господина гезеля архитектуры с товарищи взглянуть наверх и они увидят что в оной мнимой пустоте сарая зделаны полати и подобные еще полати могут приделаны быть по обоим бокам того сарая, имянно: между столбами и стенами, для мелкой корабельной всякой поклажи, по благоразсуждению надзирателей. Я и то почел за выгоду, что других для мелкой поклажи сараев делать не для чего, а особливо выгода и того интереса, что чем две кровли делать, тут одною покрыт один сарай для двух надобностей; когда внизу будет лес, а вверху легкая поклажа, только бы не дубовые брусья; впротчем не в моей воле состоит переменять конфирмованные планы; разве не возьмется ли за то кантора, подписавшая толь несправедливой рапорт? О неудобствах сказано выше, что в предбудущих подобных строениях можно будет прибавить что, а иное убавить, испрося на то дозволение у кого следует, а не по одной воле архитектора; недостатки же могут быть награждены впредь, да и ныне, трудами механика, а не архитектора. Но из сего не должно никак людям не знающим притчин заключать, чтобы я истребил тут напрасно излишной материал. В разсуждении же недостаточного во мне ли, в других ли просвещения я подтверждаю еще, что работа препоручается в лесном сарае действительно людям непросвещенным; потому что я сам видел в нем толпу работающих морских служителей, которые могут быть усердны, но самым образом работы их доказали, что они не великого знания люди. А что я в строении оного сарая употребил видимо, как пишут критики, государственный интерес напрасно и не в пользу; то я в сих словах признаю личную мне не по заслугам обиду и самую гнусную лжесплетенную на меня клевету; ибо мною в оном строении не собственная моя, но высочайшая воля исполнена; воля такой особы, с которой гезель фон Штенпель с товарищами подписавшимися, не знаю, осмелится ли экзаминоваться в знаниях, в разуме и в мудрости.

Далее пишут критикующие меня о призыве корабельного мастера Кутыгина в Комисию строения; о подаче им, еще до построения лесного сарая, своего совета и о англицких кранах для подъема лесов и протчее... На сие отвечаю, что призыван он был без меня, а надлежало бы нам быть в комисии вместе, дабы посоветоваться к лутчему; ибо как я не могу указать конструктору из какого леса удобнее строить военной корабль или каким лесом, то есть осиновым или ольховым чинить гнилые места в дубовом корабле и какой, наконец, лес лутче может вытерпеть удар тяжелого ядра в том или другом выстреле, так и он в деле моем, то есть в строении каменном мало сведущ; тогда бы он, господин призыванный в комиссию строения мастер корабельной, узнал для чего сарай высок и почему однако нельзя класть в нем лес до стропил; он бы тогда узнал, что дело мое выстроить сарай лесной, а краны англицкие для выгруски леса поставить в удобнейшем месте есть дело механика или его, господина корабельного мастера, ежели он в машинной науке искусен; зачем же, по окончании сарая, не представил он сам о тех кранах и о других подъемных машинах, какие надобны для него были; он бы тем сделал пользу и заслужил бы благодарность от отечества, а я признаюсь, что ето не архитекторское дело, следовательно не мое.

Продолжают еще критику свою в таких словах, что действительно в оном сарае ничего они кроме сарая пустого не нашли; что у ворот запоров не было, что много воды было внизу, ниже арок, что оная вода и поныне есть и будто нигде порядочного стока мною не зделано... Я сожалею о слабости зрения, не

различающего предметов вдали; сей недостаток называется по медицински *миопия*. От него господа критики мои не приметили, что во оном сарае есть на тринадцети саженях железная кровля на деревянных стропилах, которые отличаются от обыкновенных своею легкостью и расположением; не разсудили они, что таковаго дела никогда еще в Кронштате не бывало; не помыслили они, что запоры легко могли быть украдены и что я не был поставлен к стережению их; не разглядели они, что у меня сток сделан под слюзом и что вода тут стоять не может, ежели сток не засорен; когда же оная вода и поныне тут стоит, то в Кронштате есть довольно рабочих людей для очищения ее; ежели б только чистить приказано было от смотрителя за оным сараем.

Пишут еще господа подписавшие помянутой рапорт, что они принуждены заделывать продушины, которые я зделал для великой пользы, и показывают что они ничему не служат, намерению своему не отвечают; сделаны де мною не в своих местах, имянно ниже горизонта земли, что они малы, что обрыть сарай каналами будет дело безполезное, что должно их укласть плитою, а что без того они будут заплывать и протчее... На все сие отвечаю что толь пространное и пустое изъяснение доказывает людей непривыкших сыскивать притчины и узнавать следствия их; ибо то, что они назвали горизонтом не есть настоящий горизонт, но всяческая насыпь; когда же она очистится при распланировке всего Кронштата, как высочайше конфирмовано, тогда продушины будут сами по себе на горизонте, а ныне они завалены насыпью неразчищенною и для того до распланировки нужно обрыть ныне сарай каналами; устлать ли их плитою или камнем или ничем не устилать, на то я не отвечаю; ибо когда заплывать будут, тогда можно их чистить; а они только на время; после же распланировки будут они совсем не нужны: у меня вместо оных каналов зделан под низом ипотенузою сток, которой требует смотрения и прочищения; но дело не мое его чистить. А хотя сих каналов в прожекте моем не было, но я писал об них единственно для совета, смотря на нынешнее состояние продушин, которые, хотя зделаны мною в своих местах, но заделаны; — следовательно за неимением воздуха, за необрытием каналами в прежней насыпи, за нераспланированием до конфирмованного горизонта должна непременно сырость сочиться; но не я тому притчиною; моя должность — зделать и построить, а хранить строение и недостатки дополнять с благоразумием есть должность того, кому поручено смотреть за строением. Впротчем, малы ли те продушины или велики, и где бы они поделаны ни были, всегда воздух будет иметь довольный чрез них перелив; не таковые же делать, чтобы они были для воров лазеи! А совершенно заделать их есть дело неблагоразумное, уничтожающее великую пользу их и ныне должно помочь сему недостатку, как сказано выше.

Подписавшиеся критикуют еще окны косые, зделанные по бокам сарая из кирпича островато кверху, на<по>добие *жалузи*, выше кладки леса, и что должно де сделать их против самого леса, по их мнению, и протчее... Сия критика пустая, ибо те окны сделаны для хождения воздуха, островатые и на откос кверху внутрь, а снаружи вниз для того чтобы менее снега наносило вьюгою, а чем выше оные окна, тем более имеют воздушного действия, ибо воздушный перелив как снизу вверх, так и с верха на низ до самого испода, где должны тем окнам способствовать наравне с горизонтом прежде мною сделанные, а ныне не мною заделываемые продушины. Бывает тот воздушный перелив по размерности, как вышшая или нижняя атмосфера делается сырою или сухою, погода же делается знойною или морозною. К оным же окнам ставни приделать, ежели в них нужда усмотрена, есть не мое дело; на то приставлен надзиратель от правительства, которой должен делать все то, что служить может к удобрению, а не к порче того лесного сарая; однако когда ставни при-

деланы будут и станут запираться, то не будет ли хуже? Ибо воздух отсыреет и лес скорее будет преть, особливо ежели запирать их будут на долгое время, а открывать только на несколько часов. Двери мною прибавленные и разворяемые в хорошую погоду летом, а в сухие морозы зимою, также и колоны, зделанные вместо назначенных сперва простенков, все сие помогает течению свободнейшему свежего воздуха и сохранению леса; а особливо естьли между рядами брусьев со всех сторон оставлено будет несколько вершков пустоты. Также окритикованные деревянные *жалузи* в воротах сделаны по приказанию, а ежели надобны к ним ставни по чьему нибудь разсуждению, то я в том не укащик; делать их не моя должность. Когда же временная вьюга надует кое где снегу, есть на то в Кронштате работники, чтобы очищать; а бороться с временною, а не всегдашнею суровостью стихийною нашего климата, сие есть дело не мое. В таковую, например, вьюгу смотрители за сараем должны приказывать, чтобы на то время внизу продушины заложить таким материалом, каким за лутчее они найдут, например: бывает смоленая из старых канатов конопать или пенька бракованная, которая в канатное дело не годится, не может ли она с пользою послужить тут? Но конечно, смотрители над сараем знают выгоднейшее сего материала употребление, нежели я.

Что потом писано критикующими о плитнике в столбах кирпичных сарая, о давании наставления и о показании удобных мест для способнейшей работы в оном сарае, также о работе ими сделанной и о способах ими найденных и протчее... все ето их многословие есть излишно: когда мне приказано было делать рисунок для лесного сарая, мне никакого программа не дано; дело мое было выстроить по конфирмованному плану сарай для леса; а в должность машинного мастера не вступаюсь. Кто же снимал на руки лесной сарай, мое ли дело было его учить? Ибо полагается, что смотрение над сараем отдано просвещенному человеку, знающему силу в художествах и цену художества, следовательно ученого учить еще не для чего. Есть сумма казенная в Кронштате на то, чтобы дополнять недостатки, на то, чтобы зделать или промыслить все удобности для облегчения работ людских и для сбережения сил человеческих способами механическими. Я ли мешал смотрителям, когда они сарай приняли в свое ведомство, представлять обо всех их нуждах куда надлежит? Архитектор сверьх плана не делает, а подрядчик, окончив свое дело в силу контракта, остается прав.

Подобным образом говорю о кровле, что в разсуждении мази, какою она была, по словам критиков, вымарана, то я свидетельствуюсь о доброте ее всею Швециею, где она употребляется. Свидетельствуюсь и публичными зданиями в Москве, где она также с выгодою употреблена в приличное время. Разве позабыли мои критики, что работы у нас приходят к концу в осеннее время и что кровель нигде не делают прежде фундамента? Следовательно, кровлю сарая окончавши под осень, да хотя бы то было и посреди жаров летних, подрядчики, вымазавши ее дважды, исполнили свой контракт; но по нещастью же для государственного интереса пришла сырая погода и дождь смыл оную мазь до высушки ее; кто же мог противиться воле Божией в действиях природы? А подрядчиков не можно принудить намазывать ее в третий раз без новой ряды; а что легко поправить можно частному человеку в доме своем за деньги, то весьма трудно сделать при казенном строении по притчине письменных обязательств и приказного всегда продолжительного порядка, хотя бы то было и с готовою выдачею платы.

Впротчем пространно описали господа критики все то, что они делали в сарае для облегчения своей работы; о том мне говорить нечего; они исполняли свою должность и делали по силе разума своего; но когда стропилы повреж-

дены грузом, который на них налягать никогда бы не должен, так и не диковина, что диры появились на кровле. Нет ли тут хитрости и злоупотребления? Ибо ржавчина в толь короткое время не может проесть железного листа, а сисподи вся кровля как лаком покрыта и та же мазь крепко на ней держится. Диры же нынешние заделать не трудно и не убыточно, лишь бы кровельщик новых не пробивал для своего интереса, а мы все имеем долг злоупотребления, по возможности нашей, не только отвращать, но и предупреждать; следовательно для единого только совета, а не для показания работы людям, дело свое знающим, и определен в Кронштате тамошней команде принадлежащий гезель Васильев[2], который знает мои мысли; а что другой гезель же, Миллер[3] был в Кронштате от меня послан и показавши гезелю Васильеву что надлежит делать для поправки в сарае лесном, поехал обратно в Петербург, в том он ни перед кем не виноват, ибо он, мой прежний ученик, а ныне помощник, отдан мне в полную команду для помощи по делам гораздо важнейшим, нежели каковые суть кронштатские, почитаемые изящными зданиями, сарай, казармы, кухни и нужники матрозские[4].

Что же критики пишут о затруднении в завороте леса между столбами, оное исчезнет, как скоро будут класть тот лес порядочно, начиная с заднего конца, направо и налево, не выше показанной меры и везде с размером, дабы тяжесть была на арках и на клетках одинакая, а не класть прежде в срединную часть сарая или в той половине сарая, которая ближе к слюзу; для лутчего же удобства в перетаскивании леса можно еще тот слюз с его катками продолжать во всю длину сарая; а ежели б зделать три слюза, как думают критикующие, то нашлось бы более неудобства; а я два крыльца каменных зделал по обе стороны слюза где по каткам выгружают лес для помещения по оным крыльцам большого числа работников, в случае как нужда потребует; но и на тех самых крыльцах можно еще и ныне утвердить или поставить подъемные машины: дело сие не мое, а механика.

Хотя кронштатская контора над портом, вместо того чтобы выполнить во всем предписание вашего высокопревосходительства, прислала к вам свой критический рапорт, в котором старается во многих местах зделать меня подозрительным, аки бы в напрасном употреблении государственного интереса; однако подписавшие выше-помянутый рапорт не осмелилися опровергать отрапортованное мною о том, что от привязывания к стропилам блоков для поднятия тяжелейших дубовых брусьев многие стропилы ослабли, балки нагнулись и некоторые подпор или стойки строительные вышли шипами из гнезд своих; ибо рапортовал я во всем истинну и повреждение видно на деле простыми глазами. Только мне известно, что было приказано стаскивать в непомерную вышину накладенные брусья: — конечно узнали что лишний груз положен был на арки и решотки не по силе их. Так не можно ли и тут попенять на подписателей рапорта за утрату напрасную государственного интереса? Ибо когда люди работали безтолковым образом и работаю своею портили строение, а после принуждены свое дело переделывать, то есть одно дело дважды делать, не теряются ль тут труды полезных людей, не теряется ли время, не теряется ли жалованье и не страдает ли интерес государственной? Не потерян ли он тут напрасно и не к пользе, как во многих местах их рапорта писано обо мне?

Но довольно сего в оправдание мое от напрасной критики, естьли только критикою можно назвать ложь, сплетенную хитростью на старого художника, которой экзаминован и принят важнейшими академиями в Европе, которого искусство известно высоким особам в России и также именитым мужам в иностранных государствах; которой притом украшен знаком, свидетельствующим о непорочной его 35-ти летней службе; следовательно что он казенного инте-

реса напрасно не истреблял; на мастера, зделавшего в роде своем в иностранных государствах честь своему отечеству и произведшего в России множество учеников, которые сами ныне служат отечеству с похвалою и отличностию. Не ждал я никогда чтоб кронштатские господин капитан над портом и г-н корабельного дела мастер вздумали на себя принять лично, что прописано в рапорте моем в непросвещении, не именуя никого и потому начали бы они на старости лет моих экзаминовать ли, порочить ли меня в делах архитектурных, о которых им не можно и даже неприлично судить; ибо иной есть великой человек на воде и знающ в строении корабельном, а бывает часто на суши, что таковой не знает из чего составлен кирпичь и какие суть свойства каменного материала.

О гезеле фон Штемпеле я дивлюсь что он осмелился подписать на меня сгромождение неправды; но до чего не доводит иногда бедного подчиненного власть командирская? Я на него далее жалобы своей не продолжаю; наказания бедного сего человека не требую; как от угрызения людей, так и от духа мщения удаляюсь: всякую несправедливость презираю, немыслие же прощаю; особливо архитектурии гезелей хулы не боюсь да и похвалы от таких знатоков не ищу, ибо никогда

Достойной похвалы невежи не умалят;
а то не похвала, когда невежи хвалят[5].

Но дабы сие изъяснение мое могло служить мне впредь оправданием по сему строению, которое толь неправильно ныне окритиковано, а как могут быть еще другие какие либо напраснины сей подобны, лета же мои и упражнения не позволяют заниматься более ответами оправдательными; того ради покорнейше прошу ваше высокопревосходительство милостиво принять от меня сей рапорт; хотя не с тем чтоб я намерен был из сего дела произвести следствие какое либо по суду, но единственно для того чтоб приятием его в Комиссию кронштатских строений и привязанием к данному на меня вашему высокопревосходительству рапорту, в котором напрасно порицаются честь и знание мои, сие писание могло служить мне оправданием впредь, для всякого непредвидимого случая, ежели нужда потребует.

Б. НОВГОРОДСКАЯ ПАРУСНАЯ ФАБРИКА

212 МНЕНИЕ АРХИТЕКТОРА БАЖЕНОВА

1795 [г.]

Вместо починки парусной фабрики близ Новгорода, которая по сметам означается стоить будет на сумму 163583 р. 17 ко.

По столь знатной сумме разсуждается следующее, естли починится оная ветхость, то токмо на 3 и много на 5 лет. Но и оное не будет удобно к житью людям; для сего одного резона не благоволено ль будет построить каменный квартал на том же месте генерального плана, как назначено под знаком ☿, а вновь прожектированной план, фасад и профиль зделан для разсмотрения, на разные разположения, как заблагоразсудится, буде сумма довольная отпустится, то строить в два жилья, буде же разсудится по числу людей велико, то в одно жилье, буде же и то покажется много, то можно употребить на половину плана сумму меньше, нежели деревянную старую починку, ибо починка выше означенную сумму оказывает, а новое каменное весь план 285099 рублей 50 ко. А естьли половина уместить может все надобности, то только станет в 14 2549 рублей. Следовательно новая каменная половина дешевле знатно починки деревянной. При сем следует изъяснение и прилагается примерная смета. А по прот-

чим старым каменным планам, где показаны быть имеют починки, то те могут исправлены быть по поданным сметам. Естьли в новом чего не поместится.

Изъяснение

A: Квартал для рабочего народа, в каждом углу, щитая в один этаж, по 10-ти человек в комнату помещается свободно; народу в один угол — 430 человек, а во всех четырех углах 1720 <человек>.
Ежели в два этажа то помещается в каждом 860, а во всех четырех углах в два этажа 3440 человек.
B: Кухня для каждого угла.
C: Погреба для каждого угла.
Д: Нужные места, во всяком углу по 4.
E: Говспиталь или больница на 180 человек или тут поместить станы для тканья, а вместо церкви магазин.
F: Флигель для священника и другим церковным служителям. Буде не угодно быть церкви, то оное на усмотрение начальников.
G: Флигель для лекарей и другим служителям больницы.
H: Церьковь.
I: Дом для директора над фабрикою.
K: Службы к оному.
L: Кантора для фабрики.
M: Офицерская караульня.
N: Флигель, принадлежащей к канторе.
O: Четыре корпуса для помещения смотрителей над фабрикою.

В. СУХАРНЫЙ ЗАВОД В КРОНШТАДТЕ

213 РАПОРТ БАЖЕНОВА В ИНТЕНДАНТСКУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ

[Петербург], 21 сентября 1795 г.

На полученный указ от июля 1795 г., в коем велено сделать проект и смету сухарному заводу в Кронштадте <...> по местоположению на практике рассуждено для предосторожности с печами отдалиться с печами от домов тут находящихся вблизи, отступя кругом разных мер саженей, что означено под № 5, сделал 4 плана разно расположенных для лутшего рассуждения в коллегии членам, может быть который либо изберется удобнее и полезняя, один против трех[1]. Фасады и профиль со сметою примерною при сем прилагается, что касается до числа предписанных печей, то по местоположению всякой план свое число на себе означает, но буде где и недостает, то можно сделать прибавок печей и над сушильнями, в промежутках. В два ж жилья фасада не делана, потому что по климату нашему пекарни делать, выйдут из того великая неудобства, естли наверху будут печи, план старых печей прилагаю ж под № 6. Фасады ж и профили, которой план лутчий выберется, что потому надо токмо возвысить или уменьшить над печами же, сушильни ж между печей можно сделать еще несравненно лутчими, нежели на пекарне видны в Галерном дворе. Но сказанное не принадлежит архитекторам, но печным мастерам, то и оставляется подробно изъясняться о чужом мастерстве.

214 Г.Г.КУШЕЛЕВ[1] – А.Н.СЕНЯВИНУ[2]

Гатчина, 8 октября 1796 г.

Милостивый государь Алексей Наумович, Его императорское высочество государь наследник разсматривал прожекты на сухарной завод архитектора Ба-

женова, изволил наитить что им выдуманной образ печей весьма полезен; а так как сие не по его архитектурной части, и особливо сим изобретением показал по усердию своему пользу, то в награду за сие изволил приказать все строения казенные, находящиеся на его месте[3], кои положены в снос, отдать ему и нимало не мешкав тотчас позволить ему приступить к строению; буде же кто в них помещен из казенных людей, тех тот час перевесть в другие места <...>.

215 РАПОРТ БАЖЕНОВА В ИНТЕНДАНТСКУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ

13 июля 1797 г.

Сего июня 6 дня свидетельствован мною вновь построенный под моим ведомством прошлого 1796 г. в Кронштадте каменный сухарный завод и сделаны в нем на пробу для печения хлебов и сушения сухарей 2 печи с полатями. Усмотрено мною, что оные печи, в них своды и прогары от чрезмерного топления растрескались, от чего оные печи и дымятся, то и приказано мною сделать еще 2 печи дабы изполонить в них все те недостатки, которые я усмотрел <...>. А всего нужнее дать предусмотрение искусному печнику, которой мог выполнить и отвечать за прожект печей[1] <...>.

Г. ПРОЕКТ ГАЛЕРНОЙ ГАВАНИ

216 РАПОРТ БАЖЕНОВА В ИНТЕНДАНТСКУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ

[Петербург], 11 июня 1796 г.

На присланной ко мне сего июня 5-го дня от Адмиралтейской коллегии из интендантской экспедиции Ее императорского величества указ имею честь при сем достодолжном рапорте представить прожект, мнение и смету как ниже следует.

По осмотре моем пожарища галерного флота[1] нашел я что оставшиеся столбы, сделанные из кремнистой плиты, повсюду истрескались и многие уже потеряли свой перпендикуляр; кирпичные же столбы и простенки на слабом основании и грунте непрочными остались, почему в расположение нового плана годными быть не могут, иначе как сломавши употребить их в бут и в забутку нового строения сараев и магазинов. Сии причины побуждают меня думать, что сия знатная государственная часть российского могущества должна быть принята во уважение и быть построена вновь прочнейшим образом, со всевозможным уменьшением опасностей от огня и от других бедственных случаев, по плану, которого вид соответствовал бы приличному зданию, подавал бы удобство к свободному движению работников и материалов и совокуплял бы сии выгоды с красотою, дабы таковое строение не уступало наилутчим того же рода строениям иностранным, к вящему прославлению имяни премудрой Екатерины второй.

Ежели не разсудится разширять старой водной канал, которой имеет только 60 сажен в ширину и немного больше 200 сажен в длину, тогда можно сделать бассейн восьмиугольною фигурою как на плане ситуации назначено и с частным рисунком сходно, прорыть и вынуть землю в надобную глубину, а поперег прорыть таковой же ширины канал одним концем не в дальнем растоянии в море, где сказано мне, что фарватер близок, посему выход и въход в два канала были бы просторнее и удобнее для всяких нужд; другим же концем можно прорыть до речки поблизости текущей, котора<я> на плане генеральной ситуации назначена буквами А. и В., всю же оную гавань разрыть в каналы и

бассейны, глубиною как надобна будет; польза от того такая, что в случае пожара свободно утушать трубами и действовать другими орудиями; притом материалы не силою уже множества людей, но водою подвозиться будут ко всякому месту для строения и для починки меньшим числом работников.

Под каждым сараем помещены будут две галеры, а на противной стороне под каждым же сараем будут два магазина для всяких припасов и поклажи, и таковых же сараев вместе стоять будет не более трех, для шести ли галер или для шести магазинов, как будто на особливых островках, окруженных водою для лучшей безопасности от огня и для лучшего удобства по утушению оного в случае пожара. По другим местам могут быть насажены деревья, которые в случае пожара могут пламень прикрывать как щиты и не давать ему распространиться на другие острова, где ст<рое>ние или магазины для поклажи; а в случае ж усильного ветра люди будут иметь время выносить всякие принадлежащие флоту вещи и спустить вдруг на воду галеры и другие суд<на> для скорейшего убежания от пожирающего пламени, посредством простейшей и легчайшей машины, о которой не худо посоветоваться с механиками, так как и сленги не дело архитектора, но корабельного мастера.

Позвольте мне приметить, что разные части гавани в виде островков окруженных деревьями, посаженными в несколько рядов, кроме пользы своей представляли бы очам приятность зеленеющего сада; а для удаления электрической силы, вместо обыкновенных франклиновых отводов или железных прутов, полезно ставить на крышках или по бокам сараев лавровые деревья весною, летом и осенью: оное средство мне дано знать еще в Риме, потому что электр бежит прочь от сего древа; также и коровье молоко может одно погасить начинающийся пламень громового огня.

По нынешнему случаю для тритцати галер сараи и нужные для оных магазины можно начать строить немедля, по сю ли или по ту сторону восьмиугольника, ежели он будет апробован. А второй восьми-угольник я назначил на прожекте для переду, естли флот галерной умножится и надобность будет в новом бассейне; а между тем прожект мой может лежать в архиве, для чего я прилагаю разных идей планы в большем виде. А частной план, фасад и профиль сараям галерным и магазинам, а сии должны быть с полатеми на железе, разве повелено будет сделать высотою меньше, при генеральном плане ситуации со сметою я здесь приложил на благоразсуждение Адмиралтейской коллегии и Интендантской комиссии.

Но как не повелено делать ничего деревянного, то и врата должны быть железные, но механические, дабы в нужном случае можно было их скорее отворить; для того я сделал связи и на профиле показал дуги железные с переплетом толстой проволоки, дабы набить в переплет щетину с цементом, сверх чего после защекатурить.

Механик, определенный к сему строению, должен помогать к деланию крышек по искусству своему; ибо старые сараи сделаны были на три стока, — то есть над двумя галерами, между коими кровля была раздвоена и был в средине жолуб, из коего текло по столбам, что видно еще на их руинах; а сырость оная усугубляла также гнилость находящейся тут збруи.

Как потребовано от меня весьма поспешно, без всякого программа, Ее императорского величества указом, чтоб сделать прожект со сметами; а в толь важном деле всего нужного в подробностях предусмотреть вдруг нельзя, то я имею честь донести, что можно будет и впредь что либо убавить или прибавить к лучшему; и прошу быть уверенными об усердии старого художника, которой по силе своей в поздних летах своих желает сделать по своей профессии что либо важное и полезное для отечества и для славы великой Екатерины.

217 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ИНТЕНДАНТСКУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ

[Петербург], 16 июня 1796 г.

Хотя я имел уже честь представить на рассмотрение ваше разные планы, сделанные по разным идеям, для прожектированной вновь галерной гавани на пожарищном месте галерного флота, которые планы могут служить и ныне и для переду, но усердие мое, ими еще не довольное, побудило меня к сделанию другого прожекта, который по распоряжению своему кажется мне лутчим прежних, способнейшим, удобнейшим, безопаснейшим и величавейшим; того ради имею честь при сем оной представить на рассмотрение Коллегии; не соблаговолит ли, по расположению сего прожекта, выбрать из всех прежде поданных планов что либо лутчее, прочнее и соответственнее величию Российской империи и славе управляющей оною империею премудрой монархини. Частного же плана расположение, фасад и профили со сметою количества материалов для сего прожекта те же самые, которые я имел честь подать в Экспедицию при прежних прожектах.

218 «ИЗЪЯСНЕНИЕ ПЛАНА НОВОЙ ГАЛЕРНОЙ ГАВАНИ НА ПОЖАРИЩНОМ МЕСТЕ; ПРОЖЕКТ № 6»

[около 16 июня 1796 г.]

Ежели за благо разсудится строить по сему плану в будущие времена или совсем оной план уничтожится по нынешним обстоятельствам; однако желательно чтобы он сохранялся в архиве; ибо по мнению моему он есть лутчий из всех моих прежде поданных планов. Но ежели повелено будет строить одну только часто оного, например означенную в паралеллограмме красной чертою, по данному прежде частному моему рисунку, то обойдется строение против той же сметы материалам; полагая всякой сарай двойным, то есть на две галеры или на две кладовые; полагая также что сараи для галер и сараи для кладовых или магазинов будут одинаковой высоты; разве не приказано ли будет сделать сараи кдадовые ниже сараев галерных?

A. Бастионы вокруг всея гавани.
B. Для нынешней постройки сараи на 30 галер.
C. Сараи для галер и других судов; на будущую постройку.
D. Магазины или кладовые для нынешних и будущих потребностей для гребного и галерного флота.
F. Крепостное строение с бастионами А. (дело сие не архитекторское).
G. Смоло-варни.
H. Канал для мачт и для всякого другого леса.
J. Старой канал, где вход и выход судам.
K. Новый канал из гавани в море или из моря в гавань.
L. В пунктировке означаются сгорелые сараи или место пожарища.
M. Место, означенное для пристойного сему важному строению Памятника.
N. Другой параллелограм, в котором осьмиугольной же бассейн.

Примечания[1].

Естьли бы из сего бассейна провесть канал п.п. прямолинейно через Васильевский остров до Большой Невы, тогда можно бы целое адмиралтейство и корабельное строение тут связать с Галерною гаванью; для будущего времени было бы оное не внутри города, однако близ его; въезд с моря в обе Невы принял бы тогда вид столько страшный, сколько величавый, он впечатлел бы в сердце приезжающих отменные ко Всероссийскому столичному граду свято-

го Петра уважение и почтение, каковых ныне кожевни и бойни придать ему не могут.

Сей план № 6-й можно разделить на четыре части, которые дадут четыре прожекта; а каждый прожект составит изрядную гавань.

1-ой. Оставить план в целости и во всей величине его.

2-ой. Построить, как сказано выше, один только первой осьмиугольной бассейн на старом месте выгорелой гавани.

3-й. К сему осьмиугольному бассейну присовокупить полукруглый бассейн с сараями расположенными при нем в виде амфитеатра.

4-й. К первому осьмиугольному бассейну присовокупить без полукруга и без амфитеатра другой осьмиугольный же бассейн, что под буквою N и сие составит регулярную и довольно обширную гавань.

Все сии перемены означены на плане особливо чертою.

219 РАПОРТ БАЖЕНОВА В ИНТЕНДАНТСКУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ

[Петербург], 1 июля 1796 г.

Присланным ко мне из интендантской экспедиции Ее императорского величества указом от 13-го июня сего 1796 года велено мне делать прожект на построение в главном гребном порте для 120-ти канонирских лодок каменных сараев на столбах с железными стропилами и с таковою же крышкою и к ним магазинов и протчее[1]. По сему имею честь донести интендантской экспедиции что требование от меня еще до требования исполнено; ибо хотя и трудно приступить к таковым важным прожектам без программа, изъясняющего все подробности требуемого, а такового программа мне от интендантской экспедиции не дано; однако я сделал прежде чертежи по одной догадке, что нужно быть при порте гребного флота множеству строений для разных потребностей, например, магазинов и мастерских всякого рода; и зделаны мною разные прожекты по разным расположениям, которые я имел честь представить в интендантскую експедицию; особливо же я означил много мест на пространном прожекте плана под номером 6-м, где не только сараи галерные и магазины, но и сараи лодочные с нужными для них магазинами и другими зданиями экспедиция может сама расположить и назначить чему где быть по своему благоразсуждению. Мнение мое с примечаниями приложено к оным моим чертежам прежде поданным и ныне я от них не отступаю; а прошу покорнейше интендантскую експедицию да благоволит разсмотреть прежние мои прожекты, по которым на тех же местах все прежде требованное и ныне требуемое от меня со всякими другими надобностями построено и выполнено быть может, не портя растояний, означенных на планах; особливо на плане номера 6-го, которой есть лучшей и способнейшей из всех; итак ежели експедиция заблагоразсудит на означенных во оном плане каналах и островках, где либо удобнее и приличнее ей покажется, строить для шести или двенадцати лодок по одному сараю, то сему быть можно с тем наблюдением, что на шесть лодок сарай должен быть в половину ширины галерного, мною прежде означенного сарая, а ровен с ними длиною, только пониже против частного плана, поданного мною со сметою при прежних чертежах. А ежели експедиция за благо разсудит поместить 12-ть канонерских лодок в одном сарае, тогда галерной мною прежде прожектированной сарай соответствует и сему намерению, оставляя ему для 12 лодок ту же ширину и длину, какие положены мною для одного галерного сарая; только вышину должно убавить, по пропорции как вышина лодки состоит против вышины галеры; может быть что в половинном сарае

надобно будет прибавить ширину для подпор, но сие дело корабельных мастеров, а мне, архитектору, без программа знать оного нельзя.

Из вышесказанного следует что количество материалов в деле и цена уменьшатся; вычисляя в галерном сарае чего стоить будет каждая сажень кругом в деле, известно будет уменьшение материалов и цены в сараях, назначаемых для лодок и принадлежащих к ним магазинов; для примера же сего исчисления имею честь при сем представить интендантской експедиции план, фасад и профиль сарая для шести лодок; ежели угодно будет строить на местах, назначенных в поданных уже мною прожектах, из которых последний отвечает не только на вознамереваемое строение галерного и протчих мелких судов гребного флота, но и на целой корабельной флот, как явствует из примечаний, поданных мною на изъяснении плана под номером шестым[2].

Остается мне просить покорно интендантскую експедицию; ежели повелено будет мне что либо прожектировать впредь, дабы благоволено было при указе Ее императорского величества присылать мне подробной програм намереваемому строению и потому что во оное строение помещаться будет; а без сего мне наугад строить невозможно. Близ сорока лет я составляю мою профессию из архитектуры, берусь за расположение и отвечаю за прочность и красоту; но требуемое от меня ныне есть род особой архитектуры и для внутренних надобностей ее должно быть гидравлику, механику и корабельным мастерам; сие строение идет более к сим художникам, нежели к гражданскому и военному архитектору. Также смету делать ценам, во что станет материал, не есть дело архитекторское. При том ослабление зрения по летам моим, ослабление и памяти просят за меня чтоб я от смет ценам был уволен; того ради покорнейше прошу экспедицию дабы соблаговолила приказывать впредь делать сметы и расчичления ценам младшим архитекторам, хотя то не по их, а по моим прожектам[3]. Что же касается до трудов моих для прожектирования, то я всегда с последними моими силами, с радостным усердием и по долгу моему потщусь служить отечеству и приказанное мне по программу исполнять буду по знанию моему и по возможности лет моих, а по строениям ходить слабость ног моих едва уже мне позволяет.

XII МИХАЙЛОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ ДОМЕ БЕЗБОРОДКО В МОСКВЕ. 1796—1797

220 БАЖЕНОВ — ПАВЛУ I

[Москва], 24 января 1797 г.

<...> По приезде моем в Москву нашел я церковь пристрояющуюся к дому графа Александр Андреевича Безбородко[1] отменным усердием почт-директора господина Пестеля[2] великою грудою по косогору воздвигнутую архитектором Назаровым и всю почти в черне кончанную и все внутренние украшения, как то иконостас, почти готовы и уповаю на Господа и вся совсем кончится к марту месяцу, но всеподданнейше прошу Вашего императорского величества чтоб повелеть указом окончить ее тому же архитектору Назарову[3] и моему помощнику Миллеру[4]; но я как отправлен сюды без всякого вида, то и не могу ответствовать за прочие преуготовления, кроме Михайловской, о которой испрашиваю себе повеление, дабы без воли Вашего императорского величества от оной отринут не мог быть; в оной же церкве не повелите ли, Государь, кафедру уготовить, также как повелите, святить ли ее до прибытия вашего в сию древнюю столицу вашу.

XIII ЗАПИСКИ БАЖЕНОВА О СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛАХ

221 ЗАПИСКА О ПУЦЦОЛАНЕ

[Москва, декабрь 1772 г.]

При государе императоре Петре Великом потребно было делать в Кронштате канал Золотой и для того заваливать море не камнями, но крепким фундаментом. Были притом иностранные архитекторы, были и руские; вспомнили о потъцолане[1] и послали искать ее по всей Русии; но нигде не нашли кроме Белгородской губернии; тут сыскалась земля, которая пошла в дело следующим образом: приготовляли ее как лебастр сухой толченой, потом наклав плитнику на деки вышиною и шириною в сажень якобы ящик четвероугольный пересыпали оный плитник тою сухою землею. Машиною опускали все в воду; лишь только в воду опускалось, то вдруг все делалось камнем; и теперь вода не течет, потому что плитник зделался целою стеною. Оной земли в Белгородском уезде есть столько, что для всего Московского государства ее довольно, ибо есть целые горы; называют ее там цементом; пуд становили в Петербург из Бела города по пятнадцати ли, по дватцети ли копеек, впротчем можно справитца в Адмиралтействе почему, и сколько и на какую потребу оной цемент употребляли.

222 МНЕНИЕ О КАЧЕСТВЕ КИРПИЧА НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ДВОРЦА В МОСКВЕ[1]

24 января 1776 г.

По объявленному вашим сиятельством[2] от Конторы строения домов и садов указу с предложением его высокопревосходительства <...> Ивана Ивановича Бецкого, дабы всем здесь в Москве находящимся архитекторам, в том числе и мне, освидетельствовать глину, кирпич в сырце и жженой, которой делается на заводах казенных при Екатерининском дворце, и притом нет ли на оном каких либо трещин или выкрошки в кирпичах, кои уже употреблены в практику, и о том дать свое мнение письменно.

Потому я и осматривал сего 1776 году генваря 21 дня выше помянутое строющееся здание в собрании прочих архитекторов, также и видел глину, кирпич в сырце и жженой всех выходов из печей прошлых годов; на что имею по должности моей изъеснить вашему сиятельству мои мысли нижеследующим.

Глина, из коей делан кирпич и которым возведены уже близ половины стены дворца, никуды годная, а разве по нужде можно употреблять ее в хлебные печи, очаги и тому подобное, следовательно таков ее и сырец да и выжженой не луче, по причине в ней находящихся разного свойства разных примесов, а более всего с хрящом, песком и апокою[3], коя по вынутии из печи и получа влагу распукивается, обращаяся в извеску; а жирность сей глины, я думаю, не иное что составляет, как в ней находящиеся земляные соли, дрязг, слизь и тому подобное, кое вылетело из ней во время обжига кирпича вместе з дымом, а осталось излишество в ней вышеобъявленного хрящу и прочего; отчего кирпич лишь только тягостен больше, а самого существа оной глины в нем, кажется, не находится и десятой доли. По сей-то причине в оном кирпиче есть множество скважин ноздреватых, зделавшихся от примешенных сгоревших частиц, почему он и связи уже никакой не имеет; но принимая в себя как губка бурные мокроты, в сухое же и холодное время выжимая оные, крошится, а особливо в нынешние морозы он немощен и с известью недруг по слабости своего сложения, против северных ветров трус и к понесению тягости слаб, а притом в непродолжительном времени делается и прахом, как уже сие доказывает тут же близ дворца трех годощной, хотя и в клетках и под крышкою лежащей кирпич, однако претворившийся из обжиги почти весь в грязь. Не меньше же видно и на самой практике, а особливо со сторон норда, что он сильную от оного получает чахотку и во многих местах становится пылью, как то видно почти по всем стенам, где оной употреблен был, также и потоки красноватого его пепла, как бутто текла краска; да тут же во многих местах положил я за примечание себе, где Кремлевской экспедиции кирпич[4] положен на с олнце и в тени имеет на себе иней; то я и заключаю, что оной, по своей плотности и хорошему качеству глины, посредственно и совершенно выжженой, борется с морозом; а тутошной кирпич, где между тем положен, не имя на себе морозу, лежит сух, печален и сыплется, почему и теперишной настройки и тягости выдерживать не в силах, оттого-то он во многих местах и скрошился; а когда еще возрастающую десятисаженную высоту получат, да сверх еще и кровлю, то я весьма сумневаюсь чтоб не распучились шпации; ибо по ево наружности кладен выжженной, а внутри по обыкновению может быть клался недожженой, то и от извески одной сырость ему вредна, и распукою своею не зделал бы из всей громады руину, а разве таковой кирпич по самой крайности употребить в службы небольшого расположения комнат, да и то в невысокие, кои б не более были как в одно жилье; естли ж надобны будут своды и перемычки, то я никак бы из оного делать не отважился; ибо по кропкости его я щитаю за лутчей недожженой кирпич партикулярных заводов, кои близ заставы Калуской и Серпуховской, нежели тутошней самолутчей выжиги. А как мною видано здесь и в других местах, а особливо в Италии весьма многие роды глины, и как оная делается и употребляется; то хотя там инде в некоторую глину кладут и солому, дабы по вынутии из огня кирпича было более на нем скважинок, чтоб далее в него проницала известь, но сложение той глины такое, что когда в обжиге и в практике оной в себя раствор всасывает и назад не отпускает, а оной род глины, как я и выше сказал, по излишним своим порам без связи, и от извести получа мокроту не довольно с ним схватывается, но отпускает; а при всем еще оном может доказать решительнее весна, чего ныне зимним временем всего и видеть не можно: однакож, кажется мне, и теперь довольно по всем моим примечаниям осмотрено; и для того я уже более не делав и проб, а натура сама все объявила. В доказательство же еще вашему сиятельству здесь сообщить честь имею примечание славного в древности архитектора Витрувия, которой пишет во второй своей книге в 3-й главе[5] о родах глины и ее связи, и в какое время кирпич из нее делать и о прочем; то и он таковаго вещества глину, какову я на помянутом строении

нашел, совсем опорочил, а говорит, та глина удобна к делу кирпича, коя к осязанию пальцов подобна мелу и белая; но таковая у нас найдена только во Гжельске[6]; вторую одобряет красную, в коей примечает он песочек, таковую и я признаю, что видел у вас, принесенную для пробы, но только с отменою желтоватого цвета. Есть и других видов близ Москвы, из коих и та и другая весьма к делу полезна. Также не худо доказывает и другой младшей автор Королевской французской академии архитектор господин Бюлет[7] в своей книге под именем «Практическая архитектура» и подтверждает, как и Витрувий, о песке и глине[8].

223 МНЕНИЕ О КАЧЕСТВЕ КИРПИЧА ЕКАТЕРИНИНСКОГО ДВОРЦА

24 апреля 1778 г.

По объявлении вашим высокопревосходительством[1] высочайшего Ее императорского величества имянного повеления чтоб мне свидетельствовать с протчими архитекторами строение вышеупомянутого дворца: можно ль на нем надстраивать по опробованной высоте; или что с помощью разборки негодного кирпича весть его ко окончанию! Почему и ваше высокопревосходительство находились при генеральном нашем осмотре сего 778 года 20 апреля и персонально от нас всех собранных рассуждении видеть в практике и слышать разговоры изволили[2]. И сим письменно я имею по долгу моему изъяснить то же: и не отходя от прежде поданного мною мнения двора ее императорского величества господину камер юнкеру князь Ивану Петровичу Тюфякину; токмо с тою еще теперь розницею, что чрез дву годишное время еще оказалось ныне непрочности в кирпиче более, а особливо усугубились и трещины на простенках, где внизу есть каналы, чему мне показыван и профиль господином архитектором Бланком; на коем означен фундамент ниже ватерпаса стен капитальных; почему и уповательно сырость оных жидит канальную подошву; к чему то подает повод трогаться наружным стенам и внутренним простенкам, однако благоразумие каждого знающего строителя сыщет способ оному и другому возможность; но есть местами и столбы на сводах сих водопроводов, кои выведены в погребах, своды ж на белом мячковском камне и во многих местах начало пят взято тем же кирпичем, которой как дробь крошится; и вечную взял в себя сырость, отчего исчезает еще скорея, а всего более опасности видется, что столь на слабых столбах в верхних жилищах возведены уже и стены таковой же дурноты, как на пробранном месте для пробы оказалось, что вы и сами видеть изволили, тот кирпич как в муке лежит, а не связан с известью, хотя во многих местах употреблено и лутчего кирпича, но где! на слабостях перемычек, а инде по свет окошак, инде же в углах и столбах, но также с дурным и чрез многие ряды мешано: в наруже же, а внутри и еще может быть слабея; то по сему отважиться настраивать никак по моему разсуждению не можно, хотя бы то уже было из самолутчего материала: да и с переборкою кажется не менея и не годится; а особливо господин архитектор Бланк объявляет, что щитается по опробованному фасаду высоты, от первого жилья, уже построенного, еще с фронтшпицами или брантмаурами десять сажен възводить должно, а о кровельной тягости уже и всякому лишек известен; что ж касается до фундамента его, то назвать хорошим много, а худым нельзя, как я видел по частям разрытых мест, однакож по кароткости время весь его разсмотреть и не можно; то оное кому строение вверяется, тот может быть найдет в довольное на то время каковые либо и еще неудобствы; для чего найтится может в фундаменте и цокуле с протчим к лутчей переправке местами или совсем вновь, не менее же и во всех подробностях. А как я обязан моею должностию, по высочайшей Ее императорского величества воли, быть при строении села Царицына, то и не могу отлучаться оттуда на многое время: а особливо ныне при наступающей лутчаго время в работе на извести, взойти проницательней уже мне и не можно.

XIV БАЖЕНОВ-ПЕДАГОГ

А. УЧЕНИКИ И ПОМОЩНИКИ БАЖЕНОВА. ЕГО АТТЕСТАТЫ АРХИТЕКТОРАМ

224 ИЗ ДОНОШЕНИЯ М.П.ПАВЛОВА[1] В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

апрель 1771 г.

<...> В положенной ныне архитектурной на меня должности, к которой я с давнего времени чрезвычайно склонность имел и между прочим моей резной науки дел в оной обучался, да к тому же имел и способной случай в бытность мою в Париже с г.архитектором Баженовым, от которого наставления получал и в знании моем от него я аттестат имею[2] <...>.

225 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ ОТ СТРОЕНИЯ ЕИВ ДОМОВ И САДОВ – И.И.БЕЦКОМУ

20 октября 1766 г.

Сего 1766 года апреля 11 дня ведомства оной канторы архитектуры ученик Михайла Удесов[1] от архитектора Василея Баженова атестат за прилежность по особливой своей склонности к художеству архитектуры, знание как в пропорциях регул[2], так и в рисунках собственно своей композиции и за доброе поведение удостоен к произвождению архитектуры в помощники с надлежащим жалованьем[3] <...>.

226 БАЖЕНОВ – К.Г.РАЗУМОВСКОМУ[1]

[Петербург], 4 ноября 1766 г.

Порученной мне от вашего сиятельства Малороссийской коллегии войсковой канцелярист Максим Мостипанов[2] для докончания начатой им архитекторской науки особливою его к оной склонностью и усердным прилежанием и в начальных пропорциях и композициях приобретенным знанием, заслуживает о себе рекомендации.

Я довольно видев его к сему художеству ревность, тщание и успехи, за долг мой почитаю зделанной им по задачам вашего сиятельства прожект вашему

сиятельству в разсмотрение представить, а при том со всякою справедливостию вашему сиятельству засвидетельствовать могу, что он, Мостипанов, подает хорошую надежду быть полезным в сем художестве отечеству. — Теперь остается вашего сиятельства власти отличить его за такие прилежности от прочих Малороссийской коллегии служителей приличным его науке чином, а к тому наградить его, как для содержания себя, так для покупки необходимо потребных к архитектуре книг и на инструменты с материалами, годовым достаточным жалованьем, что он совершенно в свое время отечеству отслужит.

227 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ ОТ СТРОЕНИЯ ЕИВ ДОМОВ И САДОВ – И.И.БЕЦКОМУ

[Петербург], 25 ноября 1766 г.

Бывший в ведомстве сей Канцелярии архитектурии ученик Иван Левенгаген[1] напред сего находился в ведении Московской гоф-интендантской конторы, а потом взят в Санктпетербург и был при канцелярии добропорядочно, напоследок по приказанию вашего превосходительства определен был к строению кадецкого корпуса в команду архитектора Баженова[2] но ныне оному Баженову по неимению при том дела отказано, почему и он Левенгаген остался праздным; а данным от Баженова атестатом он Левенгаген удостоиваетца произвождению архитектурии в помощники[3], да и канцеляриею из представленных от него Левенгагена чертежей усмотрено, что он в рисовании оных хорошее искусство имеет, а в таковых людях Канцелярия всегдашнюю надобность имеет же, и их при оной недостаточно[4] <...>.

228 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА О НАГРАЖДЕНИИ М.Ф.КАЗАКОВА СЕКУНД-МАИОРСКИМ ЧИНОМ

[Москва, конец 1768 г.]

<...> В разсуждении того, что он <Казаков> по знанию его в архитектуре столько приобрел, что не токмо при начале строения, но и впредь к большим делам способен, а сверх того и в случае болезни его Баженова самую его должность по нем отправлять может[1] <...>.

229 АТТЕСТАТ БАЖЕНОВА К.С.ПОЛИВАНОВУ

[Москва, около 16 ноября 1769 г.]

<...> Оной Поливанов начальной пропорции архитектуры, также арифметике и частию геометрии у сторонних, да и у него Баженова близ году обучается архитектуры ж и рисованию фигур на своем коште, которой и успехи являет изрядные, да и впредь хорошую подает надежду <...>.

230 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 23 ноября 1769 г.

По представлению моему прислан ко мне от Экспедиции Ее императорского величества указ: велено оным сыскав мастера скульптуры, в оную представить; коего я нашел немецкой нации господина Юста[1] — весьма знающего; и при сем его представлять честь имею: а как оной теперь и весьма нужен к задаваемым фигурам и орнаментам к мадели образцам, то Экспедиция крем-

левского строения не соблаговолит ли с ним договорясь в год ценою всю принадлежащую к мадели работу ему делать по моим задачам и ко мне оного прислать; а ему в договоре изобразить, что ему есть в помощь два художника от Императорской академии художеств отпущенных[2], да трое форматорщиков; что в ево работе есть оными облегчение.

231 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 23 ноября 1769 г.

По прежде представлению моему имею от Экспедиции Ее императорского величества указ, в коем мне велено приискивать помощников для необходимостей к деланию модели и к будущему строению. Теперь я приискал одного учившегося в чужих краях 13 лет, сперва на своем коште, а потом несколько годов и на казенном, а содержание его последнее было зависимо от Коллегии иностранных дел, откудова он имеет и отпуск с награждением чина коллежского актуариуса до приискания себе в другом месте службы. Ныне он желает быть при мне в помощниках: должность ево и знание не в чертежах и не в рисунке; но, именно, в разсуждениях о математических тягостях, в физике, в переводе с латинского, с французского и еллино-греческого языка авторских сочинений о величавых пропорциях Архитектуры; также для изъяснения откуда произошла красивая Архитектура; да и в протчем, что в таком величайшем здании, каково будет Кремлевское здание, да и по нынешнему при мадели делу такова человека иметь весьма нужно и необходимо для разсуждения математических и физических правил и примечаний; итак, чтобы не упустить ево куды в другую каманду, я имею честь Экспедиции кремлевского строения оного коллежского актуариуса Федора Каржавина представить, чтоб соблаговолила ево принять для вышеписанных резонов, и определить с жалованьем, на первой случай, как первого класса помощнику[2] и ко мне ево прислать.

232 АТТЕСТАТ БАЖЕНОВА М.К.МОСЦИПАНОВУ

[Москва], 8 января 1770 г.

<...> Означенной Мосципанов[1] будучи у него в каманде как прежде для обучения архитектуре, так и при строении Кремлевского дворца упражнялся в теории, а где допустил случай и в практике[2] чрез пять лет и столько успел, что по справедливости находит он Баженов достойным награждением и получением чина; уверяет же притом, что не тщетно он потерял время но может везде производить здания с хорошим вкусом архитектуры. В бытность его при нем Баженове поступал так как надлежит доброму и честному человеку <...>.

233 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 16 января 1770 г.

<...> Находящийся при нем прапорщик и архитекторской помощник Иван Баженов[1] хотя по требованию и по опробации ево рисунков и атестован 2-го класа помошником, в чем он и действителен, однако усмотрел он архитектор Баженов ево поступки, да и впредь в знании успеха при таком великом здании, каково будет Кремлевское, надежды в нем не предвидит и требовал, чтоб ево Ивана Баженова от команды выключить.

234 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 28 января 1770 г.

По долговременному упражнению в рисовании и в учении у меня придворного лакея Ивана Андреева сын ево Петр Иванов Кубасов[1], которому от роду четырнадцать лет оказывается, как мною усмотрено, надежным со временем быть помощником при таком великом строении, каково Кремлевское. Начало от меня принято оными, кои и после смерти моей останутся с несколькими моими мыслями по привычки с малых лет; и для того имею честь сим представить Экспедиции кремлевского строения чтоб соблаговолила оного Иванова ко мне определить с жалованьем на первой случай по дватцети по четыре рубли на год.

235 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 15 марта 1770 г.

По полученному от Экспедиции Ее императорского величества указа от 14 марта 770 г.[1] об уволенном с пашпортом от гоф интендацкой канторы титулярного советника Василья Семенова сына Яковлева[2] велено мне его свидетельствовать в знании его Архитектурии цивилис, которого знание мне было небезизвестно, а ныне я разсматривал ево и прожекты, в коих нашел я весьма хорошую надежду в перемену ево вкусу к зданию Кремлевского дворца. Что ж касается до прилежности его к трудам, то оного теперь я Экспедиции кремлевского строения доказать не могу, а впредь по усмотрению представить честь иметь буду; естли же вышепомянутой господин Яковлев окажет свою должность против другого заархитектора[3], то следовательно и уравнение в жалованье против первого быть имеет, а ныне я назначить сам не могу, а в том отдаю на разсуждение самой Экспедиции, что ж принадлежит до надобности ево к делам кремлевского здания, то весьма нужно ево определить с наименованием заархитектора[4].

236 ОТВЕТ БАЖЕНОВА НА ЗАПРОС ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 7 мая 1770 г.

Скульптор Иван Ясныгин[1], надобность требует его принять, ибо во оном имеется великая надобность при делании мадели, но что касается до его жалованья, то и сама Экспедиция кремлевского строения небезизвестна, что не хуже ево имеют меньшее жалованье, следовательно мне оного положить и не можно, а отдаю в волю самой Экспедиции. Но не благоволено ли будет ему дать столько, как получают академические художники[2], да и то определить помесячно, ибо ево должно мне знать прилежность.

237 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 7 июня 1770 г.

Сего июня 5 дня присланным из оной Експедиции указом предписано мне для случающихся надобностей, так как и ныне для снятия повеленного Кремлю плана, знающего инженерное искусство не могу ли я в команду мою ко

определению сыскать; а сверх того ежели мне нужно иметь и помощников более ныне состоящих, то б ко определению искусных представлять Експедиции, дабы в них никакого недостатку не было; в сходственность сего указа ныне я нашел знающего архитектуру уволенного от Академии художеств художника Ивана Федорова[1], которой и должность инженера в снятии ситуацией мест исправлять может. Того ради оного Федорова Експедиции кремлевского строения при сем и представляю, дабы соблаговолила ево Федорова приняв определить на первой случай второго класса помощником с произвождением положенного по тому классу жалованья; а принадлежащие до инженерного искусства инструменты чтоб соблаговолено было искупить.

238 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 18 ноября 1770 г.

Я имею честь онои Експедиции сим представить что находящемуся в команде моей при сочинении Кремлевскому зданию чертежей учеником по контракту отпущанному вечно на волю от господина статского советника графа Ивана Головина бывшему служителю ево Константину Поливанову срок вышел, о котором небезизвестно самой Експедиции. А как оной Поливанов в бытность свою при Мадельном доме в помянутых чертежах изрядные оказал успехи и весьма хорошей снискал навык, то я осмеливаюсь Експедицию кремлевского строения сим утруждать, дабы соблаговолила оного Поливанова по его в чертежах искусству, а по недостатку в команде моей учеников и помощников определить в службу помощником третьего класса. Ибо сверх того что он обучался на своем коште, в всемилостивейше пожалованной от Ее величества Императорской Академии художеств привилегии перьвой главы в первом пункте имянно велено принимать в художники всякого звания, какого б ни были, изключая одних тех крепостных людей, кои не имеют от господ своих увольнения; а оного Поливанова не только помянутой господин ево вечно на волю отпустил, но всякие государственные поборы за него платить обязался. А как здешнее место ни штатское, ни военное, но к художествам принадлежащее, следовательно никаких к определению ево препятствий не предвидится. Впротчем естьли Експедиция кремлевского строения по каким либо обстоятельствам не благоволит вышеписанного Поливанова определить в службу, то дабы соблаговолено было, по надобности в нем при модельном доме, заключить с ним контракт с платежом по 150 р. на год ибо он того стоит[1].

239 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 16 декабря 1770 г.

Архитекторские ученики при Мадельном доме необходимо надобны, которых уже несколько и набрано, однако ж из них по аппробации кои способными окажутся, те останутся, неспособные же с нового года уволены быть имеют; ибо их с первого возгляду узнать не можно, надежен ли кто будет или нет; а ныне нашелся уволенной с атестатом от Императорской академии художеств ученик Яков Базаров[1] и просит о определении ево при мадельном доме в Архитекторские ученики; которого Експедиции кремлевского строения при сем представляю, дабы соблаговолено было оного Базарова для пробы принять с произвождением ему жалованья на первой случай по 4 р. на месяц.

240 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 22 декабря 1771 г.

Находившийся прежде в команде моей архитекторским учеником Дмитрей Баженов[1] хотя по представлению моему из ведомства оной Експедиции и был выключен; но как я стороною услышал что он исправился и успехи в рисовании оказывает против прежнего гораздо лутшие; того ради по недостатку ныне учеников дабы благоволено было оного Баженова приняв определить попрежнему с жалованьем по семидесяти по два рубли в год.

241 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 15 марта 1772 г.

Надобность требует для особого присмотра по чертежной за всеми принадлежащими ко оной материалами способного человека, а ежели к тому отделить из помощников, то уже не может исправлять других дел по архитектурии, ибо оных ныне мало состоит и едва исправиться можно; то я оной Экспедици<и> за нужно нахожу представить чтоб соблаговолено было к тому присмотру определить в число помошников найденного мною отставного сержанта князь Алексея Волконского[1] з жалованьем на первой случай против 1-го класса учеников в год по семидесят по два рубли.

242 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 9 ноября 1772 г.

Хотя находившийся прежде в команде моей помошник Федор Смирнов[1] за некоторой ево проступок по представлению моему и был выключен и по выключке определен в Камор-коллегию; откуда ныне по прошению ево уволен; и что он, как видно, в поступках себя поправил, в том ему Смирнову о поведении ево от оной коллегии дано одобрение, кое Експедиции при сем представляю; но как ныне в разсуждении толь огромного строения по недостатку помошников люди надобны; а он Смирнов будучи прежде в команде моей упражняясь в архитектуре некоторой уже снискал себе навык, и просит о определении ево попрежнему; того ради дабы соблаговолено было оного Смирнова приняв определить в команду мою помощником попрежнему с тем же жалованьем какое он получал прежде, то есть в год по сту по дватцети рублей.

243 АТТЕСТАТ БАЖЕНОВА АРХИТЕКТОРУ А.А.ИВАНОВУ[1]

Петербург, 31 января 1774 г.

С великим удовольствием рассматривал я представленные мне господином пенсионером здешней санкт-петербургской Академии художеств Алексеем Алексеевым сыном Ивановым проекты и слушал учененные им по художеству нашему изъяснения и по тому всему нашел я, что он, будучи послан от той Академии в Париж и Рим, не праздно там препроводил свое время. На то он по приобретенному им знанию и искусству достоин быть архитектором и исполнить везде сию должность, во уверение чего дал я ему свидетельство.

244 ЗАПИСЬ В ЖУРНАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ: ОБЪЯВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА

1 мая 1774 г.

<...> В команде ево находятся с самого начатия строения кремлевского дворца учениками Михайла Комаров, Алексей Третьяков, Дмитрей Баженов[1], которые знания в архитектуре чрез толь долгое время весьма довольно приобрели и возлагаемые на них должности как в чертежах так и на практиках по строению отправляют наряду с протчими его помощниками, ни в чем их не хуже, а потому требует о переименовании их из учеников, буде не можно помощниками, то хотя в название запомощников архитекторских и для окураживания их прибавку жалованью <...>.

245 АТТЕСТАТ БАЖЕНОВА, К.БЛАНКА И М.КАЗАКОВА АРХИТЕКТОРСКОМУ ПОМОЩНИКУ М.Ф.МЕДВЕДЕВУ

[Москва], 23 апреля 1775 г.

Я нижеподписавшийся дал сей атестат[1] подпоручику Моисею Федорову сыну Медведеву[2], определен он Медведев в ведомство Экспедиции кремлевского строения по представлению от меня в 1771-м году генваря з 24 числа архитекторским помощником, который и находился при делании модели и при строениях как кремлевском, так и для пребытия Ее императорского величества на Пречистенке[3] вновь зала з галереями и протчих комнат и смотрением над кирпичным казенным заводом и в 1771-м году у строения двух церквей на кладбищах[4] и в порученном мне от Правительствующего сената у рытья для Неглинной бассейн, возложенные ж дела по архитекторской должности исправлял добропорядочно и по знанию ево в архитектуре в теори<и> и практике достоин быть первого класса архитекторским помощником с прибавкою жалованья и к повышению ранга.

246 АТТЕСТАТ БАЖЕНОВА АРХИТЕКТОРСКОМУ ПОМОЩНИКУ А.И.ТРЕТЬЯКОВУ[1]

[Москва], 30 декабря 1776 г.

<...> Третьяков, обучаясь у него 6 лет, был прилежен и успех имеет изрядной в художестве архитектуры гражданской, по препорции своей прилежности знающ и может строить посредственное здание <...>.

247 АТТЕСТАТ БАЖЕНОВА АРХИТЕКТОРУ Н.Н.ЛЕГРАНУ[1]

[Москва, 1778]

<...> Оказав многими строениями в Москве в лутчих и почитаемых пропорциях разными академиями, подражая вкусу древнего Витрувия и Палладия, чем заслужил полное звание архитектора; в поведениях же и поступках снискал себе любовь и почтение.

248 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА В ЭКСПЕДИЦИЮ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

[Москва], 28 февраля 1786 г.

Как по всевысочайшему Ее императорского величества именному повелению имеющемуся в Експедиции по прошению моему от должностей на меня

возложенных уволен я для исправления моего здоровья и исправления домашних собственных моих дел впредь на год, а вследствие того и бывшие у меня доныне по строению в селе Царицыне планы и протчее представлены в Експедицию, но в разсуждении как у меня состоят ученики Семен Арфанов, Иван и Николай Урюпины и Николай Козмин[1], которых более я иметь при себе надобности уже не имею и не могу, и потому представляя оных в реченную Експедицию атестую что они поведения хорошего и в архитекторской науке довольно успешны и с пользою для отечества могут быть и на предбудущее время, и не благоугодно ли будет Експедиции оных определить в свое ведомство, жалованья же они получали Арфанов и Урюпины по семидесяти по два рубли в год, а Козмин сорок восемь рублей в год же.

249 АТТЕСТАТ БАЖЕНОВА УЧЕНИКУ Д.И.ВАСИЛЬЕВУ[1]

Петербург, 28 октября 1798 г.

От действительного статского советника Баженова. Объявитель сего Дмитрей Иванов сын Васильев был сперва у меня нижеподписанного архитекторским учеником при московских строениях, потом был в Московском главном народном училище рисовальным кандидатом, за неимением ваканции на учительское место, в 1794-м и 795-м годах, по отпуску же от оного места находился опять при мне поможником в разных архитектурных чертежах и строениях, а ныне вторично иксаменован мною и найден способным быть архитектуры помошником, о чем свидетельствуют самые чертежи трудов его; почему он желает вступить в службу Его императорского величества по своему таланту, в которую он достоин принят был с обер офицерским чином и з жалованьем по оному. В продчем он человек весьма хорошего состояния, отменно трудолюбив, тресв и в знании своем по архитектурской должности изправен, во свидетельство чему дан ему Дмитрею Васильеву сей аттестат за подписанием моим и з приложением моей обыкновенной печати.

Б. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

250 РАПОРТ МОСКОВСКОЙ УПРАВЫ БЛАГОЧИНИЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ В МОСКВЕ П.Д.ЕРОПКИНУ[1]

18 февраля 1790 г.

Поданным в Управу, коллежский советник, архитектор, академик Императорской санктпетербургской академии художеств и профессор разных иностранных академий Василий Баженов, объявлением прописывает, что намерение его есть по привилегии и уставу Императорской санктпетербургской академии художеств принимать в дом свой (состоящий в 4 части на берегу Москвы реки в приходе Софии) учеников. На каком же основании оным прием и учение происходить имеет, представил при том правила, им предположенные, в рассуждении чего просил об оном куда надлежит представить, а те правила для сведения почтеннейшей публики дозволить ему пропечатать в газетах.

В тех же представленных от него, господина Баженова, правилах значится: «Многие знаменитые особы, любители просвещения и распространения в отечестве нашем полезных наук и художеств, с давнего уже времени изъявляли ему желание свое, чтоб он принимал к себе учеников для наставления их в тех художествах и искусствах, в которых он имел щастие почерпнуть некоторые посильные сведения от продолжения многолетних своих в них упражнений; но разные важнейшие дела и должности исполнить такового лестного для него

препоручения не допускали. Ныне же, имея к тому удобный случай и желая соответствовать таковому об искусстве его благоприятному мнению помянутых любителей художеств, также показать своим соотечественникам все те добрые услуги, усердие и равность к общему благу, какие только могут состоять в его воле, при том же и сообразно привилегии и уставу Императорской санкт-петербургской академии художеств, коея академиком быть он за величайшее щастие и за честь себе вменяет, решился уделить свободное время на образование дарований молодых людей, кои ему вверены будут от родителей своих, господ или начальников, сообщая им все нужные сведения в архитектуре, живописи, скульптуре, перспективе, оптике, гравировании, мозаичной работе и во всех тех науках и художествах, которые с сими главными искусствами имеют непосредственное свое соотношение. На сей конец принимает он к себе в помощь несколько человек искусных учителей, кои, при недреманном его и ежедневном, с утра до вечера, наблюдении, будут обучать поверенных ему молодых людей во первых, арифметике, потом геометрии, далее рисованию и наконец уже, когда разсмотрена будет каждого учащегося склонность и острота, то, судя по оной и с согласия отдавшей особы, учащийся будет приуготовляем и образуем в архитекторы, или живописцы, или в скульпторы, или в граверы. Но как таковое предначинание сопряжено с великими, наипаче по недостатку здесь хороших в каждом роде из вышеупомянутых художеств мастеров, издержками: то, дабы обезпечить себя в оных, заведение сие не иначе начало свое восприимет, как ежели наберется до тридцати учеников. Почему он и приглашает всех почтенных и знаменитых любителей художеств и споспешествователей общественного просвещения учинить ему в том с своей стороны патриотическое пособие вверением ему молодых людей, кои, обучившись сим изящным искусствам, могут тем самым учиниться полезными для общества членами, а тем не менее вознаградит и их частно за приложенное об усовершенствовании их дарований попечение и положенный на то капитал.

В разсуждении платежа за учение нужным почитается распределить оный таким образом: 1) Ежели кто пожелает чтоб отданный им ученик обучался токмо арифметике, геометрии и архитектуре, таковой должен платить за него по сту пятидесяти рублей на год, половину денег наперед за каждые полгода, при чем ученик должен иметь свою пищу, одежду, обувь, бумагу, карандаши и инструменты; 2) Желающий отдать обучить всем трем помянутым наукам и сверх оных еще рисовать, платит по двести рублей на год; 3) Ежели же кто, сверх арифметики, геометрии, архитектуры и рисования, пожелает обучить рисовать с гипса и натуры, тот должен вносить по двести по пятидесяти рублей на год, и наконец 4) Ежели кто разсудит за благо чтобы отданный им ученик знал и все прочая искусства, с архитектурою тесную связь имеющие, и о которых выше упомянуто, тот должен платить по триста рублей на год, половину денег за каждые полгода вперед.

К сему не излишним кажется присовокупить, что, поелику самим любителям художеств и упражняющимся в сих небезизвестно, что дарования не могут никак быть внушаемы, а токмо острятся и в усовершенствования приходят чрез нескольколетние упражнения и труды, то в разсуждении времени учения и сих отдаваемых ему, коллежскому советнику Баженову, учеников не можно положить никакого определенного сроку; ибо по различию склонностей, способностей и остроты ума учащихся самые дарования ранее или позже развертываться и образоваться могут. Однако, предполагая в каждом молодом ему поверенном человеке некоторые нужные способности, всякий отдающий ему в науку не прежде как через пять лет может и сам уже видеть, нужно ли и полезно ли для него будет прекратить курс учения или для вящего усовершен-

ствования того юноши еще оставить его для дальнейшего в предначатых искусствах преуспеяния. Наконец нужно также напомянуть, что ученики, которые через три месяца первого года не окажут никаких способностей и надежды к обучению тех художеств, которым их намеревались посвятить, и притом ежели и в разсуждении поведения своего, яко нужнейшего и важнейшего для каждого человека предмета, не заслужат доброго о себе мнения, то по прошествии показанного времени, во избежание всякого от господ поручающих их неудовольствия, отданы быть имеют обратно. Бедных и неимущих родителей дети могут приходить к нему обучаться без всякой платы, лишь бы только имели они нужные способности и были бы добронравны и не испорченного какого либо поведения.

Впрочем он ласкает себя надеждою, что сие преднамереваемое им заведение принято будет от благомыслящих особ с тем отличительным участием, каковое они приобыкли принимать в делах, целию своею общее благо имеющих, и что оные не припишут ему корыстолюбивых или иных каких видов, а паче из патриотической любви подадут ему все способы быть полезным для своих соотечественников, преподавая им такие сведения, которые могут приносить и частно им, и обществу вообще всю ожидаемую пользу и выгоды, в чем он, судя по нынешнему просвещенному времени и покровительству, каковое повсюду встречают науки и художества в пространной Российской империи, и наконец, по исполненному горячей любви к отечеству расположению своих сограждан нимало не сомневается.

Особы, желающие воспользоваться приобретенными им знаниями относительно до проектирования каких либо строений, могут быть уверены об точном и скором исполнении их требования. А для избежания всякого неудовольствия нужным почитает назначить платеж за таковые труды на следующем основании. Ежели проектируемое строение будет на двенадцати саженях, то за план оного, фасаду и часть профиля с переделкою того, ежели угодно будет, до двух раз, требует он не более ста двадцати рублей; половинное число денег наперед; ежели же оное будет более двенадцати сажень, то за каждую, сверх двенадцати, платить должно еще по десяти рублей.

Наконец, ежели кто из патриотической любви к распространению художеств, а особливо натурального класса, который оживляет всякое художество, пожелает учинить ему пособие в постройке галлереи и в наполнении ее художественными произведениями, в каковой доселе сия столица имеет еще недостаток, то он таковое предложение примет с величайшею готовностию и приложить все свое тщание к удовлетворению такового похвального и любовь к обществу знаменующего предначинания».

О чем вашему высокопревосходительству на благорассмотрение Управа благочиния сим представляет и просит об оном в повеление резолюции[2].

251 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БАЖЕНОВА ПАВЛУ I

[Петербург], апрель 1799 г.

<...> Долг есть всякого верноподданного располагать служение свое, по всей возможности и разумению, к удовольствию Монарха, к славе владычества его и к выгодам его подданных. Я тогда почитаю себя бездыханным, когда не мышлю о Вашем, всемилостивейший Государь, и о всеобщем благе. К сим двум предметам прикрепляет меня и клятва, и должность верноподданническая.

С того времяни как по высочайшему Вашему повелению я действительно вступил в должность вице-президента Императорской академии художеств[1] имел я случай сделать разные примечания на сие толико важное в Российской

империи учреждение; которые всеподданнейше осмеливаюсь положить к подножию монаршего престола, в той надежде, что промеж других отечеству полезных упражнений Вашего императорского величества удостоятся и сии примечания высокомонаршего воззрения <...>.

252 ПРИМЕЧАНИЯ БАЖЕНОВА ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

[Петербург, апрель 1799 г.]

1.

Войдя во все потребности нынешнего положения Академии художеств, нашел я что она по нижеследующим причинам в разсуждении переменившихся обстоятельств, во многом отошла от намерения с каким она была основана для общего блага Российской империи; большое число малолетных детей принимаемых без разбора в воспитательное ее училище, прежде нежели развернулась влиянная природою господствующая к наукам ли или к художествам или мастерствам склонность отягощается вдруг многими и трудными понятиями в разборе разных букв иностранных языков, когда те дети не знают еще собственного своего языка, и в то же время начинают обучать их рисованию, часто против склонности их, от чего при самом начале учение показывается им горестью и делается отвращение, рождается душевная унылость и может произойти со временем порча в нравственном и физическом поведении таковых молодых людей: ибо хотя бы кто родился с великою способностью к одному которому нибудь из трех знатнейших художеств, но тот его дух от трудов летам его несоразмерных в самом зародыше умолкнет. Следовательно и надлежит надзирателям юношеского воспитания брать всевозможные меры для облегчения памяти детской, дабы мозговые жилки не пришли в разслабление в молодых еще летах. Довольно того, чтоб малолетние дети обучались российскому языку и закону Божиему; а чрез знание сего последнего достигнут и до науки добронравия: между тем дать им в руки карандаш и бумагу вместо игрушки и примечать к чему более стремится желание их; а после таких замечаний должно вести их постепенно к цели академической; паче же всего возбуждать в них охоту к рисованию, без чего не только художником, но и ремесленником хорошим быть не можно; а в котором откроется природная неспособность, такового можно обучать низким мастерствам, ежели того пожелает сам; иначе отдавать назад родителям или родственникам его.

Не хулю я учение иностранных языков; они полезны; но не в первых возрастах: да и в последних, должно преподавать юношам сие учение по желанию их, а не по принуждению. В разсуждение книг митологических, иконологических и других сим подобных, которыи потребны для художеств, они писаны очень коротко: и Академия может платить переводчику и напечатавши раздавать ученикам; так что для сих знаний особливых профессоров не надобно иметь Академии, потому что воспитанники достигнут до оных знаний из одного чтения.

2-е.

Более тритцати лет уже приметно стало, что от Академии художеств желаемого успеха не видать;[1] хотя появились прямые и великого духа российские художники, оказавшие свои дарованья, но цену им не многие знали и сии розы от терний зависти либо невежества заглохли; при том же признаться должно, что таковых художников было не много, а причина сему та, что мы взялись неосторожно за воспитание, не сходственное со нравами национальными: не

узнавши склонности молодого человека, отец назначает его к художеству рад и единого куска хлеба и отдает его на руки учителей, в школу, основанную на монаршей щедроте, не испытавши сил его и без всякого приготовления к учению академическому. Академия художеств есть училище, основанное для спознания трех знатнейших художеств: живописи, скульптуры и архитектуры; а познание сие требует не только предварительные многие знания, но и природную к сему самому склонность. Из сего следует, что Академия не может быть вместе и школою высоких художеств, требующих разцвелого уже ума, и училищем воспитательным, где дается первое образование пребывающему еще в темной почке уму, на что потребны в надзирателях скромность, кротость, благонравие и добродетель; ибо в самых младчайших летах полезнее и нужнее всего благорастворение солнца правды, любви к Богу, к Государю и к ближнему своему; на сих твердых столбах основано блаженство для духа, души и тела; на них основывается прямое воспитание, лутче всех наставлений французских. Тогда, смею сказать, будут выхадить из Академии хорошие художники, полезные искусством своим мастера, добронравные граждане, кроткие сыны отечества своего, напоенные с молодых лет духом повиновения, без которого нигде не бывает единодушия ни согласия и никакое начальство благоуспешным быть не может.

Заключаю сие примечание таковым моим мнением, чтоб впредь не принимать малолетных в Академию художеств, но отворить сие училище для всякого желающего спознать художества, а как учение сие должно быть свободное, то допускать до него одних только свободных мальчиков, совершенно выученных российской грамоте, и когда они довольное время походят в академические классы в определенные часы и успехами своими, соединенными с добронравием, откроют явную охоту и склонность, тогда, а не прежде, принимать таковых на содержание академическое и определить их к тому художеству, к которому открылась врожденная склонность. Однако не запрещается господам профессорам обучать в своих покоях, а не в академических классах, кого они пожелают, ибо из сего выходит общественная польза.

3.

Из благонравных и кротких воспитанников можно выбрать в смотрители над десятками учеников, под названием сениоров, то есть старших, или кондукторов, то есть вожатых; а оные десятники, примечая за всеми поступками своего десятка, отнесутся к господину инспектору; а во время учения по своему классу, оставляя учеников на попечение очередного или дежурного профессора или адъюнкта, продолжают свое учение; за таковое их смотрение Академия может положить тем десятникам денежное награждение, особливо естьли они станут обучать грамоте и писанию мальчиков своего десятка по ночам; а ту сумму хранить в казне до выпуска их, дабы при сем случае, до приискания себе места, могли они прокормиться без труда.

4.

Для лутчего успеха профессорам должно быть всякой день в своих классах в часы учения: ибо когда учитель не работает сам в классе, тогда ученик не может примениться к приемам учителя; не видит, как рука его действует молотом или владеет кистью: эстампы, гипсы, картины суть учители немые; горячат идею; но без деятельного учения должен мальчик доходить до искуства ощупью и наконец хорошему образцу выйдет из него холодной подражатель, но не будет он никогда мастером своего художества, ибо никакого великого духа в себе чувствовать не станет без руководства и не будет даже знать какой

Академии держаться ему в разсуждении колеров; а с разных картин списывая копии не будет никогда хорошим оригиналистом. Следует из сего, что все профессоры и другие разных именований учители и мастера художеств, пользующиеся академическим жалованьем, должны работу свою, какая бы она ни была, то есть собственная или заказная, партикулярная или казенная, делать в Академическом классе, с такою же свободою как в своей комнате: сие будет тем полезнее для воспитанников, что будет тогда кому поправлять их в рисунке и давать им мысли; сие было разумно заведено при начатии Академии; а оные господа могут учреждать между собою очередь для ежедневного смотрения надо всеми академическими классами, и выбрав себе помощников для поправления слабых; ныне же те из воспитанников, которые под имянем помощников имеют смотрение в классах, занимаются только своим присмотром, и не могут усовершаться в знании своем, а чрез учреждение вышепомянутого порядка, сами не будут терять своего времени и мысли каждого должны быть изощряться; особливо, когда ученики будут близко своих профессоров, успехи их виднее будут, нежели когда сидят они 4 и 5 часов сряду, перед оригиналом, который говорит только глазам, но уму никакого наставления в неопытанности его дать не может.

5.

Около 35-ти лет тому, как на содержание Академии определено монаршею щедротою по шестидесят тысяч рублей в год, с тою надеждою, что Академия собственными доходами сделает со времянем немалое приращение своею экономиею оной ежегодно получаемой сумме; но времена переменились; цены всех жизненных припасов и всего того что необходимо нужно для Академии, знатно возвысились так, что по нынешней дороговизне платят втрое либо вчетверо дороже против того времяни как оная Академия высочайше учреждена, — доходов же никаких важных Академия не приобрела, потому что никаких к тому пособий не имеет. А хотя при самом начале, по притчине неполного числа учеников, в течение первых пятнатцати лет оставалось в экономии ее не более восьмидесяти тысячь рублей, но оные деньги потом употреблены были на строение академическое; потому что высочайше ассигнованная на то сумма, в разсуждении военных обстоятельств, не была сполна отпускаема; Академия же по сие время осталась на той самой сумме, какая с начала учреждения ее в 1764-м году на содержание была определена, почему прежняя сумма становится недостаточною и Академия, требующая великих поправок в своем строении, не может долго держаться в таком положении, в каком она находится ныне, ибо надлежит во многих местах переменить балки и потолки, станки и оконнишные переплеты, пришедшие в ветхость от давнего времяни и угрожающие опасностью; при том настоящая церковь не отделана, о чем представлено еще в прошлом году с надлежащими сметами от Академии в Правительствующий сенат.

Все сии недостатки к содержанию и к поправке Академии художеств принуждают меня, по должности на меня положенной, представить об оных Вашему императорскому величеству и просить о милостивом воззрении на оные, дабы Императорская академия художеств подкрепляема монаршею десницею, могла избегнуть того низпадения, которое кажется для нее неизбежным.

Хотя щедрота царская имеет разные каналы, коими может оживотворить Академию, позвольте, Всемилостивейший государь! предложить высочайшему разсмотрению мысль, от которой могла бы воспоследовать великая польза для Академии, естли бы она заслужила монаршее Вашего императорского величества внимание, именно: Академия художеств имеет позади здания своего довольно земли, чтоб на ней выстроить несколько домов для отдачи в наем, из

которого могла бы она иметь доход для своего содержания; но сего зделать сама собою она не в силах, а все бы возможно было, естьли бы Вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше указать вспомогательному банку, да даст Академии художеств в заем на десять лет без процентов облигациями достаточную сумму, как на новую постройку, так и на старые поправки, с тем чтобы по истечении тех десяти лет Академия уплачивать станет из дохода найма и выплатя весь капитал и за десятилетние проценты в банк, Академия стала бы пользоваться безпрепятственно и вечно теми своими доходами, не имея нужды утруждать более казну государеву для своего содержания; особливо когда бы Государь император повелел как картины, так и эстепмы, бюсты, бронзы и другие художественные вещи, привозимые на биржу из чужих земель, оценять Академии, с доходом ей несколька копеек с рубля оценки. Россия имела бы чрез то такую выгоду, что публика перестала бы платить безмерную цену как она часто платит за такие вещи, вдесятеро больше нежели они стоят, обогащая чрез то иностранцов, которые вывозят лишние деньги из России, пока покупщик разоряется покупая, по неумению своему, часто копию за оригинал. Между тем Академия могла бы приращать сама более художников и добрых сограждан в отечестве нашем, особливо естьли бы одобрением монаршим вошло в обычай, отдавать казенные работы российским художникам под присмотром академическим, а не иностранцам, отнимающим у россиян не только хлеб, но и самой случай показать свое усердие и искуство; ибо число тех не только велико в России, но они же живут в ней и предпринимают всякую работу без ведома академического, не бывши ею ексаминованы и не получивши от нее ни атестата ни привилегии; чрез что они притесняют национальных мастеров и мало помалу отнимают доверенность публики к императорским академистам. От сего родилось другое злоупотребление, имянно такое, что и природные художники Российские, вошедши только в преддверии художества, и не совершивши учения своего, поспешают занимать без ексамена места, на которых следовало бы быть художником, апробованным Академиею, и в прожектах своих относящимся к ней на разсмотрение; ибо не только планы дворов, что строются в городе, но и оценка разных в нем домов, должны зависеть от Императорской российской академии художеств.

6.

В числе экономических выгод, Академия, осмотря и очистя реку против своего здания у пристани, намеревается сделать тоню и отдать ее в наймы с выговором какой либо части для воспитанников, которые чрез то будут пользоваться свежею пищею; а наем денежной имеет быть употреблен на заведение небольших кладовых, где Академия должна иметь всегда запас карандаша, бумаги, алебастра и всего нужного в художествах; также леса для столярных починок полов, скамеек, оконничных переплетов; и для поклажи многих слесарных надобностей.

Не излишно бы было Академии иметь у себя собственных своих мастеровых людей, как то башмашников, портных, плотников, столяров, печников, трубочистов; в сии ремесла можно отдавать не способных к высоким художествам учеников, по желанию их: а жены таковых ремесленников могли бы, за умеренную годовую плату, исправлять должность швеи, прачки и делать все починки около белья и платия ученического; ибо то худое хозяйство, когда всякую мелочь отдавать делать на сторону либо на подряд.

7.

Желательно чтоб Академия могла довести свои доходы до того, чтоб ежегодно употреблять некоторую сумму денег на покупку эстампов, картин и книг

нужных для художеств, такоже и на платеж переводчикам: есть в руках частных людей переводы с книг, полезных для художников: но те переводы остаются у них в рукописях, потому что частные люди не могут приступить к гравированию потребных к тем сочинениям многочисленных фигур; в числе тех рукописей упомяну здесь о краткой Витрувиевой Архитектуре, о Параллеле древней и новой Архитектуры, о Иконологии[2] и протчии: но Академия на выписывание книг, картин, инструментов, эстампов, статуй и других надобностей никакой суммы положенной не имеет. Был у ней мармор, назначенной на разные поделки и выписанной из за моря ее коштом, но и тот взят у нее имянем Вашего императорского величества; а сего мармора с другими академическими поделками для казны было на 14 тысячь рублей; что в экономической сумме академической по нынешним ее обстоятельствам составляет чувствительный недостаток.

В таком недостатке своем Академия с благодарною радостью приймет дар монарший, естьли благоугодно будет Вашему императорскому величеству повелеть отбракованные картины с эстампами, которых есть великое число в дворцовых кладовых, не стоющее того чтоб украшать царские чертоги, да отдадутся Академии художеств где они могут служить еще с величайшею пользою для воспитанников.

8.

Академия художеств, имея нужду в почетных членах и в почетных любителях художеств, которые не только имели бы знание о художествах вообще, но могли бы самым делом представить способы к приведению оных в большее совершенство; следовательно были бы Патриоты, заступники и покровители, намеревается просить августейших особ в доме императорском и пригласить из числа знатнейших вельмож российских; на что осмеливается она просить высочайшего соизволения Вашего императорского величества[3].

XV ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И НЕСЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАЖЕНОВА

253 Ф.В.КАРЖАВИН — БАЖЕНОВУ

[Троицкая] лавра, 30 мая 1769 г.

Милостивейший мой государь, любезнейший друг и старинный в корабельном горохоядении[1] товарищ! Поздравляю вас с приездом из Петербурга[2], и желаю чтоб он вам во всем щастлив был; мне он столь много радости причиняет, сколь сперва опечалило меня данное мне известие, что вы из Петербурга назад в Москву не будете; а ныне имею я притчину надеяться на ваши обещания, и на продолжение вашей дружбы; все ли здорово ездили? Желаемое получили ли? Господина Старова видели ли? И не имели ли где случая говорить с батюшкою?[3] И Петербург все ли на старом своем месте стоит? Вы сами получили ли себе повышение чина[4], и к какому делу изволили вы определиться в Москве? Что до меня касается, то все по старому; и с нетерпеливостью ожидаю времени вакации, претерпевая между тем много горести от некоторых здешних лжеучителей, а мне лжебратьев[5].

При чем остаюсь с должным почтением ваш покорный слуга Федор Каржавин.

254 БАЖЕНОВ — Р.И.ВОРОНЦОВУ (?)[1]

[Москва], 12 июня 1770 г.

Сиятельнейший граф! Милостивейший государь!

Имею честь уведомить ваше сиятельство, что вчерашнего дня по полудни в 9 часов загорелось подле двора Анны Сергеевны Галицыной[2] и ветром огонь пожарной понесло на Знаменку, отчего, по усердию и благоразумию полицейских господ командующих, все службы, принадлежащие к двору Вашего сиятельства, имели нещастие служить жертвою огню: я говорю, по усердию господ полицейских, потому что сколько моего старания и прозьбы моей не было о защищении ваших покоев от огня к господину маэору полицейскому Дилю, так за то я от него господина маеора Диля при всей публике заслужил название свиньи и он приказал отвесть прочь от вашего двора ту трубу, которая близ его находилась; и так огонь пробрался до самого Белмонтиева теятра что на Знаменке, где и кончился в 5-ом часу по полуночи; однако ваши собственные

покои все остались, слава богу, в целости; о чем имею честь уведомить ваше высокографское сиятельство, пока вы получить изволите от вашего управителя подробнейшее описание сего нещастливого случая <...>.

255 БАЖЕНОВ. ЗАПИСЬ СНА

Москва, 18 ноября 1771 г.

В Москве морового 1771 года, ноября 18 дня.

Видел сон в 4 часа по полуночи. Буто во все небо сияния солнечного фигурою овала в востоке, а я был у церкви Николая чудотворца что на Корьей ношке на могилах моих родителей[1], откудова я по воздуху летел к свету, в коем мне воображалась св.Троица, колером как пишется царь славы и в таком одеянии одна фигура сидячея с глобосом и скиптором, на последнем вместо креста на конце рука; мне воображалось что сие окончание моровой заразы, другая фигура стоючи с кадилом; потом увидел я себя в церкви незнакомой пред святой Троицей, коя сидела у левого крылоса в виде живом и в плате светлонебесном, а голобя не вида<л>, а я пел стих знакомой, токо теперь не могу вспомнить, голоса своего приятностию весьма был доволен и воображал что не по моей груди и лутче моих малых лет[2].

В Потешном дворце[3].

256 П.А.ДЕМИДОВ[1] – И.И.БЕЦКОМУ[2]

[Москва], 12 апреля 1772 г.

<...> Мне хотелось весь берег от Яузы до Каменнова моста зделать[3], да такая беда, что помощников нет, хотелось мне поговорить с его превосходительством Михаилом Михайловичем Измайловым, да ево в Москве нет, он живет в подмосковных деревнях, а господин архитектор Баженов человек горячей, он привез берегу чертеж, да и показал себя будто бешеным, я ему только сказал, чертеж семечком прикормлю, он раскручинился, я де не алтынник, да и не меньше тебя куриозник, сидеть не стал, проводя его до кареты, он с тем гневом поехал; а чертеж ево также делан без инструмента и фальшивой; так я чертеж лутче зделал, у него же зделан бык, где часто починки будет требовать, а ежели бы от быка зделать стенку, а в Неглинке перемычку и мост, то бы очень хорошо было, где у меня точками назначено, которой прилагаю. <...>

257 П.А.ДЕМИДОВ – И.И.БЕЦКОМУ. О ПРОЕКТЕ ЗДАНИЯ КОММЕРЧЕСКОГО УЧИЛИЩА[1]

Москва, 3 ноября 1772 г.

<...> На опушке жилья, дабы как питомцы, так и учителя не избаловались. <...> Близ Сыскнова приказа и Татарскова кладбища[2] место высоко, порожно, одинако с полуночной стороны дорога и прекрасный преспект быть может для украшения города, да на ту пору войди же по оному месту план на подобие перемиды, о четырех этажах, да и не дорого, а подлинно в нашей империи еще нет, таперя мучу господина Баженова, да он болен и хвалит, а то бы ваше здоровье видел. (Ежели строению у тебя в плане нет, то хорошо, а буде, паче чаяния, есть, вот беда, да как ты найдешь хорошо, так и поправим, только в публику подождать), а ежели планов нет, так мешкать нечево, мне таки хочется, чтоб российская коммерция пузырилась <...>.

258 П.А.ДЕМИДОВ – И.И.БЕЦКОМУ

Москва, 10 декабря 1772 г.

<...> Строению план Коммерческого училища Баженов замедлить не хотел: а думаю, не скорея трех почт. А мне потребны ваши мысли, ладна ли подле Татарскава кладбища, я уш тут два двора нюхать зачал. Так бы помаленьку купить, один пустой, а другой жилой, а место добро чтоб не прошло <...>.

259 П.А.ДЕМИДОВ – И.И.БЕЦКОМУ

[Москва], 20 декабря 1772 г.

<...> Северни господин Баженов пр<ивез?> чертежи[1], да мне-тыки еще не показались, для н<ебо>льших поправок, так я их оставил, а вместо их посылаю примерную фигуру, так-то мне расположилось о четырех этажах, ежели ваше здоровье сего не отменит, так и далея на эдаком основании к удовольствию всего внутреннего движения постарается.

Ежели другим фасоном разсудишь так мы бросим, а где быть бы сему строению, тебе я уже писал[2] <...>.

260 БАЖЕНОВ – Г.А.ПОТЕМКИНУ[1]

Москва, 30 июня 1774 г.

Ваше высокопревосходительство,
милостивой государь.

Осмеливался я утруждать вашего высокопревосходительства маия 15 дня письмом моим о исходатайствовании мне какой-либо высочайшей от Ее императорского величества милости и щедроты; причем послано изъяснение страждущего моего духа и план церкви к его сиятельству генерал-фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцову[2]. Известно же мне, что вы, милостивой государь, будучи в Сарском Селе получить их изволили; и уповаю, требовании мои уже рассмотреть соизволили; но неизвестно мне то, имело ли оное действие, чего со изнурившими силами едва не умираю в ожидании всемилостивейших щедрот к уплате долгов и воспитанию четверых детей моих[3]. Естьли имеете в исходатайствовании какой успех, прикажите, милостивой государь, отписать строчку утешительную, для облехчения горестей моих; также и о плане церковном, угоден или нет; все оное дерзаю смело песпокоить по известному мне вашего высокопревосходительства великодушия и по любви к наукам и художествам <...>.

261 ЗАПИСКА, ПРИЛОЖЕННАЯ К ПИСЬМУ БАЖЕНОВА Г.А.ПОТЕМКИНУ ОТ 30 ИЮНЯ 1774 г.

Архитект Баженов покорнейше просит о исходатайствовании ему:

1-е. Пятнадцати тысяч рублев заимообразно на десять лет, без процентов и с вычетом ежегодно половины его жалованья. Сии деньги ему неминуемо нужны для поправления его и оплаты его долгов, в которые войти принужден он был сперва возвратясь из чужих краев на обзавожение себя всем необходимо надобным, а потом для приобретения себе и детям своим небольшей деревни и дома[1]; и коих он по причине частых поездок в Санктпетербург[2] и причиненного той деревне его злодеями разорение[3] оплатить получаемым жалованьем и доходами с оной не в состоянии. Ободрен будучи примерами, что Ее императорское величество изволит восстановить своих подданных, а особливо пого-

релых, ссудою из казны на десять лет без процентов, уповает что и он, как претерпевший разорение, сей высочайшей милости лишен не будет.

2-е. Пожалования его в такой чин, которой бы возвратил ему потерянное старшинство и отменил его от учеников: ибо, находясь в настоящем чине артиллерии капитана 8 уже лет, многие младшие перед ним, в его же искусстве упражняющиеся, получили в сие время по одному и по два чина, и самые ученики его с ним сравнены. Сия милость будет ему награждением за великие его труды, употребленные при строении Кремля и за обучение других, строением же здесь дворца и триумфальных ворот оказавшихся[4], а паче же ободрением впредь к спокойному и непостыдному продолжению возложенной на него многотрудной должности.

3-е. Медной медали Кремлевской закладки и дозволения послать оную и проэкт сего строения во Французкую Академию, чего требует от него учитель его, той Академии член Деваили[5] для доставления и ему сочленства оной. Как сие желание не может принесть предосуждения, а честь нашему Отечеству и зделать поощрение другим к прилежному учению, то и надеется он, что прозьба его о сем отринута не будет и пожалуется ему при том еще другая такая же медаль, для сохранения в его потомстве в память сей монаршей милости и оказанных им услуг[6].

262 П.И.ПАНИН[1] — БАЖЕНОВУ

Симбирск, ноябрь 1774 г.

Государь мой Василей Иванович!

Каково действует во мне истинное мое к вам усердие и почтение, тому послужит прямыми знаками сие, что в самое получение вашего высокоблагородия мне приятных писем[2] дал я повеление Пензенского уланского корпуса шефу и воеводе, естьли вотчина ваша[3] прежде не была усмирена по моим общим предположениям, то б послал в нее надежного офицера с командою, заводчиков возмущения забрал под караул и зделанные им допросы прислал ко мне, а расхищенное у вас собственными мужиками приказал возвратить. По тем допросам зделаю я собственным разсмотрением лутчее к вашей прочной пользе. Регистратор Дрынин[4] будет конечно определен по желаемому месту. Я всегда с отличным почтением и с усердной искренностью пребуду

вашего высокоблаго<родия...>.

263 ПРОШЕНИЕ БАЖЕНОВА ЕКАТЕРИНЕ II

[Москва], 10 июля 1775 г.

Всемилостивейшая Государыня!

Всеподданнейшее мое прошение повергаю к освященнейшим стопам вашим, с испрошением всеподданническим, о награждении меня таким чином, которой бы мог мне возвратить потерянное старшинство пред моими сверстниками, как упражняющимися в подобном моему искусстве, так и по артиллерии, долговременное закоснение мое при многотрудных должностях и в одном чине без малого чрез десять лет, а больше еще двадцати-пятилетнее мое упражнение в искусстве[1], от коего я слабость здоровья и умаление зрения начинаю чувствовать, заставляют меня в преклонении моих лет просить толь милосердую Государыню при неоставлении меня зжалиться и на моих детей, кои по смерти моей неминуемо претерпеть будут крайнюю бедность по причине 15 тысячь рублев долгу, нажитого мною как в службе и в учении, так и в заведении дома и надлежащего к моему художеству. Для уплаты оного прошу все-

подданнейше ссудить меня заимообразно толикою суммою из казны вашего величества на 10 лет без процентов с вычетом ежегодным в уплату половинного моего жалованья.

А поколику еще при мне и учеников трое денно и нощно трудились в службе вашего величества чрез десять лет и невзирая на многократные мои о них представления остались и поныне без награждения[2].

В заключение всеподданнейше прошу Ваше императорское величество о награждении и сих приличными по их искусству и трудам чинами.

264 ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДАЖЕ ДОМА И ДЕРЕВНИ

29 января 1776 г.

Архитектора и артиллерии капитана Василья Баженова каменной о двух жильях дом, в коем до 16 покоев, под лесницею каменная баня, деревянной флигель людской о трех покоях и четвертая топлюшка, два погреба с сушилами, каретной сарай, конюшня на четыре лошади, два анбара для хлеба, сад с прудиком, с редкими яблоньми, грушами, вишнями и другими для украшения деревьями, оранжерея, в коей близ ста дерев, в том числе персики, разных родов вишни и сливы, пять больших лимонных и оранжевых дерев и других по нескольку, также при оранжерее и светлица о четырех покоях для садовника; в доме же его до 50 картин редких мастеров, книг Архитектурных до ста, также немалое число эстампов, рисунков и прочего, что до художников принадлежит; Да жены его Аграфены Баженовой недвижимое имение, состоящее в Пензенском уезде, в Завальном стану по обе стороны реки Хопра, село Покровское, Березовка тож, в коем церковь деревянная, утварью весьма снабденная, крестьян по последней ревизии 190 душ, а на лицо мужеска пола с 240, из коих на выключку назначено 40 душ, лесу дровяного по Хопру рощами верст на шесть, мельница о одном поставе, земли по урочищам душ на 500, также и сенных покосов, а четвертями, что явится по писцовым книгам, естьли кто пожелает купить по 80 руб. душу, или перевести его долги на себя, те б благоволили явиться к помянутому архитектору самому, в его доме, состоящем на берегу Москвы реки в Средних Садовниках, в приходе церкви Софии, премудрости божия[1].

265 БАЖЕНОВ — П.В.ЗАВАДОВСКОМУ

Москва, 5 февраля 1776 г.

Милостивой государь мой Петр Васильевич!

Я довольное время искал случая еще в бытность вашу здесь в Москве[1], чтоб трудить вас, моего государя, о избавлении меня от погибели, исходатайствованием у всемилостивейшей Государыни поправления моего бедного состояния; но к нещастию моему был я обнадежен своим случаем, уповая что и само собою поправиться может; однако во всем я обманулся; но теперь в крайности моей не имею инова способа к кому другому прибегнуть, кроме вас, Милостивого государя; и всепокорнейше прошу не оставить разоряющегося художника; чему здесь осмелюсь приложить краткое объяснение страждущей моей жизни[2], дабы вам, милостивому государю можно было видеть и иметь лутчие мысли при поднесении Ее императорскому величеству моего всеподданнейшего письма[3], кое здесь же увидеть соизволите и найдя удобное время доложить всемилостивейшей Государыне, которое вашего высокоблагородия ходатайство может меня ощастливить и оживить не только меня, но и всю мою жалкую семью! При сем прилагаю прибавление из газетов московских[4]; из чего разсудите, Милостивой государь! естли все продам, то с чем дети останутся? В начале без про-

питания, да при том еще и не все уплачено будет. Ускорите, ваше высокоблагородие, подать помощь! Окажите ваше великодушие! чем подкрепите заведенное, но увядаемое художество <...>.

266 «ИЗЪЯСНЕНИЕ АРХИТЕКТОРА БАЖЕНОВА»

[Москва, 5 февраля 1776 г.]

Всех уже дватцать пять лет как я употребляюсь в моем художестве; между тем я был офицером, учился с похвалою и с отменными успехами возвратясь оттуда в мое отечество в чине статском, *но в секунд маиорском,* чему ныне одиннатцать лет; во все оное время гоним судьбою, не видал ниже одного дня, чтоб был чем ни есть порадован; десять лет в теперишном чине, до пятидесяти человек учил учеников без всякой корысти, из коих много таких, которые изрядными успехами оказались в службе Ее императорского величества и получили равные уже со мною чины, а другие и превзошли меня; также есть и Архитекты, никак не более меня знающие, ниже трудами вящими оказавшиеся и младшее против меня, а имеют чины статских и коллегских советников и всегда вновь производятся, да еще и премножество моих учеников из за моих трудов получали от всемилостивейшей Государыни табакерки, деньги и другие знаки всевысочайшей Ее милости. Никогда бы меня оное не потревожило, естли бы все вышеписанные по каким либо отменным трудам или знаниям превзошли, но все от меня ж жадностию похищают, где б только могли разными происками увидеть, и непозволительным образом на моих выдумках подписывают свои имяна, только бы обманывать всех и чрез то получать титлы.

А более всего стеснило дух мой пятнатцатитысячное число рублев долгу, имеющегося на мне, которой я нажил не мотовством, ниже каким другим образом, кроме как усердствованием моим Отечеству, набирая беднейших, и для их обучения выписывал нужные книги, покупал эстампы, редкие картины, гипсы и все что касается до художества из своего и заемного избытка, в уповании, что начатое великое здание в Кремле будет продолжаться, следовательно и должно бы иметь в прибавок Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств оных учеников, кои б, быв при начале столь славного здания, могли и по смерти моей продолжать оное, и помня самое в фундаменте начало с лутчим бы успехом окончали; Но зависть все у меня поглотила, как столь великое для отечества нашего здание, так и моих потомков отняла имя; а я чрез восемь лет продолжавши оное — только остался без здоровья, с повреждением зрения и с лишком пятнатцать тысячь рублев долгу, имея трех сынов и дочь малолетных. Итак разсудите, Милостивый государь. Художнику, дватцать пять лет упражнявшемуся со славою еще и не в своем отечестве, потом зачавшему здесь с амбицией огрому без всякой корысти, кроме чтоб иметь в жизни великия Екатерины Славу, Ее заведением художеств, можно ли взирать в то время на свои убытки, кои меня разоряли? А именно в Санкт Петербург всякой год два и три раза поездки, а наипаче оная славная закладка возобновления древней столицы, коя вконец меня сразила, ибо одно оное стоило мне тысяча восемьсот рублев; а напоследок заплачен ударом; и естли б не подкрепила моя неповинность с представлениями моими, то едва бы были ль моей жизни остатки и на поверхности земной!

Лишь сие окончал, то чувствительно и обижен, узнав, что по Экспедиции кремлевского строения еще ныне произведен маиор Суровцов[1] *в подполковники, член по одному месту младшей и уже посел старшим, то взойдите, милостивой государь, каково мне видеть тово, которой из за моих плеч вылес, и не могу понять, чем я прослужился, разве кремлевские контрофорсы осадкою своею все у меня от-*

няли, но я об оном за три года множество делал представлений, то что же мне делать было, когда не хотели тово изполнять[2].

267 ПРОШЕНИЕ БАЖЕНОВА ЕКАТЕРИНЕ II

Москва, 5 февраля 1776 г.

<...> Всеподданнейшее мое прошение повергаю к освященнейшим стопам Вашим с испрошением вsподданнейшим. Уже двадцатипятилетнее мое упражнение в искусстве, от коего я слабость здоровья и умаление зрения начинаю чувствовать, заставляют меня а преклонении моих лет просить толь милосердную Государыню при неоставлении меня, сжалиться и на моих детей, кои по смерти моей неминуемо претерпеть будут должны крайную бедность по причине пятнатцати тысячь рублев долгу, нажитого мною как в службе и в учении, так и в заведении дома и надлежащего к моему художеству; для уплаты оного прошу всеподданнейше ссудить меня заимообразно толикою суммою из казны Вашего величества на десять лет без процентов с вычетом ежегодным в уплату половинного моего жалованья. При том и о награждении меня таким чином, который бы мог мне возвратить потерянное старшинство пред моими сверстниками, как упражнявшимися в подобном моему искусстве, так и по Артиллерии, долговременное закоснение мое при многотрудных должностях и в одном чине уже десять лет[1] <...>.

268 БАЖЕНОВ — П.В.ЗАВАДОВСКОМУ

Царицыно, 21 марта 1776 г.

<...> Я не могу изъяснить вам, милостивому государю, ни сим письмом, ни словами моими, ту благодарность, которую я внутренностию моею чувствую за истинное ваше патриотическое о мне старание предстательством о исходатайствовании мною просимого в крайности моей! Но что по тому не воспоследовало, то я полагаю не инако как мой нещастной жеребий противоборствует, которой начал меня гнать с самого моего возвращения в мое отечество; да видно не инако хочет кончиться, как разорением и лишением последнего что имею; а наконец рушиться может совершенною моею гибелью и пятерых детей моих оставить без принадлежащего им воспитания за все то что я по моей должности зделал как здесь, так дал понятие почитать руских художников и в чужих славных Академиях; для чего только все здоровье мое и деньги чужие и свои истощал слишком, а пользу зделал другим только здешним художникам. Милостивый государь! Простите мне и не примите сие письмо за мою дерзость и жалобу: я отваживаюсь оное писать вам, моему государю, от чрезмерного моего огорчения, что вскоре может воспоследует описание моего дома за долги мои. Оказанные же мне многие уже ваши опыты великодушия вашего питает еще меня искрою надежды; может быть вы и еще при удобном времяни не оставите помочь разоряющемуся художнику <...>.

269 ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДАЖЕ ДОМА И УСАДЬБЫ

11 января 1780 г.[1]

Архитектора и надворного советника Василья Ивановича сына Баженова продается деревянной дом, состоящей в приходе Чудотворца Николая Воробина[2], в коем 11 покоев, в том числе баня, 4 людских покоя с перегородками, каменная кухня, каретной сарай, конюшня о 4 стойлах, хлебной анбар, коровник и птичник мшеные, 2 колодезя, немалой регулярной сад с плодовитыми деревьями, да жены его Аграфены Лукиной продается сельцо Стояново,

состоящее в Московском уезде, в Шеренском стану[3], в коем ревизских крестьян 55, а на лицо до 70 душ, регулярной сад приятной фигуры, <пруд>[4] в коем стерледей и другой лучшей рыбы довольное число; другой пруд, чрез которой протекает речка отводом, среди большого пруда крепость, на коей изрядной фигуры деревянной дом[5], от коего проспективая дорога более 4 верст по своей даче с большими березами в 2 ряда, на стороне регулярной сад, строевого и дровяного лесу большое число, а доходу получается в год более 500 рубл<ей>[6].

270 П.А.ДЕМИДОВ – И.И.БЕЦКОМУ

[Москва], 25 мая 1780 г.

<...> Вот Бланк да Баженов не так бояроваты, о чем попросишь, так и делают, а этот[1] только обещает <...>.

271 П.А.ДЕМИДОВ – И.И.ШУВАЛОВУ

[Москва], 2 июня 1780 г.

<...> Нижайше прошу, ежели ко мне милость вашего высокопревосходительства, приехать сказать: а у господина Баженова план и фасада сработаны[1]; вот бы благоволили посмотреть и научить <...>.

272 П.А.ДЕМИДОВ – А.И.РИБАС[1]

[Москва], 31 июля 1780 г.

<...> Здесь архитекторов очень мало. Которые есть, все у дел. Вот сколько Сенат безрассудно учинил, что архитекторскую науку бросил; а государь с каким же прилежанием обучал и заводил![2] Бывало найдешь, а нынче негде взять. Бланк отолстел да и одряхлел: найму получает по 5000 в год; Баженов анбициозен; хорош, да чорта в нем: целуй, лижи, улаживай, как в бане пар. А прочие у дел казенных, так недосуг <...>.

273 ПРОШЕНИЕ БАЖЕНОВА ЕКАТЕРИНЕ II

[Петербург], 25 октября 1780 г.

<...> Крайность и отчаянное состояние мое принуждают меня прибегнуть к всевысочайшему вашему престолу и изъяснением оным обеспокоить Ваше императорское величество против воли моей.

Господин действительной статской советник Прокофей Демидов, будучи ко мне благосклонен за многие оказанные ему услуги и соболезнуя тогда о моих обстоятельствах, дал мне в разные времена на покупку деревни и дому 24 тысячи рублев на 10 лет без процентов, но взял векселя к платежу по объявлению, а притом взял в заклад и вещи приданые жены моей.

Не прошло еще трех лет, как господин Демидов не был доволен малою уплатою и велел мне продать дом, что я и зделал и ему несколько уплатил; потом хотел он, чтоб я продал и приданую жены моей деревню. Я, почитая его за особливого своего благодетеля, удовольствовал его и в том и отдавал ему ис полученных денег четыре тысячи рублев, но он, по обыкновенному своенравию своему их тогда от меня не принял. Сего было не довольно. Прошлою еще весною подтвердил он мне, казавшись довольным за делание мною проекта Московского университета, что он возьмет терпение в уплате ему долговых денег.

Со всем тем, по наговорам статского советника Князева, господин Демидов ругал меня неоднократно. Но чем я заслужил его поступок такой, Князев

сторговав у меня деревню, и сие единственно чтоб уплатить еще господину Демидову. А потому и дал мне задатку 2000 рублев, немного спустя он раздумал и хотел чтоб я задаток ему возвратил. Поступая с ним честным образом, я ему то обещал, сколь скоро продам деревню. Он требовал на оные векселя. Я ему не дал. Со всяким другим, купив деревню, знавши ее, он должен был бы потерять свои за унестой деньги, сие было тем более справедливо, что сею неустойкою отогнал он у меня других купцов и я по сю пору не мог продать той деревни.

Вот главная причина неудовольствия на меня господина Демидова. Между протчим осердился он и на жену мою, что она много детей родит, и не устыдился требовать от меня, чтобы я збил ее со двора; сему был свидетель его сиятельство граф Алексей Григорьевич Чесменский[1], который вступился за меня и убедил его оставить меня в покое. Князев успел однако уговорить господина Демидова чтоб он протестовал мои вексели, но о сем объявлено мне не было ни им ни натариусом публичным. Наконец и прожект университецкой, коим все было довольны, ему не показался и он разругал меня столько, что и последней мастеровой едва б то снести мог. Я, отделавшись от него, напротив того, слезами, занемог жестокою лихорадкою. Его высокопревосходительство Иван Иванович Шувалов желал меня в то время видеть, я, несмотря на мою болезнь, был у него и на его вопрос о худых поступках со мною господина Демидова признался, что то было в самом деле. Господин Демидов, узнав сие, тот же день зачал требовать, чтоб я тотчас должные мною 18 тысяч рублей ему заплатил или же заложил ему все мое и женино имение. Его сиятельство князь Василий Михайлович Долгорукий Крымский[2] вступился тогда за меня и более десяти раз просил Демидова словесно и писменно оставить сие до моего выздоровления, дать мне время на шесть месяцов также и не брать с меня процентов, потому что он дал мне без оных[3]. Такое его сиятельства заступление произвело только что господин Демидов отсрочил мне на месяц и покуда я сюда[4] смогу съездить. Сие побудило его сиятельство советовать мне ехать сюда сколько можно скорея и просить высочайшего помилования Вашего императорского величества. Невзирая на все сие господин Демидов не устоял в своем слове, взнес векселя в Магистрат и требует также проценты с рекамбиями[5]. По изъяснении сих горестных моих обстоятельств мне не осталось иной надежды как пасть к освященным стопам Вашего императорского величества и всеподданнейше просить о всемилостивейшем мне пожаловании заимообразно 18 тысячь рублев без процента дабы я с сим несправедливо угнетающим меня человеком разделаться мог и не претерпеть от него в противном случае совершенно в старости с женою и с семерыми детьми[6] разорения. Просимые мною деньги возвращены быть могут удерживая у меня половину всемилостивейше определенного мне жалованья. Сию милость я, конечно, не заслужил, но ласкаюсь оною высокомонаршею Вашего императорского величества щедроту, кою столь великодушно изливать изволите на подданных ваших в разных местах погорелым. Я, находясь в таком же случае, купив деревни в надежде воспитать и пристроить стольких детей, имел нещастие, что сии деревни тогда два раза погорели.

274 ЗАПИСКА БАЖЕНОВА

[Москва], 25 января 1781 г.[1]

По приезде своем из Санктпетербурга архитектор Баженов всевысочайшее письмо Ее императорского величества, при коем и свое письмо, имел честь вручить его сиятельству князь Василью Михайловичу Долгорукову Крымско-

му прошлого декабря 16 дня[2]; прочитав его сиятельство оное приказал, дабы сам архитектор сыскал судью; по сему повелению, иного не знав, Баженов просил его сиятельство графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, которой и взошел просить господина Демидова, чтоб отсрочку зделать в уплате должных ему деньгах года на два или на три, а между тем чтоб продать деревню и взять вещи жены его от Демидова продать же; условясь таким образом с его сиятельством князь Васильем Михайловичем, 23 декабря съехались в дом графа Алексея Григорьевича, дабы призвать и просить господина Демидова[3]; но его сиятельство князь Василий Михайлович отменил за ним посылать. В другую неделю было подобное положение 30 декабря, съехаться вторично, но его сиятельство князь Василий Михайлович и вторично отменил быть у его сиятельства графа Алексея Григорьевича. А во 2-е число сего генваря 781 года, будучи архитектор у его сиятельства князь Василья Михайловича, которой дав прочесть Баженову письмо к его сиятельству, писанное от господина Демидова, в коем усмотреть он мог только, что господин Демидов дает на год сроку в уплате, но чтоб женино и его имение все ему было заложено; а притом Баженову не велено более ничего говорить и быть довольну таковою резолюциею, причем упрекаем был всем тем, что прежде относилось господину Демидову. Также сказано и то, что не ощущает архитектор немилость Ее императорского величества и что Ее императорское величество за недостойного сочла к услугам своим, чего ради и не дано по прозьбе заимообразно денег казенных на уплату. Из чего архитектор понимает, что отдан совершенно на разорение. По сему где же Баженов денег в уплату возьмет, когда его имение в запрещении, а более что и заложить Демидову, да еще и женино имение. Чем виновата жена, да и можно ль ей согласиться дать в заклад последнее свое приданое и пропитание семерых ее детей. Демидов говорит, что на ее имя деньгами его куплена деревня, совершенная его неправда; ибо по приказу его продана деревня приданая, сто пятьдесят душ в Пензе, для уплаты ему за меня долгу; но он денег не принял в ту пору. И так чтоб деньги не истратить куплено сорок пять душ наместо ста пятидесяти[4] и в худшем месте, следовательно имение жены и куплено на имя ее. А притом не довольно что жена имеет свое имение, но и Баженов не его одними деньгами заводился, ибо докажут и другие долги его справедливость. А еще где же те деньги девал Баженов, кои вырабатываемы были трудами его по четыре, по пяти и по шести тысяч в годы первые по возврате из чужих краев[5]. А при всем том две тысячи двести рублей всемилостивейшего жалованья[6]. Теперь обвиняют Баженова, на что надеялся брать столько в долг. Конечно, виноват, потому что в справедливость взойтить бедного и по совести Демидова спросить не хотели. Естьли б господин Демидов давал на срок, то б архитектор не подумал брать оных. Да и векселя по объявлению и без процентов взяты доказывают, что не на срок давано. За что же отдан Баженов Демидову совершенно на жертву разорения и где осталось всевысочайшее Ее императорского величества повеление, чтоб на обе стороны зделать расчет выгодным и по добровольному их согласию.

275 «ИЗЪЯСНЕНИЕ» БАЖЕНОВА (К ЕГО ПОПРАВКАМ В ПРОЕКТЕ НЕИЗВЕСТНОГО ЗДАНИЯ)

20 апреля 1783 г.[1]

Присланной план, токмо переменен одним колонадом и окны по мнению Архитектора Баженова были весма часто что также переменено, а в протчем хорош. Проезды же в него нехудо бы было естлиб во все четыре средины его двора зделать.

Высота первой восмисаженной высоты кажется колонад короток по литере А. и В. И для того разсудилось зделать другой которой под № 2. Высота его саженью выше первого, орден выходит в лутчей пропорции дорика.

Внутри от полу по замок свода высота быть может во 2 план или фасад 10 $^{1}/_{2}$ аршин, во втором етаже быть можно до четырнатцати аршин в два света.

Половина фасады по средину назначены фальшивые окны над коими быть могут в медальионах украшении приличные в армутурии, другая же половина во впадинах над поесом медальионы же быть могут что будет приятней в практике нежели фальшивые окны.

За краткостию время а притом безпокойство от разлития реки воспрепятствовало Баженову зделать профиль но естли не будет благоугодно и в фасадах что либо то просит он чтоб благоволено ему прислать в чем неудовольствовано. Тогда усердствуя подщится он зделать еще и еще, будучи в селе уже Царицыне где он весьма свободнее.

276 «ОБЪЯВЛЕНИЕ» БАЖЕНОВА В МОСКОВСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

[Москва], 16 июня 1783 г.

Уведомился я, нижеподписавшийся, что от господина действительного статского советника Прокофья Акинтьевича Демидова в Московском губернском правлении объявлен на меня ко взысканию вексель суммою в три тысячи рублев[1]; но как по вексельным моим с ним, господином Демидовым делам препоручено было в 1780-м годе от Ее императорского величества всевысочайшим письмом дабы зделать между нами расчет на обе стороны выгодным; оное письмо вручено мною бывшему главнокомандующему Москвою Его сиятельству князь Василью Михайловичу Долгорукову Крымскому, но за кончиною его по оному не окончено. А ныне оное всевысочайшее письмо upовательно хранится у теперишнего градоначальника Его сиятельства высокоповелительного господина генерал-фельдмаршала главнокомандующего в Москве и во всей губернии оной, сенатора и разных орденов кавалера графа Захара Григорьевича Чернышева[2].

Того ради Московскому губернскому правлению сим покорнейше изъяснить честь имею, что я вскорости по векселю моему ему платить не могу, окроме вычетом законной части из всемилостивейшего жалованья, ибо имение мое недвижимое и движимое и жены моей в закладе в казенном месте и у портикулярных людей, притом же я восьмое лето строю село Царицыно по всевысочайшему повелению, откуда отлучиться не могу, дабы промыслить где мог трудами моими каковую либо сумму к уплате долгов моих; да и взыскуемую сумму господин Демидов напрасно взыскивает; разве потому, что он в руках оной вексель имеет, оное правда, но где же его совесть! Я ему около семи лет работал, и между поделками делал я огромные три прожекта, первой Воспитательному дому, второй Комерческому корпусу, третей университецкому зданию[3]; за каждой бы получить мне должно, по самой справедливости, по тысяче по пяти сот рублев за каждой прожект; менее взять бы не можно, а особливо з господина Демидова. Но с тех пор положить проценты и рекамбию, а притом и за разные поделки хотя положить три тысячи рублев, как и он в своем объявлении с меня того требует; кто же виноват! что по моим прожектам не произведена практика, да и данная мне привиллегия от Императорской академии художеств между протчим гласит тако: дабы художники и мастера, принадлежащие к Академии никаких обид и притиснений, а особливо препятствия в производимых ими работах не имели, то по приносимым от них письменным жалобам повелеваем

Академии, естли оные жалобы произойдут в каковых спорах по договорам или в неплатеже за их работы, немедленно разсмотря и оценя, требовать надлежащего удовольствия; а когда и затем оного учинено не будет, то смотря по обстоятельствам, равно как и о всяких других обидах и притеснениях, сообщать в те присудственные места, до которых оное следует, почему им в силе законов чинить наискорейшее удовольствие и протчее[4].

277 ПРОШЕНИЕ БАЖЕНОВА ЕКАТЕРИНЕ II

Февраль 1784 г.

<...> Тесть архитектора Баженова, московской купец и титулярной советник Лука Долгов женат был на трех женах. От первой у него остались четыре дочери, от второй сын и две дочери, а от последней два сына и пять дочерей. Первые четыре дочери выданы замуж им самим, а пятая по его смерти мачихою. Баженов женился на второй из них в 1768 году, получа от тестя честное слово что он даст в приданое дочере своей семь тысяч деньгами и пять тысяч платьем и вещами, да сверх того обещал он Баженову на покупку дома или деревни тритцать тысяч. Он бы сие и исполнил, естли б властвовавшая третья жена его в том ему не воспрепятствовала; а потому и дал он Баженову по его женитьбе через год только пять тысяч, да четыре тысячи вещми с платьем и то с хлопотами, но взята при том с Баженова расписка в приеме того и, сказывают, ныне оная секретарем крепостных дел записана в книгу, которую ни Баженов ни жена его не отрекались однакож, как то обыкновенно делается, от его наследства, следовательно и у крепостных дел допрашиваны не были, и рядной формально пред женидьбою не было. Они согласились на сие и во время пятнатцати лет его тем не безпокоили в надежде что он сам когда либо свободившись ис хитрых сетей жены своей очювствуется и их по совести удовольствует; при том же и не знали они точно о количестве имения. Ожидание их было тщетное, и они видя его наконец в отчаянии, будучи в болезни, осмелились напомнить ему его обещание чрез духовника; но сие, а паче безпрестанные жены его в слабости подущении, раздражили его не токмо против Баженова, но и против других его затьев и всех замужних дочерей. Подобное случилось и не с одними ними. Пред самою смертию вздумал он возвратить брату своему, московскому ж купцу Афанасью Долгову должные ему десять тысяч и велел жене своей то исполнить; брат, обрадовавшись что сим исполнением свобождается умирающей от клятвы, обещал те деньги отдать <во> вновь строющуюся церковь Всех скорбящих[2]; однако ж она умела сие переменить и заставить сказать на другой день брату, что он платить ему не хочет, и с тем умер, не объявя ни брату, ни замужним дочерям и их мужьям, ни другим сродникам, что оставил он какое либо завещание. Сия неизвестность, и когда по смерти тестевой стало уже открываться, что имение его простирается до семисот тысяч, что во время первой жены, коею рождена его жена, имел он до ста пятьдесят тысячь и что оное умножено не приданым других жен, а его трудами и искуством: обстоятельство, дозволяющее всем детям право иметь равную часть, как то сходно и з законами, побудила Баженова спросить мачиху, оставил ли покойный какое ни есть завещание на столь большое свое имение и не отказал ли детям его обещанного в приданое жене его, на что она самым грубым образом ответствовала что духовная есть, но что ему ничего нет, кроме полуторы тысячи его детям. Баженов потому был принужден искать правосудия Вашего императорского величества в Московском городовом магистрате и Сиротском суде, кои долго уклонялись от того под разными предлогами, а потом, когда по прозьбе его Губернское правление принудило их исполнить

свою должность, предписав взять духовную, разсмотреть законность ее и определение опекунов, описать имение и выделить жене его должную по законам часть, тогда и мачиха предъявила духовную Губернскому правлению и оное отослало ее также в Городовой магистрат с подтверждением разсмотреть и поступить по законам. И хотя сия духовная совсем сумнительная и подозрительная, потому 1-е, что слог ее не согласен с разумом завещателя; 2-е, что писана она бывшим его прикащиком и согласником жены его, которая предтем женила его на своей сродственнице и которой по своему пристрастию мог умирающему читать что он зделать приказал, а поднесть к подписанию то что жене, а его новой родне, угодно было; 3, что написана оная на многих листах, и подписано одно только имя на последней странице, в каком случае можно было и переделать всю середину по произволу; 4-е, что и самая подпись одного только имя может быть не покойного; 5-е, что свидетелей при том не было, кроме одного отца духовного, коему оставлено пятьдесят рублей, а станется дано и больше. 6-е, что единственною исполнительницею и опекуншею разноматерных детей учинена жена, а ей помощником по торговле помянутой бывшей прикащик, согласник ее и писец духовной, по коей получил он тысячю рублев; и 7-е, в большее удостоверение всего вышеописанного, что таена она была до смерти и очень долго после смерти завещателя; Городовой магистрат зачал исполнение запиской духовной в книгу, как бутто б явлена она была прежде указа Губернского правления, и потом, не вступя ни в какое разсмотрение и изыскание, волочил семь месяцов и решил, не осмелясь утвердить духовную, тем, что Баженов не доказал сумнение ее столь ощутительно, как и выше сего им представленное, и чтоб ведался в том формальным судом; и со всем тем оставил тещу исполнительницею и опекуншею с ее согласником, не придав им других из ближних сродственников покойного и не учинил описи имению. По такому Городового магистрата и Сиродского суда пристрастию, неправосудию и явному пренебрежению законов и высочайших Вашего императорского величества учреждений Баженов принужден был просить о взносе и рассмотрении дела в Московском губернском магистрате, где оно уже два месяца. Еще неизвестно как решит оной; но делу конца не видно[3]. Оно неминуемо взнесено будет или им или противною стороною и в Гражданскую палату и в Сенат. Противная сторона богата и может протянуть оное до безконечности чтобы пользоваться между тем столь знатным имением. И теперь уже старшей сын зделавшись большим и совершеннолетней, расточает его беспутным и подлым образом, а мачиха содержит себя не по вдовьи и не по опекунски; и по тому всему, когда дело и кончится, имение будет ежели не совсем промотано, то весьма умалено. Напротив того Баженов беден, обременен семерыми детьми, и должен, а особливо как Ваше императорское величество знать изволите, господину Демидову, который, хотя и уплатил он ему пять тысяч продав женину деревню, не хочет терпеть в остальных тринатцети тысячах и описывает ныне его и женину деревни, состоящие только в 264 душах и оставшиеся им единым средством воспитать детей и пропитать себя в приближающуюся старость. Сверх того Баженов, к сим хлопотам не привычной, совсем растроен оными в исполнении всемилостивейше порученной ему должности. Все сие принудило его взять смелость пасть пред престолом Вашего императорского величества с всеподданнейшей просьбою принять в монаршее уважение причиненной ему обман в приданом, количество его детей, бедность, долги, предстоящую опасность лишиться остального малого имения, а притом справедливость и законность прозьбы о наследстве, могущество противной стороны, подозрение духовной и оказанное Магистратом пристрастие, и высочайше повелеть чтоб сие дело судебным местам, или же назначенными для того безпристраст-

ными особами, скоро и согласно с законами решено и жене его должная часть выделена была и чтоб до того времяни была остановлена опись их имения и платеж долгов их. Сим, всемилостивейшая Государыня, спасете его от неминуемой гибели и возвратите ему спокойство и бодрость духа, совсем потерянные ныне, но весьма нужные ему к исполнению его дожности <...>.

<постскриптум>: Или повелите, всемилостивейшая Государыня, по крайней мере выделить ту часть из нажитова имения, что было с первою женою, от которой рождена и жена моя или по указом 1731-го года марта 17 дня и о духовных 1726 года[4].

278 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

[Москва], декабрь 1786 г.

<...> По многим вашего сиятельства ко мне милостям, которых я в краткое время толико удостоился, осмеливаюсь еще утруждать ваше сиятельство следующею прозьбою моею: по милостивому вашему представительству уволен я был от службы на год с жалованьем, для поправления моего здоровья и домашних дел, и как теперь приближается уже то время, в которое должен вступить попрежнему в службу, именно 13 числа генваря следующего 1787-го года, я же чювствую, что здоровье мое не столько еще укрепилось, чтоб мне вступить в службу, и для того нижайше прошу ваше сиятельство явить мне отеческую милость исходатайствованием мне увольнения от моей должности еще хотя на год или на сколько ваше сиятельство заблагоразсудить изволите, покуда может возвратиться мое зрение, только б я не лишился жалованья, а буде оного невозможно, то хотя и в отставку, но с пенсиею, как и все верноподданные Ее императорского величества оною матернею милостию пользуются, ибо как незебызвестно вашему сиятельству, не имею у себя столько содержания, сколько для большой семьи моей, а притом и для оплаты долгов потребно; прошу, сиятельнейший граф, поддержать упадающего человека, который пребудет с вечною за ваше великодушие благодарностью <...>

P.S. Сиятельнейший граф, естлиже невозможно исходатайствовать пенсии, то уже хотя наградить меня чином, как и все на свое пропитание отставляющиеся оною всевысочайшую милость получают, а более всего совершенно полагаюсь в благоволение ваше, яко в Божие орудие и всем тем буду доволен, что вы, милостивый государь, за благо разсудите[1].

279 М.И.ВЕРЕВКИН[1] — БАЖЕНОВУ

[1787 г.][2]

Пишет к вам сие, м<илостивый> г<осударь> м<ой> Василий Иванович, старинной ваш усердник, задержанный болезнью на пути в Нарву. Одна из ближних моих свойственниц, по наслышке об вас и узнав мою к вам любовь и почтение, просит меня попросить же вас, чтоб вы удостоили и здешний край хотя слабым, однако же знаком превосходного вашего дарования. Ей... ей! Основан домик саженях на 8-ми или 9-ти в длинных стенах. Три парадных горницы, отделенные коридором от другой половины, в которой бы жить ей самой, сыну и дочери так, чтоб первой такожде мог со временем жить и женатой. Для каждого примыслите, батюшка, все уюты. Надеясь на благорасположение ваше ко мне, нарочного посылаю, ибо хочет она от вас, по получении от вас милости присылкою плана и тотчас приступят к строению[3].

Не откажите, батюшка, пребывающему по смерть с самым чистейшим к вам усердием верному и всепокорному слуге NN.

280 РАПОРТ АРХИТЕКТОРА С.А.КАРИНА[1] В МОСКОВСКУЮ УПРАВУ БЛАГОЧИНИЯ ОБ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИИ ДОМА БАЖЕНОВЫХ[2]

28 апреля 1787 г.

<...> Показанной дом госпожи Аграфены Лукинишны Баженовой мною лично на месте свидетельствован и оказалось. 1-е, что дом вышеписанной госпожи Баженовой в означенной[3] части под № 253 за ней состоит и в нем имеется: 2. каменного строения главной корпус вышиною от земли до кровли двенатцать аршин, в котором первого жилья имеется жилых покоев парадные с каменным крыльцом и с такою же лестницею во второе жилье, задние сени с деревяннoю лестницею ко означенному же второму жилью, а в том втором жилье имеется двенатцать комнат в которых как печи, потолки, так и протчее состоит в хорошей отделке и во всем оном каменном доме незгораемого материала на девять тысяч рублей быть признавается по смете и более, поелику оной дом с вышеписанным каменным строением в нынешнем ево виде соответствует для фамильного ее госпожи Баженовой употребления в достаточном расположении и притом протчие деревянные строения и с садом, каков ныне состоит в числе довольном фруктовых деревьев, а третие, служеб имеются достаточными ко оным, сверх же сего и мерою под оным домом имеется земли длиннику по правую сторону девяносто девять сажен с половиною, по левую сторону длинника до поворота дватцать сажен, в повороте до заднего поперешника петдесят две сажени и два аршина, поперешника в переднем конце дватцать девять сажен с половиною, в заднем конце дватцать четыре сажени, в смежности же оной дом находится: с правой стороны двор госпожи капитанши Анны Алексеевны Давыдовой, по левую сторону двор вдовы купеческой жены Натальи Васильевой дочери Журавлевой, с передней стороны проезд по берегу Москвы реки, а позади Царицын луг <...>.

281 БАЖЕНОВ — А.А.БЕЗБОРОДКО

[Москва], декабрь 1787 г.

<...> Во все время как я имею щастие быть известен вашему сиятельству, пользовался я всегда милостивым благоснисхождением вашим; а потому и ныне осмеливаюсь прибегнуть к вашему сиятельству. Время отпуска моего уже исходит, и хотя я никак не мог поправить домашних моих обстоятельств по нынешнему всеобщему недостатку в хлебе, и здоровье мое от немалых в жизни моей трудов не могло столь кратким отдохновением поправиться, но без особливого высочайшего Ее императорского величества благоволения не дерзаю испрашивать для себя никакой милости, а предаюсь в милостивое выше, сиятельнейший граф, разсмотрение и буде вам угодно будет исходатайствовать для меня или отпуск еще на год или же определение к делу, то я всем буду доволен, только б не лишился я нынешнего жалованья, без которого я семью свою содержать не могу. Прошу, милостивый благодетель мой, еще явите мне ваше великодушие и тем умножите во мне с семьею моею ту истинную благодарность, с коею навсегда пребуду к услугам вашего сиятельства[1] <...>.

282 Н.И.НОВИКОВ[1] — К.В.БАЖЕНОВУ[2]

с. Тихвинское[3], 1 декабря 1802 г.

Милостивый государь Константин Васильевич! Не думаю я, чтобы Матушка ваша и вы совсем забыли человека, который столь искренне и бескорыстно весь

ваш дом любил, и который с покойным батюшкою вашим столь тесною дружбою был связан; а еще менее не думаю я, чтобы забыт был тот долг, которым покойный батюшка ваш остался мне должен, и о котором Матушка ваша совершенно известна, и о котором покойный ваш батюшка, не задолго до кончины своей, к общему нашему другу Семену Ивановичу[4] писал следующее: *Что касается до долгу, то уверьте, что оный весь до копейки верно заплочен будет; а ежели я умру, не заплатя, то уменя останется жена и дети, которые верно не захотят оставить меня скованным от этого долгу и все до копейки заплатят.* — По сему и прочим прежним уверениям, я хотя и крайне нуждался, однако терпеливо ожидал со стороны вашей о сем отзыва. Молчал бы еще и ныне долее ежели бы не был насильно вынужден обстоятельствами меня окружающими. Вам известно, что я с троими нездоровыми детьми, с невесткою, которая на моем же содержании, с верным моим другом, с супругою покойного моего друга и с коротким моим приятелем лекарем[5] — все должны проживать с 150 душ, которые только у меня и остались. А как последние три года урожай хлеба был весьма худ, а нынешний почти весь пропал, и я всех крестьян принужден третий год кормить покупным хлебом, почему и принужден был войти в долг, платя несносные проценты; а ныне и занять на покупку хлеба нигде не могу найтить и нахожусь в крайности. Сии то насильственные мои обстоятельства принудили меня к вам о сем отнестись и покорнейше просить о заплате. Долг сей составляют частью взятые покойным батюшкою вашим деньги, частью по собственноручной записке Матушки вашей платил я и выкупал просроченные вещи ваши из Ломбарда, и которые все вручал я сам Ее Превосходительству; частью за взятый в голодном году батюшкою хлеб и наконец за взятый вашими крестьянами особенно хлеб по прозьбе батюшкиной, в чем во всем есть у меня и росписки бывшего вашего прикащика Василья; и всему оному прошло уже деньгам 12 лет, а хлебу 15 лет. Для лучшего же объяснения о качестве и количестве сего долга я прилагаю при сем особую подробную записку, из которой все ясно изволите усмотреть[6]. Я надеюсь, что Ваше Превосходительство уважите мои нынешние безпомощные обстоятельства (которые точно таковы, в каковых был покойный ваш батюшка, когда я оказал ему сии услуги, не потребовав ниже одной строки в удостоверение). Употребите, Милостивый Государь, ходатайство ваше у Матушки и убедите к должному и праведному удовлетворению меня заплатою сего долга. Сим окажете вы благородную признательность и справедливость, меня выведете из крайне трудных и безпомощных обстоятельств, а батюшку вашего успокоите и разрешите от тех оков, которыми он, по его собственным словам, до заплаты сего долга связан. — Я поручил и вверил всю сию сделку окончать с моей стороны Его Высокородию Александру Федоровичу Лабзину, прося покорнейше Ваше Превосходительство его росписки в сей сделке принять как мои собственные. — Наконец в несомненной надежде на вашу справедливость и на праведное и должное мне удовлетворение остаюсь с искренним почтением <...>.

283 Н.И.НОВИКОВ. «ЗАПИСКА ТОМУ, СКОЛЬКО И ЗА ЧТО ОСТАЛСЯ МНЕ ДОЛЖЕН ПОКОЙНЫЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БАЖЕНОВ С НАЧАЛА 1788 ГОДА, ЗА УПЛАТОЮ»

[Декабрь 1802 г.][1]

	1.	<рубли к.>	рубли к.
1788	Отпущено было муки 909 пуд, которая тогда была куплена на серебро по рублю пуд, но я полагаю только сложную цену по 82 коп.	745 р. 38 к.	

	тоже гороху 2 четв<ерти> 6 чет<вериков> [2] по 8 р.	22	—		
	итого	767 р.	38 к.		
	Получено в уплату ржи 58 четв<ертей> 4 четв<ерика> по тогдашней цене московской 4 руб. составит уплаты	234 руб.			
	За уплатою поныне осталось			533	38
	2.				
1789	За взятой по прозьбе покойного вашего батюшки крестьянами хлеб, которого поныне на них осталось:				
	1) Ржи 37 четвертей по нынешней цене по 5 рублей	185 р.	— к.		
	2) Ячменю 55 четв<ертей> 2 чет<верика> по 450 к.	248.	50.		
	3) Овса 134 четв<ерти> 7 $^{1}/_{2}$ чет<верика> по 3 руб.	405	—		
	4) Гречи 81 чет<верть> 5 чет<вериков> по 3 руб.	244.	66		
	А всего			1083	16
	3.				
1791	Взял он у меня деньгами	400	—		
дек. 5	Тоже в другой раз вскоре еще	200	—		
	Итого			2216	54
	4.				
	По собственноручной записке Матушки вашей и по порученным мною от Ее Превосходительства билетам выкуплено мною из Ломбарда просроченных разных вещей, а именно				
1791					
дек. 5	№ 5783. Жемчугу 4. зол.			26	52
-»- 19	№ 5926. Серьги с брилиянтами			16	64
	№ 6081. Перстень с брилиянтами			65	72
	№ 6082. Нитка разного жемчугу			109	18
1792					
генв. 6	№ 6812. Табакерка золотая 40 золотн.			80	8
-»- 27	№ 6425. Перстень брилиянтовый			213	20
февр. 19	№ 7344. Серьги брилиянтовые			80	8
-	№ 7345. Серебра 5 $^{1}/_{2}$ фунта			79	31
-»- 26	№ 7449. Медалион с брилиянтами			111	24
марта 5	№ 1225. Четыре перстня с брилиянтами и часы золотые			630	—
	№ 1226. Две табакерки с брилиянтами и две табакерки золотые 60 золотн., да еще табакерка в золотой оправе			772	75
	А всего			4401	26

284 ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДАЖЕ ДОМА[1] И ЗАГОРОДНОГО ДВОРА

13 марта 1792 г.

Продается и в наймы отдается дом каменной, внизу кладовых две, одна большая, а другая для кухни; кухня, баня обделана липою; людских 3 покоя, хлебенная, и чистых покоев при оном 3, с малою кухнею; для отдачи в наем, или для фамилии, или для офицiантов, во втором жилье с полуэтажами 12 покоев, кроме сеней и лесниц; регулярной сад с плодовитыми деревьями; 2 колодца, деревянная конюшня на 10 лошадей, сарай на 3 кареты, анбар для хлеба с закромами, погреб с напогребицею; две избы, одна для постою, другая для дворецкого; сарай для дров; в покоях есть нужные мебели. Естьли же кому угодно на реку перестроить лучший кусок архитектуры, к тому готов план и фасад, кои тут же идут в продажу. Означенной дом состоит в приходе Софии, что за Москвою рекою, в Средних Садовниках на берегу Москвы реки, в 4 части 2 квартала под № 253. Да близ Девичья монастыря большое место с дворничьею избою, с насаженною липовою рощицею, пруд с карасями, на 18 саженях в квадрате, и огородным местом[2] продается ж или по-годно в наем отдается. О всем оном и о цене узнать можно в показанном доме от хозяев. В оном же доме продается несколько тканых французских обоев; часы столовые и двое стенных, несколько картин иностранных, зеркала и прочие домовые вещи как-то фортопиано с органами[3], клавикорды, малые органы и люстры.

285 ИЗ ОТВЕТОВ Н.И.НОВИКОВА НА ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ С.И.ШЕШКОВСКОГО[1]

Шлиссельбург, июнь 1792 г.

<...> 21. *Вопрос.* Взятая в письмах твоих бумага, которая тебе показывана, чьею рукою писана и на какой конец оная сохранялась у тебя?

Ответ. Здесь, не говоря еще ничего, яко совершенный преступник в истинном и сердечном моем раскаянии и сокрушении, повергаю себя к стопам Ее императорского величества, яко недостойный никакого милосердия и помилования, но повинный всякому наказанию, которое воля Ее императорского величества мне определит. Сие истинное и сердечное мое раскаяние исповедаю пред богом спасителем моим и пред его помазанницею, Ее императорским величеством, и повергаю себя к стопам ее, ожидая своей судьбы от воли ее и все искренно открою. Бумага сия, показанная мне, писана рукою коллежского советника Баженова в 1775 или в начале 1776 года. Баженов, кажется, в 1774 году[2] сделался знакомым нам чрез Карачинского Василия Яковлевича[3]; Карачинский был уже масон и с ним в связи, а после и Баженов также принят в масоны и сделался с нами поэтому коротко знаком. В вышепоказанном году ездил он в Петербург по своим делам, пред отъездом за несколько сказал он мне и Гамалее, что он по приезде будет у той *особы*[4] о которой в бумаге говорится, и сказал, эта *особа* ко мне давно милостива, и я у нее буду, а вить эта *особа* и тебя изволит знать, так не пошлете ли каких книжек. При сем он ли мне сказал, что слышал от купца, торгующего книгами в Петербурге или я сам слышал от того купца, а купец этот, Глазунов[5], был пред тем в Москве и был у меня по книжным торговым делам, сего истинно не помню, — что для той *особы* искали в книжных лавках нового перевода Арндтова «О истинном христианстве»[6]. Я отвечал, что та *особа* меня знает только потому, что я раза два или три подносил книги, и не думаю, чтобы та *особа* помнила меня; однако мы посоветуемся со старшими братьями об этом, и как решимся, посылать ли эти книги или нет, я тебе после скажу; с тем мы и расстались. А где он об

этом говорил, у себя ли в доме или у меня, не помню. Я послал к князю Трубецкому[7] и сказал ему об этом и советовалися об этом, а другие знали ли об этом сначала, не помню; не помню же и того, был ли в то время в Москве барон Шредер[8] и ежели был, то знали об этом тогда еще барон Шредер и князь Юрья Никитич Трубецкой[9], ежели также был в Москве; наконец присоветовали мне книги послать, но подтвердить ему, чтобы он сам отнюдь не высовывался с книгами, а разве та *особа* сама зачнет. Книги ему отдал я «О истинном христианстве» и, помнится, еще избранную библиотеку для христианского чтения; мы оба его с Гамалеею сколько возможно просили, чтобы он сам не зачинал говорить и поступал с крайнею осторожностию. По возвращении его из Петербурга прислал он ко мне или к Гамалее сказать, что он приехал, и звать к себе; не помню, оба ли или я один прежде приехал к нему, где он сказал, что он у той *особы* был принят милостиво и книги отдал, и кое-что конфузно рассказал о том что в бумаге писано, сказав, что он все напишет и привезет ко мне. Я об этом сказал князю Трубецкому, и он просил меня, чтобы я как скоро получу от него бумагу, показал бы ему. По получении от него бумаги, читавши оную с Гамалеею, мы испугались, и ежели бы не для показания князю Трубецкому, то тогда же бы ее сожгли от страха, хотя и радовались милостивому принятию книг и не верили всему, что написано. Я показал к<нязю> Трубецкому эту бумагу, ее читали и также видели, что он многое врал и говорил своих фантазий, выдавая за учение орденское. Князь Трубецкой требовал у меня этой бумаги, но я сказал ему, что я несколько ее оранжирую и, переписав, ему ее отдам; тогда же решился этой бумаги Баженову не отдавать назад и протягивать это под разными отговорками, в самом же деле боясь его болтливости, и чтоб сколько возможно запретить ему ни с кем из братьев не говорить, кроме нас двоих с Гамалеею, и чтобы сказать ему, что из наших, кроме нас двоих, о сем никто не знает; что я исполнил, и после часто ему подтверждали и запрещали. Переписывая, я ее сократил и, все невероятное выкинув, отдал переписанную кн.Трубецкому, а эту оставил у себя <...> По получении в наши руки бумаги сей, Баженовым писанной, никакого намерения, ниже поползновения к какому-нибудь умыслу или беспокойству и смятению не имели, ни в мысли не входило; сие пред самым живым богом и пред стопами ее императорского величества исповедаю и утверждаю и готов кровию моею запечатать. От князя Трубецкого услышал я после, что из этой Баженова бумаги сделана еще кратчайшая выписка о образе мыслей той *особы* и по переводе отдано барону Шредеру, который хотел об этом писать в Берлин, и по сему-то его барона Шредера письму был ответ под № 12, в следующем, 22, пункте упоминаемый. После того ездил еще Баженов в Петербург в 1787 или 1788 году, не помню, он просил опять, чтобы с ним послать к той *особе* книг, и тогда по совету дана мною книжка, извлечение краткое из сочинений Фомы Кемпийского[10], и еще на немецком языке, книга «О таинстве креста», и эту с тем, что ежели угодно будет той *особе* читать на немецком языке. По возвращении Баженова из Петербурга дал он мне опять записку, которая или осталась у меня же и должна быть в бумагах, или у князя Трубецкого, или же по прочтении теми же отдана ему[11]; сего совершенно не помню. В ней описано было также, что та *особа* приняла его милостиво, что книги поданы и приняты благосклонно, что разговор был о книгах и о том, что уверен ли он в том, что между нами нет ничего худого? Баженов уверял ту *особу*, что нет ничего худого; а та особа с некоторым неудовольствием говорила, что, может быть, ты не знаешь, а которые старее тебя, те знают и тебя самого обманывают. Он уверял, что нет ничего худого клятвенно; еще был разговор о книгах поданных. Сия записка была гораздо короче; и что та *особа* заключила тем: бог с вами, только живите смирно, об немецкой

книге та *особа* сказала что читать ее не может, и не помню, оставлена ли она или отдана обратно. Нынешнею зимою Баженов был опять в Петербурге и пред отъездом своим в Петербург был у меня потому, что я по болезни своей не выезжал, сказывал, что он едет в Петербург, и спрашивал, не пошлю ли я к той *особе* книг; но я отказался и сказал ему, что за болезнию некогда мне приготовить. По возвращении его оттуда сказал он, бывши у меня, а записки уже не было от него, и говорил что он у той *особы* был и принят был с великим гневом на нас, и что та *особа* запретила ему и упоминать об нас, а ему сказала: я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста; об них же и слышать не хочу, и ты рта не разевай об них говорить. Знали о бумагах Баженова, кроме меня, Гамалея, двое князей Трубецких, Шредер, Кутузов, Лопухин Ив. Влад. и Тургенев[12]. В заключение сего пункта паки повергаю себя к стопам ее императорского величества с сердечным истинным моим раскаянием в сем поступке, достойном жесточайшего наказания, никакого помилования не дерзаю я даже ожидать от прогневанной столь справедливо милосердой моей монархини.

<...> В дополнение и объяснение показанного уже мною, не по укрывательству, но истинно что и как упомнил, и теперь что и как могу упомнить, искренно, без всякого укрывательства, скажу об известной бумаге. Прочитавши оную, должен был о том донести, но я не исполнил сего; в чем я преступник, повергаю себя к стопам ее императорского величества! испугался, прочитав написанное, и истинно не поверил, зная того человека, который писал оную; но подумал что хотя часть малая справедлива, о милостивых отзывах и о милостивом принятии книг поданных, то радовался и надеялся милостивого покровительства и заступления; другого ж никакого подвига при сем истинно, как пред богом говорю, не было. Прежнее намерение Шварцево по письму принца гессен-кассельского[13] у меня и из головы вышло, и я об нем и вспомнил только уже здесь, когда показано оно мне было, что поистине, как пред богом, говорю, чтобы думать тогда о введении той *особы* в орден, я и помыслить сего не осмелился и почитал бы то невозможным исполнению; но единственно надеялся только и ожидал милостивого покровительства и заступления. Показал сию бумагу князю Трубецкому, потому что советовались о посылке книг, то он просил, чтобы ему верно дать знать по возвращении Баженова, как приняты будут книги тою *особою* и что будет говорено; другим же, о которых говорено, подлинно ли показана бумага или только сказано, и мною ли или князем Трубецким, и скоро ли, верно того не помню; боюсь оклеветать кого напрасно, ибо и сам на память свою не надеюсь, но вспоминается теперь писав, что едва ли и князь Енгалычев[14] не знал о том, ибо он тогда был очень дружен с бароном Шредером и князем Трубецким. Оставалась ли сия писанная Баженовым бумага у князя Трубецкого или нет, о том верно не помню. Для чего не отдал я князю Трубецкому самой сей бумаги, а отдал написанную мною, сего как ни старался вспомнить, не мог, а помню, что сделал я это из осторожности. Переписывая, я сократил ее и привел в литеральный порядок; но как сокращал и что выпускал не помню; и самой сей бумаги, что писано, не помню. Но сколько могу вспомнить теперь, то кажется мне, что я, отдавая кн.Трубецкому сию бумагу, не знал тогда, что из нее такое употребление будет сделано, что выписка будет дана барону и он по ней будет писать в Берлин, или возьмет с собою; ибо я верно не помню, послал ли князь Трубецкой оную к барону или отдал ему ее; потому что не могу совсем припомнить, в Москве ли тогда был барон или в Берлине; но думал, сколько могу припомнить, что он хочет кому показать ее без меня, чтобы я не знал о том. Узнал же я от него о том, что сделана выписка, переведена и отдана или послана барону, уже после; но по проше-

ствии какого времени, совсем не помню. Знал ли о сей бумаге князь Репнин[15] или нет, сего совершенно не знаю и говорю сие по сущей справедливости, как пред богом. Оставлена сия бумага у меня истинно с тем только, чтобы не отдать ее Баженову назад, чтобы он не стал кому нибудь показывать оную, и спрятана она была в бумагах моих, и с того времени она у меня и в руках не была; по прошествии сколького времени не помню, в деревне я искал ее, чтоб сжечь, но не нашел, и помнится, что и у князя спрашивал Трубецкого об его списке, то сколько могу припомнить, кажется, что он мне сказал, что сжег. Другого же намерения, паче же злого, свидетельствую я самим богом, не было ни у меня, ни у кого из нас, о том же о чем упомянуто было, что не было ли у нас намерения печатать, я без внутреннего ужаса и выслушать не мог и в сем самого живого бога призываю во свидетеля, да накажет он меня, ежели хотя в мысли сие когда нибудь входило; и в сем пункте за всех, о коих показано, что знали о сей бумаге, равно как и за себя ответствую. Книги посланы были: 1) Арндта «О истинном христианстве», 2) помнится, послана же «Библиотека избранная для христианского чтения»[16], 3) извлечение краткое из сочинений Фомы Кемпийского, и 4) на немецком языке «О таинстве креста», кажется, послана была; кроме же сих книг совершенно не помню. О упомянутом в известной бумаге мужике я его спрашивал, и он мне сказал что-то, только вспомнить совсем не могу.

286 ИЗ ОТВЕТОВ Н.Н.ТРУБЕЦКОГО НА ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ

[Москва, август 1792 г.]

4-й. Каким образом вы и товарищи сборища вашего заботились в сети сборища вашего уловить известную особу, о коей имели вы с принцем гессен-кассельским и переписку? То открыть вам для чего вы такие вредные предприятия имели и чему из того быть надеялись, где объяснить о всех товарищах, в сем деле с вами соучаствующих и помогающих?

Ответ. Покойный профессор Шварц предлагал нам, чтобы известную особу сделать великим мастером в масонстве, в России. А я пред Богом скажу, что предполагая, что сия особа принята в чужих краях в масоны согласовался на оное из единого того, чтобы иметь покровителя в оной. Но чтобы я старался уловить оную особу, то пред престолом божиим клянусь, что не имел того в намерении, и следовательно ни соучастников, ни помощников иметь в оном не мог.

5-й. Бумагу, писанную Бажановым архитектором вы читали и потом сделанная Новиковым из оной выписка отдана вам. Вы же, видя в ней вымышленные и непристойные слова, не только по долгу присяги не донесли, но еще таковую выписку переслали к Кутузову[1]; чего ради объяснить вам: *первое*, для чего о толь вредном и вымышленном вранье правительству не объявили? *второе* — чего ради такую вредную бумагу к Кутузову переслали и чему вы из того быть надеялись? и *третье*: кто еще из товарищей вашего сборища ее читал и у себя имеет, — ибо она ходила по рукам товарищей ваших, — то и показать о всех их именах и фамилиях?

Ответ. Что я читал бумагу, писанную архитектором Бажановым, и не донес об оном правительству, то в том признаю себя виноватым; и, пад пред престолом монаршим, прошу милосердого помилования, не имея иного к оправданию своему сказать, что я, быв родня и дружен с Новиковым, по слабости моего сердца усовестился об оном доносить, не уразумевая притом и никакого от того вреда. А что я всегда недоволен был пересказами Бажанова и не имел никогда намерения во оных соучаствовать, то шлюсь на самого Новикова, с которым я убегал об оном говорить и даже отсоветывал ему с Бажановым вхо-

дить в оное, а в доказательство оного я перестал ездить в дом Бажанова, в который езжал часто. А Новиков много раз говаривал что Бажанов фанатик, которому кажутся небылицы, а что я фанатиков во всяком случае боюсь более язвы. — Что ж принадлежит до пересылки выписки оной бумаги к Кутузову, то пред Богом клянусь, что не помню, послал я оную к нему или сжег ее с другими бумагами. Но ежели послал, — о чем не смею ни утверждать, ни отвергать, — то могу удостоверить всем священным, что сие сделал безо всякого умысла и намерения. — Что же касается до того, кто сию бумагу читал и у кого она есть, то помнится читал ее Иван Владимирович Лопухин и Иван Петрович Тургенев. А есть ли она у них или у кого другого, то самим Богом клянусь, что не знаю.

<...>

16-й. Известной особе какие именно посылали книги? Сколько, когда и чрез кого?

Ответ. Сколько, когда и чрез кого именно посылаемы были к известной особе книги, о том достоверно сказать не могу.

287 ИЗ ОТВЕТОВ И.В.ЛОПУХИНА НА ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ

[Москва, август 1792 г.]

На 4-й[1]. Признаюсь, что когда по любви моей к упражнениям в сказанных мною познаниях естественно было мне желать, чтобы и другие в том же упражнялись, что пристрастиям весьма сродно, как мне кажется: то особливо неестественно бы мне было не желать того же столь важной и драгоценной особе. Но я только что желал; подвига же к тому и совещания о сем никакого не делал; я очень мало и смутно о сем и знаю; Новиков со мною мало о сем и говорил; когда же говаривал, то я ему советовал осторожность и говорил, чтобы для чистоты сердечной наблюдать, чтобы под видом христианского доброжелательства не вкралась собственность, из которой могут породиться пожелания, страшные для христиан и подданных и гнусные в очах божиих и людей добродетельных. Редкая посылка от Новикова к той особе книг чрез архитектора Бажанова и разговоры сего последнего с нею не казались мне заслуживающими никакого худого внимания. Слова особы сея, сколько я слышал, переданные чрез Бажанова Новикову, изъявили ее благодушие и склонность к упражнениям в христианстве, мнение сперва об упражнениях наших не худое, а потом сумнение и подозрение нас в намерениях нечистых. Сим последним мнением я оскорблялся — как то естественно; ибо я почитал упражнения мои чистыми, и в чистоте сей уверен был, зная однако же, что особа та не могла ведать точно основания нашего, имея сведение только по немногим разговорам с Бажановым и по слухам. Сожаление сие мое мне было тем естественнее, чем важнее особа, как естественно наиболее желать одобрения своих мнений и дел от важнейших особ. С принцем гессен-кассельским я никогда переписки не имел, а слышал я еще от Шварца, что он к нему писал, — когда заводилось здесь то благотворительное рыцарство, — что здесь не намерены учреждать великим мастером никого из иностранных, и из здешних разве ту особу, ежели когда-нибудь она то примет на себя. Однакоже я знаю, что особе сей никогда то предлагаемо не было, и она никак не участвовала. А только мне известно, что Новиков к ней посылал, сколько же именно раз, того не знаю, книги у нас печатанные, как то Арндта *о истинном христианстве* и подобные, а каким именно точно не помню теперь. И она, судя по книгам, почитала упражнения наши, как я с слышал, не безполезными; я же лично никакого подвига к преклонению той особы не делал и никого к тому не возбуждал. А по

вышесказанным причинам радовался только, слыша об добром мнении о наших упражнениях столь важной особы, и кроме сего никакого виду и предприятия не имел. В объяснение вышесказанного о великом мастере еще прибавлю, что у нас не было оного учреждено, а управляла директория, составленная из первых чиновников провинциальной ложи.

На 5-й. Бумагу таковую и выписку я не только чтоб имел у себя или читал, но и вскользь ее не видывал; а слышал я в 786 или 87 году, что Бажанов дал Новикову какую-то бумагу, в которой он записал разговоры свои с известной особой, коих содержание мне сказывал, но точно не помню оного; предосудительного же и такого о чем бы должен правительству объявить, уверен что не слыхал. О бумаге оной помнится я слышал от князя Трубецкого, сам же я не видал, и чтоб кто кроме Новикова ее у себя имел, не знаю по истине, также и о том кто ее в руках имел, а о выписке я и не слыхал: по сему искреннему и верному признанию моему ясно, что я не мог сию бумагу посылать к Кутузову, и мне помнится, что сей в то время еще здесь был; однакож того утвердить не могу.

<...>

На 16-й. Подтверждая при сем сказанное мною относительно к сей особе прежде, в сих ответах моих прибавлю еще, что о посылке книг к ней чрез Бажанова Новиковым, слышал от сего последнего. О книге арндтовой верно, о книге самопознания Иоанна Масона[2], помнится, также; и еще помню, что в одно время, когда Бажанов отъехал в Санктпетербург, то Новиков, собираясь послать с ним книгу *Таинство креста*, помнится на французском языке, советовался со мною, можно ли ее послать, по следующей причине; в книге сей в одном месте сказано à peu près[3] так: «хотя установление братьев Розового Креста[4] и есть хорошее изобретение, однакож истинная школа есть школа существенного креста Иисуса Христова» и пр. — То Новиков говорил, что де сие может представить оной известной особе институт наш[5] недостойным уважения, а потому и к нам, когда проведает, что мы в оном, никогда не будет иметь благоволения. На сие ответствовал я, что естли книга хороша, то причина оная недовольна к посылке ее: ибо должно желать любви к истине, а не к формам и лицам. Он, помнится, решил послать, но послал ли не помню, как и того, какие именно книги посылал Новиков и когда точно. Также и посредства кроме Бажанова никого не зная, повторяю еще, что весьма темное и отрывистое имел сведение об отношениях их к известной особе, а о начале оных никакого. Немного раз говоря с Новиковым, почти каждый говорил о неудобностях таковых отношений по крайнем разсмотрении, чисты ли и безкорыстны они; в сем смысле относительно к Новикову, говаривали мы и с князем Трубецким и с Тургеневым, которые согласны всегда были с вышеобъявленным понятием. Мы говаривали так, что старание сделаться приятными той особе, хоть в том виде, чтоб когда нибудь благоволение ее обращать на обогащение себя и прочее, уже мерзки и гнусны в отношении к чистой добродетели, а вид сей, по свойственным человечеству пристрастиям, может тайно, иногда и самому себе несведомым образом, скрываться под личиною мнимого доброжелательства. И ежели бы случилось привлечь благоволение той особы, то всегдашнее играние собственнолюбия и страстей человеческих могло бы породить в нас желание скорее той особе быть в возможности, благоволением оныя существенно пользовать нас, а одна мысль таковаго желания есть адская и ужасная для сердца християн и верноподданных. Сам Новиков, как он мне говорил, и сколько мне по крайней мере казалось, уклонился от таковых исканий относительно к известной оной особе. Впрочем искренно же и сведомое многим из бывшего сообщества нашего что в последние годы сей Николай Новиков весьма неиск-

рен был со мною и между нами была, примеченная многими, холодность, и только по бывшим между нами, так называющимися орденским связям оставалось некоторое дружелюбие и благопристойность хранилась.

288 ИЗ ОТВЕТОВ И.П.ТУРГЕНЕВА НА ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ

[Москва, август 1792 г.]

4-е[1]. Я, почитая масонство очень хорошим делом, желал бы, чтоб все, а особливо великие особы его защищали и утверждали; и моя забота о сей особе, здесь упоминаемой, состояла только в мыслях, а отнюдь не на деле. Слыша же от Баженова, что великая сия особа привязана к масонству, говорил об этом с ним и с Новиковым. С принцем гессен-кассельским о переписке по сему я не ведал и не ведаю. Я уже объявил, что вредного в сем деле предприятия я в душе моей не имел; а в том для чего мы о сем и говорить и думать осмеливались, признаю себя виноватым. О том что Баженов говорил с важною сею особою, ведал я, Новиков, Гамалея, Трубецкие, так равно и все сии мои товарищи. Посему с Баженовым и говорить не хотели и Новикову отсоветывали и потом о сем мы от Новикова и Баженова ничего не слыхали.

5-е. Сей бумаги писанной архитектором Баженовым я не читал и выписки, сделанной Новиковым, я не брал и мне ее не давал никто. Причиною же тому, что я не видал сей бумаги, могло быть мое отсутствие из Москвы в деревню, продолжавшееся полтора года, а потом редкое мое свидание с Новиковым, с которым сколь прежде, тому лет пять, я часто виделся, столь в течении нынешних двух лет с половиною я бывал с ним редко, а того менее говаривал о каких-либо делах. Впрочем о вредном и вымышленном вранье я не слыхал, да и Новиков уже со мною, так как и с князем Трубецким и Лопухиным с некоторого времени не стал откровенен. Переслана ль была та бумага к Кутузову, я не знаю; у кого сия бумага была или есть, я не видал и у себя не имею, и ходила ль она по рукам, я не ведаю.

<...>

16-е. Сей особе пересланы были книги, как мне сказывал Новиков: *Иоанна Арндта, о подражении Иисусу Христу, Избранная библиотека* и еще какие не знаю, понеже не я отправлял. Брался их везти Баженов, в котором именно году не помню.

289 ПРОШЕНИЕ БАЖЕНОВА ЕКАТЕРИНЕ II

[Петербург], декабрь 1792 г.

<...> Милосердие — священнейшее свойство великия души Вашего императорского величества, оживившее слабые мои таланты, даровавшее цену им, награду и отличие, творившее из меня то, что я был пред глазами публики, питавшее меня и сохранившее, сие монаршее милосердие дерзаю призывать себе паки и в нем почерпать себе отраду.

По милосердому Вашего императорского величества соизволению получил я отпуск 2 генваря 1790-го года для исправления домашних моих дел впредь до востребования меня к прежней должности, причем остановлено получаемое мною 1600 ру<блевое> денежное Вашего императорского величества жалованье, составлявшее единственные мои доходы, следственно и содержание мое с немалочисленною моею семьею, без которого я ныне, при ослабевших силах моих, не в состоянии выработать себе пропитание, коим я доселе пользовался от прещедрой десницы Вашей, почему видя себя в толикой крайности и дерзал я повергнуть в прошлом 1791-м году сию мою необходимостью вызван-

ную прозьбу к освященным стопам Вашего императорского величества, но неизвестно мне, дошла ли оная до августейшей десницы Вашей[1], и как мне тогда предложено было на первой случай место в Адмиралтействе с тем, чтоб исходатайствовать мне место ректора Академии художеств[2], то я взяв вид от Михайлы Михайловича Измайлова о увольнении моем до востребования, и определен с жалованьем 700 ру. в оную коллегию Архитектором, и продав в Москве как дом, так и все прочее за безценок[3] переселился сюда[4] со всею моею многочисленною семьею и 8-й уже месяц живу, претерпевая по малому моему жалованью совершенную бедность.

Итак не имея ни пропитания, ни пристанища, где главу свою преклонить, к кому прибегну искать себе помощи и кто изтогнет меня из бездны злополучия, как не ты, августейшая монархиня, яко чадолюбивейшая матерь и государыня, милующая человечество! Воззри милосердым оком на бедное мое состояние и с тою же божественною кротостию, с каковою изрекаешь судьбы многих народов, повели, чтоб художник, щедротою Твоею образованный, продолжал благоденствовать остаток дней своих.

Повели, Всемилостивейшая государыня, по сродности моей и яко первому ученику, с коего Академия художеств начата, утвердить меня в оной Ректором по ее положению устава и отдать мне на заведение и поправление до крайности разоренного моего состояния то жалованье, которое по безпримерной милости получал я доныне, и владычествуй всем моим приобретением в науке, всеми моими талантами, как благоугодно твоей монаршей воле.

290 БАЖЕНОВ – П.П.ЧЕКАЛЕВСКОМУ[1]

[Петербург, около 1795 г.]

Милостивой государь Петр Петрович.

Третьего дня я имел щастие изъясняться с его превосходительством Алексеем Ивановичем Пушкиным[2], что я не могу вступить в Академию с предлагаемым мне от оной достоинстве, ибо я был давно адъюнкт-професор[3], на что и документы имею, ис коих одну копию вам прилагаю для сведения его превосходительству <...>.

291 «ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД» ОТ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ

Декабрь 1795 г.

Состоящий в ведомстве сей коллегии и Главной артиллерии и фортификации архитектор коллежский советник и ордена святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени кавалер Василий Баженов поданным прошением на всевысочайшее Вашего императорского величества имя просит о награждении его за долговременную ревностную и усердную службу, продолжаемую им с 1755-го года безпорочно, следующим чином, дабы он не только противу сверстников, но и младше его поступивших в повышение не оставался обиженным. Причем он в помянутом прошении своем пишет, что в 1760-м году будучи послан из здешней Академии художеств для усовершенствования своего архитекторного художества в чужие краи отличил он себя в бытность тамо противу сверстников своих разными сочинениями[1] и чрез то удостоился быть в некоторых иностранных академиях членом, мастером и профессором, а российская Академия художеств, узнав о его отличных успехах, признала его в 1762-м году своим адъюнктом. По возвращении же его в Россию, чрез неусыпные труды его размножились во всех губерниях ученики его, из которых многие и теперь служат с похвалою. А в нижеозначенных годах по именным Ва-

шего императорского величества высочайшим указом всемилостивейше жалуем был он Баженов в 1776-м году декабря 2-го Главной артилерии архитектором с чином артиллерийского капитана[2]; в 1779-м генваря 16-го надворным советником, а в 1784-м году марта 13 дня коллежским советником с оставлением при прежних местах и должностях. Какие же в бытность его в чужих краях даны были ему от королевских в Париже и других местах архитекторов и членов Академий одобрительные аттестаты, которыми весьма похваляются в отменном знании архитектуры, способности к рисованию и неутомимой ревности к достижению совершенства архитекторного; также дипломы и патенты, со оных приложил копии. Из коих по некоторым, и именно по диплому данному от Римской Академии святого Луки, по патентам Клементинской Болонской и Флоренцкой академий удостоен был принятием в сии места в число почетных академиков и сверх того дана ему от помянутой Римской академии полнейшая свобода производить всякое строение священное и светское как в Риме, так и во всяком другом месте и как знатному мастеру обучать юношество, созывать публичные собрания касательно художества, коего он Профессор.

Адмиралтейская коллегия по толь отличным его Баженова достоинствам, и что он со вступления его с 1792-го года архитектором в ведомство Адмиралтейской коллегии и в Кронштате к строениям, производимым под особым управлением Адмирала Пущина продолжает доныне службы свою весьма похвально, отдавая справедливость дарованиям, способностям, ревностной и усердной его Баженова службе, и так как состоит он в чине коллежского советника с 1784-го года, а состоящие в сих чинах и с 1785-го года сентября по 2-е число по извещению от Герольдии, в силу именного высочайшего Вашего императорского величества указа, 1793-го года сентября 2-го дня пожалованы в статские советники, осмеливается представить его Баженова ко всемилостивейшему награждению следующим чином[3].

292 БАЖЕНОВ. ОПИСАНИЕ ИЛЛЮМИНАЦИИ

Петербург, февраль 1796 г.

Изъяснение мыслей, по которым освещена фасада Санктпетербургского императорского воспитательного дома со стороны улицы Большой Милионной[1]; в знак участия во всеобщей радости, по случаю бракосочетания Их императорских высочеств государя великого князя Константина Павловича и государыни великой княгини Анны Феодоровны[2] в 15 день месяца февраля 1796 года.

ЩИТ

Живописной щит представляет большой, частью регулярной, а частью нерегулярной, сад, в котором стоят Столп, Обелиски и Фигуры Аллегорические, пристойные совершаемому празднеству, как ниже изображено.

ЖЕРТВЕННИК

Впереди представлен под облаком фимиямным Жертвенник, над которым торжествующий Российской двуглавый Орел распростертыми крылами своими осеняет ликующий хор верноподданных; а особливо воспитывающихся под высокоматерним Ее императорского величества покровительством Сирот, которые, в виде Гений сплетая венец из лилей и роз увенчивают им Всероссийский Престол в день всерадостный нынешнего высокого бракосочетания, являя чрез то усердные желания всех сынов Российских ко умножению семени Царского во укрепление Всероссийския Империи. Надписью состоящею в сих

кратких словах, *Под Сению Крыл Твоих,* ощастливленные Сироты являют с признательностью подчиненность свою.

СТОЛП

За сим Жертвенником, в середине полукруга, виден Столп Ионического ордена на пьедестале, с приличными сему ордену украшениями: се есть символической знак *Величества* и кротости Российской империи под скипетром Великия Екатерины. Надглавие сего аллегорического столпа увенчано благотворною лучезарностью пресветлого Солнца Августейшего имени Екатерины Вторыя, Благотворительницы сиротам, Воскресительницы невиннопогибающих младенцев, Защитницы беспомощных подданных, *матери* отечества.

Вокруг сего столпа из переплетенных между собою корней возросли два древа, Пальма и Маслина, с плодами; изображения символическиеГеройских деяний и полезного домостроительства *Императрицы* Екатерины *Вторыя*. А в тех местах, где оные два древа приклонясь к столпу сердцевидными изгибами сопрягаются около его в союз взаимный, изображены вензелями имена их императорских высочеств Павла Петровича и Марии Федоровны, переплетенные лилиями и розонами в знак добродетелей Их; от сплетения же корней любви Их мы видим произращенные отрасли плодов.

ПЕРВОЙ ОБЕЛИСК

По правую сторону полукруга воздвигнут Обелиск, тем больше приличествующий Царскому роду, что Древние означали им луч солнечный. Вокруг его обвились такие же какие описаны выше Пальма и Маслина, произшедшие от главных корней; во означение двух Высоких Особ, соплетенных уже узами супружеския любви; во ожидании влияния свыше цветов и плодов: вензели Их императорских высочеств великого князя Александра Павловича и великой княгини Елизаветы Алексеевны являют смысл сея аллегории.

ВТОРОЙ ОБЕЛИСК

По левую сторону полукруга в таком же смысле поставлен другой Обелиск в честь вступивших ныне в брачный союз Его императорского высочества великого князя Константина Павловича с Ее императорским высочеством великою княжною Анною Феодоровною; что видно из вензелей Их. Да увенчаются любовью и сердечным услаждением всех Россиян при радостном их восторге в сей торжественный день.

На верьху обоих Обелисков приметны две светлые Звезды поднявшиеся на горизонт Российской, к счастию живущих под оным и получающие красу и блистательность от свето-носного Солнца увенчающего Столп Российской.

Между Обелисками и Столпом из переплетенных главных корней возрастают младые Маслины; и вензели вещают что они суть символические знаки Их императорских высочеств великих княжен, любимых Родителями, любимых Народом, которые украшают при Российском престоле цветущую победоносную и величественнейшую на лице земном Империю Всероссийскую.

ДВЕ ФИГУРЫ

Поодаль обоих обелисков стоят на пьедесталах на правой стороне ГИМЕНЕЙ бог брака, на левой ЮНОНА богиня присутствующая на свадьбах со знаками свойственными им. Вокруг пьедесталов, цветными гирляндами оплетшихся, в хороводах и в других играх являют торжественно усердие свое и соучастие в радости всенародной Сироты Императорского воспитательного дома, по случаю счастливого бракосочетания Отрасли Августейшия своея Из-

15—1991

бавительницы, Попечительницы, Покровительницы и Государыни монархини всероссийской Екатерины Вторыя.

293 ПРОШЕНИЕ БАЖЕНОВА В ОПЕКУНСКИЙ СОВЕТ САНКТПЕТЕРБУРГСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА

[Петербург, 13 марта 1796 г.]

Уведомился я, что Господин Статский Советник Юрий Матвеевич Фельтен[1] находился в службе сего дома и в звании за-опекуна; где и имел по части строения и в залог принимаемым домам попечение; и уже сложил сие звание.

Я же издавна усердствуя посвятить услуги на благотворении основанном сему Дому и сим случаем побуждаем, почему осмеливаюсь почтенный опекунский совет покорнейше просить, удостоить принять меня на службу оного и в звание за-опекуна, за что, с нелестным удовольствием посвящая дни века моего буду стараться доказать опытом трудов ревность и усердие[2].

294 ПРОШЕНИЕ БАЖЕНОВА В ГОСУДАРСТВЕННУЮ АДМИРАЛТЕЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ

[начало мая] 1796 г.

Известно мне, что на Морском солдатском полковом дворе и бывшей тут старой церкви за зделанною раздачею частным людям остается еще место никому не отданное, мерою по Екатерингофскому проспекту от канала до Никольской улицы около 40, а в обеих концах по 30 сажен[1], я же здесь ни дома, ни места на котором бы для жития моего что-либо построить можно было не имею. Почему и осмеливаюсь оную Коллегию покорнейше просить дабы уважая службу мою, ей небезизвестную, благоволила означенное место для собственного моего дворового строения отдать мне и о даче на него плана и данной куда следует писать[2].

295 ПРОШЕНИЕ БАЖЕНОВА В АДМИРАЛТЕЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ

[Петербург], 7 августа 1796 г.

По указу оной Коллегии, посланному пред сим в Санктпетербургскую Управу благочиния, отведено мне для дворового строения на Морском полковом дворе место, на которое я уже и данную получил. И как на одной из него части, лежащей к поперечному Никольскому каналу[1], намерен я построить на первой случай небольшое каменное строение, то и прошу покорно оную Государственную адмиралтейскую коллегию имеющееся тут ветхое деревянное строение, означенное на плане у сего приложенном[2] под литерою CB очистить или по бывшим пред сим неоднократным примерам оценить и получить от меня деньги[3].

296 БАЖЕНОВ — Г.Г.КУШЕЛЕВУ[1]

Москва, 26 апреля 1797 г.

<...> Никому столько не известно о страданиях моих, как вам, милостивый государь, потому-то я осмеливаюсь и еще трудить вас и всепокорнейше просить дать мне отраду. Сам я вижу что меня отдалили лицезрения всемилостивейшего Государя императора и потому не могу сам доложиться его величеству о моих нуждах лично. Вы помогите мне в следующем, да поможет и вам

Бог во всем желанном, испросите мне позволение отпустить меня на несколько, или пока его величеству когда либо я найдусь надобным, изълечиться от жестокой болезни в голове моей мозга и поправления дел моих домашних без вычету всемилостивейшего жалованья, а притом не можно ли испросить и ту милость, которая деревня мне пожалована, 1000 душ[2], а осталось только за сим 38 душ, которые зделают разстройку семьям их с моими, а притом их хлопоты воспоследуют, коих я весьма страшусь, мне ли пожаловать оныя 38 душ или сыну моему Владимиру[3], который трудился со мною во всех работах вам известных и от трудов своих уже более года болезнями страдает, и о Константине[4], как я многажды трудил вас, дабы и его не оставить в том месте, где он нес и несет труды вам известные, итак надеюсь я на вас под Богом, что вы сии милости исходатайствовать можете у всемилостивейшего монарха нашего <...>.

297 ЗАВЕЩАНИЕ БАЖЕНОВА

[Петербург], 30 сентября 1797 г.

Во имя триединого Бога Отца и Сына и Святого Духа Аминь; сего 1797-го года сентября 30 дня по притчине мозговой в голове моей болезни, которую я начал чувствовать уже давно, и по многим трудам и печалям мира сего приступила болезнь, называемая водяная, яко предвещатель должного в коротком времени быть разрушения тела моего; хотя же оная болезнь в начале своем может еще стараниями человеческими быть пресечена, но лета же мои удручили весь состав костей и тела моего, что есть несомненное доказательство, что мне должно готовиться предста на суд праведного судии, при котором нет лицеприятия. Рожденный в беззаконии и во грехе, валялся 60 лет в осквернениях и омерзениях мира сего и не нашед в себе ни единыя добродетеле отхожу в страхе к Богу вечной жизни. Однако верую, что поможет мне пред ним кровь сына его, искупителя, пролившего кровь свою за весь род человеческой и за меня грешного, моего же Господа распятого на кресте Иисуса Христа и спасителя. Верую, что он простит меня в вольных и невольных грехах моих, ибо он спас и разбойника, кающегося на кресте.

Прошу вас всех детей моих вспоминать обо мне окаянном во всякое время и на всяком месте словом и сердцом. Да очистит Господь дух и душу мою через молитвы ваши огнем неизреченной любви своей. Молитесь и о себе, обо мне же не плачте и не сожалейте о потерянии тела моего, яко люди, не имеющие никакого упования, я вас поручаю лутчему отцу небесному, которому известны сердца ваши. Будьте только крепко в заповедях его и не предайте его яко суда, не отгоняйте его нелюбовию вашею к нему и ко ближним нашим, а Господь близок ко всем призывающим его во истинне паче всего царствия Божия и правды его о просьбе, тогда все приложится вам. Царствие же его внутри нас, следовательно оно близко да и далеко. Близко оно потому, что скрыто оно в воле всякого человека и естьли вы будите искать его, то воззрите на Иисуса, как он терпел до креста смерти в сем злом мире; сей обитает в нас и для того ежели мы будем жить удовлетворяя сему миру и похоти плоти нашей, то мы уподобимся скотам и по смерти временной войдем в ад собственной волею нашею; ежели будете предавать себя прелестям мира сего и почитать их более нежели Того, кто сотворил всяческое, то вы будете в преддверии ада, а по ту сторону гроба в самом аде; того ради исполняйте предписанное вам отцом вашим в сей моей духовной. Должность, возложенную на вас государем для пользы отечества, исполняйте с верностию, сносите с терпеливостью и помните, что без воли Божией никакая власть мира сего на нас более не наложила как то, чтобы должны снесть без роптания, ибо мы в здешнем мире должны есть хлеб в поте лица

нашем; хлеб же небесной сыскивается добродетелью, яже есть пища чад божиих терпеливых, кротких, смиренных, обмочивающих на сей земле кровавый пот свой слезами нелицемерного раскаяния о грехах своих. Вот вам, любезные дети, лопадии для рытия колодцев в воли или в сердцах ваших, протчие орудия найдете вы в Евангелии, в писании апостольском и во многих книгах, мною для вас скопленных и сочиненных богодухновенными мужьями, например в Фоме Кемпском, Арнде, Иоане Масоне о познании себя[1] и в других, как то в Библии, а особливо в Премудрости Соломоновой напечатлевайте в память вашу 6-ю, 7-ю, 8-ю главу[2]. Естьли вы сохраните сии книги, то уверяю вас, что вы дороетесь до царствия Божия, где найдете Господа нашего Иисуса Христа вечного царя и отца нашего, который таковым пребудет навеки аминь.

Теперь осталось мне дать вам завет, яко отец ваш детям моим, и совет яко ближайша и вернейший ваш друг, да возлюбите творца вашего господа Иисуса Христа, а ближних своих яко самого себя; помните истинну сию всеминутно, а особливо в семье единократных, единоутробных братьев и сестер, а мне единородных по плоти, которы мне судь все равные дети. Известно вам, что я оставляю вам дом, который вы должны платить за меня, оставляю вам также имение, каковое Бог определил мне в мире сем не только для моего, но и для детей моих пропитания. Сам Господь умилосердился над нами и вложил в орудие свое — государя императора нашего Павла I чтобы пожаловать мне тысячу душ в Арзамовской округе в известных вам деревнях[3]; оное государское жалованье храните яко зеницу ока вашего, не раздробляйте на малые части, постарайтесь более трудами и благоразумием прибавлять к ним еще новые приведенными вашими доходами; ежели таковые души вы приобретете, вам оставляется на волю их продавать для пользы ваших детей, но пожалованные отцу вашему деревню в Арзамовском уезде и прежние им приобретенные в Каширском уезде да будет всегда в руках ваших в целости, а не в ином другом чьем роде состояла бы; и вам, братьям, не делиться, а жить всегда вкупе; дай Бог чтобы государь император благоволил утвердить сие завещание мое своеручным своим подписанием.

Итак, естьли Бог разлучит душу мою от тела, вам позволяю взять свидетельство от Нижегородской губернии и заложить в банке или ломбарде некоторое число душ, позволяю вам также продать место, мне пожалованное государем против Никольского собора[4] и на оные деньги купить вам советую для прибежища небольшой домик, а сами не стройтесь, и совершенно от строения раззоритесь; оными же деньгами выкупить вам из ломбарда каширскую деревню, заложенную в двенадцати тысяч рублей, также по всем векселям моим и по другим безвексельным долгам выкупите душу мою и освободите дух мой от уз, связующих его, а вам легче будет платить долг в одном месте нежели в разных местах, а как долговая сумма простирается до сорока тысяч рублей, то по уплате оной достанется вам жить весьма умеренно, смотря на умеренные ваши доходы. Когда Господь Бог поможет вам платиться с банком или ломбардом, то доходы с деревень моих делить вам братьям и матери поровну. Когда будете вкупе, сколько бы Богу приятно и душе моей облегчительно было естли бы вы все остались единодушно во связующей любви христианской и носили бы тягости друг друга и тем бы самым исполнили закон христоф в семье христианской, живучи яко чада отца небесного в согласии и в послушании друг другу. Вы должны помнить что старший брат ваш остается между вами в образе моем и должен заслуживать ваше почтение к себе; не осуждайте друг друга, но исправляйте и падшего любовию христианскою; мать свою не оскорбляйте непослушностью и свойства так как жену двое младшие сыновья неоднократно огорчали грубианством своим, но я все печали свои и неудо-

вольствие во Христе прощаю, дабы не быть мне с ними судиму на суде божием. Пекитесь о сестрах ваших, дабы с общего согласия пристроил их с добрыми супругами; как никто без наличного приданого не жениться, то дайте невесте деньги или вексель на 10-ть, 12-ть и 15-ть тысячь рублей без всякого вычету долгу, менее или более, сколько сможете. Ежели сестре дан будет вами вексель вместо приданого, то уже теряет она право свое во все время замужества своего на всякое искание и не может требовать доли в доходах ей принадлежащей. Ежели останется вдовою, особливо с детьми, и проживает свое приданое, тогда пригреть ее, а будьте с нею в согласии и любви во Христе Исусе как и до замужства. Всячески старайтесь, чтобы крестьян излишно не отягощать работами ниже какими либо поборами незаконными и излишними, а иметь их как лучше мною утверждается и оное уже учреждено; всегда помните, что и они наши братья, наши дети и мы ни за что столь не оскорбляем Господа нашего, как за излишние поборы наших подчиненных, особливо ежели будем труды их расточать безразсудно. Оное добро дано нам ради того, чтобы себя и ближних снабдевать сколько возможно, особливо для имяни Христова. Просящему не откажите и помогите неимущим из крестьян ваших и таковым давайте всевозможную помощь, дабы впредь могли они быть полезны о себе и помещикам.

Естьли паче чаяния моего кто из сыновей или дочерей моих впадет в роскошь или в такие пороки, о которых мне бы и думать не надлежало, естьли никакой надежды не увидется к исправлению, то ваш большей или старший брат имеет право не давать с общего согласия ему или ей полной своей части; также ежели из сестер будет щеголиха или мотовка, то поступится с таковою как выше сказано, разве только определить ей пропитание, а особливо ее детям по состоянию, а ничего более. Естли же большой брат падет сам в непростительный порок, то судить его равномерно всем братьям и сестрам. Если же порок расточительной, то всем его содержать только по состоянию его, не давая ему воли, найдя его долее.

Хотя я и не надеюсь чтобы забыли мои любезные дети меня и особливо за то, что я сильными трудами доставал себе пропитание и востановил первой из нашего стороннего благородства Баженова дьяка[5], то могут ли мои дети столь быть непонятны и неблагородны чтобы гнусными пороками вчернить имянное[6], вособливо естьли вы придержитесь сей моей духовной, то да будет благословение божие над всеми вами и над детьми вашими, и скончайте жизнь вашу яко христиане и сподобитесь вечного блаженства, где воспоем Господу нашему Исусу Христу, в коем вся есть триединица, свят, свят и аллилуйя.

С моей стороны я более ничего вам не оставляю, как вышеписанное. Старайтесь выполнить все до вашей смерти, не умирайте грехам, то скорая смерть вас не покоснется, не бойтеся ее, да благословит вас Всевышний жиздитель святым своим духом, о чем я всегда, может и недостойно, уготовать излиения на вас его милосердия, но в мехи новые льют вино новое ж; старайтеся во всю свою жизнь дроджи хреновые выпорожнить, дабы вино божественное вселило сердце божественных детей во всю вечность.

Погребение зделайте мне простое, то есть без всякой лишней церемонии, с благовенным и трезвым священником одним, в простом виде и где Бог приведет, хотя я весьма желаю быть положенным в Глазове[7]. Прикажите положить тело мое мертвое поглубже, и дабы кости мои истлели в прах и не тронуты были никем, подпишите над камнем чтоб прохожий не трогал праха, под ним лежащего, естли он христианин, то должен знать сию тайну; да спомянет себя и испустит вздох обо мне ко творцу нашему, что мы грешники, но кровию Спасителя омываемся.

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях указываются источники текста и сведения о их публикациях. Тексты переданы с сохранением основных особенностей их правописания. Осовременено употребление заглавных букв, мягкого знака, нередко опускавшегося в рукописных документах XVIII века, и пунктуация. Однако такие особенности пунктуации Баженова, как употребление вопросительного знака внутри фразы, сохраняются.

1 ОР РНБ, ф.708 (Н.П.Собко), д.170, л.11—12. Автограф Ф.В.Каржавина, без подписи. Опубликован Н.Н.Коваленской (Из материалов о Баженове. — «Академия архитектуры», 1937, № 2, с.80—81).

[1]Каржавин Федор Васильевич (1745—1812) — друг и сотрудник Баженова, литератор, переводчик и путешественник. Воспитывался во Франции, подружился с Баженовым при совместном возвращении в Россию. В 1769—1773 гг. — архитекторский помощник в Экспедиции кремлевского строения, переводил архитектурные книги. Его рукой написаны многие баженовские документы тех лет. В 1773—1788 гг. — за границей (Франция, Мартиника, Северная Америка). В 1790-х гг. жил, как и в годы кремлевского строительства, в доме Баженова и работал, по его рекомендации, переводчиком в Адмиралтейской коллегии. [2]Настоящая биография, написанная, по-видимому, вскоре после смерти архитектора, является одним из основных первоисточников для изучения жизни Баженова. Сопоставление с подлинными документами свидетельствует о точности сообщаемых Каржавиным сведений. Рукопись носит черновой характер, в ее тексте имеется ряд пропусков, главным образом в датах, частично заполненных позднее, другими чернилами. Это свидетельствует о том, что автор производил для ее уточнения специальные разыскания. Другим важнейшим первоисточником, рассказывающим о ранних годах жизни архитектора, является краткая автобиография, включенная им в записку «Мнение архитектора Баженова о Кремле» (1768). Чтобы не нарушать цельности документа, она печатается в составе этой записки (см. док. 5, с. 68—69). [3]По-видимому, речь идет не о том, что его отец-псаломщик сам учил сына рисованию и живописи, но об обучении на средства отца, частным образом (с р. автобиографию Баженова, с. 68). [4]Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — фаворит императрицы Елизаветы, покровитель Ломоносова, осуществивший его проект основания университета в Москве. Куратор этого университета и основанной при нем Академии художеств в Петербурге. [5]Чевакинский Савва Иванович (1709 или 1713 — между 1774/80) — петербургский архитектор, ученик И.К.Коробова. В 1750-х гг. — архитектор Адмиралтейства и одновременно — Академии наук, направившей к нему для обучения Баженова и других учеников Московского университета. Автор Никольского Военно-Морского собора (1752—1762), на строительстве которого в сезоны 1756 и 1757 гг. работал и Баженов. [6]Старов Иван Егорович (1744—1808) — выдающийся русский архитектор. [7]Церковь Вознесения в Петербурге находилась на Вознесенском проспекте, около Екатерининского канала. О том, что первоначально Академия помещалась именно здесь, сообщает также Я.Штелин (см.: *Малиновский К.В.* «Известие об Академии худо-

жеств И.И.Шувалова» Я.Штелина. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1978. Л., 1979, с.59). [8]Жилле Никола Франсуа (1705—1791) — французский скульптор, член Королевской Академии живописи и скульптуры. С февраля 1758 г., по приглашению И.И.Шувалова, преподавал в Петербургской Академии художеств (до 1777 г.). [9]Три дома на набережной Большой Невы между 3-й и 4-й линиями Васильевского острова приобретены для Академии художеств в 1759 — начале 1760-х гг. Позднее на их месте сооружено существующее здание Академии. [10]Правильнее Де Вайи Шарль (1729 или 1730—1798) — французский архитектор, рисовальщик и декоратор, член Королевских академий архитектуры и живописи. После Баженова в его мастерской занимался И.Старов. [11]Имеется в виду Королевская Академия архитектуры. С этим сообщением Каржавина, а также письмом И.Г.Чернышева Шувалову (док. 12) связано предположение о попытке Баженова участвовать в конкурсе на Римскую премию. Оно было оспорено Н.М.Татариновой на основании опубликованных документов Королевской Академии (см.: *Татаринова Н.М.* Новые материалы к творческим биографиям В.И.Баженова и И.Е.Старова (пенсионерские годы). — Труды Академии художеств СССР, т.4. М., 1987, с.153—154). [12]Моро-Деспру Луи-Пьер (1727—1793) — парижский архитектор, друг Де Вайи. Схема фасада одной из его работ — отеля Шаванн (1750-е гг.) — отразилась в архитектуре баженовских домов Долгова и Прозоровского в Москве. [13]Леруа Жюльен-Давид (1724—1803) — французский архитектор и археолог, автор трактатов об античной и средневековой архитектуре. [14]Бребион Максимильен (1716—1796) — французский архитектор. [15]Суффло Жак-Жермен (1713—1780) — выдающийся французский архитектор, автор церкви Св. Женевьевы (впоследствии — Пантеона) в Париже. [16]Габриель Анж-Жак (1698—1782) — выдающийся французский архитектор, автор Площади Согласия и Военной школы в Париже, Малого Трианона в Версале. [17]Маркиз де Мариньи (Пуассон Абель-Франсуа) (1727—1781) — брат фаворитки Людовика XV маркизы Помпадур, генеральный директор королевских зданий, садов, искусств и мануфактур. [18]На полях приписка: «1762». [19]Чернышев Петр Григорьевич (1712—1773) — граф, дипломат, в 1760—1762 гг. русский посол во Франции. [20]Поцци Стефано (1707—1768) — римский живописец, занимался церковной живописью. Исполнял различные должности в римской Академии Св. Луки, одном из старейших объединений художников, основанной в 1588 г. [21]Голицын Дмитрий Алексеевич (1734—1803) — князь, дипломат и ученый, друг Дидро, сотрудник русского посольства, а с ноября 1763 г. — посол во Франции. [22]Инавгурация (*лат.*), здесь — праздник в честь утверждения Екатериной II нового устава Академии художеств, происходивший 7 июля 1765 г. [23]Наследник — Павел Петрович (1754—1801), с 6 ноября 1796 г. — император Павел I. [24]На этом связный текст биографии кончается, за ним следуют на том же листе отдельные заметки. [25]Год в скобках вписан карандашом. Баженов приехал в Петербург в самом начале 1756 г., занятия в Академии художеств начались через два года. [26]Глазово — имение Баженова в Каширском уезде (теперь в Тульской области). О его местонахождении см.: *Михайлов А.И.* Новые материалы о В.И.Баженове. — «Архитектура СССР», 1962, № 5; *Долгова С.* Где похоронен архитектор Баженов. — «Панорама искусств-78». М., 1977, с.263—264.

2 ЦИАМ, ф.203, оп.747, д.23, л.450 об. Публикуется впервые.

[1]Эта запись содержит наиболее раннее известие о В.И.Баженове, его родителях и семье. Она дополняется и отчасти исправляется последующими ведомостями, составлявшимися ежегодно. Фамилии церковнослужителей в них не указывались. «Никитин», «Федоров» и т.п. — не фамилии, а отчества деда по матери и отца В.И.Баженова. Фамилия деда неизвестна. По другим документам устанавлива-

ется, что Никита Афанасьев был прежде приходским священником церкви Ржевской Богородицы что на Поварской (см.: ЦИАМ, ф.203, оп.747, д.2, л.921). В 1738 г. ему передал место в дворцовой церкви родственник, уходивший по старости в монастырь (см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Синода. T.XVIII. Пгр., 1915, стб.326). Тогда же он купил небольшой двор (16х8 сажен) в приходе церкви Николы на Курьей ножке, на Большой Молчановке (Переписная книга г.Москвы, составленная в 1738—1742 годах. Т.1. М., 1881, стб.294). На месте этой церкви теперь школа. Где жили до 1740 г. родители Баженова — неизвестно, по прежнему адресу деда они не записаны. По исповедным ведомостям прослеживается дальнейшая история семьи. С 1742 г. в них фигурирует имя старшего сына Баженовых — Федора (ему тогда было 9 лет), почему-то отсутствующее в предыдущих записях (ЦИАМ, ф.203, оп.747, д.72, л.69). С этого года Баженовы живут в том же приходе, но отдельно от деда; Иван Федорович значится псаломщиком церкви Иоанна Предтечи что во дворце (она была под одной крышей с Воскресенским собором), в той должности, которую называет Каржавин. Никита Афанасьевич живет в своем доме один — с работницей «солдатской женой» Ириной Георгиевой. Очевидно, жена его к этому времени умерла. Со следующего года он в названном приходе не значится, а в 1744 г. продает свой двор за 15 рублей (Москва. Актовые книги XVIII столетия. T.VII. М., 1897, с.103). [2]Имя матери В.И.Баженова в записях 1740—1742 гг. Мария, но в более поздних, как в этом, так и в другом приходе, она значится Марфой. Очевидно, в ранних записях повторялась одна и та же ошибка, что в исповедных документах — не редкость.

3 ЦИАМ. ф.203, оп.747, д.175, л.179-об. Публикуется впервые.
[1]Исповедные ведомости фиксируют пребывание семьи И.Ф.Баженова в приходе Николы на Курьей ножке вплоть до 1749 г. В том же году он продает свой двор за 50 рублей (Москва. Актовые книги XVIII столетия. T.VII. М., 1897, с.260). В 1750-х гг. семья живет в приходе церкви Дионисия, в который входил, в частности, Романов двор (бывшая усадьба боярина Н.И.Романова, отошедшая в казну еще в XVII в.). К середине XVIII в. он был тесно застроен каменным и деревянным жильем и заселен священнослужителями кремлевских церквей и соборов. Вероятно, и Баженовы поселились именно здесь. Романов двор занимал угол между нынешней улицей Большой Никитской и Романовым пер., позади Главной аптеки (теперь — одно из университетских зданий, Моховая ул., д.20). Несоответствие возраста членов семьи данным предыдущих ведомостей — результат неточности, обычной в подобных записях. В отношении Василия Баженова представляются более достоверными самые ранние записи (2 года в 1740 г.), подтверждаемые и другими документами. Ведомости Дионисиевской церкви позволяют проследить жизнь Баженовых в этом приходе на протяжении 1751—1765 гг. В 1752 г. появляется жена Федора, Татьяна Иванова (ЦИАМ, ф.203, оп.747, д.1924, л.204). В последующие годы Федор с женой в записях этого прихода не фигурируют. Василий в последний раз фигурирует в записи 1754 г. (там же, д.207, л.76) — «архитектурской ученик», 20 лет. На самом деле он в это время исполнял поручения архитектора Д.В.Ухтомского в качестве «вольного живописца» (ср. док. 4). В последующих исповедных ведомостях его имя не значится, так как он в начале 1756 г. уехал в Петербург (ведомость этой церкви за 1755 г. в архиве отсутствует). В этой же записи появляется впервые имя младшего из братьев Баженова — Димитрия, одного года, впоследствии помощника архитектора в Кремле (см. примеч. 5 к док. 57). [2]А.И.Михайлов высказал предположение, что работавший в конце 1769 — начале 1770 г. в Экспедиции кремлевского строения архитекторский помощник Иван Баженов — брат В.И.Баженова. По документам Экспедиции он родился в 1744 или 1746 г. (исповедные же ведомости указывают на 1742 г.), «в службе с 759

года в Академии наук учеником, живописцем с 1762 г. декабря 12; прапорщиком при строении дорог в батальоне — 1767 г. мая 10» (*Михайлов А.И.* Баженов. М., 1951, с.312; далее: *Михайлов*. Баженов). Михайлов отождествляет его также и с живописцем Иваном Баженовым, учившимся в Академии художеств в 1758—1765 гг., а затем переведенном в Канцелярию от строения. Но, по-видимому, это разные лица. Притом И.Баженов из Академии художеств не может быть отождествлен с братом В.И.Баженова, так как последний фигурирует в московских исповедных ведомостях еще в 1759 г.

4 РГАДА, ф.248, оп.100, кн.7962, л.383. Упоминание в данном документе — под именем Василия Иванова — В.И.Баженова обнаружил и обосновал А.И.Михайлов (см.: *Михайлов*. Баженов, с.21—22).

[1]Крест Шумаева — огромная резная композиция Голгофы (см. вступительную статью, с.7). Ныне хранится в ГНИМА. Баженов, вместе с Г. и А.Полозовыми, был прислан Д.В.Ухтомским по требованию Московской конторы сената в дом Шумаева для описи и зарисовки креста перед его разборкой и установкой в соборе Сретенского монастыря. [2]Ухтомский Дмитрий Васильевич (1719—1774) — князь, крупнейший московский архитектор середины XVIII в., руководитель большой «команды», выросшей в первую в России систематическую архитектурную школу. Баженов был при его команде «вольным» (т.е. внештатным) живописцем. [3]Т.е. В.И.Баженов. Отождествить его с «Ивановым» позволяет то, что о своем участии в этой работе, а также в живописных работах в Головинском дворце в конце 1753 — начале 1754 г. он упоминает в автобиографии (см. док. 55, с. 68—69). В деле о восстановлении дворца он фигурирует под тем же именем (см.: РГАДА, ф.248, оп.100, кн.6411, л.1023). За работу Баженов получил 10 рублей (см.: там же, кн.7962, л.386). [4]Полозов Григорий Андреевич родился в 1725 г. Ученик Д.В.Ухтомского.

5 АРАН, ф.3, оп.1, кн.206, л.34. Документы этого дела — об обучении в Академии наук учеников, присланных из Московского университета, цитируются в статье Е.А.Борисовой «С.И.Чевакинский и архитектурное образование первой половины XVIII века» (сб.: Русское искусство XVIII века. М., 1968).

[1]Документу предшествуют письмо И.И.Шувалова президенту Академии наук К.Г.Разумовскому от 7 января 1756 г. с просьбой «присланных из Московского университета для обучения художествам учеников приказать в Академии наук обучать» и реестр из семи фамилий, среди которых «Василий Баженов. Рисовать и архитектуре» и приписка другой рукой: «И иностранным языкам» (см.: АРАН, ф.3, оп.1, кн.206, л.32 и л.33).

6 АРАН, ф.3, оп.1, кн.206, л.63 и об.

[1]Модерах Карл Фридрих (1720—1772) — профессор истории и инспектор академической гимназии. [2]В ответе канцелярия сообщала, что этих книг «ныне в книжной лавке в наличии не имеется, однако оные из за моря выписаны и будут вскоре» (АРАН, ф.3, оп.1, кн.206, л.65). [3]Винкельгак (*нем.*) — угольник.

7 АРАН, ф.3, оп.1, кн.206, л.67—68.

[1]Названные здесь три соученика Баженова по университетской и академической гимназиям были назначены обучаться рисованию и гравированию. Один из них — Иван Семенов (р. ок. 1741) учился в 1758—1765 гг. в Академии художеств скульптуре, затем был направлен на фарфоровый завод. [2]Де Лави (Лави) Генрих — учитель французского языка. [3]«Домашние разговоры». Спб. при Императорской академии наук. 1749; [2-е изд. — 1756] — учебный сборник бытовых диалогов на русском, французском, немецком и латинском языках.

8 АРАН, ф.3, оп.1, кн.206, л.72.

[1]Правильнее: Удесов Михаил (р. ок. 1746), прислан из Московского университета во второй группе учеников в марте 1756 г. Учился в Академии художеств в 1758—1765 гг., затем направлен в Канцелярию от строений. В 1766 г. помощник Баженова в Петербурге (см. док. 225 и примеч. 2 к док. 39).

9 АРАН, ф.3, оп.1, кн.206, л.76-об. На обороте запроса из Канцелярии об успехах учеников от 26 ноября 1757 г.

10 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.2. Опубликовано Н.П.Собко (РБС, т.2, Спб., 1900, с.405).

[1]Кокоринов Александр Филиппович (1726—1772) — архитектор, помощник Д.В.Ухтомского; с 1759 г. профессор архитектуры в Петербургской Академии художеств, с 1761 г. — ее директор. [2]Кондуктор — низшая командная должность в технических и строительных службах, преимущественно — военных.

11 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.3 и об. Цитируется Н.П.Собко (РБС, т.2, Спб., 1900, с.405).

12 «Русский архив», 1869, № 11, стб. 1840—1841. Оригинал по-французски.

[1]Чернышев Иван Григорьевич (1724—1797) — граф, дипломат, друг И.И.Шувалова. Его дом в Петербурге строил в 1762—1768 гг. один из учителей Баженова Ж.-Б.Валлен Деламот. В 1762 г. находился с дипломатическими поручениями в Вене. [2]Упоминаемое здесь письмо Баженова не найдено.

13 РГИА, ф.789, оп.1, ч.I, д.570, л.20. Публикуется впервые.

[1]Головачевский Кирилл Иванович (1735—1823) — живописец, портретист, ученик И.Аргунова, затем в Академии художеств соученик Баженова. Был преподавателем портретного класса, впоследствии — инспектором Академии. [2]Перечисленные 8 листов относятся к проекту, выполненному Баженовым в Париже. Чертежи не сохранились: в следующей описи академического собрания, составленной в 1818 г. (РГИА, ф.789, оп.1, ч.I, д.2866), они уже не значатся.

14 *Татаринова Н.М.* Новые материалы к творческим биографиям В.И.Баженова и И.Е.Старова (пенсионерские годы). — Труды АХ СССР, т.4. М., 1987, с.154. Французский текст см. в кн.: Procès — verbaux de l'Academie Royale d'architecture. Paris, 1922, v.7, s.113. Имя Баженова фигурирует также в переписке директора Французской академии в Риме Ш.-Ж.Натуара с директором королевских строений де Мариньи, который в конце 1762 г. рекомендовал Баженова Натуару по просьбе русского посла Д.А.Голицына (*Татаринова Н.М.* Указ.соч., с.155. Французские тексты см. в кн.: Correspondance des Directeurs de l'Academie de France à Rome avec les surintendants des bâtiments Royals. Paris, 1901, v.11).

15 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.94 и об. Копия рукой В.И.Баженова. Опубликовано П.Н.Петровым в «Сборнике материалов для истории имп. С.Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования», т.I (Спб., 1864, с.54).

[1]Лосенко(в) Антон Павлович (1737—1773) — выдающийся исторический живописец, товарищ Баженова по пенсионерству в Париже. С 1770 г. профессор, а позднее — директор Академии художеств. [2]Адъюнкт — помощник профессора. [3]Екатерина II, пришедшая к власти 28 июня 1762 г. [4]«Публичный эксамен» в Академии художеств состоялся 19 августа 1762 г. «в присудствии всех членов академических и посторонних искуснейших господ архитектов, живописцов и скуль-

пторов» (РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.6). [5]П.Г.Чернышев — русский посол в Париже (см.примеч. 19 к док. 1). [6]Картина Лосенко «Чудесный лов рыбы», написанная в 1762 г. в Париже.

16 Опубликовано П.Н.Петровым в кн.: Сборник материалов для истории имп. С.Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования, т.1, Спб., 1864, с.154—155.

[1]Еще 25 июня 1762 г. Шувалов предписал А.Ф.Кокоринову перевести Баженову и Лосенко жалованье — 800 р. на год, считая с 1 сентября «да неплаченную сумму за преходящий нынешней год» — 350 р., «А и впредь изволите от Академии художеств оным Лосенкову и Баженову переводить надлежащее жалованье, дабы чрез остановку не имели они в содержании своем нужды» (РГИА, ф.789, оп.1, д.643, л.5). Шувалов повысил жалованье пенсионерам на 50 рублей в год каждому с 1 сентября 1762 г. [2]Томсон — банкир, через которого переводились деньги пенсионерам. [3]Мишель — комиссионер Академии художеств.

17 РГИА, ф.789, оп.1, д.94, л.463. Отпуск. Публикуется впервые.

[1]Бецкий(ой) Иван Иванович (1703/4—1795) — государственный деятель, пропагандист новых принципов воспитания детей в изоляции от «порочного» мира. С весны 1763 г. — главный директор Академии художеств вместо Шувалова. Возглавлял также Канцелярию строений и был главным попечителем основанного им же Воспитательного дома для подкидышей. [2]Баженов выехал из Парижа в конце ноября 1762 г., получив на дорогу 300 рублей. Прибыл в Рим 24 (или 21?) декабря (см.: РГИА, ф.789, оп.1, д.643, л.34).

18 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.8. Чистовая писарская рукопись без подписи. Цитировано Н.П.Собко (РБС, т.2, Спб., 1900, с.405).

[1]Беллони Жироламо — маркиз, римский банкир. В том же деле находятся его письма в Академию художеств (на итальянском языке), расписки Баженова на его имя (также итальянские), а также бюллетени валютного курса и конверты, в которых эти документы пересылались в Петербург.

19 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.9. Оригинал. Публикуется впервые.

[1]Голицын Д.А. См. примеч. 21 к док. 1. [2]В том же деле находится ответ Академии художеств с сообщением о переводе в Париж соответствующей суммы денег (см.: РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.10).

20 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.41. Экстракт визирован Баженовым. Вторая половина письма цитирована А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.37—38).

[1]Имеется в виду Ж.Беллони (см.примеч. 1 к док. 18). [2]Байокко — мелкая итальянская монета в Церковной области; штивер (стивер) — голландская монетная единица; скудо — итальянская серебряная монета, равная 100 байокко. [3]Комплиментарий (*итал.*) — распорядитель.

21 РГИА, ф.789, оп.1, д.94, л.41. Оригинал с подписью А.Кокоринова. Опубликован (с купюрами) А.Л.Кагановичем (Лосенко. М., 1963, с.255).

[1]Представление Кокоринова посвящено обоим пенсионерам. В опущенных частях текста речь идет о Лосенко. [2]На основе этого представления И.Бецкий сделал соответствующее распоряжение Академии художеств 31 марта 1764 г. (см.: РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.12). Опубликовано А.Л.Кагановичем (Лосенко, с.294).

22 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.41-об. Экстракт визирован Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Документ носит характер сопроводительного частного письма Кокоринова к подписанному им же тремя днями позже официальному письму Академии художеств (см. док. 23).

23 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.97. Копия, визированная Баженовым. Конец письма цитирован Н.П.Собко (РБС, т.2, с.406).

[1]Руководитель занятий Баженова в Италии не известен. Возможно, он занимался там самостоятельно.

24 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.97-об. Копия, визированная Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Письмо это, как и все предыдущие письма Баженова из-за границы, не найдено. О содержании его писем можно отчасти судить по публикуемым здесь ответам А.Ф.Кокоринова и И.И.Бецкого.

25 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.16, 101. Черновой автограф Баженова (в деле имеется также визированная им копия «представления» с небольшими разночтениями — л.38—39). Цитировано А.И.Михайловым (Баженов, с.30).

[1]Вероятно, это был сын художника Дж.Валериани — «Премьер маиор Иван Валериани» (см.: *Коноплева М.С.* Театральный живописец Джузеппе Валериани. Л., 1948, с.52). [2]В Париж. [3]Ливр — французская денежная единица. В то время 1 рубль обменивался на 5 ливров. [4]См. следующий документ.

26 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.17 и 100. Черновой автограф Баженова (в деле имеется также визированная им копия счета — л.39). Публикуется впервые.

[1]Тиволи — город в 24 км северо-восточнее Рима. В Тиволи и окрестностях много античных памятников, среди которых т.наз. храм Весты, руины виллы Адриана и др., вилла д'Эсте, построенная в XVI в., живописные водопады на р.Тевроне. [2]Правильно: Фраскати — город в 17 км к юго-востоку от Рима. В городе известные виллы XVI в. — Фальконьери, Ланчелотти, Мондрагоне, Альдебрандини. Поблизости — руины античного города Тускуланума.

27 Архив князя Воронцова, т.32. М., 1886, с.52.

[1]Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767) — граф, в 1758—1763 гг. — канцлер. В 1764 г. находился в Берлине.

28 Архив князя Воронцова, т.32. М., 1886, с.54.

[1]О предстоящей поездке Баженова «через ваше место из Парижа» (т.е. через Гаагу) Воронцов в тот же день писал также племяннику А.Р.Воронцову (там же, с.327). Поездка эта не состоялась, возможно, из-за необходимости оплатить долги Баженова. В Россию Баженов возвращался морем в мае-июне 1765 г.

29 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.18 и об. Автограф Баженова. Публикуется впервые.

30 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.19. Автограф Баженова. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.30.).

31 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.21. Копия. Публикуется впервые.

[1]Салтыков Александр Михайлович (ок. 1728—1775) — конференц-секретарь Академии художеств.

32 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.40. Подписан Баженовым. Публикуется впервые.

[1]См. док. 26. [2]См. док. 25. [3]Инавгурация (лат. «освящение») — имеется в виду празднование в честь утверждения Екатериной II нового устава Академии художеств. — 7 июля 1765 г. [4]В начале 1767 г. Академия художеств потребовала возврата выданных Баженову в августе 1767 г. «на необходимые ево нужды впредь до исправы заимообразно» двухсот рублей, а также потраченных на сшитый для него к инавгурации парадный кафтан 98 рублей с копейками. Требование о вычете этих денег было направлено в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, где в то время служил архитектор. Баженов опротестовал это требование, считая, что Академия осталась ему должна значительно бóльшую сумму, недоданную во время заграничной поездки. В подтверждение этого он приложил к своему доношению в Канцелярию, датированному 20 апреля 1767 г., копии своих писем из Парижа, писем к нему из Академии и свои счета. (Именно эти бумаги, сохранившиеся в академическом деле Баженова, публикуются выше; подлинники их в большинстве случаев отсутствуют). Однако Академия не согласилась с аргументами архитектора. Согласно записке, составленной академическим бухгалтером Мейером (РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.42), Баженов, напротив, перерасходовал 436 рублей с копейками. Впрочем, «оных Академия, в разсуждении по приезде его сюды тогдашнего недостатка определила не взыскивать», но вновь потребовала в марте 1768 г. выплаты остального долга. Академия отказывалась отвечать за пропажу заложенного им сундука с книгами: «и в том ево написана напрасная отговорка, а волен он был то сделать по своему произволению для излишних каких либо прихотей». Она считала, что жалованье было ему положено не по день инавгурации (незадолго до которого он вернулся), а лишь до прежде назначенного срока возврата, т.е. до конца 1764 г.; что на проезд ему полагалось не 500, а 300 рублей, так как «он хотя и имел чин обер офицера, но Академия посылала учиться не обер офицера, а пенсионера <...> да и ныне отправленные пенсионеры тем же числом денег весьма довольны». Наконец, что разъезды по Италии и взносы в итальянские академии он должен был делать за счет жалованья, а не сверх него — «как и товарищи его находящиеся с ним вместе пенсионеры Лосенко и Старов и ныне посланные пенсионеры поездки делают и будут делать и кроме определенного жалованья не требуют, но с великою благодарностью довольными себя считают; о исходатайствовании ж дипломов на достоинство ево Баженова собственная ево нужда в том требовала, чтоб доказать Академии, что он время не праздно в тех местах пробыл и что имеет от лутчих художников и верных мест атестаты к своему уверению» (РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.44—46, 95—96). На самом деле не только Баженов, но и Лосенко жаловался в 1764 г. из Парижа на недостаточное жалованье. А в доводах академических чиновников, наряду с обычными для того времени приемами канцелярской полемики, отражено изменившееся с приходом в Академию Бецкого отношение к Баженову (как и к другим воспитанникам, пользовавшимся покровительством Шувалова). Подробный расчет жалованья первым пенсионерам, включая Баженова, сохранился в деле профессора Лосенко (РГИА, ф.789, оп.1, д.643, л.31—35). Долг Баженова вычитался из его жалованья на протяжение 1769—1770 гг.

33 РГИА, ф.789, оп.1, д.383, л.22. Копия. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.39).

[1]Козлов Гавриил Игнатьевич (1738—1791) — живописец, из крепостных кн.Тюфякина. Впоследствии — адъюнкт-ректор Академии художеств. Рокотов Федор Степанович (1735/6 или 1732—1808) — выдающийся портретист. Саблуков Иван Семенович (ок. 1732—1777) — ученик И.Аргунова, впоследствии основал художественное училище в Харькове. О Головачевском см.примеч. 1 к док. 13. [2]Роллан (Ролан, Ролланд) Луи (1711—1791) — французский скульптор и резчик. В

России с 1740-х гг. В 1766—1769 гг. преподавал в Академии художеств. Гроот Иоганн Фридрих (1717—1801) — немецкий живописец, анималист, позднее член совета Академии и ее почетный член.

34 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.31. Копия. Воспроизведена в кн. Н.А.Евсиной «Архитектурная теория в России второй половины XVIII — начала XIX века» (М., 1985, с.74).

[1]Диплом был вручен Баженову (как и другим академикам) 7 июля 1765 г. при церемонии инавгурации Академии художеств.

35 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.23—25. Оригинал с подписями Кокоринова и Деламота. Опубликован С.В.Безсоновым («Архитектура СССР», 1937, № 2, с.19).

[1]Валлен Деламот Жан-Батист Мишель (1729—1800) — французский архитектор, в 1759—1776 гг. — в России, профессор Академии художеств, один из учителей Баженова. Его петербургские постройки способствовали стилевому перелому и утверждению раннеклассических форм в русской архитектуре 1760-х гг. [2]Полуэтаж или антресоли — низкий дополнительный этаж, обычно лишь над частью парадного этажа, рядом с залами, имеющими двойную высоту. [3]Антикамера (от франц. antichambre — передняя) — проходной зал перед главным. [4]Марли — небольшой дворец петровского времени в нижнем парке Петергофа. Против его восточного фасада расположен большой прямоугольный пруд, против западного — полукруглый, разделенный на секторы тремя узкими мостиками. [5]Екатерингоф — загородная местность близ Петербурга, правее Петергофской (Нарвской) дороги (теперь — в черте города, неподалеку от Нарвских ворот). Там находился деревянный дворец, окруженный парком, ставшим впоследствии традиционным местом народных гуляний.

36 РГИА, ф.789, оп.1, д.385, л.26—28, 98—99. Оригинал с подписью Баженова. Опубликован С.В.Безсоновым («Архитектура СССР», 1937, №2, с.19—20).

[1]Орден св. Андрея Первозванного — высший из русских орденов. Знак его имел форму косого креста. [2]Палладио Андреа (1508—1580) — великий итальянский архитектор, оказавший огромное влияние на архитектуру европейского классицизма XVIII в. Был, в частности, автором большого количества загородных вилл (т.е., по терминологии Баженова, «увеселительных домов») в Венецианской области. [3]Хрящ — крупный песок. [4]Т.е. фонтан Треви (1735, архитектор Николо Сальви) — самый большой из римских фонтанов.

37 РГИА, ф.789, оп.1, д.570, л.20 и 57. Публикуется впервые. Описанные чертежи не сохранились, в описи академического собрания 1818 г. они отсутствуют. Однако, по сообщению Н.М.Татариновой (см.: Труды АХ СССР, т.4. М., 1987, с.162) «Проект загородному императорскому дому (фасад) Баженова» числился в рукописном каталоге Музея ИАХ 1858 года (К.А.Ухтомского), находящемся в Научно-исследовательском музее АХ СССР.

[1]Т.е. Баженова (начало списка — см. док. 13). [2]Неизвестно, имел ли Баженов какое-либо отношение к декорированию зданий Академии или только зафиксировал украшенный фасад.

38 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф. 263, д. 4. Оригинал. (Машинописная копия писем Махаева к Н.И.Тишинину, выполненная в 1920-х или начале 1930-х гг., хранится в архиве ГТГ: ф. 4, д. 194, ф. 31, д. 2072—2079. Она использована при подготовке настоящей публикации.) Цитируется М.А.Ильиным (*Ильин М.А.* Письма гравера М.И.Махаева. — «Литературное наследство», вып. 9—10. М., 1933, с. 475, 486).

[1]Махаев Михаил Иванович (ок. 1717—1770) — рисовальщик и гравер, перспективист, мастер ландкартного дела в гравировальной палате Академии наук. В 1760-х гг. исполнял в Петербурге различные поручения Н.И.Тишинина. [2]Тишинин Николай Иванович (1727—1775) — переводчик, ярославский помещик, владелец усадьбы Тихвино-Никольское, на правом берегу Волги, ниже Рыбной слободы (ныне г.Рыбинск), для которой через Махаева заказывал проекты в Петербурге. [3]Получено 20 марта. [4]Деревянные триумфальные ворота в Тихвине-Никольском Тишинин предполагал строить к предстоящему проезду Екатерины II по Волге (она посетила его усадьбу летом 1767 г.). [5]Речь идет о проектировании Каменноостровского дворца для великого князя Павла Петровича (см. вступительную статью, с. 14). [6]Баженов служил при Кадетском корпусе до ноября 1766 г., когда ему было «по неимению при том дела отказано» (РГИА, ф.467, оп.2, д.112-б, л.365).

39 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф.236, д.4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с.475—476).
[1]Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783) — граф, государственный деятель. Фаворит Екатерины и один из руководителей заговора, возведшего ее на трон. В должности генерал-фельдцейхместера руководил артиллерийским ведомством и в конце 1766 г. взял Баженова на службу с чином артиллерии капитана. [2]Из сопоставления документов выясняется, что этим помощником Баженова был М.Удесов (см.примеч. 1 к док. 8 и док. 225).

40 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф.236, д.4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с. 476). Воспроизведено там же, с.479, 480.
[1]В письме набросок ворот. [2]Набросок других ворот.

41 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф.236, д.4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с. 476, 487).
[1]«Инвенции для ворот» это, видимо, программа аллегорических панно для их украшения. «Статс-советник» — вероятно, Яков Яковлевич Штелин (1709—1785) — директор Академии художеств при Академии наук, известнейший в те времена инвентор.

42 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф. 236, д. 4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с. 477).

43 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф. 236, д. 4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с. 477).

44 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф. 236, д. 4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с. 477).

45 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф. 236, д. 4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с. 477).
[1]Гзымз (*нем.* Gesims) — карниз.

46 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф. 236, д. 4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с. 477).

47 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф. 236, д. 4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с. 478).

[1]В тексте нарисован восьмиугольник. [2]В Петергофе в это время находились императрица и наследник.

48 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф.236, д.4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с. 478).
[1]Махаев жил на Васильевском острове, Удесов числился, с другими архитектурными учениками Конторы строений, в приходе церкви Рождества Христова что за Лиговским каналом. Где жил Баженов, не установлено.

49 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф.236, д.4. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с.478, 481).
[1]Получено 27 ноября. [2]М.Удесов числился в ведомстве Конторы строений ее величества дворцов и садов. [3]Вероятно, имеется в виду архитектор инженерного корпуса Карл Шпекле.

50 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф.236, д.5. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с.481).

51 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф.236, д.5. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с.482).
[1]Воронцова (урожд. Скавронская) Анна Карловна (1722—1775) — вдова канцлера М.И.Воронцова.

52 Рыбинский филиал ГА Ярославской обл., ф.236, д.5. Оригинал. Цитируется М.А.Ильиным («Лит. наследство», 9—10, с.481, 487).
[1]Баженов в это время находился в Москве. [2]М.И.Воронцов. См.примеч. 1 к док. 27. [3]Сообщаемые Махаевым сведения о московской родне и адресах Баженова не подтверждаются другими источниками и представляются ошибочными.

53 РГИА, ф.466, оп.1, д.117, л.35. Копия. Цитируется по другому экземпляру А.Н.Петровым («Из материалов о В.И.Баженове». — Ежегодник Института истории искусств'1957. М., 1958, с.59).
[1]Орлов (впоследствии граф Орлов-Чесменский) Алексей Григорьевич (1737—1807) — государственный деятель и военачальник. [2]Елагин Иван Перфильевич (1725—1794) — государственный деятель. [3]Публикуемый документ — самое раннее свидетельство о причастности Баженова к работам в Кремлевском дворце по поручению императрицы. Приблизительно месяцем раньше Екатерина II подписала представленный Г.Г.Орловым патент на данный Баженову чин артиллерии капитана (см.: АВИМАИВ и ВС, ф.2, оп. ШГФ, д.2289, л.60). Баженов приехал в Москву в первой половине февраля 1767 г. по распоряжению Орлова — вместе с двором, переехавшим на год в Москву — с приказом «состоять там до обратного моего сюда (т.е. в Петербург. — *Ю.Г.*) возвращения» (там же, л.35).

54 РГИА, ф.789, оп.1, д.397, л.31—32. Записка без заглавия, даты и подписи, с правкой другим почерком. Относится к начальному периоду кремлевского строительства — до организации архитекторской команды и учреждения Экспедиции кремлевского строения. Составлена от имени Баженова («архитектор за долг себе ставить будет...» и т.д.).
[1]1 июля 1768 г. Екатерина II учредила «для того строения особую в Москве Экспедицию под единственным нашим ведением».

55 РГИА, ф.789, оп.1, д.397, л.33—37. Черновик со вставками и дополнениями, сделанными рукой Баженова (выделены курсивом). Это черновой вариант записки,

поданной императрице в январе-феврале 1768 г. (см. док. 56). Опубликовано впервые полностью Н.Моренец («Архитектурное наследство», вып.1. М., 1951, с.94—97), автобиографический отрывок опубликован А.И.Михайловым («Искусство», 1947, № 4, с.86—87). Записка содержит краткую автобиографию Баженова и документирует самый ранний этап проектирования кремлевской перестройки, не отраженный в других документах. Выясняется, что летом или осенью 1767 г. Екатерина II дала Баженову в Коломенском указания, в частности, о проектировании здания Коллегий. Более систематические сведения о работах в Кремле начинаются с конца 1768 г., с началом делопроизводства в Кремлевской Экспедиции.

[1]Измайлов Михаил Михайлович (1719—1800) — генерал, затем — крупный строительный чиновник. 16 января 1768 г. императрица приказала ему «главное иметь смотрение над строением нового Кремлевского дворца». Возглавил основанную через полгода Экспедицию кремлевского строения. С 1795 г. — московский главнокомандующий. [2]По-видимому, описка, вместо «этаж». [3]Страстной монастырь в Москве, на месте нынешней пл. Пушкина. [4]Так называемый Шумаевский крест (см. примеч. 1 к док. 4). [5]Головинский дворец на Яузе сгорел 1 ноября 1753 г. и был отстроен за полтора месяца силами всех имевшихся в Москве мастеров. Баженов значится под именем «Василия Иванова» в списке живописцев 2-го класса, расписывавших холст для обоев. [6]В словоупотреблении XVIII в. архитектурная «теория» включала в себя проектирование, а «практика» — строительство. [7]Ш. Де Вайи. См. примеч. 10 к док. 1. [8]Далее до конца — автограф Баженова. [9]Мячково, Верхнее и Нижнее — села на Москве-реке ниже Москвы с каменоломнями, обеспечивавшими город строительным белым камнем. [10]Опока — мергель, глинистый известняк.

56 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.381—384, 386. Копия без даты и подписи. Опубликовано А.И.Михайловым («Архитектурный архив». Вып.1. М., 1946, с.119—121). Датируется по содержанию записки и приложенного к ней списка предлагаемых Баженовым его сотрудников (следующий документ). Как явствует из текста, записка составлена в Петербурге, куда Баженов вернулся вместе с двором, по-видимому, в конце января. А 18 февраля были уже приняты на службу предлагавшиеся им бывшие ученики Академии художеств.

[1]Материалы ранних этапов Кремлевского проекта (1767—1768 гг.) почти не сохранились. О двух известных ныне планах Кремля этого времени см. вступительную статью (с.16—17). [2]Верхний набережный сад, расположенный на крыше Запасного дворца Бориса Годунова. Дворец этот был выдвинут из группы дворцовых зданий к югу, на откос Кремлевского холма. К востоку от него, также на каменных сводах, находился Нижний набережный сад. Оба сада были уничтожены в процессе подготовки к строительству баженовского дворца. [3]См. следующий документ. [4]Измайлов. [5]См. следующий документ. [6]Очевидно, речь идет о док. 54, известном нам лишь в черновом варианте.

57 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.385. Без даты и подписи (приложение к предыдущему документу). Публикуется впервые. Содержание списка изложено А.И.Михайловым («Архитектурный архив». Вып.1. М., 1946, с.121).

[1]Гарезин Петр. Числился в ЭКС помощником 3-го класса в ранге прапорщика с жалованьем 150 р. в год с 18 февраля 1768 г. В апреле 1770 г. Баженов посылал его в Петербург с моделью раки Михаила Черниговского — «для лучшего объяснения» (см.: РГАДА, Госархив, разр. XVIII, д.245, л.9 и 11). Летом 1770 г. переводится на службу в Оренбург. [2]Морщинов Иван Иванович (1736 — после 1795) — из дворовых людей Е.М.Салтыковой, отпущен на волю в 1764 г. Служил «у обуче-

ния кадет нижнего рисовального класса подмастерьем». В ЭКС — с 18 февраля 1768 г. архитекторским помощником 3-го класса без чина, с жалованьем 150, а после 1 июля — 180 р. в год. «Помогал в чертежах» и участвовал в росписи модели. В 1774—1775 гг. участвовал в постройке Пречистенского дворца, в 1784—1787 гг. в восстановлении Московского Арсенала. [3]Некрасов Иван Терентьевич (ок. 1737 — после 1799) — уроженец Архангельской губернии, из крестьян, учился в 1759—1763 гг. в Рисовальной палате Академии наук в Петербурге у Ф.Градицци, затем до 1767 г. — в Живописной палате у В.Эриксена. С 18 февраля 1768 г. архитекторский помощник 3-го класса в ЭКС с жалованьем 150, а после 1 июля — 200 р. «как за ним две должности и при делании модели весьма нужен для блафонов и протчего» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.298998, л.11—13). В 1772 г., находясь в отпуске, исполнял росписи в церкви с.Белкино Малоярославского уезда. Наблюдал за покраской модели дворца и сопровождал в Петербург вторую партию модели в декабре 1773 г. В 1774 г. уволен в числе других при сокращении Команды. В 1777—1778 гг. работал в Богородицке. Баженов поручал Некрасову написание не сохранившегося семейного портрета. Возможно, он автор и дошедшего до нас портрета Баженова в семейной группе. [4]Назаров Елизвой Семенович (1747—1822) — вольноотпущенный помещицы А.М.Атяевой. Был принят в ЭКС не учеником, а помощником 3-го класса. Ездил с Баженовым в Петербург. В 1773 г. ушел из ЭКС, с 1775 г. — архитектор при московских департаментах Сената. Автор церкви на Лазаревском кладбище, Знаменской церкви в Новоспасском монастыре (усыпальница Шереметевых) 1791—1795 гг.; Шереметевского странноприимного дома 1792—1803 гг. (осуществлен с изменениями, внесенными в проект Кваренги). Вел работы в Останкине. Известны также неосуществленные его проекты. В 1796—1797 гг. строил по проекту Баженова деревянную церковь при доме Безбородко к коронации Павла I (см. док. 220). [5]Баженов Дмитрий Иванович (1753 — после 1798) — младший брат В.И.Баженова, архитекторский ученик в ЭКС с 18 февраля 1768 г. (см. о нем док. 240 и примеч. к нему). [6]Имя Г.Волкова названо еще в одном, также предварительном списке учеников 1768 г., но не в делах ЭКС. По-видимому, он почему-то не был принят. [7]Трое выпускников Академии художеств 1-го выпуска (1767 г.), соученики Баженова: Максимов Михаил (р. 1743) — солдатский сын, живописец-перспективист, Стоянов Федор (ум. 1771) — сын гусара Сербского гусарского полка, медальер и Урядов Захар Ефимович (р. ок.1745) — солдатский сын, скульптор — были приняты в ЭКС по контракту, возобновлявшемуся ежегодно. Стоянов умер в эпидемию чумы в Москве. Максимов и Урядов были уволены в октябре 1772 г., так как им, по словам Баженова, «надобности за нерадением не предвидится» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46453, л.279). Но Урядов был принят вновь с начала 1773 г. «для скульпторной работы». В декабре 1773 г. он ездил в Петербург со второй партией модели.

58 РГИА, ф.789, оп.1, д.397, л.30. Автограф Баженова, без даты и подписи. Публикуется впервые. На обороте листа — беглый карандашный набросок плана перестройки Кремля.

[1]Речь идет, видимо, о редактировании одной из приведенных выше записок, вместе с черновиками которых письмо сохранилось в бумагах Каржавина. [2]Екатерину II.

59 Письма государыни императрицы Екатерины Великой к фельдмаршалу графу П.С.Салтыкову. М., 1886, с.69.

[1]Салтыков Петр Семенович (1693—1772) — генерал-губернатор Москвы в 1763—1771 гг. В 1771 г. подавлял чумной бунт. [2]Трубецкой Никита Юрьевич (1700—1767) — генерал-прокурор Сената в царствование Елизаветы. [3]Баженов продолжал в 1768 г.

начатое годом раньше (см. док. 53) обследование подвалов кремлевских дворцовых зданий. В расходной книге Экспедиции есть запись о покупке «для приискания Кремлевского дворца хода» железных и деревянных лопаток, факелов, веревок. В июле Салтыков послал императрице план, «сочиненный» Баженовым «и при нем журнал тем ходам, кои он в Кремле осматривал, а притом и найденное во означенных ходах в слитках серебро» (РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.I, л.156).

60 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29004, л.4. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]План, разрез и фасад «новому деревянному строению для делания модели в Потешном дворце», подписанные Баженовым, находятся в том же деле (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29004, л.5, 6, 7); подписанный им же перечень необходимых материалов (см.: там же, л.11—12). План и фасад опубликованы А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.94, 95).

61 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29004, л.15. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

Представление Баженова было послано Экспедицией в Петербург Измайлову, который распорядился, «чтоб сходственно было в силу именного повеления построить все оное принадлежащее для модели строение подле Арсенала».

62 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29004, л.21. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Этот проект второго, осуществленного варианта Модельного дома не сохранился. В собрании Гос. музеев Московского Кремля находятся план и разрез восьмигранного зала для модели в этом доме, выполненные Г.Булгаковым и подписанные Баженовым 8 февраля 1770 г., то есть уже после окончания его строительства.

63 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29008, л.4. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]План Кремля с назначением подлежащих сломке зданий не найден. [2]10 июля 1769 г. Баженов представлял в Экспедицию механика Самуэля Рихнера, швейцарца, который «все то что при строении принадлежит довольно знающ, так что кроме его другого вскоре и найти не уповательно» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46407, л.261). Кроме Рихнера в Экспедиции работал позднее механик Иоган Шуль. [3]Благовещенский собор (1484—1489). [4]11 декабря 1769 г. Баженов получил именной указ о разборке в Кремле и 15-го подал в Экспедицию новое представление о подготовке к работам и свои примечания к договору с подрядчиками, относящиеся к организации работ, например: «не будет ли у разных наемщиков замешательства в поклаже материала, ибо место тесное, а народ известной» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46407, л.56 и 57—60).

64 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29009, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.74) по изложению в Журнале Экспедиции.

[1]О найме столяров Баженов представлял Экспедиции 20 мая 1769 г. (там же, д.29003, л.7).

65 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29004, л.115. Автограф Баженова. Опубликовано А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.74).

66 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29003, л.67. Рукой Ф.В.Каржавина, подписано Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.67).

[1]Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784) — государственный деятель. Вице-президент военной коллегии. С 1782 г. — главнокомандующий в Москве. [2]Для планировки здания Коллегий Баженову нужны были сведения о помещениях, необходимых каждому из размещаемых там учреждений.

67 РГАДА. ф.1239, оп.3, д.29003, л.90-об. Оригинал, подписанный Баженовым (на обороте запроса). Публикуется впервые.

[1]Столы для установки модели в зале Модельного дома начали делать в мае 1769 г., еше до окончания самого дома. План зала с огромным составным восьмигранным столом хранится в собрании Гос. музеев Московского Кремля (см. примеч. 1 к док. 62). [2]Столярный мастер, немец Иоганн Миллер из Гильдесгейма был принят в Экспедицию в мае 1769 г. Работал прежде в Петербурге в ведомстве Канцелярии строения домов и садов, а с 1764 г. — в Твери при строительстве Архиерейского дома. Баженов характеризовал его: «человек в своем звании столько разумен, как доброму столярному мастеру и знающему принадлежит, а особливо имеет чрезвычайную к работе прилежность, отчего мадель и протчие работы под присмотром такого мастера уповательно успех иметь будут больше» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46407, л.174). «Замастер» (позднее мастер) Иоганн Витман был «приискан» Миллером также в мае 1769 г. В январе 1770 г. Баженов писал, что Витман «весьма надобен в продолжении работы у мадели, где он показывает себя весьма прилежно, также исправляет к членам архитектуры шаблоны слесарною работою, что без труда другова и найтить не можно, почему и надлежит ему прибавку учинить» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46421, л.48—49). [3]Лучшими столярами считались немцы и по предложению Миллера, для изготовления модели разыскивались «немецкие гезели» (т.е. подмастерья). Они были выписаны из Петербурга. Наряду с ними, для менее ответственной работы, нанимались и русские столяры.

68 РГИА, ф.789, оп.1, д.397, л.1—16, 46. Текст написан рукой Ф.В.Каржавина с многочисленными вставками его рукой и рукой Баженова (последние выделены курсивом). Это дает основание считать записку их совместным произведением. Без даты. Написано, по-видимому, в период работы Каржавина в Экспедиции кремлевского строения, т.е. между концом 1769 и летом 1773 г., по-видимому, ближе к началу этого периода. В том же деле (л.28—29) находится черновая записка от имени Баженова «О должности архитектора при каком-либо малом или великом здании», текст которой использован в настоящем документе. Публикации: *Беккер И.И.* (Труды Всероссийской Академии художеств, вып.1. Л.-М., 1947, с.226—231); *Моренец Н.* («Архитектурное наследство», вып.1. М., 1951, с.97—102).

[1]Виллалпандо Жан Батист (1552—1608) — испанский теолог, автор трехтомного трактата о храмах Иерусалима (1596—1606). [2]Знаменитый храм Артемиды (в Риме ее культ слился с культом Дианы) в Эфесе, сожженный в 356 г. до н.э. Геростратом. [3]Птолемей II Филадельф — египетский царь (правил в 285—246 гг. до н.э.). [4]Так называемый Золотой дом Нерона (I в. н.э.). Его остатки были найдены в конце XV в. [5]Перечисляются знаменитейшие сооружения древности, как сохранившиеся, так и исчезнувшие: грандиозные крепостные стены Вавилона, на которых якобы могли разъехаться две колесницы; висячие сады Семирамиды (там же) — (IX в. до н.э.); колосс Родосский — огромная статуя бога Солнца Гелиоса (III в. до н.э.); статуи победителей в Олимпийских играх; гробница малоазийского царя Мавзола в Галикарнасе (IV в. до н.э.); карфагенские акведуки, термы (бани) Диоклетиана в Риме (306 г.); театр Марцелла (I в. до н.э.) и Колизей (75—80 гг.) там же.

[6]Называются наиболее знаменитые и крупные произведения и ансамбли западноевропейской архитектуры Нового времени: Ватикан — папский дворцовый комплекс в Риме, создававшийся начиная с V в., и собор Св. Петра там же (XV—XVII вв.) с площадью (1656, Л.Бернини); Флорентийский собор (ц.Санта Мария дель Фьоре, 1296—1467); собор Св.Марка в Венеции (829—832, перестроен в 1073—1095 гг., фасад XV в.) и площадь перед ним; готический Миланский собор (XIV—XV вв., фасад 1616 г.); королевский дворец в Мадриде (1738—1764, Дж.Саккети по эскизам Ф.Ювара); собор Св. Павла в Лондоне (1675—1717, К.Рен); цейхгауз в Берлине (1695—1698, И.А.Неринг); в Париже — ансамбль Дома инвалидов (начат в 1671 г., Л.Брюан и Ж.Ардуэн-Мансар) с собором (1676—1708, Ж.Ардуэн-Мансар); площади Людовика XV (ныне пл.Согласия, 1755—1763, Ж.-А.Габриэль) и Вандомская (1680-е г г., Ж.Ардуэн-Мансар); дворцы: Тюильри (1563, Ф.Делорм, Ш.Бюллан, построен для королевы Екатерины Медичи, 1519—1589, жены Генриха II); Старый Лувр с перистилем или квадратным двором, часть огромного королевского дворца, построенная около 1364 г. и реконструированная при королях Франциске I и Генрихе II (1546—1574, П.Леско, Ж.Гужон, П.Понс); Пале Руаяль (1629—1636, Ж.Лемерсье); Люксембургский дворец (1615—1620, С. де Брос, Л.Метезо); монастырь Валь де Грас (1645—1710, Ф.Мансар, Ж.Лемерсье, П.Лемюэ); церкви: Сент Женевьев (впоследствии Пантеон, 1755—1789, Ж.Суффло, см. примеч. 15 к док. 1); Сен Рок (с 1653, Ж.Лемерсье, 1705—1735, Ж.Ардуэн-Мансар, Р. де Кот); Сен Сюльпис (1646—1749, по планам К.Гамара, фасад Ж.Сервандони, 1732—1770-е гг.). Этот перечень почитавшихся Баженовым и Каржавиным западноевропейских архитектурных памятников может дать некоторое представление о тех историко-архитектурных уроках, которые давал членам баженовской архитекторской команды в Модельном доме Ф.Каржавин. [7]Джовио Паоло (1484—1522) — итальянский историк, епископ в Ночере. [8]Плиний Старший (23/4—79) — римский писатель и ученый, автор «Естественной истории». [9]После этого абзаца — вставка, помеченная знаком №.[10]Марк Витрувий Поллион — римский архитектор I в. до н.э., автор трактата «Десять книг об архитектуре». Первые две книги были переведены Ф.Каржавиным «при Модельном доме», полный его же перевод вышел в Спб. в 1790—1797 гг. [11]В альбоме Ф.Каржавина (Отдел редких книг РГБ) имеются три баженовских наброска эполет, на одном — надпись Каржавина: «При Кремлевском строении в 1770-м годе хотели зделать особливой архитекторской мундир, кирпич и раствор, кавтан серого цвета с отворотами и обшлагами и с воротником кирпичного цвета, камзол и штаны кирпичного цвета. Темляк и эполет золотой, тогда Вас.Ив.Баженов рисовал нам сии три эполета собственным почерком. Ф.К.» (л.141). Воспроизведен В.Л.Снегиревым (*Снегирев В.Л.* Знаменитый зодчий Василий Иванович Баженов. М., 1950, с.85). [12]К этому месту помета рукой Баженова: «Здесь вспомнить о сочинении сего великого дела книге соображая с переведенными. Ниже».

69 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29013, л.2. Оригинал, подписанный Баженовым, постскриптум — его автограф. Публикуется впервые.

[1]Названная здесь серия планов хранится в собрании Гос.музеев Московского Кремля.

70 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29014, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Юст Иоганн (Иван Христофорович) (ум. до конца 1796 г.) — немецкий скульптор из Праги. В России с 1750-х гг., работал в Петербурге (Катафалк императрицы Елизаветы), в конце 60-х гг. в Москве: работал для Н.А.Демидова, Шереметевых. С конца 1769 г. по представлению Баженова — скульптурный мастер в ЭКС.

Работал над моделью, капителями, барельефами. В 1774 г. уволен. Позднее вел скульптурные работы на постройках М.Ф.Казакова (Петровский дворец, Присутственные места). [2]Изба была построена в марте 1770 г. [3]На обороте документа имеется «реэстр что потребно для формования к madели арнаментов материалов и инструментов», подписанный Баженовым.

71 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.30. Отпуск. Публикуется впервые.
[1]Теплов Григорий Николаевич (1717—1779) — сенатор, статс-секретарь Екатерины II. Сын истопника, ученик школы Феофана Прокоповича, сделал ученую карьеру, получив при президенте Академии наук К.Разумовском, своем воспитаннике, полную власть в Академии, где проявлял деспотизм. Участвовал в заговоре Екатерины, сделав при ней и политическую карьеру.

72 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29016, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.78).
[1]Инвентировать — сочинять; блафон — плафон. [2]Козлов Г.И. См. примеч. 1 к док. 33. [3]Екатерина II ответила через Г.Теплова, что принять Козлова она «не соизволяет, затем что искусство одного живописца к сочинению эскисов не довольно, а надобно чтоб живописцы были разные и плафоны разного вкуса и искусства, чего ради повелеть соизволила чтоб Экспедиция задавала делать таковые эскисы не токмо в Академии художеств, но и другим живописцам, которые бы проекты свои делали не иначе как из истории Российской» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29016, л.5).

73 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29003, л.209. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.80).

74 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29016, л.64. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

75 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29016, л.73. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Фабульная история — баснословная, мифологическая. [2]«Лекала», т.е. очертания намеченных плафонов в масштабе модели дворца — были, очевидно, приложены к этому документу, но не сохранились.

76 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29019, л.1. Оригинал с подписью Баженова. Публикуется впервые.
[1]Неглинненский канал — нижняя часть течения реки Неглинки вдоль Кремлевской стены, берега которой Баженов считал нужным урегулировать и укрепить. [2]Воскресенский мост через Неглинку к Иверским воротам Китай-города и к Красной площади. [3]Т.е. по обе стороны устья Неглинки, от Водовзводной башни Кремля до моста, находившегося тогда против улицы Ленивки. [4]Крепостной ров на Красной площади от Неглинки к Москве-реке. Когда-то наполнявшийся водой Неглинки, он был в XVIII в. уже осушен и в нем находился «Аптекарский огород» — сад лекарственных растений.

77 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46422, л.262. Изложение в журнале Экспедиции. Цитировано А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.314).
[1]*Neufforge I.F.de.* Recueil élémentaire d'architecture. Paris. 1752—1772. Vol.1—9. Это обширный увраж, предлагавший изображения архитектурных элементов и деталей, а также композиционные схемы планов и фасадов, характерные для французского классицизма XVIII в., своего рода наглядный «словарь» тогдашнего ар-

хитектурного языка. В 1770 г. могли покупаться первые 8 выпусков издания. [2]*Fréart de Chambray R.* Parallele de l'Architecture antique et de la moderne... Paris, 1650. Эта книга была в 1770 г. переведена Ф.В.Каржавиным «при Экспедиции строения в Москве нового Кремлевского дворца» под заглавием «Сравнение архитектуры древней с новою и собрание десяти главных авторов, которые писали о пяти чинах архитектурных...» Перевод остался неизданным «за трудностью вырезать все находящиеся в подлиннике доски» (РГИА, ф.789, оп.1, д.397, л.43). Чистовая рукопись перевода (автограф Каржавина) хранится в Отделе рукописей РГБ.

78 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29019, л.8. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Т.е. от Благовещенского собора в Кремле. [2]Церковь Петра Митрополита (1479) находилась в юго-восточном углу Кремля подле Петровской башни. [3]Вписано Баженовым. [4]См. док. 76.

79 РГАДА, ф.1239, ф.3. д.29606, л.255. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.304).
[1]Представление Баженова в том же деле (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29606, л.245).

80 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29016, л.11. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Он же Иван Лигоцкий (см. док. 82). [2]Точнее Гильфердинг Фридрих — немецкий декоратор и видописец. В России с 1760-х гг. Работал для театра Шереметевых, с 1780 г. — живописец и архитектор Петровского театра.

81 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46423, л.304. Изложение в журнале Экспедиции. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.305).

82 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29016, л.12. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.78).
[1]Лигоцкий Иоган — польский «живописный мастер», выполнил к 17 января карандашные кроки плафона; 24 января был принят в ЭКС по договору с помесячной платой в 60 р. В мае 1771 г. Баженов на запрос Экспедиции сообщал, что «оной мастер Лигоцкой только еще два написал плафона, а еще надлежит два плафона писать, которые и начеты, почему он по крайней мере еще на два месяца оставлен быть должен» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29016, л.50). В начале 1773 г. Лигоцкий объявлял в «Московских ведомостях», что он обучает детей «рисованию сухими красками в миниатуре» (прил. к № 2).

83 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29003, л.412. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Яковлев Василий Семенович (1742/5 — после 1784 г.) — ученик Д.В.Ухтомского, в апреле 1770 г. перешел в ЭКС из Конторы строения дворцов и садов. По рекомендации Баженова (см. док. 259) принят заархитектором с жалованьем 300 р. в год. Уволился в ноябре 1772 г. Позднее служил при строительстве Екатерининского дворца. С 1784 г. — губернский архитектор в Курске. (В те же годы в Москве работал также архитектор Василий Яковлевич Яковлев, не всегда отличаемый от первого.) [2]Хорьков (Харков) Григорий Макарович (1747 — после 1801) — вольноотпущенный графини А.К.Воронцовой. С января 1768 г. помощник 1-го класса у Баженова. С 1776 — заархитектор в Каменном приказе, в 1778 г. вышел в отставку. К этому времени выстроил себе дом на Тверском бульваре, сохранявшийся до 1976 г. Известны его ученические копии проектов, приписываемых Баженову (в ГНИМА).

84 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29036, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Просимые Баженовым доски были заказаны, но изготовлены, после многих напоминаний, лишь в августе 1772 г.

85 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29003, л.463. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

86 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29003, л.469. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

87 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29037, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

88 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29038, л.3. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Эти рисунки не сохранились. [2]Брюс Яков Александрович (1732—1791) —граф, генерал-аншеф, в 1784—1786 гг. — главнокомандующий в Москве. [3]Измайлову.

89 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46437, л.614—615. Изложение в журнале Экспедиции.

[1]Слово, видимо, искажено: в шрифтах? в штрихах? [2]Ф.Т.Лебедев не был принят в Экспедицию, так как не согласился работать по контракту, а хотел зачисления в службу.

90 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29006, л.312. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Имеется в виду эпидемия чумы в Москве. [2]Экспедиция удовлетворила просьбу архитектора (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29006, л.313).

91 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29035, л.4. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Порученный Баженову Сенатом «бассейн для Неглинной» упоминается в аттестате помощнику Медведеву (см. док. 245). Во время эпидемии чумы в Москве было запрещено хоронить умерших, как прежде, при городских церквах и основаны новые загородные кладбища. Баженову было поручено построить на них деревянные церкви и дома для священников. По его предложению на два кладбища были перенесены из Москвы старые церкви от Новоспасского монастыря и Воробьевского дворца. Работы были закончены, видимо, уже к лету 1772 г. Сохранился список шести построенных церквей: 1) за Дорогомиловскою ямскою преподобной Елизаветы; 2) на Ваганькове св. Иоанна Милостивого; 3) близ Бутырок св. Мученицы Софии; 4) по Троицкой дороге за Крестом преподобной Параскевы; 5) по Коломенской дороге за Покровским монастырем Богородицы всех скорбящих; 6) по Серпуховской дороге за Даниловым монастырем мучеников Херсонских (см.: *Розанов Н.* История Московского епархиального управления, ч.2, кн.2. М., 1869, с.93). Церкви не сохранились. Ни проектные материалы Баженова, ни позднейшие изображения этих построек не известны.

92 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29011, л.33. Автограф Баженова. Публикуется впервые. Ответ на запрос М.Измайлова.

93 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29041, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Нащокин Петр Федорович — владелец имения Рай-Семеновское в Серпуховском уезде. [2]Казаков Матвей Федорович (1738—1812) — выдающийся русский архитектор. В 1768—1775 гг. — заархитектор в архитекторской команде Баженова в Кремле.

94 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.196. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.67).

[1]Измайловым. [2]В начале 1772 г. императрица приказала Баженову «зделать фасат будущего кремлевского дворца в такую меру, каковой обыкновенно бывают пятидесятичервонные медали, которые заготовить надлежит к следующей весне на закладывание кремлевского дворца, ежели обстоятельства московские тому способствовать будут» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29054, л.44). Рисунок не найден, но выполненная по нему медаль сохранилась. [3]К письму приложен набросок плана южной части дворца с наложенными на него линиями перспективного построения рисунка и краткой экспликацией (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29054, л.197). [4]Т.е. из дома, не затронутого эпидемией чумы. Эта помета после даты письма — одна из еще сохранившихся предосторожностей против распространения заразы.

95 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46451, л.236. Изложение в журнале Экспедиции. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.296, 298).

[1]Экспедиция запросила у Баженова, «какой бы суммы означенные щиты например стоить могли», а также каких и сколько потребуют материала, чтобы испросить решения императрицы. 18 сентября 1773 г. Баженов вновь объявил в Экспедиции, «что необходимо нужно делать щиты, такоже под оные сваи бить дубовые, да и профиль расписать по архитектуре красками заблаговремянно, дабы поспеть могло к весне для производства каменных работ» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46469, л.246).

96 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29041, л.11. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

97 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29041, л.13. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.294).

[1]По решению М.Измайлова «мармор, которой отправлен был из взятого в Серпуховском уезде в дачах надворного советника Нащокина на апробацию Ее императорскому величеству остается на прежнем высочайшем повелении, каково о том до сего оное воспоследовало» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29041, л.15). Между тем, по-видимому, Баженов был прав в этом споре, так как местные мраморы были позднее с успехом применены М.Ф.Казаковым в интерьере построенной им церкви в усадьбе П.Ф.Нащокина Рай-Семеновское.

98 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46452, л.37. Изложение в журнале Экспедиции. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.83, 90).

[1]Церковь Черниговских чудотворцев находилась над откосом Кремлевского холма, восточнее Архангельского собора; рядом с ней арка проездных ворот вела к Тайницкой, тоже проездной башне Кремля. В одну линию с церковью вытянулись построенные в XVII в. здания Приказов (Баженов их называет «старыми Коллегиями»). Крутицкое и Кирилловское подворья располагались вдоль улицы, идущей от Спасских ворот к соборам. К северу от подворий — Чудов монастырь, а к югу — палаты Шереметева (прежде — Черкасского). Таким образом, расчистке подлежал весь юго-восточный угол Кремля. [2]Набережные сады находились в юго-западной части Кремля, Верхний — на крыше Запасного дворца,

Нижний — к востоку от него, на субструкциях над склоном Кремлевского холма. [3]Контрофорсами Баженов укрепил откос холма, подрытый котлованом для фундамента центральной части дворца. [4]В яме подле колокольни находился Царь-колокол, отлитый в ней же в 1735 г. и поврежденный пожаром в 1737 г. На столбах висел колокол Успенского собора. [5]Царицын луг — незастроенное низменное место в Замоскворечье, неподалеку от Кремля, приблизительно на месте нынешней Болотной пл. [6]Ручей, впадавший в Москву-реку против Тайницкой башни Кремля. [7]На реке Неглинной под стенами Кремля существовали три плотины с мельницами — у Троицких и Боровицких ворот и у впадения в Москву-реку. Они сдавались в аренду и по окончании ее срока должны были перейти в распоряжение Кремлевской экспедиции. Пильня — лесопилка. Рихнер — механик Кремлевской экспедиции. [8]Церковь Николы Гостунского (1506 г.) находилась между зданиями приказов и Крутицким подворьем, почти в центре запроектированной Баженовым овальной площади. [9]Речь идет о варианте проекта центральной части дворца, выполненном в 1771 г. По нему была изготовлена и отдельная модель.

99 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29054, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]На самом деле в августе 1772 г. состоялась церемония «вынимания первой земли», а летом 1773 г. — собственно закладка дворца. [2]Помета: «Так по смотру Экспедиции обще с архитектором оказалось место <нрзб.> удобное и для того велеть делать, лишь бы проезд к Архангельскому собору оставлен был».

100 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29045, л.3. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Речь идет об откосе холма у Архангельского и Благовещенского соборов, подрытом котлованом дворца.

101 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29045, л.6. Оригинал с подписью Баженова. Публикуется впервые.

102 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29045, л.13. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.90—91).

103 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.2, л.248—250. Опубликовано в газетах «Московские ведомости» (1772, прибавление к № 78) и «Санктпетербургские ведомости» (1772, 14 сентября, № 74). Перепечатано Н.Н.Коваленской по тексту «Спб. ведомостей» в журнале «Академия архитектуры» (1937, № 2, с.82).

[1]См. примеч. 2 к док. 74. [2]План части Кремля с изображением лестницы и места, приготовленного для церемонии, с подробной экспликацией, хранится в собрании Музеев Кремля. (№ 44407 кп). [3]Великий князь Павел Петрович.

104 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29002, л.2. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Эта общая смета так, видимо, и не была составлена.

105 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.287—288. Оригинал. Автограф Баженова. Публикуется впервые.

[1]В деле имеется записка С.Козьмина — Г.Н.Теплову 24 января 1773 г. о том, что Екатерина приказывает ему доложить ей по этому письму Баженова «не сказывая ему о том» и указ императрицы от 25 января: «Для лучшего поспешения в

строении дворца Кремлевского и дабы архитект Василий Баженов не обременен был излишнею перепискою с Экспедициею, то повелеваем ему самому Баженову присудствовать с протчими членами в той Экспедиции по временам, как нужда по его делам архитекторским то требовать будет» (л.286 и 289). Назначение Баженова членом Экспедиции отразилось на характере делопроизводства. Письменные «представления» архитектора сменяются записью в журнале его устных заявлений.

106 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.III, л.2—3. Оригинал, рукой Ф.В.Каржавина, подписанный Баженовым. Цитируется Е.Г.Черновым и А.В.Шишко (*Чернов Е.Г. и Шишко А.В.* Баженов. М., 1949, с.66) и А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.245, 246, 298).

[1]Речь идет, видимо, о включении Баженова в состав Экспедиции кремлевского строения (см. примеч. к док. 105). [2]От слов «а впротчем...» вписано тем же почерком под текстом. [3]Так в подлиннике.

107 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.III, л.4. Оригинал, рукой Ф.В.Каржавина, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.246). [1]О включении Баженова в состав Экспедиции.

108 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.III, л.5—6. Оригинал, рукой Ф.В.Каржавина, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

109 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.III, л.7. Отпуск. Публикуется впервые.

110 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46466, л.880. Публикуется впервые.

111 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46466, л.1009. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.91).

[1]Описка «подделан» исправлена по черновику (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29045, л.103).

112 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.391—396. Чистовая рукопись без даты и подписи. Публикуется впервые. Стихотворные надписи опубликованы в «Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе А.П.Сумарокова». (Т.1. М., 1781, с.273—280; второе изд. — 1787 г.).

[1]От франц. «temple» — храм. [2]В продолжавшейся тогда войне с Турцией. Успехам в этой войне посвящена значительная часть приведенных далее стихотворных надписей А.П.Сумарокова. [3]В другом документе (см.: РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.341) эта и следующие три надписи озаглавлены иначе: «На Азии», «На Африке», «На Америке», «На Европе». [4]Астрея — прозвище греческой богини справедливости Дике, управлявшей миром в Золотом веке и удалившейся на небо, когда нравы людей испортились. [5]Мегера — одна из Эринний, греческих богинь-мстительниц, олицетворение гнева и зависти. [6]Эта надпись прославляет предполагавшееся введение нового законодательства, обсуждаемого созванной императрицей Комиссией для составления нового Уложения. [7]Прославляется учреждение Екатериной II Воспитательных домов для подкидышей. [8]Подробное описание самой церемонии закладки, подготовленное, по-видимому, для несостоявшейся газетной публикации под заглавием «В Москве июня 7 дня 1773 года», находится в том же деле (см.: РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.347, 341—346). [9]Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — поэт и драматург, один из создателей русского профессионального театра. Разрабатывал программу торже-

ства закладки Кремлевского дворца и писал тексты для нее. Есть сведения, что Баженов проектировал его деревянный дом под Новинским (ныне ул. Чайковского; не сохранился). Список подписчиков собрания сочинений Сумарокова, приложенный к его первому тому (М., 1781), открывается именем Баженова.

113 *Горчаков Н.* Кремлевский дворец, модель и закладка его по проэкту архитектора Баженова при императрице Екатерине II. — «Москвитянин», 1842, ч.5, № 9, с.164. Источник текста неизвестен: в сохранившихся документах о Кремлевском строительстве эта доска не упоминается, описана лишь основная закладная доска с надписью, прославляющей императрицу и без упоминания архитектора. Была ли доска с именем Баженова изготовлена и установлена — неизвестно. Публикатор называет автором ее текста И.Пурышева, служившего при Экспедиции гравером. Но, вероятно, он лишь гравировал эту надпись.

[1]Члены Экспедиции кремлевского строения Ф.Н.Борисов (ум.1795), служивший прежде при строении города Твери, М.Н.Суровцев, служивший при князе А.Н.Голицыне и графе К.Г.Разумовском, были определены в Экспедицию при ее основании, а ротмистр конной гвардии И.Г.Вахрамеев (ум. 1777) — в октябре 1769 г.

114 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.387—390. Чистовая рукопись без подписи. Опубликовано в «Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе А.П.Сумарокова» (Т.2. М., 1781, с.325—336). Неоднократно переиздавалось. Авторство Сумарокова, которое оспаривалось, подтверждается его письмом к Екатерине II 20 мая 1773 г., где он пишет, что «сочинил г.Баженову необходимую речь» (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с.166). К тому же политическая и историческая части «Слова» достаточно близки к достоверным произведениям Сумарокова по стилю и содержанию (см. ниже примеч. 7). В то же время весь характер заключительной, собственно архитектурной части свидетельствует об авторстве Баженова (отвергаемом комментатором издания писем Сумарокова В.П.Степановым — указ. изд. с.219—220). Здесь писатель мог быть лишь редактором.

[1]Здесь и далее говорится о событиях русско-турецкой войны 1768—1774 гг. и перечисляются победы в ней русских полководцев: Голицына Александра Михайловича (1718—1783), Румянцова Петра Александровича (1725—1796), Панина Петра Ивановича (1721—1789), Орлова А.Г. (см. примеч. 1 к док. 53), Долгорукова В.М. (см. примеч. 3 к док. 273), Волконского Михаила Никитича (1713—1786). [2]Еропкин Петр Дмитриевич (1724—1805) — генерал-аншеф, московский губернатор. Речь идет о подавлении им чумного бунта. [3]Прославляется внутренняя политика Екатерины II: открытие Комиссии для составления нового Уложения, основание воспитательных домов для подкидышей, планировка и перестройка городов. [4]Сион — один из холмов в Иерусалиме с гробницами царей; символ города-святыни. [5]Екатерининский канал в Петербурге, ныне — канал Грибоедова. [6]Храм Артемиды в Эфесе (см. примеч. 2 к док. 68). [7]Далее излагается история и древняя топография Москвы. По содержанию этот раздел «Слова» близок к историческим трудам А.П.Сумарокова: «Известие о первоначалии и созидании Москвы» и «Краткая российская летопись». [8]Приблизительно от этого места начинается заключительная, собственно архитектурная часть «Слова», основное авторство которой следует приписать Баженову. [9]Далее следует перечисление и оценка важнейших, с точки зрения Баженова, архитектурных памятников Москвы — первый краткий очерк о московской архитектуре. Перечисляются: Спасская башня Кремля (1491, надстройка 1624—1625); Грановитая палата (Марк Фрязин и Пьетро Антонио Солари, 1487—1491) и Арсенал (1702—1713) в Кремле; ц.Архангела Гавриила (Меншикова башня, 1701—1707); Колокольня Ивана

Великого в Кремле (Бон Фрязин, 1505—1508, надстройка 1599—1600); колокольня Новодевичьего монастыря (1680—1690); ц. Климента на Пятницкой ул. (1756—1774); ц. Успения на Покровке (П.Потапов, 1796—1799, не существует); ц. Николы «Большой крест» на Ильинке (1680—1688, не существует); ц.Ивана Воина на Большой Якиманке (1709—1713); Архангельский собор в Кремле (Алевиз Новый, 1505—1508, окружавшие его галереи пострадали при пожаре 1737 г. и были разобраны); Теремной дворец в Кремле (Бажен Огурцов и др., возведен в 1635—1636 гг. на подклетах XV в.); Покровский собор на Рву (храм Василия Блаженного, Барма и Постник, 1505—1561); Сухарева башня (М.Чоглоков, 1692—1695, не существует); Главная аптека петровских времен, позднее — первое здание Московского университета (рубеж XVII—XVIII вв., не существует, на ее месте — здание Исторического музея); парковый ансамбль Анненгофа — сгоревшего царского дворца на Яузе (XVIII в.); Главная аптека на Моховой (прежде дом Апраксина, 1712—1714 гг., на ее месте — новое здание Московского университета); бывший дом Голицыных (рубеж XVII—XVIII вв.), занятый выведенными из Кремля государственными учреждениями (ныне Лубянка, д. 14); дом Воронцовых на Знаменке (ныне д.12, перестроен; см. также примеч. 1 к док. 254); дом Гагарина на Тверской (начало XVIII в., не существует); собор Крестовоздвиженского монастыря на Воздвиженке (1709—1728, не существует); Вознесенский собор Варсонофьевского монастыря (1709—1730, не существует); церковь Воскресения в Кадашах (1687—1713). Нужно отметить, что наивысшие оценки получают у Баженова, как правило, памятники петровских времен — конца XVII и начала XVIII вв. [10]Риторическое обращение к архангелу Михаилу, чей Собор (Архангельский) находился как раз над местом закладки дворца. [11]Кремля.

115 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46467, л.306. Публикуется впервые.

[1]В начале 1773 г. императрица рассматривала «вновь зделанной зале план» и распорядилась «внутри оного некоторую зделать перемену» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46466, л.260). Характер этих изменений проекта неизвестен. [2]Поливанов Константин Семенович (1750—1821) — вольноотпущенный, сын управителя графа И.А.Головкина, отпущен в 1766 г. Учился частным образом у Баженова, с ноября 1769 г. архитекторский ученик, годом позже — помощник в Экспедиции, ездил в Петербург с Баженовым и сопровождал туда же модель дворца. В апреле 1774 г., в числе других уволен, в начале 1776 г. принят вновь и работал в команде М.Ф.Казакова. В 1786 г. — заархитектор (см. о нем док. 229, 238). [3]Комаров Михаил Елисеевич (род. ок. 1750) — с февраля 1768 г. ученик у Баженова при Кремлевском строительстве, с 1775 г. — «запомощник» в Царицыне. В 1782—1786 гг. — саратовский губернский архитектор. [4]Олонецкие мраморы — карельские.

116 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29054, л.209—210. Копия с собственноручной припиской и подписью Баженова. Публикуется впервые.

[1]Летом 1773 г. Баженов предполагал начать выемку земли на Ивановской площади под фундамент парадной лестницы дворца. Работы эти не были начаты (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29076, л.1). [2]Еще годом раньше — 20 января 1772 г. Баженов представлял Экспедиции, что «как уже модель почти совсем окончена, а модельной дом от осадки во многих местах имеет трещины», он считает нужным, «разобрав модель по частям и выбрав каменную палату к тому способную перенесть» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29040, л.1). 3-го мая 1773 г. Баженов объявил в Экспедиции, «что он нашел способные два большие покоя против Спаса что на Бору», чтобы перенести в них «от пожарного случая» модель (там же, д.46467, л.28). [3]«Выехавшие из Германии» Бонавентура Иосиф Мутшелли (Мучелли?) и Егидиус Вергельст (Фергельст?) были приняты сперва помесячно для подготов-

ки к церемонии закладки. Уволены в начале 1774 г. [4]Предполагалось начать на Урале специальную разработку мрамора и изготовление колонн и других деталей для парадных интерьеров дворца (см. док. 121, 123). [5]У котлована, вырытого под фундамент дворца, работали две водоотливные машины на конной тяге, построенные механиками Рихнером и Шулем. [6]Спесивцев — купец, подрядчик земляных работ в Кремле. [7]Тетрадь не найдена. [8]Квартира Баженова находилась до конца сентября 1773 г. в Потешном дворце в Кремле (где помещалась и Кремлевская экспедиция). [9]Сущов Дмитрий — резчик, работал при модели.

117 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II., л.327. Автограф Измайлова, без подписи. Публикуется впервые.

[1]Т.е. членов Экспедиции кремлевского строения. В деле имеется официальное письмо Измайлова, рекомендующее их «в высочайшую милость» (РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.330, 7 июня 1773 г.). [2]В том же деле — официальное письмо Измайлова Теплову от 7 июня (см.: там же, л.328), с перечислением рекомендуемых Баженовым к чинам его сотрудников по архитекторской команде: «Титулярного советника Матвея Казакова в архитекторы и кольлежским асесором, помощников из прапорщичья класа Григорья Харькова порутчиком, подпорутчика Моисея Медведева в порутчики, сержанта князь Алексея Волконского в прапорщики, без рангов помощников же Ивана Некрасова, Ивана Морщинова, Костентина Поливанова, Ивана Минякова, из первых учеников Дмитрия Баженова, Михаилу Комарова и Алексея Третьякова обер афицерскими чинами».

118 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.II, л.361. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Там же (см.: РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.II, л.360) находится и другое, аналогичное по содержанию письмо Баженова с той же датой, видимо, к тому же адресату (Баженов мог считать одно из них более официальным, другое — личным). Другой возможный адресат одного из писем неизвестен. Кроме служебных дел, во втором письме упомянута «просьба за меня ... графа Федора Григорьевича» — очевидно, Орлова (1741—1796). Содержание ее неизвестно. [2]О новом варианте проекта зала см. док. 115 и примеч. 1 к нему. 22 августа последовал именной указ «по тому проекту помянутую залу с галлереями и украшением зделать в модели и ту модель всего дворца отделанную привести в С.Петербург по перьвому зимнему пути» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29079, л.1). [3]Рукописный экземпляр описания закладки имеется в РГАДА (Госархив, разр.XIV, д.51, ч.II, л.347, 341—346). Издан он, видимо, не был.

119 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46468, л.443. Публикуется впервые.

120 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46469, л.314. Публикуется впервые.

121 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29075, л.3—4. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.295) по записи в журнале Экспедиции и Б.В.Павловским в его книге «Камнерезное искусство Урала» (Свердловск, 1953, с.36) по копии в Екатеринбургском областном гос. архиве.

[1]Симаз (*франц*. cimaise) — верхняя часть карниза. [2]Талон (*франц*. talon) — каблучок. [3]Компакт (*франц*. compact) — плотный. [4]Вероятно — канеллюры.

122 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46470, л.295—296. Копия. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.92).

[1]11 ноября Баженов «объявил мнение», записанное в журнал ЭКС (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46470, л.159), «на каком основании в земляной работе производить торги». Он намечал выемку земли под фундаменты дворца и парадной лестницы, а также у контрофорсов, указывал места для вывоза земли у пруда на Неглинной и на Царицыном лугу. [2]Т.е. на церковный двор. Баженов жил тогда в приходе Софийской церкви, рядом с нею. [3]Церковь Константина и Елены, под горой, в юго-восточном углу Кремля. Сенат находился в части дворца, построенной в середине XVIII в. Растрелли (ныне не существует). [4]Водоотливную.

123 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29075, л.32. Оригинал с подписью Баженова. Публикуется впервые.

[1]Речь идет об образцах мрамора, присланных по запросу Экспедиции из Екатеринбурга. Употребляемые далее названия образцов: «горношитской», «кособроцкой» и др., относятся к уральским месторождениям. Ящик с этими образцами был позднее утерян на пути из Петербурга в Москву. Экспедиция запрашивала новые образцы, но, видимо, их не получила (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29075, л.12—36).

124 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46484, л.411. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.91—92).

[1]Тайницкая башня была к этому времени разобрана.

125 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46484, л.679. Публикуется впервые.

126 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46485, л.118. Публикуется впервые.

[1]Упоминаемые Баженовым светлицы находились на Царицыном лугу, невдалеке от собственного дома Баженова, расположенного на берегу Москвы-реки против Кремля. Экспедиция распорядилась о переводе в них художников и чертежной.

127 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46498, л.75. Публикуется впервые.

[1]Черниговские ворота — проезд между разобранными к тому времени церковью Черниговских чудотворцев и зданиями приказов, ведший вниз, к проездной Тайницкой башне.

128 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46498, л.348. Копия. Опубликовано А.И.Михайловым в журнале «Архитектура и строительство» (1949, № 7, с.14).

[1]Поручение надзора за работами помощнику Г.Хорькову связано, по-видимому, с тем, что Баженов был в это время занят проектированием увеселительных строений для празднования мира с Турцией на Ходынском поле (см. док. 144). [2]Баранов Александр Иванович окончил Сухопутный шляхетный корпус, офицер, участник турецкой войны. В Экспедиции — с мая 1773 по март 1776 г., помощник, поручик. Был принят по просьбе Баженова, для землемерных работ.

129 РГАДА, ф.1239, оп.2, д.1921, л.59. Оригинал, подписанный Карлом Бланком, Иваном Яковлевым, Григорием Бартеневым. Опубликовано (по копии в другом деле) А.И.Михайловым в журнале «Архитектура и строительство» (1949, № 7, с.15).

[1]Бланк Карл Иванович (1728—1793) — сын архитектора И.Я.Бланка, ученик И.Коробова (с 1745 г.) и В.Обухова. С 1749 г. — гезель, с 1755 — архитектор. Строил с 1764 г. здание Воспитательного дома в Москве. С 5 июня 1775 г. — в ЭКС, где восстанавливал разобранную Баженовым стену Кремля с башнями и откос холма. В конце 70-х гг. работал при Екатерининском дворце. Автор проектов не-

скольких московских церквей. Яковлев Иван Яковлевич (1728—1783). Начинал службу в 1737 г. в Петербурге и Царском Селе. С 50-х гг. в Москве. С 1760 г. — архитектор. Работал в ведомстве Синода, где занимался строениями и починками в монастырях. Бартенев Григорий Григорьевич (р. 1733 г.) — ученик и помощник Д.Ухтомского, в 60-х гг. — архитектор Коллегии экономии.

130 РГАДА, ф.1239, оп.2, д.1921, л.60—61. Автограф Баженова с его подписью. Опубликовано (по копии в другом деле) А.И.Михайловым в журнале «Архитектура и строительство» (1949, № 7, с.15).

131 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46498, л.408. Публикуется впервые.
[1]Сваи у пят контрфорсов забивались с начала 1775 г. по требованию Баженова, опасавшегося, что без них «окажется совершенная опасность к разрушению упоров, чего боже сохрани, и собора Архангельского повреждение» (19 января. РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29098, л.3).

132 РГАДА, ф.1239, оп.2, д.1921, л.58. Оригинал, подписанный К.Бланком и Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Накануне ночью «два контрофорса от стены несколько вниз отошли, отчего и арки повредились». М.Измайлов распорядился поэтому установить при контрофорсах круглосуточное дежурство офицеров и архитекторских помощников. Баженов и Бланк осмотрели контрофорсы вместе с членами Экспедиции и по их приказанию подали публикуемое «Примечание». 9 апреля Измайлов объявил повеление императрицы прекратить «на горе, где подведены каменные контрофорсы» все работы (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46498, л.436, 439). Кроме «Примечания» Бланка и Баженова, в том же деле имеется анонимная и не датированная записка «Притчины падения контрофорс», предлагающая и конкретные меры устранения опасности (см.: там же, л.62).

133 РГАДА, ф.1239, оп.2, д.1921, л.63—64. Оригинал, подписанный Баженовым. Без даты. Публикуется впервые. К записке приложена ведомость о потребных материалах и проч. (см.: там же, л.65).
[1]8 апреля императрица, рассмотрев мнения архитекторов об осадке контрофорсов, распорядилась, «чтобы они о начатии сего года работ зделали общее расположение, что начинать делать, с описанием, сколько на то материалов и работных людей и какая сумма денег потребны» и т.д. (РГАДА, ф.1239, оп.2, д.1921, л.57). Записка Баженова отвечает на это требование. [2]Мельницы на Неглинной были сданы казной в аренду. По окончании срока аренды они должны были перейти в ведомство Экспедиции.

134 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46499, л.136. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.94—96).
[1]Герард Иван Кондратьевич (Иоганн Конрад; 1720—1808) — инженер, специалист по гидротехническим сооружениям. Родился в Швабии, учился при Академии наук в Петербурге. Строил каналы, мосты, наблюдал за прокладкой в Москве в 80-х гг. Мытищинского водопровода. В начале мая 1775 г. ему, по распоряжению императрицы, предоставили карету «для езды в разные числа к присмотру Кремлевского строения» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46499, л.31). Заключение Герарда не найдено, однако смысл его ясен из указа. [2]Этим указом кремлевское строительство прекращалось и баженовский проект отменялся, хотя это и не было в нем прямо сказано. [3]Эти планы и «мнения» не найдены, реестр их сохранился. В нем значатся два «примечания» К.Бланка 9-го и 24 мая, с черте-

жами, «примечания» Герарда 3-го и 20 мая, также с чертежами, два чертежа «Архитектора Ринардия» (Ринальди) и «Примечание» Баженова от 13 мая со сметой и четырьмя чертежами (см.: РГАДА, ф.1239, оп.2, д.1921, л.72). [4]Речь идет о восстановлении разобранного южного участка Кремлевской стены с башнями.

135 РГАДА, ф.1239, оп.2, д.1921, л.80. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]5 июня 1775 г. М.Измайлов сообщил Экспедиции, что «вчерашнего числа имел он счастие докладывать Ее императорскому величеству по поданным о засыпке землею о укреплении горы от архитекторов Бланка и Баженова мнениям. По которому всемилостивейшая государыня указать соизволила в силу высочайшего за подписанием собственной ее величества руки маия 24 числа сего года указу исполнять как наискоряе возможно, не пропуская ни малого времяни, по точной силе того указа, не выступая ис прожекту господина Герарда, а при оной работе иметь смотрение архитектору коллежскому советнику Карле Бланку <...>» (РГАДА, ф.1239, оп.2, д.1921, л.71). Бланк подал свое представление о порядке ведения предписанных работ 27 мая (см.: там же, л.79).

136 РГАДА, ф.1239, оп.2, д.1921, л.81. Автограф Баженова, без даты, с его подписью. Публикуется впервые.

137 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.I, л.176. Отпуск. Публикуется впервые.
[1]Предложение Теплова относится к созданию новой гробницы для останков черниговского князя Михаила Всеволодовича, убитого в Орде в 1236 г. и признанного русской церковью святым. Старая рака Михаила Черниговского находилась в церкви Черниговских чудотворцев, подлежавшей сносу в процессе перестройки Кремля. Мощи было решено перенести в Архангельский собор. 2 ноября 1769 г. М.Измайлов сообщил Теплову, что поручил проектирование гробницы Баженову, а надпись для нее сочинит московский митрополит Амвросий. Уже 5 ноября Измайлов посылал проект раки «в четырех манерах, а сень в дву видах». 12 ноября императрица одобрила один из вариантов. Однако 19 ноября было замечено, что проект «весьма непомерной величины» и последовало распоряжение прислать размеры старой медной раки (РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.I, л.194, 196, 180, 181). Сохранился один подписанный Баженовым чертеж, изображающий раму для образа и крышку раки, также с изображением святого (Музей Академии художеств).

138 РГАДА, Госархив, разр.XVIII, д.245, л.8. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.361).
[1]Баженов ездил в Петербург в середине февраля 1770 г.

139 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.II, л.58. Оригинал, рукой Ф.Каржавина, подписанный Баженовым. Цитируется А.Н.Петровым в «Ежегоднике Института истории искусств' 1957» (М., 1958, с.68).
[1]Как явствует из одновременно посланного Теплову письма М.Измайлова, с моделью «для лучшего объяснения» был послан помощник Баженова, прапорщик П.Гарезин. Измайлов сообщил также, что для исполнения работы найден лучший в Москве серебряник. [2]Модель была одобрена императрицей с некоторыми поправками и в мае началось изготовление гробницы. [3]О проектировании Баженовым дома для Теплова других сведений не сохранилось. Высказывалось предположение, что по его проекту мог строиться загородный дом Теплова на Неве, в районе Охты. Впоследствии он был перестроен Д.Кваренги для А.Безбородко.

17—1991

140 РГАДА, Госархив, разр.XVIII, д.245, л.59. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]26 октября Теплов писал Измайлову, что императрица повелела «не предпринимать высокой работы на раке ежели искусство московских чеканщиков ненадежно». Он просил, «ежели в Москве чеканщики есть, которые по засвидетельствовании архитекта Баженова могут в совершенстве изобразить на раке историческую чеканную работу <...> прислать ко мне за рукою архитектора удостоверение» (РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.II, л.122).

141 РГАДА, Госархив, разр.XVIII, д.245, л.60. Автограф Баженова с его подписью. Публикуется впервые.

[1]Этот эскиз не сохранился.

142 РГАДА, Госархив, разр.XVIII, д.245, л.56. Отпуск. Публикуется впервые.

[1]В одновременном письме Измайлову Теплов сообщает мотивы распоряжения императрицы — сомнение в возможности добиться качественной чеканной работы, хотя присланный Баженовым эскиз чеканного образа «моделирован изрядно». «Сие есть точное соизволение ее в<еличеств>а, о котором объявить и г. архитектору Баженову, и по которому и поступить надлежит, не представляя более о сем ничего» (РГАДА, Госархив, разр.XVIII, д.245, л.55).

143 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29407, л.3, и д.57998, л.2. Выписка из дела. Публикуется впервые.

[1]В 1797 г. Иоганн Пран подал прошение московскому военному губернатору Ю.В.Долгорукому о том, что он не получил полную сумму денег за изготовленную им в 1770—1775 гг. серебряную раку Михаила Черниговского (те же дела). В процессе ее изготовления Баженов в октябре 1772 г. посылал в Петербург несколько набросков картушей для надписей. Наброски сохранились (см.: РГАДА, Госархив, разр.XVIII, д.245, л.47, 52, 53).

144 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46498, л.288. Публикуется впервые.

[1]Торжества на Ходынском поле около Москвы летом 1775 г. отмечали заключенный годом раньше (10 июня 1774 г.) Кучук-Кайнарджийский мирный договор с Турцией. Проектировавшиеся Баженовым павильоны получили названия отошедших к России городов.

145 Сб.РИО, вып.23. Спб., 1878, с.20—21. Оригинал по-французски. Русские переводы публиковались в «Русском архиве», 1878, № 9, с.16—17 и в Приложениях к т. XXXIV «Записок имп. Академии наук», Спб., 1879, с.31—32.

[1]Гримм Фридрих Мельхиор (1725—1805) — дипломат и литератор, постоянный корреспондент Екатерины II и исполнитель ее поручений, связанных с искусством, друг Дидро. Немец по происхождению, Гримм жил в Париже, где издавал в 1763—1777 гг. рукописный журнал «Литературные корреспонденции», расходившийся в 15—20 экземплярах между царствующими дворами Европы. [2]Этот первоначальный проект не сохранился, и автор его не известен. [3]Дон и Днепр. [4]России и Турции. [5]Императрица дважды — в мае и июне 1775 г. — ездила осматривать строительство ходынских павильонов. Сам праздник состоялся 21 и 23 июля. Он подробно описан в Камер-фурьерском церемониальном журнале, а также в «Записках» А.Т.Болотова.

146 «Московские ведомости», 1775, прибавление к № 61.

[1]Эта гравюра, несколько лубочная по исполнению, неточная в деталях, но наглядная, опубликована М.И.Домшлак («Декоративное искусство СССР», 1965,

№ 12, с.38—39). Сохранились также четыре рисунка М.Ф.Казакова, изображающие ходынские строения с севера, с юго-востока, с востока и с юго-запада. Две гравюры по его же рисункам изображают декорации фейерверка. Сохранились также планы павильонов «Керчь и Еникале» и «Каланчи», подписанные Казаковым (*Власюк А.И., Каплун А.И., Кипарисова А.А.* Казаков. М., 1957, с.99). О продаже «плана Ходынке» объявлял и книгопродавец Х.Ридигер (Прибавление к № 70). Позднее оба книготорговца продавали вместе с планом брошюру «Описание увеселительных зрелищ на Ходынке».

147 РГАДА, Госархив, разр. XI, д.1058, л.144-об. Печатается впервые по копии в «Дневной записке указов...» Екатерины за 1775 г.

[1]Тюфякин Иван Петрович — князь. Строительный чиновник в Москве, служивший в Конторе строения е.и.в. домов и садов. В начале 70-х гг. изучал за границей архитектуру и планировку садов, сам проектировал: в ГНИМА хранятся два его проекта 90-х гг. В период строительства в Царицыне Баженов получал через него отпускавшиеся на строение суммы. [2]Публикуемый указ — первый официальный документ о поручении Баженову строительства в Царицыне, однако он начал проектировать этот ансамбль еще летом 1775 г. Усадьба Черная Грязь, переименованная в июле того же года в Царицыно, приобретена была по желанию императрицы у князя С.Д.Кантемира 25 мая 1775 г. на имя А.В.Олсуфьева и приписана к дворцовому ведомству (копию купчей крепости и др. документы см.: ЦИАМ, ф.364, оп.1, д.7919). Обстоятельства этой покупки императрица описала в письме барону Гримму (см.: Сб.РИО, вып.23, с.26—27, русский перевод — «Русский архив», 1878, № 9, с.17).

В том же году были прикуплены части имения, находившиеся во владении князя Трубецкого. Временные деревянные строения для императрицы и двора строились в июне 1775 г. под руководством архитектора П.Я.Плюскова. Именной указ об отпуске денег на порученное Баженову строительство повторялся затем в сходной формулировке ежегодно: на 1776—1779 гг. по 30 тыс. рублей, на 1781—1782 — по 50 тыс., на 1783 — 30 тыс., на 1784 г. (Царицыно и Булатниково) — 200 тыс., на 1785 — 50 тыс. и дополнительно — «на росплату подрядчикам за поставленные ими в прошлом 1784 г. к тем строениям материалы» 37 868 р. 20 1/2 коп. (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.62114). И.Тюфякин сообщал, что 27 декабря 1775 г. Баженов затребовал у него первые 5000 р. из отпущенной на строительство суммы и объявил, «что подробный расход деньгам, равно как и приходные и расходные книги деньгам и материалам содержать будет за своею скрепою, печатью и за своим присмотром, следовательно и во всех издержках он сам отчет будет давать, кому Ее императорское величество повелеть соизволит. Також все производство того строения и всю экономию оставляет на собственное свое разпоряжение и попечение» (РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1058, л.26). Таким образом, все хозяйственное руководство строительством, осуществлявшееся в Кремле Экспедицией, легло в Царицыне на самого архитектора.

148 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1058, л.27—28. Копия, заверенная И.Тюфякиным, с копии, заверенной Баженовым. Опубликовано В.А.Виноградом («Архитектурный архив», I. М., 1946, с.103—104).

[1]Цареборисовский пруд — нижний в системе Царицынских прудов. [2]Этот пункт указывает на то, что до декабря 1775 г. Баженов выполнил по крайней мере два варианта проекта Царицына.

149 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.8—9. Подлинник, подписанный Баженовым. Конец письма — от слов «в протчем поручаю себя...» — автограф. (В последующих

письмах однотипные обращения и заключения опускаются.) Публикуется впервые. [1]Завадовский Петр Васильевич (1739—1812) — кабинет-секретарь и фаворит Екатерины II, впоследствии граф, государственный деятель. [2]Козьмин Сергей Матвеевич (1723—1788) — статс-секретарь Екатерины II. [3]См. предыдущий документ. [4]В Царицыно с Баженовым перешли «запомощники» Михаил Комаров и Алексей Третьяков, ученик Иван Пейч (см.: РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.V, л.413-об.). В марте 1778 г. Баженов на запрос М.Измайлова просил «выключить из команды ево ученика Иогана Пейча, ибо по слабому здоровью учить ему подобных более не может», после чего Пейч перешел в команду М.Казакова (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33825, л.16). [5]Имеется в виду приложенная к данному письму подписанная Баженовым смета (см.: там же, л.10—11). Архитектор ссылается в ней на смету, поданную им императрице в августе 1775 г. «для каменного моста на выезде горы в село Царицыно». В смете назначено также «жалованье служителям: письмоводцу Михайле Косолапову 200; за камиссару или материалохранителю Ивану Батисту Фазани 150; посыльному Василью Левашову 120»; трем архитекторским ученикам (см. выше) — двоим по 200, одному — 100 рублей, а также «живописцу для расписывания изразцовой работы — 150» и «казенному плотнику» — 60. Очевидно, этим исчерпывается первоначальный состав царицынской команды Баженова. Включение в нее живописца, вместе с другими упоминаниями об изразцах и о цветных орнаментах (см. док. 154, 155), свидетельствует о том, что не сохранившийся первоначальный проект Царицына предусматривал кроме (а возможно, и вместо) белокаменного обильный изразцовый декор. Он был отменен императрицей летом 1776 г. (см. также примеч. 8 к док. 157). [6]На месте ныне существующего малого «полуциркульного» дворца Екатерины II находилась деревянная беседка, где летом 1775 г. происходили заседания Императорского (а не «военного», как пишет Баженов) Совета.

150 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.7. Автограф Баженова. Опубликовано с сокращениями в кн.: *Чернов Е.Г. и Шишко А.В.* Баженов. М., 1949, с.88, 90.
[1]По-видимому, имеется в виду просьба Баженова о ссуде для уплаты его долгов (см. док. 267).

151 РГАДА, разр. XI, д.1058, л.71. Копия. Публикуется впервые.
[1]Карачинский Василий Яковлевич (1751/3—1792) — майор, управляющий Царицыном. В тот же день Завадовский писал ему, что Баженову дозволено «в продолжение работ строительных жить в Царицыне в том доме, в котором пребывали Их императорские высочества», т.е. Павел и его жена. 24 февраля Карачинский сообщал в ответ, что Баженов «ныне и переехал из Москвы со всем семейством» (РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1058, л.71 и 17). Домик для наследника — одно из деревянных зданий, построенных в 1775 г.

152 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.1—2. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано В.А.Виноградом («Архитектурный архив», I. М., 1946, с.104—105).
[1]Письма, на которые ссылается Баженов, не известны.

153 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.4. Отпуск. На полях помета «не посылано». Опубликовано В.А.Виноградом («Архитектурный архив», I. М., 1946, с.105).
[1]Письмо не было послано, по-видимому, из-за неожиданного приезда Баженова в Петербург.

154 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.21—22. Автограф Баженова без подписи и даты (возможно, не имеет конца). Датируется по содержанию и связи со следующими письмами. Публикуется впервые.

[1]«Генеральный рисунок» — по-видимому, сохранившийся подписной лист, называемый обычно «панорамой Царицына». Он датирован декабрем 1776 г. В надписи на генеральном плане Царицына (см.: РГВИА, ф.418, д.481) Баженов называет этот же чертеж «генеральным фасадом». [2]Пречистенский дворец — временная резиденция Екатерины II в Москве в 1775 г. Был построен М.Ф.Казаковым, соединившим деревянными пристройками три старые барские дома в районе улицы Пречистенки (теперь — Волхонка). См.: *Николаев Е.В.* Дом № 16 по улице Волхонке и Пречистенский дворец. — В кн.: Николаев Е.В. Классическая Москва. М., 1975.

155 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.3. Автограф Баженова. Опубликовано В.А.Виноградом («Архитектурный архив», I. М., 1946, с. 106).
[1]См. примеч. 5 к док. 149. [2]Письмо Баженова от 11 июля, см. док. 152. [3]Управитель в Коломенском — Симон Норман. [4]См. док. 154. [5]Видимо, Баженов, находясь летом 1776 г. в Петербурге, вновь обращался к императрице с просьбой о помощи.

156 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.5. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]В Ораниенбауме Баженов объяснялся с Екатериной II в конце июля 1776 г. [2]Копия письма С.Нормана Баженову (см.: РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.6).

157 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.13—14. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано В.А.Виноградом («Архитектурный архив», I. М., 1946, с.106—107).
[1]Куронеман (*франц.*) — завершение, венчающая часть здания. [2]Оба упоминаемых домика «к церкве» (т.е. левее въезда в усадьбу под Фигурным мостом) не сохранились. [3]Существующий павильон — так называемый 3-й Кавалерский корпус. [4]Существующий «полуциркульный» павильон с вензелем Екатерины II. [5]О беседке — см. примеч. 6 к док. 149. [6]Так называемый Оперный дом. [7]Указ императрицы: «...из имеющегося в селе Коломенском камня повелеваем отпускать такое количество, которое от него Баженова требовано будет» — был подписан лишь 21 декабря 1776 г. (РГИА, ф.466, оп.1, д.139, л.43). [8]«Ведомость употребленным деньгам для строения села Царицына...» То же дело, л.19—20. Вариант этой ведомости с дополнениями по январь 1777 г. — РГАДА, разр.XIV, д.51, ч.V, л.411—413. Документ содержит ряд интересных подробностей о ходе строительства. Баженов сообщает, что «по причине нехорошего торгового (т.е. покупного. — *Ю.Г.*) кирпича принужденно употреблен белой и дикой камень в мосте и своде». Упоминаются «изращатые карнизы», за которые уплачены гончару 400 рублей. Но «оное отменено, кроме черепицы, а купленное употребится может в печи и камины». Отмечена уплата «скульпторам за вырез по карнизам, за капители на мосту, за лекалы и за другие украшении» 1359 рублей. Говорится также о казармах для рабочих, делавшихся из лубьев, о работе солдат, ломавших старые строения и расчищавших место под материалы.

158 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.373—374. Копия, подписанная Баженовым. Опубликовано В.А.Виноградом («Архитектурный архив», I. М., 1949, с.107—108) по другому экземпляру, не имеющему дополнительного последнего пункта и резолюций Екатерины II.
[1]См. предыдущий документ. [2]Орлов-Чесменский А.Г. — см. примеч. 1 к док. 53. [3]Сооружение плотин в Царицыне Баженову поручено не было.

159 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.362—370. Копия. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.127, 150, 297, 358).

[1]Усадебный дом Кантемиров. [2]О М.Комарове см. примеч. 3 к док. 129. [3]Деревни Хохловка и Черная Грязь входили в состав царицынского имения, первая — за прудом, вторая, отделенная от усадьбы оврагом, примыкала к Каширской дороге — «Каширке». [4]Временые дворцовые деревянные постройки 1775 г. [5]Rocher (*франц.*) — скала, утес. [6]Счет не найден. [7]Слово вписано рукой Баженова. [8]Безбородко. См. примеч. 5 к док. 165.

160 РГАДА, Госархив, разр. XIV, д.51, ч.V, л.319—320. Автограф Баженова. Начало письма цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.364).
[1]«Ведомость расположенным деньгам тритцети тысячи рублям, которые определены на 778 год в строении села Царицына». Подписана и датирована Баженовым 30 ноября 1777 г. (см.: РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.321—322).

161 Краткое описание Щукинского музея в Москве, составленное П.И.Щукиным. М., 1898, с.56.
[1]Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — князь, государственный деятель, фаворит Екатерины II. По-видимому, один из заказчиков архитектора. Несколько проектов Баженова дошли до нас в составе его библиотеки (теперь в ГНИМА). В 1774 г. Баженов через Потемкина обращался к императрице с просьбой о ссуде и о повышении в чине (см. док. 260, 261). О том, что Потемкин курировал царицынское строительство, известно лишь из данного документа.

162 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.326—327. Автограф Баженова, подписанный им и В.Я.Карачинским. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.130—131).
[1]Зеленый корпус — старый усадебный дом Кантемиров.

163 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.328. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Так называемый Оперный дом. [2]Не сохранившийся крестообразный павильон близ Фигурного моста. [3]На письме имеется помета: «На сие по высочайшему повелению писано к нему Баженову 14 июня 1778-го». Ответ этот не известен.

164 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.330. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.125).
[1]«Оперный дом». [2]Мост через овраг (построен и сохранился). Конюшни проектировались за оврагом, но не были построены. Изображение их имеется на «генеральном фасаде» (или панораме) Царицына. [3]На письме помета: «По высочайшему повелению писано к нему 1-го августа 1778». Текст ответа не известен.

165 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.331—333. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано А.И.Михайловым в статье «Новые материалы о великом зодчем» («Архитектура и строительство», 1949, № 7).
[1]«Полуциркульный» павильон с вензелем Екатерины. [2]Существующие так называемые «Фигурные ворота». [3]Так называемый «Третий Кавалерский корпус». [4]Мост через овраг. [5]Безбородко Александр Андреевич (1747—1799) — государственный деятель, статс-секретарь императрицы, впоследствии граф, затем князь и канцлер. В 1778—1785 гг. строительство в Царицыне было в его ведении. [6]Ведомость расходов не найдена.

166 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.465. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Брюс Я.А. См. примеч. 2 к док. 88. [2]Речь идет о конкурсе на проект Дворцовой площади в Петербурге, объявленном в начале 1779 г. Неизвестно, принял ли в нем участие Баженов. Победителем конкурса был Ю.М.Фельтен. [3]Фельтен Юрий Матвеевич (1730—1801) — петербургский архитектор. [4]Объявление о конкурсе было напечатано в «Прибавлениях» к № 11 «Спб. ведомостей» 5 февраля 1779 г. и повторено в № 12 и № 13 8 и 12 февраля: «Ее императорскому величеству благоугодно оказалось, чтоб площадь, лежащая против Зимнего императорского дворца между восточным углом Адмиралтейства и Милионною улицею застроена была домами. Императорская академия художеств, исполняя сию высочайшую волю приглашает господ архитекторов и прочих в двух столицах и ближайших к ним местах живущих сея науки любителей сообщить ей своего изобретения Фасады для помянутых домов, которые сходствовали бы с положением места и особливо когда оные воздвигнуты будут против палат монарших. Для лучшего в том просвещения могут они получить планы сим строениям в Санктпетербурге от Академии художеств, а в Москве от г.камер юнкера князь Ивана Петровича Тюфякина. Таковые сочиняемые ими фасады да благоволят доставить прежде наступления маия месяца. Впрочем Академия художеств обнадеживая принять их с достодолжным уважением к труду, усердию и искусству, обещает при том в награждение той особе, чье изобретение предпочтено будет, дать 300 червонных». [5]Обмен землями нужен был Баженову для размещения вблизи строительства складов материалов. Был ли он осуществлен, неизвестно. [6]Баженов получил чин надворного советника 16 января 1779 г. (см. док. 1).

167 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.464. Без даты и подписи, писарской почерк. Датируется по содержанию. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.141).

[1]План, к которому относится эта экспликация, не найден. Экспликация называет осуществленные к тому времени и предполагавшиеся здания Царицына начиная от моста через овраг вдоль берега прудов и затем в глубину к кухням. [2]«Ипотенузой» Баженов называет пандус — пологий съезд с Фигурного моста в сторону церкви. [3]Главный из трех дворцов Екатерины и подобный ему дворец для наследника на месте нынешнего дворца, построенного Казаковым. [4]Дворец Екатерины располагался ближе к пруду, на более низком месте, чем дворец для Павла. Чтобы выровнять их по высоте, Баженов поднял дворец императрицы на высокий цокольный этаж (на панораме Царицына он еще не показан). [5]Оранжерея первоначально проектировалась между двумя главными дворцами. [6]Не сохранившийся большой корпус в центре усадьбы. [7]Существующий восьмигранный корпус. [8]Не сохранившийся дом близ кухонь со стороны парка. [9]Так называемый «Хлебный дом». [10]Существующие ворота в ограде, соединяющей кухни с дворцом наследника. Она еще не обозначена на раннем плане усадьбы. [11]«Неизвестный» — очевидно, в смысле «не имеющий определенного назначения». Существующий Г-образный корпус между кухнями и восьмигранником.

168 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.337. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.131).

[1]А.А.Безбородко. [2]Приложенная к письму ведомость расходов подписана Баженовым и датирована тем же числом (там же, л.338).

169 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.471—472. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано А.И.Михайловым в статье «Новые материалы о великом зодчем» («Архитектура и строительство», 1949, № 7).

[1]Речь идет о сыновьях Павла — Александре (р. в 1777) и Константине (р. в 1779). [2]Предложенное Баженовым изменение проекта было принято. Оно отражено в генеральном плане Царицына, опубликованном в «Истории русского искусства» (т.VI. М., 1961, с.107). Как и оба дворца, между которыми новый корпус был встроен, он не сохранился. [3]Дресва — крупный песок, гравий.

170 «Московские ведомости», 1780, № 49, 17 июня. Цитируется Г.И.Гунькиным (Сообщения Института истории искусств. Вып.4—5. М., 1954, с.97).
[1]В сноске указано: «Сообщено от г.архитектора, его высокоблагородия Василья Ивановича Баженова». [2]Речь идет о «графе Фалкенстейне», под этим именем приезжал в Россию австрийский император Иосиф II (1741—1790). [3]Проект здания Московского университета был заказан Баженову известным благотворителем П.А.Демидовым. Он не был осуществлен, возможно, из-за ссоры, произошедшей вскоре между заказчиком и архитектором (см. док. 271, 273, 275). Проект не сохранился. Попытка Г.И.Гунькина отождествить с ним так называемый проект Смольного института представляется нам лишенной оснований (см. Введение, с. 14).

171 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.375. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.134).

172 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.376—377. Оригинал с подписью Баженова. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.131, 134).
[1]Письмо Баженова Екатерине II (см.: РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.339).

173 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.379. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Приложен приблизительный расчет строительных расходов на 1781 г. (см.: РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.380).

174 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.386. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Этот «реестр» (см.: РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.351) повторяет приложенный к предыдущему письму. [2]Баженов ездил в Петербург в конце 1780 г. Поданная им там записка не известна.

175 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.387. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

176 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.41, ч.V, л.397. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

177 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.352. Автограф Баженова. Публикуется впервые.
[1]Одновременное письмо Баженова Екатерине II (см.: РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.345, автограф Баженова), аналогичное по содержанию, в настоящем издании опущено.

178 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.346. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.134).
[1]Сопроводительное письмо Баженова А.Безбородко к этому и следующему документам см.: РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.388.

179 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.421. Оригинал, подписанный Баженовым. Начало текста, возможно, отсутствует. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.150, 151, 296, 366).

[1]Впоследствии, в адмиралтейских постройках в Кронштадте (лесной сарай, каменные магазины и проч.) Баженов применял аналогичную промазку нештукатуренных кирпичных наружных стен горячим салом. [2]Матвеев Николай Матвеевич (род. в 1749) — сын священника, с 1768 г. «на своем коште», а с 1773 г. — в штате при строительстве Кремлевского дворца учеником, с 1778 г. — помощник. Работал с Казаковым на Пречистенском дворце, с 1775 г. — у Бланка. Просьба Баженова о его присылке в Царицыно удовлетворена, видимо, не была. В 1786 г. перешел к Н.П.Архарову для службы «во вверенных ему наместничествах» Новгородском и Тверском. Однако в 1787—1790 гг. жил в Москве.

180 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.350. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.359).

[1]Помета: «По сему писано к нему г-ну Баженову декабря 13 дня 1781 года». Письмо это неизвестно.

181 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.353. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.359).

182 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.354. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.134).

183 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.354. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.138—139).

[1]Баженов говорит о каких-то собственных набросках Екатерины II, переданных ему императрицей в Царицыне летом 1775 г. при поручении проектировать усадьбу. Наброски эти не сохранились.

184 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.390—391. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано А.И.Михайловым в статье «Новые материалы о великом зодчем» («Архитектура и строительство», 1949, № 7).

[1]Баженовские проекты внутренних украшений для Царицына не найдены.

185 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.405. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.296).

[1]Безбородко. [2]Казаков Родион Родионович (1758—1803) — архитектор, с 1770 г. — ученик Баженова в Кремле. В 1781—1782 гг. работал на строительстве Екатерининского дворца в Лефортове и в конце 1781 г. ездил в Петербург.

186 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.396. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.134, 136).

187 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.403. Автограф Баженова. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.136, 153).

188 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.402. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.134, 140, 141—142).

189 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.398. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.359).

[1]Этот перспективный чертеж Царицына не сохранился.

190 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.404. Автограф Баженова. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.139, 142, 297).

191 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.430—431. Автограф Баженова. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.142, 359).
[1]Помета: «По сему писано к Баженову 22 генваря 1784-го за известие что об отпуске 100 000 руб. дан указ А.В.Олсуфьеву». Олсуфьев Адам Васильевич (1721—1784) — граф, государственный деятель, статс-секретарь императрицы.

192 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.436. Оригинал, подписанный Баженовым. Пересказывается А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.142).
[1]Булатниково — село в пяти верстах от Царицына, также купленное в казну. Проект дворца был поручен Баженову в его пребывание в Петербурге в начале 1784 г. и, по-видимому, там же выполнен и утвержден. 7 марта 1784 г. отпущены деньги на строительство по смете, написанной рукой Баженова (см.: РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.435). Проект не сохранился. Здание проектировалось деревянным на каменном первом этаже, который Баженов успел построить. Строительство было прекращено с отстранением Баженова от работ в Царицыне. Впоследствии проекты достройки дворца выполнял М.Ф.Казаков, но они также не были осуществлены. Разрушавшийся каменный этаж был продан на слом в 1803 г. Сохранился его обмер (план и разрез), выполненный перед сносом помощниками И.В.Еготова (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.69333,л.7). [2]По-видимому, описка, вместо «пятьдесят тысяч» (см. следующие письма). [3]Это письмо Баженова не сохранилось.

193 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.439—440. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.150, 155—156).
[1]«Оба места» — т.е. Царицыно и Булатниково. [2]Рид Франциск — садовник, выписанный из Англии в 1781 г. (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, ч.115, д.62114, л.17, 20). [3]Постскриптум — о тяжбе Баженова за наследство тестя (см. примеч. 3 к док. 277).

194 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.441—442. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.154).
[1]Башня для часов в Царицыне построена не была. На известных планах ее местоположение не обозначено, на панораме она изображена за Кавалерским корпусом, невдалеке от кухонь.

195 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.444—445. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.141, 142, 150).
[1]Восьмигранник. [2]Эти постройки не были осуществлены.

196 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.VI, л.19—20. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано А.И.Михайловым в журнале «Архитектура и строительство» (1949, № 7, с.18).
[1]Умер пятилетний младший сын Баженова Воин. [2]Помета: «Решено февраля 14, 1785».

197 РГАДА, Госархив, разр.XVI, д.576, л.145. Оригинал, подписанный Брюсом. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.156).
[1]Имеется в виду мост через овраг.

198 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.VI, л.21—24. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.144, 150).

[1]Оба названные здесь проекта не найдены, нет и сведений об их осуществлении. В том же деле имеется записка без даты и подписи (среди бумаг 1785 г.), очевидно, В.Я.Карачинского о том, что «старой птичной двор весьма уже ветх и тесен... то не повелено ль будет на том же месте построить каменной в китайском или в другом каком виде дом, чтоб оной мог делать приятной вид и полезное употребление, на что повелено зделать план со сметою, которых два разных вкусов при сем представляю на опробацию (РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.VI, л.52). На планах Царицына, выполненных в 1795 г. землемером Г.Наумовым (см.: РГИА, ф.485, оп.1, д.157 и 159) показан за прудами большой павильон в форме прямоугольника с выступающей полуротондой. По экспликации он находится на птичьем дворе. [2]Коньково — село неподалеку от Царицына, также купленное в казну. В записке, цитированной в предыдущем примечании, говорится: «В селе Конькове на строение дворца повелено зделать план, которой господином Баженовым и зделан и от меня с ним для поднесения отправлен, то не повелено ль будет оной взяв от Баженова разсмотреть» (РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.VI, л.52). Проект не был осуществлен и не сохранился. На письме помета: «Решено февраля 14 1785» (там же).

199 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.VI, л.25. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Помета: «Решено февраля 14 1785».

200 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.VI, л.17—18. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Помета: «Решено указом данным Кабинету февраля 14 1785-го». Однако этим указом, к которому отсылают пометы на письмах Баженова с сентября 1784 по январь 1785 г., были только отпущены 50 000 рублей «на производство в селе Царицыне строений под смотрением Архитектора Баженова» в 1785 г. «да особо для садовых в том же селе работ» Карачинскому 5000 р. (РГАДА, ф.1239, оп.3, ч.115, д.62114, л.21-об). Затем уже 20 марта последовал указ об отпуске дополнительно «на росплату подрядчикам за поставленные ими в прошлом 1784 году к тем строениям материалы 37 868 р. 20 1/2 к.» (там же, л.22). Эти деньги были отпущены на основании подписанной Баженовым ведомости расходов, датированной 12 марта 1785 г. (РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.VI, л.26).

201 Сборник Русского исторического общества, т.23. Спб., 1878, с.350. Оригинал по-французски. Русский перевод впервые в труде *А.К.Грота* «Екатерина II в переписке с Гриммом» (Записки Академии наук, т.34, кн.1. Спб., 1879, с.82—83).
[1]Екатерина пишет о себе в третьем лице. [2]В Коломенском. [3]Все письмо представляет собой описание бегства императрицы в Москве от каких-то бунтовщиков или заговорщиков. Обстоятельство это не находит подтверждения в других источниках. Напротив, Н.А.Львов, сопровождавший царицу, писал, что «путешествие продолжалось и благополучно и весело» и что «государыня довольна была московским нынешним пребыванием» (Архив кн.Воронцова, т.32. М., 1886, с.502). П.И.Бартенев не без основания считал это письмо пародией на искаженные сообщения зарубежных газет из России. Однако факт недовольства Екатерины Царицыном, увиденным ею впервые после начала строительства, несомненен. Вероятно, достоверны и мотивы этого недовольства.

202 Бумаги из архива дворца в Павловске. Спб., 1873, с.23. Оригинал по-французски. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.156).
[1]Мария Федоровна (1759—1828) — вторая жена Павла. [2]Впоследствии Екатери-

нинский дворец на Яузе, на месте бывшего Головинского дворца, строившийся с 1773 г. по проекту архитектора П.В.Макулова.

203 Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П.Ф.Карабановым. — «Русская старина», 1872, № 1, с.140—141.
[1]Козлов Иван Иванович — генерал-рекетмейстер, отец поэта И.И.Козлова; Карабанов Павел Федорович (1767—1851) — собиратель древностей. [2]И.И.Козлов, вспоминая событие десятилетия спустя, рассказывал неточно. Речь шла вначале лишь о поправках, решение о сносе было принято несколько месяцев спустя.

204 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.VI, л.47. Опубликовано А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.156—157).
[1]Баженовские планы переделки Царицына, выполненные в нескольких вариантах, до нас не дошли. Баженов был 29 января уволен в отпуск, а царицынское строение передано в Экспедицию кремлевского строения и поручено М.Казакову. В повелении был пункт «о разборке в селе Царицыне построенного главного корпуса до основания и о производстве потом по вновь конфирмованному сочиненному архитектором Казаковым плану» (РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.VI, л.74). Было прекращено и строительство в Булатникове.

205 РГАДА, ф.1263, оп.1, д.7425, л.3. Копия. Публикуется впервые.
[1]Брылкин Иван Онуфриевич (р.1709) — главный директор Павловской больницы в Москве с 1763 по 1788 г. [2]В письмах от 27 февраля и 22 марта того же года Павел запрашивал об остатках сумм, ассигнованных на содержание больницы.

206 РГАДА, ф.1263, оп.1, д.7425, л.3-об. Копия. Публикуется впервые.
[1]Речь идет о пожаре, уничтожившем деревянное здание больницы.

207 РГАДА, ф.1263, оп.1, д.7425, л.4. Копия. Публикуется впервые.

208 РГАДА, ф.1263, оп.1, д.7425, л.4. Копия. Публикуется впервые.
[1]Проект Павловской больницы, выполненный Баженовым в нескольких вариантах весной 1784 г., сохранился (см.: РГВИА, ф.418, оп.1, д.405). Найден и опубликован А.Кипарисовой («Архитектурное наследство», вып.1. М., 1951, с.119—127). В его составе — 4 нумерованных автором варианта, включая одобренный 3-й, и вариант без номера, по-видимому, упоминаемый здесь «первоприсланный». Проект не был осуществлен из-за недостатка средств, сгоревший корпус заменили вновь деревянным.

209 РГА ВМФ, ф.235, оп.1, д.71, л.7. Публикуется впервые.
[1]Пущин Петр Иванович (1723—1812) — адмирал, член Адмиралтейской коллегии, командир Кронштадтского порта, директор строения Адмиралтейства и каменной гавани в Кронштадте, с 1797 г. также главнокомандующий балтийским гребным флотом и сенатор. Непосредственный начальник Баженова. [2]Лесной сарай в Кронштадте, обращенный торцом к Обводному каналу, строился в 1794—1795 гг. по усовершенствованному Баженовым образцовому проекту, выполненному, видимо, его предшественником, архитектором М.Н.Ветошниковым. Здание сохранилось с незначительными переделками.

210 РГА ВМФ, ф.23, оп.1, д.71, л.147—148. Копия. Публикуется впервые.
[1]П.И.Пущин переслал рапорт архитектора Кронштадтскому капитану над портом генерал-майору Слизову с предписанием, «чтобы весь оной непорядок ис-

править во всей точности по представлению его, г-на Баженова» (РГА ВМФ, ф.23, оп.1, д.71, л.140). Однако обиженное портовое начальство прислало ответный рапорт, возвращая все обвинения Баженову. По его мнению, «хоша оной сарай и построен, но уповательно, не может быть обрасцом и другим будущим» из-за неудобства и излишних затрат: он слишком высок — от ряжей до стропил 28 футов, «а класть леса показано от оного не более как в высоту на 7 фут». Замечание Баженова о «непросвещенных людях» «относится единственно к самому ему, ибо он, г-н Баженов, в строении оного видимо употребил государственный интерес напрасно и не в пользу, что же касается до просвещения людей, то по таковым его прожектам и деяниям не предвидится, чтобы он сам был довольно просвещен». По заключению корабельного мастера Кутыгина при сарае недостает кранов, какие он видел в Англии. Что касается людей, не видящих в нем ничего, кроме сарая, «то он, г-н Баженов во оном случае весьма не ошибся, ибо когда оной сарай приведен к окончанию, ничего не найдено ко вниманию достойного, кроме что сарай пустой, даже у ворот и запоров и не было». Продушины нельзя открыть, так как они сделаны «ниже горизонту земли» и в них «всякая мокрота стекает», а канал вокруг сарая не предусмотрен проектом. Кирпичные жалюзи расположены высоко, не там, где лежит лес. Об отметке на столбах, ограничивающих высоту кладки леса, «никто не сведущ, даже и те, кои находились при оном строении не знали, на что оной плитник положен». Они жалуются также на отсутствие приспособлений для вытаскивания леса и т.д. Наконец крыша прохудилась, т.к. «его выдумкою мазью была вымазана, которой ныне на крышке ничего не видно, окроме ржавчины и во многих местах сквозных дырок» (там же, л.141—146).

211 РГА ВМФ, ф.235, оп.1, д.71, л.149—156. Копия. Публикуется впервые.

[1]Фон Штемпель (Штенпель) Петр (1746 — после 1805 г.) — из курляндских дворян, с 1764 г. архитекторский ученик, с 1771 — гезель, а с 1797 — архитектор. Учился и работал у С.И.Чевакинского, И.Герарда, М.Башмакова, Ф.Бертолиати, В.Баженова. С 1775 строил, а в 1784 г. ремонтировал в Новгороде парусную фабрику; в 1779—1780 гг. ремонтировал в Москве Сухареву башню. Затем вел ремонтные работы в Кронштадте (церковь Богоявления, пороховые погреба). Осматривал и принимал там же несколько построек Баженова. В ГНИМА хранится его проектный чертеж 1783 г. [2]Васильев Матвей Васильевич (1758/9 — после 1806 г.) — уроженец Казани, из унтер-офицерских детей, служил во флоте с 1772 г. «у письменных дел», с 1775 — архитекторский ученик у А.Нилуса, затем у М.Ветошникова. Работал до 1785 г. в Петербурге, затем в Кронштадте, с 1792 г. — гезель. Вел работы на всех кронштадтских постройках Баженова. Позднее — помощник П.Штемпеля. Был «предан пьянству, а в должности хорош», говорит послужной список 1805 г. (РГА ВМФ, ф.406, оп.1, д.39, л.203-об.—204). [3]Миллер Лаврентий (Лоренц) — ученик и помощник Баженова. Известен его проект колоссального здания (по-видимому, отвлеченная «программа») в Музее Академии художеств. А.И.Михайлов приписывал эту работу Баженову, под несомненным влиянием которого она исполнена (*Михайлов.* Баженов, с.280). Надпись «Кончено тушевать Лаврентием Миллером марта 6 числа 1792 года» на так называемом фасаде Михайловского замка, имеющем также помету Баженова, позволяет считать, что Миллер имел отношение к работам для Павла в Гатчине. Но для каких «гораздо важнейших», чем кронштадтские строения, дел он был прикомандирован к Баженову — осталось невыясненным. В конце 1796 г. Миллер был послан в Москву с баженовским проектом деревянной церкви при доме Безбородко, отделывавшемся к коронации Павла, и строил ее вместе с Е.С.Назаровым (см. док. 220). В конце 90-х гг. он проектировал ряд зданий для Галерной гавани в Петербурге,

уже в весьма далеких от Баженова и преувеличенно монументальных формах строгого классицизма (см.: РГА ВМФ, д.326, оп.1, д.8798, 8819-27, 8842, 8844, 8871, 8875, 8895). [4]В числе кронштадтских строений, за осуществлением которых с 1793 г. Баженов наблюдал, были кухни и «нужные места» у «служительских корпусов», каменные заборы, деревянные канализационные трубы, а также отделочные работы в самих жилых корпусах. Все это делалось по выполненным еще до Баженова проектам (см.: РГА ВМФ, ф.235, оп.1, д.254, 261, 333). Кроме лесного сарая Баженов строил в 1794—1798 гг. также три каменных «магазейна» (склада) на Проводном канале, по исправленным им старым проектам (см.: РГА ВМФ, ф.235, оп.1, д.73, 76). Подписной чертеж 1797 г. (см.: там же, ф.326, оп.2, д.496) опубликован А.Н.Репниковым («Архитектурное наследство», вып.9. М., 1959, с.67). [5]*А.П.Сумароков.* Соловей и кукушка. Притча. — Полн.собр.всех соч., изд.2, т.3. М., 1787, с.159.

212 РГА ВМФ, ф.201, оп.1, д.82, л.12 и об. Копия без даты и подписи. Публикуется впервые.

[1]Из дела видно, что осенью 1795 г. генерал-майор Бухарин обследовал фабрику, установил необходимость ее исправления и представил в Адмиралтейскую коллегию проект Баженова. Решение по этому делу неизвестно. По-видимому, проект принят и осуществлен не был. Чертежи Баженова не найдены, из его «изъяснения» (экспликации) видно, что был спроектирован целый жилой поселок с рабочими казармами и их службами, больницей, включающей, как полагалось, церковь, домом директора, церковью и прочим. К описанию проекта приложена примерная смета. Она учитывает каменные цоколи в 9 рядов вышины, кирпичные, по-видимому, не штукатуренные снаружи стены, карниз из плит размером аршин в квадрате (РГА ВМФ, ф.201, оп.1, д.82, л.13).

213 *Репников А.* Неизвестный проект В.И.Баженова для Кронштадта. — «Архитектурное наследство», вып.4. Л.—М., 1953, с.68—69. (Оригинал в РГА ВМФ, ф.135, д.165, л.9).

[1]В «Предложении» П.И.Пущина 12 марта 1796 г. говорится о трех планах и смете, из которых утвержден Адмиралтейской коллегией «последне поданной», но с уменьшением (по длине) наполовину. Пущин распорядился строить здание размером 40х10 саж., высотой «до железного отлива кровли» 8,5 арш., а внутри от кирпичного пола до замка свода 7 арш. «по тем планам и описанию ево Баженова». 28 апреля 1796 г. он предложил, что «по общему мнению ево с господином архитектором Баженовым за лучшее признано и положено против того плана <...> прибавить в ширину того завода для лутшего измещения около печей работникам с обеих сторон по сажени, равно и в высоту и в длину по препорции и для того зделан им г-м Баженовым особливой от прежних план с прибавлением в ширине к десяти—двух сажен, длине — одной сажени, а в вышине — 1 аршина. <...> Для порядочного же присмотра за тем строением г-н архитектор Баженов, по слабости его здоровья, сам навсегда при оном быть не может, а верит иметь присмотр находящемуся при сей Комиссии архитектуры гезелю Васильеву, буде же нужда потребует, то определит он и еще архитектуры гезеля Миллера, да и сам, сколько слабость ево здоровья позволит, будет надсматривать и при нужных случаях работы свидетельствовать» (РГА ВМФ, ф.235, оп.1, д.333, л.78—79 и 117). 19 июля 1796 г. Пущин представлял Комиссии, что Баженов «по слабости своего здоровья весьма редко, да и то на краткое время, сюда из Петербурга приезжаит, а из гезелей определенных к смотрению Миллер также приезжая из Петербурга не всегда при строении бывает, и так иногда остаетца при работе только один Матвей Васильев». Считая, что этого «при толь обширном строении» недоста-

точно, адмирал рекомендовал определить к нему инженер-поручика Ендогурова (РГА ВМФ, ф.235, оп.1, д.260, л.89).

214 РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.151, л.247. Оригинал. Цитируется А.Н.Репниковым («Архитектурное наследство», вып.9. М., 1959, с.68).
[1]Кушелев Григорий Григорьевич (1754—1833) — приближенный цесаревича Павла, впоследствии адмирал, граф и вице-президент Адмиралтейской коллегии. [2]Сенявин Алексей Наумович (1746—1797) — адмирал, член Адмиралтейской коллегии. [3]См. док. 294 и примеч. 2 и 3 к нему.

215 *Репников А.* Неизвестный проект В.И.Баженова для Кронштадта. — «Архитектурное наследство», вып.4. Л.—М., 1953, с.71. (Оригинал в РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.165, л.35.)
[1]Рапортом от 6 ноября 1797 г. Баженов сообщил Кронштадтской конторе главного командира над портом, что завод окончен в 1796 г., а печи в 1797 г., но до сдачи завода он должен еще просушить печи под надзором Д.Васильева. 28 декабря, узнав, что завод уже работает, Баженов снимал с себя ответственность за состояние недосушенных печей и представлял чертежи и опись (см.: РГА ВМФ, ф.235, оп.1, д.260, л.180 и 199; «Описание» — там же, л.200—201). После этого еще продолжалась переписка о недоделках и «излишной работе». Завод был сдан по описи Д.Васильевым П.фон Штемпелю 11 января 1798 г. Сохранилось несколько чертежей, в том числе подписанный Баженовым и визированный П.И.Пущиным «План, фасад и профиль построенному вновь в Кронштадте каменному сухарному заводу», датированный ноябрем 1797 г., а также проекты усовершенствованных Баженовым хлебопекарных печей. На некоторых листах подпись: «Чертил Владимир Баженов» — средний сын архитектора (см.: РГА ВМФ, ф.326, оп.1, д.4402—4404, 4419—4421). Три чертежа опубликованы А.Н.Репниковым («Архитектурное наследство», вып.4. М., 1953, с.67, 69, 71).

216 РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.148, л.55—56. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.Н.Петровым («Ежегодник Института истории искусств'1957». М., 1958, с.81).
[1]Галерная гавань в Петербурге находилась на западном, морском берегу Васильевского острова и была отделена лесом от городских кварталов. 25 мая 1796 г. ее деревянные строения выгорели от удара молнии. 5 июня Баженову, архитектору Перрину и «в должности архитектора капитану Креберу» было приказано обследовать сохранившиеся столбы и фундаменты «может ли что из них быть годное к возобновлению; а потом учинить прожект на построение для галер тридцати сараям на каменных столбах с железными стропилами и крышкою» и т.д. (РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.148, л.9).

217 РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.148, л.60. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

218 РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.148, л.61. Оригинал, рукой Ф.В.Каржавина, без даты и подписи. Датируется по предыдущему, сопроводительному к данному документу. Опубликовано А.Н.Петровым («Ежегодник Института истории искусств'1957», с.80—81).
[1]Слово вписано рукой Баженова.

219 РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.148, л.57—58. Оригинал, подписанный Баженовым. Отрывок (конец текста) опубликован А.Н.Петровым («Ежегодник Института истории искусств'1957», с.81—82).

[1]Интендантская экспедиция распорядилась 13 июня Баженову, Перрину и Креберу «учинить прожект на построение в главном гребном порте для ста двадцати канонирских лодок каменных сараев на столбах с железными стропилами и крышкою, а равно и в особом от них отдалении для каждых 8-ми или 10-ти лодок по одной каменной магазине также с железною крышкою, расположив корпусами или как к предохранению от огня безопаснее» и т.д. Баженов получил этот приказ 15 июня, уже после того, как представил, на основании предыдущего распоряжения от 5 июня (см. примеч. 1 к док. 216) пять вариантов проекта и подготовил шестой. [2]11 августа 1796 г. Интендантская экспедиция нашла, что «Баженова план с так<им> обширным расположением, которое бы потребовало на совершение великих издержек и большого времяни, не соответствующих настоящей надобности и нуждам» (РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.148, л.50). Адмиралтейская коллегия 16 октября утвердила проект И.Кребера. По ее заключению, проект Баженова «весьма обширен и великолепен, так что на построение одних токмо галерных, батарейных и лодочных сараев потребовалось бы с лишком два миллиона рублей, каковое расположение <...> не соответствует настоящей в том надобности» (там же, л.75). Проекты не найдены. Как значится в том же деле (л.88), они были переданы адмиралу А.Н.Сенявину и им представлены императрице. [3]К рапорту приложена «Примерная смета галерному сараю» с количествами материалов, но без цен. Приписка Баженова: «Цены час от часу возвышаются, того ради и здесь не поставлены» (РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.148, л.59).

220 *Белехов Н. и Петров А.* Два неопубликованных письма М.Ф.Казакова и В.И.Баженова. — «Сообщения Института истории искусств», вып.1. М.—Л., 1951, с.123—125. (Текст и воспроизведение оригинала, находящегося в РГВИА, фонд Г.Г.Кушелева.) Оригинал с подписью Баженова.

[1]Об А.Безбородко см. примеч. 5 к док. 165. Дом его в Немецкой слободе (ныне, в перестроенном виде, здание МВТУ на 2-й Бауманской ул., д.5) был подарен владельцем Павлу I к предстоящей коронации и переделывался к его приезду. Деревянная церковь пристраивалась к зданию по проекту Баженова. Сохранился его подписной чертеж — план, разрез и фасад иконостаса — с надписью рукой архитектора: «С опробованного плана Его императорским величеством. Ноября 17 дня 1796 года» (Музей Академии художеств); опубликован А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.283). Назначение проекта установлено М.И.Домшлак (Назаров. М., 1956, с.74). [2]Пестель Иван Борисович (1765—1844) — почт-директор в 1789—1806 гг. [3]Назаров Е.С. См. примеч. 4 к док. 57. [4]Миллер Л. См. примеч. 3 к док. 211.

221 РГИА, ф.758, оп.5, д.48, л.181. Публикуется впервые. Копия без подписи. Авторство Баженова устанавливается из письма П.А.Демидова И.И.Бецкому от 17 декабря 1772 г., к которому эта записка приложена: «Баженов сказал, скоро к вам едет <...> да он же дал мне записку о таковом полезном сокровище, что подлинно достойно похвалы. Копию прилагаю...» (там же, л.182).

[1]Пуццолана — вулканическая порода, составляющая в смеси с известью твердеющие в воде растворы.

222 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29110, л.20—21. Копия. Публикуется впервые.

[1]Екатерининский дворец в Лефортове, на месте старого Головинского дворца, строился с 1773 г. по проекту и под руководством князя П.В.Макулова (1730—1778), архитектора-дилетанта. Из-за технических недостатков (главным образом вследствие негодности кирпича) недостроенное здание было разобрано в 1778 г. [2]«Мнение» адресовано князю И.П.Тюфякину, надзиравшему за строительством

дворца. [3]Хрящ — крупный песок; апока (правильно: опока) — мергель, глинистый известняк. [4]Речь идет о кирпиче, переданном П.В.Макулову с заводов Экспедиции кремлевского строения, работавших под наблюдением Баженова и его помощников. [5]«Сперва надобно знать, из какой земли должно кирпичь делать, потому, что земля смешанная с хрящом, с камешками или с песком, никуда не годится, для того, что кирпичь сделанный из оной бывает очень тяжел, и когда дождь его намочит разседается и крошится; при том же таковая земля по грубости своей не столько вязка, чтоб совершенно могла смешаться с соломою, которую в нее кладут: но кирпичь должно составлять из белой земли, которая походит на мел, или из красной земли» (Марка Витрувия Поллиона об архитектуре книга первая и вторая... Спб., 1790, с.143. Перевод Ф.В.Каржавина, исполненный «при модельном доме»). [6]Гжель — подмосковное село, центр керамического (фаянсового) производства. [7]Bullet Pierre. L'Architecture pratique. Paris, 1691. [8]Другие московские архитекторы, М.Казаков, С.Волков, К.Бланк — подписали совместное «примечание». Они также отметили недостатки глины — излишне песчаной, с известковыми камешками, делающими кирпич ломким, и заключили, что он «ко употреблению на тягостное и высокое сего дворца здание не способен», но годится для невысоких и связанных частыми «простенками» служб (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29110, л.23). Между тем обиженный Макулов просил о заступничестве духовника императрицы, протоиерея Иоанна Памфилова: «Надеюсь, вам известно, что послан из Конторы строения указ князю Тюфякину, чтоб стены дворца, также и на заводах кирпичь освидетельствовать, которое исполнено, и собраны архитекторы те, которые им были надобны; первый Бажанов, второй Бланк, как тот сам тщится оное место занять, а прочие три человека такие люди, которые им подлаживают. В смотре сказали: в стенах дворца трещины и будто кирпич на оное строение не годен, а годен на другое строение. Из оных ответов, надеюсь, изволите усмотреть, что какое пристрастие!...» ([27 янв. 1776] «Русский архив», 1871, № 2, стб. 210—211).

223 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.102—103. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]«Мнение» адресовано М.М.Измайлову. [2]В том же деле находятся аналогичные по выводам рапорт архитекторов И.Яковлева, М.Казакова, С.Волкова и С.Карина и отдельное «примечание» И.Бланка (л.104, 106—107).

224 *Суслова Е.Н.* Михаил Павлович Павлов, скульптор XVIII века. М.—Л., 1957, с.97.
[1]Павлов Михаил Павлович (1733 — после 1784) — скульптор («резного дела подмастерье», а с 1762 г. — мастер и руководитель Резной палаты Академии наук). В 1758 г. участвовал в обучении учеников Академии художеств. В 1759—1761 гг. — в Париже занимался скульптурой под руководством Пигаля и Аллегрена. В 1770-х гг. исполнял в Академии наук также должность архитектора. [2]Аттестат не сохранился.

225 РГИА, ф.467, оп.2, д.112-б, л.346. Публикуется впервые. Подлинник аттестата не обнаружен.
[1]О М.Удесове см. примеч. 1 к док. 8 и примеч. 1 к док. 39. [2]Регулы (*лат.*) — правила. [3]Далее в документе сообщается, что Удесов, по предложению И.Бецкого, направлялся для экзамена в Академию художеств, которая его экзаменовать отказалась. Он был «экзаменован в Канцелярии строения и на заданные ему задачи ответствовал исправно, и усмотрено что он в рисовании и прожектировании чертежей, кои исправлял бес помощи других, знание хорошее имеет». Удесова произвели в архитекторские помощники 3-го класса с жалованьем 60 р. в год.

18—1991

226 <Лазаревский А.М.> Архитектор Мостипанов. — «Киевская старина», 1902, т.LXXVII, апрель, отд.2, с.9.

[1]Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803) — гетман Малороссии (до 1764 г.), затем — генерал-фельдмаршал. [2]Мостипанов (Мосципанов, Мощипанов) Максим Клементьевич — украинец, сын бунчукового товарища, в 1763—1765 гг. ученик архитектора А.Квасова, с 1765 г. — ученик Баженова. С января 1768 г. помощник 2-го класса в ЭКС, в начале 1770 г. уволился с аттестатом Баженова (см. док. 232). В 80-х гг. — городничий в г.Коропе на Украине.

227 РГИА, ф.467, оп.2, д.112-б, л.365. Публикуется впервые.

[1]Левенгаген Иван Матвеевич (1745 — после 1795) — архитектор, швед, из оберофицерских детей. Службу начал в Москве учеником при Гоф-интендантской конторе. В 1768 г. — помощник при архитекторе Ринальди. С 1777 г. — архитектор Ярославского наместничества, где строил ряд значительных зданий. [2]Подробности кратковременной службы Баженова в Кадетском корпусе, упоминаемой также М.И.Махаевым (см. док. 38), пока не установлены. [3]Подлинник аттестата не найден. [4]Контора предлагала определить Левенгагена «по такой в нем надобности по прежнему в ведомство оной» архитекторским помощником с жалованьем 60 р. в год.

228 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.28997, л.49. Изложение в докладе ЭКС Екатерине II. Цитировалось в кн.: Казаков. М., 1957, с.30.

[1]Казаков не был тогда повышен в чине. Резолюция императрицы гласила: «впредь до времени остаться по прежнему» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.29007, л.2).

229 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46408, л.143. Изложение в журнале Экспедиции. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.303).

[1]О К.Поливанове см. примеч. 2 к док. 115.

230 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33733, л.1. Оригинал, рукой Ф.Каржавина, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]О Юсте см. примеч. 1 к док. 70. [2]Имеются в виду медальер Ф.Стоянов и скульптор З.Урядов (см. примеч. 5 к док. 57).

231 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33732, л.1. Оригинал рукой Ф.Каржавина, подписанный Баженовым. Опубликован В.Гамбурцевым в кн.: Архитекторская команда (М., 1894, с.31—32).

[1]О Каржавине см. примеч. 1 к док. 1. [2]Каржавин был принят в Экспедицию помощником 2-го класса с жалованьем 200 рублей в год.

232 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46421, л.17. Изложение в журнале Экспедиции. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.301).

[1]О Мосципанове (Мостипанове) см. примеч. 2 к док. 226. [2]То есть в проектировании и в строительстве.

233 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46421, л.37. Изложение в журнале Экспедиции. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.312).

[1]Об Иване Баженове см. примеч. 2 к док. 3.

234 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33738, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано В.Гамбурцевым в кн.: Архитекторская команда (М., 1894, с.34).

[1]Кубасов Петр Иванович (р.1755) — ученик Баженова, был принят в ЭКС с жа-

лованьем 12 р. в год 10 марта 1770 г. А 13 марта 1775 г. Баженов в Присутствии предложил его уволить, «ибо он хоть и прилежен, но туп в понятии и не уповательно чтоб был успех быть художником», притом он «примечая и сам себя к архитектуре не способным просит тож об увольнении из команды» (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33738, л.9, 10; *Гамбурцев*. Архитекторская команда, с.34—35).

235 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33742, л.4. Автограф Баженова с его подписью. Цитируется (по записи в журнале ЭКС) А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.309). [1]В том же деле (РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33742, л.3). Экспедиция запрашивала о Яковлеве — «по ево искусству надобен ли он и в каком звании при архитекторской команде ему быть, да и с каким в год жалованьем». [2]О В.С.Яковлеве см. примеч. 1 к док. 83. [3]М.Ф.Казаков. [4]В этом деле находятся прошения Яковлева о приеме на службу (л.1), выписка о его зачислении заархитектором с жалованьем 300 р. в год — «на первый случай до усмотрения» (л.5), а также прошение и другие документы об увольнении в ноябре 1772 г. Среди них представление Баженова от 6 ноября (л.11), который пишет, что Яковлев «просит о увольнении ево в отставку, отзываясь болезнию <...> а как приметить можно что он просится побольшей части от неудовольствия; ибо он просил о прибавке жалованья, к чему от меня и аттестован был; но того не получил. Теперь же по толь начинающемуся огромному делу такие люди весьма надобны <...> почему я ево сколько мог уговаривал, но он не соглашается; я ж ево по теперешным обстоятельствам сам собою отпустить не могу».

236 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33747, л.2-об. Автограф Баженова с его подписью. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.307) по записи в журнале Экспедиции.

[1]Ясныгин Иван Денисович (1745—1824) — в 1760—1765 гг. ученик скульптурного класса Академии художеств, затем работал на фарфоровом заводе. В мае просится на договорную работу в ЭКС «по моему художеству скульптором в архитекторской команде». Был принят с помесячной платой 13 р. 33 коп. Договор продлялся в 1771—1774 гг. по требованию Баженова; «скульптор господин Ясныгин весьма нужен еще хотя на год при делании модели, да и в задачах к лекалам ежели строение начнется <...> и прибавку ему кажется зделать можно» (май 1771 г.); «весьма нужен для содержания во всей чертежной порядка и обучения учеников в рисовании, а более при фигурах модели, кои почти все требуют переправки от перевоски ее из Санкт Петербурга» (май 1774 г. Автографы Баженова, то же дело, л.8, 12, 17). В 1778—1783 гг. вновь работал в ЭКС помощником у К.Бланка и М.Казакова. В 1785—1822 г. — губернский архитектор в Калуге, где построил ряд крупных зданий, в том числе — городской собор (1786—1819). [2]Т.е. М.Максимов, Ф.Стоянов и З.Урядов (см. примеч. 7. к док. 57).

237 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33747, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.307).

[1]Федоров Иван Федорович — соученик Баженова по Академии художеств, куда был переведен в январе 1758 г. из разночинной гимназии Московского университета. Изучал архитектуру, с 1762 г. вел в Академии классы математики и «нижной французской». В 1765 г. исключен «по излишеству», отправлен в Московский университет, но не принят из-за незнания латыни. В ЭКС принят 8 июня 1770 г. с жалованьем 200 р. в год. Уже в ноябре Баженов жаловался на его отлучки и просил уволить, так как «оной Федоров уже с месяц совсем хождения в Модельной дом не имеет, почему между сотоварищами ево произошло неудовольствие, что им от него как в дежурстве, так и в чертежах вспоможения нет» (РГАДА,

ф.1239, оп.3, д.33747, л.7). Федоров вернулся в Академию художеств, где преподавал до конца жизни.

238 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33758, л.2. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.303).
[1]Поливанов был зачислен помощником 3-го класса.

239 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33759, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Отрывок опубликован в кн. В.Гамбурцева «Архитекторская команда» (М., 1894, с.34).
[1]Базаров Яков Якимович — сын конюха, в 1764—1770 г. — ученик Академии художеств. В ЭКС учеником — до ноября 1773 г., уволен, т.к. «при должности не находился».

240 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33767, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.311) по записи в журнале Экспедиции.
[1]Д.И.Баженов — брат архитектора (см. примеч. 5 к док. 3 и примеч. 5 к док.57), был учеником в ЭКС с 18 февраля 1768 г. В ноябре 1770 г. по представлении Баженова «уволен за ненадобностью». Восстановленный в декабре 1771 г., числился с мая 1774 г. «запомощником», но в декабре Баженов снова просит его исключить, т.к. он «к должности своей неприлежен и находится в худых поступках». В марте 1775 г. его присылали в ЭКС для выяснения личности, т.к. он женился на беглой крепостной (то же дело, л.9, 19). Позднее работал в провинции, в Туле, Костроме, Севастополе.

241 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33772, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Волконский Алексей Степанович (р. 1741), служил в Оренбургском гарнизоне, с 1765 г. — в отставке по болезни. В апреле 1774 г. уволился из ЭКС «по слабости здоровья».

242 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33740, л.16. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Смирнов Федор Самойлович (ум. 1778) — геодезический ученик при Сенате в Петербурге. Принят в ЭКС по представлению Баженова 18 марта 1770 г.; в августе 1770 г. Баженов представил его к повышению в помощники 3-го класса, т.к. «он усмотрен мною как в поведении, так и в должности своей весьма рачительным». В ноябре 1771 г. уволен: «более при модельном доме не надобен»; восстановленный в 1772 г. снова увольняется в апреле 1773 г. (см.: РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33740, л.1, 7, 10, 20). С 1773 г. — «архитектуры сержант» при московской полиции.

243 *Егоров Ю.А.* Ансамбль в градостроительстве СССР. М., 1961, с.51. Оригинал в РГИА, фонд Комиссии строений, дела за 1774 г.
[1]Иванов Алексей Алексеевич (1749—1802) — «морского флота комиссарской сын», учился в Академии художеств, выпущен в 1767 г., затем пенсионер. С 1744 г. — архитектор в Комиссии о каменном строении Петербурга и Москвы, позднее — профессор Академии художеств.

244 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.46484, л.24. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.311).
[1]О М.Комарове и Д.Баженове см. примеч. 3 к док. 115; примеч. 1 к док. 3 и 1 к док. 240. Третьяков Алексей Ильич (р. 1753) — сын священника, с 1768 г. — ученик в

ЭКС, с мая 1774 г. вместе с Комаровым и Д.Баженовым запомощник, в 1775—1777 гг. у Баженова в Царицыне. В 1778—1779 гг. — в Каменном приказе, с 1780 г. — при Воспитательном доме. Позднее работал при строительстве Екатерининского дворца, а затем — смотрителем Царицынского дворца (см. также док. 246).

245 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33760, л.24. Копия. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.310).
[1]Аттестат составлен от имени Баженова, но подписан в оригинале тремя архитектурными руководителями ЭКС. [2]Медведев М.Ф. (1736—1807). Из церковничьих детей, в 1755—1764 гг. в военной службе, в 1767—1770 гг. — при строениях в Богородицке. В 1771—1775 гг. в ЭКС — архитекторский помощник. В 1776—1789 гг. при строительстве Екатерининского дворца. [3]См. примеч. 2 к док. 154. [4]См. примеч. 1 к док. 91.

246 *Михайлов*. Баженов. М., 1951, с.311. Оригинал в РГАДА, дела Каменного приказа, кн.8 (1778), л.240—242.
[1]См. примеч. 1 к док. 244.

247 Сборник материалов для истории Императорской Санктпетербургской Академии художеств. Т.1. Спб., 1864, с.228. Изложение в протоколе «обыкновенных собраний».
[1]Легран(д) Николай Николаевич (1738/41 —1798) — архитектор. Француз, уроженец Парижа. Работал в Москве. В 1768 г. Академия художеств признала его «назначенным». Был с 1774 г. главным архитектором Отделенного департамента Комиссии строений, в 1777—1778 — главным архитектором Каменного приказа. В 90-е гг. — архитектор Управы благочиния. Автор проектов здания Нового комиссариата в Москве и церкви Успения на Могильцах. Аттестат Баженова служил Леграну рекомендацией к производству из «назначенных» в академики. Другой аттестат был ему дан К.И.Бланком. 13 августа 1779 г. Легран был признан академиком «по заданным программам... да по свидетельствам архитекторов академии известных и по полученным сочинениям (Сборник материалов для истории Императорской Санктпетербургской Академии художеств. Т.1. Спб., 1864, с.139—140).

248 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.33956, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано В.Гамбурцевым в кн.: Архитекторская команда. М., 1894, с.40.
[1]После упразднения в конце 1782 г. Каменного приказа к Баженову в Царицыно перешли из него четверо учников. Арфанов (Орфанов) Семен (р.1764) из семьи церковников, братья Урюпины Иван (р. ок. 1766/9) и Николай (р. ок. 1767/9 г.), солдатские дети, Козмин Николай Ипатович (1763/9—1820), солдатский сын. Все они перешли от Баженова в команду М.Казакова. Козмин дослужился к концу жизни до звания архитектора, преподавал в Кремлевской архитектурной школе. Н.Урюпин в начале XIX в. работал архитектором в провинции.

249 РГА ВМФ, ф.406, оп.7, д.222, л.269—270. Копия. Опубликован А.Н.Репниковым («Архитектурное наследство», вып.4. М., 1953, с.72). Однако публикатор ошибочно отождествил Д.И.Васильева с другим помощником Баженова, М.В.Васильевым (см. о нем примеч. 2 к док. 211).
[1]Васильев Д.И. (1770/3 — после 1820) — сын солдата; в 1782—1785 гг. ученик у Баженова в Царицыне, затем до 1792 г. при строительстве Екатерининского дворца, в 1792—1794 гг. — в Управе благочиния. В 1795—1799 гг. — у Баженова «при черчении разных чертежей помощником» (очевидно, частным образом). В 1799 г. определен архитектуры гезелем в Адмиралтейскую коллегию. В 1807 г. — помощник. С 1816 г. — при Архангельском порте.

250 «Русский архив», 1899, № 4, с.634—636. Первая публикация в газете «Московские губернские ведомости» (1843, № 43).

[1]Еропкин П.Д. См. примеч. 2 к док. 114. [2]Документ подписан членами Управы. Еропкин передал просьбу Баженова об открытии училища на решение Московского приказа общественного призрения, надзиравшего за частными школами. Решение приказа неизвестно, в газетах объявление Баженова не найдено. По всей видимости, школа открыта не была.

251 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.57872, л.3. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано П.Н.Петровым в Сборнике материалов для истории Академии художеств. Т.1. Спб., 1864, с.401.

[1]Баженов был назначен на эту должность указом Павла I 26 февраля 1799 г. Должность была создана специально для него, до того вице-президентов в Академии не было.

252 Сборник материалов для истории Академии художеств. Т.1, Спб., 1864, с.401—407. [1]Т.е. с начала президентства И.И.Бецкого и утверждения устава, по которому в воспитательное училище Академии набирались шестилетние дети. [2]Называются книги, переводившиеся Ф.В.Каржавиным: *Перро К.* Сокращенный Витрувий или совершенный архитектор. (Вопреки утверждению Баженова она была издана в 1791 г., дата на титуле — 1789); *Фреар де Шамбре Р.* Сравнение архитектуры древней с новою (см. примеч. 2 к док. 77). О какой иконологии идет речь — не ясно. Отрывки иконологического содержания имеются в бумагах Ф.Каржавина (РГИА, ф.789, оп.1, д.397). [3]«Примечания» были рассмотрены Павлом I, высказавшим свое одобрение указом на имя Баженова 27 мая 1799 г. Одновременно была составлена резолюция по отдельным пунктам «Примечаний». Павел одобрил первые четыре пункта, потребовал сведений о стоимости домов позади здания Академии, одобрил передачу Академии оценки привозимых из-за рубежа картин, отказал в передаче ей отбракованных картин и эстампов, разрешив взамен снимать копии с произведений, находящихся в государственных собраниях; о других хозяйственных вопросах (оценка домов, заведение тони, собственные мастеровые) предложил «снестись с городом» (РГИА, ф.789, оп.1, д.1441, л.9). Сохранились подписанные Баженовым записки о недоделках в здании Академии, о смете на постройку домов и о кандидатах в «Почетные любители» (РГИА, ф.789, оп.1, д.1421, л.5—7); переписка о разрешении завести тоню, в чем было отказано, т.к. «по самому тому месту есть ход морских судов и оные стоят на якорях и тянутся для пропуска сквозь мост» (там же, д.1418).

253 ОР ИРЛИ, ф.93, оп.2, д.100, л.186. Автограф с подписью Ф.В.Каржавина. Опубликовано А.Н.Петровым в «Ежегоднике Института истории искусств'1957» (М., 1958, с.61).

[1]Баженов и Каржавин возвращались вместе морем из Парижа в Петербург в 1765 г. [2]Баженов вернулся в Москву из очередной поездки в Петербург в середине марта 1769 г. [3]Каржавин имеет в виду своего отца, с которым он был в ссоре. [4]Баженов оставался в чине капитана артиллерии вплоть до 1779 г. [5]Каржавин преподавал в Лавре французский язык в духовной семинарии.

254 РГИА, ф.789, оп.1, д.397, л.59. Письмо от имени Баженова написано рукой Ф.В.Каржавина, с его же пометой в конце «писал я». Опубликовано с сокращениями А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.191—192).

[1]Роман Илларионович (Ларионович) Воронцов (1707—1783) — граф, генерал-аншеф. Адресат указан предположительно, по топографическим признакам. Дом Р.И.Воронцова находился на Знаменке, Баженов упоминал его в «Слове» при зак-

ладке дворца в числе прекраснейших московских зданий. Упоминаемый в письме «Бельмонтиев театр» был во флигеле этого дома. Деловые связи Баженова с семьей Воронцовых зафиксированы рядом документов. Однако А.Михайлов считал адресатом письма графа К.Г.Разумовского, чей дом на Воздвиженке был невдалеке от линии распространения пожара. [2]Усадьба А.С.Голицыной находилась на Никитской (ныне ул.Большая Никитская, 5).

255 По фотокопии в Музее архитектуры. Оригинал — на форзаце архитектурного увража в собрании Шервинского (см.: «Архитектура СССР», 1939, № 6, с.84). Автограф Баженова. Публикуется впервые.

[1]Смысл фразы неясен. В приходе Никольской церкви «что на Курьей ношке» Баженовы жили в 1740—1749 гг. Но по крайней мере отец архитектора был еще жив в 1771 г. (ЦИАМ, ф.203, оп.175, д.36, л.15. Обнаружено А.Михайловым). Возможно, речь идет о могилах деда и бабки Баженова. [2]Баженов пел в церкви мальчиком в Страстном монастыре (см. док. 55). [3]Баженов жил в Потешном дворце в Кремле в 1768—1773 гг.

256 РГИА, ф.758, оп.5, д.48, л.31. Оригинал. Цитируется И.Э.Грабарем в сб.: Неизвестные и предполагаемые постройки Баженова (М., 1951, с.72—73).

[1]Демидов Прокофий Акинфиевич (1710—1786) — владелец уральских заводов, крупный благотворитель, жертвовавший огромные суммы Воспитательному дому, Коммерческому училищу, Университету, известный московский самодур. Распоряжался строительством Московского Воспитательного дома, которое велось на его деньги. В архиве Дома находились не дошедшие до нас проекты Баженова, заказывавшиеся Демидовым. В 70-е гг. он был постоянным заказчиком Баженова, а затем — его врагом и безжалостным кредитором. [2]Бецкий И.И. См. примеч. 1 к док. 17. [3]Речь идет о проекте устройства каменной набережной Москвы-реки перед Воспитательным домом. Баженовский проект не сохранился.

257 РГИА, ф.758, оп.5, д.48, л.151. Оригинал. Публикуется впервые.

[1]Постройка здания не состоялась. Бецкий в ответном письме писал Демидову: «Стараешься о приискании дома для Коммерческого воспитательного училища, то это напрасно для того, что по силе того ж конфирмованного плана оному воспитанию необходимо быть должно внутри Воспитательного дома» (РГИА, ф.758, оп.5, д.48, л.187). [2]Возле нынешней Калужской площади, у начала Ленинского проспекта.

258 РГИА, ф.758, оп.5, д.48, л.169. Оригинал. Публикуется впервые.

259 РГИА, ф.758, оп.5, д.48, л.188. Оригинал. Публикуется впервые.

[1]Баженовский проект здания Коммерческого училища не сохранился. [2]Ответ Бецкого от 28 декабря: «Сила воспитания в том и состоит, дабы воспитанники не могли худого ни видеть, ни слышать <...> Вот же и о местах, назначиваемых от тебя, я еще повторяю, что никак нельзя и не надлежит в отдаленности оному училищу от дома состоять <...>, то потому и думать иначе не надо, а где оному быть, то к тебе пришлю план такой, по которому б, когда строить будешь, чтоб с новым квадратом совокупить» (РГИА, ф.758, оп.5, д.48, л.197). «Новый квадрат» — недостроенная часть здания Воспитательного дома.

260 РГАДА, Госархив, разр. XI, д.946, ч.I, л.137. Автограф, подписанный Баженовым. Опубликовано А.Н.Петровым в «Ежегоднике Института истории искусств'1957». М., 1958, с.70.

[1]Потемкин Г.А. См. примеч. 1 к док. 161. [2]Румянцов П.А. См. примеч. 1 к док. 114. Упомянутые документы и чертеж — не найдены. Баженову приписывается авторство церкви в селе Троицком-Кайнарджи под Москвой, принадлежавшем Румянцеву. [3]Дети Баженова — Константин, Владимир, Ольга, Всеволод. Еще трое родились после 1774 г.: Надежда, Воин и Вера.

261 РГАДА, Госархив, разр. XI, д.946, ч.I, л.138—139. Автограф Баженова, без подписи и даты. Опубликована А.Н.Петровым в «Ежегоднике Института истории искусств'1957». М., 1958, с.70.

[1]Деревня куплена была на имя жены Баженова в Пензенском уезде. Каменный дом куплен в октябре 1773 г. в Москве, в Средних Садовниках, в приходе Софийской церкви, т.е. на набережной Москвы-реки, против Кремля. Баженов переехал в него уже 30 сентября. Дом не сохранился, описание его см. в док. 264. [2]В 1768—1774 гг. Баженов ездил по служебным делам в Петербург семь раз. Оплачивались в таких случаях лишь «прогоны», стоимость проезда. [3]Деревня была захвачена пугачевцами (см. док. 262). [4]Речь идет о руководимой М.Ф.Казаковым части архитекторской команды Баженова, занятой спешным устройством Пречистенского дворца к приезду Екатерины II в Москву. [5]Де Вайи Шарль (см. примеч. 10 к док. 1). Эта просьба — единственное свидетельство того, что Баженов не потерял связи со своим парижским учителем и после возвращения в Россию. [6]Ответ на эти просьбы неизвестен. Во всяком случае, они не имели успеха, как и аналогичные впоследствии.

262 ОР РГБ, ф.222, д.VII, л.717. Отпуск, без подписи, с пометой: «Баженову». Цитируется А.Н.Петровым в «Ежегоднике Института истории искусств'1957». М., 1958, с.78. [1]Панин П.И. См. примеч. 1 к док. 114. В 1774 г. он руководил подавлением пугачевского восстания. Подмосковная усадьба Панина — Михалково приписывается Баженову. [2]Письма Баженова к П.И.Панину не найдены. [3]Имеется в виду деревня жены Баженова — Покровское, Березовка тож в Пензенском уезде, попавшая в зону крестьянской войны. В примечаниях к 8-й главе пушкинской «Истории Пугачева» в списке убитых в Пензенском уезде значится «архитектора Баженова земский» (см.: *Пушкин А.С.* ПСС. М.—Л., 1949, т.VIII, с.329). [4]Лицо неизвестное.

263 РГАДА, Госархив, разр.XVII, д.306, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Излагается А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.241).

[1]Т.е. с 1750 г., когда Баженову было 12 лет. Эта дата расходится с его же утверждением, что он начал учиться у живописца «будучи в пятнатцати летах» (см. док. 55). Учитывая, что уже осенью 1754 г. 16-летний «Василий Иванов» был «живописцем 2-го класса» при восстановлении Головинского дворца, ранняя дата кажется более вероятной. [2]См. док. 117 и примеч. 2 к нему. Кого именно из представлявшихся тогда к чинам своих сотрудников имеет в виду Баженов — не ясно.

264 «Московские ведомости», 1776. Прибавление к № 9 (повторно — Прибавления к № 10 и 11, 2 и 5 февраля). То же — «Спб. ведомости», № 15. Перепечатано П.Столпянским в журнале «Старые годы», 1914, № 4, с.61—62.

[1]22, 25 и 29 марта публиковалось новое объявление о продаже дома с измененным текстом (Прибавления к № 24, 25 и 26 к «Московским ведомостям»). В нем не упомянута деревня, вероятно, она была уже продана. Дом был продан за 7 000 руб. 1 сентября 1777 г. (Москва. Актовые книги. Т.XII. М., 1893, с. 123).

265 РГАДА, Госархив, разр. XI, д.1061, л.15. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.

[1]Завадовский, статс-секретарь императрицы, находился в Москве в 1775 г. вместе с

царским двором. [2]См. док. 266. [3]См. док. 267. [4]К письму приложена вырезка из «Московских ведомостей»: объявление о продаже имения и дома Баженова (см. док. 264).

266 РГАДА, Госархив, разр.XI, д.1061, л.12. Оригинал, частично автограф Баженова, с его подписью. Воспроизведено А.И.Михайловым (*Михайлов.* Баженов, с.242—243). [1]Суровцев М.Н. См. примеч. 1 к док. 113. [2]Выделенное вписано рукой Баженова.

267 РГАДА, Госархив, разр.X, оп.1, д.602, л.86. Оригинал, подписанный Баженовым. Публикуется впервые.
[1]Помета: «Докладывано марта 2 д<ня> 1776. Отложить».

268 РГАДА, Госархив, разр.XI, оп.1, д.602, л.88. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитировано А.И.Михайловым в журнале «Архитектура СССР» (1962, №5, с.54).

269 «Московские ведомости». Прибавление к № 4 от 11 января 1780 г. (повторено в Прибавлениях к № 5 и 6).
[1]Аналогичное, но более краткое объявление было помещено там же, 16 марта 1779 г. (прибавление к № 22). Сад при Николо-Воробинском доме назван в нем «вновь разведенным, в коем разных сортов до 1000 дерев». [2]6 февраля 1778 г., вскоре после продажи своего первого дома в Средних Садовниках, Баженов купил у генерал-майора А.А.Волкова в приходе не существующей ныне церкви Николы что в Воробине (на нынешней ул.Воронцово Поле), участок земли за 1500 рублей (см.: Москва. Актовые книги, т.XII. М., 1893, с.150). План ее застройки, очевидно, по собственному проекту Баженова, опубликован Н.Л.Крашенинниковой (см.: «Архитектурное наследство», вып.1. М., 1951, с.106). В 1780 г. Баженов с женой, пятью детьми и с 12-ю «служителями» значится в исповедной ведомости Николо-Воробинской церкви (ЦИАМ, ф.203, оп.747, д.506, л.115). Двор с застройкой был продан тому же А.А.Волкову 31 июля 1780 г. за 2600 р. («Актовые книги»..., т.XII, с.308). [3]Ныне деревня в Ногинском районе Московской области, в 26 км от Ногинска. [4]Слово пропущено в печатном тексте. [5]Дом в Стоянове, построенный до покупки усадьбы Баженовыми, приписывался также Баженову без серьезных оснований (см.: *Чердынцев В.* Стояново. — Сб.ОИРУ, вып.7—8. М., 1929). [6]Объявления о продаже Стоянова дважды появлялись в «Московских ведомостях» и в 1781 г., в № 30, 31, 34 (14—28 апреля) и N37, 38, 39 (10—15 мая).

270 РГИА, ф.758, оп.5, д.444, л.9. Письмо цитировалось А.Н.Петровым («Ежегодник Института истории искусств'1957». М., 1958, с.66).
[1]Баженов и К.И.Бланк противопоставляются архитектору И.Ситникову, работавшему в Московском Воспитательном доме.

271 «Благонамеренный», 1825, ч.29, № 5, с.189.
[1]Предполагается, что речь идет о проекте здания Московского университета, который Демидов, как благотворитель, заказал Баженову (см.: *Петров А.Н.* Из материалов о В.И.Баженове. — «Ежегодник Института истории искусств'1957». М., 1958, с.66). Об этом проекте см. док. 170, 273, 276.

272 «Русский архив», 1873, кн.2, с.02276.
[1]Рибас Анастасия Ивановна де (1741—1802) — незаконная дочь И.И.Бецкого. Жила в его доме. [2]Петр I.

273 ГА Крыма (Симферополь), ф.535, оп.1, д.955. Копия. Цитируется А.Н.Петровым в «Ежегоднике Института истории искусств'1957» (М., 1958, с.67).

[1]Орлов-Чесменский А.Г. См. примеч. 1 к док. 53. [2]Долгоруков-Крымский В.М. (1722—1782) — князь, с апреля 1780 г. главнокомандующий в Москве. [3]Ссора Баженова с П.А.Демидовым произошла, видимо, в начале сентября 1780 г. 15-м сентября датировано письмо Баженова к Демидову с просьбой об отсрочке платежа (копию см. в: РГИА, ф.758, оп.5, д.44, л.70). На следующий день Долгоруков-Крымский писал Демидову, ходатайствуя за Баженова о том же (ГА Крыма, ф.535, оп.1, д.975, л.4, на письме — ответ Демидова: «Я увижусь с вашим сиятельством завтра после обеда»). [4]В Петербург. [5]Рекамбио (*ит.*) — возмещение расходов по взысканию долга. Демидов также со своей стороны жаловался на Баженова. 5 октября 1780 г. он писал И.И.Бецкому «о неблагодарности господина Баженова, который жадничает лишить меня взятых у меня денег» и просил передать свое прошение императрице. В приложенной записке указан долг Баженова, возросший с 1773 г. «без всяких процентов» до 20 500 р. «на вексели» и 3 000 «под заклад вещей». Уплачено 5 500 р. Указаны имения Баженова: «в Кашире» 65 душ на его имя и 74 на имя жены, в подмосковной — 25 душ (это село Глазово в Каширском уезде и Стояново под Москвой). Демидов обвиняет Баженова в махинациях при закладе имений и просит их «повелеть продать и удовольствовать ево из вырученных за то денег, а чего недостаточно, вычитать из Баженова жалованья» (РГИА, ф.758, оп.5, д.444, л.16 и 67). [6]По исповедным ведомостям у Баженова значится шестеро детей (еще одна дочь Вера родилась около 1784 г.). Возможно, был и еще ребенок, вскоре умерший и не успевший попасть в записи.

274 РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.381. Оригинал, с подписью Баженова. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.189, 244, 364).

[1]Записка сопровождалась письмом Баженова к А.А.Безбородко (РГАДА, Госархив, разр.XIV, д.51, ч.V, л.378). Он пишет о своем отчаянии: «Естли вы не поможите то не избегнуть мне безвремянной смерти, кою я воображал бы за ничто естьли б не имел семерых детей, совершенно разоренных сирот, кои мне теперь представляются уже более конца жизни моей; кои без всякого пропитания остаться должны. <...> Упредите отчаяние мое и пока в Санктпетербурге господин Демидов, что же будет когда он возвратится! Без ужаса не могу оное мыслить». [2]17 декабря В.М.Долгоруков сообщал императрице о получении ее «соизволения» произвести расчет между Демидовым и Баженовым «образом на обе стороны выгодным по добровольному их согласию». А 4 января 1781 г. доносил, что «тщился согласить обе стороны и убедить оные к добровольной разделке <...> По удостоверению господина Демидова оказалось, что он, благодетельствуя надворному советнику Баженову и оказывая ему денежною ссудою вспоможение в его бедности, не делал никаких с ним условий, ниже предназначал объявленный Баженовым <...> десятилетний срок платежу, ожидая оного по своему востребованию». Долгоруков «не мог <...> предуспеть в соглашении их, находя, впрочем, господина Демидова права пред помянутым своим должником, к которому он и ныне продолжил свое снисхождение отсрочкою на год требованной заплаты данных от него денег» (РГАДА, Госархив, разр.XVI, д.574, л.59 и 63). [3]Дома А.Г.Орлова и П.А.Демидова находились на Большой Калужской ул. [Ленинский проспект] неподалеку друг от друга. [4]По-видимому, речь идет о Стоянове. [5]Эти цифры могут дать представление о масштабах неслужебной деятельности архитектора, в большей своей части нам неизвестной. [6]В год. Эту сумму составляли 600-рублевое жалованье артиллерии капитана и 1600-рублевый оклад, данный архитектору при учреждении Кремлевской экспедиции.

275 ОПИ ГИМ, ф.213, д.155. Автограф Баженова с его подписью. Опубликован Н.Б.Панухиной (Российский архив, I. М., 1991, с.24—26). Печатается по воспроизведению оригинала в этой публикации.

[1]Судя по содержанию, «Изъяснение» относится к поправкам, внесенным Баженовым в неизвестный нам и не принадлежавший ему проект какого-то значительного по размерам здания. Безличный характер текста дает основание думать о государственном заказе. Однако соображения публикатора, относящего этот документ к зданию Кригс-Комиссариата в Москве, неубедительны: оно проектировалось и строилось раньше, в 1776—1780 гг. К тому же указанный в «Изъяснении» колоссальный масштаб ордера несоизмерим с существующим зданием. Ссылку же на «беспокойство от разлития реки» следует отнести не к местоположению проектируемого сооружения (как считает Н.Б.Панухина), но к собственному дому Баженова на низкой Софийской набережной.

276 ЦИАМ, ф.81, оп.2, д.30, л.5. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитировано А.И.Михайловым в журналах «Архитектура СССР» (1962, № 5, с.55), «Искусство» (1982, № 9, с.56).

[1]Дело открывается «Объявлением» П.Демидова от мая 1783 г. с просьбой взыскать по векселю с Баженова 3 000 рублей и процентов по векселю или «на подлежащию сумму описав продать из недвижимого ево имения» (см.: ЦИАМ, ф.81, оп.2, д.30, л.1). Здесь же копия векселя, данного Баженовым 27 сентября 1772 г. купцу С.Н.Курдюмову, с пометой 6 апреля 1773 г. о продаже векселя Демидову. [2]Чернышев З.Г. См. примеч. 1 к док. 66. [3]Все названные проекты, как и другие «поделки» Баженова для Демидова, не сохранились. В описи чертежей Воспитательного дома в 1780 г. упомянуты «старые фасады и прожекты Василья Ивановича Баженова» с пометой: «У Прокофья Акинфиевича» (см.: Сб. старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И.Щукина. Ч.III. М., 1897, с.292). О проекте Университета — см. док. 170, 273; о Коммерческом училище — док. 257—259. [4]В сентябре 1783 г. частный пристав 4-й части рапортовал, что «Оный Баженов словесно объявил, что об оном ево деле известен Сенат и денег взнести не хочет». Дело было передано в Нижний надворный суд, решивший деньги взыскать, а о плате за работу «Баженов должен бить челом на него господина Демидова и свои претензии отыскивать особо формальным судом, где и как по законам надлежит». В августе 1783 г. было наложено запрещение на заклад и продажу имения Баженова. Еще в октябре 1785 г. Демидов повторял свои домогательства о продаже имения Баженова за этот долг (ЦИАМ, ф.81, оп.2, д.30, л.7, 9, 10, 15). В феврале 1786 г. Баженов погасил свои долги Демидову, но тот потребовал выплаты процентов и рекамбио. Баженов 26 апреля вновь просил защиты у А.А.Безбородко и царицы (РГАДА, Госархив, разр.Х, оп.1, д.609, л.199—206).

277 РГАДА, Госархив, разр.Х, оп.1, д.609, л.156—158. Автограф Баженова с его подписью. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.195, 259).

[1]Этим прошением, кратко излагающим сущность и ход дела и позицию Баженова, мы представляем здесь его тяжбу с мачехой жены за наследство тестя. Сохранились также обширные судебные материалы. Тяжба была начата в конце апреля 1783 г. (Л.И.Долгов умер 19 апреля) от имени А.Л.Баженовой (ЦИАМ, ф.32, оп.3, д.18, л.2). Месяц спустя она подписала «верющее письмо» мужу — доверенность на ведение дела, так как «воспитание мое было не к тому чтоб знать приказные обряды, да я ж и не сродна к оному, а более мое теперишное содержание в лекарствах более пяти месяцов, мыслить о несносных хлопотах не позволяет, как для всех обстоятельств и о многих домашних суетах, а всего того более попечение шестерых детей наших, воспитание и обучение их, уже мне и то становится в тягость и несносность. Того ради прошу тебя как мужа и первого друга и попечителя <о> наших общих детях избавить их от угнетающего нашего долгу, которой нажили мы в покупку им и себе дома и деревней в надежде что родитель мой при жизни

обещанное все приданое когда либо отдаст нам, но мы в том обманулись похищением третьей его супруги, а моей мачихи Сусанны Филиповны» (ЦИАМ, ф.32, оп.3, д.18, л.68). В деле находятся челобитные Баженова. Московский городовой магистрат 6 ноября 1783 г. решил дело не в пользу Баженовых, апеллировавших в Московский губернский магистрат. [2]Скорбященская церковь на ул.Большой Ордынке в Москве. В 1780-х гг. к ней на средства А.И.Долгова пристраивались трапезная и колокольня. Их автором считается Баженов. [3]Московский губернский магистрат Баженову также отказал в апреле 1784 г. (см.: ЦИАМ, ф.45, оп.1, д.565. Челобитная, подписанная Баженовым и другими. Это дело любезно указано мне С.К.Романюком). 11 июня в постскриптуме письма к А.А.Безбородко (см. док. 193) Баженов жаловался на «беззаконное» решение и восьмимесячную волокиту «почему еще волокита пошла в Гражданскую палату и конца не видно». [4]В другом экземпляре этого текста, также написанном рукой Баженова, с незначительными разночтениями, в конце добавлено: «Щастлив был бы Баженов естьлиб повелено было разделить московскому губернатору, его превосходительству Николаю Петровичу Архарову» (РГАДА, Госархив, разр.X, оп.1, д.609, л.159—166). Архаров Н.П. (1742—1815). К прошению приложена также вычерченная Баженовым схема «Род титулярного советника Луки Ивановича Долгова» (там же, л.162). Воспроизведена А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.245).

278 РГАДА, Госархив, разр.X, оп.1, д.608, л.335. Автограф Баженова с его подписью. Цитируется А.И.Михайловым (*Михайлов*. Баженов, с.271).
[1]Помета: «О сем сообщено Измайлову декабря 9 1786». Оплаченный отпуск Баженову был продлен на год.

279 РО РНБ, Оленинская система, F.XVIII. 35, л.60—61. Отпуск. Опубликовано А.Н.Петровым в «Ежегоднике Института истории искусств'1957» (М., 1958, с.64).
[1]Веревкин Михаил Иванович (1732—1795) — драматург. [2]Датируется приблизительно февралем-мартом 1787 г. по дате предыдущего письма, выписанного в ту же книгу. [3]По другим письмам в том же деле устанавливается вероятная заказчица проекта Надежда Ивановна Костюрина и название ее усадьбы — Железково (по А.Н.Петрову — «близ города Боровичи»). В одном из писем к ней (там же) Веревкин пишет: «Льщуся в половине декабря увидеть вас в новом доме» (РО РНБ, Оленинская система, F.XVIII. 35, л.83).

280 ЦИАМ, ф.105, оп.7, д.1037, л.4. Оригинал. Публикуется впервые.
[1]Карин Семен Антонович (1733 — ок. 1799) — архитектор при Московской управе благочиния. [2]Это третий дом Баженовых, находившийся, как и первый, в Средних Садовниках, в приходе Софийской церкви, на набережной против Кремля. Купчая на него датирована октябрем 1781 г., но уже в объявлениях о продаже Николо-Воробинского дома в апреле-мае 1781 г. указывался этот адрес. Двор, купленный у И.А.Навроцкого за 1700 р., был тогда же расширен покупкой части соседнего двора у С.Г.Бабкина — за 1000 р., после чего были произведены пристройки к дому и другие переделки. Документы об этом и два плана двора с проектируемыми перестройками см.: РГАДА, ф.292, оп.1, д.59, л.433—438; д.60, ч.I, л.26—27. (Эти дела любезно указала мне Г.Б.Ашкинадзе.) Описание дома и служб — см. также в док. 284. [3]4-я часть.

281 РГАДА, Госархив, разр.X, оп.1, д.608, л.335. Автограф Баженова с его подписью. Публикуется впервые.
[1]Помета: «О сем к М.М.Измайлову писано декабря 8». Отпуск с жалованьем был продлен и на 1788 г., а впоследствии и на 1789-й.

282 «Русский библиофил», 1913, № 3, с.31—33. Публикация Б.Модзалевского. [1]Новиков Николай Иванович (1744—1818) — выдающийся русский просветитель, издатель и журналист, активный деятель масонства. В сентябре 1784 г. принял от Баженова просьбу о его принятии в масонский орден (см.: *Пыпин А.Н.* Русское масонство. Пгр., 1916, с.352). [2]Баженов Константин Васильевич (ок. 1771 — до 1833) — старший сын В.И.Баженова, генерал-майор. [3]Тихвинское (Авдотьино) — подмосковная усадьба Новикова в Бронницком уезде, где он прожил последние годы жизни после освобождения из крепости. [4]Семен Иванович — Гамалея (1743—1822) — масон, мистик, орденский наставник Баженова. [5]С.И.Гамалея, вдова масона профессора И.Е.Шварца Наталия Ильинична Шварц и доктор Багрянский Михаил Иванович (1761—1810/3). [6]См. док. 283.

283 «Русский библиофил», 1913, № 3, с.30—31. Публикация Б.Модзалевского. [1]Приложение к док. 282. Обе бумаги были посланы Новиковым А.Ф.Лабзину с просьбой снять с них копии и хлопотать об уплате долга (письмо Новикова Лабзину см.: «Русский библиофил», 1913, № 3, с.27—29). Опубликованы по оставшимся у Лабзина копиям. Ответ К.В.Баженова неизвестен. [2]Четверть — около 201 литра, четверик — около 26 с четвертью литра.

284 «Московские ведомости», № 21, 13 марта 1792 г. Повторение в № 22 (17 марта) и № 23 (20 марта).
[1]Дом продавался в связи с переездом Баженова в Петербург. Это же объявление, с небольшими разночтениями, повторено в «Московских ведомостях» №№ 33, 35 и 36 — 24 апреля, 1 и 5 мая 1792 г. В нем, в частности, указывались владельцы дома (А.Л.Баженова) и земли у Новодевичьего монастыря (В.И.Баженов). Еще одно краткое объявление о продаже дома появилось там же в № 97—99, 4-го, 8-го и 11 декабря 1792 г., когда Баженовы были уже в Петербурге. О цене предлагалось справляться у живущего в доме Федора Андреевича Левшина. Продан дом, по доверенности А.Л.Баженовой, был лишь в феврале 1793 г. за 12 500 р. (Купчая, доверенность и др. документы см.: ЦИАМ, ф.50, оп.1, д.352, л.133—136. Дело любезно указано мне С.К.Романюком.) [2]Двор у Новодевичьего монастыря, в приходе церкви Иоанна Предтечи (она же — ц.Семи вселенских соборов) был приобретен Баженовым в феврале 1773 г. (запись купчей см.: РГАДА, ф.282, д.522, л.47; запись любезно указана мне С.К.Романюком). Еще до оформления покупки — в июле 1772 г. планировалась деревянная застройка — план с разрешением опубликован Н.Крашенинниковой (см.: «Архитектурное наследство», вып.1. М., 1951, с.155). Но, судя по данному объявлению, застройка, видимо, не была осуществлена. [3]«Фортепьяно с органами» — модный в конце XVIII в. и дорогой музыкальный инструмент (он стоил вдвое и более дороже, чем лучшие фортепьяно), своеобразный гибрид клавишно-струнного и клавишно-духового инструмента.

285 Н.И.Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961, с.454—459. [1]Шешковский Степан Иванович (1720—1794), возглавлял Тайную экспедицию и вел следствие по делу Новикова. [2]Эти даты — 1775, 1776, 1774 — результат явной описки Новикова: речь идет о событиях 80-х гг., упоминаются вышедшие в 1784 г. книги. Нужно читать: 1785, 86, 84 годы. [3]О Карачинском см. примеч. 1 к док. 151. [4]«Особой» в материалах дела Новикова именуется наследник престола Павел Петрович. [5]Глазунов, по-видимому, Иван Петрович (1762—1831), один из представителей большой семьи петербургских и московских книгопродавцов. [6]Иоанна Арндта о истинном христианстве шесть книг... Перевод с немецкого. 5 частей. М., 1784. Перевод И.Тургенева. Популярная среди масонов мистическая книга. В начале 1785 г. велось расследование о разрешении напечатать ее и была сделана попытка изъять напечатанное. [7]Трубецкой Николай Никитич (1744—1821) — князь,

видный масон. [8]Шредер Генрих Яков (1757 — после 1796) — барон, немецкий масон, осуществлял связь московских масонов с берлинским орденом розенкрейцеров. [9]Трубецкой Ю.Н. (1736—1811) — князь, брат Н.Н.Трубецкого, масон. [10]Краткое извлечение лучших изречений и правил из четырех книг о подражании Иисусу Христу Фомы Кемпийского... М., 1787. [11]Записки Баженова о его встречах с Павлом не обнаружены. [12]Члены новиковского масонского кружка Кутузов Алексей Михайлович (1749—1797), Лопухин Иван Владимирович (1756—1816), Тургенев Иван Петрович (1752—1807). [13]Шварц Иван Егорович (в России с 1776 г., ум. 1784) — профессор Московского университета, масон. Карл, принц Гессен-Кассельский (1744—1836) — один из руководителей немецкого масонства. Его письмо к Шварцу было, видимо, связано с намерением вовлечь Павла Петровича в орден. [14]Енгалычев Константин Михайлович — князь, масон. [15]Репнин Николай Васильевич (1734—1801) — князь, впоследствии генерал-фельдмаршал, масон. [16]Избранная библиотека для християнского чтения, ч.1—4. М., 1784. Масонское издание, содержавшее ряд мистических сочинений. В 1792 г. конфискована и затем сожжена.

286 *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867, с.0118—0119, 0123. [1]А.М.Кутузов по масонским поручениям находился с 1787 г. в Берлине.

287 *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867, с.0128—0129, 0138—0139.

[1]Вопросы совпадают с заданными Н.Н.Трубецкому (см. док. 285). [2]Иоанна Масона. Познание самого себя... ч.1—3. Перевод И.Тургенева. М., 1783, 2-е изд. М., 1786. [3]à peu près — приблизительно (*франц.*). [4]Братья розового креста (розенкрейцеры) — представители одного из мистических течений в масонстве, к которому в 1780-х гг. примкнули московские масоны новиковского круга. [5]Имеется в виду орден розенкрейцеров.

288 *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867, с.0142—0143, 0146. [1]Вопросы см. в док. 286.

289 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.55235, л.27—28. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано с сокращениями А.И.Михайловым в журнале «Архитектура СССР» (1962, № 5, с.55).

[1]Это прошение Баженова не найдено. [2]Вероятно, обещать такое ходатайство мог Баженову наследник, который, имея звание генерал-адмирала русского флота, предоставил, видимо, ему и должность архитектора в Адмиралтействе. Но в разгар следствия по делу Новикова такие просьбы шансов на успех не имели. [3]О продаже дома и имущества см. док. 284 и примеч. к нему. [4]Т.е. в Петербург.

290 РГИА, ф.781, оп.1, д.385, л.93. Автограф Баженова, с его подписью. Без даты. Публикуется впервые.

[1]Чекалевский Петр Петрович (1751—1817) — конференц-секретарь Академии художеств. [2]Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744—1817) — президент Академии художеств.

291 РГИА, ф.468, оп.43, д.394. Оригинал, подписанный членами Коллегии, адмиралом А.Сенявиным и другими. Публикуется впервые.

[1]Имеются в виду архитектурные проекты. [2]Ошибка или описка в дате; следует читать: в 1766 г. [3]Помета: «Отказано. Июня 28, 1796».

292 Изъяснение мыслей, по которым освещена фасада... Спб., 1796. Брошюра сохранилась в экземплярах с разночтениями в заглавии (см.: Сводный каталог русской кни-

ги XVIII в. Т.1. М., 1962, с.70, № 360, 361). Текст параллельный на русском и французском языках. Воспроизводится русский текст экземпляра РГБ. Автор и переводчик устанавливаются по экземпляру РНБ; в конце русского текста: «Прожектировал В.Б., в конце французского: «Projeté par Vas.B. Traduit par Ph.K.» (т.е. Ф.Каржавин). [1]Миллионная ул. [2]Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, второй сын Павла I. Его жена — Анна Федоровна, урожденная принцесса Юлиана Генриетта Ульрика Саксен-Кобургская (1781—1860). С 1801 г. — за границей, в 1820 г. — разведена.

293 РГИА, ф.758, оп.7, д.23, л.1. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликовано Г.Гриммом («Архитектура Ленинграда», 1937, № 2, с.32).
[1]Фельтен Ю.М. См. примеч. 3 к док. 166. [2]Помета: «Определить». Однако по поводу этого определения возникла переписка с Опекунским советом Московского Воспитательного дома, исход которой из дела не ясен.

294 РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.151, л.220. Оригинал, подписанный Баженовым. Опубликован А.Н.Репниковым («Архитектурное наследство». Вып.9. М., 1959, с.68). [1]Имеющиеся в том же деле планы участка (см.: РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.151, л.232) и окружающей местности (см.: там же, л.223, опубликован А.Н.Репниковым — (см.: «Архитектурное наследство». Вып.9. М., 1959, с.66) позволяют точно указать его местоположение — на пересечении Крюкова канала и ул.Римского-Корсакова (в то время — Екатерингофской), непосредственно против Никольского Военно-Морского собора. [2]В записке, приложенной к прошению (она подписана архитектором и датирована 2 мая 1796 г.), говорится, что «сие место прошено в 1786 году Никольского собора протопопом и другими церковниками для собственного их строения». Строение это не состоялось «по малоимению церковных денег». Губернское правление, пишет Баженов, просило позволения «состроить на углу церковной ограды народное училище, но коллегия, дабы не испортить симметрии церковной, отказала, а дала знать, что можно построить училище на заднем углу той ограды, что на Екатеринин канал, где место довольно просторно и естли на одном углу построится училище, а на другом когда понадобится дом такового же виду для житья церковникам, то сим церковь не только не потеряет красивого виду, да еще и важнее казаться будет. Следовательно в означенном Полковом дворе место церковников надобности нет нисколько». Просьба Баженова была утверждена наследником в середине мая и 13 июня последовало решение Адмиралтейской коллегии об отдаче просимого места Баженову. 30 июля он дал подписку петербургской Управе благочиния по установленной форме в том, что на отведенном месте выстроит «каменное регулярное строение в три этажа в пять лет», заготовив за первый год материалы и на второй начав строение (оригинал на гербовой бумаге см.: СпбИИ, ф.116, карт. 5, № 85).

295 РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д151, л.230. Оригинал, подписанный Баженовым. Цитируется А.Н.Репниковым («Архитектурное наследство», вып.9. М., 1959, с.65). [1]Теперь — Крюков канал. [2]План участка с экспликацией, написанной рукой Баженова (см.: РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.151, л.232). [3]Последовала канцелярская переписка об освобождении ветхих деревянных строений от живущих в них церковнослужителей, оценке и сносе. В октябре 1796 г. наследник распорядился отдать эти строения Баженову в награду за изобретение им печей для сухарного завода (см. док. 214) «и нимало не мешкав позволить ему приступить к строению» (РГА ВМФ, ф.135, оп.1, д.151, л.247). Эскизы к проекту собственного дома Баженова хранятся в Музее Академии художеств (№ А.928 и А.929), где они были обнаружены и атрибуированы С.В.Рохлиной, опубликованы И.Э.Грабарем в кн.:

Неизвестные и предполагаемые постройки В.И.Баженова (М., 1951, с.130, 131, 134). На плане второго этажа рукой Баженова размечено назначение помещений во втором и первом этажах: «Прихожая. Для зелени внизу к кухне»; «Приемная. Гостиная. Внизу людские»; «Мой кабинет и спальня. Погреб»; «Чесать волосы», «Кабинет», «Как разсудится»; «Гардероб»; «Жене спальня. Внизу ванной»; «Гардероб»; «Кабинет, общие уборные»; «Надежде, внизу кладовые, Верушке»; «Ольге. Внизу баня»; «девкам, внизу кладовая»; «Столовая. Внизу кухня» (Надежда, Вера, Ольга — дочери Баженова). По-видимому, строительство дома было начато, но при жизни архитектора не закончено. Сохранился написанный рукой В.Ф.Каржавина в начале XIX в. текст газетного объявления: «Наследники покойного <...> Василия Ивановича Баженова извещают публику о месте ему принадлежавшем, которое после его кончины разделено законным порядком на две части; имянно на одном конце построен вчерне дом, состоящий в 2-й Адмиралтейской части, в 4-м квартале под № 229-м, под коим земли от угла к каналу по Екатерингофскому проспекту 10 сажен, во двор 13 сажен, а по каналу мерою 30 сажен и сей дом принадлежит генерал-маиору К.Баженову. На другом же конце выстроен также дом под крышкою, состоящий во 2-й Адмиралтейской части во 2-м квартале под особливым № 245-м, под коим земли по Екатерингофскому проспекту от вышеобъявленного дома до угла Никольской улицы мерою 31 сажень и 2 аршина, щитая дом и двор, которые от первого дома двора отделены забором на основании законном; и сей другой дом под № 245-м принадлежит другому хозяину <...>» (ОР РНБ, ф.107, № 170, л.10. Публикуется впервые). Впоследствии здание было полностью перестроено.

296 РГА ВМФ, ф.198, оп.1, д.3, л.111. Автограф Баженова с его подписью. Цитировалось (не точно) Л.Абрамовым («Архитектурное наследство», вып.1. М., 1951, с.78 и 85).
[1]О Г.Г.Кушелеве см. примеч. 1 к док. 214. [2]Указом Павла I Баженову 4 декабря 1795 г. пожалованы 1000 душ. Они были назначены в Арзамасской округе, в селе Кардовиль с деревнями Понетаевкой и Кориной «из дворцовых крестьян новокрещеныя мордвы» (РГИА, ф.1346, оп.43, д.103; РГИА, ф.1286, оп.1, 1808 г., д.231). [3]Баженов Владимир Васильевич (ок. 1773—1820), средний сын В.И.Баженова, генерал-майор. Помогал отцу в проектных работах (его подписи есть на чертежах Сухарного завода в Кронштадте). В альбоме Ф.В.Каржавина (РГБ) сохранились его рисунки. [4]О К.В.Баженове — см. примеч. 2 к док. 282.

297 ГНИМА, Арх.3065. Копия начала XIX в. Краткие отрывки опубликованы Д.Е.Аркиным («Академия архитектуры», 1937, № 2, с.80) по той же копии, хранившейся тогда у потомка архитектора, музыковеда С.А.Багадурова. Аркин готовил к печати и полный текст завещания. Машинописный экземпляр текста с его примечаниями в РГАЛИ (ф.20606, оп.2, д.41).

[1]Баженов перечисляет наиболее почитаемые масонами религиозно-мистические сочинения, в большинстве те же, что он передавал когда-то Павлу (см. примеч. 6 и 10 к док. 285 и примеч. 2 к док. 287). [2]«Книга Премудрости Соломона» — апокрифическая ветхозаветная книга. [3]См. примеч. 2 к док. 296. [4]См. док. 294 и 295 и примеч. к ним. [5]Вероятно, имеется в виду какая-то семейная легенда о благородном происхождении Баженовых. [6]Текст, видимо, испорчен при переписке. Можно предположить чтение: «старинного благородства», «очернить имя мое». [7]См. примеч. 5 к док. 273. Тело Баженова было, по его завещанию, перевезено по зимнему пути в Глазово и там похоронено.

ХРОНИКА ЖИЗНИ В.И.БАЖЕНОВА

1738 1 марта	Родился в Москве. (Другие даты рождения, приводимые в литературе, — 1737, 1732 — представляются менее обоснованными. Не достоверны и сведения о том, что Баженов родился в селе Дольском, Малоярославецкого уезда). Отец — Иван Федорович (1711 — после 1773) служит в «верхних» дворцовых церквах в Кремле — пономарем в Воскресенском соборе, потом псаломщиком в церкви Иоанна Предтечи. Мать — Марфа Никитична (около 1715 — после 1768). Василий — третий ребенок в семье (старшие — Федор и Елизавета), после него родились братья Иван и Дмитрий, сестра Мария.
1740—1749	Баженовы живут в приходе церкви Николы на Курьей ножке, находившейся на Большой Молчановке. Сперва в доме деда по матери — Никиты Афанасьевича (фамилия его не известна), священника Воскресенского собора «что вверху» в Кремле, с 1742 г. — своим домом. По рассказу В.И.Баженова, в его детских играх уже проявляются художественные наклонности: он рисовал, выдалбливал из камня «личинки» (маски), «по зимам из снегу делывал палаты и статуи».
около **1749**	Продав дом, семья переезжает в приход церкви Дионисия Ареопагита на Никитской, по-видимому, на «Романов двор», находившийся в нынешнем углу улицы Большой Никитской и Романова пер. — место жительства многих кремлевских церковнослужителей. Около этого времени Василия отдают в Страстной монастырь (на нынешней пл.Пушкина) — исполнять «пение и чтение церковное». В монастыре мальчик пытается рисовать на стенах под переходами, перенося на них «своей композицией» святых из церковной росписи. Его неоднократно наказывают за это.
около **1753**	Поступает к учителю-живописцу (по его словам, — малоквалифицированному), взявшемуся обучать мальчика бесплатно.
1753 ноябрь-декабрь	Под руководством живописного мастера, надзирателя Оружейной палаты И.Адольского, работает «живописцем второго класса» при восстановлении сгоревшего Головинского дворца. Расписывает холст для обоев, умеет «по печам мрамор метать». Получает 60 коп. в день. По окончании строительства остается «вольным» живописцем (т.е. вне штата) при команде архитектора Д.В.Ухтомского.
1755 25 февраля — 7 апреля	Вместе с А. и Г.Полозовыми исполняет зарисовки Шумаевского креста — громадной резной композиции Голгофы — и наблюдает за ее переноской из дома Г.Шумаева в собор Сретенского монастыря.
26 апреля — до конца года	Ученик разночинной гимназии при Московском университете.

1756 до 8 января	Приехал в Петербург по вызову И.И.Шувалова с первой партией учеников, назначенных обучаться «художествам», и поселен в его доме.
8 января	Направлен Шуваловым для обучения в Академию наук.
1756—1757	Обучается архитектуре у С.И.Чевакинского и французскому языку в академической гимназии у преподавателя де Лави. Проходит у Чевакинского за два года первоначальное обучение архитектурным ордерам (по Виньоле), построению планов, а также математике. В строительный сезон работает на строительстве Никольского Военно-Морского собора — при куполах и колокольне — под руководством С.И.Чевакинского и заархитектора М.И.Башмакова.
1758—1760	Воспитанник Академии художеств.
1758 май	Занимает по экзамену первое место в списке воспитанников Академии. Он среди них старший по возрасту.
1760 12 января	А.Ф.Кокоринов представляет студента Баженова к производству в «архитектурные второго класса кондукторы». В марте—апреле Баженов утвержден «архитектурии помощником в ранге прапорщика».
9 сентября	Отправлен в Париж вместе с А.П.Лосенко. Из-за событий Семилетней войны по крайней мере первая половина пути идет морем.
1761, май — **1762**, 15 октября	Занимается в мастерской архитектора Шарля Де Вайи. Дает наставления в архитектуре русскому скульптору М.П.Павлову, посланному в Париж Академией наук, при отъезде пишет ему аттестат (до августа 1761 г.).
1762	В начале года выполняет проект Дома инвалидов (видимо, учебная программа).
12 июля	Представил свои работы в Парижскую Академию архитектуры. Получил аттестаты от виднейших французских архитекторов — Суффло, Габриеля и других. Чертежи Дома инвалидов отослал в Петербург.
до 27 августа	По экзамену (заочному, на основании присланных чертежей) произведен Академией художеств в адъюнкты (помощники профессора).
октябрь	Получает от Шувалова уведомление о производстве и распоряжение ехать в Рим. Получает, по ходатайству русского посла Д.А.Голицына, рекомендацию директора королевских строений маркиза де Мариньи к директору Французской академии в Риме Ш.-Ж.Натуару.
ноябрь	Отъезд из Парижа.
24 декабря	Приезд в Рим.
1763	Бедствует в Риме, получает заем от посла в Париже Д.А.Голицына.
1764	Офорт «Вакханка».
апрель	Распоряжение Академии употребить полгода «для осматривания в Италии городов» и вернуться в Петербург к началу 1765 г.
4 июня	Получает звание профессора римской Академии св. Луки. Поездка по Центральной и Северной Италии.
июль—август	Возвращение в Париж.

1765 21 марта	Академия художеств просит посла в Париже, «исправя нужды его необходимые», отправить Баженова в Петербург «на первых кораблях».
начало мая	Отъезд на родину морем вместе с Ф.В.Каржавиным.
20 июня	Получает звание академика, которое должен подтвердить проектом по заданной программе.
3 августа	Программа «Увеселительного дома» в Екатерингофе на звание академика, подписанная А.Кокориновым и Ж.Валлен Деламотом.
сентябрь	Выставка работ Баженова в Академии художеств. Получает заказ на проект Каменноостровского дворца для наследника.
1766 3 января	Представил в Академию художеств проект Екатерингофского дома с пояснительной запиской.
март	Работа для Г.Г.Орлова. Заказ на садовый павильон для усадьбы Тихвино-Никольское на Волге помещика Н.И.Тишинина.
до ноября	Служба в Кадетском корпусе.
2 декабря	Принят Г.Г.Орловым на службу в артиллерийское ведомство с чином артиллериикапитана.
1767 февраль	Отъезд в Москву.
31 марта	Распоряжение императрицы о свободном пропуске Баженова в подвалы и нижние этажи Кремлевского дворца.
до конца года	Первые варианты проекта перестройки Кремля.
1768	Начинает формироваться «архитекторская команда» для Кремлевского строительства.
январь—февраль	Баженов в Петербурге, где составляет в нескольких вариантах записку о Кремлевском строительстве.
13 июля	Женится на Аграфене Лукиничне Долговой. Продолжает обследование кремлевских подземелий.
31 сентября	Начинается деятельность Экспедиции кремлевского строения, поместившейся в Потешном дворце. Там же — чертежная и квартира Баженова.
декабрь	Едет в Петербург с новыми чертежами проекта Кремлевского дворца.
1769 март	Возвращение в Москву. Начинается проектирование и строительство в Кремле «Модельного дома» для изготовления модели дворца.
начало октября	Начато изготовление модели дворца.
октябрь—ноябрь	Проект раки Михаила Черниговского.
ноябрь	Окончен проект фасада здания Коллегий в Кремле.
1770 январь	Начата разборка старых зданий в Кремле.

январь — начало февраля	Окончен комплект чертежей внутренней планировки дворца.
	Представлена программа росписей во дворце.
13 августа	Дом Л.Долгова (тестя Баженова) на Большой Мещанской (авторство документально не доказано).
1771	
3 апреля	Указ с приостановке работ в Кремле из-за эпидемии чумы.
19 мая	Представлен новый вариант проекта центральной части дворца с парадным залом.
май—июнь	Показ модели публике. Начинается подготовка к заладке дворца: изготовлен эскиз свинцового бюста архитектора, как вместилища для медалей.
15—16 сентября	Чумной бунт в Кремле.
ноябрь	Проект мавзолея (так наз. «Церковь-памятник»).
конец **1771** — весна **1772**	Строительство деревянных церквей и священнических домов на загородных кладбищах.
1772	
до 23 марта	Проект иконостаса Владимирской церкви в Китай-городе.
до 12 апреля	Проект набережной Москвы-реки у Воспитательного дома по заказу П.А.Демидова.
9 августа	Церемония «вынутия первой земли» в Кремле.
декабрь	Проект здания Коммерческого училища для П.А.Демидова.
1773	Дом аптекаря И.М.Вольфа (впоследствии — Прозоровского) на Большой Полянке (авторство документально не доказано).
январь	Баженов введен в состав Экспедиции кремлевского строения.
апрель	Делаются контрфорсы к откосу Кремлевского холма.
1 июня	Церемония закладки дворца. Баженов произносит «Слово», написанное совместно с А.П.Сумароковым.
30 сентября	Переезжает с семьей из Кремля в собственный дом, купленный в Средних Садовниках (против Кремля, на набережной).
декабрь	Модель дворца отправляется в Петербург.
1774	
весна	Проект церкви для П.А.Румянцова.
15 мая и 30 июня	Прошение о ссуде из казны для погашения долгов, посланное через Г.А.Потемкина.
1775 март	Баженов работает над проектом праздничных сооружений на Ходынском поле.

конец марта—апрель	Оседание контрфорсов у Кремлевского холма и обследование их московскими и петербургскими архитекторами.
24 мая	Указ Екатерины II о прекращении работ в Кремле и засыпке котлована.
начало июня	Баженов отказывается выполнять восстановительные работы в Кремле.
10 июля	Повторное прошение императрице о ссуде и повышении чина.
21 и 23 июля	Празднование мира на Ходынском поле.
1775, лето	Баженов получает распоряжение проектировать царскую усадьбу Царицыно. Представляет императрице проекты и получает приказание строить усадьбу.
1776	
29 января	Объявление о продаже дома и деревни Баженовых.
5 февраля	Жалоба П.В.Завадовскому и новое прошение о ссуде.
февраль	Баженов получает разрешение жить в строительный сезон в одном из временных дворцовых зданий в Царицыне и переезжает в усадьбу.
весна **1776** — май 1785	Строительство в Царицыне под непосредственным руководством Баженова.
1776, июль	Императрица отменяет изразцовую орнаментацию в Царицыне.
декабрь	Окончен «генеральный фасад» (панорама) Царицына.
1777	
1 сентября	Продан дом Баженова в Средних Садовниках.
1778 6 февраля	Куплен двор в приходе церкви Николы в Воробине. Баженов строит на нем деревянную усадьбу.
1780, лето	Проект здания Университета по заказу П.А.Демидова. Ссора с Демидовым, которому не понравился проект, и начало многолетней денежной тяжбы с ним.
31 июля	Продажа николо-воробинского дома.
осень	Дополнение к Царицынскому проекту: дворец для малолетних детей Павла.
1781	
11 октября	Покупка дома в Средних Садовниках.
1782—1785	Роспись Большого собора Донского монастыря А.Клаудо «по заданной идее» Баженова и под его надзором.
1782—1791	Трапезная и колокольня Скорбященской церкви на Большой Ордынке (авторство документально не доказано).
1783 апрель	Смерть Л.И.Долгова — тестя Баженова — и начало судебного дела о его наследстве.
1784	
13 января	Избрание Баженова членом Российской академии.

февраль	В Петербурге получает повеление Екатерины II проектировать и строить дворец в селе Булатникове, по соседству с Царицыном. Исполняет проект и смету.
13 марта	Получает чин коллежского советника.
10 мая	Начало работ в Булатникове.
17—30 мая	Проект Павловской больницы по заказу великого князя Павла (5 вариантов).
июнь	Конфликт с англичанином-садовником в Царицыне Ф.Ридом и жалоба на него.
до 12 сентября	Умер сын Воин пяти лет.
26 сентября	Н.И.Новиков принял у Баженова «петит» — прошение о приеме в масонский орден.
ноябрь	Проект дворца в царской усадьбе Коньково; проект птичника в Царицыне.
1784—1786	Дом П.Е.Пашкова на Моховой ул. (авторство документально не доказано).
1785 3 июня	Посещение Царицына Екатериной II, распоряжение о перестройке усадьбы. Проект перестройки Царицына.
1786 26 января	Годовой отпуск с сохранением жалованья. Впоследствии продлевался на 1787—1789 гг.
6 февраля	Распоряжение императрицы о разборке главных зданий в Царицыне и передаче строительства М.Ф.Казакову.
1787 начало года	М.И.Веревкин заказывает Баженову проект деревянного усадебного дома для своей свойственницы.
1790 2 января	Отпуск «для исправления домашних дел впредь до востребования к прежней должности», без жалованья.
до 18 февраля	Просьба о разрешении открыть художественную школу. Здесь же — просьба о содействии в создании художественного музея и такса на проектные работы.
1791	Иконостас в церкви Ивана Воина на Якиманке (авторство документально не доказано).
1792 апрель-май	Переезд в Петербург. Принят на должность архитектора в Адмиралтейскую коллегию.
1793—1799	Ведет строительные работы в Кронштадте, главным образом по ранее утвержденным образцовым проектам, внося в некоторые свои поправки: кухни, нужники и заборы при Служительских корпусах (1793—1797); Лесной сарай (1793—1796); Каменные магазины (1795—1796, 1797—1798).
1795	Проект «квартала для рабочего народа» при Новгородской парусной фабрике с пояснительной запиской.

1796 15 февраля	Оформление и иллюминация фасада Петербургского Воспитательного дома к свадьбе великого князя Константина Павловича с брошюрой-описанием.
март	Просит принять его в должности «заопекуна» Воспитательного дома на место ушедшего в отставку Ю.Фельтена.
июнь	Проект Галерной гавани: шесть вариантов и пояснительная записка.
1796 — начало **1798**	Проектирование и строительство Сухарного завода в Кронштадте с печами собственной конструкции.
1796—1799	Отвод участка, проект и начало строительства собственного дома на Крюковом канале, против Никольского собора.
1796 8 ноября	Через два дня после смерти Екатерины II произведен Павлом I в чин действительного статского советника и получил жалованье в 3300 рублей и 750 на дрова и свечи.
до 17 ноября (дата одобрения Павлом I)	Проект церкви при доме Безбородко в Москве к коронации Павла.
28 ноября	Указом Павла I ему поручено наблюдение за строительством Михайловского замка (вскоре переданное В.Бренне).
4 декабря	Пожалована тысяча душ в Арзамасском уезде, село Кардовиль с деревнями.
1797 январь	Едет в Москву.
1 мая	Отпуск в деревню (в начале июня — Баженов вновь в Петербурге).
30 ноября	Баженов пишет завещание.
1799 2 февраля	Назначен вице-президентом Академии художеств.
19 марта	Указ Павла I об издании «Российская архитектура» и сборе материалов для него «под особенным смотрением» Баженова.
апрель	Представляет императору «Примечания» об Академии художеств.
29 июля	Паралич.
2 августа	Смерть Баженова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИМАИВиВС	— Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург).
АРАН	— Архив Российской Академии наук (Санкт-Петербург).
АХ СССР	— Академия художеств СССР.
ГА Ярославской обл.	— Государственный архив Ярославской области.
ГА Крыма	— Государственный архив Крыма (Симферополь).
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.
ГНИМА	— Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В.Щусева (Москва).
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея.
ИАХ	— Императорская Академия художеств.
Лит. насл.	— сборник «Литературное наследство».
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.
ОР ИРЛИ	— Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского дома) — Санкт-Петербург.
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
ПСС	— Полное собрание сочинений.
РБС	— Русский биографический словарь.
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург).
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва).
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив (Москва).
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
Сб. ОИРУ	— Сборник Общества изучения русской усадьбы.
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества.
СПБ вед.	— газета «Санктпетербургские ведомости».
СПб. ИИ	— Санктпетербургское отделение Института истории РАН.
ЦИАМ	— Центральный исторический архив г.Москвы.
ЭКС	— Экспедиция кремлевского строения.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

39—40. Декорация для церемонии закладки Большого Кремлевского дворца по проекту В.И.Баженова. 1773. ГНИМА.
39. Общий вид. Рисунок М.Ф.Казакова.
40. Аллегорическое панно. Рисунок И.Т.Некрасова.
41. Проект мавзолея (так называемого «храма-памятника»). Фасад и план. 1771. ГНИМА.
42. Проект сени над мощами митрополита Ионы в Успенском соборе Московского Кремля. 1773. ГНИМА.
43. Проект раки для мощей Михаила Черниговского в Архангельском соборе Московского Кремля. 1769—1770. Санкт-Петербург, Музей Академии художеств.
44. Дом аптекаря И.М.Вольфа (позднее князя И.И.Прозоровского) на Большой Полянке. 1773. Фасад. Чертеж А.Бакарева, конца XVIII в., в Первом альбоме М.Ф.Казакова. ГНИМА.
45—48. Увеселительные строения на Ходынском поле для празднования мира с Турцией по проектам В.И.Баженова и М.Ф.Казакова. 1775.
45. Анонимная гравюра. ГМИИ.
46—48. Рисунки М.Ф.Казакова. ГНИМА.
49—56. Усадьба Царицыно. 1775—1785.
49. Фигурные ворота. Фрагмент «Генерального фасада» (панорамы) с подписью В.И.Баженова и датой. Декабрь 1776. ГНИМА.
50. Эскизный план неосуществленного павильона. Гос. Эрмитаж.
51, 53—56. Фрагменты белокаменного декора Полуциркульного дворца и Оперного дома, столбик ворот у Полуциркульного дворца (не сохранился). Фото Ю.Я.Герчука, 1950-е гг.
52. План так называемого Оперного дома. Обмерный чертеж.
57—62. Проект Павловской больницы. Май — июнь 1784 г. РГВИА.
57. Генеральный план. Май 1784 г.
58. Первоначальный вариант. Фасад.
59. Первый вариант. План.
60. Первый вариант. Фасад. 17 июня 1784 г.
61. Третий вариант (утвержденный). Фасад. 30 мая 1784 г.
62. Третий (утвержденный) вариант. Фасад и план.
63—65. Дом П.Е.Пашкова. 1784 — 1786. Фрагменты декорации фасада.
66. Проект церкви Семеновского полка в Петербурге. 1797. Санкт-Петербург, Музей Академии художеств.

На авантитуле В.И.Баженов — фрагмент семейного портрета. 1770-е гг. (см. ил. № 1).

1. Портрет В.И.Баженова с семьей. Художник И.Т.Некрасов (?). 1770-е годы

2. Эскиз семейного портрета. Рисунок В.И.Баженова из альбома Ф.В.Каржавина. Между 1768–1774 годами

Копия

Благородному г[осподи]ну адъюнкту Баженову.

Императорская Академия художествъ
по известиямъ вашимъ и чрезъ письма свои его превосходи
тельства генерала порутчика действительнаго
камергера и кавалера надзирателя Ея
Императорскаго Величества на Академiи
художествъ главнаго директора Императорь
скаго Воспитательнаго дому главнаго попечителя
Ивана Ивановича Бецкова награждая васъ и по у
ченному имъ вами жалованью подвигъ при [illegible]
на годъ; которое и имеете получать съ 1. апреля
сего 1764. го априля при возвращенiи вашемъ
и будущему генваря 765. года въ Россiю. дозволяетъ
вамъ также пробыть по 1 число июля сего 764.
года; а съ того числа до 1. числа будущаго
генваря ту последнюю половину проездомъ
въ Россiю къ назначенному числу года, при въезде
вашемъ (въ Россiю:) при оставленiи вамъ вашe
расположенiе; или пробыть въ ученiи у того
учителя у котораго вы нынѣ находитесь,
или для осмотренiя въ Италiи городовъ
и достопамятныхъ для вашего свѣденiя

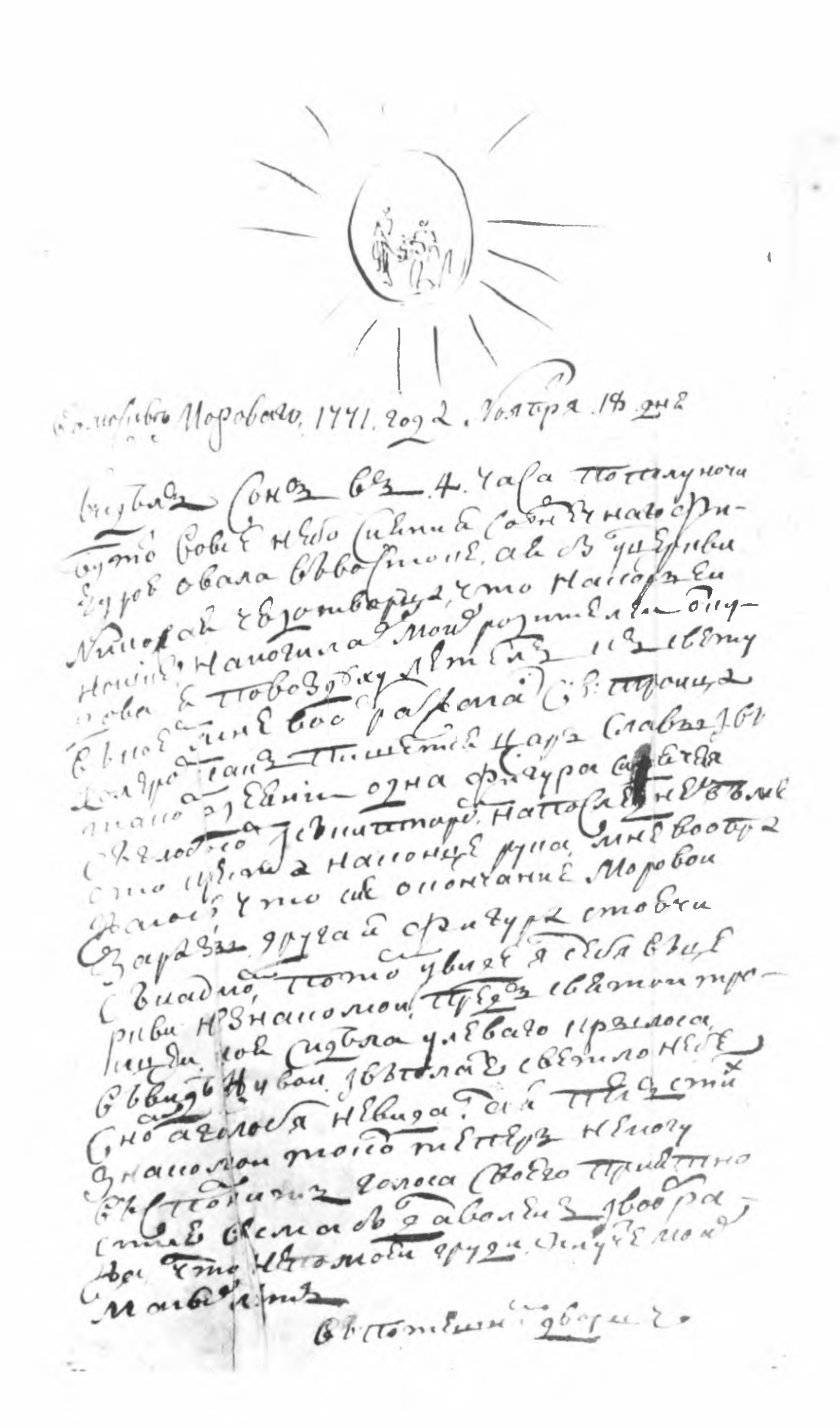
Ho ricevuto dal Sig:re March:e Girolamo Belloni Scudi Cinquanta m:ta pagatimi
d'Ordine del Sig:re A. de Kacorinoff Direttore dell'Accademia dell'Arte
di Pietro Burgo dato con sua delli 4 luglio pross:mo pass:to, che dissa d'Ordine
di detta Accademia, e sono in conto di Roubles 400 Annui; In fede della
p:nte con altra simile per uno ambedue per un sol pagamento Roma questo di
14 Agosto 1763

Vasily Bayenov

3. Письмо директора Академии художеств А.Ф.Кокоринова В.И.Баженову в Рим, 6 апреля 1764 года. Копия

4. Расписка В.И.Баженова в получении денег от Академии художеств. Рим, 4 августа 1763 года

5. Запись В.И.Баженова о сне, приснившемся ему в Москве 18 октября 1771 года

6. Письмо В.И.Баженова из Парижа в Академию художеств. Январь – февраль 1765 года

7. Отчет В.И.Баженова о расходах в Италии. Октябрь – ноябрь 1764 года

8. Античная сцена. Рисунок

9. Архитектурная фантазия

THEODOR
KARJAVINE

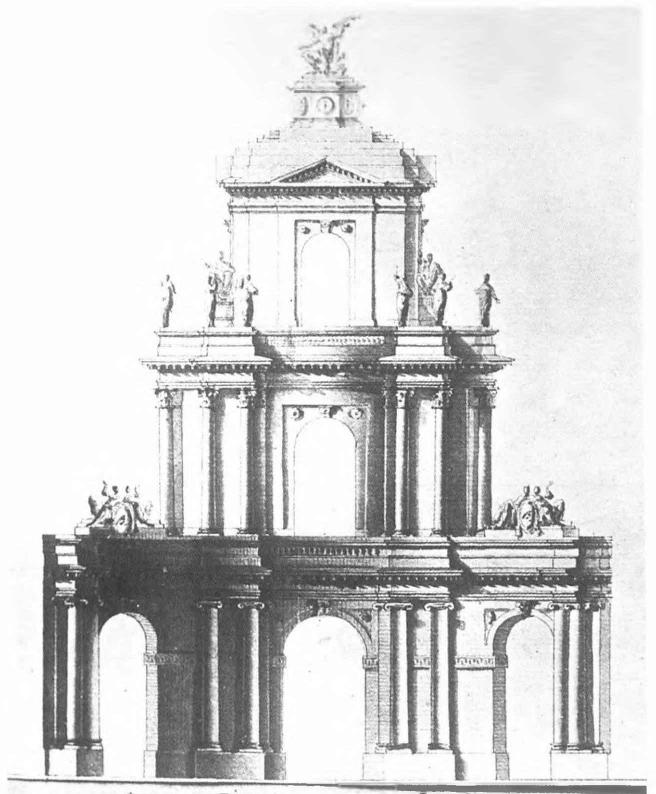

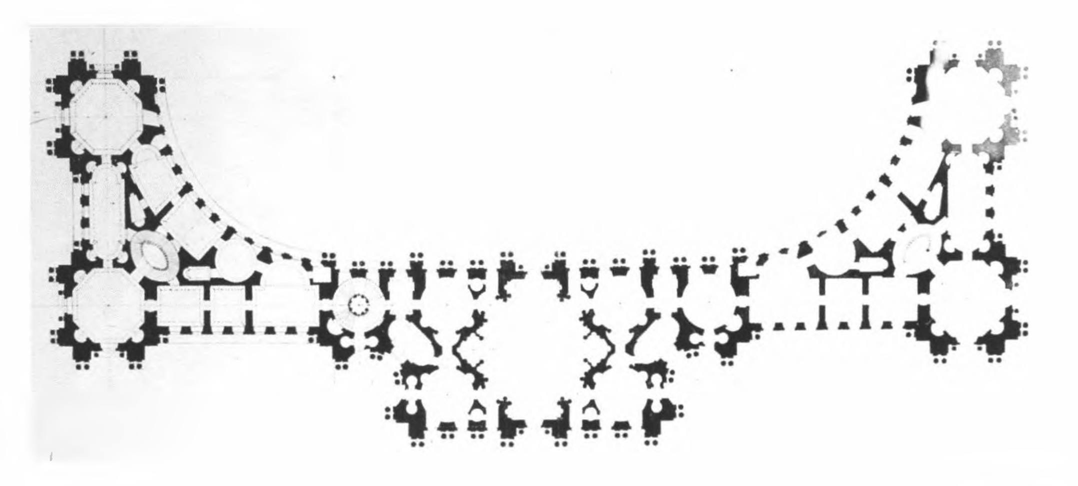
10. Пляшущая вакханка. Офорт. Рим. 3 апреля 1764 года

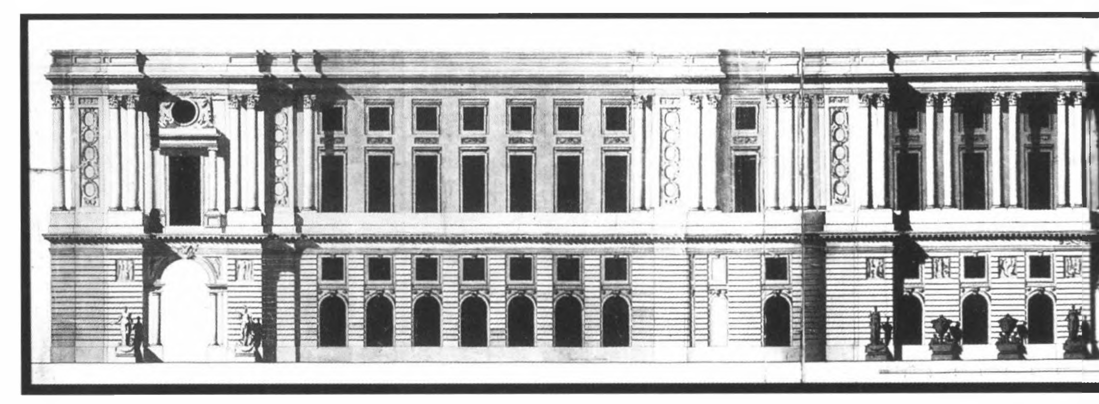
11. Античная сцена. Рисунок

12. Проект триумфальных ворот

13. Вакханалия. Рисунок

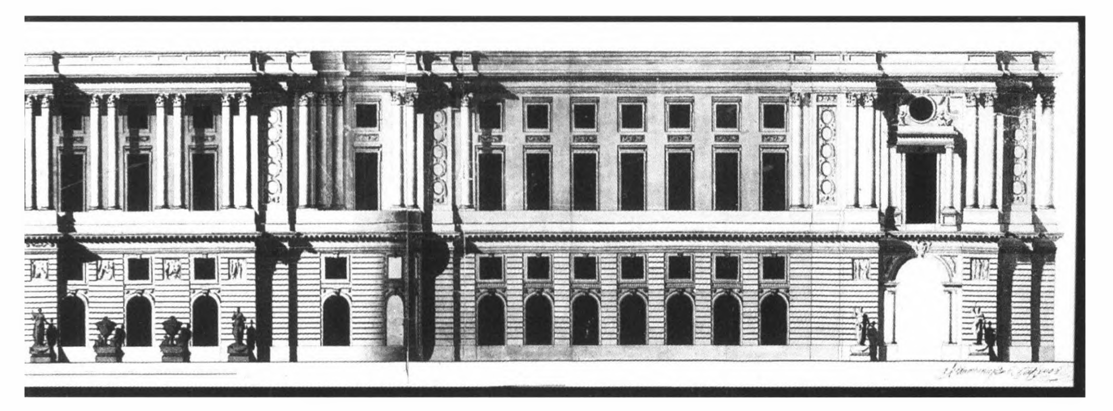
14—15. Проект неизвестного дворца (так называемый «Смольный институт»)

14. План главного этажа

15. Фасад

16. Готический интерьер. (Эскиз театральной декорации?)

17. Проект парадного вестибюля неизвестной постройки. (Инвалидный дом?). 1760-е годы. Разрез

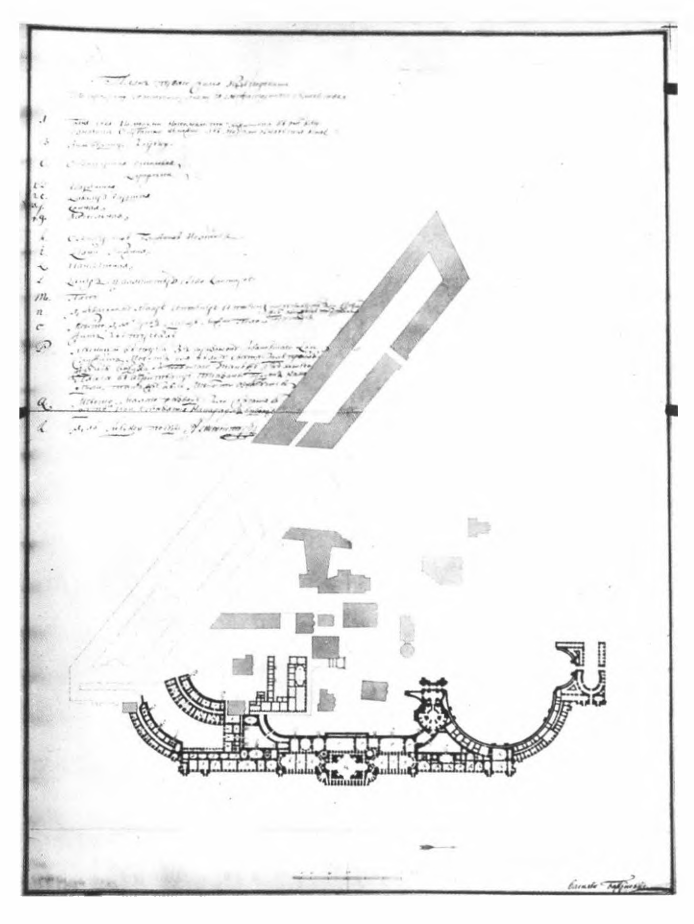

18–24. Проект Большого Кремлевского дворца

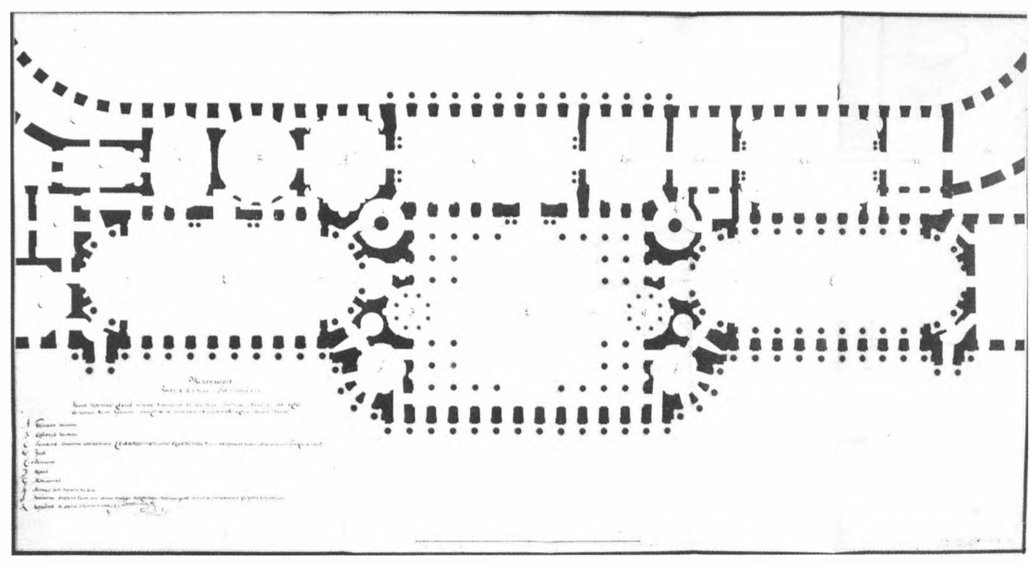
18. Генеральный план Кремля: «Первая идея архитектора». План с первоначальным очертанием дворца

19. План Кремлевского дворца. Первый этаж «над погребами». 29 января 1770 года

20. План Большого Кремлевского дворца. 2-й этаж. Вариант 1770 года

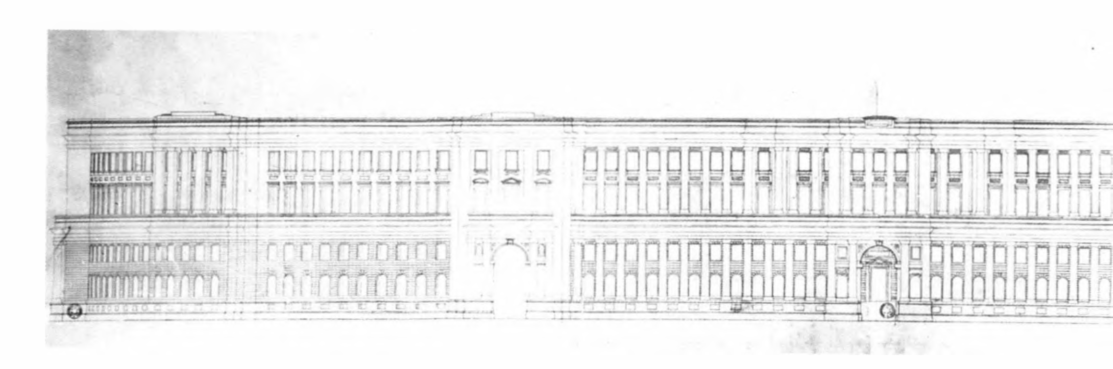
21. План зала с галереями. 1770 г.

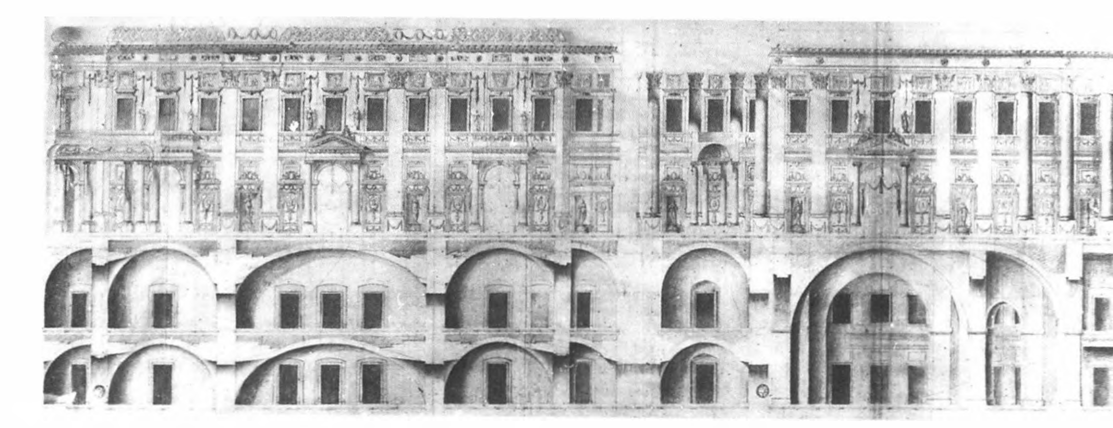

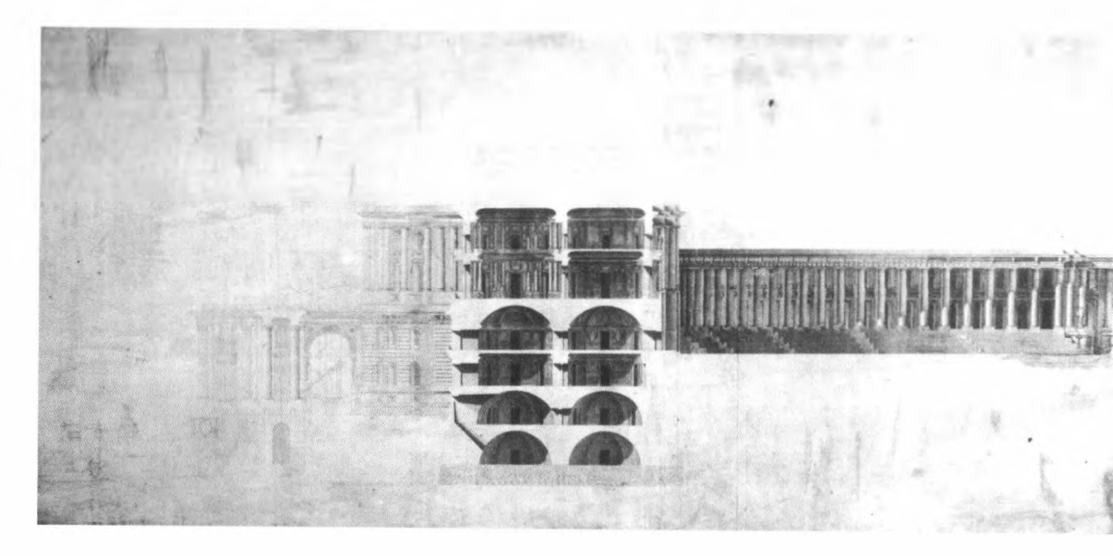
22. Кремлевский дворец. Фасад. Вариант

23. Кремлевский дворец. Разрез. Вариант

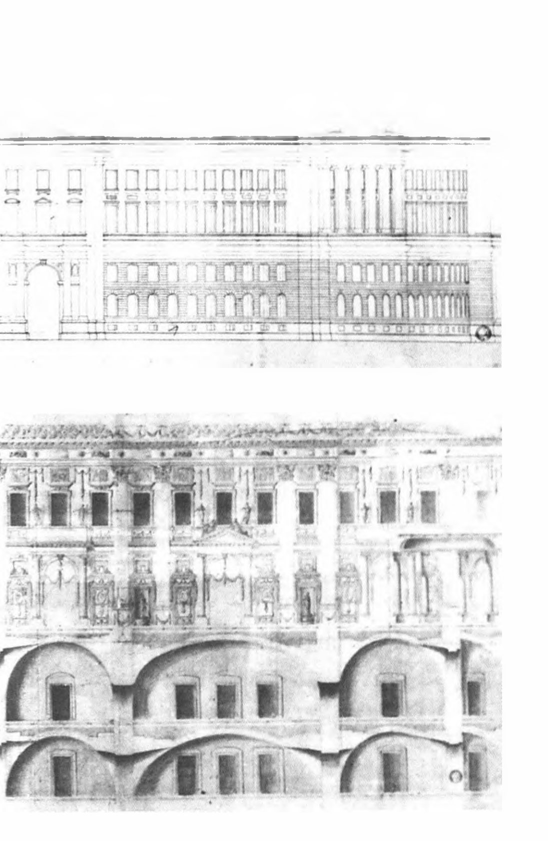
24. Кремлевский дворец. Разрез по овальной площади

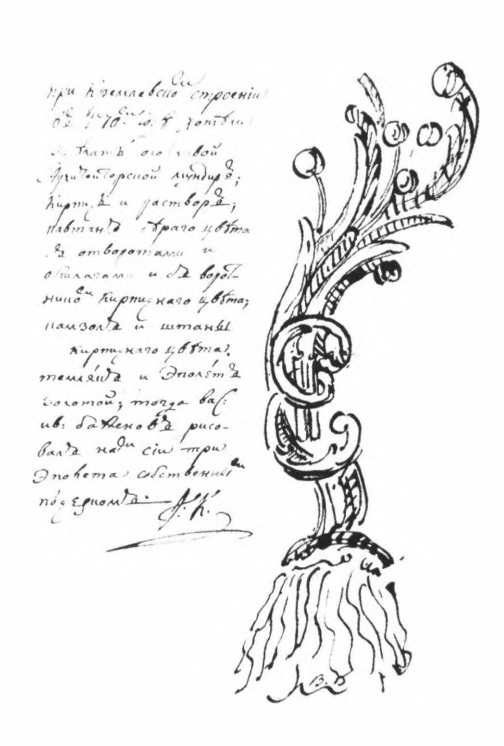

25. Эскиз эполета для мундиров «архитекторской команды» при Кремлевском строении. 1770. Комментарий — рукой Ф.В.Каржавина

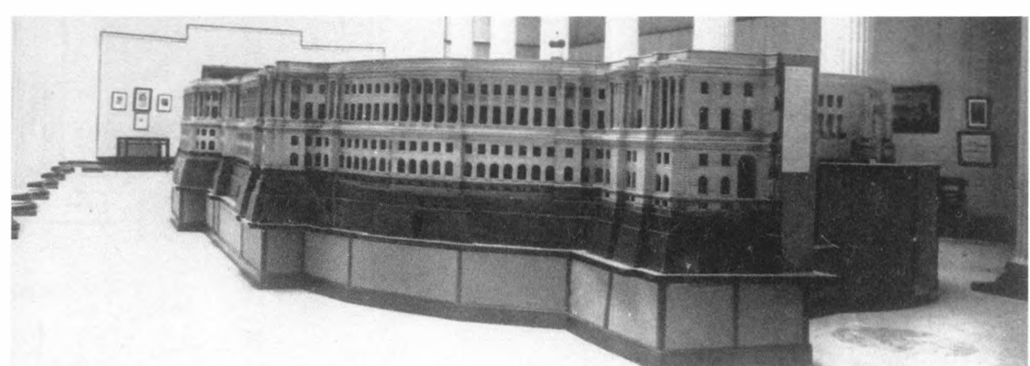
26. Памятная медаль в честь закладки Кремлевского дворца. Медальер Тимофей Иванов (по эскизу В.И.Баженова?). 1773

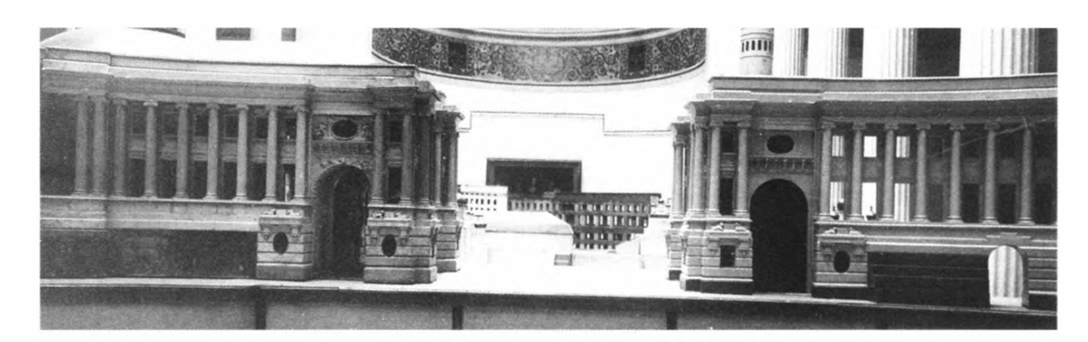
27–35. Модель Кремлевского дворца

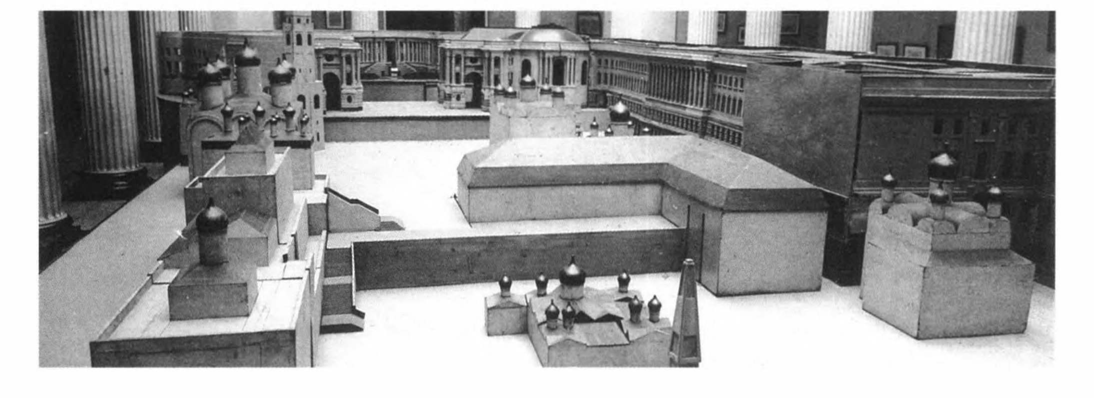
27. Общий вид с юго-восточного угла

28. Вид от овальной площади

29. Общий вид со стороны двора

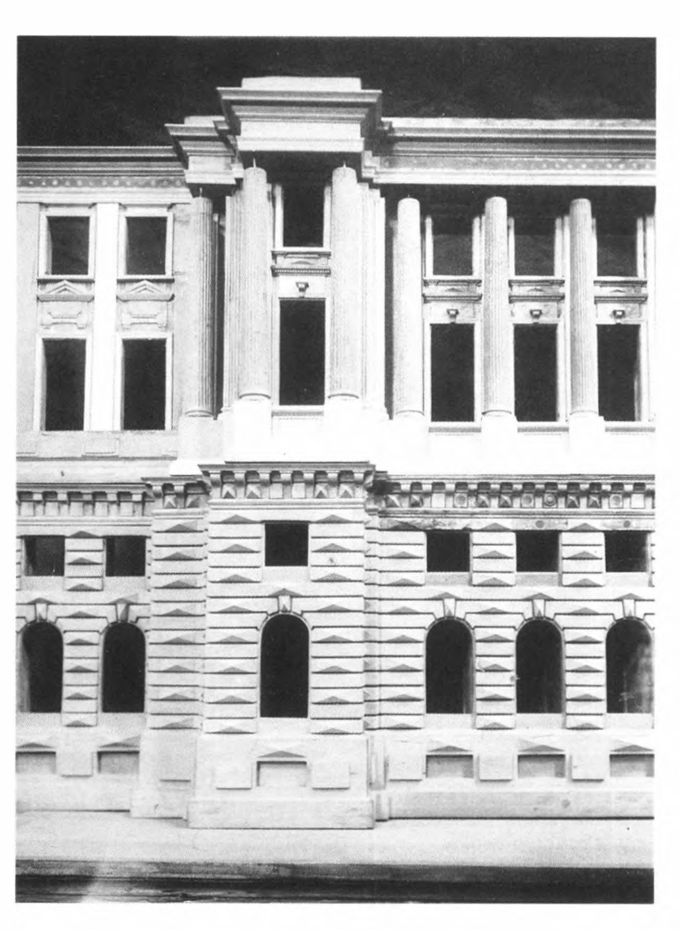

30. Первоначальный вариант. 1769—1773. Фасад. Фрагмент центральной части, выходящей на Москву-реку

31. Фрагмент дворового фасада

32. Модель Кремлевского дворца. Второй вариант. Фрагмент главного фасада

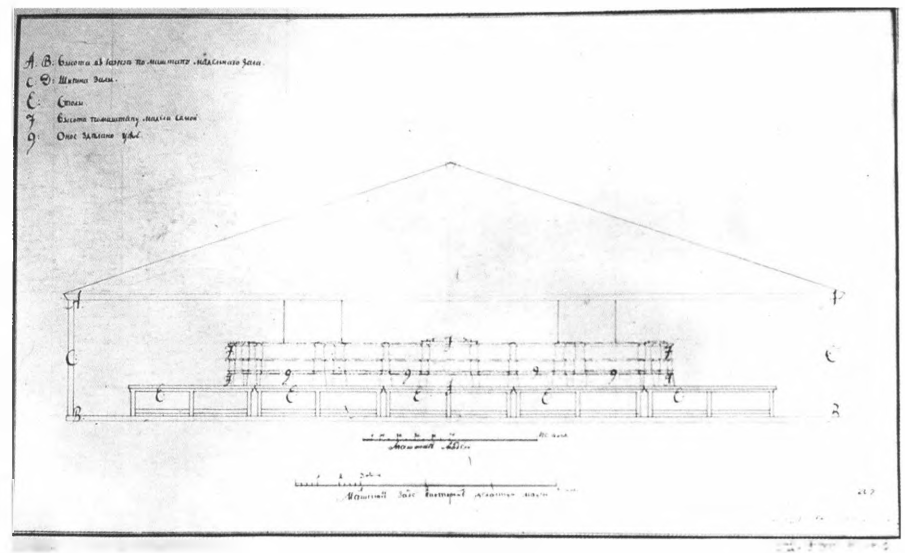
33. Второй вариант. Фрагмент дворового фасада

34. Первый вариант. Интерьер аванзала

35. Первый вариант. Интерьер центрального зала

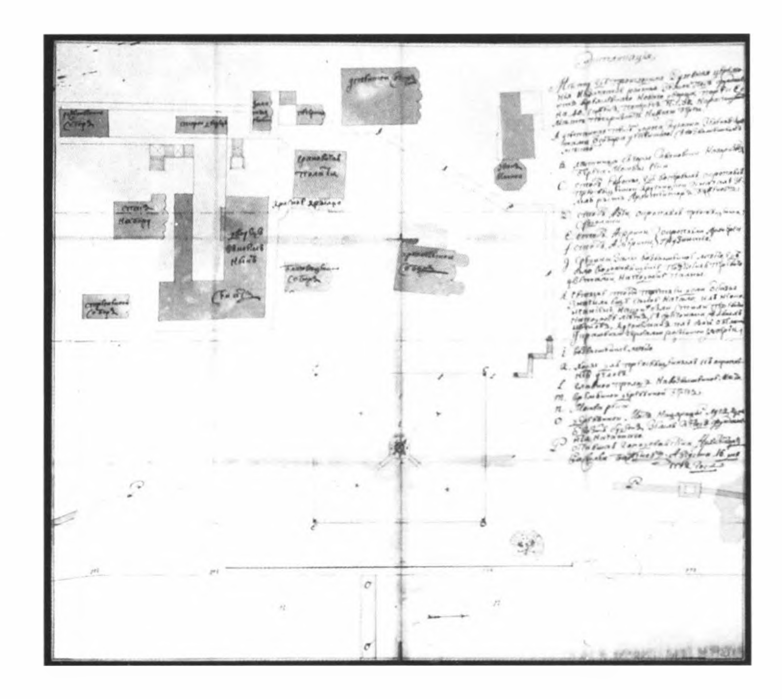
36. Модельный дом. (Осуществленный вариант). План зала. 1770. Чертеж подписан Баженовым

37. Разрез зала для модели дворца в Модельном доме в Кремле. 1770

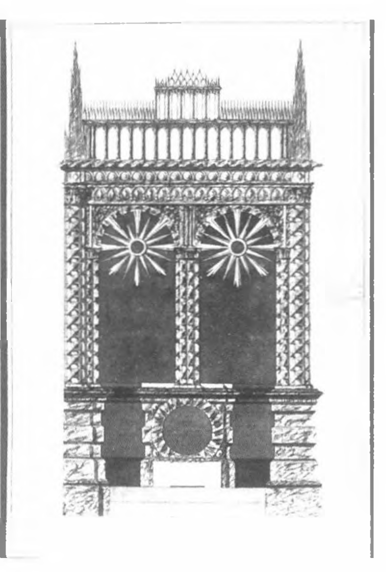
38. План декоративных сооружений в Кремле, возведенных к торжественной церемонии начала земляных работ. 1772

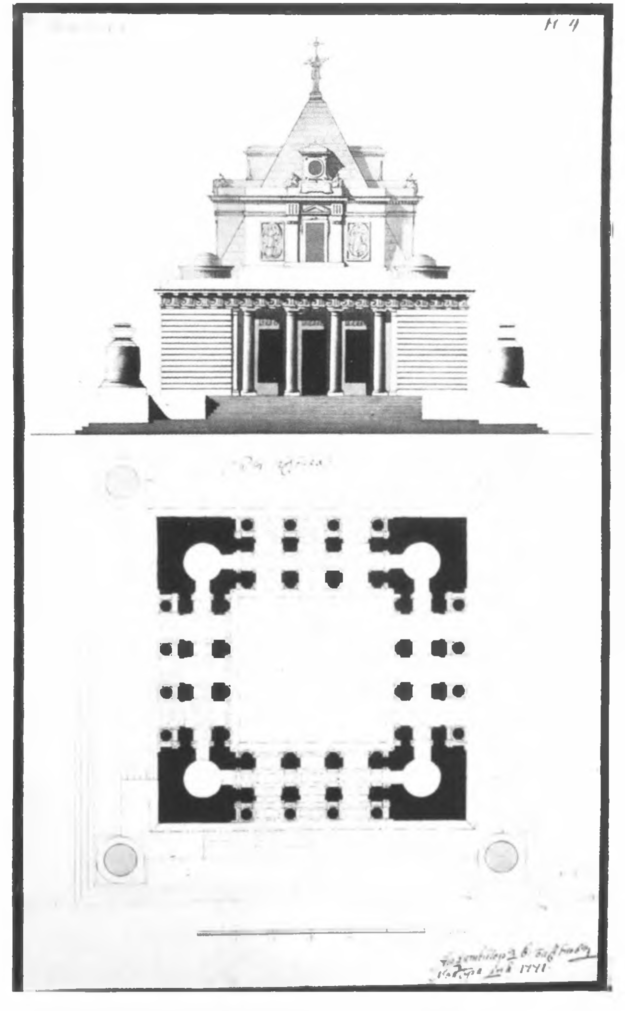
39. Подготовка к торжественной закладке Большого Кремлевского дворца. Рисунок М.Ф.Казакова. 1773

НАЧАТЪ НА МЫСТИ СЕМЪ ЕКАТЕРИНИНЪ ДОМЪ, КОГДА ОНЪ СИЛОЮ ВЕСЬ ВОЗДУХЪ ПРОНИЦАЕТЪ:
КОТОРОЙ ИМЯ ДНЕСЬ НА СВѢТѢ ЯКО ГРОМЪ, ВСЕЛЕННА ВСЯ СЯ КОРОНУ ВОСКЛИЦАЕТЪ.

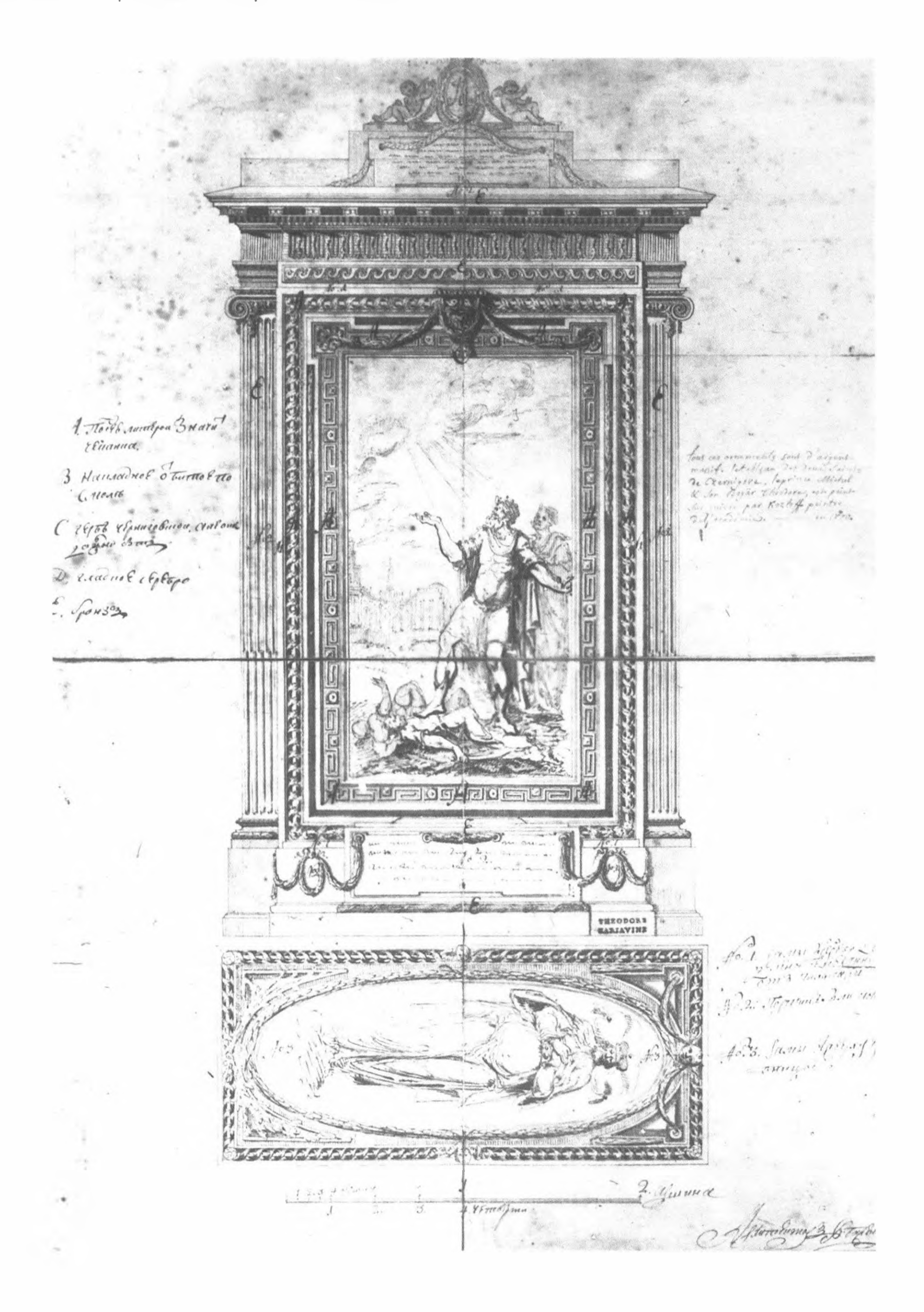

40. Аллегорическое панно к церемонии закладки Кремлевского дворца. Выполнен Н.Т.Некрасовым по эскизу Баженова

41. План и фасад мавзолея (?) (так называемого «Храма-памятника»). 1771

42. Проект сени над мощами Ионы Митрополита в Успенском соборе Московского Кремля. 1773. Фасад

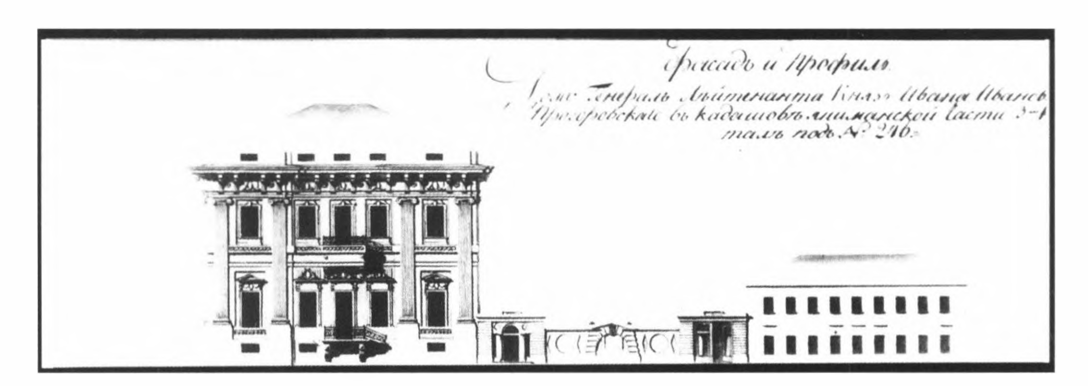
43. Проект раки для мощей Михаила Черниговского в Архангельском соборе Московского Кремля. 1769–1770

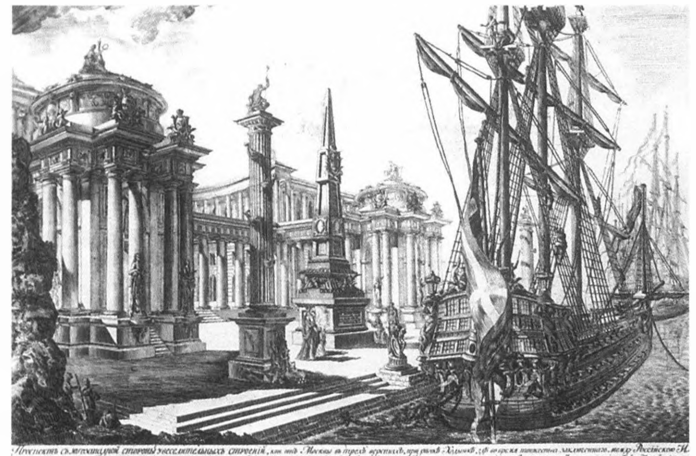

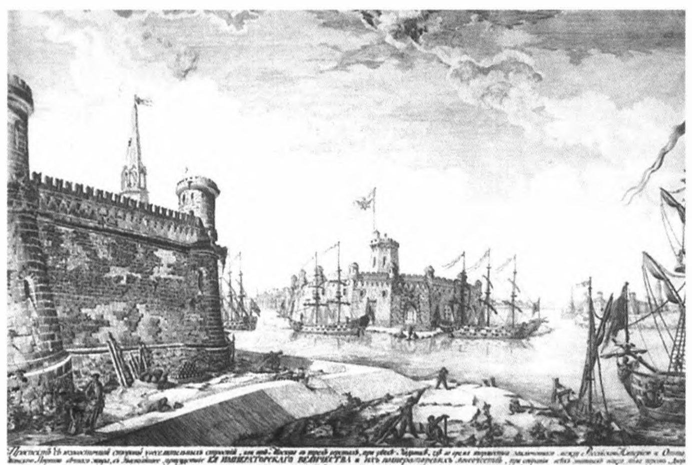
44. Дом аптекаря И.М.Вольфа (позднее — князя И.И.Прозоровского) на Большой Полянке. 1773. Фасад

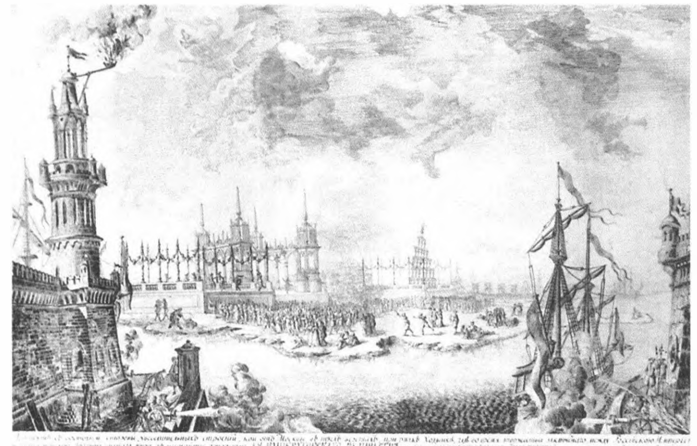
45. Увеселительные строения на Ходынском поле к празднованию мира России с Турцией. 1775. Архитекторы В.И.Баженов и М.Ф.Казаков. Анонимная гравюра. Фрагмент

46–48. Увеселительные строения на Ходынском поле к празднованию мира России с Турцией. 1775. Архитекторы В.И.Баженов и М.Ф.Казаков. Рисунки М.Ф.Казакова

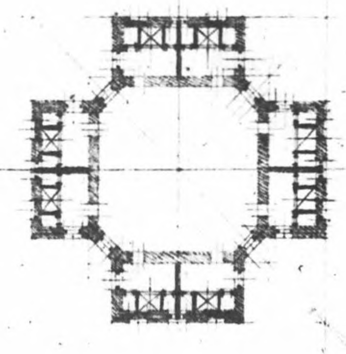

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Архитектор
Василий Баженов
Декабря 2 дня
1776 года
Село Царицыно

49–56. Усадьба Царицыно. 1775–1785

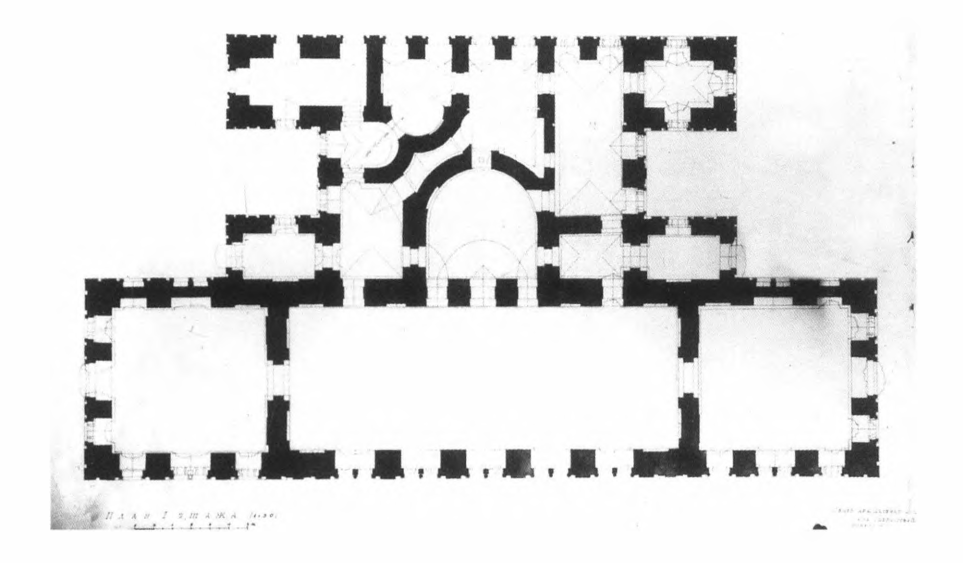
49. Фрагмент «Генерального фасада» (панорамы) с изображением Фигурных ворот, подписью Баженова и датой. Декабрь 1776 года

50. Эскизный план неосуществленного павильона

51. Оперный дом. Детали декора. Фотосъемка Ю.Я.Герчука. 1950-х годов

52. План так называемого Оперного дома. Обмер

53. Полуциркульный дворец. Деталь декора. Фотосъемка Ю.Я.Герчука 1950-х годов

54. Оперный дом. Детали декора. Фотосъемка Ю.Я.Герчука 1950-х годов

55. Детали декора. Фотосъемка Ю.Я.Герчука 1950-х годов

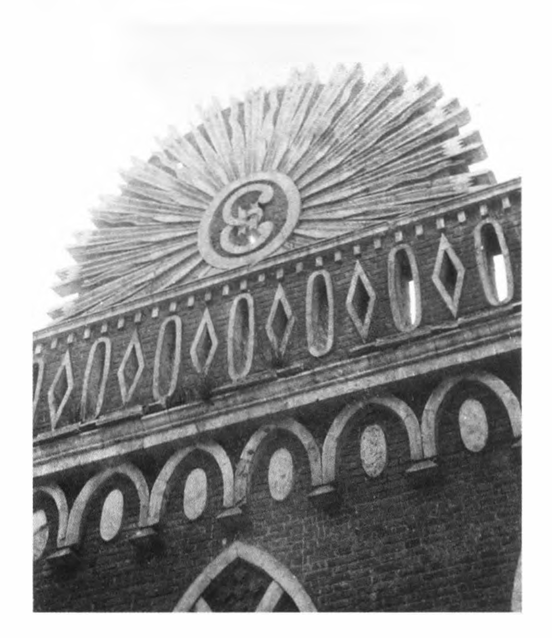
56. Столб ворот у Полуциркульного павильона. Не сохранился. Фотосъемка Ю.Я.Герчука 1950-х годов

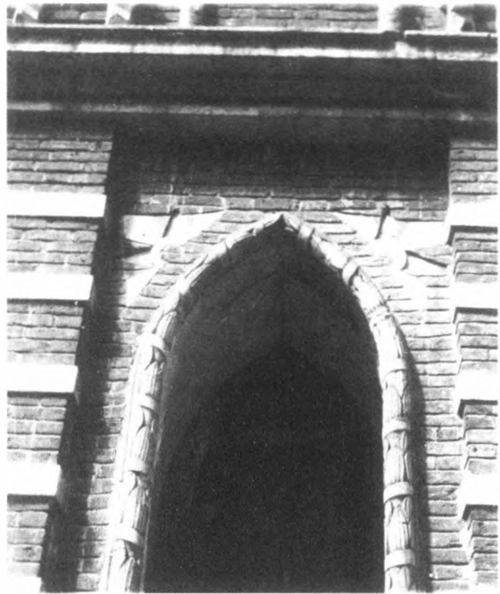
57–62. Проект Павловской больницы. Май – июнь 1784 года

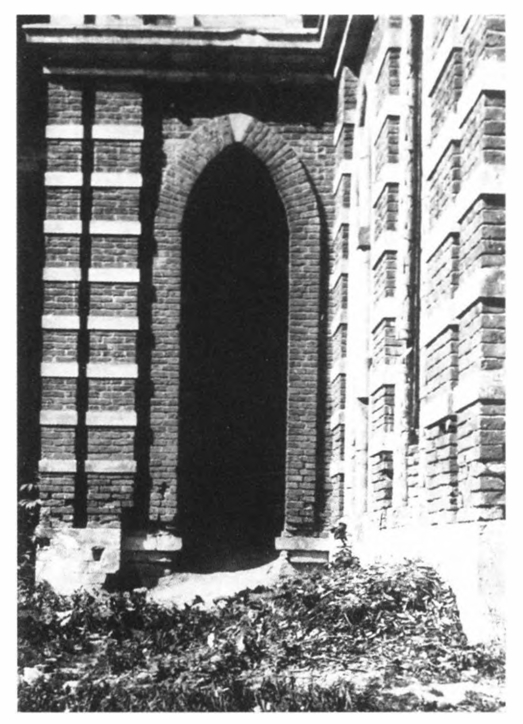
57. Генеральный план. Май 1784 года

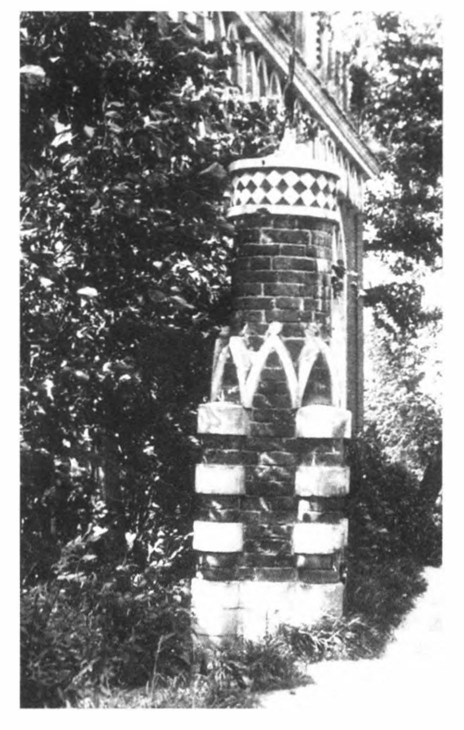
58. Первоначальный проект. Фасад

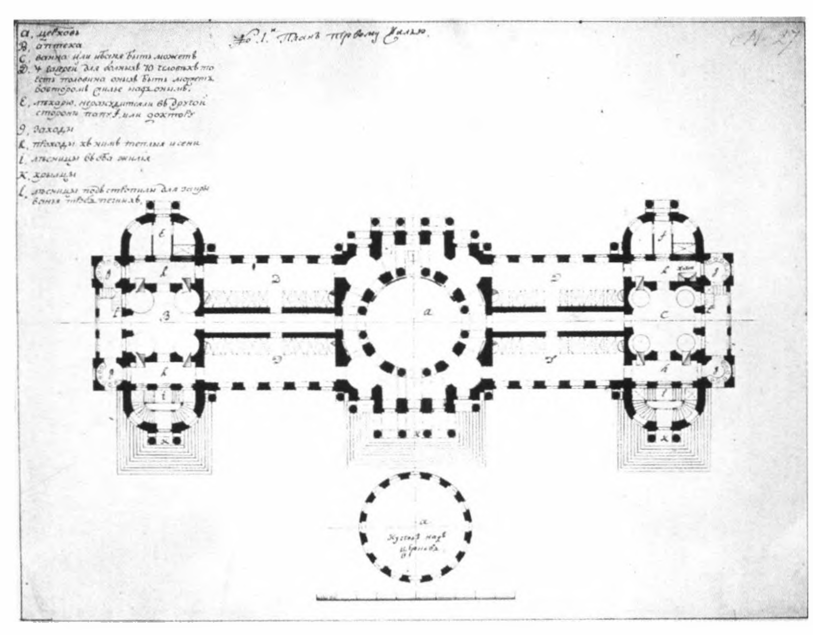
59. Первый вариант. План

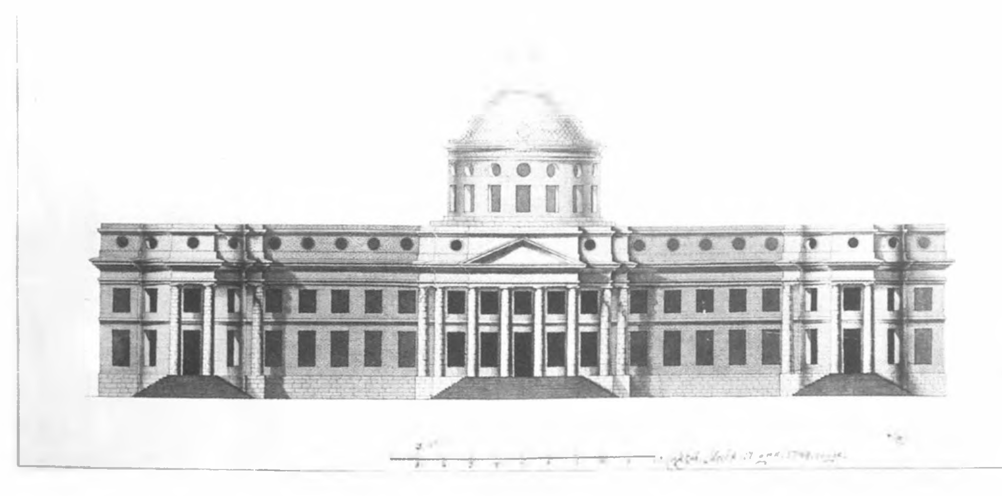

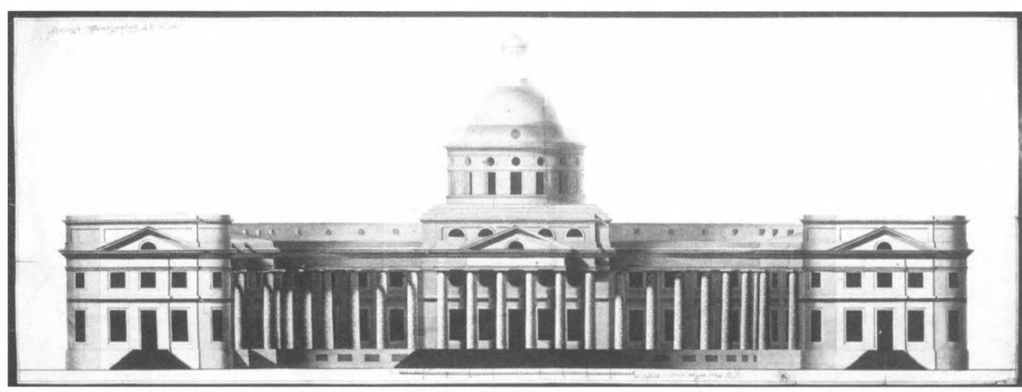

a. церковь
в. аптека
с. ванна или мыльня быть может
9. заходы
к. крыльцы
№ 1. План первому жилью
N-27

60. Первый вариант. Фасад. 17 июня 1784 года

61. Третий вариант (утвержденный). Фасад. 30 мая 1784 года

62. Третий вариант (утвержденный). План

63–65. Дом П.Е.Пашкова. 1784–1786

63. Фрагмент декора. Капитель пилястра

64. Фрагмент декора. Наличник

65. Фрагмент декора

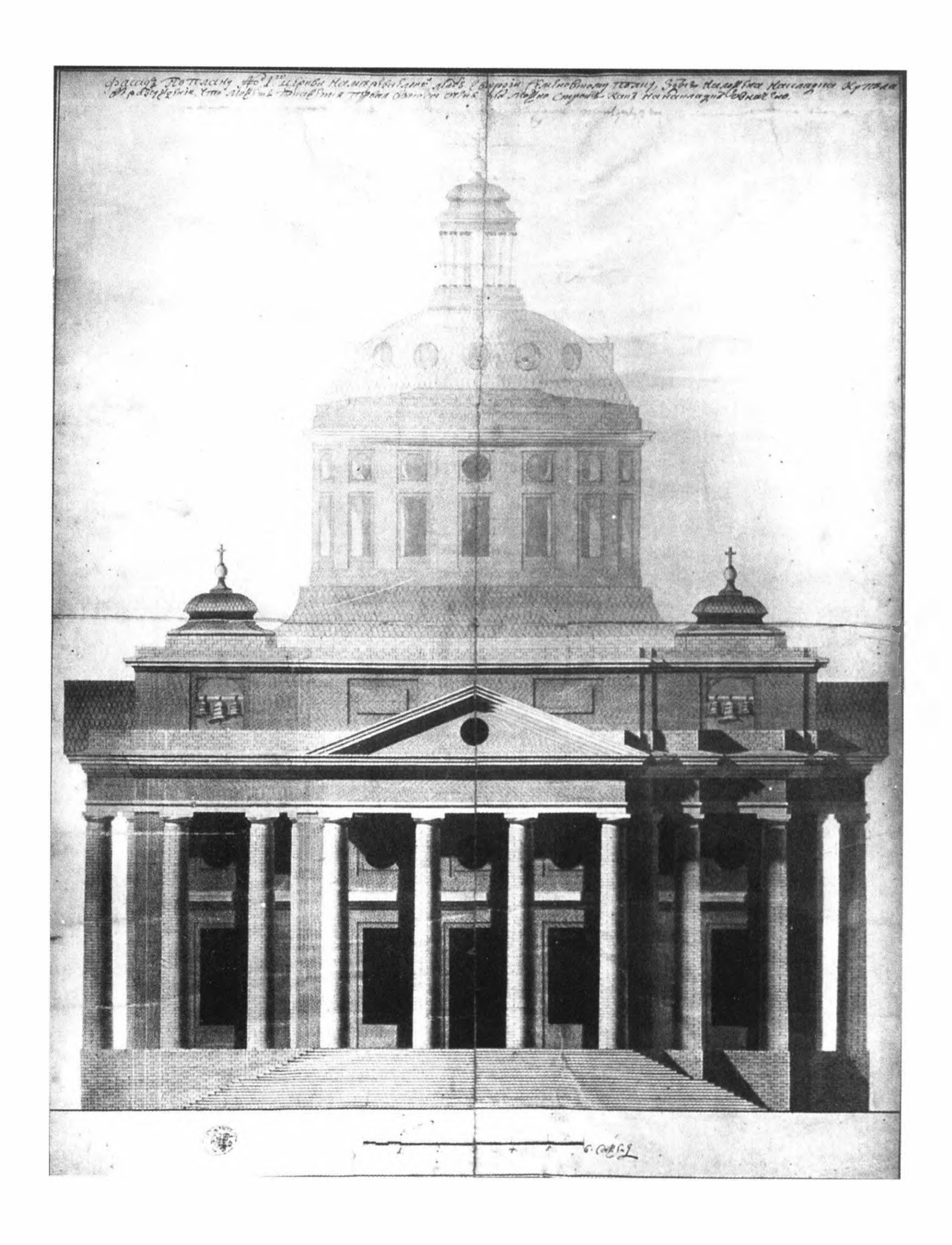

66. Проект церкви Семеновского полка в Петербурге. 1797

СОДЕРЖАНИЕ

Баженов Василий Иванович

Б 16 Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы / Сост. Ю.Я.Герчук; Вступ. ст. и примеч. Ю.Я.Герчука. — М.: Изд. дом «Искусство», 2001. — 304 с.: 16 л. ил.; 17х24 см. — («Мир художника»).

ISBN 5-85200-325-5

В настоящем издании впервые собраны воедино основные биографические и творческие документы великого русского архитектора В.И.Баженова. Большинство текстов публикуется в полном объеме, многие появляются здесь впервые, раскрывая неизвестные прежде страницы жизни и деятельности мастера. В совокупности эти подробно комментированные материалы дают широкую и конкретную картину художественных взглядов и творческого метода В.И.Баженова, демонстрируют его взгляды на организацию проектирования и строительства, архитектурного и художественного образования. Документы содержат авторские характеристики крупнейших архитектурных замыслов мастера, в том числе — не дошедших до нас в графической форме. Несмотря на сугубо деловой характер почти всех сохранившихся документов они ярко характеризуют личность архитектора, проникнуты его страстным темпераментом, содержат живые автохарактеристики и рисуют его взаимоотношения с заказчиками, коллегами, учениками.

УДК 72
ББК 85.113(2)1

ВАСИЛИЙ
ИВАНОВИЧ
БАЖЕНОВ

Составитель,
автор вступительной статьи
и примечаний
ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГЕРЧУК

Редактор
Т.И.ВОЛОДИНА

Макет
Л.А.ИВАНОВОЙ

Художественное оформление
Е.Е.СМИРНОВА

Технические редакторы
Н.В.МОРОЗОВА,
И.Э.ОРЛОВСКАЯ

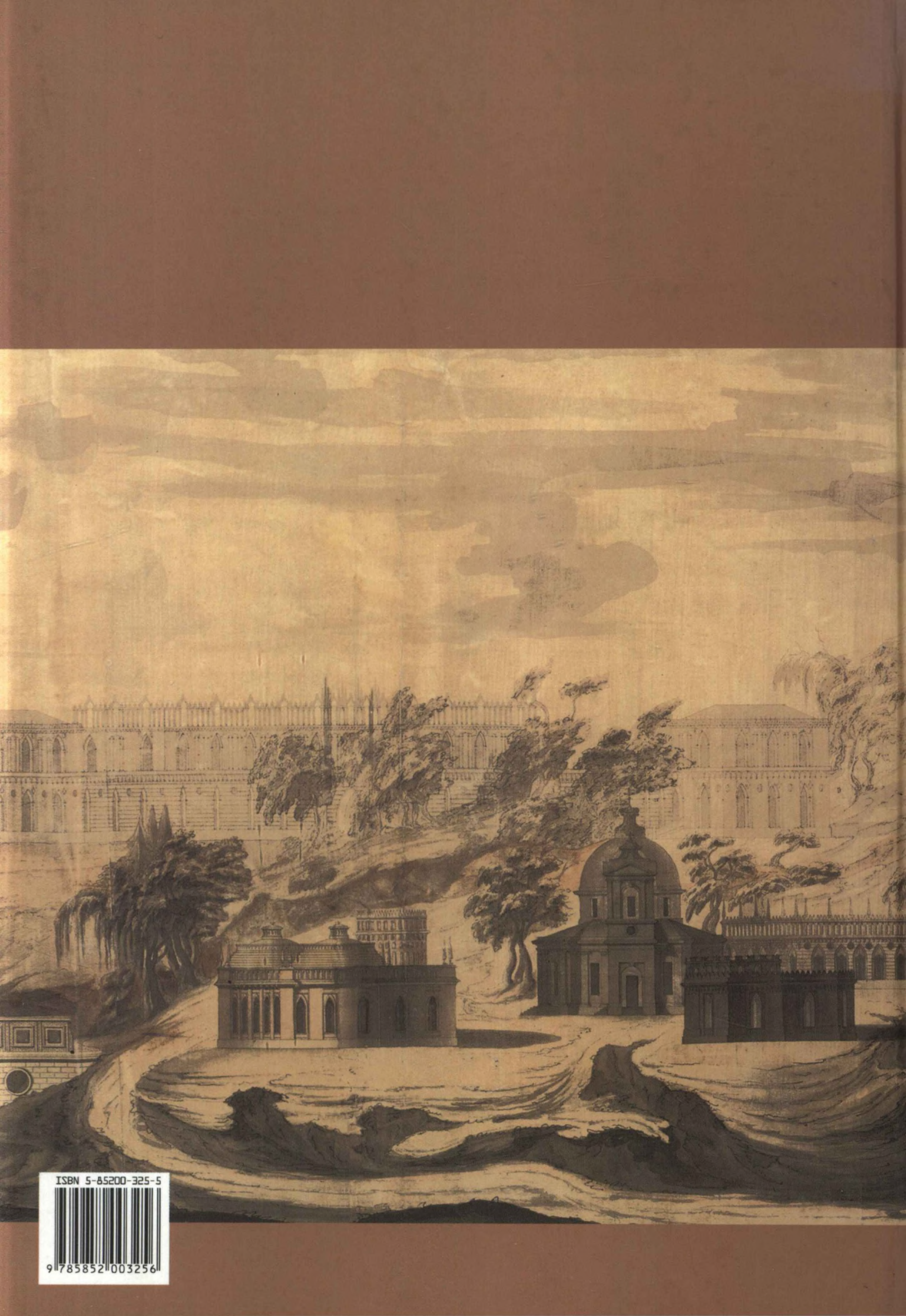
Компьютерная верстка
И.Э.ОРЛОВСКАЯ

Корректоры
Ю.А.ЕВСТРАТОВА,
Н.А.МЕДВЕДЕВА

Сдано в набор 01.03.01. Подписано в печать 03.10.01. Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,3. Изд. № 54. Тираж 2000. ОК-005-93, том 2:953000. Заказ 1991

Издательский дом «Искусство». 103009 Москва, Малый Кисловский пер., 3. Тел./факс (095)281-53-81. E-mail: id_iskusstvo@mail.ru.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости». 107005 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

ISBN 5-85200-325-5
9 785852 003256